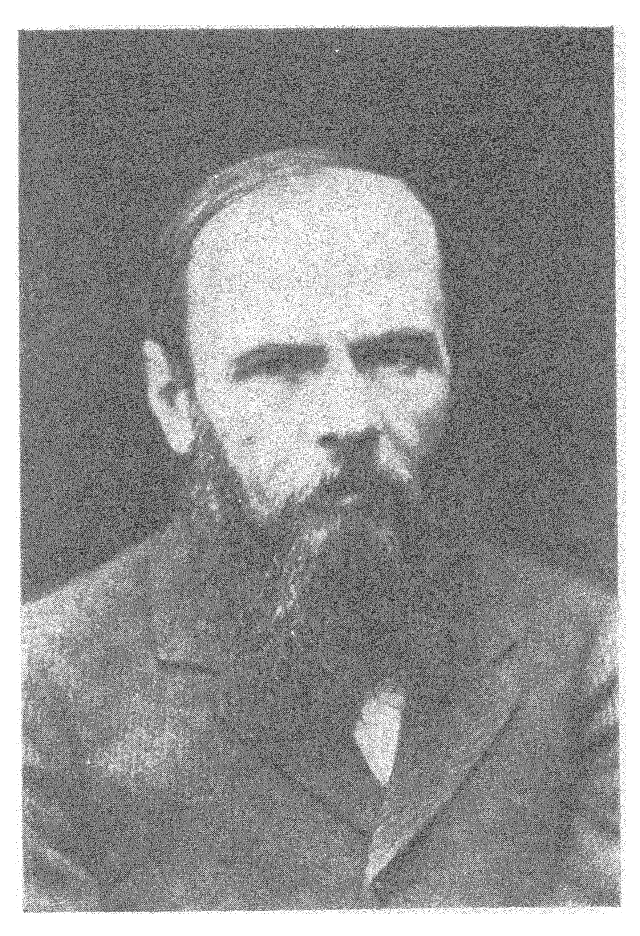
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

26

Ф. М. Достоевский.
Фотография М. М. Панова. 9 июня 1880 г. Москва.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

***

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА

ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1984

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

1877

СЕНТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

1880

АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • ЛЕНИНГРАД
1984

Д $\frac{4702010100\text{-}520}{042\,(02)\text{-}84}$ Подписное

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Ежемесячное издание

Год II

1877

СЕНТЯБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. НЕСЧАСТЛИВЦЫ И НЕУДАЧНИКИ

Трудно представить себе более несчастных людей, как французские республиканцы и их французская республика. Вот уже скоро сто лет тому, как в первый раз появилось на свет это учреждение, и с тех пор каждый раз (теперь уже в третий), когда ловкие узурпаторы конфисковали республику в свою пользу, никто-то не вставал серьезно ее защищать, кроме какой-нибудь кучки. Всенародной сильной поддержки ни в один раз не было. Да и в те сроки, когда приходилось ей существовать, редко кто ее считал за дело окончательное, а не переходное. Тем не менее нет людей, более убежденных в сочувствии к ним страны, как французские республиканцы.

Впрочем, в первые две попытки создать во Франции республику, в прошлом столетии и в 1848 году, всё же могли быть, особенно в начале попыток, некоторые основания у тогдашних республиканцев рассчитывать на сочувствие к ним страны. Но у нынешних, у теперешних республиканцев, — вот тех самых, которых в самом скором времени предназначено конфисковать, вместе с их республикой, кому-то в свою пользу, казалось бы, не могло быть никаких уже надежд на твердую будущность, даже и в случае некоторого сочувствия к ним страны (очень, впрочем, нетвердого, так как и существуют-то они теперь лишь отрицательно, по пословице: на безрыбье и рак рыба). А между тем, накануне почти верного своего паденья, они убеждены в полной победе. И однако, что это за несчастные были люди и что за несчастная была эта последняя третья республика, которую хоть и признал покойник Тьер, но именно как рака на безрыбье! Вспомним только, как явилась эта третья республика на свет. Почти двадцать лет эти республиканцы ждали «славной» минуты, когда рухнет узурпатор и когда их опять «позовет страна». И что же случилось: захватив

власть после Седана, эти неудачники принуждены были взвалить себе на плечи страшную войну, которой не хотели, но которою наградил их тот же узурпатор, уезжая курить свои папироски в прелестный замок Вильгельмсгеге. И если злился на них этот коварный узурпатор, гуляя по аллеям садов немецкого замка, за то, что они захватили опять его власть, то наверно и усмехался про себя, минутами, ехидной усмешкою, при мысли о том, как отомстил он им, свалив на их слабые плечи свою вину. Потому что, как бы там ни было, а все-таки Франция обвиняла потом скорее их, чем его,— по крайней мере, более их, чем его, — в том, что они продолжали безнадежную войну, не сумели замирить тотчас же как приняли власть, отдали две большие провинции, три миллиарда, разорили страну, сражались неумело, распоряжались на авось, беспорядочно и без контроля, в чем до сих пор обвиняют бывшего тогдашнего диктатора Гамбетту, ни в чем, однако, не виноватого, а, напротив, сделавшего всё, что только можно было сделать при страшных тогдашних обстоятельствах. Одним словом, это обвинение в неумелости республиканцев и в загублении ими страны держалось и держится даже теперь очень серьезно и твердо. Пусть все понимают, что первая причина беды был император Наполеон, «но они-то, дескать, зачем не сумели поправить дела, если взялись за него? Мало того — испортили его как нельзя вообразить хуже» — вот обвинение! Мало того: рядом с обвинением пало на них даже что-то презрительное и смешное при мысли, в какой просак попались они в самом начале, как захватили власть, и, однако, что другое они могли тогда сделать? Не принять этой войны, замирить с самого начала по принятии ими власти после Седана, было совсем невозможно: немцы и тогда потребовали бы уступки территории и денег, и что же бы сталось с республиканцами, если б они замирили на таких условиях? Их прямо обвинили бы в малодушии, в бесславии страны, в том, что они, «имея еще армию», не сопротивлялись, а позорно сдались. Хорошо было бы клеймо на их новой республике! А так как для них республика и ее восстановление во Франции были гораздо дороже спасения страны, составляли всё, то они и принуждены были воевать, почти явно предчувствуя, что придут еще к большему позору в конце войны. Значит, и спереди был позор, и сзади стоял позор — положение не только несчастное, не только трагическое, но в некотором отношении даже и комическое, ибо не в таком совсем виде воображали они воцариться после «тирана»!

Этот комизм усугубился еще более тем, что воцарились они все-таки с самым легким сердцем, несмотря ни на что, то есть не то чтоб они не горевали о Франции — о, между ними есть превосходные люди по чувствам и даже истинные слуги отечества, в том случае, если оно будет называться республикой. Даже, может быть, есть и такие, один или другой, которые даже республику готовы поставить на второй план, была бы лишь счастлива Франция (хотя вряд ли, впрочем, такие есть, именно разве один

или другой, а не больше). Но дело в том, что все-таки они, чуть лишь замирили с немцами и расположились править страной уже на покое, как тотчас же вообразили себе, что страна в них влюбилась бесповоротно и что это по крайней мере. Вот что было комично! Решительно у всякого французского республиканца есть роковое и губящее его убеждение, что достаточно только одного слова «республика», достаточно лишь только назвать страну республикой, как тотчас же она станет навеки счастливою. Все неудачи республики они всегда приписывают лишь внешним мешающим обстоятельствам, существованию узурпаторов, злых людей, и ни разу не подумали о невероятной слабости тех корней, которыми скрепляется республика с почвой Франции и которые в целые сто лет не могли окрепнуть и проникнуть в нее глубже. Сверх того, республиканцы ни разу еще в эти шесть лет не подумали, что комическое положение их, унаследованное ими после Наполеона III, всё еще продолжается и теперь и что если прошла старая беда, то близится новая, подобная старой, которая непременно поставит их уже в *самое* комическое положение, в такое, при котором они уже и держаться во Франции будут не в состоянии, и это в самом ближайшем, может быть, будущем. Этот грядущий комизм состоит в том, что эта будущая беда, всё так же, как и прежняя, заключается в исполнении ими высокого долга службы отечеству *сознательно* ему на пагубу, кроме того, всё так же, как и прежняя, совершенно неотразима и составляет почти точь-в-точь такой же просак, в какой они попались и в 1871 году, и, наконец, к довершению досады — всё так же, как и прежняя беда, досталась им по наследству всё от того же Наполеона III, которого они так ненавидят и которого память так проклинают. В самом деле: кто теперь самый ревностный последователь французской республики и самый сочувствующий учреждению ее человек в целом мире? Бесспорно, князь Бисмарк. До тех пор, пока существует во Франции республика, невозможна война «возмездия». Вообразить только, что республиканцы могли бы решиться вновь объявить войну немцам! Князь Бисмарк это понимает. А между тем ясно как день, что огромный, сорокамиллионный организм Франции не может оставаться вечно в постыдной опеке Германии. Язвы залечатся, потрясение забудется, прибудут новые силы, нарастет здоровье, создадутся средства, войска, — и может ли страна, которая столь долго первенствовала между нациями политически, — не захотеть опять прежней роли, прежнего положения в Европе? Эта минута, может быть, теперь уже вовсе не далека; избыток внутренних сил должен непременно стремить ее вырваться из опеки Бисмарка и возвратить себе всю прежнюю *независимость* (теперь еще Францию никак нельзя назвать независимою). И вот вся Франция, с первого нового шагу своего, натолкнулась бы лбом на свою республику. Опять-таки повторю: вообразить только, что теперешние республиканцы могли бы захотеть в чем-нибудь сгрубить князю Бисмарку, и

до того, чтоб даже рискнуть на войну с ним? Во-первых, кто за ними и пойдет-то, если б даже сама Франция хотела войны, а во-вторых, неизбежно представляющееся соображение: ну что если немцы их опять разобьют? Ведь тогда уже конец республики во Франции окончательный, потому что их же и обвинит Франция за неуспех и навеки уже прогонит, забыв, что сама же захотела «возмездия» и первенствующего прежнего положения. . . А скрепись республиканцы, не слушай новых голосов и криков, не объявляй войну, — это значило бы идти против стремления страны, и тогда страна опять-таки сместила бы их и отдалась бы первому явившемуся ловкому предводителю. Одним словом, и сзади Седан и впереди Седан! Между тем они наверно об этом совсем еще не начинали думать, несмотря на то, что новый порыв страны, может быть, очень близок. Никогда не думали и о том, что в сущности они не более как «протеже» князя Бисмарка и что Франция с каждым годом ведь должна понимать это всё более и более, и именно по мере восстановления и нарастания сил своих, а стало быть, и презирала бы их всё более и более, сначала про себя и не столь отчетливо, а потом гораздо отчетливее и, наконец, уже вслух, а не про себя только.

Но комического вида республиканцы не признают. Это люди патетические. Напротив, именно теперь они ободрились, после того как Мак-Магон, президент «республики», прогнал их с места и запер до новых, октябрьских выборов палату. Теперь они «угнетенные», а потому и чувствуют себя в ореоле; они ждут, что вся Франция вдруг запоет марсельезу и закричит: «On assassine nos frères» (убивают братий наших!) — известный крик всех прежде бывших парижских уличных революций, после которого толпы бросались обыкновенно строить баррикады. Во всяком случае они ждут «законности», то есть что страна, в негодовании на маршала Мак-Магона, наклевывающегося будущего узурпатора, выберет вновь в палату всё прежнее республиканское большинство да еще сверх того прибавит новых республиканских депутатов, и тогда вновь собравшаяся палата скажет строгое veto маршалу, и тот, испугавшись законности, подожмет хвост и стушуется. В силе этой «законности» они непоколебимо уверены, — и не по скудости способностей, а потому, что эти добрые люди слишком уж люди своей партии, слишком долго тянули всё одну и ту же канитель и слишком долго просидели в одном углу. Они слишком долго страдали за возлюбленную свою республику, а потому и уверены в возмездии. К удивлению, и у нас в России многие наши газеты верят в их близкое торжество и в неминуемую победу их «законности». Но чем обеспечена эта законность, если Мак-Магон не удостоит ей подчиниться, о чем и объявил уже стране в удивительном своем манифесте. Негодованием, гневом страны? Но маршал тотчас же найдет многочисленнейших последователей в этой же самой стране, как и всегда это бывало в подобных случаях во Франции. Что же тогда делать? Баррикады строить? Но при

нынешнем ружье и при нынешней артиллерии прежние баррикады невозможны. Да Франция и не захочет их строить, если б даже и действительно она хотела республики. Утомленная и измученная столетней политической неурядицей, она самым прозаическим образом рассчитает, где сила, и силе покорится. Сила теперь в *легионах*, и страна предчувствует это. Весь вопрос, стало быть, в том: за кого легионы?

II. ЛЮБОПЫТНЫЙ ХАРАКТЕР

Об легионах, как об новой силе, грядущей занять свое место в европейской цивилизации, я уже писал в май-июньском дневнике моем, то есть задолго до манифеста маршала-президента, — и вот всё так и случилось, как мне тогда показалось. В этом удивившем всех манифесте маршал хоть и обещает следовать законности, обещает мир и проч., но тут же, сейчас же, прямо говорит, что если страна не согласится с его мнением и пришлет ему с предстоящих выборов прежнее республиканское большинство, то и он в свою очередь принужден будет не согласиться с мнением страны и не подчиниться ее выборам. Такой удивительный поступок маршала должен же чем-нибудь мотивироваться. Не мог бы он говорить таким языком и тоном с страной (Франция не деревня какая-нибудь), если б не был твердо уверен в силе и успехе. А потому ясно уже теперь, что вся его надежда на армию, в которой он совершенно уверен. И действительно, во время летних путешествий по Франции маршала, его во многих, слишком, кажется, во многих городах и провинциях встречали довольно двусмысленно, но армия и флот обнаружили везде совершенную преданность и приветствовали маршала сочувственными криками. Сомнения нет, что в добрых и даже, так сказать, неповинных чувствах маршала нельзя сомневаться. Если он и поступил так не по обычаю, прямо объявив вперед, что не послушается законного мнения страны, если та сама его не послушается, то, конечно, лишь потому, что он желает, по-своему, принесть стране благоденствие и уверен в том, что принесет его. Итак, не в нравственных качествах маршала надобно сомневаться, а в некоторых разве других. . . И действительно, маршал, кажется, один из таких характеров, которые не могут не быть в чьей-нибудь опеке, и с этой стороны характер этот представляет собою некоторые замечательные особенности. Вопрос, например: для кого он теперь работает? Для кого так старается и для кого так рискует? Сомнения нет, что он кругом в опеке, а между тем я уверен в том (впрочем, это все-таки личное мое мнение), что лишь один он, во всей Европе, даже до сих пор совершенно убежден, что он ровно ни в чьей опеке не состоит, а действует сам по себе. Ловкие люди, овладевшие им, вероятно, и поддерживают в нем сами это убеждение до времени и поддакивают ему изо всех сил, между тем направляя его беспо-

воротно куда им угодно. Всё это, конечно, потому, что они отлично знают свойства подобных характеров и их самолюбий. Но таких ловких людей можно найти только в одной партии, правда, в огромнейшей и в сильнейшей, — в клерикальной. Остальные все политические партии во Франции не отличаются ловкостью. В самом деле, вопрос: если маршал в опеке, то в чьей? Вот теперь совершенно известно, что бонапартисты ужасно заволновались, что кандидатов они выставили множество, что сам маршал покровительствует их кандидатам, что в победе на выборах они уверены, уверены и в армии, что императорский принц уже переехал на континент, говорили даже, что поедет в Париж. Но неужели, однако же, поверить, что маршал Мак-Магон, столь уверенный в себе президент «республики», берет на себя такую обузу хлопот и опасностей единственно, чтоб воцарить императорского принца? Мне кажется (и опять-таки это совершенно личное мое мнение), мне кажется, что нет. Разве, впрочем, есть там совершенно особые какие-нибудь комбинации, — например, какой-то слух, пронесшийся по газетам, с месяц назад, что императорский принц будто бы помолвлен с дочерью маршала и проч. Но если нет таких особенных секретных комбинаций, если особенных соглашений и договоров еще не существует, то мне кажется, что маршал наклонен скорее осчастливить страну в *свою* пользу, чем в чью-нибудь; и если поддерживает бонапартистских кандидатов, то уверенный, что они все-таки всех надежнее, а что всех их потом он направит как ему угодно. Бог знает какие у подобного ума могли зародиться мысли. Недаром же один епископ, в приветственной речи маршалу, уже вывел ему, что он происходит по женской линии от Карла Великого. Одним словом, несколько лет президентства, может быть, действительно заронили в душу его некоторые раздражающие и фантастические впечатления. К тому же это и военный человек. Впрочем, все эти рассуждения лишь мечтательные попытки разъяснить загадочный характер. Истина же пока в том, что маршал в руках клерикалов и что они его направляют, хотя он и, без сомнения, думает, что это он их направляет и что они в руках его, а не он в их руках. Но они, конечно, уж не в его руках, и судьба Франции, в настоящий момент, решительно, кажется, зависит от них и *от них одних*. Сомнения нет, что всё еще продолжается страшная подземная интрига, и хотя вся Европа давно уже, и с самого начала, знала, что клерикалы в настоящем западноевропейском движении играют большую роль, но, кажется, те все-таки до сих пор скрывают и успели скрыть, *какого объема и какой силы эта их роль*, лавируют и прячутся за других до времени, за маршала, например, за бонапартистов, и так продолжится дело до тех пор, пока они не достигнут задуманной цели. В сущности им всё равно: маршал ли успеет или императорский принц. Симпатий личных у них нет и не должно быть. Для них лишь задача одна: чтоб Франция как можно скорее

обнажила свой меч и ринулась на Германию. И вот для этой-то цели они и раздавили республиканцев, неспособных стать за папу. Теперь же тихо и ловко выжидают: за кем будет больше шансов? Если действительно императорский принц представит им больше шансов в способности объявить войну, то, может быть, они и за него уцепятся и проведут его в Париж, уже не думая о Мак-Магоне. Но пока они, кажется, всё еще держатся маршала. Кстати, недавно еще, говорят, маршал, в разговоре, вслух упомянул: «Про меня распространяют, что я хочу уничтожить республиканские учреждения, и забывают, конечно, что я, принимая президентство республики, дал слово их сохранить». Слова эти могут подтвердить вполне догадку о нравственной невинности маршала, несмотря на все обвинения республиканцев. Как честному и военному человеку, ему, стало быть, дорого его честное слово, и, уж конечно, он ему не изменит. Но если он сохранит республику и в то же время прогонит республиканцев, то, значит, имеет в виду продолжать республику без республиканцев. Надо думать, что такова действительно политическая программа его и что его уверили, что она совершенно возможна. Эта программа, вместе с тезисом: J'y suis et j'y reste (сел и не сойду), составляет, очевидно, цикл всех его политических убеждений вплоть до 1880-го года, когда кончается срок его президентству, а стало быть, и честному слову его. Но тогда уже начнется мечта: «Благодарная страна, видя, что он оставляет президентство, предложит ему, за спасение ее от демагогов, другую новую должность, ну хоть Карла Великого, и тогда всё пойдет опять как по маслу». Само собою при этом, что движущие его хитрые люди, в том случае, если он в самом деле пожелает исполнить свое честное слово и сохранит республиканские учреждения, променяют его тотчас же на Бонапарта, если сохраненная республика, хотя бы и без республиканцев, помешала их дальнейшим планам. Ввиду того они, кажется, и склонили его, на всякий случай, поддерживать бонапартистские кандидатуры, уверив его, что это для него хорошо. Во всяком случае, он продолжает быть в такой твердой опеке, что уже из нее не выскочит. Одним словом, мир ожидают какие-то большие и совершенно новые события, предчувствуется появление легионов, огромное движение католичества. Здоровье папы, пишут, «удовлетворительно». Но беда, если смерть папы совпадет с выборами во Франции или произойдет вскоре после них. Тогда Восточный вопрос может разом переродиться во всеевропейский. . .

III. ТО ДА НЕ ТО. ССЫЛКА НА ТО, О ЧЕМ Я ПИСАЛ ЕЩЕ ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД

Я изложил эту мысль мою довольно подробно в летнем майиюньском «Дневнике» моем, но на главное место этой статьи моей, то есть что весь ключ теперешних и грядущих событий всей Ев-

ропы *лежит в католическом заговоре* и в предстоящем, несомненном и огромном движении католичества, совпадающем с чрезвычайно близкою, по всей вероятности, смертью папы и выбором папы нового, — на это главное место статьи моей, кажется, никто не обратил внимания, и статья прошла (в печати) бесследно.

Между тем теперь я еще сильнее и увереннее держусь того же мнения, чем два месяца назад. С тех пор было столько событий, подтвердивших мне мою догадку, что я уже не могу сомневаться теперь в ее справедливости. С тех пор и газеты, наши и иностранные, стали поговаривать как будто на эту же тему, но всё еще как бы не решаясь проговорить окончательный вывод. Вот что говорили недавно «Московские ведомости» в превосходной передовой статье своей («Московские ведомости» № 235). Они цитируют, между прочим, мнение корреспондентов английских газет:

«Корреспонденты английских газет пускаются в весьма откровенные объяснения. Ключ европейской политики, по их толкованию, в руках Германии, и Германия именно расположена еще тверже держаться России, чем прежде, по расчетам весьма понятным. Во-первых, в Берлине увидели, что неудачи русской стратегии оживили и ободрили Австрию, которая, как полагают, все еще питает некоторую досаду против Пруссии. Затем, главные враги Германии — Франция и католицизм, и обе эти силы всё свое сочувствие отдают на сторону Турции. В начале восточных замешательств Франция, правда, несколько кокетничала с Россией, но если тогда и было в стране некоторое сочувствие к нам, то оно теперь не только охладело, но совершенно повернулось на сторону турок. Что касается воинствующего католицизма, то он не только теперь, но и с самого начала решительно и со страстью, как всем известно, взял под свою защиту правоверную Турцию против схизматической России. Неприличие рьяных клерикалов дошло до того, что один из них отзывался с некоторою нежностью о Коране, так что даже ультрамонтанская „Germania“ нашла нужным умерить подобные выходки замечанием, что хотя и должно радоваться победам турок над ненавистными русскими, но неловко выражать прямо сочувствие исламу. Так как mot d'ordre[1] католицизма замечательно совпадает с переменой общественного мнения Франции в пользу турок и так как Австрия, тоже католическая, имеет интересы противные России, то в Берлине естественно опасаются возможности такой католической и антипрусской лиги, в которую могли бы потом быть привлечены ультрамонтанские и сепаратистские интересы южной Германии и „даже Англия“. Так толкуют английские корреспонденты, но несомненно, что Англии принадлежит главная роль в интригах.

Итак, мы по-прежнему остаемся наедине с Турцией».

Всё это превосходно, и, однако, всё еще это не то, не настоящее объясняющее и последнее слово, которое, к удивлению, никто как будто не хочет высказать, даже как будто еще и не предчувствует в надлежащей полноте. В этой статье заговорили, однако, уже и о *воинствующем католицизме*, и о значении католицизма в глазах Бисмарка, и о теперешнем влиянии его на Францию, и, наконец, даже *о лиге*, о том, что в Берлине *естественно опасаются возможности такой католической и антипрусской лиги, в которую могли бы потом быть привлечены ультрамонтанские*

---

[1] руководящая идея (*франц.*).

и сепаратистские интересы Южной Германии и «даже Англия». Но вот об лиге-то, об *заговоре*-то католическом я и говорил еще два месяца с лишком перед тем, как теперь заговорили, но я сказал тогда и последнее заключительное слово мое, то есть что в заговоре-то этом всё дело и заключается, что от него теперь всё в Европе и зависит и что даже самая Восточная война может в самом скором времени обратиться в всеевропейскую, единственно вследствие этого огромного заговора умирающего римского католичества. Между тем в этих «мнениях корреспондентов» и во всей превосходной статье «Московских ведомостей» всё еще как будто не хотят допустить эту мысль и даже вместо того утверждают, что «Англии, несомненно, принадлежит главная роль в интригах» и что мы «*по-прежнему остаемся наедине с Турцией*». Но так ли это? Наедине ли? Не предстоит ли, напротив, в самом ближайшем будущем, что мы вдруг очутимся не наедине с Турцией, а наедине со всей Европой.

В самом деле, что же такое этот «воинствующий католицизм», который начали уже замечать и признавать все в настоящих событиях, откуда такая воинственность, и даже «до страсти», с которою католицизм взял под свою «защиту» правоверную Турцию против схизматической России? Неужто всё из-за того только, «что Россия страна схизматическая»? Католичеству в настоящее время столько хлопот и насущных забот, что обо всех этих древних церковных препираниях ему некогда бы и думать. А главное, откуда эта «лига католическая», которой так боятся в Берлине? Вот об этом-то обо всем я и распространился два с лишком месяца назад, желая объяснить это. И вывод мой был тот, что эта лига, которую теперь уже признают и другие, есть твердый и строго организованный католический *заговор* в видах обновления римского светского владычества, существующий в настоящую минуту во всей Европе, что заговор этот будет иметь громадное влияние на все текущие события Европы и что, стало быть, ключ ко всем современным *интригам* лежит не там и не здесь, и не в одной только Англии, а именно в этом несомненном всемирном католическом заговоре!

Воинствующий католицизм берет яростно «и со страстью» против нас сторону турок. И даже в Англии, даже в Венгрии нет столь яростных ненавистников России в настоящую минуту, как эти воинствующие клерикалы. Не то что какой-нибудь прелат, а сам папа, громко, в собраниях ватиканских. с радостию говорил «о победах турок» и предрекал России «страшную будущность». Этот умирающий старик, да еще «глава христианства»», не постыдился высказать всенародно, что каждый раз с веселием выслушивает о поражении русских. Эта страстная ненависть станет совершенно понятною, если признать, что римское католичество действительно теперь «воинствует» и действительно на деле, то есть *мечом*, ведет теперь в Европе войну против страшных и роковых врагов своих. Но кто теперь в Европе самый страшный враг

римского католичества, то есть светской монархии папы? Бесспорно, князь Бисмарк. Самый Рим был отнят у папы в ту самую минуту величия Германии и Бисмарка, в которую Германия раздавила главного тогдашнего защитника папства, Францию, и тем тотчас же развязала руки королю итальянскому, немедленно и занявшему Рим. С тех пор вся забота католичества состояла в том, чтоб отыскать врага и соперника Германии и князю Бисмарку. Сам же князь Бисмарк, с своей стороны, отлично понимает, во всей широте, и давно уже, что римское папское католичество, кроме того что есть вечный враг протестантской Германии, столько веков протестовавшей против Рима и идеи его во всех ее видах и против всех союзников ее, покровителей и последователей, но и понимает сверх того, что католичество есть именно *теперь*, то есть в самую важную минуту для объединенной Германии, — самый вреднейший элемент из всех мешающих этому объединению ее, то есть завершению здания, над которым во всю жизнь так много потрудился князь Бисмарк. И кроме того, что в Берлине опасаются «возможности» такой католической и антипрусской лиги, в которую могли бы потом быть привлечены ультрамонтанские и сепаратистские интересы южной Германии, — в Берлине, кроме того, опасаются, и давно уже предвидели, что католичество, рано ли, поздно ли, а непременно послужит поводом к будущему подъему Франции на унизившую, победившую и разорившую ее Германию, и что повод этот римское католичество подаст первее и скорее всех других, и что, стало быть, самая важнейшая опасность объединенной Германии кроется имённо в римском католичестве, а не в чем другом. И берлинское предвидение это выходило из естественно представлявшегося и естественно необходимого соображения, что, во-первых, во всем мире у папства нет теперь другого защитника кроме всё той же Франции, что на ее лишь меч она единственно может рассчитывать, *если только этот меч она успеет опять твердо захватить в свою руку*, и, во-вторых, что римское католичество есть еще далеко не раздавленный враг, что враг этот тысячелетний, что жить этому врагу хочется страстно, что живучесть его феноменальна, что сил у него еще множество и что столь огромная историческая идея, как светская папская власть, не может угаснуть в одну минуту. Одним словом, в Берлине не только сознали врага, но и силу его. В Берлине не презирают врагов своих прежде боя.

Но если католичеству так хочется жить, и надобно жить, и если меч, который мог бы его защитить, лишь в руках одной Франции, то выходит ясно, что Рим и не упустит из рук Францию, особенно если дождется удобной минуты. Эта удобная минута наступила весною, — это русская война с турками, Восточный вопрос. В самом деле: кто главнейший союзник Германии? Разумеется, Россия. Это отлично понимают в Риме. Вот почему так и обрадовался папа русским «неудачам»: значит, главнейший союзник самого страшного врага папской власти отвлечен теперь

от своего исконного союзника, Германии, войной, а стало быть, Германия теперь одна, — стало быть, и наступила именно та минута, которую так давно ожидало католичество: когда же, как не теперь, всего удобнее разжечь застарелую ненависть и бросить Францию в войну возмездия на Германию?

К тому же как раз подходят и другие роковые сроки для католичества, так что медлить уже нельзя ему ни минуты. Приближается неизбежно скорая смерть папы и избрание нового, и в Риме слишком хорошо знают, что князь Бисмарк употребит весь свой ум и все свои силы, чтобы нанести последний и самый страшный удар папской власти, повлияв из всех сил на избрание нового папы, но так, чтобы обратить его из светского владыки и государя не более как в простого патриарха, и если можно, то с его же и согласия, и таким образом, разделив католичество на две враждебные части, добиться его падения и разрушения всех замыслов, претензий и надежд его уже навеки. А потому как же ему не спешить против Бисмарка всеми мерами? И вот, опять-таки, как раз тут подвертывается Восточный вопрос! О, теперь уже можно приискать для Франции и союзников, которых она нигде столько лет не могла найти, теперь можно сплотить даже целую коалицию. Пусть вся Европа обольется кровью, но зато восторжествует папа, а для римских исповедников Христа это всё.

Вот они и начали работать. Прежде всего, разумеется, надо было добиться, чтобы Франция стала за них. Как это сделать? Они уже сделали. Теперь уже все политики Европы и вся европейская печать признают, что майский переворот во Франции произведен клерикалами, но, опять-таки, повторю, все как будто еще не признают за этим фактом того основного значения, которое он заключает в себе. Все как будто решили, месяца четыре назад, что клерикалы произвели переворот во Франции для того только, чтобы получить себе в ней более простору, известные выгоды, льготы, расширение прав. Тогда как невозможно и представить себе, чтобы переворот был затеян не с самыми радикальными целями, то есть чтобы добиться (в видах близких смут, по смерти папы, в римской церкви) скорейшей и неотложной войны Франции с Германией, именно войны! И увидите, чем бы ни кончилось дело, а они добьются своего, добьются войны, в которой, если восторжествует Франция, то, может быть, и папа добьется вновь светской власти.

Они сделали удивительно ловкое дело и, главное, выбрали такую минуту, когда всё как будто сошлось для их успеха. Начать им надо было с того, чтобы прогнать республиканцев, которые ни за что бы не поддержали папу и никогда бы не решились на войну с Германией. Они их прогнали. Надо было, сверх того, заставить маршала Мак-Магона сделать непоправимую ошибку (именно непоправимую), чтобы направить его уже на бесповоротный путь; он и сделал эту ошибку: он прогнал республиканцев и объявил на всю Францию, что они уже не воротятся. Итак, начало уже поло-

жено твердое, и клерикалы пока спокойны; они знают, что если Франция пришлет опять в палату республиканское большинство, то маршал отошлет его назад. Гамбетта объявил, что маршалу придется или покориться решению страны, или оставить место. Так решили за ним и все республиканцы, но они забыли, что девиз маршала: J'y suis et j'y reste (сел и не сойду), и он не сойдет с места. Ясно, что вся надежда маршала на преданность легионов. Преданностью же легионов маршалу или кому бы там ни было хотят воспользоваться и клерикалы. Был бы только окончательно завершен для них государственный переворот, а они уже его направят по-своему. Вероятнее всего, что так и сбудется: они будут подле узурпатора, они будут направлять его. А если бы даже и не были, то дело даже и без них пошло бы теперь уж само собою, благо, на настоящую точку ими поставлено, совершился бы только государственный переворот: они знают, какое колоссальное впечатление произведет на князя Бисмарка *всякая государственная перемена во Франции*. Он еще в 1875 году стремился объявить войну Франции, боясь ее каждогоднего усиления. Республиканцы, которых он протежировал, не посмели бы начать с ним войну сами ни под каким бы даже предлогом, и отчасти он был спокоен доселе, видя их во главе враждебного государства, несмотря даже на каждогоднее усиление его. Но зато всякий новый переворот во Франции естественно заставит его до крайности взволноваться. И в какую минуту: когда Германия оставлена без естественного своего союзника, России, когда Австрия (тоже старый соперник Германии), в которой так много враждебных Германии католических элементов, так вдруг сознала себе всю цену и когда Англия, с самого начала Восточной войны, с таким раздражительным нетерпением ждет и ищет себе в Европе союзника! Ну что если Франция, — должны рассуждать в Берлине, — с своим будущим новым правительством во главе и около которого снуют клерикалы, направляют его и владеют им, — что если Франция вдруг догадается, что если уже быть войне возмездия, то никогда она не найдет более удобной минуты, как теперь, чтобы начать ее, и таких значительных союзников, как теперь, чтобы поддержать ее! А что если как раз к тому случаю умрет папа (что так возможно)? Что если клерикалы заставят новое французское правительство заявить князю Бисмарку, что взгляды его на избрание нового папы с мнением Франции не согласны (а это уж непременно случится, если будут прогнаны республиканцы)? Что если новое французское правительство при том догадается, что если ему удастся (в видах возможности найти в Европе могучих союзников) отвоевать хоть одну из отнятых у Франции в 1871 году провинций, то этим оно упрочит свою власть и влияние в стране, по крайней мере, лет на двадцать? Нет, как тут не волноваться!

А, главное, тут и еще одно маленькое обстоятельство: немец заносчив и горд, немец не потерпит непокорности. До сих пор Франция была в полной и послушной опеке Германии, давала от-

чет на запросы ее чуть не в каждом движении своем, должна была объясняться и извиняться за каждую прибавленную дивизию в войске, за каждую батарею, и вдруг теперь эта Франция осмелится поднять голову! Так что клерикалы, пожалуй, смело могут рассчитывать, что чуть ли не сам князь Бисмарк первый и начнет войну. Хотел же он ее начать в 1875 году. Не начать войну значит упустить из рук Францию уже навеки. Правда, в 1875 году было не то, что теперь, но если Австрия будет на стороне Германии. то. . . Одним словом, в недавнем свидании верховных министров Германии и Австрии, вероятно, говорили не об одном лишь Восточном вопросе. И если есть теперь в мире государство в самом выгодном внешнеполитическом положении, то это именно Австрия!

IV. О ТОМ, ЧТО ДУМАЕТ ТЕПЕРЬ АВСТРИЯ

Но скажут: в Австрии волнения, половина Австрии не хочет того, чего хочет ее правительство. В Венгрии манифестации. Венгрия так и рвется против русских за турок. Открыт какой-то даже заговор, англо-мадьяро-польский. С другой стороны, славянские элементы ее территории хоть и за правительство в настоящую минуту, но и на них правительство Австрии посматривает косо и подозрительно, даже, может быть, косее, чем на венгерцев. А если так, то можно ли сказать, что Австрия, в данную минуту, в самом выгодном политическом положении, в каком только может находиться европейское государство?

Да, это правда. Правда, что католическая работа идет несомненно и в Австрии. Клерикалы дальновидны, им ли не понять теперешнего значения этой страны, им ли упустить случай. И уже, разумеется, они не упускают случая разжечь в этой католической и «христианнейшей» земле всевозможные волнения, под всевозможными до неузнаваемости предлогами, видами и формами. Только вот что: кто знает, может быть в Австрии, хотя и делают, конечно, вид, что очень сердятся на эти волнения, но в сущности, пожалуй, и не очень на них сердятся, может быть, даже совсем напротив: берегут эти волнения *на всякий случай* в видах того, что они могут пригодиться в ближайшем будущем. . . Всего очевиднее, впрочем, то, что Австрия, хотя и чувствует себя в самом счастливом политическом положении, но, в видах текущих событий, на *дальнюю* и очень определенную политику еще, может быть, не решилась, а только еще присматривается и ждет: что повелит ей сделать *благоразумие*? Если же и решилась на что-нибудь, то разве на политику *ближайшую*, да и то условно. Вообще она в самом блаженном состоянии духа, решается не спеша, ждет, зная, что ее все ждут и что все в ней нуждаются, прицеливается на добычу, которую выбирает сама и сладостно облизывается в видах близких и уже неминуемых благ.

На недавних свиданиях канцлеров обоих немецких государств, может быть очень много было затронуто «условного». По крайней

мере, австрийским правительством было уже объявлено у себя во всеуслышание, что ничто на Востоке не произойдет и не разрешится вне интересов Австрии, — мысль чрезвычайно обширная. Таким образом, даже и не дотронувшись до меча, Австрия уже уверена, что будет иметь знатное участие в русских успехах, если таковые окажутся, и, может быть, еще знатнейшее, если таковые совсем не окажутся. И это еще следуя только ближайшей политике! А в дальнейшей? Все уже и теперь так в ней нуждаются, ищут ее мнения, ее нейтралитета, обещают, дарят уже ее, может быть, и это только за то, что она сидит и говорит: «Гм». Но не может же эта держава, столь сознающая, конечно, теперь себе цену, не рассчитывать и на шансы дальнейшей своей политики, которая никому еще не известна, несмотря даже на дружеские свидания канцлеров, я уверен в том. Уверен даже, что до самого последнего и самого рокового момента эта политика никому не будет известна — что́ будет совершенно по преданиям и традициям исконной политики Австрии. И жадно, жадно, может быть, теперь присматривается она к Франции, ждет судьбы ее, ждет новых интереснейших фактов, и, главное, в самом самодовольнейшем расположении духа. Но нельзя ей, однако, и не волноваться: может быть, очень скоро придется ей решиться даже на самую дальнейшую политику и уже бесповоротно: волнение, конечно, в ее положении приятное, но сильное. Ведь понимает же она, и, может быть, очень тонко, что при всяком теперешнем перевороте во Франции (столь близком и столь возможном), при всяком даже новом правительстве во Франции (только бы не опять республиканском), шансы столкновения Германии с Францией *решительно неизбежны*, и даже в том случае, если б новые правители Франции и сами не пожелали войны, а, напротив, стремились бы изо всех сил сохранить прежний мир. О, Австрия, может быть, лучше всех способна постигнуть, что есть такие моменты в жизни наций, когда уже не воля и не расчет их влекут к известному действию, а сама судьба.

Я позволю себе теперь вдаться в одну фантастическую мечту (и, конечно, только мечту). Я позволю представить себе, как думает Австрия, в настоящую горячую и неопределенную минуту, об этой самой своей *дальнейшей* политике, на которую она, конечно, еще не решилась, так как и факты не все еще ясно обозначились, но, однако, кто-то уже стучится в дверь, она видит это, кто-то непременно хочет войти, даже и ручку замка уже повернул, но дверь еще не отворилась, и кто войдет, еще никому не известно. Во Франции загадка, там она и разрешится, а пока Австрия сидит и *думает*, да и как ей не думать; если обнажатся мечи, если Германия и Франция бросятся друг на друга уже окончательно, то за кого она тогда станет, с кем она тогда будет? Вот самый *дальнейший* вопрос, а между тем так скоро, может быть, придется ей дать на него ответ!

Так как же ей не знать теперь себе цену: ведь за кого она вынет меч, тот и восторжествует. Что говорено на свидании канцле-

ров обеих немецких империй, никому не известно, но намеки-то между ними уж наверно были. Как не быть намекам. Может быть, и яснее что-нибудь было сказано и *предложено*, чем только намеки. Одним словом, подарков и гостинцев обещано ей множество, и это несомненно, так что она совершенно уверена, что останься она в союзе с Германией, в случае войны ее с Францией, то получится за это. . . *много*. И всего только за какой-нибудь *нейтралитет*, за то только, что посидит какие-нибудь полгода смирно на месте, в ожидании награды за доброе свое поведение, — вот что ведь всего приятнее! Потому что деятельного участия ее против Франции, я думаю, никакому канцлеру от нее не добиться, уж Австрия-то такой ошибки не сделает: не пойдет она добивать насмерть Францию, напротив, может быть, защитит ее в самую последнюю роковую минуту дипломатическим предстательством и тем обеспечит себе и еще награду. Нельзя же ей остаться *совсем без Франции* в дружеских объятиях у такого гиганта, в какого вырастет, после второй победы над Францией, Германия. Пожалуй, вдруг обнимет ее потом гигант, да так сожмет, невзначай, разумеется, что раздавит как муху. А тут еще и другой восточный гигант, направо у ней, встанет наконец совсем с своего векового ложа. . .

— «Хорошее поведение хорошая вещь, — может быть, думает теперь про себя Австрия, — но . . .». Одним словом, в воображении ее не может не мелькнуть и другая мечта, самая, впрочем, фантастическая:

«Переворот во Франции может начаться даже нынешней осенью, и, может быть, скоро, очень скоро кончится. Если пропадет республика или останется в каком-нибудь номинально-нелепом виде, то, может быть, зимою же успеют произойти с Германией несогласия. Клерикалы об этом уж постараются, тем более, что папа наверно умрет к тому времени, и тогда избрание его тотчас же подаст предлог к недоразумениям и столкновениям. Но и не умри папа, возможность недоразумений и столкновений останется во всей силе. И если только Германия твердо решится, то к весне же и начнется война. На другом конце Европы зимняя кампания против Турции, кажется, тоже неизбежна, так что союзник Германии к весне всё еще будет занят. Итак, если загорится война возмездия, то Франция тотчас же найдет двух союзников: Англию и Турцию.

Германия, стало быть, будет одна. . . с Италиею, то есть почти всё равно что одна. О, конечно, Германия заносчива и могуча. Но ведь и Франция успела оправиться: у ней войска миллион, и всё же Англия хоть какая-нибудь да помощь: надо будет охранять от ее флота немецкие приморские города, стало быть, всё же оставить войско, артиллерию, оружие, припасы. Всё же это хоть чем-нибудь да ослабит Германию». «Одним словом, шансов, чтоб сразиться с успехом, у Франции и без меня довольно, — думает Австрия, — по крайней мере, вдвое больше, чем было в семидеся-

том году, так как Франция наверно не сделает теперь тогдашних ошибок. Затем, разбита ли будет Франция или нет, а я все-таки мое получу на Востоке: ничто на Востоке не разрешится в противность интересам Австрии. Это уже решено и подписано. Но. . . что́, если я, в самую-то решительную минуту, благоразумно сохранив за собой всю свободу решения, возьму да и стану за Францию, да и меч еще выну!»

В самом деле, что тогда выйдет?

Австрия очутится разом между тремя врагами: Италией, Германией и Россией. Но Россия будет страшно занята своей войной и ей будет не до нападений, Италии можно во всяком случае не очень уж бояться. Остается одна Германия, но если она и вышлет на Австрию силу, то хоть и ослабит тем себя, но, уж конечно, не очень большую силу, потому что ей понадобятся все силы ее на Францию. В самом деле, решись только Австрия на союз с Францией, и Франция бросится на Германию, может быть, уж сама первая, если б даже Германия и не захотела драться. Франция, Австрия, Англия и Турция против Германии с Италией — это страшная коалиция. Успех очень и очень может быть возможен. А при успехе Австрия может вдруг воротить всё утраченное при Садовой, даже ух как более того. Затем на Востоке выгод своих и всего уже ей обещанного она тоже никак не потеряет. А главное, несомненно выиграет в своем влиянии в католической Германии. Будь побеждена Германия, даже и не побеждена, а только воротись она не совсем удачно с войны, — и единство Германии сильно и вдруг покачнется. В южной католической Германии явится сепаратизм, о котором, сверх того, постараются изо всех сил клерикалы и которым Австрия, уж конечно, воспользуется. . . даже до того, что, может быть, явятся тогда две Германии, две объединенные германские империи, католическая и протестантская. А засим, усилившись тогда немецким элементом, Австрия могла бы посягнуть и на свой «дуализм», поставить Венгрию в прежние, древние и почтительные к себе отношения, а затем, разумеется, распорядиться уж и с своими славянами, и этак как-нибудь уже навеки. Одним словом, выгоды могли бы быть неисчислимы! Даже и в том, наконец, случае, если Германия останется победительницей, может быть, не будет еще такой беды, так как не может же она победить такую сильную коалицию так *окончательно*, как в 1871 году, а, напротив, наверно сама натрет себе бока. Стало быть, мир может быть заключен без особенно страшных последствий. «Итак, за кого же стать? Где лучше, с кем выгоднее?»

Ввиду настоящего хода дел в Европе такие радикальные вопросы про́ себя — в Австрии несомненны. . .

V. КТО СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ? КТО ВОЙДЕТ? НЕИЗБЕЖНАЯ СУДЬБА

Когда я начинал эту главу, еще не было тех фактов и сообщений, которые теперь вдруг наполнили всю европейскую прессу, так что всё, что я написал в этой главе еще гадательно, подтвердилось теперь почти точнейшим образом. «Дневник» мой явится в свет еще в будущем месяце, 7-го октября, а теперь всего 29 сентября, и мои, так сказать, «прорицания», на которые я решился в этой главе, как бы рискуя, окажутся отчасти уже устарелыми и совершившимися фактами, с которых я скопировал мои «прорицания». Но осмелюсь напомнить читателям «Дневника» мой летний май-июньский выпуск. Почти всё, что я написал в нем о ближайшем будущем Европы, теперь уже подтвердилось или *начинает подтверждаться*. И, однако, я слышал тогда еще мнения о той статье: ее назвали (правда, частные люди), «исступленным беснованием», фантастическим преувеличением. Над силою и значением клерикального заговора просто смеялись, да и заговора совсем не признавали. Я, впрочем, еще недели две всего тому назад слышал мнение от «компетентного» лица, что факт смерти и избрания нового папы совершенно ничтожен и пройдет в Европе бесследно. Но даже теперь уже известно, какую важность придает ему Бисмарк и об чем было говорено в Берлине с Криспи. Я написал в май-июньском «Дневнике» моем, что гений князя Бисмарка постиг еще с самой франко-прусской войны, что самый страшный враг новообъединенной Германии есть римский католицизм, который прежде всего послужит предлогом к великой войне «возмездия», которая и охватит всю Европу. Это нашли нелепым, и проч. и проч. И это всё потому, что я написал об этом тогда, когда еще никто, ни у нас, ни в европейской прессе, и не думал об этих вещах заботиться, несмотря на Восточную войну, уже гремевшую в мире и заботившую всех. Всем тогда представлялось, что так одним Востоком и кончится. Впрочем, и теперь, может быть, еще никто не верит почти в *неминуемость* европейской войны в ближайшем будущем. Напротив, недавно еще серьезно обращали внимание на мнение компетентных англичан (речь Нордскота), что можно еще до зимы замирить. Так что, пожалуй, я напрасно считаю мою настоящую главу заранее устарелою: хотя факты уже обозначились, хотя огромное их значение уже выходит наружу, хотя над всей Европой уже несомненно носится что-то роковое, страшное и, главное, близкое, но несмотря на эти обозначившиеся факты, я уверен, очень многие найдут и теперь мои объяснения этих фактов опять-таки ложными и смешными, фантастическими и преувеличенными, потому что все принимают происходящее теперь за несравненно меньшее и мельчайшее, чем оно есть в самом деле. Тут, как раз, например, подойдут во Франции выборы, и Франция вдруг пришлет в палату прежнее республиканское большинство, что очень может случиться, и вот, я почти в том уверен, все закричат, что всё кончилось благополучно, что небо рас-

чистилось, столкновений никаких, что Мак-Магон повинился, *бессильные* клерикалы позорно стушевались и в Европе опять мир и «законность». Все *измышления* мои в этой главе покажутся опять лишь продуктом досужего воображения. Опять скажут, что я фактам, положим, и совершившимся, придал значение не точное, а, главное, такое, какого *нигде им не придают*. Но подождем опять событий и увидим тогда, где была более точная и верная дорога. А для памяти, попробую, в заключение, еще раз обозначить точки и вехи этой уже открывающейся перед всеми дороги и на которую, волей-неволей, а, кажется, предназначено всем вступить. Делаю это для памяти, чтоб потом можно было проверить. Впрочем, это только простая и заключительная перечень этой же главы.

1) Дорога начинается и идет из Рима, из Ватикана, где умирающий старик, глава толпы окружающих его иезуитов, наметил ее уже давно. Когда же загорелся Восточный вопрос, иезуиты поняли, что наступило самое удобное время. По намеченной дороге своей они ворвались во Францию, произвели в ней государственный переворот и поставили ее в такое положение, что близкая война ее с Германией почти неминуема, даже если б она и не желала начать ее. Всё это задолго раньше того понимал и провидел князь Бисмарк. По крайней мере, кажется, только он один, и еще, может быть, за несколько лет до настоящей минуты, разглядел и постиг своего важнейшего врага и всю ту огромную для всего мира важность той последней битвы за существование свое, которую несомненно задаст всему свету *умирающее навеки папское католичество* в самом ближайшем будущем.

2) Эта роковая борьба в настоящую минуту уже завершается, а последняя битва близится с страшною быстротою. Франция была выбрана и предназначена для страшного боя, и бой будет. Бой неминуем, это верно. Впрочем, есть еще малый шанс, что будет отложен, но лишь на самое короткое время. Но во всяком случае, *неминуем и близок*.

3) Только что бой начнется, как тотчас же и обратится в всеевропейский. Восточный вопрос и восточный бой, силою судеб, сольется тоже с всеевропейским боем. Одним из замечательнейших эпизодов этого боя будет окончательное решение Австрии: которой стороне отдать ей свой меч? Но самая существенная и важная часть этой последней и роковой борьбы будет состоять, с одной стороны, в том, что ею разрешится тысячелетний вопрос римского католичества и что, волею провидения, на его место станет возрожденное восточное христианство. Таким образом, наш русский Восточный вопрос раздвинется в мировой и вселенский, с чрезвычайным предназначенным значением, хотя бы и совершилось это предназначение и перед слепыми глазами, не признающими его, до последней минуты способными не видеть явного и не уразуметь смысла предназначенного. Наконец —

4) (И пусть это назовут самым гадательным и фантастическим из всех предреканий моих, согласен заране.) Я уверен, что бой

окончится в пользу Востока, в пользу Восточного союза, что России бояться нечего, если Восточная война сольется с всеевропейскою, и что даже и лучше будет, если так расширится дело. О, бесспорно, страшное будет дело, если прольется столько драгоценной человеческой крови! Но утешение в том, по крайней мере, соображении, что эта пролиянная кровь несомненно спасет Европу от вдесятеро большего излияния крови, если б дело отдалилось и еще раз затянулось. Тем более, что великая борьба эта несомненно окончится быстро. Но зато разрешится окончательно столько вопросов (римско-католический вместе с судьбою Франции, германский, восточный, магометанский), столько уладится дел, совершенно неразрешимых в прежнем ходе событий, до того изменится лик Европы, столько начнется нового и прогрессивного в отношениях людей, что, может быть, нечего страдать духом и слишком пугаться этого последнего судорожного движения старой Европы накануне несомненного и великого обновления ее. . .

Наконец, прибавлю еще соображение: если взять за правило, что обо всех мировых событиях, даже самой огромной важности на самый поверхностный взгляд, надо непременно судить по принципу: «нынче как вчера, а завтра как сегодня», — то не явно ли будет, что правило это решительно ляжет вразрез с историей наций и человечества. Между тем это именно предписывается так называемым реальным и трезвым здравомыслием, так что осмеивается и освистывается чуть не всякий, который осмелился бы помыслить, что завтра дело явится для всех глаз, может быть, совсем в иной форме, чем в какой тянулось всё накануне. Даже теперь, например, когда уже пришли факты, не кажется ли даже очень многим, что клерикальное движение есть самая мелкая мелочь, что Гамбетта скажет речь, и всё восстановится по-вчерашнему, что война наша с Турцией, очень и очень может быть, кончится к зиме, и тогда опять по-прежнему начнется биржевая игра, железнодорожное дело, возвысится рубль, покатим за границу и прочее и прочее. Немыслимость продолжения старого порядка дел — была явною в Европе истиною, для передовых умов ее, накануне первой европейской революции, начавшейся в конце прошлого столетия с Франции. Между тем кто в целом мире, даже накануне созвания Генеральных Штатов, мог бы предвидеть и предсказать тогда ту форму, в которую воплотится это дело почти на другой же день, как началось оно. . . А уже когда воплотилось оно, кто мог, например, предсказать Наполеона I, в сущности бывшего как бы предназначенным завершителем первого исторического фазиса того же самого дела, которое началось в 1789 году? Мало того, во время Наполеона I, может быть, всякому в Европе казалось, что появление его есть решительная и совершенно внешняя случайность, нимало не связанная с тем самым мировым законом, по которому предназначено было измениться, с конца прошлого столетия, всему прежнему лику мира сего. . .

Да, и теперь кто-то стучится, кто-то, новый человек, с новым словом — хочет отворить дверь и войти... Но кто войдет — вот вопрос: совсем новый человек или опять похожий на всех нас, старых человечков?

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. ЛОЖЬ ЛОЖЬЮ СПАСАЕТСЯ

Однажды Дон-Кихот, столь известный рыцарь печального образа, самый великодушный из всех рыцарей, бывших в мире, самый простой душою и один из самых великих сердцем людей, скитаясь с своим верным оруженосцем Санхой в погоне за приключениями, вдруг был объят некоторым недоумением, которое заставило его долго думать. Дело в том, что часто великие древние рыцари, начиная с Амадиса Галльского, истории которых уцелели в правдивейших книгах, именуемых рыцарскими романами (для приобретения коих Дон-Кихот не пожалел продать несколько лучших акров своего маленького поместья), — часто эти рыцари, во время полезных всему миру и славных странствований своих, встречали вдруг и неожиданно целые армии, во сто даже тысяч воинов, насылаемых на них злою силою, злыми волшебниками, им завидовавшими и мешавшими им всячески достигнуть великой цели их и соединиться наконец с их прекрасными дамами. Обыкновенно происходило так, что рыцарь, встречая такую чудовищную и злую армию, обнажал свой меч, призывал в духовную помощь себе имя своей дамы и затем врубался один в самую средину врагов, которых и уничтожал всех, до единого человека. Кажется бы, дело ясное, но Дон-Кихот вдруг задумался, и над чем же: ему показалось вдруг невозможным, чтобы один рыцарь, какой бы он силы ни был и даже если бы махал своим победоносным мечом целые сутки без всякой усталости, мог зараз уложить сто тысяч врагов, и это в одном сражении. Чтобы убить каждого человека, нужно все-таки время, чтобы убить сто тысяч людей, нужно огромное время, и как ни махай мечом, а в несколько каких-нибудь часов, и зараз, одному этого не сделать. Между тем в этих правдивых книгах повествуется, что дело кончалось именно в одно сражение. Как же это могло происходить?

— Я разрешил это недоумение, друг мой Санхо, — сказал наконец Дон-Кихот. — Так как все эти великаны, все эти злые волшебники, были нечистая сила, то и армии их носили такой же волшебный и нечистый характер. Я полагаю, что эти армии состояли не совсем из таких же людей, как мы, например. Люди эти были лишь наваждение, создание волшебства и, по всей вероятности, тела их не походили на наши, а были более похожи на тела, как, например, у слизняков, червей, пауков. Таким образом, крепкий и острый меч рыцаря, в могучей его руке, упадая на эти тела, проходил по ним мгновенно, почти без всякого сопротивления, как

по воздуху. А если так, то действительно он мог одним взмахом пройти по трем или по четырем телам, и даже по десяти, если те стояли в тесной куче. Понятно после того, что дело чрезвычайно ускорялось, и рыцарь действительно мог истреблять, в несколько часов, целые армии этих злых арапов и других чудищ. . .

Здесь подмечена великим поэтом и сердцеведцем одна из глубочайших и таинственнейших сторон человеческого духа. О, это книга великая, не такая, какие теперь пишут; такие книги посылаются человечеству по одной в несколько сот лет. И таких подмеченных глубочайших сторон человеческой природы найдете в этой книге на каждой странице. Взять уже то, что этот Санхо, олицетворение здравого смысла, благоразумия, хитрости, золотой средины, попал в друзья и сопутники к самому сумасшедшему человеку в мире; именно он, а не кто другой! Всё время он обманывает его, надувает как ребенка и в то же время вполне верит в его великий ум, до нежности очарован великостью сердца его, вполне верит во все фантастические сны великого рыцаря и ни разу, во всё время, не сомневается, что тот завоюет ему наконец остров! Как бы желалось, чтоб с этими великими произведениями всемирной литературы основательно знакомилось наше юношество. Чему учат теперь в классах литературы — не знаю, но знакомство с этой величайшей и самой грустной книгой из всех, созданных гением человека, несомненно возвысило бы душу юноши великою мыслию, заронило бы в сердце его великие вопросы и способствовало бы отвлечь его ум от поклонения вечному и глупому идолу средины, вседовольному самомнению и пошлому благоразумию. Эту самую *грустную* из книг не забудет взять с собою человек на последний суд божий. Он укажет на сообщенную в ней глубочайшую и роковую тайну человека и человечества. Укажет на то, что величайшая красота человека, величайшая чистота его, целомудрие, простодушие, незлобивость, мужество и, наконец, величайший ум — всё это нередко (увы, так часто даже) обращается ни во что, проходит без пользы для человечества и даже обращается в посмеяние человечеством единственно потому, что всем этим благороднейшим и богатейшим дарам, которыми даже часто бывает награжден человек, недоставало одного только последнего дара — именно: *гения*, чтоб управить всем богатством этих даров и всем могуществом их, — управить и направить всё это могущество на правдивый, а не фантастический и сумасшедший путь деятельности во благо человечества! Но гения, увы, отпускается на племена и народы так мало, так редко, что зрелище той злой иронии судьбы, которая столь часто обрекает деятельность иных благороднейших людей и пламенных друзей человечества — на свист и смех и на побиение камнями, единственно за то, что те, в роковую минуту, не сумели прозреть в истинный смысл вещей и отыскать их *новое слово*, это зрелище напрасной гибели столь великих и благороднейших сил может довести действительно до отчаяния иного друга человечества, возбудить в нем уже не смех, а горькие

слезы и навсегда озлобить сомнением дотоле чистое и верующее сердце его. . .

Впрочем, я хотел только указать на ту любопытнейшую черту, которую, вместе с сотней других таких же глубоких наблюдений, подметил и указал Сервантес в сердце человеческом. Самый фантастический из людей, до помешательства уверовавший в самую фантастическую мечту, какую лишь можно вообразить, вдруг впадает в сомнение и недоумение, почти поколебавшее всю его веру. И любопытно, что могло поколебать: не нелепость его основного помешательства, не нелепость существования скитающихся для блага человечества рыцарей, не нелепость тех волшебных чудес, которые об них рассказаны в «правдивейших книгах», нет, а самое, напротив, постороннее и второстепенное, совершенно частное обстоятельство. Фантастический человек вдруг *затосковал о реализме*! Не акт появления волшебных армий смущает его: о, это не подвержено сомнению, и как же бы могли эти великие и прекрасные рыцари проявить всю свою доблесть, если б не посылались на них все эти испытания, если б не было завистливых великанов и злых волшебников? Идеал странствующего рыцаря столь велик, столь прекрасен и полезен и так очаровал сердце благородного Дон-Кихота, что отказаться верить в него совсем уже стало для него невозможностью, стало равносильно измене идеалу, долгу, любви к Дульцинее и к человечеству. (Когда он отказался, когда он излечился от своего помешательства и *поумнел*, возвратясь после второго своего похода, в котором он был побежден умным и здравомыслящим цирюльником Караско, отрицателем и сатириком, он тотчас же умер, тихо, с грустною улыбкою, утешая плачущего Санхо, любя весь мир всею великою силой любви, заключенной в святом сердце его, и понимая, однако, что ему уже нечего более в этом мире делать.) Нет, но смутило его лишь то, самое верное, однако, и математическое соображение, что как бы ни махал рыцарь мечом и сколь бы ни был он силен, всё же нельзя победить армию во сто тысяч в несколько часов, даже в день, избив всех до последнего человека. Между тем в правдивых книгах это написано. Стало быть, написана ложь. А если уж раз ложь, то и всё ложь. Как же спасти *истину*? И вот он придумывает для спасения истины другую мечту, но уже вдвое, втрое фантастичнее первой, грубее и нелепее, придумывает сотни тысяч наважденных людей с телами слизняков, но зато по которым острый меч рыцаря может вдесятеро удобнее и скорее ходить, чем по обыкновенным человеческим. *Реализм*, стало быть, удовлетворен, *правда спасена*, и верить в первую, в главную мечту, можно уже без сомнений — и всё, опять-таки, единственно благодаря второй уже гораздо нелепейшей мечте, придуманной лишь для спасения *реализма* первой.

Спросите самих себя: не случалось ли с вами сто раз, может быть, такого же обстоятельства в жизни? Вот вы возлюбили какую-нибудь свою мечту, идею, свой вывод, убеждение или внеш-

ний какой-нибудь факт, поразивший вас, женщину, наконец, околдовавшую вас. Вы устремляетесь за предметом любви вашей всеми силами вашей души. Правда, как ни ослеплены вы, как ни подкуплены сердцем, но если есть в этом предмете любви вашей ложь, *наваждение*, что-нибудь такое, что вы сами преувеличили и исказили в нем вашей страстностью, вашим первоначальным порывом — единственно, чтоб сделать из него вашего идола и поклониться ему, — то уж, разумеется, вы втайне это чувствуете про себя, сомнение тяготит вас, дразнит ум, ходит по душе вашей и мешает жить вам покойно с излюбленной вашей мечтой. И что ж, не помните ли вы, не сознаетесь ли сами, хоть про себя: чем вы тогда вдруг утешились? Не придумали ли вы новой мечты, новой лжи, даже страшно, может быть, грубой, но которой вы с любовью поспешили поверить, потому только, что она разрешала первое сомнение ваше?

II. СЛИЗНЯКИ, ПРИНИМАЕМЫЕ ЗА ЛЮДЕЙ. ЧТО НАМ ВЫГОДНЕЕ: КОГДА ЗНАЮТ О НАС ПРАВДУ ИЛИ КОГДА ГОВОРЯТ О НАС ВЗДОР?

В наше время чуть не вся Европа влюбилась в турок, более или менее. Прежде, например, ну хоть год назад, хоть и старались в Европе отыскать в турках какие-то национальные великие силы, но в то же время почти все про себя понимали, что делают они это единственно из ненависти к России. Не могли же они в самом деле не понимать, что в Турции нет и не может быть сил правильного и здорового национального организма, мало того, — что и организма-то, может быть, уже не осталось никакого, — до того он расшатан, заражен и сгнил; что турки азиатская орда, а не правильное государство. Но теперь, с тех пор как Турция в войне с Россиею, мало-помалу укрепилось и установилось, в иных местах в Европе, даже уже действительное и серьезное убеждение, что нация эта не только организм, но и имеющий большую силу, которая, в свою очередь, обладает свойством развития и дальнейшего прогресса. Эта мечта пленяет многие европейские умы все более и более, а наконец, даже и к нам перешла: и у нас в России заговорили иные о каких-то неожиданных национальных силах, которые вдруг проявила Турция. Но в Европе укрепилась эта мечта опять-таки из ненависти к России, у нас же — из малодушия и страшной поспешности пессимистских заключений, которые всегда были свойством интеллигентных классов нашего общества, чуть только лишь начинались где-нибудь и в чем-нибудь наши «неудачи»! В Европе случилось то же самое, что произошло в поврежденном уме Дон-Кихота, но лишь в форме обратной, хотя сущность факта совершенно та же: тот, чтоб спасти *истину*, выдумал людей с телами слизняков, эти же, чтоб спасти свою основную мечту, столь их утешающую, о ничтожности и бессилии России, — сделали из настоящего уже слизняка организм чело-

веческий, одарив его плотью и кровью, духовною силою и здоровьем. Об России же самые образованные европейские государства со страстью распространяют теперь совершенные нелепости. В Европе и прежде нас мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвещенные народы так мало интересуются изучить тот народ, который они же так ненавидят и которого постоянно боятся. Эта скудость европейских о нас познаний и даже некоторая невозможность Европы понять нас во многих пунктах — всё это в некотором отношении было для нас до сих пор отчасти и выгодно. А потому вреда не будет и теперь. Пусть они кричат у себя о «позорной слабости России как военной державы», вопреки свидетельству десятков их же корреспондентов с самого поля войны, удивлявшихся боевой способности, рыцарской стойкости и высочайшей дисциплине русского солдата и офицера; пусть самые возможные, хотя бы и значительные, ошибки русского штаба в начале войны, они считают не только непоправимыми, но и органическими всегдашними недостатками нашего войска и нации (забыв, как часто мы их бивали в битвах за все последние два столетия). Пусть, наконец, *самые серьезнейшие* из их политических изданий сообщают Европе за точную истину об огромном бунте народа, предводимого нигилистами, на Выборгской стороне в Петербурге, и о вытребованных русским начальством двух полках по железной дороге из Динабурга, для спасенья Петербурга, — пусть это всё говорят они в слепой своей злобе. Повторяю, нам это даже выгодно, так как сами они не ведают, что творят. Ведь, уж конечно, им бы хотелось возбудить у себя повсеместно к нам ненависть «как к опасным противникам их цивилизации», — и вот они же представляют нас в упадшем виде, в смешном до позора слабосилии как военной державы и как государственного организма. Но ведь кто так слаб и ничтожен, тот может ли возбуждать опасения и против себя коалиции? А им именно нужно настроить против нас свое общество. Стало быть, во вред же себе говорят, а коли так, то приносят нам не вред, а пользу. Мы же подождем конца.

Но вообразить только, что к ним дошло бы самое полное, точное и истинное сведение о всей силе духа, чувства и непоколебимой веры народа русского в справедливость великого дела, за которое обнажил меч государь его, и в несомненное торжество этого дела, рано или поздно? Вообразить, что в Европе поняли наконец, что война эта для России есть национальная война в высшей степени и что народ наш вовсе не мертвая и бездушная масса, как они всегда представляют его себе, а могущественный и сознающий свое могущество организм, сплоченный весь как один человек и нераздельный сердцем и волею с своею армиею, — о, какой бы страх и какое повсеместное волнение возбудило бы у них это сведение! И, уж конечно, это скорее способствовало бы к действительной и явной уже коалиции против нас Европы, чем столь любезные им клеветы на наше слабосилие и падение. Нет, уж пусть

они лучше верят бунту на Выборгской. Нас же только ободрит, что они тому верят.

Но в Европе всё это понятно, и понятно, от чего это происходит. Но как у нас-то могут колебаться, волноваться и даже верить в какие-то новые, вдруг открывшиеся, жизненные силы турецкой нации? Чем проявила она эту силу? Фанатизмом? Но фанатизм мертвечина, а не сила, у нас сто раз проповедовали это самые же эти люди, которые верят теперь в турецкие силы. Говорят про турецкие победы. Но турки отразили, раз и другой, лишь наши атаки, а это победы, так сказать, отрицательные, а не положительные. Мы, сидя в Севастополе, отразили раз приступ французов и англичан с страшною для них потерею людей, но Европа, однако же, не кричала тогда об нашей победе. Мы целые два последние месяца были гораздо слабее силами, чем турки, и что ж они не воспользовались этим, что ж не вытеснили нас за Балканы, не прогнали за Дунай? Напротив, мы везде удержали наши главные позиции и везде отразили турок. Бывало, что семь или восемь наших батальонов разбивают ихних двадцать, как недавно случилось под Церковной. Убежденные в силе турок указывают, однако, на их ружья, которые лучше наших, и даже на их артиллерию, которая будто бы лучше нашей. Но они не хотят припомнить, что мы в сущности воюем не с одними турками, а и с европейскими державами, что множество англичан служат офицерами в турецком войске, что вооружены турки на европейские деньги, что европейская дипломатия во многом стала поперек нашей дороги с самого начала войны, лишив нас помощи естественных союзников наших, лишив нас даже настоящих дорог наших в Турцию. Кроме того, Европа, ненавистью к нам, несомненно ободрила и фанатизм турок. В Европе открылся, наконец, заговор целых шаек, уже организованных, с оружием, с деньгами, чтоб броситься внезапно в тыл нашей армии. В довершение там состряпали недавно и заем для турок, в огромный ущерб своему карману, и невозможный заем этот состоялся единственно потому, что в Европе так полюбили мечту о том, что Турция не государство слизняков, а действительно с такою же плотью и кровью, как и европейские государственные организмы. И это когда же, когда кровь целых провинций Турции лилась рекою, когда открыт даже правильный заговор между самими правителями Турции с целью истребить болгар всех до единого? Турки воюют с нами, кормя и поддерживая свое войско такими реквизициями припасов, лошадей и скота с болгар, которые не могут не разорить дотла эту богатейшую провинцию Турции. И этим-то разорителям и умертвителям собственной страны просвещенные англичане дали взаймы денег, поверили их экономической состоятельности! Но пусть, пусть всё это там, там все-таки это понятно. Но у нас-то как же признают турок силой? Разорение дотла собственной земли и истребление в корень всего христианского населения страны — разве это сила? Да силы такой и до конца войны им не хватит. Первый оборот дела в нашу

пользу — и всё это фантастическое здание их военной и национальной силы рухнет мгновенно и зараз и рассеется как истинный призрак, вместе даже с их фанатизмом, который вылетит как из отворенного клапана пар.

Некоторые умные люди проклинают теперь у нас славянский вопрос, и на словах и печатно: «Дались, дескать, нам эти славяне и все эти фантазии об объединении славян! И кто нам навалил этих славян на шею, и для чего: на вечную распрю с Европой, на вечную ее подозрительность к нам, ненависть, и теперь и в будущем! Да будут же прокляты славянофилы!» и т. д. и т. д. Но эти восклицающие умные люди, кажется, имеют совершенно ложные сведения и о славянах и о Восточном вопросе, а многие так совсем даже и не интересовались им до самой последней минуты. А потому спорить с ними нельзя. И ведь действительно им неизвестно, что Восточный вопрос (то есть и славянский вместе) вовсе не славянофилами выдуман, да и никем не выдуман, а сам родился, и уже очень давно — родился раньше славянофилов, раньше нас, раньше вас, раньше даже Петра Великого и Русской империи. Родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским. Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы *русским назначением* всеми преемниками Петра. Вот почему ее нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. сущность Восточного вопроса) — значит, всё равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию, а на место ее выдумать что-нибудь новое, но только уже совсем не Россию. Это было бы даже и не революцией, а просто уничтожением, а потому и немыслимо даже, потому что нельзя же уничтожить такое целое и вновь переродить его совсем в другой организм. Идею эту не видят и не признают теперь разве уж самые слепые из русских европейцев, да вместе с ними, и к стыду их, биржевики. Биржевиками я называю здесь условно всех вообще теперешних русских, которым, кроме своего кармана, нет никакой в России заботы, а потому взирающих и на Россию единственно с точки зрения интересов своего кармана. Они кричат теперь хором о торговом застое, о биржевом кризисе, о падении рубля. Но если б эти биржевики наши были настолько дальновидны, чтоб понимать коечто вне своей сферы, то они бы и сами догадались, что если б Россия не начала теперешнюю войну, то было бы им же хуже. Чтоб были «дела», даже биржевые, надо, чтоб нация жила в самом деле, то есть настоящею живою жизнию и исполняя свое естественное назначение, а не была бы гальванизированным трупом в руках жидов и биржевиков. Если б мы не начали теперешней

войны после всех цинических и обидных нам вызовов врагов наших и если б мы не помогли истязуемым мученикам, то сами же себя стали бы презирать. А самопрезрение, нравственное падение и за ним цинизм — мешают даже «делам». Нации живут великим чувством и великою, всех единящею и всё освещающею мыслью, соединением с народом, наконец, когда народ невольно признает верхних людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля. Чем богаче духовно нация, тем она и матерьяльно богаче. . . А впрочем, что ж я какие старые слова говорю!

III. ЛЕГКИЙ НАМЕК НА БУДУЩЕГО ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА. НЕСОМНЕННЫЙ УДЕЛ БУДУЩЕЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Есть теперь странные недоумения и странные заботы. Положительно есть русские люди, *боящиеся* даже русских успехов и русских побед. Не потому боятся они, что желают зла русским, напротив — они скорбят об всякой русской неудаче сердечно, они хорошие русские, но они боятся и удач, и побед русских, — «потому-де, что явится после победоносной войны самоуверенность, самовосхваление, шовинизм, застой». Но вся ошибка этих добрых людей в том, что они всегда видели русский прогресс единственно в самооплевании. Да самонадеянность-то нам, может быть, и всего нужнее теперь! Самоуважение нам нужно, наконец, а не самооплевание. Не беспокойтесь: застоя не будет. Война осветит столько нового и заставит столько изменить старого, что вы бы никогда не добились того самооплеванием и поддразниваньем, которые обратились в последнее время лишь в простую забаву. Зато обнаружится и многое такое, что прежде считалось даже умниками-обличителями нашими лишь мелочью, смешными пустяками и даже последним делом, но что, однако же, составляет главнейшую нашу сущность дела во всем. Да и не нам, не нам предаваться шовинизму и самоупоению! Где и когда это случалось в русском обществе! Утверждающие это просто не знают русской истории. Об нашем самоупоении много говорили после Севастополя: самоуверенность-де нас тогда погубила. Но никогда интеллигентное общество не было у нас менее самоуверенно и даже более в разложении, как в эпоху пред Севастополем.

Кстати замечу: из писавших о нашем самоупоении и дразнивших нас им после Севастополя было несколько новых молодых писателей, обративших тогда на себя большое внимание общества и возбудивших в нем горячее сочувствие к их обличениям. И, однако, к этим истинно желавшим добра обличителям присоединилось тогда тотчас же столько нахального и грязного народу, явилось столько свистопляски, столько людей, совсем не понимавших, в чем сущность дела, а, между тем, воображавших себя спасителями России, мало того — явилось в их числе столько

даже откровенных врагов России, что они, под конец, сами повредили тому делу, к которому примкнули и которое повелось было талантливыми людьми. Но сначала и они имели успех, единственно потому, что чистые сердцем русские люди, действительно жаждавшие тогда повсеместно обновления и нового слова, не разобрали в них негодяев, людей бездарных и без убеждений, и даже продажных. Напротив, думали, что они-то и за Россию, за ее интересы, за обновление, за народ и общество. Кончилось тем, что огромное большинство русских людей наконец разочаровалось и отвернулось от них, — а затем уж пришли биржевики и железнодорожники. . . Теперь этой ошибки, кажется, не повторится, потому что несомненно явятся новые люди, уже с новою мыслью и с новою силою.

Эти новые люди не побоятся самоуважения, но и не побоятся не плыть за старым. Не побоятся и умников: они будут скромны, но будут уже многое знать, по опыту и уже на деле, из того, что и не снилось мудрецам нашим. По опыту и на деле они научатся уважать русского человека и русский народ. Это-то познание они уж наверно принесут с собой, и в нем-то и будет состоять их главная точка опоры. Они не станут сваливать всех наших бед и всех *неумений* наших единственно лишь на свойства русского человека и русской натуры, что обратилось уже в казенный прием у наших умников, потому что это и покойно и ума не требует. Они первые засвидетельствуют собою, что русский дух и русский человек, в этих ста тысячах взваленных на них обвинений, не виноваты нисколько, что там, где только есть возможность прямого доступа русскому человеку, там русский человек сделает свое дело не хуже другого. О, эти новые люди поймут наконец, несмотря на всю свою скромность, как часто наши умники, даже и чистейшие сердцем и желающие истинной пользы, — садились между двух стульев, желая отыскать корень зла. К этим-то новым людям, которые несомненно явятся после войны, примкнет много живых сил из народа и русской молодежи. Они и до войны уже объявлялись, но мы всё еще их не могли тогда заметить, и когда мы все здесь ожидали увидеть лишь зрелища цинизма и растления, они там явили зрелище такого сознательного самоотвержения, такого искреннего чувства, такой полной веры в то, за что пошли отдавать свои головы, что мы здесь лишь дивились: откуда взялось всё это? Некоторые иностранные корреспонденты иностранных газет упрекали некоторых русских офицеров за то, что они самолюбивы, карьеристы, рвутся к отличиям, забывая главную цель: любовь к родине и к тому делу, которому взялись служить. Но если и есть у нас такие офицеры, то всё же этим корреспондентам не дурно было бы узнать и о той молодежи или об тех, незаметных даже по чину своему офицерах, скромных слугах отечества и правого дела, которые умирали вместе с своими солдатами доблестно, с полным самоотвержением, вовсе уже не для награды, не для красы и не для карьеры, а потому только, что

были великие сердца, великие христиане и *незаметные* великие русские люди, которых так много, чуть не до последнего солдата, в нашем войске. Заметьте тоже, что, говоря о грядущем новом человеке, я вовсе не указываю лишь на одних наших воинов, в ожидании того, когда они воротятся. Явятся и бесчисленные другие — *все те, которые прежде так жаждали верить в русского человека*, но не могли проявиться, и идти против всеобщего, царившего наружу, отрицания и пессимизма. Но теперь, созерцая, с какой *верой* в свои силы проявился русский человек *там*, они поневоле ободрятся и поверят, что есть настоящие русские силы и здесь: откуда тамошние-то взялись, как не отсюда же? А ободрившись, сплотятся и скромно, но твердо примутся уже за настоящее дело, не боясь ничьих громких и звонких слов. И всё таких старых, старых слов! А умные старички наши всё еще до сих пор уверены, что они-то и есть самые новые и *молодые* люди и что говорят самые новые слова!

Но главное и самое спасительное обновление русского общества выпадет, бесспорно, на долю русской женщины. После нынешней войны, в которую так высоко, так светло, так свято проявила себя наша русская женщина, нельзя уже сомневаться в том высоком уделе, который несомненно ожидает ее между нами. Наконец-то падут вековые предрассудки, и «варварская» Россия покажет, какое место отведет она у себя «матушке» и «сестрице» русского солдата, самоотверженнице и мученице за русского человека. Ей ли, этой ли женщине, столь явно проявившей доблесть свою, продолжать отказывать в полном равенстве прав с мужчиной по образованию, по занятиям, по должностям, тогда как на нее-то мы и возлагаем все надежды наши теперь, после подвига ее, в духовном обновлении и в нравственном возвышении нашего общества! Это уже будет стыдно и неразумно, тем более, что не совсем от нас это и зависеть будет теперь, потому что русская женщина сама стала на подобающее ей место, сама перешагнула те ступени, где доселе ей полагался предел. Она доказала, какой высоты она может достигнуть и что может совершить. Впрочем, говоря так, я говорю про *русскую женщину*, а не про тех чувствительных дам, которые кормили турок конфетами. В доброте к туркам, конечно, нет худа, но всё же ведь это не то, что совершили там *те женщины*; а потому *эти* всего только русские *старые* барыни, а *те — новые* русские женщины. Но и не про тех одних женщин говорю я, которые там подвизаются в деле божием и в служении человечеству; те своим появлением только доказали нам, что в русской земле много великих сердцем женщин, готовых на общественный труд и на самоотвержение, — потому что, опять-таки, откуда же те-то взялись, как не отсюдова же? Но о русской женщине и о несомненном ближайшем жребии ее в нашем обществе я хотел бы поговорить побольше и особо, а потому и возвращусь еще к этой теме в следующем октябрьском «Дневнике» моем.

ОКТЯБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. К ЧИТАТЕЛЮ

По недостатку здоровья, особенно мешающему мне издавать «Дневник» в точные определенные сроки, я решаюсь, на год или на два, прекратить мое изданпе. Делаю это с чрезвычайным сожалением, потому что и не ожидал, начиная прошлого года «Дневник», что буду встречен читателями с таким сочувствием. Сочувствие это продолжалось всё время, до последнего дня. Благодарю за него искренно. Благодарю особенно всех обращавшихся ко мне письмами: из писем этпх я узпал много нового. И вообще издание «Дневника», в продолжение этих двух лет, многому меня самого научило и во многом еще тверже укрепило. Но, к сожалению, я решительно принужден остановиться. С декабрьским выпуском издание окончится. Авось ни я, ни читатели не забудем друг друга до времени.

II. СТАРОЕ ВСЕГДАШНЕЕ ВОЕННОЕ ПРАВИЛО

Об наших военных ошибках в нынешнюю кампанию говорили и писали и в Европе, п в России. Продолжают рассуждать и теперь. Верная и полная оценка наших военных действий, конечно, принадлежит лишь будущему, то есть по крайней мере может состояться лишь по окончании войны; но некоторые факты выступают уже и теперь с достаточною полнотою, чтоб произнести о них более или менее точное суждение. Не о военных ошибках наших возьмусь судить я, малокомпетентный в этом деле человек (хотя малокомпетентные-то, кажется, всех более у нас теперь и горячатся). Я лишь хочу указать на один современный факт (а не на ошибку), который доселе был военной наукой мало разъяснен, мало наблюдаем, не успел быть оценен в своей *современной*

сущности, который можно было угадывать лишь в теории, но который, практически, почти никогда не был подтвержден, вплоть до нынешней войны. Этому роковому, до нынешней войны практически не подтвержденному в военном деле факту суждено было, как нарочно, проявиться в самой полной своей силе и в самой окончательной своей точности, неминуемо в нынешнюю кампанию, потому что этот чисто военный факт как раз подошел к национальному военному характеру турок или, лучше сказать: к главному отличительному свойству их военного характера. Мало того, можно даже так заключить, что факт этот и не разъяснился бы, пожалуй, без турок, — по крайней мере, в Европе, несмотря на недавние войны (и такие огромные войны как франко-прусская война), он еще не был разъяснен, не успел определиться. Теперь, после рокового опыта текущей войны, он, разумеется, войдет в военное искусство и будет оценен по своему значению. Но в текущую войну *роковое* для нас заключалось в том, что русская армия, так сказать, наткнулась на этот неразъясненный во всем практическом своем значении военный факт и что предназначено было разъяснять его нам, русским, с огромным ущербом для нас, по крайней мере до тех пор, пока смысл его не выяснился для нас вполне. Между тем очень многие, и у нас, и в Европе, наклонны до сих пор считать этот огромный ущерб, который мы понесли от этого неразъясненного факта, — единственно лишь нашей военной ошибкой, тогда как тут было нечто роковое и неминуемое, не ошибка, и будь на нашем месте, например, хоть германское войско, то и оно бы ссадило себе на этом факте бока. . . хотя, может быть, скорее оценило бы его и поспешнее приняло меры. Я хочу только сказать, что не все наши ошибки теперешней кампании — суть в самом деле ошибки и что важнейшая из этих ошибок постигла бы и любую европейскую армию на нашем месте. Повторяю, мы наткнулись на неразъясненный военный факт и до разъяснения его понесли ущерб, — а это нельзя считать безусловной ошибкой. Но что же это за факт?

Когда я, в моей юности, слушал курс высших военных и инженерных наук в Главном инженерном училище, тогда существовало у нас одно убеждение, считавшееся непреложным, одна инженерная аксиома. (Впрочем, поспешу оговориться в скобках: я так давно оставил инженерное и военное дело, что не претендую ни на малейшую в этом смысле компетентность. Я поступил в Главное инженерное училище и слушал в нем шестилетний курс в конце тридцатых и в начале сороковых годов; затем, кончив курс и оставив училище, прослужил инженером лишь год, вышел в отставку и занялся литературой. Тотлебен вышел тремя или четырьмя годами прежде меня. Кауфмана я помню в офицерских классах. С младшим Кауфманом я был в одно время еще в кондукторских. Радецкий, Петрушевский и Иолшин были всего лишь одним классом старше меня. Из моих же одноклассных товарищей удалились с прямого пути на путь шаткий и неопределенный всего

только трое: я, писатель Григорович и живописец Трутовский. Одним словом, всё это было очень давно.) Эта инженерная аксиома состояла в том, что нет и не может быть крепости неприступной, то есть как бы ни была искусно укреплена и оборонена крепость, но в конце концов она должна быть взята, и что, стало быть, военное искусство атаки крепости всегда превышает средства и искусство ее обороны. Разумеется, всё это лишь вообще и теоретически: отвлеченно рассматривается лишь существенное свойство обоих инженерных искусств, атаки и обороны крепостей. Разумеется тоже, что нет правила без исключений; и у нас указывалось тогда на некоторые существующие крепости, которые будто бы были неприступны. Гибралтар, например, о котором, впрочем, мы знали лишь по слухам. Но в научном смысле все таки никакой Гибралтар не мог и не должен был считаться неприступным, и аксиома, что искусство атаки крепости всегда превышает средства и искусство ее обороны, оставалась непоколебимою.

О, другое дело на практике. Иная крепость, например, может получить характер неприступной твердыни (не будучи таковою) потому только, что она, по тем или другим обстоятельствам, может слишком долго задержать перед собою главные силы неприятеля, истощить эти силы и таким образом сослужить службу, больше которой и нельзя требовать. Тотлебен, например, наверно знал, что Севастополь все-таки возьмут наконец, и не могут не взять, как бы он ни защищал его. Но союзники уже наверно не знали и не предполагали, начиная осаду, что Севастополь потребует от них таких напряжений силы. Напротив, вероятно, полагали, что Севастополь займет их месяца на два и войдет лишь как мимоходный эпизод в обширный план тех бесчисленных ударов, которые они готовились нанести России и кроме взятия Севастополя. И вот именно Севастополь-то и сослужил службу неприступной твердыни, хотя и был взят под конец. Долгой, неожиданной для них гениальной защитой Тотлебена силы союзников, военные и финансовые, были истощены и потрясены до того, что по взятии Севастополя о дальнейших ударах нечего было и думать, и враги наши желали мира по крайней мере не менее нашего! А такие ли условия мира предложили бы они нам, если бы удалось им взять Севастополь через два месяца! Таким образом и *не надо* абсолютно неприступных крепостей — при искусной защите и при доблестной стойкости защитников и далеко не неприступная крепость может сломить силы врагов. Тем не менее, как ни гениальна была защита Севастополя, но, повторю это, он, все-таки, рано ли, поздно ли, должен был пасть, потому что, при известном равенстве сил обоих противников, сила атаки всегда превышает силу обороны (то есть опять-таки в научном смысле говоря, а не в практическом, ибо от иных твердынь действительно уходили иногда атакующие, после даже долгой осады их и не по

неприступности их, а рассчитывая лишь сделать другой удар, в другом месте и с меньшим ущербом сил, если только такой исход мог представиться).

III. ТО ЖЕ ПРАВИЛО, ТОЛЬКО В НОВОМ ВИДЕ

И вот этот военный факт, эта, так сказать, военная аксиома в нынешнюю нашу войну с турками вдруг как бы поколебались и чем же — не «долговременным» фортификационным укреплением, не неприступною твердынею грозной крепости, а летучим, полевым, много что «временным» фортификационным укреплением. Прежде полевые укрепления и в счет не шли, это была лишь полевая фортификация. Полевая фортификация лишь укрепляла местность боя, но неприступною никогда ее не могла сделать. У нас под Бородином были воздвигнуты редуты и оказали свою пользу, то есть укрепили местность, но все-таки были взяты и хоть с ущербом для неприятеля, но все-таки в тот же день были взяты, в день битвы.

И вот под Плевной произошло что-то совсем уже новое. Ряд простых полевых, много что *временных* (не очень тоже важная вещь в прежнее время) укреплений придает местности значение неприступной твердыни, которую прежними средствами и взять нельзя, которая уже потребовала от нас двойных, тройных усилий, чем предполагалось вначале, и которая до сих пор еще не взята. Будь весь этот грозный ряд укреплений с прежними средствами защиты — устоял ли бы он против энергического, блистательного, беспримерного натиска русских? Конечно, нет: сослужил бы свое дело, затруднил бы атаку, но 50 000 русских, конечно, при таком беззаветном натиске, как 30-го августа, овладели бы редутами и разбили бы пятидесятитысячную армию Османа-паши, то есть дело завершилось бы при равном числе войск и не потребовалось бы никаких подкреплений. Теперь же, после двух неудавшихся штурмов, оказалось необходимым увеличить нашу армию вдвое, и это по крайней мере, и это только первый шаг к достижению цели.

В чем же дело? Уж конечно, в теперешнем ружье. Турок, закрывшись наскоро набросанною насыпью, может выпустить в атакующих такую массу пуль, что не невероятно, если и вся штурмующая колонна, не дойдя еще и до гласиса, будет истреблена до последнего человека. О, конечно, можно взять всю Плевну совершенно прежними средствами, то есть прежней фронтальной атакой без фортификационных работ, вот точно так же, как были взяты редуты под Бородином. И *наши русские это бы сделали*! Может быть, ни одна армия в Европе не решилась бы сделать это, а они бы сделали. Только вот беда: оказалось из опыта, что для этого наверно надо положить русских десятками тысяч, так что, овладев редутами фронтальной атакой, мы, при рав-

ном вначале числе войск с Османом, оказались бы, под самый конец, столь обессиленными численно, что уже не могли бы сдержать Османа, который бы потерял в десять раз меньше нашего за своими насыпями. Итак, после двух страшных неудавшихся приступов выяснилась наконец необходимость: во-первых, увеличить вдвое нашу силу, затем, с помощью Тотлебена, приступить к инженерным работам, к чему-то даже похожему на атаку сильнейших, долговременных крепостей, затем к обложению Плевны, к занятию дорог, к пресечению сообщений, подвозов к неприятелю. Одним словом, ряд весьма обыкновенных полевых и временных укреплений сослужил врагу нашему роль первоклассной крепости. И хоть и возьмут Плевно (что наверно), то есть, вернее сказать, хоть и возьмут Османа, когда он пойдет напролом, чтобы выйти из собственной западни и не умереть в ней с голоду, а бросившись напролом *откроется* и из защищающегося *перейдет сам в роль атакующего* (в этом-то и всё для нас дело), чем разом потеряет все выгоды смертоносного и непреоборимого огня за закрытыми укреплениями, — тем не менее в результате все-таки выйдет то, что Плевна уже сослужила свое дело врагу нашему, остановила первоначальное победоносное шествие русских, принудила на двойные, тройные усилия и растраты (к чему даже и в Европе уже считали Россию неспособной), и — кто знает, может быть, и без такого страшного для себя результата в конце: Осман всё же ведь надеется хоть половину-то своей армии урвать у русских и убежать вместе с нею, а там опять где-нибудь окопаться и опять воздвигнуть новую Плевну (если только ему дадут всё это устроить; но ведь всякому позволительно надеяться, а Осман человек энергичный и гордый).

Даже так можно сказать: если у обороняющегося есть шанцевый инструмент и хоть десятка два тысяч солдат, с теперешним ружьем, то ряд этих простых прежних полевых укреплений, которых можно в одну ночь разбросать по избранной местности сколько угодно, назавтра усилит эти теперешние два десятка тысяч войска до силы пятидесяти- или шестидесятитысячной армии, с которою, если обстоятельства не благоприятствуют при том маневрированию, вы уже и не знаете что делать. Таким образом — этот ряд легких укреплений оказывается иной раз даже лучше для защищающегося, чем самая грозная и неприступная крепость, потому что эту крепость обороняющийся, отступая, как бы переносит с собою в другое любое место, был бы шанцевый инструмент. Вы у него возьмете ее наконец, положив при штурме тысячи солдат, а назавтра вас встречает такая же крепость на вашем пути, если только успеет уйти от вас враг. Не одна Плевна теперь в Турции, а всякая турецкая армия, всякий даже отряд окапывается и выставляет наутро русскому из-за окопов свои смертоносные ружья: «Подходи-ка, дескать, в двойных силах, да теряй войска вдесятеро, чем ты рассчитывал в начале войны». Атакующему остается, чтоб поравняться силами с ата-

кованным, стать напротив него и тоже окопаться. Но этого нельзя, оп атакующий, он пришел, чтоб атаковать и идти вперед. Он не может сидеть за укреплениями, он пришел штурмовать укрепления. . . Знающие люди поймут, что я говорю лишь теоретически, говорю об атаке и обороне вообще, отбрасывая все другие случайности войны, изменяющие поминутно ход дела, колеблющие его в ту или другую сторону. Я хочу только выразить формулу, что *при нынешнем ружье*, с помощью полевых укреплений, всякий обороняющийся, *в какой бы то ни было стране Европы*, получил вдруг страшный перевес сил перед атакующим. Сила обороны *пересиливает* теперь силу атаки и обороняющемуся несомненно выгоднее воевать, чем атакующему. Вот тот факт, до сих пор в военном деле не разъясненный, в достаточной полноте, и даже совсем *неожиданный*, на который нам, русским, суждено было наткнуться и его разъяснить к огромному нашему ущербу. И это вовсе не наша *ошибка*, а лишь новый военный факт, вдруг вышедший наружу и вдруг разъяснившийся. . .

IV. САМЫЕ ОГРОМНЫЕ ВОЕННЫЕ ОШИБКИ ИНОГДА МОГУТ БЫТЬ СОВСЕМ НЕ ОШИБКАМИ

Ну вот, скажут мне, какой вы тут новый факт открыли? Разве не знали мы до начала кампании, что такое новое ружье и его смертоносная сила? Да и не новое оно, а давно уже старое, так что мы не только могли, но и должны были еще в Петербурге рассчитать и приготовиться к его страшному действию, особенно за закрытым укреплением. То-то и есть, что *на деле* не так выходит, как кажется в теории, и что мы действительно *не могли* рассчитать и приготовиться. Легко это кажется лишь тем штатским людям, которые, сидя в своих кабинетах, критикуют теперь наши военные действия. Я ведь не отрицаю ошибок, заметьте себе, я ведь признаю, что они есть и быть должны, я только этот один *факт* не хочу считать безусловно нашей ошибкой и объявляю, что до нынешней войны он был фактом неразъясненным и даже неизвестным *во всей своей подавляющей силе*. О, без сомнения, можно было рассчитать и заранее знать, что при нынешнем ружье обороняющийся, закрывшись самым легким укреплением, может принесть вреда атакующему даже *вдвое* более, чем прежде; узнать и рассчитать — это дело легкое и даже никакой военной науки не требует. Но вот что было уже несравненно труднее рассчитать и предузнать — именно: что при нынешнем ружье обороняющийся, закрывшись укреплением, нанесет вреда не *вдвое* против прежнего, а, по крайней мере, *впятеро*, а при такой энергической обороне, которую мы встретили у турок (и на которую нам слишком извинительно было не рассчитывать), так и *вдесятеро*. Факт-то был, положим, известен, но сила его, размеры его были неизвестны. Неизвестно было, что нынешнее ружье хоть и уси-

лило нападающего, но защищающегося усилило *несравненно больше*. Эта *чрезмерность-то* усиления не была нам известна, и вот *чрезмерность-то* эта и составляет новый, неожиданный факт, на который мы наткнулись.

Не была известна и не могла быть известна, потому что нигде, до теперешней войны с турками, она не открывалась в такой полноте. Поверьте, что будь на нашем месте германская армия, то и она бы *наткнулась* на этот факт и натерла бы себе бока порядочно. Повторяю, может быть, ранее нашего оценила бы и усвоила всё значение факта и меры бы приняла. Но тут уж свойства народного духа: немец осторожнее и осмотрительнее, в иных случаях, русского, но русский солдат обладает зато такой самоотверженной дисциплиной, таким полным самопожертвованием, такой силой энергии, стойкости и напора, что, право, трудно решить: что еще лучше-то в военном деле, то или другое? Естественно, что наши компетентные люди, зная русского солдата, могли не очень задумываться вначале, прежде опыта над силой нового ружья, даже за укреплениями, и хотя бы оно *не только вдвое, но и втрое* было страшнее прежнего ружья — могли не столь бояться его. А оказалось, что новое ружье за укреплениями *впятеро* и даже *вдесятеро* сильнее прежнего ружья, но в этом можно было убедиться *единственно лишь* из практики. . . А практики в этом случае до сих пор еще в европейских войнах не было. Да, с появлением нового ружья еще много фактов не разъяснилось, и даже самых, казалось бы, простейших. Мы, например, только и ожили теперь, когда прибыли к нашему войску берданки, а пустили войско вначале с другим ружьем, медленным и недальнобойным. Это уже была бесспорная ошибка. Но тот факт, на который я указываю, не был ошибкой: предвидеть его нельзя было во всей полноте, рассчитать тоже нельзя было в точности прежде практики.

Франко-прусская война, между двумя народами столь высокими по образованию, столь равными по силе открытий, изобретений, столь равными по вооружению (у французов было еще лучше ружье, чем у немцев, и немцы принуждены были его принять, не откладывая дела, в самый момент войны), — эта франко-прусская война, привнесшая столь много нового в военное искусство и почти произведшая в нем переворот, не разъяснила однако же, *нашего* факта *нимало*. А могла бы разъяснить. Но случились особые обстоятельства, тому помешавшие, и победители Франции до сих пор, до самой нашей турецкой войны, оставался в неведении, что побежденный им француз имел колоссальное средство в своих руках, чтоб остановить напор немцев в 1871, но не прибегнул к этому средству лишь по особым обстоятельствам, сделавшим то, что средство это и не могло тогда войти французу в голову. Немец победил вовсе не французов, а лишь французские тогдашние порядки, сначала наполеоновского режима, а потом республиканского хаоса. В начале войны французская армия,

национальный характер которой — фронтальная атака грудью. была страшно изумлена и подавлена нравственно тем, что вместо перехода через Рейн и вторжения в Германию она принуждена защищать свою территорию у себя дома. Произошло несколько сражений, в которых победили немцы. Но мысль о том, что с их великолепным шаспо можно бы сразу выдвинуть, чтоб остановить страшный натиск врага, несколько страшнейших Плевн, — не приходила французу вовсе в голову. Он всё рвался грудью вперед и до самого Седана не хотел верить, что он побежден. Последовал Седан, а затем регулярные армии, в большинстве своем, по соображениям вовсе не военным, были устранены от дела. Осталась защита Парижа с сумасшедшим Трошю. Гамбетта вылетел из Парижа на воздушном шаре, descendit du ciel (сошел с неба) в одном департаменте (как пишет об нем один историк), объявил диктатуру и начал набирать новые армии. Эти новые армии мало похожи были на настоящее войско и составлены из всякого сброду не по вине, однако, Гамбетты. Сами они писали тогда же, что большинство их солдат не умело даже зарядить ружья и прицелиться, да и не заботилось о том, не хотело воевать, а хотело покоя. Пошла зима, стужа, голод. Где им было догадаться, что можно вдруг стать втрое, вчетверо сильнее врага, с ружьем Шаспо и с шанцевым инструментом? Да и был ли у них шанцевый инструмент? Помешала тоже осада Парижа, имевшая смысл скорее решающе-политический, чем военный. Одним словом, французы *новым* страшным военным фактом не воспользовались, да и сами не узнали его силы. С теперешней нашей турецкой войной факт выяснился *во всей полноте*, и, уж конечно, политические и военные люди Германии с беспокойством намотали его себе на ус. В самом деле, если факт этот войдет в науку, в тактику всех армий, то, может быть, и французы им воспользуются, когда Германия опять на них бросится. И если французы, отбросив свои военные предрассудки (что очень трудно делается), — вполне усвоят убеждение, выведенное из турецкой нашей войны: что защита, с новым ружьем и шанцевым инструментом, несравненно сильнее теперь атаки и требует от атакующего удвоенных сил, то выйдет следующее соображение: у французов войска миллион, но есть общее военное правило, что атакованному несравненно легче совокупить все свои силы, если он воюет у себя дома, даже если б государство было и при таких невыгодных военных границах, как Россия, но что атакующий, если б имел (чего никогда не бывает) даже хоть два миллиона войска, то никак он не может войти в атакованную землю более чем с шестью или семью стами тысячами войска. Вообразите же теперь, что этот весь миллион защищающихся прибегнет притом к шанцевому инструменту с такою же энергией и широкостью приема, как теперь турки, вообразите притом талантливого полководца и превосходных ин-

женеров, — тогда ведь Германии пришлось бы послать во Францию даже и не миллион, а minimum полтора! Об этом наверно кто-нибудь теперь в Германии думает.

V. МЫ ЛИШЬ НАТКНУЛИСЬ НА НОВЫЙ ФАКТ, А ОШИБКИ НЕ БЫЛО. ДВЕ АРМИИ — ДВЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ. НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

И именно туркам суждено было открыть новый факт во всей полноте! Другие народы, другие армии долго бы не открыли его *практически* в *такой* полноте. Турки слишком давно уже не нападают на Европу сами и привыкли именно к защите. Это и есть главная национальная черта турецкой армии. За укреплениями турок вынослив, энергичен, в нынешнюю же войну Европа как нарочно ободрила его, помогла ему оружием, инженерами, в огромном размере деньгами и, наконец, подстреканиями и натравливанием на нас возбудила в нем фанатизм. Было кому надоумить его, если б даже он и не знал факта, но факт как раз сошелся с его национальным духом. Сразу понял он, что такое шанцевый инструмент при скорострельном ружье и какой чрезмерный перевес силы приобретает теперь защита, с помощию его, над атакой. И как нарочно суждено было нарваться на это русским, — то есть той именно армии, которая, по старинной вековой привычке, усвоила себе атаку рьяным напором, грудью, всем вместе, товариществом, обращаясь из тысяч вдруг как бы в одно существо. . . Вот из двух-то этих обратных друг другу противоположностей и выяснилась новая аксиома во всей полноте. Повторю еще раз: еще можно было предвидеть и рассчитать, что сила нового ружья за закрытым шанцем превышает вдвое и даже втрое усилие атакующего. Надеясь на стойкость и неслыханную энергию русского солдата, мы могли смотреть на это *вдвое* и *втрое* — с презрением (и долго смотрели так), но оказалось не вдвое и втрое, а вдесятеро. Этого нельзя было предвидеть и даже, несмотря уже на практику, усвоить скоро.

Штатским военным, разумеется, всё это будет смешно. Да и факта, опять-таки, никакого они не признают вовсе: «Должны-де были предугадать и кончено. Всем известно, что ружье Пибоди дает десять, двенадцать выстрелов в минуту, ну и должны были понять, что с таким ружьем, сидя за укреплением, турок побьет атакующую колонну до последнего человека». Но в теории, прежде опыта, повторяю опять, нельзя было узнать это во всей полноте. Есть удивительно простые вещи, которых самые гениальные полководцы не могли заранее предугадать. Один французский военный историк горько упрекает Наполеона I за то, что тот, имея у себя, в пятнадцатом году, 170-титысячную армию (всего на всё) и зная отлично, что уже ни солдата более не доста-

нет от Франции — до того она была истощена двадцатилетними войнами, решился, однако же, сам напасть на врагов, то есть на внешнюю войну, а не на внутреннюю. Этот историк силится доказать, что если б он и победил при Ватерлоо, то это бы нисколько не спасло его от окончательного разгрома в ту же кампанию, ввиду подавляющего численного превосходства сил коалиции. Вся ошибка Наполеона состояла, говорит этот историк, в том, что он, по-прежнему еще, считал французского солдата стоящим двух немецких; и если б это было действительно правдой, то, конечно, он бы тем восполнил недостаток сил, с которыми выходил на бой со всею Европой. Но в пятнадцатом году это было уже не так, критикует историк: немцы в двадцать лет научились сражаться и выровняли своих солдат до того, что немецкий солдат совершенно равнялся французскому. Итак, и гениальный Наполеон сделал такую простую бы, кажется, ошибку, не догадался о том, что уже должен был давно знать и что так ясно бросалось в глаза его критику. Но критиковать легко, и легко быть великим полководцем, сидя на диване. Замечательно то, что и Наполеон и мы *ошиблись* на весьма сходном пункте, то есть ошибочно придали чрезмерное значение некоторым национальным особенностям наших войск.

В заключение повторю еще и еще раз, что всё сказанное имеет смысл лишь вообще, имеет смысл лишь научный (верный или неверный — об этом пусть всякий судит как хочет). Но на практике результаты могут чрезвычайно изменяться. Так, например, турки дали же нам в начале войны перейти за Дунай и явиться за Балканами, сдавали же они свои крепости и города и бежали же перед нами, вовсе не думая о шанцевом инструменте и о значении своего ружья Пибоди. И фанатизму в них тогда еще, кажется, не было. В *чем дело*, они сами-то по-настоящему узнали вполне лишь под Плевной. Тут-то они в первый раз догадались о всех современных выгодах атакуемого в тактическом отношении. Но может случиться, что Плевна будет взята через неделю, а с нею и *весь* Осман, то есть ни одного солдата, может быть, не удастся ему с собой увести, если он пойдет на пробой. Затем, вдруг, например, может явиться у турок прежний упадок духа, забудут и об Адрианополе и об Софии, шанцевый инструмент побросают, убегая перед русским натиском без оглядки, одним словом — многое может случиться; но всё это вовсе не изменит значения новой аксиомы, в ее общем смысле, то есть что при теперешних средствах сила обороны превышает силу атаки не по-прежнему, а *чрезмерно*. Возьмем еще пример: где-нибудь ведется война и генерал затворился с своим отрядом в сильной крепости. Рассчитав все данные, то есть средства провианта, помещения и силу крепостных верков, инженерная наука может (мне кажется) определить почти до точности: сколько времени крепость могла бы сопротивляться и тем принести несомненную пользу своему государству, задержав в самое горячее время под стенами своими вдвое, например, силь-

нейшего атакующего неприятеля? Положим, этот срок шесть или семь месяцев, и вот вдруг генерал, затворившийся в этой крепости, сдает ее на капитуляцию, по своим особенным соображениям, не через 7 месяцев, а через два! Но ведь это нимало, нисколько не нарушает первоначального научного расчета о возможности защищаться семь месяцев. Одним словом, практика может изменять дело с бесконечными вариантами. Тем не менее аксиома о *чрезмерности* перевеса (даже и не снившейся никому и нигде прежде до теперешней нашей войны с турками) силы обороны перед силой атаки при теперешних средствах вооружения — остается во всей силе. (Подчеркну еще раз: не перевес силы нельзя было нам предвидеть, а такую *чрезмерность* его.)

Но теперь практика уже на нашей стороне, и мы больше *такой* ошибки не сделаем. Теперь там Тотлебен; что он делает, нам в точности неизвестно, но гениальный инженер найдет, может быть, средство (не только в частном случае, но и вообще) потрясти *аксиому*, уничтожить *чрезмерность* и уравновесить две силы (атаки и обороны) каким-нибудь новым гениальным открытием. На его действия внимательно и жадно смотрит Европа и ждет не одних политических выводов, но и научных. Одним словом, наш военный горизонт просиял, и надежд опять много. В Азии кончилось большой победой. Балканская же армия наша многочисленна и великолепна, дух ее вполне на высоте своей цели. Русский народ (то есть народ) весь, как один человек, хочет, чтоб великая цель войны за христианство была достигнута. Нельзя матерям не плакать над своими детьми, идущими на войну: это природа; но убеждение в святости дела остается во всей своей силе. Отцы и матери знают, на что отпускают детей: война народная. Это отрицают иные, не верят, набирают факты противуречащие, а вот такие, например, известия, мелким шрифтом, в газетах так и остаются почти непримеченными:

«Со станции Бирзулы пишут в „Одесский вестник", что 3-го октября через эту станцию провезено в действующую армию 2800 выздоровевших солдат. С ними было 6 выздоровевших раненых офицеров. Замечательно, что из числа раненых *ни один* не пожелал воспользоваться своим правом и остаться в запасных войсках. Все спешили и спешат на место войны («Моск. ведомости», № 251)».

Как вам нравится такое сведение? Ведь уж, кажется, такие факты свидетельствуют о характере дела! Как же утверждать после них, что нынешняя война не имеет народного характера и что народ в стороне? Но таких фактов не один, а множество. Все они соберутся и просияют и войдут в Историю. . . К счастью, большинство этих фактов засвидетельствовано многочисленнейшими европейскими очевидцами и теперь уже их нельзя изменить, подтасовать и представить в биржевом или в *римско-клерикальном виде*. . .

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. САМОУБИЙСТВО ГАРТУНГА И ВСЕГДАШНИЙ ВОПРОС НАШ: КТО ВИНОВАТ?

Все русские газеты толковали недавно (и до сих пор толкуют) о самоубийстве генерала Гартунга, в Москве, во время заседания окружного суда, четверть часа спустя после прослушания им обвинительного над ним приговора присяжных. А потому я думаю, что все читатели «Дневника» уже знают более или менее об этом чрезвычайном и трагическом происшествии и подробно объяснять его мне уже нечего. Общий смысл в том, что человек, в значительном чине и круга высшего, сходится с бывшим портным, а потом процентщиком и дисконтером Занфтлебеном, и не потому только, что принужден был занимать у него деньги, а даже как бы и дружественно, принимает, например, на себя обязанность его душеприказчика, и, по-видимому, очень охотно. Затем, по смерти Занфтлебена, происходит несколько вопиющих вещей: пропадает вексельная книга неизвестно куда; векселя, бумаги и документы, с совершенным нарушением порядка, предписанного законом, отвозятся Гартунгом к себе на квартиру. Гартунг, как оказывается, вступает в соглашение с одной частью наследников в ущерб другой (хотя, может быть, и не подозревает того сам). Затем к нему врывается один из наследников, и бедному душеприказчику уже на деле приходится узнать, что он попал в такое общество, в какое и не ожидал. Затем начинаются обвинения уже прямо — в краже векселей, вексельной книги, в переписке векселей, в исчезновении документов с лишком на сто или даже на двести тысяч рублей имущества. . . Затем начинается суд. Прокурор даже рад суду и тому, что генерал сидит рядом с простолюдином и тем дает повод русской Фемиде произнести торжество равенства перед законом сильных и высших с малыми и ничтожными.

Суд, однако же, идет весьма нормальным порядком (что бы ни говорили об этом), и в конце концов присяжные выносят почти неминуемое обвинение, в том числе и о Гартунге, смысл которого: «виновен и похитил». Суд удаляется составить приговор, но генерал Гартунг дождаться его не захотел: выйдя в другую комнату, он, говорят, сел к столу и схватил обеими руками бедную свою голову; затем вдруг раздался выстрел: он умертвил себя принесенным с собой и заряженным заране револьвером, ударом в сердце. На нем нашли тоже заране заготовленную записку, в которой он «клянется *всемогущим богом*, что ничего в этом деле не похитил и врагов своих прощает», Таким образом, он умер в сознании своей невинности и в сознании своего джентльменства.

И вот эта-то смерть и взволновала всех в Москве и все газеты во всей России. Говорят, и судьи и прокурор вышли из своих

комнат совсем бледные. Присяжные, говорят, будто бы тоже были сконфужены. Газеты завопили даже об «очевидно несправедливом решении», и одни из них замечали, что наши суды нельзя уже теперь обвинять за мягкие и потворствующие приговоры: «Вот, дескать, пример: пал невинный». Другие справедливо заметили, что таким торжественным и последним словам человека на земле почти невозможно не верить, а, стало быть, почти несомненно можно заключить, что произошла плачевная судебная ошибка. И многое, многое говорили и писали газеты. Надо признаться, некоторые из отзывов газет были странны: слышалась какая-то фальшь, может быть, горячая и искренняя, но фальшь. Гартунга жалко, но тут скорее трагедия (преглубокая), фатум русской жизни, чем с которой-нибудь стороны ошибка. Или, лучше сказать, тут все виноваты: и нравы, и обычаи нашего интеллигентного общества, и характеры, в этом обществе выровнявшиеся и создавшиеся, наконец, нравы и обычаи наших заимствованных и недостаточно обрусевших молодых судов. Но ведь когда все огулом виноваты, значит, порознь нет никого виновного. Из всех газетных отзывов мне всего более понравился отзыв «Нового времени». Я накануне как раз говорил с одним из наших тонких юристов и знатоков русской жизни, и оказалось, что насчет этого дела у нас один и тот же вывод, причем мой собеседник весьма метко указал на «трагизм» этого дела и на причины трагизма. На другой день, в фельетоне Незнакомца, я прочел очень многое весьма похожее на то, об чем мы только что говорили накануне. А потому, если и скажу теперь несколько слов, то лишь в частности и «по поводу».

II. РУССКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН. ДЖЕНТЛЬМЕНУ НЕЛЬЗЯ НЕ ОСТАТЬСЯ ДО КОНЦА ДЖЕНТЛЬМЕНОМ

Дело в том, что старые характеры еще не перевелись, и, кажется, еще долго не переведутся, потому что на всё надобен срок и везде природа. Я говорю о характерах нашего интеллигентного общества. Здесь, впрочем, настойчиво и с упором замечу: что и не хорошо было бы, если б мы вдруг как флюгера изменялись, потому что самая противная вещь в наших интеллигентных характерах именно это свойство легковесности и бессодержательности. Она напоминает что-то лакейское, лакея, рядящегося в барское платье. Одно из свойств, например, нашего джентльменничанья, если мы почему-нибудь раз прикоснулись к богатым и знатным, и особенно если к ним проникли, — это *представительность*, потребность обставить себя широко. Заметьте, я лично о Гартунге не говорю теперь ни слова, я совершенно не знаю его биографии; я только хочу отметить несколько штрихов всем известного характера нашего интеллигентного человека, говоря вообще, и

с которым, при известных обстоятельствах, могло бы случиться точь-в-точь то же самое, что и с генералом Гартунгом. Человек, например, ничтожный, в малом чине, без гроша в кармане, вдруг попадает в высшее общество или хоть почему-либо соприкоснется с ним. И вот у бедняка, ничего не имевшего, кроме способности профильтроваться в высшее общество, вдруг является своя карета, квартира, в которой «возможно» жить, лакеи, костюмы, перчатки. Может быть, он хочет сделать карьеру, выбиться в люди, но чаще всего бывает так, что просто подражать хочет: все, дескать, так живут, как же я-то? Тут какой-то в нем стыд, которого никак нельзя пересилить, одним словом: честь и порядочность понимаются как-то странно, собственного же достоинства не оказывается никакого. В параллель этому непониманию такой первейшей вещи, как чувство собственного достоинства, можно поставить, мне кажется, лишь непонимание, чуть не всем интеллигентным европейским веком нашим, свободы, в чем состоит она, — но об этом потом. Вторая и опять-таки почти трагическая черта нашего русского интеллигентного человека — это его податливость, его готовность на соглашение. О, есть множество кулаков, биржевиков, противных, но стойких мерзавцев: есть даже и хорошие стойкие люди, но их мало ужасно, в большинстве же порядочных русских людей царит именно эта скорая уступчивость, потребность уступить, согласиться. И вовсе это даже не от добродушия, равно как далеко не от трусости, а так, деликатность какая-то или неизвестно уж что тут. Сколько раз вам, например, приходилось в разговоре с упорным, например, человеком, налегавшим на вас и требовавшим вашего отзыва, согласиться и уступить ваше мнение или ваш даже голос в каком-нибудь заседании, хотя вы, может быть, внутри себя и вовсе бы того не желали. Увлекает тоже очень русского человека слово *все*: «я как и все», — «я с общим мнением согласен», — «все идем, ура!» Но есть тут и еще странность: русский человек сам себя обольстить, прельстить, увлечь и уговорить очень любит. И не хочется ему сделать то и то, пойти, например, в душеприказчики к Занфтлебену, но уговорит себя: «Что ж, дескать, такое, пойду. . .»

Бывают в этом слое интеллигентных русских людей типы, с некоторой стороны даже чрезвычайно привлекательные, но именно с этими несчастными свойствами русского джентльменства, на которые я сейчас намекал. Иные из них почти невинны, почти Шиллеры; их незнание «дел» придает им почти нечто трогательное, но чувство чести в них сильное: он застрелится, как Гартунг, если, по своему мнению, потеряет честь. Может быть, их даже довольно и числом. Но вряд ли эти люди знают, например, когда-нибудь сумму своих долгов. И не то чтоб все они были кутилы. Иные, напротив, прекрасные мужья и отцы, но деньги можно мотать и кутиле и прекрасному отцу. Весьма многие из них входят в жизнь с слабыми остатками прежних родовых

имений, которые быстро улетучиваются в первые же дни юности. Затем брак, затем чин и хорошее казенное местечко, которое так себе, а всё же дает какой-нибудь доход и основание в жизни, нечто уже солидное, в противоположность великосветскому бродяжеству в прежнюю жизнь. Но долги идут беспрерывно, он, конечно, платит их, потому что он джентльмен, но платит новыми долгами. Положительно можно сказать, что многие из них, обдумывая в иную минуту свое положение про себя, наедине, могли бы смело и с великим благородством произнести: «Мы ничего не похищали и ничего не хотим похитить». Между тем вот какая тут мелкая черточка может даже произойти: при случае (ну очень понадобилось) он способен взять взаймы даже у няньки детей своих какие-нибудь накопленные ею 10 рублей. Да что же такое, помилуйте, почему же нет? Притом старушка-нянька, весьма часто, есть обжившийся близкий и интимный в доме человек. Она почти член семьи, ее ласкают, ей даже самые важные ключи на хранение передают. Добрый генерал, ее барин, давно уже обещал ей место в богадельне на старость, да вот только дела-то эти всё мешают ему позаботиться, а давно бы надо там об ней словечко замолвить. А нянька так и напомнить страшится, напоминает разве один разик в год о богадельне, всё трепещет досадить такому нервному и обеспокоенному всегда человеку, как ее генерал. «Добрые ведь они, сами вспомнят», — думает она подчас, укладывая в постель свои старые кости; об 10-ти же рублях и напомнить так даже стыдится, у ней своя совесть есть, у старушки. И вот вдруг умирает генерал, и — ни места у старушки, ни десяти рублей. Всё это, разумеется, пустяки и мелочь страшная, но если бы вдруг на том свете напомнили генералу, что нянька-то ведь 10-ти рублей не получила, то он бы страшно покраснел: «Какие десять рублей? Неужто! Ах да, ведь в самом деле, года четыре назад! Mais comment, comment,[1] и как это могло случиться!» И этот долг мучил бы его сильнее, чем иной даже десятитысячный оставленный им на земле! Ему было бы ужасно как стыдно: «О, поверьте, я не хотел того, поверьте, что я даже не думал о том, забыл думать!» Но бедного генерала слушали бы там только ангелы (так как он наверно попал бы в рай), а нянька все-таки осталась бы без десяти рублей на земле, и жалко ей их иногда, старушке: «Ну да бог с ними, грех поминать этим, а человек были самый драгоценный, самый как ни на есть праведный барин».

И вот что еще: если бы этот прелестный человек как-нибудь опять очутился на земле и воплотился в прежнего генерала — отдал бы он 10 рублей няньке или нет?

Но не всё ведь они занимают. Вот приятель, благо-р-роднейший Иван Петрович, просит его выдать ему векселей тысяч на шесть: заложу, дескать, в банк, где я состою, и дисконтирую, а вот тебе, дражайший друг, встречные на шесть тысяч. Чего же

[1] Но как, как (*франц.*).

думать? Векселя выдаются, Ивана Петровича он часто встречает потом в клубе, оба забыли, разумеется, и думать о выданных векселях, потому что оба суть самый цвет, так сказать, порядочных людей в нашем обществе, и вдруг, через шесть месяцев, все шесть тысяч падают на плечи генералу: «Извольте, дескать, платить, ваше превосходительство». Ну вот тут и бросаются к людям как Занфтлебен и пишут документы, в сто на сто.

Поверьте опять-таки, что я, в изображении моем, ни одной чертой не претендую обличать покойного генерала Гартунга: я его совсем не знал и ничего не слыхал о нем лично. Я только имел претензию чуть-чуть начертить характер одного из членов этого общества, но который, однако, если б попался в такую же передрягу, как генерал Гартунг к Занфтлебену, то с ним могло бы произойти совершенно то же самое, как и с Гартунгом, до самоубийства включительно. А потому, мне кажется, в деле Гартунга нечего ни стыдить суд, ни стыдиться суду. Тут ведь фатум, трагедия: генерал Гартунг до самой последней минуты своей считал себя не виновным и оставил записку. . .

— Да, но ведь вот, однако ж, эта записка, — скажут другие. — Ведь невозможно же, чтобы в такую минуту человек, да еще верующий, как оказывается, мог солгать. Значит, он ничего не похитил, коли так торжественно заявил, что не похитил. Да и сделки тут никакой не могло быть у него даже с совестью: как бы ни был шаток и затемнен смысл человека всей этой путаницей, но уж коли он говорит «я не похитил», то он не может не знать: «похитил он или не похитил?» Это ведь просто дело рук человеческих. Тут просто вопрос: клал в карман или не клал? Как же он мог не знать, если б положил?

Это совершенно справедливо, но вот ведь что может тут быть, и даже наверно: ведь он написал только про одного себя: «Я, дескать, ничего не похитил, и не думал о похищении», — но ведь могли похитить другие.

— Совершенно невозможно, — возразят мне. — Если он дал похитить другим и, зная о том как опекун, смолчал, то, стало быть, *и он похитил* с другими! Генерал Гартунг не мог не понимать, что тут нет разницы.

Отвечу: во-первых, можно еще оспорить аргумент, что «если знал и дал похитить, то, стало быть, и он похитил», а во-вторых, тут несомненно есть разница. А в-третьих, генерал Гартунг мог именно написать в этом лишь буквальном смысле, о котором мы говорим: «То есть я, дескать, лично не брал и *не хотел* брать ровно ничего, сделали другие и против моей воли. Я виновен лишь в слабости, но не в мошенничестве, потому что сам ничего не хотел брать ни у кого и даже сопротивлялся. Сделали другие. . .» Он именно мог написать в этом смысле свои роковые слова, но в то же время, будучи столь честен и благороден, ни за что не мог бы согласиться, что «коли попустил украсть, значит, сам украл». Он к богу шел, и он знал, что не хотел ни украсть, ни

попустить, а так само укралось. Да к тому же заметьте, он никак бы и не мог разъяснить в этой записке свои слова пошире: то есть что виновен в послаблении, а не в похищении и проч. Не мог же он, джентльмен, доносить на других, — особенно в такую торжественную минуту, в которую он «простил врагам своим».

А наконец, и это всего вероятнее, он, может быть, не мог в своем сердце сознаться даже и в послаблении, в слабости, в добродушном попущении. Тут, может быть, была такая сеть обстоятельств, которую он до самой последней минуты, включительно, осмыслить не мог, с тем и ушел на тот свет. «Похищена-де вексельная книга» — и вот толковые люди, которым он вполне доверяется, убеждают его в самом начале, что ведь это просто пустяки, пропала сама как-нибудь, потому что ведь никому она и не нужна. Они выводят ему цифрами, математически, что вексельная книга была бы во вред, а не к пользе самим даже наследникам. (Ведь этот самый аргумент представляла же на суде потом защита, и, кажется, он был справедлив.) В этом смысле могло быть и всё остальное выставлено и растолковано Гартунгу. Ведь он дел не знал, и его можно было убедить во всем. «Поверьте, дескать, мы тоже благородные люди, мы, как и вы, не хотим похитить *ничего* у наследников, но дела-то у Занфтлебена остались в таком щекотливом виде, что если там они (наследники) узнают теперь про вексельную книгу и всё это, то могут прямо нас обвинить в мошенничестве, а потому надо скрыть от них». Эти «беспорядки Занфтлебена», разумеется, открывались не вдруг, а постепенно, так что Гартунг узнавал истину или, лучше сказать, терял истину и втягивался в ложь каждый день постепенно. И вот вдруг к нему прямо врывается один из наследников, и если не кричит, что генерал Гартунг вор, то ведь всё равно что кричит: он ведь вошел с торжеством, с победоносной и злой улыбкой и уж вполне уверенный, что теперь смеет сделать в квартире генерала всякую пакость. И тут только генерал вполне узнал, в какую трущобу забился. Потом он совсем потерялся, он стал предлагать компромиссы, сделки и запутал, конечно, себя еще более, а обвиняющая сторона жадно вцепилась в новые компрометирующие его факты насчет компромиссов и сделок. Всё пошло в дело. Одним словом, Гартунг умер в сознании совершенной своей личной невинности, но и ошибки. . . судебной ошибки, в строгом смысле, никакой не было. Был фатум, случилась трагедия: слепая сила почему-то выбрала одного Гартунга, чтоб наказать его за *пороки*, столь распространенные в его обществе. Таких, как он, может быть, 10 000, но погиб один Гартунг. Невинный и высоко честный этот человек, с своей трагической развязкой, конечно, мог возбудить наибольшую симпатию, из всех этих десяти тысяч, а суд над ним приобрести наибольшую огласку по России для предупреждения «порочных»; но вряд ли судьба, слепая богиня, на это именно рассчитывала, поражая его.

III. ЛОЖЬ НЕОБХОДИМА ДЛЯ ИСТИНЫ. ЛОЖЬ НА ЛОЖЬ ДАЕТ ПРАВДУ. ПРАВДА ЛИ ЭТО?

И, однако, во мне все-таки воскресло одно, еще прежнее впечатление, которым хочется поделиться, хотя, может быть, очень наивное. Это уже вообще об нашем суде. Гласный суд с присяжными заседателями принято считать во всем мире чуть не за достигнутое совершенство: «Это, так сказать, победа, высший плод ума». Я верю со всеми, потому что вам скажут, например: «Ну выдумайте лучше» — и ведь вы не выдумаете. Следственно, необходимо согласиться уже по тому одному, что нельзя лучше выдумать. А между тем вот всходит на сцену. . . то бишь на эстраду, г-н прокурор. Представим, что это человек превосходный, умный, совестливый, образованный, с христианскими убеждениями и знающий Россию и русского человека, как мало в России знают. Ну-с, а вот этот совестливейший человек прямо начинает с того, что он «даже рад, что случилось это преступление, потому только, что пришла наконец кара этому злодею, вот этому подсудимому, потому что если б вы только знали, господа присяжные, какая это каналья!» То есть он, разумеется, «каналью» не употребит, но ведь это всё равно: он самым вежливейшим, самым мягким и самым гуманным образом выставит его под конец даже хуже канальи, хуже даже всякой канальи. Скорбя сердцем, он деликатнейшим образом передает, что ведь и мать его была такова, что он, наконец, не мог не украсть, потому что самый низкий разврат увлекал его всё более и более в бездну. Сделал же он всё сознательно и преднамереннейшим образом. Вспомните, как хорошо ему послужил пожар в соседней улице в минуту совершения им преступления, потому что пожар, произведя тревогу, отвлек к себе внимание и дворников и всего околотка. «О, я, разумеется, далек от всякого *прямого* обвинения в поджоге, но, господа присяжные, согласитесь, что тут странное совпадение двух обстоятельств, неизбежно наводящих на известную мысль, но я молчу, молчу, — но, конечно, вы этого вора, убийцу (потому что он непременно бы убил, если б встретил кого в квартире) и, наконец, поджигателя, отъявленного, доказанного поджигателя, — конечно, уж вы его ушлете куда-нибудь подальше и тем дадите возможность вздохнуть добрым людям, хозяйкам спокойно удаляться из квартиры за покупкой провизии, а владельцам домов не трепетать за свое имущество, хотя бы таковое и было застраховано в том или другом страховом обществе. А главное, напрасно я это всё вывожу: взгляните на него! вот он сидит, не смея взглянуть в глаза честным людям, и разве мало одного простого взгляда, чтоб убедиться, что это и вор, и убийца, и поджигатель. Об одном лишь торжественно сожалею, что ему не удалось сделать десять таких же покраж белья, зарезать десять таких же хозяек и поджечь десять таких же домов, потому что тогда самая уже колоссальность преступления потрясла бы граждански-сонли-

вое общество наше и заставила бы его прибегнуть наконец к самозащите и выйти из преступного своего гражданского усыпления. . .»

О, мы знаем, что г-н прокурор будет говорить гораздо благороднее. Слова наши карикатура и годятся лишь для юмористической воскресной газетки с куплетами и карикатурами, положим. Положим, это будет даже одно из таких дел, которые возбуждают глубокие социальные и гражданские вопросы, а главное, в нем будут психологические места, а в психологии, как известно, чрезвычайно бойки прокуроры даже во всей Европе. Ну, и что же, все-таки выйдет в заключение то же самое, то есть что жаль, дескать, что не было вместо одного — десяти, тридцати, пятисот отравлений, потому что тогда бы содрогнулись ваши сердца и вы бы встали как один человек, и т. д. и т. д.

Но, возразят мне, что ж тут такого? Положим, ужасно много прокуроров совсем не ораторы, но прокурор, во-первых, чиновник и должен действовать сообразно службе своей, и во-вторых, что прокуроры всегда преувеличивают обвинение — в том нет не только ничего предосудительного, но, напротив, всё полезное. Ибо так именно и надо. Зато, в противуположность ему, есть защитник подсудимого, которому позволяется вполне опровергать прокурора. Кроме того, даже во всей Европе позволяется доказывать, конечно, с полнейшей вежливостью, что прокурор глуп, нелеп, подловат и что «если кто зажег третьего дня в 3-й линии на Васильевском дом, так это именно этот самый человек, потому что он как раз в это самое время был на Васильевском острове на именинах генерала Михайлова, превосходнейшего и благо-о-рроднейшего существа, а что он зажег дом, то в этом нет сомнения по тому одному даже (опять психология), что не подожги он этот дом, по вражде с домовладельцем купцом Иваном Бородатым, то ему бы никогда не могло прийти в голову такое глупое, такое ни на что не похожее и пошлое обвинение подсудимого в поджигательстве для отвода глаз всей улицы во время совершения этого мнимого и несообразного ни с чем преступления. Собственный поджог его именно и навел на мысль». Наконец, возьмите и то, что защитнику позволяется делать жесты, проливать слезы, скрежетать зубами, рвать свои волосы, стучать стульями (но не замахиваться ими) и, наконец, падать в обморок, если он уже очень благороден и не может вынести несправедливости, что, впрочем, кажется, не позволено прокурору, как бы ни был он благороден, потому что как-то странно было бы вдруг упасть навзничь чиновнику в мундире. Не употребляется это вовсе.

Опять-таки всё, что я говорю, — карикатура, одна карикатура, и ничего этого не бывает, а обходится всё на самой благородной ноге, я согласен (хотя стульями-то стучали и в обморок-то падывали)! Но ведь я только хлопочу о сущности дела, потому что в самых благороднейших выражениях доходят до того же самого, как и в неблагороднейших.

— Как, что вы, — укажут мне, — да это-то и надо, именно преувеличение-то и надо, с обеих сторон! Присяжный иногда человек не столь образованный, и к тому же занятой, у него там своя лавка, дела, он подчас рассеян, а подчас так и просто не в силах сам углубиться. А потому именно его надо углубить, показать ему все фазисы дела, даже самые невозможные, чтобы он уже вполне был уверен, что обвинением всё, что только может прийти в голову, уже исчерпано и что думать над этим уже больше нечего, равно как защитой подведено всё, что только возможно и невозможно предположить, к убелению подсудимого, паче горнего снега. А потому, там в особой комнате, сводя итоги, они уже знают, так сказать, механически, что должно выскочить, плюс или минус, так что совестью по крайней мере они могут быть совершенно спокойны. В результате ясно, что всё это совершенно необходимо для истины, то есть и ожесточенное нападение и ожесточенная защита, и даже так, что ожесточенное-то нападение обвинителя, если только взять в самом строгом смысле, даже полезнее подсудимому, чем самому обвинителю, так что опять-таки ничего нельзя выдумать лучше.

Одним словом, современный суд не только победа или высший плод ума, но и самая мудреная вещь. С этим нельзя не согласиться. Суд притом гласный; стекается публика даже сотнями человек — и неужели предположить, что они стекаются из праздности, для спектакля только? Нет, конечно: из какого бы побуждения ни собирались они, а надо, чтобы уходили с впечатлением высшим, сильным, назидательным и целебным. Между тем все сидят и видят, что тут, в основе, какая-то ложь — о, не в суде, конечно, не в значении приговора, а просто, например, в иных привычках, с такою счастливою легкостью воспринятых у Европы и укоренившихся в наших представителях защиты и обвинения. Я вот ухожу домой и дома про себя думаю: ведь Ивана Христофорыча, прокурора, я лично знаю, умнейший и добрейший человек, а между тем ведь он лгал, и знал, что лгал. Дело какого-нибудь выговора или двухмесячного заключения он натянул на двадцатилетнюю ссылку в отдаленнейшие места. Пусть это даже надо для самой ясности дела, но всё же он лгал, и лгал сознательно, а ведь дело-то об шее человека идет. Как же это так согласить, особенно если он человек с талантом: ведь il en reste toujours quelque chose,[1] особенно если защита плоховата и только стульями умеет стучать. Положим, тут даже самолюбие Ивана Христофоровича разыгралось, чисто человеческая черта, но извинительная ли в таком важном деле? Куда же тут человек-то девался, высший-то человек, гуманный, цивилизованный?

Пусть, пусть, наконец, из этого-то из всего и выходит истина, и выходит, так сказать, механически даже, самым хитрейшим путем, но ведь сбирающаяся на суд публика, пожалуй, и впрямь

---

[1] всегда что-то остается (*франц.*).

будет собираться тогда на зрелище, на созерцание механического и хитрейшего пути, и, слушая с восторгом, как, например, талантливый защитник так отлично лжет против совести, она чуть не аплодирует ему с своих стульев: «Как, дескать, лжет хорошо человек!» Ведь от этого зарождается в массе этой публики цинизм и фальшь, и укореняются незаметно. Жаждут уже не истины, а таланта, лишь бы повеселил и развлек. Тупеет гуманное чувство, которое уже не восстановите кувырканьями в обморок. Ну, а представьте опять-таки, если лжец действительно с огромным талантом?

Я знаю, что всё это лишь праздное с моей стороны нытье. Но послушайте, учреждение гласного присяжного суда всё же ведь не русское, а скопированное с иностранного. Неужели нельзя надеяться, что русская национальность, русский дух когда-нибудь сгладят шероховатости, уничтожат фальшь. . . дурных привычек, и дело пойдет уже во всем по правде и по истине. Правда, теперь это невозможно: теперь именно защита и обвинение блистают этими дурными привычками, ибо одни ищут денег, а другие карьеры. Но ведь когда-нибудь можно же будет прокурору даже защищать подсудимого, вместо того чтоб обвинять его, так что защитники, если бы захотели возразить, что даже и той малой доли обвинения, которую прокурор всё же оставил на подсудимом, нельзя применить к нему, то присяжные заседатели им просто бы не поверили.

Я даже так думаю, что такой прием скорее бы и вернее гораздо способствовал к отысканию истины, чем прежний механический способ преувеличения, состоящий в крайности обвинения и в зверстве защиты? Ответят, конечно, что это решительно невозможно, а так как то же самое и в Европе, то и быть не должно, и что «*чем механичнее, тем даже и лучше*».

Вот этот механизм-то, этот механический способ вытаскивать наружу правду, может быть, у нас и заменится. . . просто правдой. Искусственное преувеличение исчезнет с обеих сторон. Всё явится искренним и правдивым, а не игрой в отыскание истины. На сцене будет не зрелище, не игра, а урок, пример, назидание. Правда, адвокатам будут платить гораздо меньше. Но все эти утопии возможны будут, разве когда у нас вырастут крылья и все обратятся в ангелов. Но ведь и судов тогда не будет...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I. РИМСКИЕ КЛЕРИКАЛЫ У НАС В РОССИИ

Недавно «Московские ведомости», № 262-й, сделали в своей передовой статье следующее замечание:

«Третьего дня мы обратили внимание на какую-то партию внутри России, действующую в согласии с ее врагами и готовую помогать туркам в их

борьбе с нею,— партию русских англо-мадьяр, которой ненавистно всякое проявление нашего народного духа, всякое действие нашего правительства в этом духе и которая русский патриотизм ставит на одну линию с нигилизмом и революцией, — партия, которая питает гнуснейшими корреспонденциями враждебную нам заграничную печать. Едва была сдана наша статья в печать, как телеграмма нашего петербургского корреспондента передала нам сущность обнародованного „Правительственным вестником" сообщения, изобличающего новые проделки этой партии. В то самое время, когда между Плевной и Орхание наша армия имела блистательные успехи, в Петербурге интрига распускает слухи о поражении, будто бы понесенном этими самыми победоносными войсками, стараясь распространить в публике уныние, и старается так усердно, что правительство сочло необходимым предостеречь публику от подобных злоумышленных слухов».

«Новое время» заметило по этому поводу на другой же день, вскользь впрочем, что «Московские ведомости» хватили немножко далеко и что «Правительственный вестник» разумел, может быть, просто какую-нибудь болтовню в публике, вовсе не имеющую такого значения. (Излагаю мысль «Нового времени» своими словами на память.)

Весьма может быть, что и так и что «Правительственный вестник» и впрямь говорил лишь о какой-нибудь «болтовне». Тем не менее предположение «Московских ведом<остей>» имеет несомненное основание. Только какие же тут англо-мадьяры, о которых упоминают «Мос<ковские> вед<омости>»? У нас, на наших окраинах, да и внутри, свои римские клерикалы найдутся. Теперь уже не май месяц; теперь уже все знают и пишут о клерикальном всемирном заговоре, и даже самые либеральные из наших газет согласились, что заговор этот имеет свою силу. Но странно было бы, если б ватиканский заговор миновал наших римских клерикалов и не употребил их в дело. Смута, в тылу русских армий, чрезвычайно была бы выгодна Ватикану, особенно в настоящую минуту. Вот еще выписка, но уже из «Нового времени», № 587. «Новое время» в отделе своем «Среди газет и журналов» цитует мнение «Голоса», выраженное по поводу некоторых статей в английской «Morning post» и в некоторых заграничных польских журналах. Вот эта выписка:

«В „Morning post", от 22-го октября, напечатана любопытная, по своей неожиданности, статья, где туркофильская газета сообщает о переговорах, будто бы начатых уже между Россией и Германией, по поводу уступки Германии Привислинского края по Вислу! Само собою разумеется, что в глазах „Morning post" это составляет результат сделки, по которой Германия обязуется помочь „приобретениям России на Балканском полуострове". Лондонская газета настойчиво толкует далее, что поляки Привислинского края вовсе не думают теперь о восстании, „не желая попасть еще в горчайшее рабство", то есть во власть пруссакам, и что если в „русской Польше" произойдут какие-нибудь беспорядки, то они будут простым последствием „русско-прусских интриг"... Замечательно, что за несколько дней перед тем, как появилась эта статья в „Morning post", о том же самом предмете, хотя и в несколько другом тоне, говорил „Dziennik polsky", сообщив, будто бы русское правительство, выводя свои войска из Привислинского края, распространило там воззвание к крестьянам, приглашая их образовать из себя сельскую стражу для наблюдения за панами и для подавления всяких попыток к мятежу.

Передавая содержание этих статей, „Голос“ удивляется, с чего вдруг стали так усердствовать „Dziennik polsky“ и „Morning post“? Для чего понадобилась им нелепая басня о русском воззвании к привислинским крестьянам и о русско-прусских agents provocateurs,[1] будто бы старающихся возбудить „искусственное восстание в «конгрессувке»“?

Эти неожиданные выходки должны же иметь какую-нибудь цель. Газеты, их напечатавшие, вероятно, имеют сведения, заставляющие их опасаться возникновения беспорядков в Привислинском крае, и стараются заранее исказить смысл движения, последствий которого они, по-видимому, опасаются. Прием этот не нов. Он уже употреблялся поляками и их западными друзьями в 1863 году. Одно это воспоминание заставляет уже признать, что статьи „Dziennik polsky“ и „Morning post“ не лишены значения и имеют какую-то таинственную связь с прежними толками мадьярской печати о сочувствии поляков к туркам и о их тайном желании усложнить положение России революционною агитацией на нашей западной границе. Любопытно, что эти статьи совпадают с известием о кандидатуре кардинала Ледоховского на папский престол. Мы не принадлежим, заявляет „Голос“, к числу охотников придавать преувеличенное значение всем фантастическим комбинациям, за которые хватаются недоброжелатели России, в надежде помешать благоприятной для нее развязке нынешней войны. В данном же случае дело кажется нам настолько серьезным, что нельзя уже оставить без указания такой факт, каким является неожиданное и ничем, по-видимому, не вызванное появление статей „Dziennik polsky“ и „Morning post“».

Стало быть, есть же нечто похожее на ветви клерикального заговора, может быть, и у нас? Уж одно известие о кандидатуре Ледоховского, несомненно польского происхождения, ибо только одна легкомысленная голова польского заграничного агитатора может серьезно поверить, что римский конклав, наполненный такими тонкими умами, в состоянии бы был так шлепнуться избранием Ледоховского, причем новый папа только бы и делал, что занимался восстановлением отчизны, а не римского и всемирного владычества пап. Но это в сторону, а ветви клерикального заговора в России все-таки ясны. «Новое время» прибавляет к тому же, что

«. . . настойчивая в настоящее время полемика „Journal de St.-Pétersbourg“ с итальянскими клерикальными газетами, по поводу мнимого угнетения католицизма в Польше, как будто показывает, что существуют признаки какой-то агитации на нашей западной окраине».

Ну, уж вовсе не признаки только. Это, стало быть, именно и есть та *партия*, про которую говорят «Московские ведомости», что она «действует в согласии с врагами России. . . и что ей ненавистно всякое проявление нашего народного духа, всякое *действие нашего правительства в этом духе*, и которая русский патриотизм ставит на одну доску с нигилизмом и революцией, — партия, которая питает гнуснейшими корреспонденциями враждебную нам печать. . .»

Да, именно европейские корреспонденции из России, очень и очень возможно, что ее дело, этой партии. Эта радость о неудачах России и легкомысленное визжание от восторга, что Россия так-де вдруг оказалась «слаба, без финансов, с расстроенным вой-

[1] агентах-провокаторах (*франц.*).

ском, с недовольным и ропчущим народом, с нигилизмом, подточившим общество» — все эти небылицы, несомненно, носят на себе печать столь известного происхождения. О, нельзя, чтоб не нашлись и русские перья, готовые писать в унисон с клерикалами, но эти корреспонденции за границу не могут быть, кажется, написаны русскими: слишком уж было бы это подло. Тем не менее клерикалы, может быть и не очень стараясь, несомненно направляют даже и русские перья у нас дома. Они их вовсе, может быть, и не подговаривают, и в сношения с ними, *прямые* и *надлежащие*, не вступают, потому что эти бойкие либеральные перья принадлежат *иногда* честнейшим людям, которые, выслушав прямое предложение клерикала, может быть, спустили бы его даже с лестницы. Но зато клерикал, особенно у нас обжившийся, отменно знает, что ему и ходить к бойкому перу не нужно, потому что бойкое русское перо ему и даром всё напишет, — единственно воображая (о, милые!), что это и честно, и либерально. Бойкое перо возмущается, например, клерикалами, облепившими во Франции Мак-Магона, и пишет грозные против них статьи. Но в то же время он русского римского клерикала не только не заметит, но подчас запоет ему в самый полный унисон. Есть такие, есть. И хитрые наши римские клерикалы даже, может быть, дивятся на них: «Ведь охота же это им этак шлепаться между двух стульев, — кивают они главами своими. — И ведь как бескорыстно! Правда, надобно же быть до конца либеральным. Ведь вот они кричат, что Россия права даже не имеет освобождать славян: да ведь за это им мало сто тысяч дать! И всё-то это между двух стульев, поминутно, да поминутно. Как им не больно только? Заживает, что ли, у них так скоро. . .»

II. ЛЕТНЯЯ ПОПЫТКА СТАРОЙ ПОЛЬШИ МИРИТЬСЯ

В начале лета эти агитаторы-клерикалы попробовали у нас сделать демонстрацию даже через русские издания. Волки перерядились в овец и заговорили в тоне как будто посланников всей польской «эмиграции» за границей. Они стали предлагать примирение: примите, дескать, нас, мы видим тоже, что братство славян несомненно, и не хотим отстать. Говорили они чрезвычайно нежно и выставили резоны:

«У нас, говорят они, есть инженеры, химики, технологи, ремесленники, бухгалтеры, агрономы и т. п.». Всего этого много в эмиграции. Пустите их к себе! «Разве, — говорит житель Литвы, написавший в 172 № «СПб. вед.» статью, — нет у вас дела для той среды, которая произвела прежде Тенгоборского для России, Воловского для Франции? А в деле искусств, столь обмягчающих нравы и облагораживающих характер, как представители в польском обществе, в настоящее время всесветно известны: Броцкий скульптор, Матейко живописец. Вам эти люди не нужны? Что же сказать о сонме литераторов, публицистов, промышленников, фабрикантов и всякого рода деятелей? Вам эти люди не нужны тоже?» («Новое время», из статьи Костомарова).

Г-н Костомаров великолепно ответил в «Новом времени» на все эти заискивания. Сожалею, что не имею места сделать выписки из этой превосходной статьи. Рассуждениями ясными и точными доказывает г-н Костомаров, что всё это лишь нам западня, что наведут они к нам Конрадов Валленродов, предателей; что поляк Старой Польши инстинктивно, слепо ненавидит Россию и русских. Г-н Костомаров допускает, однако же, что есть прекрасные поляки, которые могут жить даже в дружбе с иным русским, спасти его в беде, одолжить его. Это, конечно, правда, но чуть только этот русский, хотя бы даже после двадцати лет дружбы, вдруг бы выразил этому прекрасному поляку свои политические убеждения насчет Польши в русском духе, то этот поляк тотчас же, тут же, стал бы явным или тайным врагом своего русского друга, на всю жизнь, до конца, непримиримым и безграничным. Об этом забыл прибавить г-н Костомаров.

Вся эта летняя попытка «примирения», нашедшая русских защитников и такого могучего оппонента, как г-н Костомаров, — есть бесспорно клерикальная к нам подсылка из Европы, отрог всеевропейского клерикального заговора. О, эти поляки Старой Польши уверяют, что они вовсе не клерикалы, не паписты, не римляне и что мы давно должны это знать про них. Но вообразить только, что Старая Польша, эта польская эмиграция, не держится папы в иезуитском смысле, далека от клерикальных фантазий, — о, какая смешная мысль! Им ли, им ли не держаться Ватикана, когда они так вполне сознают его силу и всегда сознавали? Ведь Ватикан не изменял Старой Польше никогда, а, напротив, поддерживал из всех сил все ее фантазии, когда другие-то государства их уже и слушать не хотели! Нет, они Ватикану не изменят, и Ватикан не изменит им. Летняя выходка к примирению была сделана именно в то время, когда вся эмиграция задвигалась против русских, когда созидались польские легионы, когда аристократы эмиграции являлись в Константинополь с огромными суммами денег (конечно, не своими). Всё это примирение было одно только коварство, как определил его г-н Костомаров. Кстати: они предлагают нам своих ученых, техников, художников и говорят: «Примите их, они ль вам не нужны!» Тут бы прибавить, что они, вероятно, считают нас диким народом и не ведают, что у нас всё то, что они предлагают, может быть, и лучше ихнего есть. Но обижаться нечего, а главное: зачем же они не едут? У нас было несколько поляков, которые проявили свой талант, и Россия их почитала, уважала, ставила на высоту, нисколько не разделяя их от русских. К чему же уговариваться? Приезжайте! Примиритесь и покоритесь сами, но знайте, что никогда не будет Старой Польши. Есть Новая Польша, Польша, освобожденная царем, Польша возрождающаяся и которая, несомненно, может ожидать впереди, в будущем, равной судьбы со всяким славянским племенем, когда славянство освободится и воскреснет в Европе. Но Старой Польши никогда не будет, потому что ужиться с Рос-

сией она не может. Ее идеал — стать на месте России в славянском мире. Ее девиз, обращенный к России: «Otes-toi de là que je m'y mette».[1] Любопытно, что польский передовой застрельщик говорит лишь об ученых и художниках. Ну, а предводители эмиграции, аристократы? Вообразить только картину, что Россия поддалась льстивым словам и объявила, что хочет мириться; и вот они сидят и надменно спрашивают: «Какие ваши условия?»

Потому что если вы предлагаете нам впустить эмигрантов в Россию, а сами они не идут, *значит, они дожидаются условий.* И вот, представьте себе, что Россия их вдруг признает за нечто, за воюющую сторону, и начнет эти переговоры! И вот они перебираются в Россию, магнаты с первого же разу фрондируют, требуют знатных мест и отличий; затем тотчас же кричат на всю Европу, что их обманули, затем начинают польский бунт. . . И Россия поддастся на такую беду, сделает такую глупость! Разумеется, поляки не могли верить сами, чтобы такая грубая выходка их могла обмануть Россию. Но на чистых сердцем русских сторонников они рассчитывали. Что это дело клерикалов, клерикальный шаг в Россию, — в этом нет сомнения. Спросят: для чего же этот шаг? А разве клерикалам не надо сондировать положение, путать мысли, скрывать настоящие свои шаги, приобретать русские перья, волновать русскую Польшу и проч., и проч.? Да мало ли какие у них могли быть расчеты!

III. ВЫХОДКА «БИРЖЕВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ». НЕ БОЙКИЕ, А ЗЛЫЕ ПЕРЬЯ

Мы говорили сейчас про «бойкие перья». Но есть у нас перья вовсе не бойкие, но отвратительные. И они тоже (да еще как) свищут с польскими соловьями в унисон, но поляки их даже и не направляют; всё делается бескорыстно, не ведая что творят. Тут просто злоба, обманутые надежды и потерпевшее самолюбие. Такова статья «Биржевых ведомостей» (№ 257) о господине Иловайском; хоть бы написать-то сумели, а то ведь так против себя и валяют!

Всем известно, что наш ученый, г-н Иловайский, был арестован и оскорблен в Галиции. Проезжая с ученою целью Галицию, он обратился, по ошибке, к одному польскому ксендзу с просьбою указать ему местные древности. Потом он уже нашел русского священника, но злобный ксендз тотчас же донес на него, под предлогом, что это русский панславист, пропагатор и агитатор. Г-на Иловайского арестовали безо всякой церемонии, обыскивали, возили из тюрьмы в тюрьму и наконец-то, заступничеством одного местного ученого, его препроводили до русской границы. У нас это тотчас же разгласилось: «Московские ведомости» поместили

[1] «Убирайся отсюда, чтобы я могла здесь водвориться» (*франц.*).

статью. Заговорили наши газеты, но многие без особого жару, а просто как о курьезе. Факт оскорбления русского ученого, ни за что ни про что, показался, кажется, всем обыкновенным фактом. Сам г-н Иловайский напечатал в «Московских ведомостях» тоже несколько строк на статьи враждебных газет, кротких строк, вялых и сонных. Но зато наши биржевики, которым вся Россия представляется лишь с точки зренья своего кармана и которым до России ровно никакого нет дела, услужили ей удивительную услугу. Вот эта статья «Биржевых ведомостей»:

«. . .Что такое начудил г-н Иловайский в Галиции? Какую это он затеял там пропаганду?

Неужели несчастия, переживаемые теперь Россией, недостаточны еще для того, чтобы выгнать дурь из головы наших закорузлых панславистов, и неужели после того, что происходит теперь у всех на глазах, у них хватает духа продолжать юродство и скоморошество с этой всеславянской чепухой, приготовляющей для нас неисчисляемые государственные бедствия и всем нам дано уже опротивевшей?

Пока наши отупевшие от ничегонеделанья панслависты ограничивались пересылкой всеславянских колоколов, это ни до кого не касалось, и они могли забавляться этим сколько угодно, но когда они вместе с колоколами начинают посылать туда своих пономарей для благовеста, — дело получает уже совсем иное значение.

Кто же призвал и кто уполномочил г-па Иловайского на его панславистскую пропаганду?

Понимает он или не понимает, к каким она может привести последствиям, в особенности теперь, в настоящую минуту? Вы извергаете, господа, ругательства на Клапку за то, что тот подстрекает мадьяр на пособничество туркам, — а что же делаете вы сами, что делает г-н Иловайский, под видом изучения славянских древностей? Что, вам мало еще того зла, которое породило ваше прошлогоднее юродство? Чего вы еще хотите? Какую еще новую кашу вы заварить желаете? Чтобы бросить камень в воду, вас достанет на это, мы это хорошо знаем; но вы должны помнить также, что камни, вами бросаемые, приходится иногда вытаскивать всеми народными силами, добывать их ценою кровавых жертв и народного истощения.

Перестаньте же дурачиться; на всё есть свое время. Если до сих пор во всех благоразумных людях вы возбуждали к себе только насмешку, то теперь к вам не иначе будут относиться, как с негодованием».

Эти люди говорят о негодовании! Послушайте, *как смели* вы написать, не зная дела, так утвердительно, на всю Россию и на всю Европу (ибо ваша статья имела в Европе *свое* значение), — как смели вы написать про г-на Иловайского: «Кто же призвал и кто уполномочил г-на Иловайского на его панславистскую пропаганду»? И потом, после смешного сравнения г-на Иловайского с Клапкой: «А что же делаете вы сами, что делает г-н Иловайский, *под видом изучения славянских древностей*?» Как смели вы написать об этом так *утвердительно*, после того как *совершенно знаете*, что всё это неправда? Неужто вы думаете, что вам позволят предавать Россию. Вы спрашиваете о г-не Иловайском: «Понимает он или не понимает», а я вас самого спрошу, г-н публицист: понимаете ли вы или не понимаете, что вы наделали! Ведь в Австрии не спросят: какой человек это писал, умный или неумный, образованный или необразованный, знает он хоть что-нибудь в панславизме

или ничего не знает и никогда ничего не читал об нем? Ведь в Австрии прямо скажут: «Стало быть, правда, что Россия посылает агитаторов? Если б не правда была, как могла бы *так утвердительно*, с таким жаром и так укоризненно обращаться к панславистам большая петербургская ежедневная независимая газета, в высшей степени подтверждающая факт рассылки эмиссаров для агитаторства? Ведь писавший это сам русский, скажут они, его бы остановил патриотизм, наконец, и побудил бы скрыть преступленье. Но он не мог скрыть истину, потому что негодование патриота вылилось наружу на панславистов, готовящих, стало быть, действительно страшные бедствия России своей отчаянной пропагандой и агитацией в Австрии и в славянских землях. Стало быть, нам нечего извиняться за арест какого-то там Иловайского, напротив, надо усилить аресты и всех русских в Австрии держать впредь под полицейским надзором. Не нам просить извинения, а русское правительство должно просить у нас извинения за то, что так открыто позволяет у себя деятельность зловредных политических, направленных против Австрии обществ, а к нам пропускает поминутно массами пропагаторов и агитаторов, бунтующих австрийских славян против законного правительства».

Это несомненно скажут в Австрии и статью вашу несомненно примут к сведению в этом самом смысле, г-н публицист. Что же это, не предательство, как вы думаете? Не предаете вы интересы России полякам и австрийцам? Не поддерживаете вы политическую смуту и не служите ей? Ведь вы знаете *наверно*, *вполне*, *точности*, что никаких эмиссаров не посылалось никем никогда, как же вы смели написать про г-на Иловайского, что он ездил сеять смуту *под видом изучения славянских древностей*? Есть ли кто в России, кто вам в этом поверит? Между тем вы выражаетесь об этом деле так утвердительно, как будто знаете его, как свои пять пальцев. Кто же сеет смуту?

Теперь о другом: утолив вашу злобу, написав заведомую неправду, вы позволяете еще себе надеяться, после вашего-то поступка столь явного предательства русских интересов старополякам и австрийцам, и всякой бесконечной и вечно агитирующей против нас европейской швали, — на сочувствие к вам русских читателей? Неужели вы так низко об них думаете?

И что за тон? Что за трепетание, что за принижение перед Австрией! «Изволит, дескать, она осердиться!» У Гоголя атаман говорит казакам: «Милость чужого короля, да и не короля, а милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства». Это атаман говорит про предателей. Неужели вам хочется, чтобы и русские, в трепете животного страха за свои интересы и деньги, склонялись точно так же перед каким-нибудь желтым чеботом? Напротив, не лучшая ли наша политика с Австрией, именно теперь, именно в эту минуту, — политика высшего собственного национального достоинства, а не та, которую вы желаете. Ведь чем более мы выкажем принижения,

которого вы так желаете, тем более и в той же степени укрепим и усилим ее домогательства. Да и чего нам бояться Австрии, она никогда не в силах будет извлечь против нас свой меч, если б и захотела того. Напротив, именно теперь настала пора для политики прямой и откровенной, для того, чтобы не вышло потом, при окончании войны, печальных недоразумений. Нам нечего давать на себя векселя. Точно так же мы должны смотреть и на Англию. Они должны понять по крайней мере, что мы их не можем бояться и что мы, напротив, в силах им сделать больше зла, чем они нам. Это они должны знать, между тем они об нас имеют ложные сведения, укрепляемые вот именно такими выходками, как «Биржевых ведомостей». Не в Австрии ли поддерживалось летом убеждение, что сила России была мираж, всех обманувший, и что впредь нельзя считать уже Россию сильной военной державой. Вот тогда-то и возрос ее тон. Не в Англии ли были убеждены, тоже в высших сферах, что 10 000 человек английского войска, высаженные в Трапезунде, порешили бы навсегда нашу *задачу* на Востоке и на Кавказе. Мы-то их знаем, а они-то нас, стало быть, не знают. Но плохая услуга России предавать ее интересы недругам нашим и представлять ее в трусливом и приниженном виде, тогда как этого нет нисколько и всё ложь.

НОЯБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ЧТО ЗНАЧИТ СЛОВО: «СТРЮЦКИЕ»?

В два года издания моего «Дневника» я, раза два-три, употребил малоизвестное слово «стрюцкие» и получил несколько запросов, из Москвы и из губерний: «Что значит слово „стрюцкие“»? Извиняюсь, что не ответил никому до сих пор: всё хотел как-нибудь, между строчками, ответить в «Дневнике». Теперь, заканчивая «Дневник», отведу несколько строк и непонятному петербургскому словцу, и если начинаю с этой мелочи первую страницу ноябрьского выпуска, то именно потому, что, откладывая на последнюю страницу, как прежде делывал, почти всегда не находил свободного места для «стрюцких» из-за других тем, и каждый раз приходилось откладывать объяснение опять до следующего выпуска.

Слово «стрюцкий, стрюцкие» есть слово простонародное, употребляющееся единственно в простом народе и, кажется, только в Петербурге. Так что это слово, кажется, и изобретено в Петербурге. Пишу: *кажется*, потому что сколько ни расспрашивал людей «компетентных», не мог ни от кого добиться: откуда оно взялось, почему так сложились звуки его, употребляется ли оно хоть где-нибудь в России кроме Петербурга и, наконец, — действительно ли в Петербурге оно изобретено? Что до меня, то мне опять-таки «кажется» (утвердительнее не могу выразиться), что слово это есть слово чисто петербургское и изобретено собственно петербургским простонародьем, но кем, когда, давно ли? — не знаю. Означает же оно, по неоднократным расспросам моим у народа, и сколько я понял, следующее:

«Стрюцкий» — есть человек пустой, дрянной и ничтожный. В большинстве случаев, а может быть и всегда, — пьяница-пропоица, потерянный человек. Кажется, впрочем, стрюцким мог бы быть назван, в иных случаях, и не пьяница. Но главные свойства

этого пустого и дрянного пьянчужки, заслужившие ему особое наименованье, выдумку целого нового слова, — это, во-первых, пустоголовость, особого рода вздорность, безмозглость, неосновательность. Это крикливая ничтожность. Кричат вечером в праздник на улице пьяные; слышен спор, исступленный зов городового; в сбившейся в кучу толпе ясно отличается чей-то протестующий, взывающий, жалующийся и угрожающий голос. Много напускного гнева. Вы подходите, осведомляетесь, что такое? В ответ смеются, махают рукой и отходят: «Пустяки, стрюцкие!» Слово «стрюцкие» произносится при этом с пренебрежением, с презрением. Всегда с презрением, и если б действительно этот кричащий человек был прибит или обижен, то и тут, кажется, не нашел бы сочувствия, а только презрение, потому что он лишь «стрюцкий», то есть всё в нем вздор, и что кричит он — и то всё вздор, и что прибили его — и то вздор, самый «нестоящий человек», какой есть. Прибавлю, что стрюцкие большею частью в худом платье, одеты не по сезону, в прорванных сапогах. Прибавлю тоже, что, «кажется», стрюцким обзывается только тот, кто в немецком платье. Впрочем, не ручаюсь, но, кажется, это так.

Второй существенный признак пьяницы-пропоицы, называемого «стрюцким», кроме вздорности и неосновательности его, — есть недостаточно определенное положение его в обществе. Мне думается, что человек, имеющий деньги, дом или какое-нибудь имение, мало того, имеющий чуть-чуть твердое и определенное место, хотя бы и рабочим на фабрике, не мог бы быть назван «стрюцким». Но если у него есть и заведение, лавка, лавочка или что-нибудь, но ведет он всё это неосновательно, как-нибудь, без расчета, то он может попасть в стрюцкие. Итак, «стрюцкий» — это ничего не стоящий, не могущий нигде ужиться и установиться, неосновательный и себя не понимающий человек, в пьяном виде часто рисующийся фанфарон, крикун, часто обиженный и всего чаще потому, что сам любит быть обиженным, призыватель городового, караула, властей — и всё вместе пустяк, вздор, мыльный пузырь, возбуждающий презрительный смех: «Э, пустое, стрюцкий».

Повторяю, мне кажется, это слово есть исключительно петербургское. Но употребляется ли в других местах России — не знаю. В простонародье в Петербурге оно очень распространено. В Петербурге очень много наплывного народа из губерний, а потому довольно вероятно, что словцо может перейти и в другие губернии, если еще не перешло. Войдет, может быть, и в литературу; кажется, и другие писатели, кроме меня, его употребляли. В этом слове для литератора привлекательна сила того оттенка презрения, с которым народ обзывает этим словом именно только вздорных, пустоголовых, кричащих, неосновательных, рисующихся в дрянном гневе своем дрянных людишек. Таких людишек много ведь и в интеллигентных кругах, и в высших кругах — не правда ли? — только не всегда пьяниц и не в прорванных сапогах.

но в этом часто всё и различие. Как удержаться и не обозвать иногда и этих высших «стрюцкими», благо слово готово и соблазнительно тем оттенком презрения, с которым выговаривает его народ?

II. ИСТОРИЯ ГЛАГОЛА «СТУШЕВАТЬСЯ»

Кстати, по поводу происхождения и употребления новых слов. В литературе нашей есть одно слово: «стушеваться», всеми употребляемое, хоть и не вчера родившееся, но и довольно недавнее, не более трех десятков лет существующее; при Пушкине оно совсем не было известно и не употреблялось никем. Теперь же его можно найти не только у литераторов, у беллетристов, во всех смыслах, с самого шутливого и до серьезнейшего, но можно найти и в научных трактатах, в диссертациях, в философских книгах; мало того, можно найти в деловых департаментских бумагах, в рапортах, в отчетах, в приказах даже: всем оно известно, все его понимают, все употребляют. И однако, во всей России есть один только человек, который знает точное происхождение этого слова, время его изобретения и появления в литературе. Этот человек — я, потому что ввел и употребил это слово в литературе в первый раз — я. Появилось это слово в печати, в первый раз, 1-го января 1846 года, в «Отечественных записках», в повести моей «Двойник, приключения господина Голядкина».

Первая повесть моя «Бедные люди» была начата мною в 1844 году, была окончена, стала известна Белинскому и была принята Некрасовым для его альманаха «Петербургский сборник» в 1845 году. Вышел этот альманах в конце 45-го года. Но в этом же 1845 году я и начал летом, уже после знакомства с Белинским, эту вторую мою повесть «Двойник, приключения господина Голядкина». Белинский, с самого начала осени 45-го года, очень интересовался этой новой моей работой. Он повестил об ней, еще не зная ее, Андрея Александровича Краевского, у которого работал в журнале, с которым и познакомил меня и с которым я и уговорился, что эту новую повесть «Двойник» я, по окончании, дам ему в «Отечественные записки» для первых месяцев наступающего 46-го года. Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно. Я сильно исправил ее потом, лет пятнадцать спустя, для тогдашнего «Общего собрания» моих сочинений, но и тогда опять убедился, что эта вещь совсем неудавшаяся, и если б я теперь принялся за эту идею и изложил ее вновь, то взял бы совсем другую форму; но в 46-м году этой формы я не нашел и повести не осилил.

Тем не менее, кажется, в начале декабря 45-го года, Белинский настоял, чтоб я прочел у него хоть две-три главы этой повести. Для этого он устроил даже вечер (чего почти никогда не делывал)

и созвал своих близких. На вечере, помню, был Иван Сергеевич Тургенев, прослушал лишь половину того, что я прочел, похвалил и уехал, очень куда-то спешил. Три или четыре главы, которые я прочел, понравились Белинскому чрезвычайно (хотя и не стоили того). Но Белинский не знал конца повести и находился под обаянием «Бедных людей». Ну вот тут-то, на этом чтении, и употреблено было мною, в первый раз, слово «стушеваться», столь потом распространившееся. Повесть все забыли, она и стоит того, а новое слово подхватили, усвоили и утвердили в литературе.

Слово «стушеваться» значит исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, *на нет*. Но уничтожиться не вдруг, не провалившись сквозь землю, с громом и треском, а, так сказать, деликатно, плавно, неприметно погрузившись в ничтожество. Похоже на то, как сбывает тень на затушеванной тушью полосе в рисунке, с черного постепенно на более светлое и наконец совсем на белое, *на нет*. Должно быть, в «Двойнике» это словцо было мною употреблено удачно в тех первых же трех главах, которые я прочел у Белинского, при изображении того, как умел кстати исчезнуть со сцены один досадный и хитренький человечек (или вроде того, я забыл). Потому так говорю, что новое словцо не возбудило никакого недоумения в слушателях, напротив, всеми было вдруг понято и отмечено. Белинский прервал меня именно с тем, чтоб похвалить выражение. Все слушавшие тогда (все и теперь живы) тоже похвалили. Очень помню, что похвалил и Иван Сергеевич Тургенев (он, верно, теперь позабыл). Хвалил потом очень и Андрей Александрович Краевский. Кроме этих существуют и еще лица, которые, я думаю, могут припомнить, что и они капельку поинтересовались тогда новым словцом. Но принялось оно и вошло в литературу не сейчас, а весьма постепенно и неприметно. Помню, что выйдя, в 1854 году, в Сибири из острога, я начал перечитывать всю написанную без меня за пять лет литературу («Записки охотника», едва при мне начавшиеся, и первые повести Тургенева я прочел тогда разом, залпом, и вынес упоительное впечатление. Правда, тогда надо мной сияло степное солнце, начиналась весна, а с ней совсем новая жизнь, конец каторги, свобода!), — итак, начав перечитывать, я был даже удивлен, как часто стало мне встречаться слово «стушеваться». Потом, в шестидесятых годах, оно уже совершенно освоилось в литературе, а теперь, повторяю, я даже в деловых бумагах, публикуемых в газетах, его встречаю, и даже в ученых диссертациях. И употребляется оно именно в том смысле, в котором я в первый раз его употребил.

Впрочем, если я и употребил его в первый раз в литературе, то изобрел его всё же не я. Словцо это изобрелось в том классе Главного инженерного училища, в котором был и я, именно моими однокурсниками. Может быть, и я участвовал в изобретении, не помню. Оно само как-то выдумалось и само ввелось. Во всех шести классах Училища мы должны были чертить разные планы,

фортификационные, строительные, военно-архитектурные. Умение хорошо начертить план самому, своими руками, требовалось строго от каждого из нас, так что и не имевшие охоты к рисованию поневоле должны были стараться во что бы то ни стало достигнуть известного в этом искусства. Баллы, выставляемые за рисунки планов, шли в общий счет и влияли на величину среднего балла. Вы могли выходить из верхнего офицерского класса на службу превосходным математиком, фортификатором, инженером, но если представленные вами рисунки были плоховаты, то выставляемый за них балл, идя в общий расчет, до того мог уменьшить вам средний балл, что вы могли лишиться весьма значительных льгот при выпуске, например, следующего чина, а потому все старались научиться рисовать хорошо. Все планы чертились и оттушевывались тушью, и все старались добиться, между прочим, уменья хорошо стушевывать данную плоскость, с темного на светлое, на белое, и на нет; хорошая стушевка придавала рисунку щеголеватость. И вдруг у нас в классе заговорили: «Где такой-то? — Э, куда-то стушевался!» — Или, например, разговаривают двое товарищей, одному надо заниматься: «Ну, — говорит один садящийся за книги другому, — ты теперь стушуйся». Или говорит, например, верхнеклассник новопоступившему из низшего класса: «Я вас давеча звал, куда вы изволили стушеваться?» Стушеваться именно означало тут удалиться, исчезнуть, и выражение взято было именно с стушевывания, то есть с уничтожения, с перехода с темного *на нет*. Очень помню, что словцо это употреблялось лишь в нашем классе, вряд ли было усвоено другими классами, и когда наш класс оставил Училище, то, кажется, с ним оно и исчезло. Года через три я припомнил его и вставил в повесть.

Написал я столь серьезно такое пространное изложение истории такого неважного словца — хотя бы для будущего ученого собирателя русского словаря, для какого-нибудь будущего Даля, и если я читателям теперь надоел, то зато будущий Даль меня поблагодарит. Ну так пусть для него одного и написано. Если же хотите, то, *для ясности*, покаюсь вполне: мне, в продолжение всей моей литературной деятельности, *всего более* нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь, и когда я встречал это словцо в печати, то всегда ощущал самое приятное впечатление; ну, теперь, стало быть, вы поймете, почему я нашел возможным описать такие пустяки даже в особой статейке.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. ЛАКЕЙСТВО ИЛИ ДЕЛИКАТНОСТЬ?

Известно, что все русские интеллигентные люди чрезвычайно деликатны, то есть в тех случаях, когда они имеют дело с Европой или думают, что на них смотрит Европа, — хотя бы та, впрочем,

и не смотрела на них вовсе. О, дома, про себя и между собою, мы свое возьмем, дома весь европеизм по боку — взять лишь, походя, наши отношения семейные, гражданские, чести, долга, в самом огромном большинстве случаев. Да и кто из проповедующих «европейские» идеи серьезно у нас в них верит? Конечно, лишь люди честные и при этом непременно добрые (так что и верят-то лишь по доброте души), но ведь много ль у нас таких-то? Если уж всё говорить, так ведь у нас, может быть, нет ни одного европейца, потому что мы и неспособны быть европейцами. Умы же передовые, биржевые и всячески руководящие берут у нас с европейских идей лишь оброк, и я думаю, что это у нас так и есть, повсеместно. Не говорю, конечно, про людей с большим здравым смыслом: те не верят в европейские идеи, потому что и верить-то не во что, ибо никогда и ничто на свете не отличалось такою неясностью, туманностью, неопределенностью и неопределимостью, как тот *«цикл идей»*, который мы нажили себе в двухсотлетний период нашего европейничания, — а в сущности не цикл, а хаос обрывков чувств, чужих недопонятых мыслей, чужих выводов и чужих привычек, но особенно слов, слов и слов — самых европейских и либеральных, конечно, но для нас всё же слов. и только слов.

Объяснить всё это прямо попугайством нельзя. Тоже и лакейством мысли нельзя, русским лакейством мысли перед Европой. Лакейства мысли у нас много и очень даже, но высшая причина нашей европейской кабалы всё же не лакейство, а скорее наша русская, врожденная нам деликатность перед Европой. Скажут, что ведь это, пожалуй, одно и то же, что и лакейство. Во многих случаях — да, но нельзя сказать, чтоб всегда. (Я, разумеется, об руководящих плутах, о которых заметил выше, и не говорю: этим европейцам до Европы ровно никакого дела нет и никогда не бывало. Они, как умные люди, в мутной воде рыбу ловят, все два века ловили.)

Вот как говорит, например, англичанин Гладстон о теперешней русской войне с Турцией:

> «Что бы ни говорили о некоторых других главах русской истории, освобождением многих миллионов порабощенных народов от жестокого и унизительного ига Россия окажет человечеству одну из самых блестящих услуг, какие только помнит история, услугу, которая никогда не изгладится из благодарной памяти народов».

Как вы думаете, откровенно спрашивая, мог ли бы произнесть такие слова русский европеец? Да никогда в жизни! Он проглотил бы язык свой прежде, чем это произнести; он от деликатности не то что перед Европой, а перед самим собой покраснеет, если только услышит это или прочтет по-русски и у русского. Помилуйте, да как мы смеем. . . в калашный ряд! . . И *«для всего человечества»* — это мы-то, русские! Да мы еще рылом не вышли для этого, у нас еще рожа крива, чтоб «освобождать человечество».

И при этом всё нелиберальные такие мысли: «Россия освобождает народы» — какая нелиберальная мысль!

Вот искреннее мнение русского европейца чистого типа, и он отрубит себе сначала пальцы, чем напишет то же, что и Гладстон. «Гладстону-де можно, пожалуй, так сочинять; он или не понимает ничего в России, или себе на уме сочиняет, для дальнейших целей» — вот что думает европеец. А иные из них, подобрее и погорячее, тут же, пожалуй, прибавят про себя не без гордости: «А ведь мы, русские европейцы, пожалуй что и либеральнее европейских-то европейцев, дальше пошли: кто у нас из трезвых умов заикнется теперь об каком-то „освобождении народов"? Вот ретроградство-то! И Гладстон такие вещи говорит не стыдясь!»

Как это всё назвать, господа? Лакейством или деликатностью перед Европой?

Я всё стою на том, что в европейском периоде нашей истории огромную роль играла деликатность. Ведь из этих европейцев наших так много людей честнейших, смелых, людей чести, хоть и чужой, усвоенной, хоть и не понимаемой, может быть, самим-то рыцарем, потому что всё же это европейская для него тарабарщина, но всё же чести, — людей, которые лично себе на ногу наступить не позволят. Ну как же прямо так-таки и назвать их лакеями? Нет, деликатность заела нас, а не лакейство. Опять-таки, разумеется, перед Европой деликатность: у себя дома мы свое наверстаем.

Дамы, восторженно подносившие туркам конфеты и сигары, разумеется, делали это тоже из деликатности: «Как, дескать, мы мило, нежно, мягко, гуманно, европейски просвещены!» Теперь этих дам вразумили отчасти некоторые грубые люди, но прежде, до вразумления, — ну, положим, на другой день после того поезда турок, в который бросали букетами и конфетами, — что если б прибыл другой поезд с турками же, а в нем тот самый башибузук, о котором писали, что особенно отличается умением разрывать с одного маху, схватив за обе ножки, грудного ребенка на две части, а у матери тут же выкроить из спины ремень? Да, я думаю, эти дамы встретили бы его визгом восторга, готовы были бы отдать ему не только конфеты, но что-нибудь и получше конфет, а потом, пожалуй, завели бы речь в дамском своем комитете о стипендии имени его в местной гимназии. О, поверьте, что деликатность до всего может у нас дойти, и предположение это вовсе не фантастическое. Смотря на себя в зеркало, эти дамы, я думаю, сами бы влюблялись в себя: «Какие мы гуманные, какие мы либеральные милочки!» И неужели вы думаете, что эта фантастическая картинка не могла бы осуществиться? Тот высокомерный взгляд, который бросает иной европеец теперь на народ наш и на движение его, отрицая во всем народе нашем всякую мысль и движение, «кроме глупо-кликушечьих выходок из тысячей простонародья какого-нибудь одного дурака», неужели такой взгляд, возможность такого взгляда, обратившаяся в дей-

ствительность, не стоит изображенной выше фантастической картинки?

Деликатность перед Европой с нами повсеместно. Турецкие пленные потребовали белого хлеба, и им явился белый хлеб. Турецкие пленные отказались работать. Князь Мещерский, очевидец, повествует в своем «Дневнике» с Кавказа, что —

«Пленные паши выехали из Тифлиса. Их хотели везти на перекладных, но они взбунтовались и изволили объявить, что не поедут, ибо не привыкли к русским телегам. Вследствие этого им поданы были почтовые кареты и рессорные экипажи, с шестернями лошадей к каждому экипажу. На это они изволили заявить свое удовольствие, и, вследствие огромного числа забранных под них лошадей, бедные проезжающие по Военно-Грузинской дороге будут сидеть трое суток без лошадей. А офицеру русской службы, сопровождающему их, назначено 50 коп. суточных, и посадили его не в карету, а как сажают прислугу в омнибус! Всё это гуманность!» («Моск. ведом.» № 273).

То есть не гуманность, а именно вот та самая деликатность перед европейским мнением о нас, чуткость, чувствительность: «Европа, дескать, на нас глядит, надо, стало быть, в полном мундире быть и пашам кареты подать».

«Московские ведомости» далее, в другом своем, 282 номере передают о целом вопле голосов в Москве, когда увидели москвичи все те неслыханные удобства, с которыми перевозят у нас пленных турок:

«Все пленные рядовые были удобно размещены в вагонах третьего, офицеры второго класса, а паша занял купе первоклассного вагона. Зачем для них такие удобства? — слышалось в публике.— Наших-то гренадер, небось, вывезли из Москвы в лошадиных вагонах, а для них отпускают особый пассажирский поезд.

— Что гренадеры, — замечает в толпе какой-то купчик, — вот даже раненых солдатиков возили в товарных вагонах и соломки под них не успели подкладывать. А паша-то какой откормленный, что твой боров, в товарный бы его, пусть бы с него жиру немного посбавилось.

— Там-то раненых наших прирезывали, жилы из них тянули, медленным огнем жгли, а теперь их холят за то. . .

Такие голоса (замечают далее «М. вед.») были не единичными, а ими выражалось общее в народе мнение о том, что больно видеть, как башибузуки и вся эта турецкая рвань, обобранная своими же собственными пашами, пользуется такими большими удобствами сравнительно с нашими воинами. . .»

То есть мы, собственно, ничего тут особого не видим: деликатность или, так сказать, мундир деликатности перед европейским мнением — вот и всё тут; но ведь это, так сказать, два века у нас продолжается, так уж пора попривыкнуть.

Дошло до анекдотов, то вот и еще анекдот. Отметил я его в «Петербургской газете», а та взяла из письма господина В. Крестовского, писанного с театра военных действий, но куда, не знаю. Откудова заимствовано «Петербургской газетой», тоже не ведаю. Говорится так:

«В письме г-на Крестовского приводится один комический факт: „Около свиты появился какой-то англичанин в пробковом шлеме и статском пальто

горохового цвета. Говорят, что он член парламента, пользующийся вакационным временем для составления корреспонденций „с места военных действий“ в одну из больших лондонских газет («Times»); другие же уверяют, что он просто любитель, а третьи, что он друг России. Пускай всё это так, но нельзя не заметить, что этот „друг России“ ведет себя несколько эксцентрично: сидит, например, в присутствии великого князя в то время, когда стоят все, не исключая даже и его высочества; за обедом встает, когда ему вздумается, из-за стола, где сидит великий князь, и в этот день обратился даже к одному знакомому офицеру с предложением затянуть на него в рукава гороховое пальто. Офицер окинул его с ног до головы несколько удивленным взглядом, улыбнулся слегка, пожал плечами и беспрекословно помог одеть пальто. Конечно, более ничего и не оставалось сделать. Англичанин в ответ слегка приложился рукою к своему пробковому шлему“».

«Петербургская газета» назвала этот факт комическим. К сожалению, я ровно ничего в нем не вижу комического, а, напротив, очень много досадного и портящего кровь. К тому же в нас как бы укрепилась с детства вера (из романов и из французских водевилей, я думаю), что всякий англичанин чудак и эксцентрик. Но что такое: чудак? Не всегда же дурак или такой уж наивный человек, который и догадаться не может, что на свете не всё же ведь одни и те же порядки, как где-то там у него в углу. Англичане народ очень, напротив, умный и весьма широкого взгляда. Как мореплаватели, да еще просвещенные, они перевидали чрезвычайно много людей и порядков во всех странах мира. Наблюдатели они необыкновенные и даровитые. У себя они открыли юмор, обозначили его особым словом и растолковали его человечеству. Такому ли человеку, да еще члену парламента, не знать, где вставать, где сидеть? Да нет страны, в которой этикет имел бы большее приложение, как в Англии. Придворный, например, английский этикет есть самый сложный и утонченный этикет в мире. Если этот англичанин член парламента, то, конечно, слишком мог научиться этикету из одного того уже, как один парламент — нижний сносится с другим — высшим. И именно в том смысле: кто перед кем может сидеть, а кто перед кем обязан вставать. Если он при этом и член высшего общества, то опять-таки нигде нет такого этикета, как на приемах, обедах, балах английской аристократии во время ихнего лондонского сезона. Нет, тут совсем другое, если судить по тому, как изложен анекдот. Тут английская гордость, но не просто гордость, а с *заносчивым вызовом*. Этот «друг России» не может быть большим ее другом. Он сидит, смотрит на русских офицеров и думает: «Господа, я знаю, что вы львы сердцем, вы предпринимаете невозможное и исполняете его. Страха перед врагом в вас нет, вы герои, вы Баярды все до единого, и чувство чести вам знакомо вполне. Не могу же я не согласиться с тем, что своими глазами вижу. Тем не менее я англичанин, а вы только русские, я европеец, а перед Европой вы обязаны „деликатностью“. Какие бы вы львиные сердца ни носили в себе, а я все-таки высшего типа человек, чем вы. И мне это очень приятно, особенно приятно изучать

„деликатность“ вашу передо мной, *врожденную* и *неотразимую*, без которой русский не может смотреть на иностранца, тем более на такого иностранца, как я. Вы думаете, что это всё мелочи; да мелочи-то и утешают меня, весьма забавляют, я поехал прогуляться, я слышал, что вы герои, и приехал посмотреть на вас, но ворочусь все-таки с убеждением, что, как сын Старой Англии (тут у него дрожит от гордости сердце), я все-таки на свете первый человек, а вы всего лишь второстепенные. . .»

Всего любопытнее в вышеприведенном факте последние строки:

«Офицер окинул его с ног до головы несколько удивленным взглядом, улыбнулся слегка, пожал плечами и беспрекословно помог одеть пальто. *Конечно, более ничего и не оставалось сделать*».

Как так: «конечно»? Почему более *ничего* не оставалось сделать? Напротив, именно можно было сделать совершенно другое, обратно противуположное: можно было «окинуть его с ног до головы несколько удивленным взглядом, улыбнуться слегка, пожать плечами» и — отойти мимо, так-таки и не дотронувшись до пальто, — вот что можно было сделать. Неужели нельзя было заметить, что просвещенный мореплаватель фокусничает, что тончайший знаток этикета ловит минуту удовлетворения мелочной своей гордости? То-то и есть, что нельзя было, может быть, спохватиться в тот миг, а помешала именно наша просвещенная «деликатность» — не перед англичанином этим деликатность, не перед членом этим парламента в каком-то пробковом шлеме (какой такой пробковый шлем?), — а перед Европой деликатность, перед долгом европейского просвещения «деликатность», в которой мы взросли, погрязли до потери самостоятельной личности и из которой долго нам не выкарабкаться.

Подвоз патронов в турецкую армию из Англии и Америки колоссальный; достоверно теперь вполне, что турецкий солдат в Плевно тратит в день иной раз по 500 патронов; ни средств, ни денег не могло быть у турок, чтобы так вооружить армию. Присутствие англичан и их денег в теперешней войне несомненно. Ихние пароходы доставляют оружие и всё необходимое. А у нас иные газеты наши кричат из «деликатности»: «Ах, не говорите этого, ах, не подымайте вы только этого, пусть мы не видим, пусть мы не слышим, а то просвещенные мореплаватели рассердятся и тогда. . .».

Да что же тогда? Чего вы трусите? Много бы можно еще прибавить на тему о «деликатности».

Даже если есть какие-нибудь там вексельки и векселечки, выданные нами Европе, в виде разных обещаний, еще перед тем как перешли мы Барбошский мост, то несомненно и это должно было произойти из «деликатности» нашей, из деликатности перед Европой и перед обаянием ее. Но о «деликатности» пока оставим. Я лишь припомню, что в начале главы, начав о деликатности, я прибавил: «Что ведь это всего только перед Европой, а у себя-то

мы всегда свое наверстаем». Мне хочется, именно, пользуясь случаем, указать, как иногда мы у себя наверстать умеем, реванш возьмем. . .

II. САМЫЙ ЛАКЕЙСКИЙ СЛУЧАЙ, КАКОЙ ТОЛЬКО МОЖЕТ БЫТЬ

Помните ли, господа, как еще летом, еще задолго до «Плевны», мы вдруг вошли в Болгарию, явились за Балканами и онемели от негодования. То есть не все, это первым делом надо заявить, даже далеко не половина, а гораздо меньше, — но всё же вознегодовавших было значительное число и раздались голоса. Голоса корреспондентов из армии и потом тотчас же голоса в нашей прессе, особенно в петербургской. Это были горячие голоса, убежденные, полные самого добродетельного негодования. . .

Всё дело вышло из-за того, что обладатели голосов этих шли, как известно всему миру и особенно нам, спасать угнетенных, униженных, раздавленных и измученных. Еще до объявления войны я, помню, читал в самых серьезнейших из наших газет, при расчете о шансах войны и необходимо предстоящих издержек, что, конечно, «вступив в Болгарию, нам придется кормить не только нашу армию, но и болгарское население, умирающее с голоду». Я это сам читал и могу указать, где читал, и вот, после такого-то понятия о болгарах, об этих угнетенных, измученных, за которых мы пришли с берегов Финского залива и всех русских рек отдавать свою кровь, — вдруг мы увидели прелестные болгарские домики, кругом них садики, цветы, плоды, скот, обработанную землю, родящую чуть не сторицею, и, в довершение всего, по три православных церкви на одну мечеть, — это за веру-то угнетенных! «Да как они смеют!» — загорелось мгновенно в обиженных сердцах иных освободителей, и кровь обиды залила их щеки. «И к тому же мы их спасать пришли, стало быть, они бы должны почти на коленках встречать. Но они не стоят на коленках, они косятся, даже как будто и не рады нам! Это нам-то! Хлеб-соль выносят, это правда, но косятся, косятся! . .»

И поднялись голоса. Послушайте, господа, как вы думаете: вдруг вы получаете или фальшивую или ложно понятую вами телеграмму о том, что близкий вам человек, друг или брат ваш, лежит больной, где-то там ограблен, или под вагон попал, или что-нибудь в этом роде. Вы бросаете все дела ваши и мчитесь к несчастному брату, — и вдруг ничего не бывало: вы встречаете человека, который здоровее вас, сидит за столом и обедает, с криком зовет вас за стол и хохочет о фальшивой вашей тревоге, о вышедшем qui pro quo.[1] Любите вы иль даже не очень любите этого человека, но неужели вы рассердитесь на него за то, что его не ограбили и что он не попал под вагон? Главное за то, что

---

[1] недоразумении, путанице (*франц.*).

у него такие красные щеки и что он так исправно ест обед и пьет вино? Ведь не правда ли, что нет? Напротив, ведь вы порадоваться еще должны, что он жив и здоровее вашего. Ну, конечно, по человечеству немножко и рассердитесь, — но ведь не за то же, что ему не перерезало колесами ноги? Ведь не пойдете же вы сейчас из-за стола писать об нем корреспонденции и анекдоты, чернить его характер, подмечать невыгодные черты. . . Ну, а ведь про болгар это делали. «У нас, дескать, и зажиточный мужик так не питается, как этот угнетенный болгарин». А другие так вывели потом, что русские-то и причиной всех несчастий болгарских: что не грозили бы мы прежде, не зная дела, за угнетенного болгарина турке и не пришли бы потом освобождать этих «ограбленных» богачей, так жил бы болгарин до сих пор как у Христа за пазухой. Это и теперь еще утверждают.

Я только с той стороны говорю, что нашу «деликатность» перед Европой и наш просвещенный европеизм мы-таки умеем иногда наверстать по-своему у себя дома, где Европа не видит уже нас и не смотрит, да и по-русски не понимает. А Болгария — это ведь *дома*. Мы их освобождать пришли, значит, всё равно что *к себе* пришли, они *наши*. У него там сад и имение, так ведь это имение всё равно что мое; я, конечно, не возьму у него ничего, потому что я благородный человек, да, правда, и власти не имею, но всё же он должен *чувствовать* и навеки быть благодарным, потому что раз я к нему вошел, — всё, что у него есть, это всё равно, что *я ему подарил*. Отнял у его угнетателя турка, а ему возвратил. Должен же он понимать это. . . А тут вдруг его никто и не угнетает — какая обидная неприятность, не правда ли?

А какое лакейство вместо просвещенной-то деликатности, не правда ли? И какой смешной случай! Это самое комическое из наверстаний *своего* «у себя дома» за тяготу неловкого мундира европейской деликатности, в котором мы щеголяем перед Европой. Самый лакейский случай случился с этими пылкими господами и застал *довольно многих* из нас совсем врасплох. Это уже посерьезнее, чем врасплох подать пальто англичанину.

Потом всё обнаружилось, и истина открылась многим из вознегодовавших, хотя не всем, до сих пор не всем. Обнаружилось, во-первых, что болгарин ничем не виноват в том, что он трудолюбив и что земля его родит во сто крат. Во-вторых, в том, что и «косился», он не виноват. Взять уж одно то, что он четыре столетия — раб и, встречая новых господ, не верит, что они ему братья, а верит только, что они ему новые господа, да сверх того еще боится прежних господ и тяжело про себя думает: «А ну как те опять вернутся да узнают, что я хлеб-соль подносил?» Ну вот от этих-то внутренних вопросов он и косился — и ведь прав был, вполне угадал, бедняжка: после того как мы, совершив наш первый, молодецкий натиск за Балканы, вдруг отретировались, — пришли ведь к ним опять турки и что только им от них было — теперь уже достояние всемирной истории! Эти красивые домики,

эти посевы, сады, скот — всё это было разграблено, обращено в пепел и стерто с лица земли. Не десятками и не сотнями, а тысячами и десятками тысяч истреблялись болгары огнем и мечом, дети их разрывались на части и умирали в муках, обесчещенные жены и дочери были или избиты после позора, или уведены в плен на продажу, а мужья — вот те самые, которые встречали русских, да сверх того и те самые, которые никогда не встречали русских, но к которым *могли* когда-нибудь прийти русские, — все они поплатились за русских на виселицах и на кострах. Их прибивали мучившие их скоты на ночь за уши гвоздями к забору, а наутро вешали всех до единого, заставляя одного из них вешать прочих, и он, повесив десятка два виновных, кончал тем, что сам обязан был повеситься в заключение при общем смехе мучивших их, сладострастных к мучениям скотов, называемых турецкою нацией и которыми столь восхищались потом иные из деликатнейших барынь наших. . .

NB. (Кстати, еще недавно, уже в половине ноября, писали из Пиргоса о новых зверствах этих извергов. Когда, во время горячей бывшей там стычки, турки временно оттеснили наших так, что мы не успели захватить наших раненых солдат и офицеров, и когда потом, в тот же день к вечеру, опять наши воротились на прежнее место, то нашли своих раненых солдат и офицеров обкраденными, голыми, с отрезанными носами, ушами, губами, с вырезанными животами и, наконец, обгорелыми в сожженных турками скирдах соломы и хлеба, куда они предварительно перенесли живых наших раненых. Репрессалии, конечно, жестокая вещь, тем более, что в сущности ни к чему не ведут, как и сказал уже я раз в одном из предыдущих выпусков «Дневника», но строгость с начальством этих скотов была бы не лишнею. Можно бы прямо объявить, вслух и даже на всю Европу (пруссаки наверно бы сделали так, потому что они даже с французами так точно делали по причинам в десять раз меньше уважительным, чем те, которые имеем мы против воюющих с нами скотов), — что если усмотрятся совершённые зверства, то ближайшие начальники тех турок, которые совершили зверства, в случае взятия их в плен, будут судимы на месте военным судом и подвержены смертной казни расстрелянием. Это, может быть, и имело бы некоторое влияние на офицеров и пашей турецких. (NB. Мне кажется, всегда можно бы было узнать, сейчас или потом, кто из турецких начальников командовал, например, атакой у Пиргоса.) Такой сюрприз, вместо рессорных экипажей, может быть, вразумил бы многих из них. Теперь же этот самый «начальник», попавшись в плен и видя, как его встречают после зверств его, прямо воображает, что он безмерно выше «поганого русского». Европейской деликатности нашей и страху нашему перед Европой, поверьте, этот турок никогда не поверит, да и не поймет этого вовсе, да и не вообразит этой

причины вовсе. Деликатный страх перед Европой есть чисто русское дело и изобретение и не может быть понят никогда и никем. А потому, «если ты так кланяешься мне», рассуждает турецкий начальник, «после того как я, может быть, брату твоему родному вчера еще нос отрезать позволил, то, значит, ты сам чувствуешь себя передо мною низшим, а меня высшим перед собой человеком. Но точно так и должно быть, по воле Аллаха, и нет тут ничего удивительного!» Вот что должен думать про себя пленный турецкий паша, и непременно так думает.)

Таким образом, когда вознегодовавшие на болгар за то, что они хорошо живут, дожили до печальной с ними развязки, то поневоле поняли, что болгарская жизнь в сущности всего только одна декорация, что все эти домики и садики, и жены, и дети, и несовершеннолетние мальчики и девочки в этих домах — всё это в сущности принадлежит турку и берется им, когда он захочет. Он и берет, и в мирное время берет, и во время процветания берет, берет и деньгами и скотами, и женами и девочками, и если сверх того всё продолжало оставаться в цветущем виде, то это потому только, что турок не хотел разрушать вконец такую плодородную ниву, имея в виду и впредь почерпать с нее. Напротив, дозволял временем и местами полное процветание, именно для того, чтоб в свое время почерпать и почерпать. . .

Теперь, конечно, турки рассвирепели и истребляют Болгарию вконец. Они жалеют, что не истребили вовсе. Если мы возьмем Плевно и замедлим двинуться далее, то турки, видя, что, может быть, придется проститься навеки с Болгарией, истребят всё, что только можно в ней истребить, пока есть еще время. Замечательны два мнения: у нас утверждают мудрые до сих пор, что без вмешательства русских болгарин жил бы как у Христа за пазухой и что русские — причина всех его несчастий. А вот известный своими прекрасными и обстоятельными статьями с поля битвы, из нашего лагеря, англичанин Форбес, корреспондент газеты «Daily News», кончил тем, что высказал наконец всю свою английскую правду откровенно. Он *искренно* признает, что турки имели «полное право» истребить всё болгарское население к северу от Балкан, в то время, когда русская армия перешла через Дунай. Форбес почти жалеет (политически, конечно), что этого не случилось, и выводит, что болгаре должны быть обязаны вечною благодарностью туркам за то, что те их тогда не прирезали всех поголовно, как баранов. Вспомнив наше русское мнение о «болгарине как у Христа за пазухой» и сопоставив его с мнением Форбеса, можно прямо обратиться к болгарину с таким увещанием: «Как же ты после того не у Христа за пазухой, если тебя поголовно всего не прирезали?» Но странно тут и еще одно, и в глаза бросается, и в истории останется: «Неужели, в самом деле, такое право турков может так спокойно и безмятежно признавать столь

образованный, как Форбес, член столь просвещенной и великой нации, как Англия? Неужели это последние цветы и плоды английской цивилизации?» Но, заметьте себе, он, конечно, бы так не выразился, если б вместо болгар дело шло о французах или об итальянцах. Он потому только выразился так, что это были всего только славяне-болгары. Какое же после этого у них у всех в Европе родовое, кровяное презрение к славянам и славянскому племени! Считаются всё равно что за собак! Допускается возможность и разумность прирезать всех до единого, всё племя, с женами и детьми. И заметьте еще (это очень важно), это не граф Биконсфильд говорит: тот может выразить такие же разбойничьи и зверские убеждения, принужденный к тому политикой, «английскими интересами», а ведь Форбес — частный человек, не государственный, на которого соблюдение интересов Англии *во что бы ни стало и чего бы ни стоило* не возложено, да еще человек-то какой: честный, талантливый, правдивый, гуманный, по прежним письмам своим. Тут именно, именно причиною какая-то западноевропейская гадливость ко всему, что носит имя славянства. Этих болгар можно заваривать кипятком, как гнезда клопов в старушечьих деревянных кроватях! Нет ли тут именно какого-нибудь инстинкта, предчувствия, что все эти славянские восточные племена, освободясь, займут когда-нибудь огромную роль в новом грядущем человечестве, вместо сбившейся с правого пути старой цивилизации, и станут на ее место? Сознательно западные люди, конечно, это не могут теперь представить и допустить даже, точно так же как нельзя им представить гнезда клопов — за что-то высшее и грядущее сменить их. Но тут Россия, тут, очевидно, поднята идея совершенно новая, всем на соблазн, на гнев и удивление, тут показалось уже знамя будущего, а так как Россия не «гнездо клопов», как для них болгары, а гигант и сила, не признать которую невозможно, и так как Россия тоже славянская нация, то как, должно быть, эти западные люди ненавидят теперь и Россию в сердцах своих даже инстинктивно, безотчетно, радуясь всякому ее неуспеху и всякой беде ее! Именно тут инстинкт, тут предчувствие будущего. . .

III. ОДНО СОВСЕМ ОСОБОЕ СЛОВЦО О СЛАВЯНАХ, КОТОРОЕ МНЕ ДАВНО ХОТЕЛОСЬ СКАЗАТЬ

Кстати, скажу одно *особое* словцо о славянах и о славянском вопросе. И давно мне хотелось сказать его. Теперь же именно заговорили вдруг у нас все о скорой возможности мира, то есть, стало быть, о скорой возможности хоть сколько-нибудь разрешить и славянский вопрос. Дадим же волю нашей фантазии и представим вдруг, что всё дело кончено, что настояниями и кровью России славяне уже освобождены, мало того, что турецкой империи уже не существует и что Балканский полуостров свободен и жи-

вет новою жизнью. Разумеется, трудно предречь, в какой именно форме, до последних подробностей, явится эта свобода славян хоть на первый раз, — то есть будет ли это какая-нибудь федерация между освобожденными мелкими племенами (NB. Федерации, кажется, еще очень, очень долго не будет) или явятся небольшие отдельные владения в виде маленьких государств, с призванными из разных владетельных домов государями? Нельзя также представить: расширится ли наконец в границах своих Сербия или Австрия тому воспрепятствует, в каком объеме явится Болгария, что станется с Герцеговиной, Боснией, в какие отношения станут с новоосвобожденными славянскими народцами, например, румыны или греки даже, — константинопольские греки и те, другие, афинские греки? Будут ли, наконец, все эти земли и землицы вполне независимы или будут находиться под покровительством и надзором «европейского концерта держав», в том числе и России (я думаю, сами эти народики все непременно выпросят себе европейский концерт, хоть вместе с Россией, но единственно в виде покровительства их от властолюбия России) — всё это невозможно решить заранее в точности, и я не берусь разрешать. Но, однако, возможно и теперь — наверно знать две вещи: 1) что скоро или опять не скоро, а все славянские племена Балканского полуострова непременно в конце концов освободятся от ига турок и заживут новою, свободною и, может быть, независимою жизнью, и 2) . . . Вот это-то второе, что наверно, вернейшим образом случится и сбудется, мне и хотелось давно высказать.

Именно, это второе состоит в том, что, по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что всё точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, — у них характер в этом смысле как у всех, — а именно потому, что *такие вещи* на свете иначе и происходить не могут. Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовиться вперед. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолю-

бия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени». Долго, о, долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслыханного в мире поднятия ею знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем, — коченеет, калечится и умирает в язвах и в бессилии. Нынешнюю, например, всенародную русскую войну, всего русского народа, с царем во главе, подъятую против извергов за освобождение несчастных народностей, — эту войну поняли ли наконец славяне теперь, как вы думаете? Но о теперешнем моменте я говорить не стану, к тому же мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но потом, когда освободим и они кое-как устроятся, — признают они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощию Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. Это хитрое учение наверно существует у них уже и теперь, а впоследствии оно неминуемо разовьется у них в научную и политическую аксиому. Мало того, даже о турках станут говорить с бóльшим уважением, чем об России. Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут всё величие и всю святость дела России и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации. У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы, извещающие весь мир, что после долгой парламентской бури пало наконец министерство в Болгарии

и составилось новое из либерального большинства и что какой-нибудь ихний Иван Чифтлик согласился наконец принять портфель президента совета министров. России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества. Между собой эти землицы будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целость и единство. Будут даже и такие минуты, когда они будут в состоянии почти уже сознательно согласиться, что не будь России, великого восточного центра и великой влекущей силы, то единство их мигом бы развалилось, рассеялось в клочки и даже так, что самая национальность их исчезла бы в европейском океане, как исчезают несколько отдельных капель воды в море. России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае. Разумеется, сейчас же представляется вопрос: в чем же тут выгода России, из-за чего Россия билась за них сто лет, жертвовала кровью своею, силами, деньгами? Неужто из-за того, чтоб пожать столько маленькой, смешной ненависти и неблагодарности? О, конечно, Россия всё же всегда будет сознавать, что центр славянского единства — это она, что если живут славяне свободною национальною жизнию, то потому, что этого захотела и хочет она, что совершила и создала всё она. Но какую же выгоду доставит России это сознание, кроме трудов, досад и вечной заботы?

Ответ теперь труден и не может быть ясен.

Во-первых, у России, как нам всем известно, и мысли не будет, и быть не должно никогда, чтобы расширить насчет славян свою территорию, присоединить их к себе политически, наделать из их земель губерний и проч. Все славяне подозревают Россию в этом стремлении даже теперь, равно как и вся Европа, и будут подозревать еще сто лет вперед. Но да сохранит бог Россию от этих стремлений, и чем более она выкажет самого полного политического бескорыстия относительно славян, тем вернее достигнет объединения их около себя впоследствии, в веках, сто лет спустя. Доставив, напротив, славянам, с самого начала, как можно

более политической свободы и устранив себя даже от всякого опекунства и надзора над ними и объявив им только, что она всегда обнажит меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность, Россия тем самым избавит себя от страшных забот и хлопот поддерживать *силою* это опекунство и политическое влияние свое на славян, им, конечно, ненавистное, а Европе всегда подозрительное. Но выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян; сначала в беде будут прибегать к ней, а потом, когда-нибудь, воротятся к ней и *прильнут* к ней все, уже с полной, с детской доверенностью. Все воротятся в родное гнездо. О, конечно, есть разные ученые и поэтические даже воззрения и теперь в среде многих русских. Эти русские ждут, что новые, освобожденные и воскресшие в новую жизнь славянские народности с того и начнут, что прильнут к России, как к родной матери и освободительнице, и что несомненно и в самом скором времени привнесут много новых и еще не слыханных элементов в русскую жизнь, расширят славянство России, душу России, повлияют даже на русский язык, литературу, творчество, обогатят Россию духовно и укажут ей новые горизонты. Признаюсь, мне всегда казалось это у нас лишь учеными увлечениями; правда же в том, что, конечно, что-нибудь произойдет в этом роде несомненно, но не ранее ста, например, лет, а пока, и, может быть, еще целый век, России вовсе нечего будет брать у славян ни из идей их, ни из литературы, и чтоб учить нас, все они страшно не доросли. Напротив, весь этот век, может быть, придется России бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинутся. После разрешения Славянского вопроса России, очевидно, предстоит окончательное разрешение Восточного вопроса. Долго еще не поймут теперешние славяне, что такое Восточный вопрос! Да и славянского единения в братстве и согласии они не поймут тоже очень долго. Объяснять им это беспрерывно, делом и великим примером будет всегдашней задачей России впредь. Опять-таки скажут: для чего это всё, наконец, и зачем брать России на себя такую заботу? Для чего: для того, чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия,

служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству. . . Выше таких целей не бывает никаких на свете. Стало быть, и «выгоднее» ничего не может быть для России, как иметь всегда перед собой эти цели, всё более и более уяснять их себе самой и всё более и более возвышаться духом в этой вечной, неустанной и доблестной работе своей для человечества.

Будь окончание нынешней войны благополучно — и Россия несомненно войдет в новый и высший фазис своего бытия. . .

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I. ТОЛКИ О МИРЕ. «КОНСТАНТИНОПОЛЬ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАШ» — ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО? РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

А про окончание войны все вдруг начали толковать, не только в Европе, но и у нас. Все пустились дебатировать вероятные условия мира. Приятно то, что даже большинство наших политических газет, более или менее, но верно ценит теперь труды, кровь и усилия России, и условия мира предполагает по возможности в размерах этих усилий. Утешительно особенно то, что большинство судящих начинает признавать и самостоятельность России ввиду грядущих несомненных европейских вмешательств при заключении мира, и право ее заключить мир сепаратный, личный, не призывая Европы и даже не очень внимая ей, если будет возможно. Участь славян берется тоже в расчет. Толкуют о вознаграждениях, с большим жаром требуют железных турецких мониторов. На присоединение Карса, Эрзерума и на право наше присоединить их к себе многие изъявили полное согласие.

Есть люди, которые, впрочем, до сих пор обижаются даже предположением, что мы что-нибудь смеем присоединить вроде Карса. Зато есть, наконец, и такие, которые толкуют даже о Константинополе, не то что о Карсе, и о том, что Константинополь должен быть наш. Эти толки и рассуждения о мире и об условиях мира будут теперь повторяться неустанно, после каждого крупного нашего военного действия. Мне хочется только заметить, что во всех этих теперешних суждениях наших органов (или почти) кроется как будто какой-то не то что промах, а недосмотр. Именно, все считают Европу. . . Европой, то есть такой же Европой, какой была она с разными варьяциями во всё столетие, — то есть те же почти великие державы принимаются, то же политическое равновесие имеется в виду и проч. Между тем как Европа с часу на час не та становится теперь, что была даже назад тому полгода, и даже до того, что за три месяца вперед ручаться теперь

невозможно, — до того может измениться даже к будущей весне прежний лик ее. Колоссальные роковые текущие факты, которые должны формулироваться и потребовать разрешения, очень может быть скоро, берутся в расчет как бы всё еще не в тех размерах, в которых они существенно должны предстать перед миром. Даже состав той Европы, которая может вмешаться в наши дела при заключении мира, трудно определить теперь безошибочно. А потому и толковать об условиях мира лишь на прежних данных, недостаточно оценяя того, что все эти прежние данные — двинулись сами с места, текут, улетучиваются, ждут сами новых определений, — мне кажется, будет тоже ошибочно. . . А впрочем, об этом потом. Теперь же, так как уже зашла речь о Константинополе, мне хочется мимоходом отметить одно очень странное и почти неожиданное для меня мнение о ближайших «судьбах» Константинополя, выраженное человеком, от которого можно было ожидать совсем другого решения ввиду теперешних совершившихся и несомненно имеющих совершиться событий. Николай Яковлевич Данилевский, написавший восемь лет тому назад превосходную книгу «Россия и Европа», в которой есть лишь одна неясная и нетвердая глава, именно о будущей судьбе Константинополя, напечатал недавно в газете «Русский мир» ряд статей о том же самом предмете. Окончательный вывод его о Константинополе очень оригинален.

Я, впрочем, не буду разбирать во всей подробности.

После превосходных и верных рассуждений, например, о том, что Константинополь, по изгнании турок, отнюдь не может стать вольным городом, вроде, как, например, прежде Краков, не рискуя сделаться гнездом всякой гадости, интриги, убежищем всех заговорщиков всего мира, добычей жидов, спекулянтов и проч. и проч., — Н. Я. Данилевский решает, что Константинополь должен, когда-нибудь, стать общим городом всех восточных народностей. Все народы будут-де владеть им на равных основаниях, вместе с русскими, которые тоже будут допущены ко владению им на основаниях, равных с славянами. Такое решение, по-моему, удивительно. Какое тут может быть сравнение между русскими и славянами? И кто это будет устанавливать между ними равенство? Как может Россия участвовать во владении Константинополем на *равных* основаниях с славянами, если Россия им неравна во всех отношениях — и каждому народцу порознь и всем им вместе взятым? Великан Гулливер мог бы, если б захотел, уверять лилипутов, что он им во всех отношениях равен, но ведь это было бы очевидно нелепо. Зачем же напускать на себя нелепость до того, чтоб верить ей самому и насильно? Константинополь должен быть *наш*, завоеван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки. Одним нам он должен принадлежать, а мы, конечно, владея им, можем допустить в него и всех славян и кого захотим, еще сверх того, на самых широких основаниях, но это уже будет не федеративное владение вместе со славянами городом. Да взять

уже то, что вы федеративного соединения славян между собою еще целый век не добьетесь. Россия будет владеть лишь Константинополем и его необходимым округом, равно Босфором и проливами, будет содержать в нем войско, укрепления и флот, и так должно быть еще долго, долго. О, подхватят и закричат многие: «Стало быть, служение-то России славянскому делу, видно, было не столь бескорыстное!» На это легко отвечать, именно тем, что служение России славянам теперь еще не окончится, а будет еще продолжаться в веках, что ею только, и великой центральной силой ее, славяне и будут на свете жить; что за такое служение никогда и ничем нельзя будет заплатить, а что если и займет теперь Россия Константинополь, то единственно потому, что у ней, в задачах ее и в назначении ее, есть кроме славянского и другой вопрос, самый великий для нее и окончательный, а именно Восточный вопрос, и что разрешиться этот вопрос может только в Константинополе. Федеративное же владение Константинополем разными народцами может даже умертвить Восточный вопрос, разрешения которого, напротив того, настоятельно надо желать, когда придут к тому сроки, так как он тесно связан с судьбою и с назначением самой России и разрешен может быть только ею. Не говорю уже о том, что все эти народцы лишь перессорятся между собою в Константинополе, за влияние в нем и за обладание им. Ссорить их будут греки. Завидовать тому, что они владеют такой великолепной точкой Европы и земного шара, будут и западные славяне. . . одним словом, Константинополь послужит тогда камнем раздора во всем славянском и восточном мире, что помешает единению славян и остановит ход правильной жизни их. Спасение в таком случае именно в том, если Россия займет Константинополь одна, для себя, за свой счет. Россия может сказать тогда восточным народам, что она потому берет себе Константинополь — «что ни единый из вас, ни все вы вместе не доросли до него, а что она, Россия, доросла». И доросла. Именно теперь наступает этот новый фазис жизни России. Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия. России именно нужно и даже *полезно* теперь, на некоторое время, забыть хоть немножко Петербург и побывать на Востоке, ввиду изменения судеб ее и всей Европы, изменения близкого, стоящего «при дверях». Впрочем, оставим до времени разбор всех неудобств общего владения Константинополем, и даже вреда от того, особенно для славян, — заметим только, хоть несколько слов, о судьбе в таком случае константинопольских греков и православия.

Греки ревниво будут смотреть на новое славянское начало в Константинополе и будут ненавидеть и бояться славян даже более, чем бывших магометан. Еще недавний спор болгар с патриаршим престолом может послужить в таком случае примером будущего. Предстоятели православия в Константинополе могут унизиться до интриги, мелких проклятий, отлучений, неправильных

соборов и проч., а может быть, упадут и до ереси — и всё это из-за национальных причин, из-за национальных оскорблений и раздражений. «Почему славяне выше нас, могут сказать все греки вместе, почему признается их безусловное право на Константинополь, хотя бы и вместе с нами?» Теперь в то же время заметьте, что Россия, владея Константинополем, имея силу и огромный очевидный авторитет, почти устранит возможность таких вопросов. Даже греки не могли бы ей столь завидовать и досадовать на нее за владение Константинополем, именно потому, что она столь очевидная сила и столь явная владычица судеб Востока. Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и *всех восточных* народностей, не различая их с славянами. Мусульманское владение было во все эти столетия для всех этих народностей не единительной, но подавляющей силой, и они при нем шевельнуться не смели, то есть вовсе не жили как люди. С уничтожением же мусульманского владычества может наступить в этих народностях, выпрыгнувших вдруг из гнета на свободу, страшный хаос. Так что не только правильная федерация между ними, но даже просто согласие — есть, без сомнения, лишь мечта будущего. А пока новой единительной для них силой и будет Россия, именно тем отчасти, что твердо станет в Константинополе. Она спасет их друг от друга и именно будет стоять на страже их свободы. Она будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его. И наконец, она же и лишь она одна способна поднять на Востоке знамя новой идеи и объяснить всему восточному миру его новое назначение. Ибо что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России. Что же это за судьбы православия? Римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение, заставившее отвернуться от себя человечество и бывшее таким образом главнейшей причиной матерьялизма и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упадшего христианского в ней начала, по мере извращения и утраты его в самой церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос. Я знаю, очень многие назовут такое суждение «кликушеством», но Н. Я. Данилевский слишком может понять то, что я говорю. Но для такого назначения России нужен Константинополь, так как он центр восточного мира. Россия уже сознает про себя, с народом и царем своим во главе, что она лишь носительница идеи Христовой, что слово православия переходит в ней в великое дело, что уже началось это дело

с теперешней войной, а впереди перед ней еще века трудов, самопожертвования, насаждения братства народов и горячего материнского служения ее им, как дорогим детям.

Да, это великое христианское дело, эта новая деятельность христианства и православия уже начались, именно в теперешнюю войну и фактом теперешней войны, а Н. Я. Данилевский всё еще не верит тому. . . не верит, очевидно, потому, что не считает пока никого еще *достойным* овладеть Константинополем, и даже Россию. Не доросли, что ли, до Константинополя русские — трудно понять. Конечно, трудно устроить согласное и *равное на правах* владение Константинополем всех восточных народов и народцев, но ведь допускает же автор статьи, что Россия могла бы владеть Константинополем одна, пока, временно, так сказать, более охраняя его, чем смея владеть им, с тем, однако, чтоб после передать его на общее владение народцам (для чего? для чего передать?). Кажется, Н. Я. Данилевский считает, что для самой России будет искусительно и, так сказать, развратительно единоличное владение Константинополем, возбудит в ней дурные завоевательные инстинкты и проч., но, кажется, пора бы наконец уверовать в Россию, особенно после подвига теперешней войны. Она доросла-с; даже до Константинополя доросла. . .

И вдруг автор даже и *пока* не решается доверить России Константинополь. И, представьте, чем кончает: он выводит, что *пока* надо продлить существование Турции (отняв у ней всех славян, Балканы и проч.) и оставить пока Константинополь под властью турок и что это даже будто бы самое выгодное для России *теперь* решение и в этом почти перст божий. Но почему же, перст-то божий почему? Разумеется, автор предполагает при этом новом существовании Турции полнейшее влияние па нее России и, так сказать, зависимость Турции от России. Но для чего такой маскарад? Рассудите: владыка Россия, а все-таки на время надо турку поставить. Заметим, что на такую комбинацию Европа еще скорее не согласится, чем на окончательное завоевание Турции, ибо лучше уже совершившийся факт, чем всё еще оспариваемый, продолжаемый, угрожающий новыми войнами в самом близком будущем. Таким образом, автор почти сошелся, в конце концов, с политическим мнением лорда Биконсфильда, то есть что существование Турции необходимо и уничтожена она быть не может.

«От Турции останется одна тень, — говорит Н. Я. Данилевский, — но тень эта *должна* (?) еще до поры до времени отенять берега Босфора и Дарданелл, ибо заменить ее *живым*, и не только живым, но еще здоровым организмом, пока невозможно (!?). . .»

Это Россия-то не здоровый и даже не живой еще организм, которым нельзя даже сметь заменить в столице православия гнилье турок? Это для меня удивительно (опять-таки после *подвига* теперешней войны!). Чего-нибудь я тут верно не понимаю. Не разумеет ли автор, просто-напросто, что потому невозможно еще пустить Россию в Константинополь (для единоличного владения

или для передачи его потом народам), что Европа не согласится ее впустить. Может быть, автор не верит, что Россия в нынешнюю войну в силах достигнуть такого окончательного результата. Он именно говорит в одном месте своей статьи, «что *занятие* Константинополя русскими встретит самое решительное сопротивление со стороны большинства европейских держав». Если так, то заключение его о необходимости оставить на время турок в Константинополе становится понятнее; тем не менее насчет «сопротивления большинства европейских держав» можно заметить две вещи: 1) что, как сказал я выше, Европа, может быть, скорее найдет примирительный исход в занятии нашем Константинополя, чем в той формуле, которую предлагает г-н Данилевский, то есть Турцию обезличенную, под полной опекой России, без Балкан, без славян, с срытыми крепостями, без флота, одним словом, «тень» прежней Турции, как выражается автор. Уж конечно, не этой Турции желало бы «большинство европейских держав», и, оставив на свете лишь «тень Турции», ее тем не надуешь: «Всё равно, не сегодня, так завтра войдете в Константинополь», — скажет она русским. А потому окончательное решение для нее будет решительно предпочтительнее, чем Турция в виде тени. Второе, что можно заметить, это то, что, *может быть*, действительно никогда еще не было (и не будет) такого выгодного для нас момента для занятия Константинополя, как теперь, именно в эту войну, именно в данный или весьма близкий к тому момент, ввиду политического положения самой Европы в этот момент.

II. ОПЯТЬ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ «ПРОРИЦАНИЯ»

Вы всё говорите: «большинство европейских держав» не позволит. Но что такое теперь «большинство европейских держав»? Определимо ли оно даже в настоящую минуту? Повторяю сказанное выше: Европа с часу на час становится не такой, как была прежде, еще недавно, как была, может быть, всего назад еще полгода, так что теперь даже за три месяца вперед ручаться и за дальнейшую неизменяемость ее нельзя. Дело в том, что мы именно накануне самых величайших и потрясающих событий и переворотов в самой Европе, и это *без всякого преувеличения*. В данный же момент, теперь, в ноябре, это «большинство европейских держав», которые могли бы нам сказать в чем-нибудь свое грозное veto при заключении мира, — сводится лишь на Англию, — и — вряд ли еще на Австрию, хотя Англия во что бы ни стало вовлекает ее в союз и даже надеется на союз и с Францией. Но мы будем (теперь уже это очевидно) не одни. В Европе есть Германия, и та на нашей стороне.

Да, Европу ждут огромные перевороты, такие, что ум людей отказывается верить в них, считая осуществление их как бы чем-то фантастическим. Между тем многое, что еще нынешним летом считалось фантастическим, невозможным и преувеличенным, — сбы-

лось в Европе к концу года буквально, и мнение, например, о силе католического всемирного заговора — мнение, над которым *все* еще летом склонны были смеяться и, по крайней мере, пренебрегать им, разделяется теперь *всеми* и подтвердилось фактами. Напоминаю об этом единственно для того, чтоб читатели поверили и теперешним «предсказаньям» нашим и не сочли бы их фантастическою и преувеличенною картиною, как, вероятно, сочли многие наши летние предсказания в мае, июне, июле и августе, и которые, однако, сбылись до буквальной точности.

Единственный политик в Европе, проникающий гениальным взглядом своим в самую глубь фактов, — есть, бесспорно, князь Бисмарк. Самого страшного врага Германии, ее единства и ее обновленного будущего он прозрел, еще задолго назад — в римском католицизме и в порожденном католицизмом чудовище — социализме. (Социализмом проедена Германия.) Раздавить католицизм в момент избрания нового папы Бисмарку необходимо. О, он понимает, что он не раздавит его окончательно и что он только поставит его в известный новый фазис борьбы. Но старый фазис борьбы, для католицизма, еще продолжается, пока жива Франция. Пока жива Франция, у католицизма есть сильный меч и есть надежды на европейскую коалицию. Что до Франции, то эта страна в глазах кн. Бисмарка — обречена уже судьбе своей. Для него один вопрос: или ей жить, или Германии. Ибо падет Франция — и католицизм, вместе с социализмом, войдут в новый фазис. И пока европейские политики, следуя за нескончаемой борьбой Мак-Магона с республиканцами, желают от всего сердца победы республиканцам, *принимая и веря еще*, что республика есть во Франции правительство народное и способное соединить Францию, — князь Бисмарк, тем временем, понимает вполне, что Франция отжила свой век, что эта нация разделилась внутренно и окончательно сама на себя навеки и что в ней никогда уже более не будет твердого и единящего всех авторитетного правления, здорового национального и единящего центра. И хоть слабость Франции могла бы, таким образом, лишь обнадеживать Германию, но князь Бисмарк всё же видит, что, повторю это, пока живет Франция, дотоле жив и римский католицизм политически и имеет в руках своих обнаженный меч, мало того, — что католицизм-то, может быть, и мог бы еще раз, *на время*, послужить для этой разложившейся страны — единящей идеей, хотя бы внешнеполитически. Ибо даже и быть не может, чтоб Франция, хотя бы и с республиканцами во главе, могла *не* обнажить, *рано ли*, *поздно ли*, меча за папу и за судьбы католичества. Республиканцы даже сами увидели бы, что оставь они папу и католичество, то и собственное их существование во Франции стало бы невозможным. Правда, сами-то они, может, будут и неспособны понять это даже до самого конца своего и, таким образом, пребудут до конца не только фаворитами (протеже) князя Бисмарка, которых он, однако же, всё равно приговорил уже про себя к смерти, вместе с прочими

французскими партиями, имеющими претензию на способность вновь соединить Францию в одно неразрывное целое, — но и рабами Германии, отдающими ей и всю Францию не только в политическое, но и во внутреннее, существенное и духовное рабство, именно тем, что лишают Францию самой самостоятельнейшей из *политических и исторических* идей ее, вырывают у ней то знамя, которое она высоко держала столько веков как представительница романского элемента в европейском человечестве. Но зато те, которые сгонят за это бездарных и бесполезных республиканцев с места, непременно позаботятся воздвигнуть (Бисмарк знает это), в последний раз, католическое знамя против Германии — знамя, в которое уже, повторяю это, не верит Франция, уже сама *почти вся* отрицает его, но которое может еще послужить ей *политически* последней точкой упоры и единения против рокового (и последнего тоже) натиска протестантской Германии, вечно протестовавшей против западноевропейских, унаследованных еще от древнего Рима начал целой половины европейского человечества.

А потому князь Бисмарк, вероятнее всего, уже предрешил судьбу Франции. Францию ждет судьба Польши, и политически жить она не будет — или не будет и Германии. Достигнув этого, он принудит тогда воюющее римское католичество (которое будет воевать до окончания мира) войти в новый фазис существования и борьбы за существование — в фазис подземной, рептильной, заговорной войны. И он ждет его в этом новом фазисе. Чем скорее это совершится, тем для него лучше, так как тут он ждет уже соединения обоих врагов Германии и человечества вместе и тем самым раздавить их надеется легче, зараз. . .

III. НАДО ЛОВИТЬ МИНУТУ

Соединение же обоих врагов произойдет несомненно, только лишь падет политически Франция. Оба врага эти имели с Францией всегда органическую связь. Католичество, почти до последнего времени, было единящей и существенной идеей ее. Социализм же и зародился в ней. Лишив Францию политической жизни, князь Бисмарк думает нанести удар и социализму. Социализм, как наследие католицизма и Франции, ненавистен более всех истинному германцу, и простительно, что представители Германии думают с ним так легко справиться, уничтожив лишь политически Францию как источник и начало его. Но вот что произойдет, по всей вероятности, если падет политически Франция: католичество потеряет свой меч и в первый раз обратится к народу, которого оно презирало столько веков, заискивая у королей и императоров земных. Но теперь оно обратится к народу, ибо некуда идти ему больше, обратится именно к предводителям наиболее подвижного и подымчивого элемента в народе, социалистам. Народу оно скажет, что всё, что проповедуют им социалисты, проповедовал и Христос. Оно исказит и продаст им Христа еще раз, как прода-

вало прежде столько раз за земное владение, отстаивая права инквизиции, мучившей людей за свободу совести во имя любящего Христа, — Христа, дорожащего лишь свободно пришедшим учеником, а не купленным или напуганным. Оно продавало Христа, благословляя иезуитов и одобряя праведность «всякого средства для Христова дела». Всё Христово же дело оно искони обратило лишь в заботу о земном владении своем и о будущем государственном обладании всем миром. Когда католическое человечество отвернулось от того чудовищного образа, в котором им представили наконец Христа, то после целого ряда веков протестов, реформаций и проч. явились наконец, с начала нынешнего столетия, попытки устроиться вне бога и вне Христа. Не имея инстинкта пчелы или муравья, безошибочно и точно созидающих улей и муравейник, люди захотели создать нечто вроде человеческого безошибочного муравейника. Они отвергли происшедшую от бога и откровением возвещенную человеку единственную формулу спасения его: «Возлюби ближнего как самого себя» — и заменили ее практическими выводами вроде: «Chacun pour soi et Dieu pour tous»[1] — или научными аксиомами вроде «борьбы за существование». Не имея инстинкта животных, по которому те живут и устраивают жизнь свою безошибочно, люди гордо вознадеялись на науку, забыв, что для такого дела, как создать общество, наука еще всё равно что в пеленках. Явились мечтания. Будущая Вавилонская башня стала идеалом и, с другой стороны, страхом всего человечества. Но за мечтателями явились вскоре уже другие учения, простые и понятные всем, вроде: «Ограбить богатых, залить мир кровью, а там *как-нибудь само собою всё вновь устроится*». Наконец, пошли дальше и этих учителей, явилось учение анархии, за которою, если б она могла осуществиться, наверно бы начался вновь период антропофагии, и люди принуждены были бы начинать опять всё сначала, как тысяч за десять лет назад. Католичество понимает всё это отлично и сумеет соблазнить предводителей подземной войны. Оно скажет им: «У вас нет центра, порядка в ведении дела, вы раздробленная по всему миру сила, а теперь, с падением Франции, и придавленная. Я буду единением вашим и привлеку к вам и всех тех, кто в меня еще верует». Так или этак, а соединение произойдет. Католичество умирать не хочет, социальная же революция и новый, социальный период в Европе тоже несомненен: две силы, несомненно, должны согласиться, два течения слиться. Разумеется, католичеству даже выгодна будет резня, кровь, грабеж и хотя бы даже антропофагия. Тут-то оно и может надеяться поймать на крючок, в мутной воде, еще раз свою рыбу, предчувствуя момент, когда наконец измученное хаосом и бесправицей человечество бросится к нему в объятия, и оно очутится вновь, но уже всецело и наяву, нераздельно ни с кем и единолично, «земным владыкою и авторитетом мира сего»

[1] «Каждый за себя, а бог за всех» (*франц.*).

и тем окончательно уже достигнет цели своей. Картина эта, увы — не фантазия. Я положительно удостоверяю, что ее уже прозирают очень и очень многие на Западе. И, вероятно, прозирают и владыки Германии. Но предводители германского народа в одном ошибаются: в легкости победить и подавить этих двух страшных и уже соединенных врагов. Они надеются на силу обновленной Германии, протестантского и протестующего ее духа против древнего и нового Рима, начал и *последствий* его. Но не они остановят чудовище: остановит и победит его воссоединенный Восток и новое слово, которое скажет он человечеству. . .

Во *всяком случае* одно кажется ясным, именно: мы *нужны* Германии даже более, чем думаем. И нужны мы ей не для минутного политического союза, *а навечно*. Идея воссоединенной Германии широка, величава и смотрит в глубь веков. Что Германии делить с нами? объект ее — всё западное человечество. Она себе предназначила западный мир Европы, провести в него свои начала вместо римских и романских начал и впредь стать предводительницею его, а России она оставляет Восток. Два великие народа, таким образом, предназначены изменить лик мира сего. Это не затеи ума или честолюбия: так сам мир слагается. Есть новые и странные факты и появляются каждый день. Когда у нас, еще на днях почти, говорить и мечтать о Константинополе считалось даже чем-то фантастическим, в германских газетах заговорили многие о занятии нами Константинополя как о деле самом обыкновенном. Это почти странно сравнительно с прежними отношениями к нам Германии. Надо считать, что дружба России с Германией нелицемерна и тверда и будет укрепляться чем дальше, тем больше, распространяясь и укрепляясь постепенно в народном сознании обеих наций, а потому, может быть, даже не было и момента для России выгоднее для разрешения Восточного вопроса окончательно, как теперь. В Германии, может быть, даже нетерпеливее нашего ждут окончания нашей войны. Между тем действительно за три месяца нельзя теперь поручиться. Кончим ли мы войну раньше, чем начнутся последние и роковые волнения Европы? Всё это неизвестно. Но поспеем ли мы на помощь Германии, нет ли, Германия во всяком случае рассчитывает на нас не как на *временных* союзников, а как на *вечных*. Что же до текущей минуты — опять-таки весь ключ дела во Франции и в избрании папы. Тут может явиться столкновение Франции с Германией, теперь уже несомненное, тем более, что есть разжигатели. Англия об нем особенно постарается, и тогда, может быть, двинется и Австрия. Но об этом обо всем мы говорили еще недавно. Ничего с тех пор не изменилось, что бы могло опровергнуть прежние мнения наши, напротив, подтвердилось. . .

Во всяком случае, России надобно ловить минуту. А долго ли эта благоприятная европейская наша минута может продолжаться? Пока действуют теперешние великие предводители Германии, эта минута *всего вернее* для нас обеспечена. . .

ДЕКАБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ ОДНОГО ПРЕЖНЕГО ФАКТА

Заключая двухлетнее издание «Дневника» теперешним последним, декабрьским выпуском, я нахожу необходимым сказать еще раз одно слово об одном деле, о котором я уже слишком довольно говорил. Положил же я об этом сказать еще в мае месяце, но оставил тогда по особым соображениям, именно до этого последнего выпуска. Это всё опять о той мачехе, Корниловой, которая в злобе на мужа выбросила свою шестилетнюю падчерицу в окошко, а та, упав с пятисаженной высоты, осталась жива. Как известно, преступница была судима, осуждена, потом приговор был кассирован, и, наконец, окончательно была оправдана на вторичном суде 22 апреля сего года. (См. «Дневник писателя» октябрь 1876 и апрель 1877 года.)

В этом деле мне случилось принять некоторое участие. Председатель суда, а потом и прокурор, в самой зале суда, объявили публично, что первый обвиняющий Корнилову приговор был отменен, именно вследствие пущенной мною в «Дневнике» мысли, что «не влияло ли на поступок преступницы ее беременное состояние»? Я эту мысль провел и развил вследствие чрезвычайных и странных психических особенностей, которые сами собою неотразимо бросались в глаза и останавливали внимание при чтении подробностей совершенного преступления. Впрочем, это всё уже известно читателям. Известно, может быть, тоже, что после самого строгого следствия и самых упорных и настоятельных доводов прокурора присяжные все-таки оправдали Корнилову, пробыв в зале совещания не более десяти минут, и публика разошлась, горячо сочувствуя оправданию. И вот, тем не менее, мне тогда же, в тот же день, пришла на ум мысль, что в подобном важном деле, где затронуты самые высшие мотивы гражданской и духовной жизни,

всего бы желательнее, чтоб всё могло быть разъяснено до самой последней возможности, чтоб уж не оставалось ни в обществе, ни в душе присяжных, вынесших оправдание, никаких сомнений, колебаний и сожалений о том, что несомненная преступница была отпущена без наказания. Тут затронуты дети, детская судьба (часто ужасная у нас на Руси и особенно в бедном классе), детский вопрос — и вот оправдывается, при сочувствии публики, убийца ребенка! И вот я этому сам отчасти способствовал (по свидетельству самого суда)! Я-то действовал по убеждению, но меня, после произнесенного приговора, вдруг начало мучить сомнение: не осталось ли в обществе недовольства, недоумения, неверия в суд, негодования даже? В прессе нашей сказано было об этом оправдании Корниловой мало, — тогда заняты были не тем, предчувствовалась война. Но в «Северном вестнике», в новородившейся тогда газете, как раз я прочел статью, полную негодования на оправдание и даже злобы на мое участие в этом деле. Статья эта написана недостойным тоном, да и не я один подвергся тогда негодованию «Сев<ерного> вестника»; подвергся и Лев Толстой за «Анну Каренину», подвергся злым и недостойным насмешкам. Я лично и не ответил бы автору, но в статье этой я именно увидел то, чего опасался от некоторой части нашего общества, то есть сбивчивого впечатления, недоумения, негодования на приговор. И вот я решил ждать все восемь месяцев, чтоб в этот срок убедиться самому, по возможности еще более, окончательно, в том, что приговор не повлиял дурно на подсудимую, что, напротив, милосердие суда, как доброе семя, пало на хорошую почву, что подсудимая *действительно была достойна* сожаления и милосердия, что порывы неизъяснимого, фантастического почти буйства, в припадке которого она совершила свое злодеяние, — не возвращались и *не могут* возвратиться к ней вовсе и никогда более, что это именно добрая и кроткая душа, а не разрушительница и убийца (в чем я убежден был во всё время процесса), и что действительно преступление этой несчастной необходимо было объяснить каким-нибудь особым случайным обстоятельством, болезненностью, «аффектом» — вот именно теми болезненными припадками, которые бывают довольно часто (при совокупности и других, конечно, неблагоприятных условий и обстоятельств) у беременных женщин в известном периоде беременности, — и что, наконец, стало быть, ни присяжным, ни обществу, ни публике, бывшей в зале суда и с горячим сочувствием выслушавшей приговор, — уже нечего было сомневаться в таком приговоре, в его целесообразности, и раскаиваться в своем милосердии.

И вот теперь, после этих восьми месяцев, я именно в силах и могу кое-что сообщить и прибавить по этому, впрочем, может быть, слишком уже наскучившему всем делу. Буду отвечать именно как бы обществу, то есть той части его, которая, по предположению моему, могла не согласиться с совершившимся приговором, усумниться в нем и вознегодовать на него — если, впрочем, таковая

часть недовольных была в нашем обществе. А так как из всех этих недовольных мне известен (не лично, однако же) всего лишь тот один «Наблюдатель», написавший грозную статью в «Северном вестнике», то и буду отвечать этому Наблюдателю. Вернее всего то, что я на него нисколько не подействую никакими доводами, но, может быть, буду понятен читателям.

Наблюдатель, коснувшись в статье своей дела Корниловой, придал этому *делу* с первой строки самое высшее значение: он в негодовании указывал на судьбу детей, беззащитных детей, и сожалел, что не казнили подсудимую строжайшим приговором. Дело, стало быть, шло о Сибири, о ссылке двадцатилетней женщины с рожденным ею уже в тюрьме ребенком на руках (и который тоже, стало быть, ссылался в Сибирь вместе с нею), о разрушении молодого семейства. В таком случае, кажется, следовало бы первым делом тщательно, серьезно и беспристрастно отнестись к обсуждаемым совершившимся фактам. И вот, поверят ли: этот Наблюдатель *не знает* дела, о котором судит, говорит наобум, сочиняет сам из головы небывалые обстоятельства и бросает их прямо на голову бывшей подсудимой; в зале суда, *очевидно*, не находился, прений не слушал, при приговоре не присутствовал — и при всем том — ожесточенно и озлобленно требует казни человека! Да ведь дело-то об участи человеческой идет, нескольких даже существ зараз, о том идет, чтоб разорвать жизнь человеческую пополам, безжалостно, с кровью. Положим, несчастная уже была оправдана, когда Наблюдатель вышел с своей статьей, — но ведь такие нападения влияют на общество, на суд, на общественное мнение, они отзовутся на будущем подобном же подсудимом, они, наконец, обижают оправданную, благо она из темного люда, а потому беззащитна. Вот, однако, эта статья, то есть всё место, относящееся до дела Корниловой; делаю самые существенные выписки и исключаю весьма немногое.

II. ВЫПИСКА

. . . .

. . . Гораздо труднее присяжным представить самих себя в положении беременной женщины; а еще труднее — в положении шестилетней девочки, которую эта женщина вышвырнула из окна четвертого этажа. Надо иметь всю ту силу воображения, которою, как известно, отличается среди всех нас г-н Достоевский, чтобы вполне войти в положение женщины и уяснить себе всю неотразимость аффектов беременности.

Он действительно вошел в это положение, ездил к одной даме в тюрьму, был поражен ее смирением и в нескольких нумерах своего «Дневника» выступил горячим ее защитником. Но г-н Достоевский слишком впечатлителен, и притом «болезненные проявления воли» — это прямо по части автора «Бесов», «Идиота» и т. д., ему извинительно иметь к ним слабость. Я смотрю на дело проще и утверждаю, что после таких примеров, как оправдания жестокого обращения с детьми, этому обращению, которое в России, как и в Англии, очень нередко, не предстоит уже и тени устрашения. Из скольких случаев жестокости с детьми один подпадает судебному рассмотрению? Есть дети, которых вся жизнь, утро, полдень и вечер каждого дня — не что

иное, как ряд страданий. Это — невинные существа, терпящие такую участь, в сравнении с которой работа отцеубийц в рудниках — блаженство, с отдыхом, с отсутствием вечного, неумолимого страха, с полным душевным спокойствием, насколько оно не нарушается совестью. Из десяти тысяч, а вероятно, из сотни тысяч случаев жестокости с детьми, один всплывает на судебную поверхность; один, какой-нибудь, почему-либо наиболее замеченный. Например, мачеха вечно бьет (?) несчастное шестилетнее существо и, наконец, выбрасывает его из четвертого этажа; когда узнает, что ненавистное ей дитя не убилось, она восклицает «ну живуча». Ни внезапности проявления ненависти к ребенку, ни раскаяния после совершения убийства нет; всё цельно, всё логично в проявлении одной и той же злой воли. И эту женщину оправдывают. Если в таких ясных до очевидности случаях жестокости с детьми у нас оправдывают, то чего же ожидать в других случаях, менее резких, более сложных? Оправдания, конечно, оправдания и оправдания. В Англии, в грубых классах городских roughs [1] нередки, как я уже заметил, случаи жестокости с детьми. Но желал бы я, чтобы мне показали один пример подобного оправдания английскими присяжными. О, когда перед нашими присяжными является раскольник, худо отозвавшийся о куполе церкви, — тогда другое дело. В Англии он даже и к суду не был бы призван, у нас он не жди оправдания. Но жестокость над девочкой — стоит ли губить за это молодую женщину! Ведь она все-таки мачеха, то есть почти мать жертвы; как бы там ни было, поит, кормит ее и еще больше бьет. Но этим последним русского человека не удивишь. Приятель рассказывал мне, что ехал он на днях на извозчике, и тот всё время стегал лошадь. На вопрос о том извозчик отвечал: «Ее должность такая! Ей должно быть вечно и нещадно битой».

Твоя судьба, в продолжение веков, русский человек! Ведь, может быть, и мачеху били в детстве; и вот ты входишь в это и говоришь — бог с ней! Но ты так не делай. Ты пожалей маленьких; тебя теперь бить не будут, и не оправдывай жестокость над тем, кто уже родился не рабом.

Мне скажут: вы нападаете на институт присяжных, когда и без того. . . и так далее. Не нападаю я на институт, и в уме не имею нападать на него, он хорош, он бесконечно лучше того суда, в котором не участвовала общественная совесть. Но я беседую с этой совестью о таком-то и таком-то ее проявлении. . .

. . . Но бить ребенка какой-нибудь год и потом выкинуть на верную смерть — это другое дело. «Муж оправданной, — пишет г-н Достоевский в вышедшем на днях «Дневнике», — увез ее в тот же вечер, уже в одиннадцатом часу, к себе домой, и она, счастливая, вошла опять в свой дом». Как трогательно. Но горе бедному ребенку, если он остался в том доме, куда вошла «счастливая»; горе ему, если он когда-нибудь попадет в отцовский дом.

«Аффект беременности» — ну, выдумано новое жалкое слово. Как бы силен этот аффект ни был, однако женщина под влиянием его не бросалась ни на мужа, ни на соседних жильцов. Весь аффект ее исключительно предназначался для той беззащитной девочки, которую она тиранила целый год без всякого аффекта. На чем же основались присяжные в оправдании? На том, что один психиатр признал «болезненное состояние души» подсудимой во время совершения преступления; трое других психиатров заявили только, что болезненное состояние беременной женщины могло повлиять на совершение преступления; а один акушер, профессор Флоринский, которому едва ли не лучше известны все проявления состояния беременности, выразил прямо несогласие с такими мнениями. Стало быть, четверо из пятерых экспертов не признали, что в данном случае преступление положительно

---

[1] низов (*англ.*).

было совершено в состоянии «аффекта беременности» и затем невменяемости. Но присяжные оправдали. Эк, велико дело: ведь не убился же ребенок; а что его били, так ведь «его должность такая».

III. ИСКАЖЕНИЯ И ПОДТАСОВКИ И — НАМ ЭТО НИЧЕГО НЕ СТОИТ

Вот выписка, вот обвинение, много негодования и на меня. Но теперь и я спрошу Наблюдателя: как могли вы до такой степени исказить факты в таком важном обвинении и выставить всё в таком ложном и небывалом виде? Да когда же было битье, систематическое *мачехино* битье? Вы пишете прямо и точно:

«Мачеха *вечно бьет* несчастное шестилетнее существо и, наконец, выбрасывает его из четвертого этажа. . .»

Потом:

«Но бить ребенка *какой-нибудь год* и потом выкинуть на верную смерть. . .»

Восклицаете про ребенка:

«Горе ему, если он когда-нибудь попадет в отцовский дом».

И наконец, влагаете в уста присяжных зверскую фразу:

«Эк, велико дело: ведь не убился же ребенок, а что его били, так ведь „его должность такая“».

Одним словом, вы все факты подменили и всё дело представили так, что преступление, по-вашему, произошло будто бы единственно от ненависти мачехи к ребенку, которого она мучила и била год и кончила тем, что выбросила его из окошка. Вы представили подсудимую нарочно зверем, ненасытно злобною мачехой, единственно, чтоб оправдать свою статью и возбудить негодование общества на милосердный приговор присяжных. И мы вправе заключить, что сделали вы этот подмен единственно с этою, указанною мною сейчас целью — потому вправе, что не могли же вы и не имели права не узнать подробнейшим образом обстоятельств такого дела, в котором сами берете на себя произнести приговор и требуете казни.

Между тем зверя, зверской мачехи, ненавидящей ребенка и ненасытной к истязанию его, — *никогда* и *совсем* не было. И это положительно подтвердилось следствием. Первоначально действительно выдвинута была мысль, что мачеха мучила ребенка и из ненависти к нему решилась убить его. Но впоследствии обвинение совсем оставило эту мысль: слишком ясно стало, что преступление совершилось совсем из других мотивов, чем ненависть к ре-

бенку, из причин, совершенно объяснившихся на суде и при которых ребенок был ни при чем. Кроме того, на суде не оказалось и свидетелей, которые бы могли подтвердить жестокость мачехи — *мачехино* битье. Было только одно свидетельство одной только женщины, жившей тут же в коридоре рядом (где живет много людей), что секла, дескать, очень больно ребенка, но и это свидетельство выяснилось потом защитой, как «коридорная сплетня» — не более. Было же то, что обыкновенно бывает в этакого рода семействах, при их степени образования и развития, то есть что ребенка за шалости действительно наказывали оба, и отец и мачеха, но иногда лишь, то есть очень редко, и не бесчеловечно, а «отечески», как они выражаются сами, то есть точь-в-точь, как делают это до сих пор, к несчастью, во всех таких русских семействах, по всей Руси, и при этом, однако, любя крепко детей и заботясь об них (и весьма даже часто) гораздо сильнее и больше, чем бывает это в иных интеллигентных и богатых, европейски развитых русских семействах. Тут только неуменье, а не жестокость. Корнилова же была даже весьма хорошей мачехой, ходила и наблюдала за ребенком. Наказание же ребенка было лишь один раз *жестокое*: мачеха высекла его раз утром при пробуждении *за то, что не умеет проситься ночью*. Никакой тут ненависти к нему не было. Когда я ей заметил, что за это нельзя наказывать, что сложение детей и природа их различны, что шестилетний ребенок еще слишком мал, чтоб всегда уметь проситься, то она ответила: «А мне сказали, что так надо сделать, чтоб отучить, и что его иначе не отучишь». В этот раз она ударила ребенка бичевкой «шесть» раз, но так, что вышли рубцы, — и вот эти-то рубцы и видела та женщина в коридоре, единственная свидетельница единственного случая жестокости, и об них-то и показывала в суде. За эти же рубцы муж, воротясь с работы, немедленно наказал жену, то есть побил ее. Это человек строгий, прямой, честный и неуклонный прежде всего, хотя, как видите, отчасти и с обычаями прежних времен. Бивал он жену редко и не бесчеловечно (так сама она говорит), а единственно из принципа мужней власти — так выходит по его характеру. Ребенка своего он любит (хотя чаще еще мачехи наказывал и сам девочку за шалости), но не такой он человек, чтоб дать ребенка напрасно в обиду, хотя бы и жене своей. Итак, единственный случай строгого наказания (до рубцов), обнаружившийся на суде, обращен обвинителем «Северного вестника» в систематическое, зверское, мачехино битье целый год, в мачехину ненависть, которая, возрастая всё более и более, кончилась швырком ребенка за окошко. А она об ребенке и не думала даже за пять минут до совершения своего ужасного преступления.

Вы, г-н Наблюдатель, засмеетесь и скажете: да разве наказание розгами до рубцов не жестокость, не *мачехино* битье? Да, наказание до рубцов есть зверство, это так, но ведь этот случай (единичность его была подтверждена на суде, для меня же подтверждена теперь положительно), повторяю это, ведь не есть же систематичес-

кое, постоянное, зверское мачехино битье целый год, это только *случай* и вышедший из неумения воспитывать, из ложного понимания, как нужно научить ребенка, а вовсе не из ненависти к нему или потому, что «его должность такая». Таким образом, ваше изображение этой женщины, как злой мачехи, и то лицо, которое определилось на суде из действительных фактов, — совершенная разница. Да, она вышвырнула ребенка, преступление страшное и зверское, но ведь не как злобная же мачеха она это совершила, — вот об чем прежде всего вопрос в ответ на ваше голословное обвинение. Для чего же вы поддерживаете такое лютое обвинение, если сами знаете, что его доказать нельзя, что на суде оно было оставлено и что совсем не было свидетелей, его подтверждающих. Неужели для одного лишь литературного эффекта? Ведь выставляя на вид и доказывая, что это сделала *мачеха*, заключившая этим убийством целый год истязаний ребенка (небывалых вовсе), — вы тем самым извращаете впечатление малосведующего в этом деле читателя, исторгаете из его души сожаление и милосердие, которых он поневоле не может ощущать, прочтя статью вашу, к извергу мачехе; тогда как, не будь в глазах его эта мачеха выставлена вами как мучительница ребенка, она бы, может быть, и заслужила в его сердце хотя малое снисхождение, как больная, как болезненно-потрясенная, раздраженная беременная женщина, что ясно из фантастических, диких и загадочных подробностей события. Справедливо ли так поступать общественному деятелю, человечно ли?

Но вы еще и не то говорите. Вы написали, и опять-таки твердо и точно, как изучивший всё дело до мельчайшей подробности наблюдатель:

> «Аффект беременности» — ну, выдумано новое жалкое слово. Как бы силен этот аффект ни был, однако женщина под влиянием его *не бросалась на мужа*, ни на соседних жильцов. Весь аффект ее исключительно предназначался для беззащитной девочки, которую она тиранила целый год без всякого аффекта. На чем же основались присяжные в оправдании?

Но на чем же вы-то основались, Наблюдатель, чтоб соорудить такое совершенное искажение дела? «Не бросалась на мужа!» Но об том только и говорилось на суде, что ссоры с мужем дошли у ней наконец (и только в несколько последних дней, впрочем) до бешенства, до исступления, которое и привело к преступлению. Ссоры же были вовсе не из-за ребенка, потому что ребенок был тут буквально ни при чем, *не думала она в эти дни даже о нем вовсе*. «Вовсе мне его и не надо было тогда», — как выразилась она сама.

Не для вас, а для читателей моих постараюсь обозначить оба эти характера, ссорившихся мужа и жены, так, как я их и прежде еще, до приговора понимал и как они еще более уже после приговора, при самом пристальном наблюдении моем, разъяснились мне. Нескромности относительно этих двух лиц не может быть тут очень большой с моей стороны: уж много и без того было оглашено на

суде. Да и делаю я это собственно к их оправданию. Итак, вот в чем дело. Муж, прежде всего, человек твердый, прямой, честнейший и добрейший (то есть даже великодушный, как доказал он впоследствии), но несколько слишком пуританин, слишком наивно и даже сурово следующий раз навсегда принятому взгляду и убеждению. Тут и некоторая разница в летах с женой, он много старше, тут и то еще, что он вдовец. Человек он работающий целый день и хотя ходит в немецком платье и смотрит как бы «образованным» человеком, но человек никакого особенного образования не получивший. Замечу еще, что в наружности его несомненный вид собственного достоинства. Прибавлю, что он не очень разговорчив, не очень весел или смешлив, может быть, даже обращение его несколько и тяжело́. Она взята им за себя еще очень молодая. Это была честная девушка, по ремеслу швея, добывавшая мастерством порядочные деньги.

Как они сошлись, не знаю. Вышла она за него по охоте, «по любви». Но очень скоро началась разладица и хотя долго не доходило до крайностей, но недоумение, разъединение и даже, наконец, озлобление нарастали с обеих сторон, хотя и медленно, но твердо и неуклонно. Дело в том, а может быть в том вся и причина, что оба, несмотря на возрастающее озлобление, любили друг друга даже слишком горячо и так до самого конца. Любовь-то и ожесточала требования с обеих сторон, усиливала их, прибавляла к ним раздражение. А тут как раз и ее характер. Это характер довольно замкнутый и как бы несколько гордый. Бывают такие и меж женщин и меж мужчин, которые хоть и питают в сердце даже самые горячие чувства, но при этом всегда как-то стыдливы на их обнаружение; в них мало ласки, мало у них ласкающих слов, обниманий, прыгания на шею. Если за это их назовут бессердечными, бесчувственными, то они тогда еще более замыкаются в себя. При обвинениях они редко стараются разъяснить дело сами, напротив, оставляют эту заботу на обвинителя: «Сам, дескать, угадай; коли любишь, должен узнать, что я права». И если он не узнает и озлобляется более и более, то и она озлобляется более и более. И вот этот муж с самого начала стал круто (хоть и вовсе не жестоко) упрекать ее, читать ей наставления, учить ее, попрекать прежней женой своей, что было ей особенно тяжело. Всё, однако, шло не особенно дурно, но так, однако, всегда стало выходить, что при упреках и обвинениях с его стороны начинались с ее стороны ссоры и злобные речи, а не желание объясниться, покончить недоумение как-нибудь окончательным разъяснением, указанием причин. Об этом даже и забыли наконец. Кончилось тем, что в ее сердце (у ней первой, а не у мужа) начались угрюмые чувства, разочарование вместо любви. И всё это возрастало притом довольно бессознательно, — тут жизнь рабочая, тяжелая, об чувствах-то и некогда слишком думать. Он уходит на работу, она занимается хозяйством, стряпает, полы даже моет. У них по длинному коридору в казенном здании маленькие комнаты, по одной на каждое семей-

ство служащих в этом казенном заведении женатых работников. Случилось так, что она, с позволения мужа, ушла на именины, в семейный дом, к тому мастеру, у которого всё свое детство и отрочество училась своему мастерству и с которым и она и муж продолжали быть знакомыми. Муж, занятый работою, остался на этот раз дома. На именинах оказалось очень весело, было много приглашенных, угощение, начались танцы. Пропировали до утра. Молодая женщина, привыкшая у мужа к довольно скучному житью в одной тесной комнате и к вечной работе, — видно, вспомнила свое девичье житье и провеселилась *на балу* так долго, что и забыла о сроке, на который была отпущена. Кончилось тем, что уговорили ее заночевать в гостях, к тому же возвращаться домой было очень далеко. Вот тут-то и рассердился муж, первый раз ночевавший без жены. И рассердился очень: на другой день, бросив работу, пустился за ней к гостям, разыскал ее и — тут же при гостях *наказал*. Возвратились они домой уже молча и два дня и две ночи потом не говорили друг с другом вовсе и не ели вместе. Узнал я всё это отрывками, она же сама мало разъяснила мне, несмотря на мои вопросы, тогдашнее свое состояние духа. «Не помню я, об чем тогда и думала, все эти два дня, а всё думалось. На нее (на девочку) я тогда и *не смотрела вовсе*. Я всё помню, как это сделалось, но как я это сделала, уж и не знаю, как сказать». И вот, на третий день утром, муж рано ушел на работу, девочка еще спит. Мачеха возится с печкой. Девочка наконец просыпается; мачеха машинально, по обыкновению, ее умывает, обувает, одевает и сажает за кофей. . . — «и не думаю я о ней вовсе». Ребенок сидит, пьет свою чашку, кушает, — «и вот вдруг я на нее тогда поглядела. . .»

IV. ЗЛЫЕ ПСИХОЛОГИ. АКУШЕРЫ-ПСИХИАТРЫ

Послушайте, Наблюдатель, вы утверждаете твердо и точно, что всё дело произошло без колебаний, обдуманно, спокойно, била, дескать, целый год, наконец обдумала, спокойно взяла решение и выбросила за окно младенца: «*Ни внезапности* проявления ненависти к ребенку, — пишете вы в негодовании, — ни раскаяния после совершения убийства нет, всё цельно, всё логично в проявлении *одной и той же* злой воли. И эту женщину оправдывают». Вот собственные слова ваши. Но ведь от обвинения в предумышленности преступления отказался сам прокурор, известно ли вам это, Наблюдатель, — отказался публично, гласно, торжественно, в самый роковой момент суда. А прокурор, однако, обвинял преступницу с жестокою настойчивостью. Как же вы-то, Наблюдатель, утверждаете уже после прокурорского отступления, что не было внезапности, а, напротив, — всё было цельно и логично в проявлении одной и той же злой воли? Цельно и логично! Стало быть, обдуманно, стало быть, преднамеренно. Припомню всё еще раз быстрыми штрихами: она велит девочке встать на подокон

ник и выглянуть за окошко, и когда девочка посмотрела за окно, она приподняла ее за ножки и выбросила с высоты $5\frac{1}{2}$ сажен. Затем заперла окно, оделась и пошла в участок доносить на себя. Скажите, неужели это цельно и логично, а не фантастично? И во-первых, для чего поить-кормить ребенка, если уж дело было замышлено давно в уме ее, для чего ждать, пока та выпьет кофе и съест свой хлеб? Как можно (и естественно ли) даже не заглянуть за окно, уже выбросив девочку. И позвольте, к чему доносить на себя? Ведь если всё вышло из злобы, из ненависти к девочке, «которую она била целый год», то для чего, убив эту девочку, придумав и исполнив наконец это давно и спокойно замышленное убийство, идти тотчас же доносить на себя? Ненавистной девочке пусть смерть, а ей-то для чего себя губить? Кроме того, если сверх ненависти к ребенку был и еще мотив, чтоб убить его, то есть ненависть к мужу, желание отмстить мужу смертию его ребенка, то ведь она прямо могла сказать мужу, что шалунья девочка сама влезла на окошко и сама вывалилась, ведь всё равно цель была бы достигнута, отец был бы поражен и потрясен, а обвинить ее в умышленном убийстве никто бы в мире тогда не мог, хотя бы и могло быть подозрение? Где доказательства? Если б даже девочка и осталась жива, то кто бы мог поверить ее лепету? Напротив, убийца тем вернее и полнее достигла б всего, к чему стремилась, то есть отмстила бы гораздо злее и больнее мужу, который, если б даже и подозревал ее в убийстве, то именно тем пуще бы мучился ее безнаказанностью, видя, что наказать ее, то есть предать правосудию, невозможно. Наказав же себя сама тут же, погубив всю свою участь в остроге, в Сибири, в каторге, она тем самым давала мужу удовлетворение. Для чего же всё это? И кто одевается, наряжается в этом случае, чтоб идти губить себя? О, скажут мне, она не просто хотела лишь отмстить ребенку и мужу, она хотела и брак разорвать с мужем: сошлют на каторгу, брак разорван! Но уж не говоря о том, что об разрыве брака можно бы было распорядиться и придумать иначе, чем губя, девятнадцати лет, всю жизнь и свободу свою, — не говоря уже об этом, согласитесь, что человек, решающийся погубить себя сознательно, бросится в разверзшуюся под ногами бездну безо всякой оглядки, без малейшего колебания, — согласитесь, что в этой человеческой душе должно было быть страшное чувство в ту минуту, мрачное отчаяние, позыв к гибели неудержимый, позыв броситься и истребить себя, — а если так, то можно ли, можно ли сказать, сохраняя здравый смысл, что «*ни внезапности*, ни раскаяния в душе не было»! Не было если раскаяния, то были мрак, проклятие, сумасшествие. Уж, по крайней мере, нельзя сказать, что было всё цельно, всё логично, всё предумышленно, без внезапности. Нужно быть самому в «аффекте», чтоб утверждать это. Не иди она доносить на себя, останься дома, солги людям и мужу, что ребенок убился сам, — было бы действительно всё логично и цельно, и без внезапности в проявлении злой воли; но погубление и себя тут же, не вынужденное, а добровольное,

уж конечно, свидетельствует, по крайней мере, об ужасном и возмущенном душевном состоянии убийцы. Это мрачное душевное состояние продолжалось долго, несколько дней. Выражение: «Ну, живуча» — было выставлено защитником экспертом же (а не обвинением), при обрисовке им перед судом того мрачного, холодного, как бы омертвевшего духовного состояния подсудимой после совершения ею преступления, а не как злобную, холодную, нравственную бесчувственность с ее стороны. Моя же вся беда была в том, что я, прочитав тогда первый приговор суда и пораженный именно странностью и фантастичностью всех подробностей дела и взяв в соображение сообщенный в тех же газетах факт о ее беременности, на пятом месяце, во время совершения убийства, не мог, совершенно невольно, не подумать: не повлияла ли тут и беременность, то есть как я писал тогда, не случилось ли так дело: «Посмотрела она на ребенка и подумала в злобе своей: вот бы выбросить за окошко? Но будучи не беременна — подумала бы может быть, по злобе своей, да и не сделала бы, не выбросила, а беременная — взяла, да и сделала?» Ну, вот вся беда моя в том, что я тогда так подумал и так написал. Но неужели с одних этих слов только кассировали приговор и потом оправдали убийцу? Вы смеетесь, Наблюдатель, над экспертами! Вы утверждаете, что лишь один из пяти сказал, что преступница действительно была в аффекте беременности, а что трое других лишь выразились, что могло быть влияние беременности, но не сказали положительно, что оно действительно было. Из этого вы выводите, что лишь один эксперт оправдал подсудимую *положительно*, а четверо нет. Но ведь такое рассуждение ваше неверно: вы слишком много требуете от совести человеческой. Довольно и того, что трем экспертам, очевидно, не хотелось оправдать подсудимую *положительно*, то есть взять это себе на душу, но факты до того были сильны и очевидны, что эти ученые все-таки поколебались и кончилось тем, что они не могли сказать: *нет*, прямо и просто, а *принуждены* были сказать, что «действительно могло быть влияние болезненное в момент преступления». Ну, а для присяжных ведь это и приговор: коли не могли не сказать, что «могло быть», значит, пожалуй, и впрямь оно было. Такое сильное сомнение присяжных естественно не могло не повлиять и на их решение, и это совершенно так и следовало по высшей правде: неужели же убить приговором ту, в полной виновности которой трое экспертов явно сомневаются, а четвертый, Дюков, эксперт именно по душевным болезням, прямо и твердо приписывает всё злодеяние тогдашнему расстроенному душевному состоянию преступницы? Но Наблюдатель особенно ухватился за г-на Флоринского, пятого эксперта, не согласившегося с мнением четырех первых экспертов: он, дескать, акушер, он больше всех должен знать в болезнях женщин. Это почему же он должен знать в душевных бо-

лезнях больше самих экспертов-психиатров? Потому что он акушер и занимается не психиатрией, а совсем другим делом? Не совсем и это логично.

V. ОДИН СЛУЧАЙ, ПО-МОЕМУ, ДОВОЛЬНО МНОГО РАЗЪЯСНЯЮЩИЙ

Теперь расскажу один случай, который, по-моему, может кое-что разъяснить в этом деле окончательно и послужить прямо той цели, с которою предпринял я эту статью. На третий день после оправдательного приговора над подсудимой Корниловой (22 апреля 1877 г.) они, муж и жена, приехали ко мне утром. Еще накануне они оба были в детском приюте, в котором помещена теперь пострадавшая девочка (выброшенная из окошка), и теперь, на другой день, снова туда отправлялись. Кстати, участь ребенка теперь обеспечена, и нечего восклицать: «Горе теперь ребенку! . .» и т. д. Отец, когда жену взяли в острог, сам поместил ребенка в этот детский приют, не имея никакой возможности присматривать за ним, уходя с утра до ночи на работу. А по возвращении жены, они решились ее оставить там в приюте, потому что там ей очень хорошо. Но на праздники они часто берут ее к себе домой. Она гостила у них и недавно на рождестве. Несмотря на свою работу, с утра до ночи, и на грудного еще ребенка (родившегося в остроге) на руках, мачеха находит иногда и теперь время урваться и сбегать в приют к девочке, снести ей гостинцу и проч. Когда она была еще в остроге, то, вспоминая свой грех перед ребенком, она часто мечтала, как бы повидаться с ним, сделать хоть что-нибудь так, чтоб ребенок забыл о случившемся. Эти фантазии были как-то странны от такой сдержанной, даже мало доверчивой женщины, какою была Корнилова во всё время под судом. Но фантазиям этим суждено было осуществиться. Перед рождеством, с месяц назад, не видав Корниловых месяцев шесть, я зашел к ним на квартиру, и Корнилова первым словом мне сообщила, что девочка «прыгает к ней в радости на шею и обнимает ее каждый раз, когда она приходит к ней в приют». И когда я уходил от них, она мне вдруг сказала: «Она забудет. . .».

Итак, они ко мне заехали утром на третий день по оправдании ее. . . Но я всё отступаю, отступлю и еще раз на минутку. Наблюдатель юмористично и зло острит надо мною в своей статье за эти посещения мои Корниловой в остроге. «Он действительно вошел в это положение» (то есть в положение беременной женщины), — говорит он про меня, — «ездил к одной даме в тюрьму, был поражен ее смирением и в нескольких нумерах „Дневника“ выступил горячим ее защитником». Во-первых, к чему тут слово «дама», к чему этот дурной тон? Ведь Наблюдателю отлично известно, что это не дама, а простая крестьянка, работница с утра до ночи; она стряпает, моет полы и шьет на продажу, если урвет время. Бывал же я у нее в остроге ровно по разу в месяц, сиживал минут

по 10, много четверть часа, не более, большею частью в общей камере для подсудимых женщин, имеющих грудных младенцев. Если я с любопытством присматривался к этой женщине и старался уяснить себе этот характер, — то что же в том дурного, подлежащего насмешкам и юмору? Но вернемся к моему анекдоту.

Итак, приехали они с визитом, сидят у меня, оба в каком-то проникнутом серьезном состоянии духа. Мужа я до тех пор мало знал. И вдруг он говорит мне: «Третьего дня, как мы воротились домой, — (это после оправдания, стало быть, часу в двенадцатом ночи, а встает он в пять часов утра), — то тотчас сели за стол, я вынул Евангелие и стал ей читать». Признаюсь, когда он сообщил это, мне вдруг подумалось, глядя на него: «Да он и не мог иначе сделать, это тип, цельный тип, это можно бы было угадать». Одним словом, это пуританин, человек честнейший, серьезнейший, несомненно добрый и великодушный, но который ничего не уступит из своего характера и ничего не отдаст из своих убеждений. Этот муж смотрит на брак со всею верою, именно как на таинство. Это один из тех супругов, и теперь еще сохранившихся на Руси, которые, по старому русскому преданию и обычаю, придя от венца и уже затворившись с нововенчанною женою в спальне своей, первым делом бросаются перед образом на колени и долго молятся, прося у бога благословения на свое будущее. Подобно тому он поступил и тут: вводя вновь свою жену в дом и возобновляя с нею расторгнутый страшным преступлением ее брак свой, он первым делом развернул Евангелие и стал ей читать его, нисколько не удерживаясь в мужественной и серьезной своей решительности хотя бы тем соображением, что женщина эта почти падает от усталости, что она страшно была потрясена, еще готовясь к суду, а в этот последний роковой для нее день суда вынесла столько подавляющих впечатлений, нравственных и физических, что уже, конечно, не грешно бы было даже и такому строгому пуританину, как он, дать ей прежде хоть каплю отдохнуть и собраться с духом, что было бы даже и сообразнее с целью, которую он имел, развертывая перед ней Евангелие. Так что мне даже показался этот поступок его чуть ли не неловким, — слишком уже прямолинейным, в том смысле, что он именно мог не достигнуть цели своей. Слишком виновную душу, и особенно если она сама уже слишком чувствует свою виновность и много уже вынесла из-за того муки, не надо слишком явно и *поспешно* укорять в ее виновности, ибо можно достигнуть обратного впечатления, и особенно в том случае, если раскаяние и без того уже в душе ее. Тут человек, от которого она зависит, поднявшийся над ней в высшем ореоле судьи, имеет как бы нечто в ее глазах беспощадное, слишком уже самовластно вторгающееся в ее душу и сурово отталкивающее ее раскаяние и возродившиеся в ней добрые чувства: «Не отдых, не еда, не питье нужны такой, как ты, а вот садись и слушай, как надо жить». Когда они уже уходили, мне удалось заметить ему мельком, чтоб он принимался вновь *за это дело* не столь строго или, лучше ска-

зать, не так бы спешил, не так бы прямо ломил и что так, может быть, было бы вернее. Я выразился кратко и ясно, но всё же думал, что он, может быть, меня не поймет. А он вдруг мне и замечает на это: «А она мне тогда же, как только вошли в дом и как только мы стали читать, и рассказала всё, как вы ее в последнее посещение ваше учили добру, в случае, если б ее в Сибирь сослали, и усовещевали, как ей надо в Сибири жить. . .»

А это вот как было: действительно я, ровно накануне дня суда, заехал к ней в острог. Твердых надежд на оправдание не было у нас ни у кого, ни у меня, ни у адвоката. У ней тоже. Я застал ее с виду довольно твердою, она сидела и что-то шила, ребенку ее немного нездоровилось. Но была она не то что грустна, а как бы подавлена. У меня же в голове насчет ее ходило несколько мрачных мыслей, и я именно заехал с целью сказать ей одно словцо. Сослать ее, как мы твердо надеялись, могли лишь на поселение, и вот едва совершеннолетняя женщина, с ребенком на руках, пустится в Сибирь. Брак расторгнут; на чужой стороне, одной, беззащитной и еще недурной собою, такой молодой, — где ей устоять от соблазна, думалось мне? Подлинно па разврат толкает ее судьба, я же знаю Сибирь: соблазнять там страшно много охотников, туда очень много едет из России неженатых людей, служащих и аферистов. Упасть легко, но зато сибиряки, простой народ и мещане — это самые безжалостные к падшей женщине люди. Мешать ей не помешают, но раз замаравшая свою репутацию женщина никогда уже не восстановит ее: вечное ей презрение, слово укора, попреки, насмешки, и это до самой старости, до могилы. Прозвище особое дадут. А ребеночек ее (девочка) как раз *принуждена* будет наследовать карьеру матери: из дурного дома не найдет хорошего и честного жениха. Но другое дело, если сосланная мать соблюдет себя в Сибири честно и строго: молодая женщина, соблюдающая себя честно, пользуется огромным уважением. Всякий-то ее защищает, всякий-то ей пожелает угодить, всякий-то перед ней шапку снимет. Дочку она наверно пристроит. Даже сама может со временем, когда разглядят ее и уверятся в ней, вновь в честный брак вступить, в честную семью. (В Сибири о прошлом, то есть за что сослан, ни в острогах, ни куда бы ни сослали жить, не спрашивают, редко любопытствуют. Может быть, это оттого даже, что чуть ли не вся-то Сибирь, в три эти столетия, произошла от ссыльных, населилась ими.) Вот всё это мне и вздумалось высказать этой молодой, едва совершеннолетней женщине. И даже я нарочно выбрал, чтоб сказать ей это, именно этот последний день перед судом: характернее останется в памяти, строже напечатлеется в душе, подумалось мне. Выслушав меня, как ей следует жить в Сибири, если сошлют ее, она мрачно и серьезно, не подымая на меня почти глаз, поблагодарила меня. И вот усталая, измученная, потрясенная всем этим страшным многочасовым впечатлением суда, а дома сурово посаженная мужем слушать Евангелие, она не подумала тогда про себя: «Хоть бы пожалел-то меня, хоть бы

до завтрава отложил, а теперь накормил бы, дал отдохнуть». Не обиделась и тем, что *так над ней возвышаются* (NB. Обида за то, что слишком уже *над нами возвышаются*, может быть у самого страшного, самого сознающего свое преступление преступника и даже у самого раскаивающегося), — а, напротив, не нашла что лучше мужу сказать, как сообщить ему *поскорей*, что вот и в остроге ее учили тоже добру люди, что вот как учили ее жить на чужой стороне, честно и строго соблюдая себя. И уж явно она сделала это потому, что знала, что рассказ об этом доставит удовольствие ее мужу, впадет в его тон, ободрит его: «Значит, она впрямь раскаивается, впрямь хочет жить хорошо», — подумает он. Так он как раз и подумал, а на мой совет: не пугать ее слишком поспешной строгостью с нею, прямо сообщил мне, конечно, с радостью в душе «Нечего бояться за нее и осторожничать, она сама рада быть честной . . .»

Не знаю, но мне кажется, что всё это понятно. Поймут читатели, для чего я и сообщаю это. По крайней мере, теперь хоть надеяться можно, что великое милосердие суда не испортило преступницу еще более, а, напротив, даже очень может быть, что пало на хорошую почву. Ведь она и прежде, и в остроге, и теперь считает себя несомненной преступницей, а оправдание свое приписывает единственно лишь великому милосердию суда. «Аффекта беременности» она сама не понимает. И точно, она несомненная преступница, она была в полной памяти, совершая преступление, она помнит каждое мгновение, каждую черточку совершенного преступления, она только не знает и даже себе самой не может никак уяснить до сих пор: «*Как это она могла тогда это сделать и на это решиться!*» Да, г-н Наблюдатель, суд помиловал действительную преступницу, действительную, несмотря на несомненный теперь и роковой «аффект беременности», столь осмеянный вами, г-н Наблюдатель, и в котором я глубоко и уже непоколебимо теперь убежден. Ну, а теперь решите сами: если б разорвали брак, отторгли ее от человека, которого она несомненно любила и любит и который для нее составляет всё ее семейство, и одинокую, двадцатилетнюю, с младенцем на руках, беспомощную сослали в Сибирь — на разврат, на позор (ведь это падение-то в Сибири наверно же бы случилось) — скажите, что толку в том, что погибла, истлела бы жизнь, которая теперь, кажется, возобновилась вновь, возвратилась к истине в суровом очищении, в суровом покаянии и с обновившимся сердцем. Не лучше ли исправить, найти и восстановить человека, чем прямо снять с него голову. Резать головы легко по букве закона, но разобрать по правде, по-человечески, по-отчески, всегда труднее. Наконец, ведь вы знали же, что вместе с молодою, двадцатилетнею матерью, то есть неопытною и наверно впереди жертвою нужды и разврата, — ссылается и младенец ее. . . Но позвольте мне вам сказать о младенцах словечко особо.

VI. ВРАГ ЛИ Я ДЕТЕЙ? О ТОМ, ЧТО ЗНАЧИТ ИНОГДА СЛОВО «СЧАСТЛИВАЯ»

Вся ваша статья, г-н Наблюдатель, есть протест «против оправдания жестокого обращения с детьми». То, что вы заступаетесь за детей, конечно, делает вам честь, но со мной-то вы обращаетесь слишком высокомерно.

«Надо иметь всю ту силу воображения, — (говорите вы обо мне), — которою, как известно, отличается среди всех нас г-н Достоевский, чтобы вполне войти в положение женщины и уяснить себе всю неотразимость аффектов беременности. . . Но г-н Достоевский слишком впечатлителен, и притом „болезни проявления воли“ — это прямо по части автора „Бесов“, „Идиота“ и т. д., ему извинительно иметь к ним слабость. Я смотрю на дело проще и утверждаю, что после таких примеров, как оправдания жестокого обращения с детьми, этому обращению, которое в России, как и в Англии, очень нередко, не предстоит уже и тени устранения». — И т. д., и т. д.

Во-первых, о «слабости моей к болезненным проявлениям воли» я скажу вам лишь то, что мне действительно, кажется, иногда удавалось, в моих романах и повестях, *обличать* иных людей, считающих себя здоровыми, и доказать им, что они больны. Знаете ли, что весьма многие люди больны именно своим здоровьем, то есть непомерной уверенностью в своей нормальности, и тем самым заражены страшным самомнением, бессовестным самолюбованием, доходящим иной раз чуть ли не до убеждения в своей непогрешимости. Ну вот на таких-то мне и случалось много раз указывать моим читателям и даже, может быть, доказать, что эти здоровяки далеко не так здоровы, как думают, а, напротив, очень больны, и что им надо идти лечиться. Что ж, я не вижу в этом ничего дурного, но г-н Наблюдатель слишком жесток ко мне, потому что фраза его об «оправдании жестокого обращения с детьми» прямо и ко мне относится; он только «капельку» смягчает ее: «Ему-де извинительно». Вся статья его написана прямо для доказательства, что во мне, от пристрастия моего к «болезненным проявлениям воли», до того извратился здравый смысл, что я скорее готов пожалеть истязателя ребенка, зверя-мачеху и убийцу, а не истязуемую жертву — не слабую, жалкую девочку, битую, поруганную и, наконец, убитую. Это мне обидно. В противуположность моей болезненности, Наблюдатель прямо, поспешно и откровенно указывает на себя, выставляет свое здоровье: «Я, дескать, смотрю на дело проще (чем г-н Достоевский) и утверждаю, что после таких примеров, как оправдания жестокого обращения с детьми» и т. д. и т. д. Итак, я оправдываю жестокое обращение с детьми — страшное обвинение! Позвольте же и мне, в таком случае, защитить себя. Не стану указывать на прежнюю тридцатилетнюю мою литературную деятельность, чтоб решить вопрос: большой ли я враг детей и любитель жестокого обращения с ними, но напомню лишь о двух последних годах моего авторства, то есть об издании «Дневника писателя». Когда был процесс Кронеберга, мне случилось-таки,

несмотря на всё мое пристрастие к «болезненным проявлениям воли», заступиться за ребенка, за жертву, а не за истязателя. Следственно, и я *иногда* беру сторону здравого смысла, г-н Наблюдатель. Теперь я даже сожалею, зачем вы не выступили тогда тоже в защиту ребенка, г-н Наблюдатель; наверно бы вы написали самую горячую статью. Но я что-то не помню ни одной горячей тогда статьи за ребенка. Следственно, вы тогда не подумали заступиться. Потом, еще недавно, прошлым летом, мне случилось заступиться за малолетних детей Джунковских, тоже подвергавшихся истязаниям в родительском доме. О Джунковских тоже вы ничего не написали; впрочем, и никто не написал, дело понятное, все были заняты такими важными политическими вопросами. Наконец, я бы мог указать даже не на один, а на несколько случаев, когда я, в эти два года, в «Дневнике» заговаривал о детях, об их воспитании, об их жалкой судьбе в наших семействах, о детях-преступниках в наших заведениях для исправления их, даже упомянул об одном мальчике у Христа на елке, — происшествие, конечно, лживое, но, однако, я не свидетельствующее прямо об моей бесчувственности и равнодушии к детям. Я вам скажу, г-н Наблюдатель, вот что: когда я прочел в газете в первый раз о преступлении Корниловой, о неумолимом приговоре над нею и когда я невольно был поражен соображением: что, может быть, преступница вовсе не так преступна, как оно кажется (заметьте, Наблюдатель, что о «*мачехином* битье» и тогда почти ничего не говорилось в газетных отчетах о процессе, и обвинение это даже и тогда уже не поддерживалось), — то я, решившись написать что-нибудь в пользу Корниловой, слишком понимал тогда и то, на что я решался. Я в этом прямо теперь вам признаюсь. Я ведь отлично знал, что я пишу статью несимпатичную, что я заступаюсь за истязателя, и против кого же, против малого ребенка. Я предугадывал, что меня обвинят *иные* в бесчувственности, в самомнении, в «болезненности» даже: «Заступается-де за мачеху, убившую ребенка!» Я слишком предчувствовал эту «прямолинейность» обвинения от некоторых судей, — вот как от вас, например, г-н Наблюдатель, так что я даже некоторое время и колебался, но кончилось тем, что наконец всё же решился: «Если я верю, что тут правда, то стоит ли служить лжи из-за искания популярности?» — вот на чем я остановился в конце концов. Кроме того, меня ободрила и вера в моих читателей: «Они разберут наконец, — подумал я, — что ведь нельзя же меня обвинить в желании оправдать истязание детей, и если я заступаюсь за убийцу, выставляя свое подозрение в ней болезненного и сумасшедшего состояния во время совершения ею злодейства, то ведь не заступаюсь же я тем самым за самое злодейство и не рад же ведь я тому, что били и убили ребенка, а напротив, может быть, очень и очень пожалел ребенка, не менее кого другого. . .».

Вы зло посмеялись надо мною, г-н Наблюдатель, за одну фразу в статье моей об оправдании подсудимой Корниловой:

«Муж оправданной, — пишет г-н Достоевский в вышедшем на днях Дневнике» (говорите вы), — увез ее в тот же вечер, уже в одиннадцатом часу, к себе домой, и она, счастливая, вошла опять в свой дом». Как трогательно (прибавляете вы), но горе бедному ребенку и т. д. и т. д.

Мне кажется, что я не могу написать такой глупости. Правда, вы цитуете мою фразу точно, но вы что сделали: вы перерезали ее пополам и там, где ничего не стояло, поставили точку. Смысл-то и вышел тот, который вам хотелось выставить. У меня точки на этом месте нет, фраза продолжается, есть и другая половина ее, и думаю, что вместе с этой другой, вами отброшенной половиной, фраза вовсе не так бестолкова и «трогательна», как она представляется. Вот эта фраза моя, но вся целиком, без выкидок.

«Муж оправданной увел ее в тот же вечер, уже в одиннадцатом часу, к себе домой, и она, счастливая, вошла опять в свой дом почти после годового отсутствия, *с впечатлением огромного вынесенного ею урока на всю жизнь и явного божьего перста во всем этом деле, — хотя бы только начиная с чудесного спасения ребенка. . .*»

Видите ли, г-н Наблюдатель, я даже готов оговориться и извиниться перед вами в сейчас высказанном вам упреке за перерезанную надвое мою фразу. Действительно, я сам замечаю теперь, что фраза, может быть, вовсе не так ясна, как я надеялся, и что можно ошибиться в смысле ее. Ее нужно несколько пояснить, и я сделаю это теперь. Тут всё дело в том, как я понимаю слово «счастливая». Счастье оправданной я ставил не в том только, что ее отпустили на волю, а в том, что она «вошла в дом свой с впечатлением огромного вынесенного ею урока *на всю жизнь* и с предчувствием над собой явного перста божия». Ведь нет выше счастья, как увериться в милосердии людей и в любви их друг к другу. Ведь это вера, целая вера, на всю уже жизнь! А какое же счастье выше веры? Разве эта бывшая преступница может теперь усумниться в людях хоть когда-нибудь, в людях как в человечестве и в его целом, великом целесообразном и святом назначении? Войти к себе в дом погибавшему, пропадавшему, с таким могущественным впечатлением новой великой веры, есть величайшее счастье, какое только может быть. Мы знаем, что иные самые благородные и высокие умы весьма даже часто страдали всю жизнь свою неверием в целесообразность великого назначения людей, в их доброту, в их идеалы, в божеское происхождение их и умирали в грустном разочаровании. Вы, конечно, улыбнетесь надо мной и скажете, может быть, что я и тут фантазирую и что у темной, грубой Корниловой, вышедшей из черни и лишенной образования, не может быть в душе ни таких разочарований, ни таких умилений. Ох, неправда! Назвать только они, эти темные люди, не умеют это всё по-нашему и объяснить это нашим языком, но чувствуют они, сплошь и рядом, так же глубоко, как и мы, «образованные люди», и воспринимают чувства свои с таким же счастьем или с такою же грустью и болью, как и мы же.

Разочарование в людях, неверие в них бывает и у них так же, как и у нас. Если б Корнилову сослали в Сибирь и она бы там упала и погибла, — неужели вы думаете, что она бы не почувствовала в какую-нибудь горькую минуту жизни весь ужас своего падения и не унесла бы на сердце своем, может быть, до гроба озлобления, тем более горького, что оно было бы для нее беспредметно, ибо, кроме себя, она не могла бы никого обвинить, потому что, повторяю вам это, она вполне уверена, и до сих пор, что она *несомненная преступница*, и только не знает, как это так тогда случилось над нею. Теперь же, чувствуя, что она преступница, и считая себя таковою, и вдруг прощенная людьми, облагодетельствованная и помилованная, как могла бы она не почувствовать обновления и возрождения в новую и уже высшую прежней жизнь? Ее не один кто-нибудь простил, но умилосердились над нею *все*, суд, присяжные, всё общество, стало быть. Как могла бы она после того не вынести в душе своей чувства огромного долга впредь на всю жизнь свою, перед всеми, ее пожалевшими, то есть перед всеми людьми на свете. Всякое *великое* счастье носит в себе и некоторое страдание, ибо возбуждает в нас высшее сознание. Горе реже возбуждает в нас в такой степени ясность сознания, как великое счастье. Великое, то есть высшее счастье *обязывает* душу. (Повторю: выше нет счастья, как уверовать в доброту людей и в любовь их друг к другу.) Когда сказано было великой грешнице, осужденной на побитие камнями: «Иди в свой дом и не греши», — неужели она воротилась домой, чтобы грешить? А потому весь вопрос и в деле Корниловой заключается лишь в том: на какую почву упало семя. Вот почему мне и показалось необходимым написать теперь эту статью. Прочитав семь месяцев назад ваше нападение на меня, г-н Наблюдатель, я именно решился подождать отвечать вам, чтобы дополнить мои сведения. И вот, мне кажется, что по некоторым, собранным мною чертам я уже безошибочно мог бы сказать теперь, что семя упало на добрую почву, что человек воскрешен, что никому это не сделало зла, что душа преступницы именно подавлена и раскаянием и вечным благотворным впечатлением безграничного милосердия людей и что трудно теперь сердцу ее стать злым, испытав на себе столько доброты и любви. Несомненным же «аффектом беременности», который так возмущает вас, г-н Наблюдатель, повторяю вам это, она вовсе не думает оправдываться. Одним словом, мне показалось вовсе не лишним уведомить об этом, кроме вас, г-н Наблюдатель, и всех читателей моих и всех тех милосердых людей, которые тогда оправдали ее. А об девочке, г-н Наблюдатель, тоже не заботьтесь и не восклицайте о ней: «Горе ребенку!» Ее судьба тоже теперь довольно хорошо устроилась и — «она забудет», есть серьезная надежда и на это.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. СМЕРТЬ НЕКРАСОВА. О ТОМ, ЧТО СКАЗАНО БЫЛО НА ЕГО МОГИЛЕ

Умер Некрасов. Я видел его в последний раз за месяц до его смерти. Он казался тогда почти уже трупом, так что странно было даже видеть, что такой труп говорит, шевелит губами. Но он не только говорил, но и сохранял всю ясность ума. Кажется, он всё еще не верил в возможность близкой смерти. За неделю до смерти с ним был паралич правой стороны тела, и вот 28 утром я узнал, что Некрасов умер накануне, 27-го, в 8 часов вечера. В тот же день я пошел к нему. Страшно изможденное страданием и искаженное лицо его как-то особенно поражало. Уходя, я слышал, как псалтирщик четко и протяжно прочел над покойным: «Несть человек, иже не согрешит». Воротясь домой, я не мог уже сесть за работу; взял все три тома Некрасова и стал читать с первой страницы. Я просидел всю ночь до шести часов утра, и все эти тридцать лет как будто я прожил снова. Эти первые четыре стихотворения, которыми начинается первый том его стихов, появились в «Петербургском сборнике», в котором явилась и моя первая повесть. Затем, по мере чтения (а я читал сподряд), передо мной пронеслась как бы вся моя жизнь. Я узнал и припомнил и те из стихов его, которые первыми прочел в Сибири, когда, выйдя из моего четырехлетнего заключения в остроге, добился наконец до права взять в руки книгу. Припомнил и впечатление тогдашнее. Короче, в эту ночь я перечел чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет, занимал места в моей жизни! Как поэт, конечно. Лично мы сходились мало и редко и лишь однажды вполне с беззаветным, горячим чувством, именно в самом начале нашего знакомства, в сорок пятом году, в эпоху «Бедных людей». Но я уже рассказывал об этом. Тогда было между нами несколько мгновений, в которые, раз навсегда, обрисовался передо мною этот загадочный человек самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь. Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери — и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то, уж конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись,

где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю и на иные темные неудержимые влечения его духа, преследовавшие его всю жизнь. А темные порывы духа сказывались уже и тогда. Потом, помню, мы как-то разошлись, и довольно скоро; близость наша друг с другом продолжалась не долее нескольких месяцев. Помогли и недоразумения, и внешние обстоятельства, и добрые люди. Затем, много лет спустя, когда я уже воротился из Сибири, мы хоть и не сходились часто, но, несмотря даже на разницу в убеждениях, уже тогда начинавшуюся, встречаясь, говорили иногда друг другу даже странные вещи — точно как будто в самом деле что-то продолжалось в нашей жизни, начатое еще в юности, еще в сорок пятом году, и как бы не хотело и не могло прерваться, хотя бы мы и по годам не встречались друг с другом. Так однажды в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он указал мне на одно стихотворение, «Несчастные», и внушительно сказал: «Я тут об вас думал, когда писал это» (то есть об моей жизни в Сибири), «это об вас написано». И наконец, тоже в последнее время, мы стали опять иногда видать друг друга, когда я печатал в его журнале мой роман «Подросток». . .

На похороны Некрасова собралось несколько тысяч его почитателей. Много было учащейся молодежи. Процессия выноса началась в 9 часов утра, а разошлись с кладбища уже в сумерки. Много говорилось на его гробе речей, из литераторов говорили мало. Между прочим, прочтены были чьи-то прекрасные стихи. Находясь под глубоким впечатлением, я протеснился к его раскрытой еще могиле, забросанной цветами и венками, и слабым моим голосом произнес вслед за прочими несколько слов. Я именно начал с того, что это было раненое сердце, раз на всю жизнь, и незакрывавшаяся рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет нашу русскую женщину, нашего ребенка в русской семье, нашего простолюдина в горькой, так часто, доле его. Высказал тоже мое убеждение, что в поэзии нашей Некрасов заключил собою ряд тех поэтов, которые приходили со своим «новым словом». В самом деле (устраняя всякий вопрос о художнической силе его поэзии и о размерах ее), — Некрасов, действительно, был в высшей степени своеобразен и, действительно, приходил с «новым словом». Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым. В этом смысле он, в ряду поэтов (то есть приходивших с «новым словом»), должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Когда я вслух выразил эту мысль, то произошел один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некра-

сов был *выше* Пушкина и Лермонтова и что те были всего только байронисты». Несколько голосов подхватили и крикнули: «Да, выше!» Я, впрочем, о высоте и о сравнительных размерах трех поэтов и не думал высказываться. Но вот что вышло потом: в «Биржевых ведомостях» г-н Скабичевский, в послании своем к молодежи по поводу значения Некрасова, рассказывая, что будто бы когда *кто-то* (то есть я), на могиле Некрасова, «вздумал сравнивать имя его с именами Пушкина и Лермонтова, вы все (то есть вся учащаяся молодежь) в *один голос, хором* прокричали: „Он был выше, выше их“». Смею уверить г-на Скабического, что ему не так передали и что мне твердо помнится (надеюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнул всего один голос: «Выше, выше их», и тут же прибавил, что Пушкин и Лермонтов были «байронисты», — прибавка, которая гораздо свойственнее и естественнее одному голосу и мнению, чем *всем*, в один и тот же момент, то есть тысячному хору, — так что факт этот свидетельствует, конечно, скорее в пользу моего показания о том, как было это дело. И затем уже, сейчас после первого голоса, крикнуло еще несколько голосов, но всего только несколько, тысячного же хора я не слыхал, повторяю это и надеюсь, что в этом не ошибаюсь.

Я потому так на этом настаиваю, что мне всё же было бы чувствительно видеть, что *вся* наша молодежь впадает в такую ошибку. Благодарность к великим отшедшим именам должна быть присуща молодому сердцу. Без сомнения, иронический крик о байронистах и возгласы: «Выше, выше», — произошли вовсе не от желания затеять над раскрытой могилой дорогого покойника литературный спор, что было бы неуместно, а что тут просто был горячий порыв заявить как можно сильнее всё накопившееся в сердце чувство умиления, благодарности и восторга к великому и столь сильно волновавшему нас поэту, и который, хотя и в гробе, но всё еще к нам так близок (ну, а те-то великие прежние старики уже так далеко!). Но весь этот эпизод, тогда же, на месте, зажег во мне намерение объяснить мою мысль яснее в будущем № «Дневника» и выразить подробнее, как смотрю я на такое замечательное и чрезвычайное явление в нашей жизни и в нашей поэзии, каким был Некрасов, и в чем именно заключается, по-моему, суть и смысл этого явления.

II. ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ И НЕКРАСОВ

И во-первых, словом «байронист» браниться нельзя. Байронизм хоть был и моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества. Байронизм появился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния. После исступленных восторгов новой веры в новые идеалы, провозглашенной в конце прошлого столетия во Франции, в передовой

тогда нации европейского человечества наступил исход, столь не похожий на то, чего ожидали, столь обманувший веру людей, что никогда, может быть, не было в истории Западной Европы столь грустной минуты. И не от одних только внешних (политических) причин пали вновь воздвигнутые на миг кумиры, но и от внутренней несостоятельности их, что ясно увидели все прозорливые сердца и передовые умы. Новый *исход* еще не обозначался, новый клапан не отворялся, и всё задыхалось под страшно понизившимся и сузившимся над человечеством прежним его горизонтом. Старые кумиры лежали разбитые. И вот в эту-то минуту и явился великий и могучий гений, страстный поэт. В его звуках зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своем назначении и в обманувших его идеалах. Это была новая и неслыханная еще тогда муза мести и печали, проклятия и отчаяния. Дух байронизма вдруг пронесся как бы по всему человечеству, всё оно откликнулось ему. Это именно было как бы отворенный клапан; по крайней мере, среди всеобщих и глухих стонов, даже большею частью бессознательных, это именно был тот могучий крик, в котором соединились и согласились все крики и стоны человечества. Как было не откликнуться на него и у нас, да еще такому великому, гениальному и руководящему уму, как Пушкин? Всякий сильный ум и всякое великодушное сердце не могли и у нас тогда миновать байронизма. Да и не по одному лишь сочувствию к Европе и к европейскому человечеству издали, а потому, что и у нас, и в России, как раз к тому времени, обозначилось слишком много новых, неразрешенных и мучительных тоже вопросов, и слишком много старых разочарований. . . Но величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу, *нашел великий и вожделенный исход для нас, русских, и указал на него.* Этот исход был — народность, *преклонение перед правдой народа русского.* «Пушкин был явление великое, чрезвычайное». Пушкин был «не только русский человек, но и первым русским человеком». Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многоразличные духовные стороны европейского человечества и почти перевоплощаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал о всечеловечности и о всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и всё возрождающего в нем начала. Не скажу и о том даже, что Пушкин первый у нас, в тоске своей и в пророческом предвидении своем, воскликнул:

Увижу ли народ освобожденный
И рабство, павшее по манию царя!

Я скажу лишь теперь о любви Пушкина к народу русскому. Это была любовь всеобъемлющая, такая любовь, какую еще никто не выказывал до него. «Не люби ты меня, а полюби ты *мое*» — вот что вам скажет всегда народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему.

Полюбить, то есть пожалеть народ за его нужды, бедность, страдания, может и всякий барин, особенно из гуманных и европейски просвещенных. Но народу *надо*, чтоб его не за одни страдания его любили, а чтоб полюбили и *его самого*. Что же значит *полюбить его самого*? «А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту» — вот что это значит и вот как вам ответит народ, а иначе он никогда вас за своего не признает, сколько бы вы там об нем ни печалились. Фальшь тоже всегда разглядит, какими бы жалкими словами вы ни соблазняли его. Пушкин именно так полюбил народ, как народ того требует, и он не угадывал, как надо любить народ, не приготовлялся, не учился: он сам вдруг оказался народом. Он преклонился перед правдой народною, он признал народную правду как свою правду. Несмотря на все пороки народа и многие смердящие привычки его, он сумел различить великую суть его духа тогда, когда никто почти так не смотрел на народ, и принял эту суть народную в свою душу как свой идеал. И это тогда, когда самые наиболее гуманные и европейски развитые любители народа русского сожалели откровенно, что народ наш столь низок, что никак не может подняться до парижской уличной толпы. В сущности эти любители всегда презирали народ. Они верили, главное, что он раб. Рабством же извиняли падение его, но раба не могли ведь любить, раб все-таки был отвратителен. Пушкин первый объявил, что русский человек *не раб* и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. Было рабство, но не было рабов (в целом, конечно, в общем, не в частных исключениях) — вот тезис Пушкина. Он даже по виду, по походке русского мужика заключал, что это не раб и не может быть рабом (хотя и состоит в рабстве), — черта, свидетельствующая в Пушкине о глубокой непосредственной любви к народу. Он признал и высокое чувство собственного достоинства в народе нашем (опять-таки в целом, мимо всегдашних и неотразимых исключений), он предвидел то спокойное достоинство, с которым народ наш примет и освобождение свое от крепостного состояния, — чего не понимали, например, замечательнейшие образованные русские европейцы уже гораздо позднее Пушкина и ожидали совсем другого от народа нашего. О, они любили народ искренно и горячо, но по-своему, то есть по-европейски. Они кричали о зверином состоянии народа, о зверином положении его в крепостном рабстве, но и верили всем сердцем своим, что народ наш действительно зверь. И вдруг этот народ очутился свободным с таким мужественным достоинством, без малейшего позыва на оскорбление бывших владетелей своих: «Ты сам по себе, а я сам по себе, если хочешь, иди ко мне, за твое хорошее всегда тебе от меня

честь». Да, для многих наш крестьянин по освобождении своем явился странным недоумением. Многие даже решили, что это в нем от неразвитости и тупости, остатков прежнего рабства. И это теперь, что же было во времена Пушкина? Не я ли слышал сам, в юности моей, от людей передовых и «компетентных», что образ пушкинского Савельича в «Капитанской дочке», раба помещиков Гриневых, упавшего в ноги Пугачеву и просившего его пощадить барчонка, а «для примера и страха ради повесить уж лучше его, старика», — что этот образ не только есть образ раба, но и апофеоз русского рабства!

Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением. Пушкин любил всё, что любил этот народ, чтил всё, что тот чтил. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплощавшийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его. Умаление Пушкина как поэта, более исторически, более архаически преданного народу, чем на деле, — ошибочно и не имеет даже смысла. В этих исторических и архаических мотивах звучит такая любовь и такая *оценка народа*, которая принадлежит народу *вековечно*, всегда, и теперь и в будущем, а не в одном только каком-нибудь давнопрошедшем историческом народе. Народ наш любит свою историю главное за то, что в ней встречает незыблемою ту же самую святыню, в которую сохранил он свою веру и теперь, несмотря на все страдания и мытарства свои. Начиная с величавой, огромной фигуры летописца в «Борисе Годунове», до изображения спутников Пугачева, — всё это у Пушкина — народ в его глубочайших проявлениях, и всё это понятно народу, как собственная суть его. Да это ли одно? Русский дух разлит в творениях Пушкина, русская жилка бьется везде. В великих, неподражаемых, несравненных песнях будто бы западных славян, но которые суть явно порождение русского великого духа, вылилось всё воззрение русского на братьев славян, вылилось всё сердце русское, объявилось всё мировоззрение народа, сохраняющееся и доселе в его песнях, былинах, преданиях, сказаниях, высказалось всё, что любит и чтит народ, выразились его идеалы героев, царей, народных защитников и печальников, образы мужества, смирения, любви и жертвы. А такие прелестные шутки Пушкина, как, например, болтовня двух пьяных мужиков, или Сказание о медведе, у которого убили медведицу, — это уже что-то любовное, что-то милое и умиленное в его созерцании народа. Если б Пушкин прожил дольше, то оставил бы нам такие художественные сокровища для понимания народного, которые, влиянием своим, наверно бы сократили времена и сроки перехода всей интеллигенции нашей, столь возвышающейся и до сих пор над народом в гордости своего европеизма, — к народной правде, к народной силе и к сознанию

народного назначения. Вот это-то поклонение перед правдой народа вижу я отчасти (увы, может быть, один я из всех его почитателей) — и в Некрасове, в сильнейших произведениях его. Мне дорого, очень дорого, что он «печальник народного горя» и что он так много и страстно говорил о горе народном, но еще дороже для меня в нем то, что в великие, мучительные и восторженные моменты своей жизни он, несмотря на все противоположные влияния и даже на собственные убеждения свои, преклонялся перед народной правдой всем существом своим, о чем и засвидетельствовал в своих лучших созданиях. Вот в этом-то смысле я и поставил его как пришедшего после Пушкина и Лермонтова с тем же самым отчасти новым словом, как и те (потому что «слово» Пушкина до сих пор еще для нас новое слово. Да и не только новое, а еще и неузнанное, неразобранное, за самый старый хлам считающееся).

Прежде чем перейду к Некрасову, скажу два слова и о Лермонтове, чтоб оправдать то, почему я тоже поставил и его как уверовавшего в правду народную. Лермонтов, конечно, был байронист, но по великой своеобразной поэтической силе своей и байронист-то особенный — какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый, вечно неверующий даже в собственное свое вдохновение, в свой собственный байронизм. Но если б он перестал возиться с больною личностью русского интеллигентного человека, мучимого своим европеизмом, то наверно бы кончил тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой, и на то есть большие и точные указания. Но смерть опять и тут помешала. В самом деле, во всех стихах своих он мрачен, капризен, хочет говорить правду, но чаще лжет и сам знает об этом и мучается тем, что лжет, но чуть лишь он коснется народа, тут он светел и ясен. Он любит русского солдата, казака, он чтит народ. И вот он раз пишет бессмертную песню о том, как молодой купец Калашников, убив за бесчестье свое государева опричника Кирибеевича и призванный царем Иваном пред грозные его очи, отвечает ему, что убил он государева слугу Кирибеевича «вольной волею, а не нехотя». Помните ли вы, господа, «раба Шибанова»? Раб Шибанов был раб князя Курбского, русского эмигранта 16-го столетия, писавшего всё к тому же царю Ивану свои оппозиционные и почти ругательные письма из-за границы, где он безопасно приютился. Написав одно письмо, он призвал раба своего Шибанова и велел ему письмо снести в Москву и отдать царю лично. Так и сделал раб Шибанов. На Кремлевской площади он остановил выходившего из собора царя, окруженного своими приспешниками, и подал ему послание своего господина, князя Курбского. Царь поднял жезл свой с острым наконечником, с размаху вонзил его в ногу Шибанова, оперся на жезл и стал читать послание. Шибанов с проколотой ногою не шевельнулся. А царь, когда стал потом отвечать письмом князю Курбскому, написал, между прочим: «Устыдися раба твоего Шибанова». Это значило, что он сам устыдился раба Шибанова. Этот образ русского «раба», должно

быть, поразил душу Лермонтова. Его Калашников говорит царю без укора, без попрека за Кирибеевича, говорит он, зная про верную казнь, его ожидающую, говорит царю «всю правду истинную», что убил его любимца «вольной волею, а не нехотя». Повторяю, остался бы Лермонтов жить, и мы бы имели великого поэта, тоже признавшего правду народную, а может быть, и истинного «*печальника горя народного*». Но это имя досталось Некрасову. . .

Опять-таки, я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю аршином, кто выше, кто ниже, потому что тут не может быть ни сравнения, ни даже вопроса о нем. Пушкин, по обширности и глубине своего русского гения, до сих пор есть как солнце над всем нашим русским интеллигентным мировоззрением. Он великий и непонятый еще предвозвеститель. Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним, малая планета, но вышедшая из этого же великого солнца. И мимо всех мерок: кто выше, кто ниже, за Некрасовым остается бессмертие, вполне им заслуженное, и я уже сказал почему — за преклонение его перед народной правдой, что происходило в нем не из подражания какого-нибудь, не вполне по сознанию даже, а потребностью, неудержимой силой. И это тем замечательнее в Некрасове, что он всю жизнь свою был под влиянием людей, хотя и любивших народ, хотя и печалившихся о нем, может быть, весьма искренно, но никогда не признававших в народе правды и всегда ставивших европейское просвещение свое несравненно выше истины духа народного. Не вникнув в русскую душу и не зная, чего ждет и просит она, им часто случалось желать нашему народу, со всею любовью к нему, того, что прямо могло бы послужить к его бедствию. Не они ли в русском народном движении, за последние два года, не признали почти вовсе той высоты подъема духа народного, которую он, может быть, в первый раз еще выказывает в такой полноте и силе и тем свидетельствует о своем здравом, могучем и неколебимом доселе живом единении в одной и той же великой мысли и почти предузнает сам будущее предназначение свое. И мало того, что не признают правды движения народного, но и считают его почти ретроградством, чем-то свидетельствующим о непроходимой бессознательности, о заматеревшей веками неразвитости народа русского. Некрасов же, несмотря на замечательный, чрезвычайно сильный ум свой, был лишен, однако, серьезного образования, по крайней мере, образование его было небольшое. Из известных влияний он не выходил во всю жизнь, да и не имел сил выйти. Но у него была своя, своеобразная сила в душе, не оставлявшая его никогда, — это истинная, страстная, а главное, непосредственная любовь к народу. Он болел о страданиях его всей душою, но видел в нем не один лишь униженный рабством образ, звериное подобие, но смог силой любви своей постичь почти бессознательно и красоту народную, и силу его, и ум его, и страдальческую кротость его и даже частию уверовать и в будущее предназначение его. О, сознательно Некрасов мог во многом ошибаться. Он мог вос

кликнуть в недавно напечатанном в первый раз экспромте его, с тревожным укором созерцая освобожденный уже от крепостного состояния народ:

. . . Но счастлив ли народ?

Великое чутье его сердца подсказало ему скорбь народную, но если б его спросили, «чего же пожелать народу и как это сделать?», то он, может быть, дал бы и весьма ошибочный, даже пагубный ответ. И, уж конечно, его нельзя винить: политического смысла у нас еще до редкости мало, а Некрасов, повторяю, был всю жизнь под чужими влияниями. Но сердцем своим, но великим поэтическим вдохновением своим он неудержимо примыкал, в иных великих стихотворениях своих, к самой сути народной. В этом смысле это был народный поэт. Всякий, выходящий из народа, при самом малом даже образовании, поймет уже много у Некрасова. Но лишь при образовании. Вопрос о том, поймет ли Некрасова теперь прямо весь народ русский, — без сомнения, вопрос явно немыслимый. Что поймет «простой народ» в шедеврах его: «Рыцарь на час», «Тишина», «Русские женщины»? Даже в великом «Власе» его, который может быть понятен народу (но не вдохновит нисколько народ, ибо всё это поэзия, давно уже вышедшая из непосредственной жизни), народ отличит два-три фальшивые штриха наверно. Что разберет народ в одной из самых могучих и самых зовущих поэм его «На Волге»? Это настоящий дух и тон Байрона. Нет, Некрасов пока еще — лишь поэт русской интеллигенции, с любовью и со страстью говоривший о народе и страданиях его той же русской интеллигенции. Не говорю в будущем, — в будущем народ отметит Некрасова. Он поймет тогда, что был когда-то такой добрый русский барин, который плакал скорбными слезами о его народном горе и ничего лучше и придумать не мог, как, убегая от своего богатства и от грешных соблазнов барской жизни своей, приходить в очень тяжкие минуты свои к нему, к народу, и в неудержимой любви к нему очищать свое измученное сердце, — ибо любовь к народу у Некрасова была лишь *исходом его собственной скорби по себе самом. . .*

Но прежде чем разъясню, как понимаю я эту «собственную скорбь» дорогого нам усопшего поэта по себе самом, — не могу не обратить внимание на одно характерное и любопытное обстоятельство, обозначившееся почти во всей нашей газетной прессе сейчас после смерти Некрасова, почти во всех статьях, говоривших о нем.

III. ПОЭТ И ГРАЖДАНИН. ОБЩИЕ ТОЛКИ О НЕКРАСОВЕ КАК О ЧЕЛОВЕКЕ

Все газеты, чуть только заговаривали о Некрасове, по поводу смерти и похорон его, чуть только начинали определять его значение, как тотчас же и прибавляли, все без изъятия, некоторые

соображения о какой-то «практичности» Некрасова, о каких-то недостатках его, пороках даже, о какой-то двойственности в том образе, который он нам оставил о себе. Иные газеты лишь намекали на эту тему чуть-чуть, в каких-нибудь двух строках, но важно то, что все-таки намекали, видимо по какой-то даже необходимости, которой избежать не могли. В других же изданиях, говоривших о Некрасове обширнее, выходило и еще страннее. В самом деле: не формулируя обвинений в подробности и как бы избегая того, от глубокой и искренней почтительности к покойному, они все-таки пускались. . . оправдывать его, так что выходило еще непонятнее. «Да в чем же вы оправдываете? — срывался невольно вопрос; — если знаете что, то прятаться нечего, а мы хотим знать, нуждается ли еще он в оправданиях ваших?» Вот какой зажигался вопрос. Но формулировать не хотели, а с оправданиями и с оговорками спешили, как будто желая поскорее предупредить кого-то, и, главное, опять-таки, — как будто и не могли никак избежать этого, хотя бы, может быть, и хотели того. Вообще чрезвычайно любопытный случай, но если вникнуть в него, то и вы, и всякий, кто бы вы ни были, несомненно придете к заключению, чуть лишь размыслите, что случай этот совершенно нормальный, что, заговорив о Некрасове как о поэте, действительно никак нельзя миновать говорить о нем как и о лице, потому что в Некрасове поэт и гражданин — до того связаны, до того оба необъяснимы один без другого и до того взятые вместе объясняют друг друга, что, заговорив о нем как о поэте, вы даже невольно переходите к гражданину и чувствуете, что как бы принуждены и должны это сделать и избежать не можете.

Но что же мы можем сказать и что именно мы видим? Произносится слово «практичность», то есть умение обделывать свои дела, но и только, а затем спешат с оправданиями: «Он-де страдал, он с детства был заеден средой», он вытерпел еще юношей в Петербурге, бесприютным, брошенным, много горя, а следственно, и сделался «практичным» (то есть как будто и не мог уж не сделаться). Другие идут даже дальше и намекают, что без этой-то ведь «практичности» Некрасов, пожалуй, и не совершил бы столь явно полезных дел на общую пользу, например, совладал с изданием журнала и проч., и проч. Что же, для хороших целей оправдывать, стало быть, дурные средства? И это говоря о Некрасове-то, человеке, который потрясал сердца, вызывал восторг и умиление к доброму и прекрасному стихами своими. Конечно, всё это говорится, чтоб извинить, но, мне кажется, Некрасов не нуждается в таком извинении. В извинениях на подобную тему всегда заключается как бы нечто принизительное, и как бы затемняется и умаляется образ извиняемого чуть не до пошлых размеров. В самом деле, чуть я начну извинять «двойственность и практичность» лица, то тем как бы и настаиваю, что эта двойственность даже естественна при известных обстоятельствах, чуть не необходима. А если так, то совершенно приходится примириться с образом

человека, который сегодня бьется о плиты родного храма, кается, кричит: «Я упал, я упал». И это в бессмертной красоты стихах, которые он в ту же ночь запишет, а назавтра, чуть пройдет ночь и обсохнут слезы, и опять примется за «практичность», потому-де, что она, мимо всего другого, — *и необходима*. Да что же тогда будут означать эти стоны и крики, облекшиеся в стихи? Искусство для искусства не более, и даже в самом пошлом его значении, потому что он эти стихи сам похваливает, сам на них любуется, ими совершенно доволен, их печатает, на них рассчитывает: придадут, дескать, блеск изданию, взволнуют молодые сердца. Нет, если всё это оправдывать, да не разъяснив, то мы рискуем впасть в большую ошибку и порождаем недоумение, и на вопрос: «Кого вы хороните?» — мы, провожавшие гроб его, принуждены бы были ответить, что хороним «самого яркого представителя искусства для искусства, какой только может быть». Ну, а было ли это так? Нет, *воистину это не было так*, а хоронили мы воистину «печальника народного горя» и вечного страдальца о себе самом, вечного, неустанного, который никогда не мог успокоить себя, и сам с отвращением и самобичеванием отвергал дешевое примирение.

Нужно выяснить дело, выяснить искренно и беспристрастно, и что выяснится, то принять как оно есть, несмотря ни на какое лицо и ни на какие дальнейшие соображения. Тут надо именно выяснить всю суть по возможности, чтобы как можно точнее добыть из выяснений фигуру покойного, лицо его; так наши сердца требуют, для того чтоб не оставалось у нас о нем ни малейшего такого недоумения, которое невольно чернит память, оставляет нередко и на высоком образе недостойную тень.

Сам я знал «практическую жизнь» покойника мало, а потому приступить к анекдотической части этого дела не могу, но если б и мог, то не хочу, потому что прямо окунусь в то, что сам признаю сплетнею. Ибо я твердо уверен (и прежде был уверен), что из всего, что рассказывали про покойного, по крайней мере половина, а может быть и все три четверти, — чистая ложь. Ложь, вздор и сплетни. У такого характерного и замечательного человека, как Некрасов, — не могло не быть врагов. А то, что действительно было, что в самом деле случалось, — то не могло тоже не быть подчас преувеличено. Но приняв это, все-таки увидим, что нечто все-таки остается. Что же такое? Нечто мрачное, темное и мучительное бесспорно, потому что — что же означают тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признания, что «он упал», эта страстная исповедь перед тенью матери? Тут самобичевание, тут казнь? Опять-таки в анекдотическую сторону дела вдаваться не буду, но думаю, что суть той мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта как бы предсказана им же самим, еще на заре дней его, в одном из самых первоначальных его стихотворений,

набросанных, кажется, еще до знакомства с Белинским (и потом уж позднее обделанных и получивших ту форму, в которой явились они в печати). Вот эти стихи:

Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.
В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.
Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени, —
В кармане моем миллион.

Миллион — вот демон Некрасова! Что ж, он любил так золото, роскошь, наслаждения и, чтобы иметь их, пускался в «практичности»? Нет, скорее это был другого характера демон; это был самый мрачный и унизительный бес. Это был демон гордости, жажды самообеспечения, потребности оградиться от людей твердой стеной и независимо, спокойно смотреть на их злость, на их угрозы. Я думаю, этот демон присосался еще к сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лет, очутившегося на петербургской мостовой, почти бежавшего от отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей искать не хотела, войти в соглашение с этой чуждой толпою людей не желала. Не то, чтобы неверие в людей закралось в сердце его так рано, но скорее скептическое и слишком раннее (а стало быть, и ошибочное) чувство к ним. Пусть они не злы, пусть они не так страшны, как об них говорят (наверно думалось ему), но они, все, все-таки слабая и робкая дрянь, а потому и без злости погубят, чуть лишь дойдет до их интереса. Вот тогда-то и начались, может быть, мечтания Некрасова, может быть, и сложились тогда же на улице стихи: «В кармане моем миллион».

Это была жажда мрачного, угрюмого, отъединенного самообеспечения, чтобы уже не зависеть ни от кого. Я думаю, что я не ошибаюсь, я припоминаю кое-что из самого первого моего знакомства с ним. По крайней мере мне так казалось всю потом жизнь. Но этот демон всё же был низкий демон. Такого ли *самообеспечения* могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная так отзываться на всё святое и не покидавшая веры в него. Разве таким самообеспечением ограждают себя столь одаренные души? Такие люди пускаются в путь босы и с пустыми руками, и на сердце их ясно и светло. Самообеспечение их не в золоте. Золото — грубость, насилие, деспотизм! Золото может казаться обеспечением именно той слабой и робкой толпе, которую Некрасов сам презирал. Неужели картины насилия и потом жажда сластолюбия и разврата могли ужиться в таком сердце, в сердце человека,

который сам бы мог воззвать к иному: «Брось всё, возьми посох свой и иди за мной».

Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Но демон осилил, и человек остался на месте и никуда не пошел. За то и заплатил страданием, страданием всей жизни своей. В самом деле, мы знаем лишь стихи, но что мы знаем о внутренней борьбе его с своим демоном, борьбе несомненно мучительной и всю жизнь продолжавшейся? Я и не говорю уже о добрых делах Некрасова: он об них не публиковал, но они несомненно были, люди же начинают свидетельствовать об гуманности, нежности этой «практичной» души. Г-н Суворин уже публиковал нечто, я уверен, что обнаружится много и еще добрых свидетельств, не может быть иначе. «О, скажут мне, вы тоже ведь оправдываете, да еще дешевле нашего». Нет, я не оправдываю, я только разъясняю и добился того, что могу поставить вопрос, — вопрос окончательный и всеразрешающий.

IV. СВИДЕТЕЛЬ В ПОЛЬЗУ НЕКРАСОВА

Еще Гамлет дивился на слезы актера, декламировавшего свою роль и плакавшего о какой-то Гекубе: «Что ему Гекуба?» — спрашивал Гамлет. Вопрос предстоит прямой: был ли наш Некрасов такой же самый актер, то есть способный *искренно* заплакать о себе и о той святыне духовной, которой сам лишал себя, излить затем скорбь свою (настоящую скорбь!) в бессмертной красоты стихах и назавтра же способный действительно утешиться. . . этой красотою стихов. Красотою стихов и только. Мало того: взглянуть на эту красоту стихов как на «практическую» же вещь, способную доставить прибыль, деньги, славу, и употребить эту вещь в этом смысле? Или, напротив того, скорбь поэта не проходила и после стихов, не удовлетворялась ими; красота их, сила, в них выраженная, угнетала и мучила его самого, и если, будучи не в силах совладать с своим вечным демоном, с страстями, победившими его на всю жизнь, он и опять падал, то спокойно ли примирялся с своим падением, не возобновлялись ли его стоны и крики еще сильнее в тайные святые минуты покаяния, — повторялись ли, усиливались ли в сердце его с каждым разом так, что сам он, наконец, мог видеть ясно, чего стоит ему его демон и как дорого заплатил он за те блага, которые получил от него. Одним словом, если он и мог *примиряться* моментально с демоном своим и даже сам мог пускаться оправдывать «практичность» свою в разговорах с людьми, то оставалось ли такое примирение и успокоение навечно или, напротив, улетало мгновенно из сердца, оставляя по себе еще жгуче боль, стыд и угрызения? Тогда, — если б только можно было решить этот вопрос, — тогда нам что ж бы остава-

лось? Оставалось бы только осудить его за то, что, будучи не в силах совладать с соблазнами своими, он не покончил с собой, например, как тот древний печерский многострадалец, который, тоже будучи не в силах совладать с змием страсти, его мучившей, закопал себя по пояс в землю и умер, если не изгнав своего демона, то, уж конечно, победив его. В таком случае, мы сами, то есть каждый из нас, очутились бы в унизительном и комическом положении, если б осмелились брать на себя роль судей, произносящих такие приговоры. Тем не менее поэт, который сам написал о себе:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан,

тем самым как бы и признал над собой суд людей как «граждан». Как лицам нам бы, конечно, было стыдно судить его. Сами-то мы каковы, каждый-то из нас? Мы только не говорим лишь о себе вслух и прячем нашу мерзость, с которою вполне миримся, внутри себя. Поэт плакал, может быть, о таких делах своих, от которых мы бы и не поморщились, если б совершили их. Ведь мы знаем о падениях его, о демоне его из его же стихов. Не было бы этих стихов, которые он в покаянной искренности своей не убоялся огласить, то и всё, что говорилось о нем как о человеке, о «практичности» его и о прочем, — всё это умерло бы само собою и стерлось бы из памяти людей, понизилось бы прямо до сплетни, так что всякое оправдание его оказалось бы вовсе и не нужным ему. Замечу кстати, что для практического и столь умеющего обделывать дела свои человека действительно непрактично было оглашать свои покаянные стоны и вопли, а стало быть, он, может быть, вовсе был не столь практичен, как иные утверждают о нем. Тем не менее, повторяю, на суд граждан он должен идти, ибо сам признал этот суд. Таким образом, если б тот вопрос, который поставился у нас выше: удовлетворялся ли поэт стихами своими, в которые облекал свои слезы, и примирялся ли с собою до того спокойствия, которое опять позволяло ему пускаться с легким сердцем в «практичность», или же, напротив того, — примирения бывали лишь моментальные, так что он сам презирал себя, может быть, за позор их, потом мучился еще горче и больше, и так во всю жизнь, — если б этот вопрос, повторяю, мог бы быть разрешен в пользу второго предположения, то, уж конечно, тогда мы бы тотчас могли примириться и с «гражданином» Некрасовым, ибо собственные страдания его очистили бы перед нами вполне нашу память о нем. Разумеется, тут сейчас является возражение: если вы не в силах разрешить такой вопрос (а кто может его разрешить?), то и ставить его не надо было. Но в том-то и дело, что его можно разрешить. Есть свидетель, который может его разрешить. Этот свидетель — народ.

То есть любовь его к народу! И, во-первых, для чего бы «практическому» человеку так увлекаться любовью к народу. Всякий за-

ями своим делом: один практичностью, другой печалью по народе. Ну, положим, прихоть, так ведь поиграл и отстал. А Некрасов не отставал во всю жизнь. Скажут: народ для него — это та же «Гекуба», предмет слез, облеченных в стихи и дающих доход. Но я уже не говорю о том, что трудно до того подделать такую искренность любви, какая слышится в стихах Некрасова (об этом спор может быть бесконечный), но я о том только скажу, что мне ясно, почему Некрасов так любил народ, почему его так тянуло к нему в тяжелые минуты жизни, почему он шел к нему и что находил у него. Потому, как сказал я выше, что любовь к народу была у Некрасова как бы *исходом его собственной скорби по себе самом.* Поставьте это, примите это — и вам ясен весь Некрасов, и как поэт и как гражданин. В служении сердцем своим и талантом своим народу он находил всё свое очищение перед самим собой. Народ был настоящею внутреннею потребностью его не для одних стихов. В любви к нему он находил свое оправдание. Чувствами своими к народу он возвышал дух свой. Но что главное — это то, что он не нашел предмета любви своей между людей, окружавших его, или в том, что чтут эти люди и пред чем они преклоняются. Он отрывался, напротив, от этих людей и уходил к оскорбленным, к терпящим, к простодушным, к униженным, когда нападало на него отвращение к той жизни, которой он минутами слабодушно и порочно отдавался; он шел и бился о плиты бедного сельского родного храма и получал исцеление. Не избрал бы он себе такой исход, *если б не верил в него.* В любви к народу он находил нечто незыблемое, какой-то незыблемый и святой исход всему, что его мучило. А если так, то, стало быть, и не находил ничего святее, незыблемее, истиннее, перед чем преклониться. Не мог же он полагать всё самооправдание лишь в стишках о народе. А коли так, то стало быть, и он преклонялся перед *правдой народною.* Если не нашел ничего в своей жизни более достойного любви, как народ, то, стало быть, признал и *истину народную*, и *истину в народе*, и что истина есть и сохраняется лишь в народе. Если не вполне сознательно, не в убеждениях признавал он это, то сердцем признавал, неудержимо, неотразимо. В этом порочном мужике, униженный и унизительный образ которого так его мучил, он находил, стало быть, и что-то истинное и святое, что не мог не почитать, на что не мог не отзываться всем сердцем своим. В этом смысле я и поставил его, говоря выше об его литературном значении, тоже в разряд тех, которые признавали правду народную. Вечное же искание этой правды, вечная жажда, вечное стремление к ней свидетельствуют явно, повторяю это, о том, что его влекла к народу внутренняя потребность, потребность высшая всего, и что, стало быть, потребность эта не может не свидетельствовать и о внутренней, всегдашней, вечной тоске его, тоске не прекращавшейся, не утолявшейся никакими хитрыми доводами соблазна, никакими парадоксами, никакими практическими оправданиями. А если так, то он, стало быть, страдал всю свою

жизнь. . . И какие же мы судьи его после того? Если и судьи, то не обвинители.

Некрасов есть русский исторический тип, один из крупных примеров того, до каких противоречий и до каких раздвоений, в области нравственной и в области убеждений, может доходить русский человек в наше печальное, переходное время. Но этот человек остался в нашем сердце. Порывы любви этого поэта так часто были искренни, чисты и простосердечны! Стремление же его к народу столь высоко, что ставит его как поэта на высшее место. Что же до человека, до гражданина, то, опять-таки, любовью к народу и страданием по нем он оправдал себя сам и многое искупил, если и действительно было что искупить. . .

V. К ЧИТАТЕЛЯМ

Декабрьский и последний выпуск «Дневника» так сильно запоздал по двум причинам: по болезненному моему состоянию в продолжение всего декабря и вследствие непредвиденного перехода в другую типографию из прежней, прекратившей свою деятельность. На новом непривычном месте неизбежно затянулось дело. Во всяком случае беру вину на себя и испрашиваю всего снисхождения читателей.

На многочисленные вопросы моих подписчиков и читателей о том: не могу ли я хоть время от времени выпускать №№ «Дневника» в будущем 1878 году, не стесняя себя ежемесячным сроком, спешу отвечать, что, по многим причинам, это мне невозможно. Может быть, решусь выдать один выпуск и еще раз поговорить с моими читателями. Я ведь издавал мой листок сколько для других, столько и для себя самого, из неудержимой потребности высказаться в наше любопытное и столь характерное время. Если выдам хоть один выпуск, оповещу о том в газетах. Не думаю, что буду писать в других изданиях. В других изданиях я могу поместить лишь повесть или роман. В этот год отдыха от *срочного* издания я и впрямь займусь одной художнической работой, сложившейся у меня в эти два года издания «Дневника» неприметно и невольно. Но «Дневник» я твердо надеюсь возобновить через год. От всего сердца благодарю всех, столь горячо заявивших мне о своем сочувствии. Тем, которые писали мне, что я оставляю мое издание в самое горячее время, замечу, что через год наступит время, может быть, еще горячее, еще характернее, и тогда еще раз послужим вместе доброму делу.

Я пишу: *вместе*, потому что прямо считаю многочисленных корреспондентов моих моими сотрудниками. Мне много помогли их сообщения, замечания, советы и та искренность, с которою все обращались ко мне. Как жалею, что столь многим не мог ответить, за неимением времени и здоровья. Прошу вновь у всех, которым не ответил до сих пор, их доброго, благодушного снисхож-

дения. Особенно виноват перед многими из писавших ко мне в последние три месяца. Той особе, которая писала «о тоске бедных мальчиков и что она не знает, что им сказать» (писавшая, вероятно, узнает себя по этим выражениям), — пользуюсь теперь последним случаем сообщить, что я глубоко и всем сердцем был заинтересован письмом ее. Если б только возможно было, то я бы напечатал мой ответ на ее письмо в «Дневнике», и лишь потому оставил мою мысль, что перепечатать всё письмо ее нашел невозможным. А между тем оно так ярко свидетельствует о горячем, благородном настроении в большей части нашей молодежи, о таком искреннем желании ее послужить всякому доброму делу на общее благо. Скажу этой корреспондентке лишь одно: может быть, русская-то женщина и спасет нас всех, всё общество наше, новой возродившейся в ней энергией, самой благороднейшей жаждой *делать дело* и это до жертвы, до подвига. Она пристыдит бездеятельность других сил и увлечет их за собою, а сбившихся с дороги воротит на истинный путь. Но довольно; отвечаю многоуважаемой корреспондентке здесь в «Дневнике» на всякий случай, так как подозреваю, что прежний, сообщенный ею адрес ее теперь уже не мог бы служить.

Очень многим корреспондентам я потому не мог ответить на их вопросы, что на такие важные, на такие живые темы, которыми они столь интересуются, и нельзя отвечать в письмах. Тут нужно писать статьи, целые книги даже, а не письма. Письмо не может не заключать недомолвок, недоумений. Об иных темах решительно нельзя переписываться.

Той особе, которая просила меня заявить в «Дневнике», что я получил ее письмо о брате ее, убитом в теперешнюю войну, спешу сообщить, что меня искренно тронули и потрясли и ее скорбь о потерянном друге и брате, и в то же время и ее восторг о том, что ее брат послужил прекрасному делу. С удовольствием спешу сообщить этой особе, что я встретил здесь одного молодого человека, знавшего покойника лично и подтвердившего всё, что она мне писала о нем.

Корреспонденту, написавшему мне длинное письмо (на 5 листах) о Красном Кресте, сочувственно жму руку, искренно благодарю его и прошу не оставлять переписки и впредь. Я непременно вышлю ему то, о чем он просил.

Нескольким корреспондентам, спрашивавшим меня недавно *по пунктам*, непременно буду отвечать каждому особо, равно как и спрашивавшему о том: «Кто есть стрюцкий?» (Надеюсь, корреспонденты узнают себя по этим выражениям.) Корреспондентов из Минска и из Витебска особенно прошу извинить меня, что так замедлил им отвечать. Отдохнув, примусь за ответы и отвечу всем по возможности. Итак, пусть не сетуют и пусть подождут на мне.

Мой адрес остается прежним, прошу лишь означать дом и улицу, а не адресовать в редакцию «Дневника писателя».

Еще раз всех благодарю. Авось до близкого и счастливого свидания. Время теперь славное, но тяжелое и роковое. Как много висит на волоске именно в настоящую минуту, и как-то заговорим обо всем этом через год!

P. S. Издатель одной новой книги, только что появившейся: «*Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России. СЭРА Т. СИНКЛЕРА*, *баронета*, *члена английского парламента. Перевод с английского*» — просил меня поместить в этом выпуске «Дневника» об этой книге объявление. Но просмотрев ее и познакомившись с нею, я, вместо обыкновенного газетного объявления, пожелал сам лично отрекомендовать ее читателям. Трудно написать более популярную, более любопытную и более дельную книгу, чем эта. У нас же так теперь нуждаются в подобной книге, и так мало сведущих по истории Восточного вопроса. А между тем о вопросе этом теперь *всем* надо знать. Надо и необходимо. Синклер — защитник русских интересов. В Европе он уже давно известен как политический писатель. Плотный томик в 350 печатных страниц стоит всего только один рубль (с пересылкою 1 руб. 20 коп.); продается во всех книжных магазинах.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Ежемесячное издание

Год III

Единственный выпуск на 1880

АВГУСТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОВОДУ ПЕЧАТАЕМОЙ НИЖЕ РЕЧИ О ПУШКИНЕ

Речь моя о Пушкине и о значении его, помещаемая ниже и составляющая основу содержания настоящего выпуска «Дневника писателя» (единственного выпуска за 1880 год*), была произнесена 8 июня сего года в торжественном заседании Общества любителей российской словесности, при многочисленной публике, и произвела значительное впечатление. Иван Сергеевич Аксаков, сказавший тут же о себе, что его считают все как бы предводителем славянофилов, заявил с кафедры, что моя речь «составляет событие». Не для похвальбы вспоминаю это теперь, а для того, чтобы заявить вот что: если моя речь составляет событие, то только с одной и единственной точки зрения, которую обозначу ниже. Для сего и пишу это предисловие. Собственно же в речи моей я хотел обозначить лишь следующие четыре пункта в значении Пушкина для России.

1) То, что Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делать с другими не желающего и искренно страдающего. Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей ху-

* Издание «Дневника писателя» надеюсь возобновить в будущем 1881 году, если позволит мое здоровье.

дожественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие, Болконские (в «Войне и мире» Льва Толстого) и множество других, уже появлением своим засвидетельствовавшие о правде первоначально данной мысли Пушкиным. Ему честь и слава, его громадному уму и гению, отметившему самую больную язву составившегося у нас после великой петровской реформы общества. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознанием болезни нашей, и он же, он первый, дал и утешение: ибо он же дал и великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной, ибо

2) Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные. Свидетельствуют о том типы Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи, типы исторические, как, например, Инок и другие в «Борисе Годунове», типы бытовые, как в «Капитанской дочке» и во множестве других образов, мелькающих в его стихотворениях, в рассказах, в записках, даже в «Истории Пугачевского бунта». Главное же, что надо особенно подчеркнуть, — это то, что все эти типы положительной красоты человека русского и души его взяты всецело из народного духа. Тут уже надобно говорить всю правду: не в нынешней нашей цивилизации, не в «европейском» так называемом образовании (которого у нас, к слову сказать, никогда и не было), не в уродливостях внешне усвоенных европейских идей и форм указал Пушкин эту красоту, а единственно в народном духе нашел ее, и *только в нем*. Таким образом, повторяю, обозначив болезнь, дал и великую надежду: «Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены». Вникнув в Пушкина, не сделать такого вывода невозможно.

Третий пункт, который я хотел отметить в значении Пушкина, есть та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения — способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного. Я сказал в моей речи, что в Европе были величайшие художественные мировые гении: Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры, но что ни у кого из них не видим этой способности, а видим ее только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения. Эту способность, понятно, я не мог не отметить в оценке Пушкина, именно как характернейшую особенность его гения, принадлежащую из всех всемирных художников ему только одному, чем и отличается он от них от всех. Но не для умаления такой величины европейских гениев, как Шекспир и Шиллер, сказал я это; такой глупенький вывод из моих слов мог бы сделать только дурак. Всемирность, *всепонятность* и неисследимая глу-

бина мировых типов человека арийского племени, данных Шекспиром на веки веков, не подвергается мною ни малейшему сомнению. И если б Шекспир создал Отелло действительно *венецианским* мавром, а не англичанином, то только придал бы ему ореол местной национальной характерности, мировое же значение этого типа осталось бы по-прежнему то же самое, ибо и в итальянце он выразил бы то же самое, что хотел сказать, с такою же силою. Повторяю, не на мировое значение Шекспиров и Шиллеров хотел я посягнуть, обозначая гениальнейшую способность Пушкина перевоплощаться в гении чужих наций, а желая лишь в самой этой способности и в полноте ее отметить великое и пророческое для нас указание, ибо

4) Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности, по крайней мере в своей деятельности, в деятельности художника. Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во всё двухсотлетие с петровской реформы не раз. Обозначая эту способность народа нашего, я не ог не выставить в то же время, в факте этом, и великого утешения для нас в нашем будущем, великой и, может быть, величайшей надежды нашей, светящей нам впереди. Главное, я обозначил то, что стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно, *в основании своем*, но и народно, совпадало вполне с стремлениями самого духа народного, а в конце концов бесспорно имеет и высшую цель. В краткой, слишком краткой речи моей я, конечно, не мог развить мою мысль во всей полноте, но, по крайней мере, то, что высказано, кажется, ясно. И не надо, не надо возмущаться сказанным мною, «что нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет новое слово миру». Смешно тоже и уверять, что прежде чем сказать новое слово миру «надобно нам самим развиться экономически, научно и гражданственно, и тогда только мечтать о „новых словах" таким совершенным (будто бы) организмам, как народы Европы». Я именно напираю в моей речи, что и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском? Может ли кто сказать, что усский народ есть только косная масса, осужденная лишь служить *экономически* преуспеянию и развитию европейской интеллигенции нашей, возвысившейся над народом нашим, сама же

в себе заключает лишь мертвую косность, от которой ничего и не следует ожидать и на которую совсем нечего возлагать никаких надежд? Увы, так многие утверждают, но я рискнул объявить иное. Повторяю, я, конечно, не мог доказать «этой фантазии моей», как я сам выразился, обстоятельно и со всею полнотою, но я не мог и не указать на нее. Утверждать же, что нищая и неурядная земля наша не может заключать в себе столь высокие стремления, пока не сделается экономически и гражданственно подобною Западу, — есть уже просто нелепость. Основные нравственные сокровища духа, в основной сущности своей по крайней мере, не зависят от экономической силы. Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть, а, стало быть, уже по сему одному нельзя сказать, что наша земля неурядна, даже в строгом смысле нельзя сказать, что и нищая. Напротив, в Европе, в этой Европе, где накоплено столько богатств, всё гражданское основание всех европейских наций — всё подкопано и, может быть, завтра же рухнет бесследно на веки веков, а взамен наступит нечто неслыханно новое, ни на что прежнее не похожее. И все богатства, накопленные Европой, не спасут ее от падения, ибо «в один миг исчезнет и богатство». Между тем на этот, именно на этот подкопанный и зараженный их гражданский строй и указывают народу нашему как на идеал, к которому он должен стремиться, и лишь по достижении им этого идеала осмелиться пролепетать свое какое-либо слово Европе. Мы же утверждаем, что вмещать и носить в себе силу любящего и всеединящего духа можно и при теперешней экономической нищете нашей, да и не при такой еще нищете, как теперь. Ее можно сохранять и вмещать в себе даже и при такой нищете, какая была после нашествия Батыева или после погрома Смутного времени, когда единственно всеединящим духом народным была спасена Россия. И наконец, если уж в самом деле так необходимо надо, для того чтоб иметь право любить человечество и носить в себе всеединящую душу, для того чтоб заключать в себе способность не ненавидеть чужие народы за то, что они непохожи на нас; для того чтоб иметь желание не укрепляться от всех в своей национальности, чтоб ей только одной всё досталось, а другие национальности считать только за лимон, который можно выжать (а народы такого духа ведь есть в Европе!), — если и в самом деле для достижения всего этого надо, повторяю я, предварительно стать народом богатым и перетащить к себе европейское гражданское устройство, то неужели все-таки мы и тут должны рабски скопировать это европейское устройство (которое завтра же в Европе рухнет)? Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиться национально, своей органической силой, а непременно обезличенно, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм?

Понимают ли эти господа, что такое организм? А еще толкуют о естественных науках! «Этого народ не позволит», — сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. «Так уничтожить народ!», — ответил западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей нашей интеллигенции. Анекдот этот верен.

Четырьмя этими пунктами я обозначил значение для нас Пушкина, и речь моя, повторяю, произвела впечатление. Не заслугами своими произвела она это впечатление (я напираю на это), не талантливостью изложения (соглашаюсь в этом со всеми моими противниками и не хвалюсь), а искренностью ее и, осмелюсь сказать это, — некоторою неотразимостью выставленных мною фактов, несмотря на всю краткость и неполноту моей речи. Но в чем же, однако, заключалось «событие»-то, как выразился Иван Сергеевич Аксаков? А вот именно в том, что славянофилами, или так называемой русской партией (боже, у нас есть «русская партия»!), сделан был огромный и окончательный, может быть, шаг к примирению с западниками; ибо славянофилы заявили всю законность стремлений западников в Европу, всю законность даже самых крайних увлечений и выводов их и объяснили эту законность чисто русским народным стремлением нашим, совпадаемым с самим духом народным. Увлечения же оправдали — историческою необходимостью, историческим фатумом, так что в конце концов и в итоге, если когда-нибудь будет он подведен, обозначится, что западники ровно столько же послужили русской земле и стремлениям духа ее, как и все те чисто русские люди, которые искренно любили родную землю и слишком, может быть, ревниво оберегали ее доселе от всех увлечений «русских иноземцев». Объявлено было, наконец, что все недоумения между обеими партиями и все злые препирания между ними были доселе лишь одним великим недоразумением. Вот это-то и могло бы стать, пожалуй, «событием», ибо представители славянофильства тут же, сейчас же после речи моей, вполне согласились со всеми ее выводами. Я же заявляю теперь — да и заявил это в самой речи моей, — что честь этого нового шага (если только искреннейшее желание примирения составляет честь), что заслуга этого нового, если хотите, слова вовсе не мне одному принадлежит, а всему славянофильству, всему духу и направлению «партии» нашей, что это всегда было ясно для тех, которые беспристрастно вникали в славянофильство, что идея, которую я высказал, была уже не раз если не высказываема, то указываема ими. Я же сумел лишь вовремя уловить минуту. Теперь вот заключение: если западники примут наш вывод и согласятся с ним, то и впрямь, конечно, уничтожатся все недоразумения между обеими партиями, так что «западникам и славянофилам не о чем будет и спорить, как выразился Иван Сергеевич Аксаков, так как всё отныне разъяснено». С этой точки зрения, конечно, речь моя была бы «событием». Но увы, слово «событие» произнесено было лишь в искреннем

увлечении с одной стороны, но примется ли другою стороною и не останется лишь в идеале, это уже совсем другой вопрос. Рядом с славянофилами, обнимавшими меня и жавшими мне руку, тут же на эстраде, едва лишь я сошел с кафедры, подошли ко мне пожать мою руку и западники, и не какие-нибудь из них, а передовые представители западничества, занимающие в нем первую роль, особенно теперь. Они жали мне руку с таким же горячим и искренним увлечением, как славянофилы, и называли мою речь гениальною, и несколько раз, напирая на слово это, произнесли, что она гениальна. Но боюсь, боюсь искренно: не в первых ли «попыхах» увлечения произнесено было это! О, не того боюсь я, что они откажутся от мнения своего, что моя речь гениальна, я ведь и сам знаю, что она не гениальна, и нисколько не был обольщен похвалами, так что от всего сердца прощу им их разочарование в моей гениальности, — но вот что, однако же, может случиться, вот что могут сказать западники, чуть-чуть подумав (Nota bene, я не об тех пишу, которые жали мне руку, я лишь вообще о западниках теперь скажу, на это я напираю): «А, — скажут, может быть, западники (слышите: только «может быть», не более), — а, вы согласились-таки наконец после долгих споров и препираний, что стремление наше в Европу было законно и нормально, вы признали, что на нашей стороне тоже была правда, и склонили ваши знамена, — что ж, мы принимаем ваше признание радушно и спешим заявить вам, что с вашей стороны это даже довольно недурно: обозначает, по крайней мере, в вас некоторый ум, в котором, впрочем, мы вам никогда не отказывали, за исключением разве самых тупейших из наших, за которых мы отвечать не хотим и не можем, — но. . . тут, видите ли, является опять некоторая новая запятая, и это надобно как можно скорее разъяснить. Дело в том, что ваше-то положение, ваш-то вывод о том, что мы в увлечениях наших совпадали будто бы с народным духом и таинственно направлялись им, ваше-то это положение — все-таки остается для нас более чем сомнительным, а потому и соглашение между нами опять-таки становится невозможным. Знайте, что мы направлялись Европой, наукой ее и реформой Петра, но уж отнюдь не духом народа нашего, ибо духа этого мы не встречали и не обоняли на нашем пути, напротив — оставили его назади и поскорее от него убежали. Мы с самого начала пошли самостоятельно, а вовсе не следуя какому-то будто бы влекущему инстинкту народа русского ко всемирной отзывчивости и к всеединению человечества, — ну, одним словом, ко всему тому, о чем вы теперь столько наговорили. В народе русском, так как уж пришло время высказаться вполне откровенно, мы по-прежнему видим лишь косную массу, у которой нам нечему учиться, тормозящую, напротив, развитие России к прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и переделать, — если уж невозможно и нельзя органически, то, по крайней мере, механически, то есть попросту заставив ее раз навсегда нас слушаться, во веки веков.

А чтобы достигнуть сего послушания, вот и необходимо усвоить себе гражданское устройство точь-в-точь как в европейских землях, о котором именно теперь пошла речь. Собственно же народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вся история народа нашего есть абсурд, из которого вы до сих пор черт знает что выводили, а смотрели только мы трезво. Надобно, чтоб такой народ, как наш, — не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, всё целиком. Надобно, чтоб имело историю лишь одно наше интеллигентное общество, которому народ должен служить лишь своим трудом и своими силами.

Позвольте, не беспокойтесь и не кричите: не закабалить народ наш мы хотим, говоря о послушании его, о, конечно нет! не выводите, пожалуйста, этого: мы гуманны, мы европейцы, вы слишком знаете это. Напротив, мы намерены образовать наш народ помаленьку, в порядке, и увенчать наше здание, вознеся народ до себя и переделав его национальность уже в иную, какая там сама наступит после образования его. Образование же его мы оснуем и начнем, с чего сами начали, то есть на отрицании им всего его прошлого и на проклятии, которому он сам должен предать свое прошлое. Чуть мы выучим человека из народа грамоте, тотчас же и заставим его пюхнуть Европы, тотчас же начнем обольщать его Европой, ну хотя бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, — словом, заставим его устыдиться своего прежнего лаптя и квасу, устыдиться своих древних песен, и хотя из них есть несколько прекрасных и музыкальных, но мы все-таки заставим его петь рифмованный водевиль, сколь бы вы там ни сердились на это. Одним словом, для доброй цели мы, многочисленнейшими и всякими средствами, подействуем прежде всего на слабые струны характера, как и с нами было, и тогда народ — наш. Он застыдится своего прежнего и проклянет его. Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш, — вот наша формула! Мы ее всецело приложим, когда примемся возносить народ до себя. Если же народ окажется неспособным к образованию, то — „устранить народ“. Ибо тогда выставится уже ясно, что народ наш есть только недостойная, варварская масса, которую надо заставить лишь слушаться. Ибо что же тут делать: в интеллигенции и в Европе лишь правда, а потому хоть у вас и восемьдесят миллионов народу (чем вы, кажется, хвастаетесь), но все эти миллионы должны прежде всего послужить этой европейской правде, так как другой нет и не может быть. Количеством же миллионов нас не испугаете. Вот всегдашний наш вывод, только теперь уж во всей наготе, и мы остаемся при нем. Не можем же мы, приняв ваш вывод, толковать вместе с вами, например, о таких странных вещах, как le Pravoslavié и какое-то будто бы особое значение его. Надеемся, что вы от нас хотя этого-то не потребуете, особенно теперь, когда последнее слово Европы и европейской науки в общем выводе есть атеизм, просвещенный и гуманный, а мы не можем же не идти за Европой.

А потому ту половину произнесенной речи, в которой вы высказываете нам похвалы, мы, пожалуй, согласимся принять с известными ограничениями, так и быть, сделаем вам эту любезность. Ну, а ту половину, которая относится к вам и ко всем этим вашим „началам“ — уж извините, мы не можем принять. . .» Вот какой может быть грустный вывод. Повторяю: я не только не осмелюсь вложить этот вывод в уста тех западников, которые жали мне руку, но и в уста многих, очень многих, просвещеннейших из них, русских деятелей и вполне русских людей, несмотря на их теории, почтенных и уважаемых русских граждан. Но зато масса-то, масса-то оторвавшихся и отщепенцев, масса-то вашего западничества, середина-то, улица-то, по которой влачится идея, — все эти смерды-то «направления» (а их как песку морского), о, там непременно наскажут в этом роде и, может быть, даже уж и насказали. (Nota bene. Насчет веры, например, уже было заявлено в одном издании, со всем свойственным ему остроумием, что цель славянофилов — это перекрестить всю Европу в православие.) Но отбросим мрачные мысли и будем надеяться на передовых представителей нашего европеизма. И если они примут хоть только половину нашего вывода и наших надежд на них, то честь им и слава и за это, и мы встретим их в восторге нашего сердца. Если даже одну половину примут они, то есть признают хоть самостоятельность и личность русского духа, законность его бытия и человеколюбивое, всеединящее его стремление, то и тогда уже будет почти не о чем спорить, по крайней мере из основного, из главного. Тогда действительно моя речь послужила бы к основанию нового события. Не она сама, повторяю в последний раз, была бы событием (она не достойна такого наименования), а великое Пушкинское торжество, послужившее событием нашего единения — единения уже всех образованных и искренних русских людей для будущей прекраснейшей цели.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПУШКИН

(ОЧЕРК)

Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», — сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом.

В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание. Я делю деятельность нашего великого поэта на три периода. Говорю теперь не как литературный критик: касаясь творческой деятельности Пушкина, я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческом для нас значении его и что́ я в этом слове разумею. Замечу, однако же, мимоходом, что периоды деятельности Пушкина не имеют, кажется мне, твердых между собою границ. Начало «Онегина», например, принадлежит, по-моему, еще к первому периоду деятельности поэта, а кончается «Онегин» во втором периоде, когда Пушкин нашел уже свои идеалы в родной земле, воспринял и возлюбил их всецело своею любящею и прозорливою душой. Принято тоже говорить, что в первом периоде своей деятельности Пушкин подражал европейским поэтам, Парни, Андре Шенье и другим, особенно Байрону. Да, без сомнения, поэты Европы имели великое влияние на развитие его гения, да и сохраняли влияние это во всю его жизнь. Тем не менее даже самые первые поэмы Пушкина были не одним лишь подражанием, так что и в них уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его гения. В подражаниях никогда не появляется такой самостоятельности страдания и такой глубины самосознания, которые явил Пушкин, например, в «Цыганах» — поэме, которую я всецело отношу еще к первому периоду его творческой деятельности. Не говорю уже о творческой силе и о стремительности, которой не явилось бы столько, если б он только лишь подражал. В типе Алеко, герое поэмы «Цыгане», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потом в такой гармонической полноте в «Онегине», где почти тот же Алеко является уже не в фантастическом свете, а в осязаемо реальном и понятном виде. В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем. Отыскал же он его, конечно, не у Байрона только. Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей Русской земле, поселившийся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеобразном быте своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского — интеллигентного общества, то всё равно ударяются в социализм, которого еще не было при Алеко, ходят с новою верой на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своем фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастие, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится, — конечно, пока дело только в теории. Это всё тот же русский человек, только в разное время явившийся. Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия

после великой петровской реформы. в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы. О, огромное большинство интеллигентных русских, и тогда, при Пушкине, как и теперь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читают лекции — и всё это регулярно, лениво и мирно, с получением жалованья, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь в места, более соответствующие нашему времени. Много-много что полиберальничают «с оттенком европейского социализма», но которому придан некоторый благодушный русский характер, — но ведь всё это вопрос только времени. Что́ в том, что один еще и не начинал беспокоиться, а другой уже успел дойти до запертой двери и об нее крепко стукнулся лбом. Всех в свое время то же самое ожидает, если не выйдут на спасительную дорогу смиренного общения с народом. Да пусть и не всех ожидает это: довольно лишь «избранных», довольно лишь десятой доли забеспокоившихся, чтоб и остальному огромному большинству не видать чрез них покоя. Алеко, конечно, еще не умеет правильно высказать тоски своей: у него всё это как-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природе, жалоба на светское общество, мировые стремления, плач о потерянной где-то и кем-то правде, которую он никак отыскать не может. Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. В чем эта правда, где и в чем она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно, он и сам не скажет, но страдает он искренно. Фантастический и нетерпеливый человек жаждет спасения пока лишь преимущественно от явлений внешних; да так и быть должно: «Правда, дескать, где-то вне его, может быть, где-то в других землях, европейских, например, с их твердым историческим строем, с их установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то он не поймет, что правда прежде всего внутри его самого, да и как понять ему это: он ведь в своей земле сам не свой, он уже целым веком отучен от труда, не имеет культуры, рос как институтка в закрытых стенах, обязанности исполнял странные и безотчетные по мере принадлежности к тому или другому из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество. Он пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И он это чувствует и этим страдает, и часто так мучительно! Ну и что же в том, что, принадлежа, может быть, к родовому дворянству и, даже весьма вероятно, обладая крепостными людьми, он позволил себе, по вольности своего дворянства, маленькую фантазийку прельститься людьми, живущими «без закона», и на время стал в цыганском таборе водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выражению одного поэта, всего скорее могла подать ему надежду на исход тоски его, и он с легкомысленною, но страстною верой бросается к Земфире: «Вот, дескать, где исход мой, вот где, может быть,

мое счастье здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь, у людей, у которых нет цивилизации и законов!» И что же оказывается: при первом столкновении своем с условиями этой дикой природы он не выдерживает и обагряет свои руки кровью. Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его — без отмщения, без злобы, величаво и простодушно:

Оставь нас, гордый человек;
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним.

Всё это, конечно, фантастично, но «гордый-то человек» реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть (ибо случалось и это), к закону, терзающему и казнящему, и призовет его, только бы отомщена была личная обида его. Нет, эта гениальная поэма не подражание! Тут уже подсказывается русское решение вопроса, «проклятого вопроса», по народной вере и правде: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве», вот это решение по народной правде и народному разуму. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоем собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его. Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостоин, злобен и горд и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить». Это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в «Евгении Онегине», поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй.

Онегин приезжает из Петербурга — непременно из Петербурга, это несомненно необходимо было в поэме, и Пушкин не мог упустить такой крупной реальной черты в биографии своего героя. Повторяю опять, это тот же Алеко, особенно потом, когда он восклицает в тоске:

Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?

Но теперь, в начале поэмы, он пока еще наполовину фат и светский человек, и слишком еще мало жил, чтоб успеть вполне

разочароваться в жизни. Но и его уже начинает посещать и беспокоить

Бес благородный скуки тайной.

В глуши, в сердце своей родины, он конечно не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слыхал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность, — и тогда, как и теперь, немногих, — смотрит с грустною насмешкой. Ленского он убил просто от хандры, почем знать, может быть, от хандры по мировому идеалу, — это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз, в глуши, в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и потом, в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам, в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него не узнанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее, — о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось, и

искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все-таки очень честно, отправился с мировою тоской своею и с пролитою в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями:

Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившею дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку, и «нравственный эмбрион» останавливается наконец в раздумье, со странною улыбкой, с предчувствием разрешения загадки, и губы ее тихо шепчут:

Уж не пародия ли он?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В Петербурге, потом, спустя долго, при новой встрече их, она уже совершенно его знает. Кстати, кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась ее души и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину? Нет, это не так было. Нет, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротив, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдает; она ненавидит свой сан светской дамы, и кто судит о ней иначе, тот совсем не понимает того, что хотел сказать Пушкин. И вот она твердо говорит Онегину:

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

Высказала она это именно как русская женщина, в этом ее апофеоза. Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака — нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: «Я вас люблю», потому ли, что она, «как русская женщина» (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием честей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она «другому отдана и будет век ему верна». Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, и за которого вышла потому только, что ее «с слезами заклинаний молила мать», а в обиженной,

израненной душе ее было тогда лишь отчаяние и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но ведь она, а не кто другая, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честною женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, и измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его. А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? Ей бежать из-за того только, что тут мое счастье? Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастии? Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того — пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастие, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастие, остаться навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душой, с ее сердцем, столь пострадавшим? Нет; чистая русская душа решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастия, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубив другого!» Тут трагедия, она и совершается, и перейти предела нельзя, уже поздно, и вот Татьяна отсылает Онегина. Скажут: да ведь несчастен же и Онегин; одного спасла, а другого погубила! Позвольте, тут другой вопрос, и даже, может быть, самый важный в поэме. Кстати, вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас, по крайней мере в литературе нашей, своего рода историю весьма характерную, а потому я и позволил себе так об этом вопросе распространиться. И всего характернее, что нравственное разрешение этого вопроса столь долго подвергалось у нас сомнению. Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер ее старый муж и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно же понимать всю суть этого характера! Ведь она же видит, кто он

такой: вечный скиталец увидал вдруг женщину, которою прежде пренебрег, в новой блестящей недосягаемой обстановке, — да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. Ведь этой девочке, которую он чуть не презирал, теперь поклоняется свет — свет, этот страшный авторитет для Онегина, несмотря на все его мировые стремления, — вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный! Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а «счастье было так возможно, так близко!» И как прежде Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне, ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений. Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно? Ведь она твердо знает, что он в сущности любит только свою новую фантазию, а не ее, смиренную, как и прежде, Татьяну! Она знает, что он принимает ее за что-то другое, а не за то, что она есть, что не ее даже он и любит, что, может быть, он и никого не любит, да и не способен даже кого-нибудь любить, несмотря на то, что так мучительно страдает! Любит фантазию, да ведь он и сам фантазия. Ведь если она пойдет за ним, то он завтра же разочаруется и взглянет на свое увлечение насмешливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь, — это «крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни». О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни только и остались ей, но они-то и спасают ее душу от окончательного отчаяния. И этого немало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею. А у него что есть и кто он такой? Не идти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его, чтобы хоть на время из бесконечной любовной жалости подарить ему призрак счастья, твердо зная наперед, что он завтра же посмотрит на это счастье свое насмешливо. Нет, есть глубокие и твердые души, которые не могут сознательно отдать святыню свою на позор, хотя бы и из бесконечного сострадания. Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным.

Итак, в «Онегине», в этой бессмертной и недосягаемой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом стоящего общества. Отметив тип русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни, первый угадав его гениальным чутьем своим, с исторической судьбой его и с огромным значением его и в нашей грядущей судьбе, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской женщины, Пушкин, и, конечно, тоже первый из писателей русских, провел

пред нами в других произведениях этого периода своей деятельности целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском. Главная красота этих типов в их правде, правде бесспорной и осязательной, так что отрицать их уже нельзя, они стоят, как изваянные. Еще раз напомню: говорю не как литературный критик, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробным литературным обсуждением этих гениальных произведений нашего поэта. О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и всё значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей, как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды. Тип этот дан, есть, его нельзя оспорить, сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта. Вы созерцаете сами и соглашаетесь: да, это есть, стало быть, и дух народа, его создавший, есть, стало быть, и жизненная сила этого духа есть, и она велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека.

> В надежде славы и добра
> Гляжу вперед я без боязни,—

сказал сам поэт по другому поводу, но эти слова его можно прямо применить ко всей его национальной творческой деятельности. И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе, а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор, за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие. У самых талантливых из них, даже вот у этих двух исключений, о которых я сейчас упомянул, нет-нет, а и промелькнет вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и мира, нечто желающее поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием. В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом *взаправду*, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления. Возьмите Сказание о медведе и о том, как убил мужик его боярыню-медведицу, или припомните стихи:

> Сват Иван, как пить мы станем,

и вы поймете, что я хочу сказать.

Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для

.дущих грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни. Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве: не было бы Пушкина, не определились бы, может быть, с такою непоколебимою силой (в какой это явилось потом, хотя всё еще не у всех, а у очень лишь немногих) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов. Этот подвиг Пушкина особенно выясняется, если вникнуть в то, что я называю третьим периодом его художественной деятельности.

Еще и еще раз повторю: эти периоды не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его. Но организм этот развивался, и периоды этого развития действительно можно обозначить и отметить, в каждом из них, его особый характер и постепенность вырождения одного периода из другого. Таким образом, к третьему периоду можно отнести тот разряд его произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении. Некоторые из этих произведений явились уже после смерти Пушкина. И в этот-то период своей деятельности наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого. В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт. Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как мог это проявлять Пушкин. Напротив, обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего перевоплощали их в свою же национальность и понимали по-своему. Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один изо

всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон-Жуана», и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме «Пир во время чумы»! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами:

Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,

это английские песни, это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой. . .

Это почти буквальное переложение первых трех страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора, — но разве это только переложение? В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется самая душа северного протестантизма, английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреоборимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания. Читая эти странные стихи, вам как бы слышится дух веков реформации, вам понятен становится этот воинственный огонь начинавшегося протестантизма, понятна становится, наконец, самая история, и не мыслью только, а как будто вы сами там были, прошли мимо вооруженного стана сектантов, пели с ними их гимны, плакали с ними в их мистических восторгах и веровали вместе с ними в то, во что они поверили. Кстати: вот рядом с этим религиозным мистицизмом религиозные же строфы из Корана или «Подражания Корану»: разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее? А вот и древний мир, вот «Египетские ночи», вот эти земные боги, севшие над народом своим богами, уже презирающие гений народный и стремления его, уже не верящие в него более, ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами, сладострастием насекомых, сладострастием пауковой самки, съедающей своего самца. Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-на-

шему, и пророческое, ибо. . . ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк.

В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Петр первоначально только в этом смысле и начал производить ее, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, — ощутив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовию приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и наклонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите. О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы

найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону! Знаю, слишком знаю, что слова мои могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что их высказал. Этому надлежало быть высказанным, но особенно теперь, в минуту торжества нашего, в минуту чествования нашего великого гения, эту именно идею в художественной силе своей воплощавшего. Да и высказывалась уже эта мысль не раз, я ничуть не новое говорю. Главное, всё это покажется самонадеянным: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово?» Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя» Христос. Почему же нам не вместить последнего слова его? Да и сам он не в яслях ли родился? Повторяю: по крайней мере, мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные. В искусстве, по крайней мере, в художественном творчестве, он проявил эту всемирность стремления русского духа неоспоримо, а в этом уже великое указание. Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть, по крайней мере, на чем этой фантазии основаться. Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь еще смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и

споров, чем видим теперь. Но бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИДИРКА К СЛУЧАЮ. ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦИИ НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЛЕКЦИИ, ПРОЧИТАННОЙ МНЕ Г-НОМ А. ГРАДОНСКИМ. С ОБРАЩЕНИЕМ К Г-НУ ГРАДОВСКОМУ

I. ОБ ОДНОМ САМОМ ОСНОВНОМ ДЕЛЕ

Я уже было заключил мой «Дневник», ограничив его моей речью, произнесенною 8-го июня в Москве, и предисловием к ней, которое я написал, предчувствуя гам, действительно поднявшийся потом в нашей прессе после появления моей речи в «Московских ведомостях». Но, прочтя вашу критику, г-н Градовский, я приостановил печатание «Дневника», чтобы прибавить к нему и ответ на ваши нападки. О, предчувствия мои оправдались, гам поднялся страшный. И гордец-то я, и трус-то я, и Манилов, и поэт, и полицию надо бы привесть, чтоб сдерживать порывы публики, — полицию моральную, полицию либеральную, конечно. Но почему же бы и не настоящую? И настоящая полиция ведь у нас теперь либеральна, отнюдь не менее возопивших на меня либералов. Воистину немного недоставало до настоящей! Но оставим это пока, перейду прямо к ответу вам на ваши пункты. Прямо признаюсь с самого начала, что лично нечего бы мне с вами ни делить, ни толковать. Мне с вами столковаться нельзя; убеждать или разубеждать вас, стало быть, я вовсе не имею в виду. Читая и прежде иные ваши статьи, я, конечно, всегда удивлялся течению мыслей. Итак, почему же я вам теперь отвечаю? Единственно имея в виду других, которые нас рассудят, то есть читателей. Для этих других и пишу. Я слышу, я предчувствую, вижу даже, что возникают и идут новые элементы, жаждущие нового слова, истосковавшиеся от старого либерального подхихикивания над всяким словом надежды на Россию, от старого прежнего, либерально-беззубого скептицизма, от старых мертвецов, которых забыли похоронить и которые всё еще считают себя за молодое поколение, от старого либерала — руководителя и спасителя России, который за всё двадцатипятилетие своего пребывания у нас обозначился наконец как «без толку кричащий на базаре человек», по выражению народному. Одним словом, захотелось мне *многое* высказать уже кроме ответа на замечания ваши, так что я, отвечая теперь, как бы придрался лишь к случаю.

Вы прежде всего задаетесь вопросом и даже упрекаете меня, почему я не вывел яснее: откуда взялись наши «скитальцы», о которых говорил в моей речи? Ну, это история длинная, нужно

начинать слишком издалека. К тому же, что бы я вам на этот счет ни ответил, вы все-таки не согласитесь, потому что у вас уже предвзято и подготовлено ваше собственное решение о том, откуда они завелись и как завелись: «От тоски, дескать, жить с Сквозниками-Дмухановскими и от гражданской скорби по не освобожденным еще тогда крестьянам». Вывод, достойный современного либерального человека, вообще говоря, у которого всё, что касается до России, давно уже решено и подписано, с необычайною, русскому либералу лишь свойственною легкостью. Тем не менее вопрос этот сложнее, чем вы думаете, гораздо, несмотря на столь окончательное решение ваше. Об «Сквозниках и об скорби» скажу в своем месте, но прежде всего позвольте поднять одно прехарактерное ваше словцо, высказанное опять-таки с легкостию, уже доходящею почти до резвости, и которое я не могу обойти. Вы говорите:

«Так или иначе, но уже два столетия мы находимся под влиянием европейского просвещения, действующего на нас чрезвычайно сильно, благодаря „всемирной отзывчивости“ русского человека, признанной г-ном Достоевским за нашу национальную черту. Уйти от этого просвещения нам некуда, да и незачем. Это факт, против которого нам ничего нельзя сделать, по той простой причине, что всякий русский человек, пожелавший сделаться просвещенным, *непременно* получит это просвещение из западноевропейского источника, за полнейшим отсутствием источников русских».

Сказано, конечно, игриво; но вы произнесли и важное слово: «просвещение». Позвольте же спросить, что вы под ним разумеете: науки Запада, полезные знания, ремесла или просвещение духовное? Первое, то есть науки и ремесла, действительно не должны нас миновать, и уходить нам от них действительно некуда, да и незачем. Согласен тоже вполне, что неоткуда и получить их, кроме как из западноевропейских источников, за что хвала Европе и благодарность наша ей вечная. Но ведь под просвещением я разумею (думаю, что и никто не может разуметь иначе) — то, что буквально уже выражается в самом слове «просвещение», то есть свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни. Если так, то позвольте вам заметить, что такое просвещение нам нечего черпать из западноевропейских источников за полнейшим присутствием (а не отсутствием) источников русских. Вы удивляетесь? Видите ли: в спорах я люблю начинать с самой сути дела, с самого спорного пункта разом.

Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его. Мне скажут: он учения Христова не знает, и проповедей ему не говорят, — но это возражение пустое: всё знает, всё то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: «Господи сил, с нами

буди!» — и тогда-то, может быть, и заучил этот гимн, потому что, кроме Христа, у него тогда ничего не оставалось, а в нем, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова. И что в том, что народу мало читают проповедей, а дьячки бормочут неразборчиво, — самое колоссальное обвинение на нашу церковь, придуманное либералами, вместе с неудобством церковнославянского языка, будто бы непонятного простолюдину (а старообрядцы-то? Господи!). Зато выйдет поп и прочтет: «Господи, владыко живота моего» — а в этой молитве *вся суть христианства*, весь его катехизис, а народ знает эту молитву наизусть. Знает тоже он наизусть многие из житий святых, пересказывает и слушает их с умилением. Главная же школа христианства, которую прошел он, это — века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попранный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки и который за то спас от отчаяния его душу! Впрочем, что же я вам это всё говорю? Неужто я вас убедить хочу? Слова мои покажутся вам, конечно, младенческими, почти неприличными. Но повторяю в третий раз: не для вас пишу. Да и тема эта важная, о ней надо особо и много еще сказать, и буду говорить, пока держу перо в руках, а теперь выражу мою мысль лишь в основном положении: если наш народ просвещен уже давно, приняв в свою суть Христа и его учение, то вместе с ним, с Христом, уж конечно, принял и *истинное* просвещение. При таком основном запасе просвещения науки Запада, конечно, обратятся для него лишь в истинное благодеяние. Христос не померкнет от них у нас, как на Западе, где, впрочем, не от наук он померк, как утверждают либералы же, а еще прежде наук, когда сама церковь западная исказила образ Христов, преобразившись из церкви в Римское государство и воплотив его вновь в виде папства. Да, на Западе воистину уже нет христианства и церкви, хотя и много еще есть христиан, да и никогда не исчезнут. Католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое (а не вековечное) нравоучение.

О, конечно, вы тотчас же возразите мне, что христианство и поклонение Христу вовсе не заключает в себе и собою весь цикл просвещения, что это только лишь одна ступень, что нужны, напротив, науки, гражданские идеи, развитие и проч. и проч. На это мне нечего вам отвечать, да и неприлично, ибо хотя вы и правы отчасти, насчет наук например, но зато никогда не согласитесь, что христианство народа нашего есть, *и должно остаться навсегда*, самою главною и жизненною основой просвещения его! Я вот в моей речи сказал, что Татьяна, отказавшись идти за Онегиным, поступила по-русски, по русской народной правде, а один из критиков моих, оскорбившись, что у русского народа есть правда, вдруг возразил мне вопросом: «А свальный грех?» Таким критикам

разве можно отвечать? Главное, оскорблены тем, что русский народ может иметь свою правду, а стало быть, действительно просвещен. Да разве свальный грех существует в целом народе нашем и существует *как правда*? Принимает ли его весь народ за правду? Да, народ наш груб, хотя и далеко не весь, о, не весь, в этом я клянусь уже как свидетель, потому что я видел народ наш и знаю его, жил с ним довольно лет, ел с ним, спал с ним и сам к «злодеям причтен был», работал с ним настоящей мозольной работой, в то время когда другие, «умывавшие руки в крови», либеральничая и подхихикивая над народом, решали на лекциях и в отделении журнальных фельетонов, что народ наш «образа звериного и печати его». Не говорите же мне, что я не знаю народа! Я его знаю: от него я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в «европейского либерала». Но пусть, пусть народ наш грешен и груб, пусть зверин еще его образ: «Сын на матери ехал, молода жена на пристяжечке» — с чего-нибудь да взялась эта песня? Все русски песни взяты с какой-нибудь были — заметили вы это? Но будьте же и справедливы хоть раз, либеральные люди: вспомните, что народ вытерпел во столько веков! Вспомните, кто в зверином образе его виноват наиболее, и не осуждайте! Ведь смешно осуждать мужика за то, что он не причесан у французского парикмахера из Большой Морской, а ведь почти до этих именно обвинений и доходит, когда подымутся на русский народ наши европейские либералы и примутся *отрицать* его: и личности-то он себе не выработал, и национальности-то у него нет! Боже мой, а на Западе, где хотите и в каком угодно народе, — разве меньше пьянства и воровства, не такое же разве зверство, и при этом ожесточение (чего нет в нашем народе) и уже истинное, заправское невежество, настоящее непросвещение, потому что иной раз соединено с таким беззаконием, которое уже не считается там грехом, а именно стало считаться правдой, а не грехом. Но пусть, все-таки пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он, в своем целом, по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности), никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду! Он согрешит, но всегда скажет, рано ли, поздно ли: «Я сделал неправду». Если согрешивший не скажет, то другой за него скажет, и правда будет восполнена. Грех есть смрад, и смрад пройдет, когда воссияет солнце вполне. Грех есть дело преходящее, а Христос вечное. Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда в правде не ошибется. То именно и важно, во что народ верит как в свою правду, в чем ее полагает, как ее представляет себе, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа — Христос. А с Христом, конечно, и просвещение, и в высшие, роковые минуты свои народ наш всегда

решает и решал всякое общее, всенародное дело свое всегда по-христиански. Вы скажете с насмешкой: «Плакать — это мало, воздыхать тоже, надо и делать, надо и быть». А у вас-то у самих, господа русские просвещенные европейцы, много праведников? Укажите мне ваших праведников, которых вы вместо Христа ставите? Но знайте, что в народе есть и праведники. Есть положительные характеры невообразимой красоты и силы, до которых не коснулось еще наблюдение ваше. Есть эти праведники и страдальцы за правду, — видим мы их иль не видим? Не знаю; кому дано видеть, тот, конечно, увидит их и осмыслит, кто же видит лишь образ звериный, тот, конечно, ничего не увидит. Но народ, по крайней мере, знает, что они есть у него, верит, что они есть, крепок этою мыслью и уповает, что они всегда в нужную всеобщую минуту спасут его. И сколько раз наш народ спасал отечество? И еще недавно, засмердев в грехе, в пьянстве и в бесправии, он обрадовался духовно, весь в своей целокупности, последней войне за Христову веру, попранную у славян мусульманами. Он припял ее, он схватился за нее как за жертву очищения своего за грех и бесправие, он посылал сыновей своих умирать за святое дело и не кричал, что падает рубль и что цена на говядину стала дороже. Он жадно слушал, жадно расспрашивал и сам читал о войне, и мы тому все свидетели, много нас есть тому свидетелей. Я знаю: подъем духа народа нашего в последнюю войну, а тем более причины этого подъема, не признаются либералами, смеются они над этой идеей: «У этих, дескать, смердов собирательная идея, у них гражданское чувство, политическая мысль — разве можно это позволить?» И почему, почему наш европейский либерал так часто враг народа русского? Почему в Европе называющие себя демократами всегда стоят за народ, по крайней мере на него опираются, а наш демократ зачастую аристократ и в конце концов всегда почти служит в руку всему тому, что подавляет народную силу, и кончает господчиной. О, я ведь не утверждаю, что они враги народа сознательно, но в бессознательности-то и трагедия. Вы будете в негодовании от этих вопросов? Пусть. Для меня это всё аксиомы, и, уж конечно, я не перестану их разъяснять и доказывать, пока только буду писать и говорить.

Итак, кончим: науки это так, а «просвещения» нечего нам черпать из западноевропейских источников. А то, пожалуй, зачерпнем такие общественные формулы, как, например: «Chacun pour soi et Dieu pour tous» [1] или «Après moi le déluge».[2] О, сейчас же закричат: «А у нас нет таких поговорок, не говорят у нас что ли: „Старая хлеб-соль не помнится“ и сотни других афоризмов в этом же роде?» Да, поговорок в народе много всяких: ум народа широк, юмор тоже, развивающееся сознание всегда подсказывает отрицание — но это всё только *поговорки*, в нравственную правду их

---

[1] «Каждый за себя, а бог за всех» (*франц.*).
[2] «После меня хоть потоп» (*франц.*).

народ наш не верит, над ними сам шутит и смеется, в целом своем, по крайней мере, их отрицает. А осмелитесь ли вы утверждать, что «Chacun pour soi et Dieu pour tous» есть только поговорка, а не общественная уже формула, всеми принятая на Западе и которой *все* там служат и в нее верят? По крайней мере, все те, которые стоят над народом, которые держат его в узде, которые обладают землей и пролетарием и стоят на страже «европейского просвещения». Зачем же нам такое просвещение? Поищем у себя иного. Наука дело одно, а просвещение иное. С надеждой на народ и на силы его, может, и разовьем когда-нибудь уже в полноте, в полном сиянии и блеске это Христово просвещение наше. Вы скажете мне, разумеется, что всё это длинное разглагольствование не ответ, однако же, на вашу критику. Пусть. Я считаю сам это лишь предисловием, но только необходимым. Как и вы у меня, то есть в моей речи, отмечаете и находите такие пункты разногласия с вами, которые сами считаете самыми важными и важнейшими, так и я прежде всего отметил и выставил такой пункт у вас, который считаю самым основным разногласием нашим, наиболее препятствующим нам прийти к соглашению. Но предисловие кончено, приступим к вашей критике и теперь уже без отступлений.

II. АЛЕКО И ДЕРЖИМОРДА. СТРАДАНИЯ АЛЕКО ПО КРЕПОСТНОМУ МУЖИКУ. АНЕКДОТЫ

Вы пишете, критикуя мою речь:

«Но Пушкин, выводя Алеко и Онегина с их отрицанием, не показал, что именно „отрицали“ они, и было бы в высшей степени рискованно утверждать, что они отрицали именно „народную правду“, коренные начала русского миросозерцания. Этого не видно нигде».

Ну, видно или не видно, рискованно или нет утверждать, — мы к этому возвратимся сейчас, а прежде вот то, что вы говорите о Дмухановских, от которых будто бы бежал Алеко к цыганам:

«Но действительно, мир тогдашних скитальцев, — пишете вы, — был миром, отрицавшим другой мир. Для объяснения этих типов необходимы другие типы, которых Пушкин не воспроизвел, хотя и обращался к ним по временам с жгучим негодованием. Природа его таланта мешала ему спуститься в этот мрак и возвести в „перл создания“ сов, сычей и летучих мышей, наполнявших подвальные этажи русского жилища (*не верхние ли?*). Это сделал Гоголь — великая оборотная сторона Пушкина. Он поведал миру, отчего бежал к цыганам Алеко, отчего скучал Онегин, отчего народились на свет „лишние люди“, увековеченные Тургеневым. Коробочка, Собакевичи, Сквозники-Дмухановские, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины — вот теневая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многих иных. Это фон, без которого непонятны фигуры последних. А ведь эти гоголевские герои были русскими — ух, какими русскими людьми! У Коробочки не было мировой скорби, Сквозник-Дмухановский превосходно умел объясняться с купцами, Собакевич насквозь видел своих крестьян, и они насквозь видели его. Конечно, Алеко и Рудины всего этого вполне не видали и не понимали; они просто бежали,

куда кто мог: Алеко к цыганам, Рудин в Париж, умирать за дело, для него совершенно постороннее».

Они *просто*, видите ли, бежали. О, фельетонная легкость решенья! И как просто всё это у вас выходит, как всё у вас готово и предрешено! Подлинно готовые слова говорите. Кстати, к чему вы завели речь о том, что все эти гоголевские герои были русскими, — «ух какими русскими людьми!» К спору нашему это вовсе и не подходит. Да и кто не знает, что они были русские люди? Да и Алеко и Онегин были русские, да и мы с вами русские люди; да, русским же, вполне русским был и Рудин, убежавший в Париж умирать за дело, для него совершенно, будто бы, постороннее, как вы утверждаете. Да ведь именно потому-то он и русский в высшей степени, что дело, за которое он умирал в Париже, ему вовсе было не столь посторонним, как было бы англичанину или немцу, ибо дело европейское, мировое, всечеловеческое — давно уже не постороннее русскому человеку. Ведь это отличительная черта Рудина. Трагедия Рудина была, собственно, в том, что он на своей ниве работы не нашел и умер на другой ниве, но вовсе не столь чуждой ему, как вы утверждаете. Но вот в чем, однако же, дело: все эти Сквозники и Собакевичи хоть и русские люди, но русские люди испорченные, от почвы оторванные и хоть знающие народный быт с одной стороны, но ничего не знающие с другой, даже не подозревающие, что она существует, другая-то эта сторона, — в этом всё и дело. Души народной, того, чего народ жаждет, чего молитвенно просит, они и не подозревали, потому что страшно презирали народ. Да и душу-то они в нем отрицали даже, кроме разве ревизской. «Собакевич насквозь видел своих крестьян», — утверждаете вы. Это невозможно. Собакевич видел в своем Прошке только силищу, которую можно продать Чичикову. Вы утверждаете, что Сквозник-Дмухановский превосходно умел объясняться с купцами. Помилосердуйте! Да перечтите сами монолог городничего к купцам в пятом акте: так говорят разве только с собаками, а не с людьми, это ли значит «превосходно» говорить с русским человеком? Неужто вы хвалите? Да лучше бы прямо по зубам или за волосы. В детстве моем я видел раз на большой дороге фельдъегеря, в мундире с фалдочками, в трехуголке с пером, страшно тузившего в загорбок ямщика кулаком на всем лету, а тот исступленно стегал свою запаренную, скачущую во весь опор тройку. Этот фельдъегерь был, разумеется, по рождению русский, но до того ослепший и оторвавшийся от народа, что не мог иначе и объясняться с русским человеком, как своим огромным кулачищем вместо всякого разговора. А, между тем, ведь он всю жизнь свою провел с ямщиками и с разным русским народом. Но фалдочки его мундира, шляпа с пером, его офицерский чин, его вычищенные петербургские сапоги ему были дороже, душевно и духовно, не только русского мужика, но, может быть, и всей России, которую он искрестил всю взад и впе-

ред и в которой он, по всей вероятности, ровно ничего не нашел примечательного и достойного чего-нибудь иного, кроме как его кулака или пинка вычищенным его сапогом. Ему вся Россия представлялась лишь в его начальстве, а всё, что кроме начальства, почти недостойно было существовать. Как такой может понимать суть народа и душу его! Это был хоть и русский, но уже и «европейский» русский, только начавший свой европеизм не с просвещения, а с разврата, как и многие, чрезвычайно многие начинали. Да-с, этот разврат не раз принимался у нас за самый верный способ переделать русских людей в европейцев. Ведь сын такого фельдъегеря будет, может быть, профессором, то есть патентованным уж европейцем. Итак, не говорите о понимании ими сути народной. Нужно было Пушкина, Хомяковых, Самариных, Аксаковых, чтоб начать толковать об настоящей сути народной. (До них хоть и толковали об ней, но как-то классически и театрально.) И когда они начали толковать об «народной правде», все смотрели на них как на эпилептиков и идиотов, имеющих в идеале — «есть редьку и писать донесения». Да, донесения! Они до того всех удивили на первых порах своим появлением и своими мнениями, что либералы начали даже сомневаться: не хотят ли де они писать на них донесения? Решите сами: далеко или нет от этого глупенького взгляда на славянофилов ушли многие современные либералы?

Но к делу. Вы утверждаете, что Алеко убежал к цыганам от Держиморды. Положим, что это правда. Но хуже всего то, что вы-то сами, г-н Градовский, вполне убежденно признаете права Алеко на всю таковую брезгливость его: «Не мог, дескать, не убежать к цыганам, ибо уж слишком гадок был Держиморда». А я утверждаю, что Алеко и Онегин были тоже в своем роде Держиморды, и даже в ином отношении и похуже. Только с тою разницею, что я не обвиняю их за это вовсе, вполне признавая трагичность судьбы их, а вы их хвалите за то, что они убежали: «Дескать, такие великие и интересные люди могли ли ужиться с такими уродами?» Вы ужасно ошибаетесь. Вы вот сами выводите, что Алеко и Онегин вовсе не отрывались от почвы и вовсе не отрицали народную правду. Мало того: «Вовсе-де они и не горды были» — вот что вы даже утверждаете. Да тут гордость прямое, логическое и неминуемое последствие их отвлеченности и оторванности от почвы. Ведь не можете же вы отрицать, что они почвы не знали, росли и воспитывались по-институтски, Россию узнавали в Петербурге на службе, с народом были в отношениях барина к крепостному. Пусть они даже и жили в деревне с мужиком. Мой фельдъегерь всю жизнь с ямщиками знался и ничего другого не признал в них, кроме достойного своего кулачища. Алеко и Онегин к России были высокомерны и нетерпеливы, как все люди, живущие от народа отдельной кучкой, на всем на готовом, то есть на мужичьем труде и на европейском просвещении, тоже им даром доставшемся. Именно тем, что все интеллигентные люди

наши, известной исторической подготовкой, чуть не во все века вашей истории, обратились лишь в праздных белоручек, — тем и объясняется их отвлеченность и оторванность от родной почвы. Не Держимордой он погиб, а тем, что не умел объяснить себе Держиморду и происхождение его. Слишком для этого горд был. Не умев же объяснить, не нашел возможности и работать на родной ниве. Тех же, которые верили в эту возможность, считал за глупцов или тоже за Держиморд. И не только перед Держимордой был горд наш скиталец, но и перед всей Россией, ибо Россия, по его окончательному выводу, содержала в себе только рабов да Держиморд. Если же заключала что-нибудь в себе поблагороднее, то это их, Алек и Онегиных, а более ничего. После этого гордость приходит уже сама собой: пребывая в отвлечении, они естественно начинали удивляться своему благородству и высоте своей над гадкими Держимордами, в которых не умели ничего объяснить. Если б не были они горды, то увидали бы, что и сами они Держиморды, и, прозрев это, может быть, нашли бы тогда именно в этом прозрении и исход к примирению. К народу же чувствовали уже не столько гордость, сколько омерзение, и это сплошь. Вы всему этому не поверите, вы, напротив, говоря, что иные черты Алек и Онегиных действительно неприглядны, высокомерно начинаете журить меня за узость взгляда, за то, что «лечить симптомы и оставлять корень болезни едва ли рассудительно». Вы утверждаете, что я, говоря: «Смирись, гордый человек», — обвиняю Алеко лишь в личных его качествах, упуская корень дела, «как будто, дескать, вся суть дела лишь в личных качествах гордящихся и не желающих смириться». «Не решен вопрос, — говорите вы, — перед чем гордились скитальцы; остается без ответа и другой — перед чем следует смириться». Всё это с вашей стороны очень уж высокомерно: я, кажется, прямо ведь вывел, что «скитальцы» продукт исторического хода нашего общества, стало быть, не сваливаю же всю вину на них только одних *лично* и на их *личные* качества. Вы это у меня читали, это написано, напечатано, стало быть, зачем же вы искажаете? Выписывая у меня тираду: «Смирись», вы пишете:

«В этих словах г-н Достоевский выразил „святая святых" своих убеждений, то, что составляет одновременно силу и слабость автора „Братьев Карамазовых". В этих словах заключен великий *религиозный* идеал, мощная проповедь *личной* нравственности, но нет и намека на идеалы *общественные*».

А затем, после сих слов, тотчас же начинаете критиковать идею «личного совершенствования в духе христианской любви». К вашему мнению о «личном самосовершенствовании» я перейду сейчас, но прежде выверну перед вами всю вашу подкладку, которую вы, кажется, хотели бы скрыть, именно: вы не за то только, что я обвиняю «скитальца», на меня уж так рассердились, а за то, что я, напротив, не признаю его за идеал нравственного совершенства, за русского здорового человека, каким только

он может и должен быть! Признавая, что в Алеко и Онегине есть «неприглядные черты», вы только хитрите. На ваш внутренний взгляд, который вы почему-то не хотите обнаружить вполне, «скитальцы» — нормальны и прекрасны, прекрасны уже тем, что убежали от Держиморд. Вы с негодованием смотрите, если осмелятся в них признать хоть даже какой-нибудь недостаток. Вы говорите уже прямо: «Было бы нелепо утверждать, что они погибали от своей гордости и не хотели смириться перед народной правдой». Вы, наконец, с жаром утверждаете и настаиваете, что это они освобождали крестьян. Вы пишете:

«Скажем больше: если в душе лучших из этих „скитальцев“ первой половины нашего столетия и сохранялся какой-нибудь помысел, то это именно был помысел о народе, самая жгучая из их ненавистей была обращена именно к рабству, тяготевшему над народом. Пусть они любили народ и ненавидели крепостное право по-своему, по-„европейски“ что ли. Но кто же, как не они, подготовили общество наше к упразднению крепостного права? Чем могли, и они послужили „родной ниве“, сначала в качестве проповедников освобождения, а потом в качестве мировых посредников первой очереди».

То-то вот и есть, что «скитальцы» ненавидели крепостное право «по-своему, по-европейски», в том-то и вся суть. То-то вот и есть, что ненавидели они крепостное право не ради русского мужика, на них работавшего, их питавшего, а стало быть, ими же в числе других и угнетенного. Кто мешал им, если уж до того их одолевала гражданская скорбь, что к цыганам приходилось бежать али на баррикады в Париж, — кто мешал им просто-запросто освободить хоть своих крестьян с землей и снять таким образом гражданскую скорбь, по крайней мере, хотя с своей-то личной ответственности? Но о таких освобождениях что-то мало у нас было слышно, а гражданских воплей раздавалось довольно. «Среда, дескать, заедала, и как же де ему своего капиталу лишиться?» Да почему же не лишиться, когда уж до такой степени дело доходило от скорби по крестьянам, что на баррикады бежать приходилось? То-то вот и есть, что в «местечке Парижѐ-с» все-таки надобны деньги, хотя бы и на баррикадах участвуя, так вот крепостные-то и присылали оброк. Делали и еще проще: закладывали, продавали или обменивали (не всё ли равно?) крестьян и, осуществив денежки, уезжали в Париж способствовать изданию французских радикальных газет и журналов для спасения уже всего человечества, не только русского мужика. Вы уверяете, что их всех заедала скорбь об крепостном мужике? Не то чтоб о крепостном мужике, а вообще отвлеченная скорбь о рабстве в человечестве: «Не надо-де ему быть, это непросвещенно, liberté,[1] дескать, egalité et fraternité».[2] Что же до русского мужика лично, то, может быть, скорбь по нем даже и вовсе не томила этих великих сердец так ужасно. Я знаю и запомнил мно-

[1] свобода (*франц.*).
[2] равенство и братство (*франц.*).

жество интимных изречений даже весьма и весьма «просвещенных» людей прежнего доброго старого времени. «Рабство, без сомнения, ужасное зло, — соглашались они интимно между собой,— но если уже всё взять, то наш народ — разве это народ? Ну, похож он на парижский народ девяносто третьего года? Да он уж свыкся с рабством, его лицо, его фигура уже изображает собою раба, и, если хотите, розга, например, конечно, ужасная мерзость, говоря вообще, но для русского человека, ей-богу, розочка еще необходима: „Русского мужичка надо посечь, русский мужичок стоскуется, если его не посечь, уж такая-де нация“», — вот что я слыхивал в свое время, клянусь, от весьма даже просвещенных людей. Это «трезвая правда-с». Онегин, может быть, и не сек своих дворовых, хотя, право, трудно это решить, ну, а Алеко, я уверен, что посекал — и не от жестокости ведь сердца, а почти даже из жалости, почти для доброй цели: «Ведь это-де для него необходимо, ведь без розочки он не проживет, сам ведь он приходит и просит: „Посеки меня, барин, сделай человеком, сбаловался совсем!“ Что ж делать с такою природою, скажите пожалуйста, ну и удовлетворишь его, посечешь!» Повторяю, чувство к мужику в них доходило зачастую до гадливости. А сколько презрительных анекдотов ходило между них о русском мужике, презрительных и похабных, об его рабской душе, об его «идолопоклонстве», об его попе, об его бабе, и говорили всё это с самым легким сердцем такие иногда люди, у которых их собственная семейная жизнь изображала собою нередко почти дом терпимости, — о, разумеется, не всегда от худого чего-нибудь, а иногда именно лишь от излишнего жару к восприятию последних европейских идей, à la Лукреция Флориани, например, по-нашему понятых и усвоенных со всею русской стремительностью. Русские люди были во всем-с! О, русские скорбящие скитальцы бывали иногда большими плутами, г-н Градовский, и вот именно эти самые анекдотики о русском мужике и презрительное мнение о нем почти всегда утоляли в сердцах их остроту гражданской их скорби по крепостному праву, придавая ей таким образом лишь отвлеченно-мировой характер. А ведь с отвлеченно-мировым характером скорби весьма и весьма можно ужиться, питаясь духовно созерцанием своей нравственной красоты и полета своей гражданской мысли, ну, а телесно все-таки питаясь оброком с тех же крестьян, да еще как питаясь-то! Да чего, вот недавно еще один старожил, наблюдатель того времени, привел анекдот в журнале об одной встрече самых сильнейших русских тогдашних либеральных и мировых умов с русской бабой. Тут уже были отъявленные скитальцы, так сказать, уже патентованные, заявившие в этом смысле себя исторически. Летом, видите ли, именно в сорок пятом году, на прекрасную подмосковную дачу, где давались «колоссальные обеды», по замечанию самого старожила, съехалось раз множество гостей: гуманнейшие профессора, удивительнейшие любители и знатоки изящных искусств и кой-

чего прочего, славнейшие демократы, а впоследствии знатные политические деятели уже мирового даже значения, критики, писатели, прелестнейшие по развитию дамы. И вдруг вся компания, вероятно после обеда с шампанским, с кулебяками и с птичьим молоком (с чего же нибудь да названы же обеды «колоссальными») направилась погулять в поле. В глуши, во ржи, встречают жницу. Летняя страда известна: встают мужики и бабы в четыре часа и идут хлеб убирать, работают до ночи. Жать очень трудно, все двенадцать часов нагнувшись, солнце жжет. Жница как заберется обыкновенно в рожь, то ее и не видно. И вот тут-то, во ржи, и находит наша компания жницу, — представьте себе, в «примитивном костюме» (в рубашке?!). Это ужасно! мировое, гуманное чувство возбуждено, тотчас раздался оскорбленный голос: «Одна только русская женщина из всех женщин ни перед кем не стыдится!» Ну, разумеется, тотчас и вывод: «Одна русская женщина из всех такая, перед которой никто и ни за что не стыдится» (то есть так и не должно стыдиться, что ли?). Завязался спор. Явились и защитники бабы, но какие защитники, и с какими возражениями им пришлось бороться! И вот такие-то мнения и решения могли раздаваться в толпе скитальцев-помещиков, упившихся шампанским, наглотавшихся устриц, — а на чьи деньги? Да ведь на ее же работу! Ведь на вас же она, мировые страдальцы, работает, ведь на ее же труд вы наелись. Что во ржи, где ее не видно, мучимая солнцем и потом, сняла паневу и осталась в одной рубашке — так она и бесстыдна, так уж и оскорбила ваше стыдливое чувство: «Из всех, дескать, женщин всех бесстыднее», — ах вы, целомудренники! А «парижские-то увеселения» ваши, а резвости в «местечке Парижé-с», а канканчик в Баль-Мабиле, от которого русские люди таяли, даже когда только рассказывали о нем, а миленькая песенка:

Ma commère quand je danse
Comment va mon cotillon?—[1]

с грациозным приподнятием юбочки и с подергиванием задком — это наших русских целомудренников не возмущает, напротив прельщает? «Помилуйте, да ведь это у них так грациозно, этот канканчик, эти подергивания, — это ведь изящнейший article de Paris[2] в своем роде, а ведь тут что, тут баба, русская баба, обрубок, колода!» Нет-с, тут уж даже не убеждение в мерзости нашего мужика и народа, тут уж в чувство перешло, тут уж личное чувство гадливости к мужику сказалось, — о, конечно, невольное, почти бессознательное, совсем даже не замеченное с их стороны. Признаюсь, совсем даже не могу согласиться с столь капитальным положением вашим, г-н Градовский: «Кто ж, как не они, подготовили общество наше к упразднению крепостного

[1] Подружка, когда я танцую, нравится ли тебе моя юбочка? (*франц.*).
[2] парижский шик (*франц.*).

права?» Отвлеченной болтовней разве послужили, источая гражданскую скорбь по всем правилам, — о, конечно, всё в общую экономию пошло и к делу пригодилось. Но способствовали освобождению крестьян и помогали трудящимся по освобождению скорее такого склада люди, как, например, Самарин, а не ваши скитальцы. Такого типа людей, как Самарин, типа уже совершенно не похожего на скитальцев, явилось на великую тогдашнюю работу ведь очень немало, г-н Градовский, а об них вы, конечно, ни слова. Скитальцам же это дело, по всем признакам, очень скоро наскучило, и они опять стали брезгливо будировать. Не скитальцы бы они были, если бы поступили иначе. Получив выкупные, стали остальные земли и леса свои продавать купцам и кулакам на сруб и на истребление и, выселяясь за границу, завели абсентеизм. . . Вы, конечно, с моим мнением не согласитесь, г-н профессор, но ведь что же и мне-то делать: никак не могу ведь и я согласиться признать этот образ столь дорогого вам русского высшего и либерального человека за идеал настоящего нормального русского человека, каким будто бы он был в самом деле, есть теперь и должен быть даже в будущем. Немного путного сделали эти люди в последние десятилетия на родной ниве. Это будет повернее, чем ваш дифирамб во славу этих прошлых господ.

III. ДВЕ ПОЛОВИНКИ

А теперь перейду к вашим взглядам на «личное самосовершенствование в духе христианской любви» и на совершенную, будто бы, недостаточность его сравнительно с «идеалами общественными» и, главное, с «общественными учреждениями». О, вы сами начинаете с того, что это самый важный пункт в нашем разномыслии. Вы пишете:

«Теперь мы дошли до самого важного пункта в нашем разномыслии с г-ном Достоевским. Требуя смирения пред народною правдой, пред народными идеалами, он принимает эту „правду" и эти идеалы как нечто готовое, незыблемое и вековечное. Мы позволим себе сказать ему — нет! *Общественные* идеалы нашего народа находятся еще в процессе *образования*, *развития*. Ему еще много надо работать над собою, чтоб сделаться достойным имени великого народа».

Я уже отвечал вам отчасти насчет «правды» и идеалов народных в начале статьи, в первом отделении ее. Эту правду и эти идеалы народные вы находите прямо недостаточными для развития общественных идеалов России. Религия, дескать, одно, а общественное дело другое. Живой, целокупный организм режете вашим ученым ножом на две отдельные половинки и утверждаете, что эти две половинки должны быть совершенно независимы одна от другой. Посмотрим же ближе, разберем эти обе половинки отдельно каждую, и, может быть, что-нибудь выведем. Разберем

сначала половинку о «самосовершенствовании в духе христианской любви». Вы пишете:

«Г-н Достоевский призывает работать над собой и смирить себя. Личное самосовершенствование в духе христианской любви есть, конечно, первая предпосылка для всякой деятельности, большой или малой. Но из этого не следует, чтоб люди, *лично совершенные в христианском смысле*, непременно образовали совершенное общество (?!). Позволим себе привести пример.

Апостол Павел поучал рабов и господ в их взаимных отношениях. И те, и другие могли послушать и обыкновенно слушали слово апостола, они *лично* были хорошими христианами, но *рабство* чрез то не освящалось и оставалось учреждением безнравственным. Точно так же г-н Достоевский, а равно и каждый из нас, знал превосходных христиан-помещиков и таковых же крестьян. Но *крепостное право* оставалось мерзостью пред господом, и русский царь-освободитель явился выразителем требований не только *личной*, но и *общественной* нравственности, о которой в старое время не было надлежащих понятий, несмотря на то, что „хороших людей" было, может быть, не меньше, чем теперь.

Личная и общественная нравственность не одно и то же. Отсюда следует, что никакое *общественное* совершенствование не может быть достигнуто *только* чрез улучшение личных качеств людей, его составляющих. Приведем опять пример. Предположим, что начиная с 1800 года ряд проповедников христианской любви и смирения принялся бы улучшать нравственность Коробочек и Собакевичей. Можно ли предположить, чтоб они достигли отмены крепостного права, чтоб не нужно было *властного* слова для устранения этого „явления"? Напротив, Коробочка стала бы доказывать, что она истинная христианка и настоящая „мать" своих крестьян, и пребыла бы в этом убеждении, несмотря на все доводы проповедника. . .

Улучшение людей в смысле *общественном* не может быть произведено только работой „над собою" и „смирением себя". Работать над собой и смирять свои страсти можно и в пустыне и на необитаемом острове. Но, как существа *общественные*, люди развиваются и улучшаются в работе *друг подле друга, друг для друга и друг с другом*. Вот почему в весьма великой степени общественное совершенство людей зависит от совершенства *общественных учреждений*, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести».

Видите, сколько я из вас выписал! Всё это ужасно высокомерно и страшно досталось «личному самосовершенствованию в духе христианской любви»: в гражданских, дескать, делах почти ни к чему непригодно. Курьезно вы, однако же, понимаете христианство! Представить только, что Коробочка и Собакевич стали настоящими христианами, уже *совершенными* (вы сами говорите о совершенстве) — можно ли де их убедить тогда отказаться от крепостного права? Вот коварный вопрос, который вы задаете и, разумеется, отвечаете на него: «Нет, нельзя убедить Коробочку даже и совершенную христианку». На это прямо отвечу: если б только Коробочка стала и могла стать *настоящей*, совершенной уже христианкой, то крепостного права в ее поместье уже не существовало бы вовсе, так что и хлопотать бы не о чем было, несмотря на то, что все крепостные акты и купчие оставались бы у ней по-прежнему в сундуке. Позвольте еще: ведь Коробочка и прежде была христианкой, и родилась таковою? Стало быть, говоря о новых проповедниках христианства, вы разумеете хоть и прежнее по сути своей христианство, но усиленное, *совершенное*, так сказать, уже дошедшее до своего идеала? Ну какие же тогда рабы и какие же

господа, помилуйте! Надо же понимать хоть сколько-нибудь христианство! И какое дело тогда Коробочке, *совершенной* уже христианке, крепостные или некрепостные ее крестьяне? Она им «мать», настоящая уже мать, и «мать» тотчас же бы упразднила прежнюю «барыню». Это само собою бы случилось. Прежняя барыня и прежний раб исчезли бы как туман от солнца, и явились бы совсем новые люди, совсем в новых между собою отношениях, прежде неслыханных. Да и дело-то совершилось бы неслыханное: явились бы *повсеместно* совершенные христиане, которых и в единицах-то прежде было так мало, что и разглядеть трудно было. Ведь вы сами же сделали такое фантастическое предположение, г-н Градовский, ведь вы сами же въехали в такую удивительную фантазию, а въехали — так и принимайте последствия. Уверяю вас, г-н Градовский, что крестьяне Коробочки сами бы тогда не пошли от нее, по той простой причине, что всяк ищет, где ему лучше. В учреждениях, что ли, ваших было бы ему лучше, чем у любящей их, родной уже матери помещицы? Смею уверить вас тоже, что если при апостоле Павле сохранялось рабство, то это именно потому, что возникавшие тогдашние церкви еще не были *совершенны* (что видим и из посланий апостола). Те же члены церквей, которые лично достигали тогда совершенства, уже не имели и не могли иметь рабов, потому что таковые обращались в братьев, а брат, воистину брат, не может иметь своего брата у себя рабом. По-вашему же как бы выходит, что проповедь христианства была бессильна. Вы вот по крайней мере пишете, что проповедью апостола рабство не освящалось. А ведь другие ученые, особенно историки европейские, во множестве укоряли христианство за то, что оно, будто бы, освящает рабство. Это значит не понимать сути дела. Предположить только, что у Марии Египетской есть крепостные крестьяне и что она не хочет их отпустить на волю. Что за абсурд! В христианстве, в настоящем христианстве, есть и будут господа и слуги, но раба невозможно и помыслить. Я говорю про настоящее, совершенное христианство. Слуги же не рабы. Ученик Тимофей прислуживал Павлу, когда они ходили вместе, но прочтите послания Павла к Тимофею: к рабу ли он пишет, даже к слуге ли, помилуйте! Да это именно «чадо Тимофее», возлюбленный сын его. Вот, вот именно такие будут отношения господ к своим слугам, если те и другие станут уже совершенными христианами! Слуги и господа будут, но господа уже будут не господами, а слуги не рабами. Представьте, что в будущем обществе есть Кеплер, Кант и Шекспир: они работают великую работу для всех, и все сознают и чтут их. Но некогда Шекспиру отрываться от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам пожелает, своей волей придет и будет выносить у Шекспира ненужное. Что ж он будет унижен, раб? Отнюдь нет. Он знает, что Шекспир полезнее его бесконечно: «Честь тебе и слава, — скажет он ему, —

и я рад послужить тебе; хоть каплей и я послужу тем на общую пользу, ибо сохраню тебе часы для великого твоего дела, но я не раб. Именно сознавшись в том, что ты, Шекспир, выше меня своим гением, и придя к тебе служить, я именно этим сознанием моим и доказал, что по нравственному достоинству человеческому я не ниже тебя нисколько и, *как человек*, тебе равен». Да он и не скажет этого тогда, уже по тому одному, что и вопросов таких тогда не возникнет вовсе, да и немыслимы они будут. Ибо все будут воистину новые люди, Христовы дети, а прежнее животное будет побеждено. Вы скажете, конечно, что это опять-таки фантазия. Но ведь не я же начал фантазировать первый, а вы сами: ведь вы же предположили Коробочку, уже *совершенную* христианку с «крепостными *детьми*», которых она не хочет отпустить на волю; это почище моей фантазии.

Умные люди тут рассмеются и скажут: «Хорошо же, после того, хлопотать о самосовершенствовании в духе христианской любви, когда настоящего христианства, стало быть, нет совсем на земле, или так мало, что и разглядеть трудно, иначе (по моим же, то есть, словам) мигом всё бы уладилось, всякое рабство уничтожилось, Коробочки переродились бы в светлых гениев, и всем бы оставалось только запеть богу гимн?» Да, конечно, господа насмешники, настоящих христиан еще ужасно мало (хотя они и есть). Но почем вы знаете, сколько именно надо их, чтоб не умирал идеал христианства в народе, а с ним и великая надежда его? Примените к светским понятиям: сколько надо настоящих граждан, чтоб не умирала в обществе гражданская доблесть? И на это тоже вы не ответите. Тут своя политическая экономия, совсем особого рода, и нам неизвестная, даже вам неизвестная, г-н Градовский. Скажут опять: «Если так мало исповедников великой идеи, то какая в ней польза?» А вы почему знаете, к какой это пользе в конце концов приведет? До сих пор, по-видимому, только того и надо было, чтоб не умирала великая мысль. Вот другое дело теперь, когда что-то новое надвигается в мире повсеместно и надо быть готовым. . . Да и дело-то тут вовсе не в пользе, а в истине. Ведь если я верю, что истина тут, вот именно в том, во что я верую, то какое мне дело, если б даже весь мир не поверил моей истине, насмеялся надо мной и пошел иною дорогой? Да тем-то и сильна великая нравственная мысль, тем-то и единит она людей в крепчайший союз, что измеряется она не немедленной пользой, а стремит их в будущее, к целям вековечным, к радости абсолютной. Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? А нравственные идеи только одни: все основаны на идее личного абсолютного самосовершенствования впереди, в идеале, ибо оно несет в себе всё, все стремления, все жажды, а, стало быть, из него же исходят и все ваши гражданские идеалы. Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью «спасти животишки»? Ничего не по-

лучите, кроме нравственной формулы: «Chacun pour soi et Dieu pour tous».[1] С такой формулой никакое гражданское учреждение долго не проживет, г-н Градовский.

Но я пойду далее, я намерен вас удивить: узнайте, ученый профессор, что общественных гражданских идеалов, как таких, как не связанных органически с идеалами нравственными, а существующих сами по себе, в виде отдельной половинки, откромсанной от целого вашим ученым ножом; как таких, наконец, которые могут быть взяты извне и пересажены на какое угодно новое место с успехом, в виде отдельного «учреждения», таких идеалов, говорю я, — нет вовсе, не существовало никогда, да и не может существовать! Да и что такое общественный идеал, как понимать это слово? Конечно, суть его в стремлении людей отыскать себе формулу общественного устройства, по возможности безошибочную и всех удовлетворяющую — ведь так? Но формулы этой люди не знают, люди ищут ее все шесть тысяч лет своего исторического периода и не могут найти. Муравей знает формулу своего муравейника, пчела тоже своего улья (хоть не знают по-человечески, так знают по-своему, им больше не надо), но человек не знает своей формулы. Откуда же, коли так, взяться идеалу гражданского устройства в обществе человеческом? А следите исторически, и тотчас увидите, из чего он берется. Увидите, что он есть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц, с него и начинается, и что было так спокон века и пребудет во веки веков. При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, *ибо она же и создавала ее.* Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью. Эти убеждения формулировались всегда и везде в религию, в исповедание новой идеи, и всегда, как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность. Взгляните на евреев и мусульман: национальность у евреев сложилась только после закона Моисеева, хотя и началась еще из закона Авраамова, а национальности мусульманские явились только после Корана. Чтоб сохранить полученную духовную драгоценность, тотчас же и влекутся друг к другу люди, и тогда только, ревностно и тревожно, «работою *друг подле друга, друг для друга и друг с другом*» (как вы красноречиво написали), — тогда только и начинают отыскивать люди: как бы им так устроиться, чтоб сохранить полученную драгоценность, не потеряв из нее ничего, как бы отыскать такую *гражданскую* формулу совместного жития, которая именно помогла бы им выдвинуть на весь мир, в самой пол-

---

[1] «Каждый за себя, а бог за всех» (*франц.*).

ной ее славе, ту нравственную драгоценность, которую они получили. И заметьте, как только после времен и веков (потому что тут тоже свой закон, нам неведомый) начинал расшатываться и ослабевать в данной национальности ее идеал духовный, так тотчас же начинала падать и национальность, а вместе падал и весь ее гражданский устав, и померкали все те гражданские идеалы, которые успевали в ней сложиться. В каком характере слагалась в народе религия, в таком характере зарождались и формулировались и гражданские формы этого народа. Стало быть, гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят. *Сами же по себе* никогда не являются, ибо, являясь, имеют лишь целью утоление нравственного стремления данной национальности, как и поскольку это нравственное стремление в ней сложилось. А стало быть, «самосовершенствование в духе религиозном» в жизни народов есть основание всему, ибо самосовершенствование и *есть исповедание полученной религии*, а «гражданские идеалы» сами, без этого стремления к самосовершенствованию, никогда не приходят, да и зародиться не могут. Вы скажете, может быть, что вы и сами говорили, что «личное самосовершенствование есть начало всему» и что вовсе ничего не делили ножом. То-то и есть, что делили, что разрезывали живой организм на две половинки. Не «*начало* только всему» есть личное самосовершенствование, но и продолжение всего и исход. Оно объемлет, зиждет и сохраняет организм национальности, и только оно одно. Для него и живет гражданская формула нации, ибо и создалась для того только, чтоб сохранять его как первоначально полученную драгоценность. Когда же утрачивается в национальности потребность общего единичного самосовершенствования *в том духе, который зародил ее*, тогда постепенно исчезают все «гражданские учреждения», ибо нечего более охранять. Таким образом, никак нельзя сказать то, что вы сказали в следующей вашей фразе:

«Вот почему в весьма великой степени общественное совершенство людей зависит от совершенства *общественных учреждений*, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести».

«Если не христианские, то гражданские доблести!» Разве не виден тут ученый нож, делящий неделимое, разрезающий целокупный живой организм на две отдельные мертвые половинки — нравственную и гражданскую? Вы скажете, что и «в общественных учреждениях» и в сане «гражданина» может заключаться величайшая нравственная идея, что «гражданская идея» в нациях уже зрелых, развившихся, всегда заменяет первоначальную идею религиозную, которая в нее и вырождается и которой она по праву наследует. Да, так многие утверждают, но мы такой фантазии еще не видали в осуществлении. Когда изживалась нравственно-религиозная идея в национальности, то всегда наступала панически-трусливая потребность единения, с единст-

венною целью «спасти животишки» — других целей гражданского единения тогда не бывает. Вот теперь французская буржуазия единится именно с этою целью «спасения животишек» от четвертого ломящегося в ее дверь сословия. Но «спасение животишек» есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество. Это уже начало конца, предчувствие конца. Единятся, а сами уже навострили глаза, как бы при первой опасности поскорее рассыпаться врозь. И что тут может спасти «учреждение» как таковое, как взятое само по себе? Были бы братья, будет и братство. Если же нет братьев, то никаким «учреждением» не получите братства. Что толку поставить «учреждение» и написать на нем: «Liberté, egalité, fraternité»? [1] Ровно никакого толку не добьетесь тут «учреждением», так что придется — необходимо, неминуемо придется — присовокупить к трем «учредительным» словечкам четвертое: «ou la mort», «fraternité ou la mort»,[2] — и пойдут братья откалывать головы братьям, чтоб получить чрез «гражданское учреждение» братство. Это только пример, но хороший. Вы, г-н Градовский, как и Алеко, ищете спасения в вещах и в явлениях внешних: пусть-де у нас в России поминутно глупцы и мошенники (на иной взгляд, может, и так), но стоит лишь пересадить к нам из Европы какое-нибудь «учреждение» и, по-вашему, всё спасено. Механическое перенесение к нам европейских форм (которые там завтра же рухнут), народу нашему чуждых и воле его не пригожих, есть, как известно, самое важное слово русского европеизма. Кстати, вот вы, г-н Градовский, осуждая наше неустройство, стыдя тем Россию и указывая ей на Европу, изволите говорить:

«А пока что мы не можем справиться даже с такими несогласиями и противоречиями, с которыми Европа справилась давным-давно. . .»

Это Европа-то справилась? Да кто только мог вам это сказать? Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без церкви и без Христа (ибо церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, — этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан. Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь и, если ему не отворят, сломает дверь. Не хочет оно прежних идеалов, отвергает всяк доселе бывший закон. На компромисс, на уступочки не пойдет, подпорочками не спасете здания. Уступочки только разжигают, а оно хочет всего. Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедоваемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жиды — всё это рухнет

---

[1] «Свобода, равенство, братство» (*франц.*).
[2] «или смерть», «братство или смерть» (*франц.*).

в один миг и бесследно — кроме разве жидов, которые и тогда найдутся как поступить, так что им даже в руку будет работа. Всё это «близко, при дверях». Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся. Дай бог вам веку, сами увидите. Удивитесь тогда. Вы скажете мне, смеясь: «Хорошо же вы любите Европу, коли так ей пророчите». А я разве радуюсь? Я только предчувствую, что подведен итог. Окончательный же расчет, уплата по итогу может произойти даже гораздо скорее, чем самая сильная фантазия могла бы предположить. Симптомы ужасны. Уж одно только стародавне-неестественное политическое положение европейских государств может послужить началом всему. Да и как бы оно могло быть естественным, когда неестественность заложена в основании их и накоплялась веками? Не может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом, а ведь для этой единственно цели и слагались до сих пор *все* гражданские (уже давно не христианские) учреждения Европы, теперь совершенно языческой. Эта неестественность и эти «неразрешимые» политические вопросы (всем известные, впрочем) непременно должны привести к огромной, окончательной, разделочной политической войне, в которой все будут замешаны и которая разразится в нынешнем еще столетии, может, даже в наступающем десятилетии. Как вы думаете: выдержит там *теперь* длинную политическую войну общество? Фабрикант труслив и пуглив, жид тоже, фабрики и банки закроются все, чуть-чуть лишь война затянется или погрозит затянуться, и миллионы голодных ртов, отверженных пролетариев, брошены будут на улицу. Уж не надеетесь ли вы на благоразумие политических мужей и на то, что они не затеят войну? Да когда же на это благоразумие можно было надеяться? Уж не надеетесь ли вы на палаты, что они не дадут денег на войну, предвидя последствия? Да когда же там палаты предвидели последствия и отказывали в деньгах чуть-чуть настойчивому руководящему человеку? И вот пролетарий на улице. Как вы думаете, будет он теперь по-прежнему терпеливо ждать, умирая с голоду? Это после политического-то социализма, после интерналки, социальных конгрессов и Парижской коммуны? Нет, теперь уже не по-прежнему будет: они бросятся на Европу, и всё старое рухнет навеки. Волны разобьются лишь о наш берег, ибо тогда только, въявь и воочию, обнаружится перед всеми, до какой степени наш национальный организм особлив от европейского. Тогда и вы, г-да доктринеры, может быть, схватитесь и начнете искать у нас «народных начал», над которыми теперь только смеетесь. А теперь-то вы, господа, теперь-то указываете нам на Европу и зовете пересаживать к нам именно те самые учреждения, которые там завтра же рухнут, как изживший свой век абсурд, и в которые и там уже многие умные люди давно не верят, которые держатся и существуют там до сих пор лишь по одной инерции. Да и кто, кроме отвлеченного доктринера, мог принимать комедию буржуазного

единения, которую видим в Европе, за нормальную формулу человеческого единения на земле? Они-де у себя давно справились: это после двадцати-то конституций менее чем в столетие и без малого после десятка революций? О, может быть, только тогда, освобожденные на миг от Европы, мы займемся уж сами, без европейской опеки, нашими общественными идеалами, и непременно исходящими из Христа и личного самосовершенствования, г-н Градовский. Вы спросите: какие же могут быть у нас свои общественные и гражданские идеалы мимо Европы? Да, общественные и гражданские, и наши общественные идеалы — лучше ваших европейских, крепче ваших и даже — о ужас! — либеральнее ваших! Да, либеральнее, потому что исходят прямо из организма народа нашего, а не лакейски безличная пересадка с Запада. Теперь я, конечно, не могу об этом распространиться, ну хоть по тому одному, что и без того статья длинна вышла. Кстати, вспомните: что такое и чем таким стремилась быть древняя христианская церковь? Началась она сейчас же после Христа, всего с нескольких человек, и тотчас, чуть не в первые дни после Христа, устремилась отыскивать свою «гражданскую формулу», всю основанную на нравственной надежде утоления духа по началам личного самосовершенствования. Начались христианские общины — церкви, затем быстро начала созидаться новая, неслыханная дотоле национальность — всебратская, всечеловеческая, в форме общей вселенской церкви. Но она была гонима, идеал созидался под землею, а над ним, поверх земли тоже созидалось огромное здание, громадный муравейник — древняя Римская империя, тоже являвшаяся как бы идеалом и исходом нравственных стремлений всего древнего мира: являлся человекобог, империя сама воплощалась как религиозная идея, дающая в себе и собою исход всем нравственным стремлениям древнего мира. Но муравейник не заключился, он был подкопан церковью. Произошло столкновение двух самых противоположных идей, которые только могли существовать на земле: человекобог встретил богочеловека, Аполлон Бельведерский Христа. Явился компромисс: империя приняла христианство, а церковь — римское право и государство. Малая часть церкви ушла в пустыню и стала продолжать прежнюю работу: явились опять христианские общины, потом монастыри — всё только лишь пробы, даже до наших дней. Оставшаяся же огромная часть церкви разделилась впоследствии, как известно, на две половины. В западной половине государство одолело наконец церковь совершенно. Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно в государство. Явилось папство — продолжение древней Римской империи в новом воплощении. В восточной же половине государство было покорено и разрушено мечом Магомета, и остался лишь Христос, уже отделенный от государства. А то государство, которое приняло и вновь вознесло Христа, претерпело такие страшные вековые страдания от врагов, от татарщины, от неустройства, от кре-

постного права, от Европы и европеизма и столько их до сих пор выносит, что настоящей общественной формулы, в смысле духа любви и христианского самосовершенствования, действительно еще в нем не выработалось. Но не вам бы только укорять его за это, г-н Градовский. Пока народ наш хоть только носитель Христа, на него одного и надеется. Он назвал себя крестьянином, то есть христианином, и тут не одно только слово, тут идея на всё его будущее. Вы, г-н Градовский, безжалостно укоряете Россию за ее неустройство. А кто мешал до сих пор ей устроиться во все эти два последние века и особенно в последнее пятидесятилетие? А вот всё подобные вам, русские европейцы, г-н Градовский, которые у нас все два века не переводились, а теперь особенно на нас насели. Кто враг органическому и самостоятельному развитию России на собственных ее народных началах? Кто насмешливо не признает даже существование этих начал и не хочет их замечать? Кто хотел переделать народ наш, фантастически «возвышая его до себя», — попросту наделать всё таких же, как сами, либеральных европейских человеков, отрывая, от времени до времени, от народной массы по человечку и развращая его в европейца даже хоть фалдочками мундира? Этим я не говорю, что европеец развратен; я говорю только, что переделывать русского в европейца так, как либералы его переделывают, — есть сущий разврат зачастую. А ведь в этом-то состоит весь идеал ихней программы деятельности: именно в отлупливании по человечку от общей массы — экой абсурд! Это они так хотели все восемьдесят миллионов народа нашего отколупать и переделать? Да неужели же вы серьезно думаете, что наш народ весь, всей массой своей, согласится стать такою же безличностью, как эти господа русские европейцы?

IV. ОДНОМУ СМИРИСЬ, А ДРУГОМУ ГОРДИСЬ. БУРЯ В СТАКАНЧИКЕ

До сих пор я только препирался с вами, г-н Градовский, теперь же хочу вас и упрекнуть за намеренное искажение моей мысли, главного пункта в моей речи.

Вы пишете:

«Еще слишком много неправды, остатков векового рабства засело в нем (то есть в народе нашем), чтоб он мог *требовать себе поклонения* и, сверх того, претендовать еще на обращение всей Европы на путь истинный, как это предсказывает г-н Достоевский.

Странное дело! Человек, казнящий гордость в лице отдельных скитальцев, призывает к гордости целый народ, в котором он видит какого-то всемирного апостола. Одним он говорит: „Смирись!“ Другому говорит: „Возвышайся!“»

И далее:

«А тут, не сделавшись как следует народностью, вдруг мечтать о всечеловеческой роли! Не рано ли? Г-н Достоевский гордится тем, что мы два

века служили Европе. Признаемся, это „служение“ вызывает в нас не радостное чувство. Время ли Венского конгресса и вообще эпохи конгрессов может быть предметом нашей „гордости“? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли национальное движение в Италии и Германии и косились даже на единоверных греков? И какую ненависть нажили мы в Европе именно за это „служение“!»

Остановлюсь сначала на этой последней, маленькой, почти невинной передержке: да разве я, сказав, что «мы в последние два века служили Европе, может быть, даже более, чем себе», — разве я хвалил то, *как* мы служили? Я только хотел отметить факт служения, и факт этот истинен. Но факт служения и то, *как* мы служили, — два дела совсем разные. Мы могли наделать очень много политических ошибок, да и европейцы их делают во множестве поминутно, но не промахи наши я хвалил, я только факт нашего служения (почти всегда бескорыстного) обозначил. Неужели вы не понимаете, что это две вещи разные? «Г-н Достоевский гордится тем, что мы служили Европе», — говорите вы. Да вовсе и не гордясь я это сказал, я только обозначал черту нашего народного духа, черту многознаменующую. Так отыскать прекрасную, здоровую черту в духе национальном — значит уж непременно гордиться? А что вы говорите про Меттерниха и про конгрессы? Это вы-то меня будете в этом учить? Да я еще, когда вы были студентом, про служение Меттерниху говорил, да еще посильнее вашего, и именно за слова об неудачном служении Меттерниху (между другими словами, конечно) — тридцать лет тому назад известным образом и ответил. Для чего же вы это исказили? А вот, чтоб показать: «Видите ли, какой я либерал, а вот поэт, восторженный-то любитель народа, слышите, какие ретроградные вещи мелет, гордясь нашим служением Меттерниху». Самолюбие, г-н Градовский.

Но это, конечно, пустяки, а вот следующее не пустяки.

Итак, сказав народу: «Возвышайся духом» — значит сказать ему: «Гордись», значит склонять его к гордости, учить его гордости? Вообразите, г-н Градовский, что вы вашим родным детям говорите: «Дети, возвышайте дух ваш, дети, будьте благородны!» — неужели же это значит, что вы их гордости учите или что вы сами, уча их, гордитесь? А я что сказал? Я говорил о надежде «стать братом всех людей в конце концов», прося подчеркнуть слово: «в конце концов». Неужели же светлая надежда, что хоть когда-нибудь в нашем страдающем мире осуществится братство и что и нам, может быть, *позволят стать братьями* всех людей, — неужели эта надежда есть уже гордость и призыв к гордости? Да ведь я прямо, прямо сказал в конце речи: «Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча иль науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено. . .» Вот мои слова. И неужто в них призыв к гордости? Сейчас после приведен-

ных слов моей речи я прибавил: «Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю в рабском виде исходил благословляя Христос. Почему же нам не вместить последнего слова его?» Это слово-то Христово значит призыв к гордости, а надежда вместить это слово есть гордость? Вы в негодовании пишете, «что нам слишком рано требовать себе поклонения». Да какое же тут требование поклонения — помилуйте? Это желание-то всеслужения, стать всем слугами и братьями и служить им своею любовью — значит требовать от всех поклонения? Да если тут требование поклонения, то святое, бескорыстное желание всеслужения становится тотчас абсурдом. Слугам не кланяются, а брат не коленопреклонений пожелает от брата.

Представьте, г-н Градовский, что вы сделали какое-нибудь доброе дело или идете только сделать его, и вот вы, дорогою, в добром умилении вашем думаете и воображаете: «Как обрадуется этот несчастный неожиданной помощи, которую я ему несу, как воспрянет духом, как воскреснет, пойдет расскажет о своей радости своим домашним, своим детям, заплачет с ними. . .» — думая и воображая это, вы, конечно, сами почувствуете умиление, иногда даже слезы (неужели этого с вами никогда не случалось?), и вот подле вас умный голос вам в ухо: «Это ты гордишься, воображая всё это себе! Это ты от гордости проливаешь слезы!» Помилуйте, да одна уже надежда на то, что и мы, русские, можем хоть что-нибудь значить в человечестве и хотя бы в конце концов удостоимся братски послужить ему, — одна уж эта надежда вызвала восторг и слезы восторга в тысячной массе слушателей. Я ведь не для похвальбы, не из гордости это припоминаю, я только обозначаю серьезность момента. Дана была только светлая надежда, что и мы можем быть чем-нибудь в человечестве, хотя бы *только* братьями другим людям, и вот один только горячий намек соединяет всех в одну мысль и в одно чувство. Обнимались незнакомые и клялись друг другу впредь быть лучшими. Ко мне подошли два старика и сказали мне: «Мы двадцать лет были врагами друг другу и вредили друг другу, а по вашему слову мы помирились». В одной газете поспешили заметить, что весь этот восторг ничего не выражает, что было-де такое уж настроение «с целованием рук» и что напрасно ораторы всходили и говорили и доканчивали свои речи. . . «Что бы они ни сказали, всё тот же де был бы восторг, ибо такое уж благодушное настроение в Москве объявилось». А вот поехал бы этот журналист сам туда и сказал бы что-нибудь от себя: кинулись ли бы к нему так, как ко мне, или нет? Отчего же три дня перед тем говорили речи и были огромные овации говорящим, но того, что случилось после моей речи, ни с кем там не было? Это был единственный момент на празднике Пушкина и не повторялся. Видит бог, не для восхваления своего говорю, но момент этот был слишком серьезен, и я не могу о нем умолчать. Серьезность его состояла именно в том, что в обществе ярко и ясно объявились новые элементы, объявились люди, ко-

торые жаждут подвига, утешающей мысли, обетования дела. Значит, не хочет уже общество удовлетворяться одним только нашим либеральным хихиканием над Россией, значит, мерзит уже учение о вековечном бессилии России! Одна только надежда, один намек, и сердца зажглись святою жаждою всечеловеческого дела, всебратского служения и подвига. Это от гордости они зажглись? Это от гордости пролились слезы? Это к гордости я их призывал? Ах, вы!

Видите ли, г-н Градовский: серьезность этого момента вдруг многих испугала в нашем либеральном стаканчике, тем более, что это было так неожиданно. «Как? До сих пор мы так приятно и себе полезно хихикали и всё оплевывали, а тут вдруг. . . да это ведь бунт? Полицию!» Выскочило несколько перепуганных разных господ: «Как же с нами-то теперь? Ведь и мы тоже писали. . . куда же нас теперь денут? Затереть, затереть это всё поскорее и чтоб не осталось и следа, разъяснить скорее на всю Россию, что это только такое благодушное настроение в хлебосольной Москве случилось, миленький моментик после ряда обедов, а более ничего, ну, а бунт укротить полицией!» И принялись: и трус-то я, и поэт-то я, и ничтожен-то я, и нулевое-то значение имеет моя речь, — одним словом, сгоряча поступили даже неосторожно: публика могла и не поверить. Надо было, напротив, это дело сделать умеючи, подойти хладнокровнее, даже хоть что-нибудь и похвалить в моей речи: «Дескать, все-таки есть течение мыслей», а затем, мало-помалу, мало-помалу, всё и заплевать, и затереть, к общему удовлетворению. Одним словом, поступили не столь искусно. Явился пробел, его надо было поскорее восполнить, и вот немедленно отыскался солидный, опытный уже критик, соединяющий безотчетность нападений с надлежащею комильфотностью. Этот критик были вы, г-н Градовский: вы написали, вас прочли, и все успокоились. Вы послужили общему и прекрасному делу, по крайней мере вас везде перепечатали: «Не выдерживает, дескать, строгой критики речь поэта; поэты поэтами, а вот умные-то люди стоят на страже и всегда вовремя обкатят холодной водой мечтателя». В самом конце вашей статьи вы просите меня извинить вам выражения, которые я, в статье вашей, мог бы счесть резкими. Я, кончая мою статью, не прошу у вас извинения за резкости, г-н Градовский, буде таковые в статье моей есть. Я отвечал не лично А. Д. Градовскому, а публицисту А. Градовскому. Лично я не имею ни малейших причин не уважать вас. Если же не уважаю ваши мнения и остаюсь при том, то чем смягчу, прося извинений? Но мне тяжело было видеть, что весьма серьезная и знаменательная минута в жизни общества нашего представлена извращенно, разъяснена ошибочно. Тяжело было видеть, что идею, которой служу я, волокут по улице. Вот вы-то ее и поволкли.

Я знаю, мне скажут со всех сторон, что не стоило и смешно было писать такой длинный ответ на вашу довольно короткую,

сравнительно с моей, статью. Но, повторяю, ваша статья послужила только предлогом: мне хотелось кое-что вообще высказать. Я намерен с будущего года «Дневник писателя» возобновить. Так вот этот теперешний номер «Дневника» пусть послужит моим profession de foi [1] на будущее, «пробным», так сказать, номером.

Скажут еще, пожалуй, что я моим вам ответом уничтожил весь смысл моей речи, произнесенной в Москве, где сам призывал обе партии русские к единению и примирению и признавал законность той и другой. Нет, совсем нет, смысл речи не уничтожен, а, напротив, — еще более закреплен, ибо именно я обозначаю в моем вам ответе, что обе партии, в отчуждении одна от другой, во вражде одна с другой, сами ставят себя и свою деятельность в ненормальное положение, тогда как в единении и в соглашении друг с другом могли бы, может быть, всё вознести, всё спасти, возбудить бесконечные силы и воззвать Россию к новой, здоровой, великой жизни, доселе еще невиданной!

---

[1] программным (*франц.*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

‹ПРОГРАММА ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА НА 1878 ГОД›

Программа журнала ежемесячного, книжки от 7 до ...[1] печатных листов, по 7 руб. в год.

Отделы:

1) Роман, повесть, стихи.

2) Хроника событий (с вырезками из газет об характ‹ерных› случаях нравственности, подвигов, ума, безобразий, успехов промышленных, характерн‹ых› черт в судах — железные дороги, о жидах, о поляках в России, о семинаристах и проч. Всё с нравоучением.

3) Дневник писателя.

4) Дневник Порецкого, или отметки его какие-либо.

5) Критическая статья (хотя бы о Грибоедове, то есть не всё о текущем).

6) Малая критика, указания на заметнейшие вышедшие (текущие книги) и проч.

7) Курьезы из газет и журналов, хроника мнений и проч. промахов, смешного и хорошего.

NB. Вместо Дневника Порецкого может быть иногда театр и искусство о крупнейших явлениях, н‹а›пр‹имер› о Росси или о Верещагине.

---

[1] *Текст поврежден.*

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1877 ГОД

(Стр. 5)

<Сентябрь, гл. I>

<1>

Но комического вида своего республиканцы не признают. Напротив, теперь именно ободрились.

Мак-Магон в мае месяце разогнал их[1] с места. Закрыл палату.

Они, угнетенные, в ореоле. Ждут законности<?>.

Вот почему, может быть, он один только во всей Европе и не чувствует, что он в опале.

Но, во всяком случае, Наполеон ли, Мак-Магон ли, а тут клерикалы.

Об легионах я писал еще летом.[2]

Мак-Магон,[3] до сих пор загадка, для кого он работает.

Наши тоже убеждены в торжестве законности. Увы, я не убежден относительно Франции.

Но не такие они люди, чтоб понимать и ожидать этого.[4] Не по скудости способностей, а потому, что эти добрые люди уж слишком люди своей партии, слишком уж они тянули одну и ту же канитель<?>, страдали долго за свое дело, и слишком долго про-

---

[1] их *повторено дважды.*

[2] *Над строкой заметка:* понедельник, еврей, лит<ературное?>, стр<аница>

[3] *Над строкой*: стра<нный?> характ<ер?>

[4] *Вместо*: Но не такие они ∾ этого. — *было*: Но где им понимать всё это.

сидели в одном углу. Они долго страдали за республику, а потому и хотели возмездия. К удивлению и у них ⟨*не закончено*⟩ Но если б и выбрали, то Мак-М⟨агона⟩, без церемонии. За кого легионы?

Напротив, они теперь именно ободрились и чувствуют себя в ореоле.

Об легионах я писал гораздо раньше, и в июле⟨?⟩ всё так и случилось.

Если б не было легионов, то —

Если победили консерв⟨аторы⟩ респу⟨бликанцев⟩, то уловки

С тех пор как я написал, произошло чрезвычайно много фактов, обозначающих ясно, что всё это соединено с избранием нового папы и проч.[1]

Ждут, вся Франция вдруг запоет Марсельезу и закричит on assassine nos frères.[2] *Законность* — но ружья — земледельцы. Устала Франция, а главный вопрос, за кого легионы?

Да, но всё⟨-таки⟩[3] у народа нет шансо.

Теперь и бунтовать нельзя и баррикады нельзя устроить.

Близится ⟨*нрзб.*⟩ к Восточному вопросу. Превосходно замечание «М⟨осковских⟩ в⟨едомостей⟩» о сочувствии католиков к туркам и даже к магометанству, и даже чуть не самого папы.

Даже в Англии нет столь яростных ненавистников России в настоящую минуту, как настоящие клерикалы.

Подлинно Восточный вопрос в своей широте: католичество объявляет войну православию и хочет вести и человечество мечом.

Final.

Всё в вопросе: правда ли, что существует заговор католичества, и правда ли, что они ждут эскамотировать Францию в свою пользу? Если хотите — вопрос может повернуться и так: всё[4] в выборах Франции зависит от ближайших предстоящих событий во Франции.

Final. Есть ли заговор? В таком ли размере страшен он и велик, как мне кажется.

Наконец, сроки: хотя всё это непременно произойдет, но формы не предсказываю, ибо неизвестны сроки.

---

[1] *Рядом помета*: Здесь — *и цифра*: 1)

[2] убивают братий наших (*франц.*). *Перевод Ф. М. Достоевского. Ср. с. 8.*

[3] *Перед*: Да, но всё⟨-таки⟩ — *цифра*: II.

[4] вопрос ∾ всё *вписано.*

Новая собравшаяся и положенная ‹?› буржуазная палата долго ли проживет с Мак-Магоном? По-моему, весьма недолго, *миг*. Как по мнению других?

То-то и есть, что не договаривают последнего слова. Вот что произошло в эти два месяца и вот почему я всё еще остаюсь при прежних мыслях.

Князю Бисмарку ясно, что при падении во Франции республиканцев, при иных его протеже‹?›, прежних отношений Германии к Франции не может уже быть.

Я уже писал об этом.
О значе‹нии› папы и проч.
Но не обратили внимания.
Потом события.
Ненависть папы к России, как к союзнице Бисмарка.
Война может и до смерти папы.[1]

Процветает‹?› борьба католичества с восточным христианством.

Ускорятся шансы войны: Англия ищет коалиций, католичество ищет войны, Австрия — элементы (Венгрия), и, наконец, заносчивость немцев.

Вот почему я и говорю, что беда, если выбор‹ы› папы совпадут.[2]

В «Москов‹ских› ведомостях» описание.
Но там не тот конец.[3]
Наконец-то я прочел.[4]

Может быть, еще лучше для России, и война еще скорее кончится.

И с Австрией не делиться, и мир. Поплатиться Францией,[5] но в ней воцарится республика уже навеки, разумеется, если немцы оставят ей политическую самостоятельность, а не обратят ее на некоторое время[6] в какой-нибудь немецкий протекторат.

Сущность дела, стало быть, в католичестве, а ближайший случай — выборы во Франции и вероятное падение республики или

---

[1] *Фраза*: Война ∾ папы. — *вписана рядом с текстом*: О значе‹нии› папы ∾ Бисмарка.

[2] *Фраза*: Вот почему ∾ совпадут. — *вписана рядом с текстом*: Ускорятся шансы ∾ немцев.

[3] *Далее начато*: В случае

[4] *Фраза*: Наконец-то я прочел. — *вписана рядом с текстом*: В «Москов‹ских› ∾ *не тот конец*.

[5] *Далее было начато*: но за

[6] на некоторое время *вписано*.

по крайней мере республиканцев и их правительства (что, в сущности, одно, что и падение республики). При новом правительстве прежние отношения не могут и т. д.

Заговор немцев. Они еще в 75 году ревновали к обновлению Франции и хотели войны — это известно.

Ключ католичества *сделать* Францию революционную и атеистическую рабом и союзником для истребления Бисмарка, для разрушения врага, для возбуждения католических элементов во всей Европе и особенно в Германии, с целью ослабления союзной Германской империи, а стало быть, и ослабления врага. Итак, тоже протеже. Союзник Бисмарка.

Но прежнему папе оставил ореол монарха поновей. (Светская власть?)

1. Клерикальные войны.
2. Заносчивость немцев.
3. Англия ищет союзников.
4. Умри папа — католики сделают всё, чтоб разжечь, но и до смерти папы —
5. Россия занята.
6. Нежность Бисмарка к нам. Зальцбургское свидание.

2. А если так, то католичество
3. А если так, то Россия — союзник Бисмарка.

Князь Бисмарк понимает, что католичество есть, кроме того, вечный враг протестантской Германии, но и элемент, мешающий ее объединению, т‹о› е‹сть› завершению здания, которое всю жизнь сооружал князь Бисмарк.[1]

А потому парализация католичества в лице будущего папы есть существенная задача и главнейшая теперь забота князя Бисмарка.

ГЛАВНЕЙШЕЕ.

И беда, если минута торжества нового переворота во Франции действительно совпадет с смертью папы и затруднит избрание, в котором, конечно, примет участие Бисмарк.

Деспотизм немцев.

Отказаться от предоминирования над Францией.

Всё это близко, «при дверях».

Но беда еще в том, что, может быть, войну начнут сами немцы.

---

[1] *Рядом с текстом*: Князь Бисмарк понимает ∾ сооружал князь Бисмарк. — *помета*: Здесь — *и цифра*: 2)

Нов‹ый› переворот во Франции естественно будет Германии подозрите‹лен›. Мак-Ма‹гон› ни при чем‹?› — это уже не республиканец.

Высокомери‹е› немцев.

Главное направление будут клерикалы. Это может и раньше смерти папы, победа, если после смерти увеличатся шансы разлада, ибо Бисмарк захлопочет о конклаве.

Тогда клерикалы направят Францию в войну наверно и составят коалицию.

Австрия решила — никаких перемен не произойдет в Турции без Австрии, положительно выгодно.

Папа радуется русским неуспехам, главное потому, что Россия, главная и естественная союзница Германии, парализована неуспехом войны своей с Турцией и затянута в нее.[1]

Об этом обо всем я уже писал, а между тем есть внешние события.

Я писал, но не считал, а между тем события в Москве, видимо —

Но оптимизм —

Есть события —

⟨2⟩

благороднейших сторон человеческого духа без гения.

Успеют ли поссориться?

Ждут (католики) событий и смотрят на Европу, на союзников врага. А кто союзник — Россия.[2]

Всё это превосходно, и, однако, всё еще это не то, не настоящее объясняющее слово. Делаете некоторое заключение, что ‹*нрзб.*› и что множество. Так ли это? Не предстоит ли в самом ближайшем будущем огромный поворот к всеевропейским событиям?

Здесь и воинствующий католицизм, и значение католицизма в глазах Бисмарка, и влияние на Францию. Но всё не то. Да и не понятно, что за держава такая, католицизм, и из-за чего он ведет войну. И почему против нас.

Сказано.

---

[1] *Рядом с текстом*: Папа радуется ∾ затянута в нее. — *помета*: Здесь.

[2] *Перед текстом*: Ждут ∾ Россия. — *помета*: Здесь. 26.

Здесь схвачен великим поэтом и сердцеведцем.[1]

Близится избрание нового папы, и в Риме понимают, что Бисмарк.

Итак, меч против Бисмарка как можно скорее.

Но кто союзник Бисмарка. Россия.

Восточный вопрос. Минута. Превосходно. И так как никто не может защитить, кроме Франции, то действовать скорее на Францию.

Все признают клерикальное влияние, но всем кажется легкомысленно, что это так себе, пустяки. Что хоть католики и работают, но не главнейшее, что это пока не важно и что где им произвести что-нибудь.

Но это не пустяки, ибо никогда не могло быть столько шансов на объявление войны, как теперь. Это католики отлично разглядели. Восточный вопрос надоумил их и развязал им руки.

Надо было только сделать 1-й шаг, заставить маршала сделать главнейшую глупость, и затем всё пойдет как по маслу. Посмотрите, сколько теперь шансов неминуемости войны.

Только бы не республика.

Во-1-х, кто бы ни одолел, но Франция уже не может быть в прежней опеке.

Самый Берлин подозрительность.

Но постараются подливать масло и ультрамонтаны.

Зальцбургское свидание.

Не одна Россия.

Но поездка

Министр Криспи.

Придумали заем для питающейся кровью <Турции>; для России же придумали настоящий бунт нигилистов.

Всё так же состоит в исполнении ими их высокого долга службы отечеству сознательно ему на пагубу, и всё так же, как и прежде, совершенно неотразимо, составляет такой же просак и досталось <*не закончено*>

Бой окончится в пользу Востока и России. Даже и лучше будет, если так расширится дело. О, кровь —

Переменят, мол, меры, а главное, всё это совершится с быстротою.

Разница, что там легкомыслие мелко.

Одним словом, что сегодня непременно, как вчера.

Но новая революция, кто ее предчув<ствовал>. Но во-первых, <?> Напол<еон> I.

Кто мог его предсказать, если судить, что нынче как вчера.

---

[1] *На полях помета*: 5 печатных страниц остается.

<3>

Если Австрия с Францией, то может выиграть огромное политическое в Европе и Германии значение, возвратив утраченное при Садовой, усилясь всем утраченным Германией и силою удесятеренного католического влияния, а если с Германией — то в Турции. Где же ей лучше будет? Вот весь вопрос.

То-то и есть, что, может быть, на свидании европейских владык и министров их гарантировала уже Австрия.

Огромная доля в нем Турции, если только у нас будут условия.

Без нас же, может, и не будет войны.

Ей отмстят католическими порывами.

Если произойдет переворот, то одно слово Ав<стрии>.[1] Одно слово Австрии перв<ым?> держав<ам?>, ибо согласись Австрия, то более, чем вероятно.

Не согласись она — католическое движение, Венгрия.

Католическое разжигание страстей.

Избрание папы, Франция, котор<ая> противуре<чит>. Бисмарк не снесет противуречий.

В самом деле: если только завяжется что-нибудь у Германии с Францией, если клерикалы натолкнут на войну, то непременно сложатся две коалиции, и Европа разом разложится на две части.

Если князь Бисмарк к тому же сам захочет войны — ибо уступив Франции раз, значит потерять навеки над ней опеку и всю жизнь потом бояться за приобретение провинций и за утрату европейского первенства, а пожалуй, что и за объединение Германии.

Если всё это случится, даже чуть-чуть завяжется, то несомненно Европа на [2]

В Австрии, однако, волнения.

И нейтралитет Австрии. Воевать за Германию она, конечно, не будет и останется нейтральною.

Если и победит, то не добьет двух наций окончательно.

Итак, ключ. Ибо при всяком новом правительстве во Франции война Франции с Германией не только возможна, но почти неизбежна, и даже в том случае, если б новые правители Франции и сами пожелали бы не начинать войну, а сохранить мир.

---

[1] *Перед текстом*: Если произойдет ~ Ав<стрии>. — *начато*: То коалиция

[2] *Край листа оборван.*

Но уж судьба к тому приводит.

И уж разумнейшие клерикалы не упустили случая разжечь в католической и христианнейшей земле этой всевозможные волнения под всевозможными до неузнаваемости предлогами, видами и формами.

Может быть, ей много обещано на Востоке, во внутренних <делах?>, на свидании двух канцлеров. О, может быть, об этом не пропустили, так сказать, *намекнуть*.

Фантастическое мечтание, но допустим его.

Не в интересах Австрии не разрешить. Фраза обширна, но предположим фантастическое.

Что клерикальная[1] работа идет несомненно и в Австрии, в этом нет сомнения, клерикалы знают[2] ее теперешнее значение и потому заблаговременно (рядом с Франциею) работают и в ней.

И об этом, кто знает, может быть, и заводят уже речь.

Но ведь, кто знает, может быть, даже австрийское правительство, хотя и делает, конечно, вид, что очень сердится на это волнение, но, в сущности, не очень сердится, понимая, что всё это может пригодиться вперед на всякий случай и на близкий всякий случай.

Австрийское правительство, очевидно, не решилось еще ни на что окончательно, а разве только условно, что в случае *нейтралитета*, что можно будет получить русские деньги.

<Сентябрь, гл. I, § V>

А между тем я каждый день читаю. Теперь новые факты.

Когда напечатаны[3] еще будут, все подтвердят, что я сказал в май-июне, когда не обратили вним<ания>.

И потому спрашиваю: согласны ли хоть теперь на мои исступл<енные> прорицания. Как я слышал, отзывов еще нет.

Согласны ли на католиче<ское> зло, на неминуем<ость> войны.

Но гений Бисмарка.

Православие и католицизм с магометан<ством>.

Австрию сломит судьба.

---

[1] *Незачеркнутый вариант*: католическая

[2] *Незачеркнутый вариант*: ценят

[3] *В рукописи ошибочно*: напечатают

Восторжествуй, Германия опять, и Россия. Может быть, и нужно еще напряжение, и Россия сразу возьмет место.

Читаю — вещь устарелая. Но осмел<ьтесь?> вообразить, что я писал об этом 2 меся<ца>, тогда, когда никто не писал. Что ж я писал, резюмирую.

1) Заговор. Но клерикалы могли уже 2 недели назад полететь. Бисмарк. Теперь же объявл<ение>.

Францию в войну.

Смеялись: где сила. Но силы не много надо. Хитрость. Надо было только поставить Францию в глупое положение.

Теперь всего через 4 дня выборы.

Согласны ли. В пр<у>сское движение клерикальное.

Теперь же предсказываю неминуемость войны — выборы как бы ни вышли, православие и католичество. Провидение может быть и лучше для России.

А теперь сделаю маленький экстракт из всех этих рассуждений.

1) неминуемо.

2) близко.

Существует клерикальный заговор с целью ввергнуть Францию в неотложную и по возможности немедленную войну с Германией для того, чтоб в лице Германии сокрушить врага и, воцаря во Франции, получить светск<ую> власть.[1]

Сохранить республику во Франции *невозможно*.

С падением республики война неминуема, но, между прочим, уже потому только, что в ней будет другое правительство. Скажут: «Где силы у клерикалов?» — но они уже сделали главное — воцарил правитель<?>, так что нужно еще немножко, тут еще покури<м?> не силою, а хитростью. Попридавить на события.

Всё это близко, гораздо ближе, чем думаю<т>.

Забыли внешние события.

Не может быть, чтоб Австрия в настоящую минуту об этом самом не думала. Все, стало быть, ждут.

Непредвиде<нное> собы<тие> в области движения клерикализма, хотя не совсем непредвиденное.

<Сентябрь, гл. II, § II, III>

Мы практически научимся недостаткам нашим не в одном лишь военном деле.

Явятся[2] люди с новою мыслью и новою силою.

Нас поразил, например, один факт, на который мало кто обратил внимание: стойкость и непомерность, доблесть рядом с крайним самоотвержением русского воина.

---

[1] *Текст*: для того, чтоб ∾ светск<ую> власть. — *вписан позднее*.

[2] *Вариант*: Придут

— Молодежи народная своеобразность, а не конституция.

— И корней с народом, народная война. Пусть.

Пугать биржевыми кризисами нелепо. Падение рубля.

Если б мы не пошли, было бы хуже. Не помогли бы мученикам, а остались, наживая прибыль. Сами себя презирали бы, самим бы было невыгодно. Воровство, но всё же еще остается сила, которой все боятся.[1]

Нации живут великим чувством и великою всё освещающей и снаружи и внутри мыслью, а не одною лишь биржевой спекуляцией и ценою рубля.

Доказательство — слова немца. Стало быть, в Германии вот они возможны. А скажи их прежде немца кто-нибудь из нас, то осмеяли бы и ославили, и сатира тотчас же представила их в нелепом виде.

Но и не в одном духовном, а и в политическом отношении. Слова политики. Восточный вопрос. Но Восточный вопрос *не выдумали* славянофилы. Он родился раньше вас, раньше нас, раньше русской империи, раньше Петра Великого, родился он при первом сплочении великорусского племени в сильное государство, он родился вместе с Москвой, и есть великая идея, оставленная Москвой, которую вынес из Москвы[2] Петр, в высшей степени понимавший ее органическую связь с русским назначением[3] и с русской душой.

— Оставить славянскую идею и восточную церковь все равно, что сломать всю старую Россию и поставить на ее место новую и уже совсем не Россию. Это будет равносильно революции. Отвергать назначение могут только прогрессивные вышвырки русского общества. Но они обречены на застой и на смерть, несмотря на всю, по-видимому, энергию их и тоску сердца их. (Я не про маклаков биржевых говорю, какая у тех тоска сердца.) Я говорю про испорченных людей интеллигентного класса, испорченных перемещеньем идеала — не тот идеал признают, а ошибочный. Социально-демократический, европейский. Я социалист, но переменил идеал с эшафота. Великая идея Христа, выше нет. Встретимся с Европой на Христе (см. ссылку). Вы смеетесь, вы требуете разъяснений, фактов. Да ведь мало книги, чтоб разъяснить это, подождите, разъясним, только не вам. Мы ждем новых людей. Они идут. Они придут.[4] Нет глупца, от которого нельзя бы было чему-нибудь научиться. Дураков не садят и не сеют, а они сами родятся.

Начисто новое.
Женщина.

---

[1] *Над строкой начато*: У нас надо так.

[2] которую вынес из Москвы *вписано*.

[3] *Вариант*: организмом

[4] *Текст*: Вы смеетесь ∾ придут. — *вписан на полях*.

1) Доказавшая нам, что она может у нас значить и что она может у нас сделать. Ведь уже этот один факт стоит мгновенной разницы цены рубля. Значит, вы поддерживали права женщины не серьезно, потому что передумали. Она выиграет теперь то, что и не мечталось бы ей, если б не этот *случай*, но об женщине и о близком уже будущем ее у нас в России я поговорю в будущем №.

Она *нужнее* России, чем биржевая игра, она обновит Россию.[1]

В России столько надо сделать, что самый пламенный к ее счастию человек отвернется, убитый огромностью задачи и видимой невозможностью выполнения. Но невозможность лишь видимая. А для этого нужно изменять не верхушки, а *основания.*

Не стыдите нас, равняясь с иностранцами в познании России. Бунт на Выборгской. Dèbats.[2] Ведь немного еще, и вы, пожалуй, этому будете верить.[3]

Забыв при этом, что фанатизм есть мертвечина, о чем и сами они проповедовали, а не жизненная сила. Обвиняют штаб, Игнатьева.

Любители турок. Слова англичанина в «Москов<ских> ведомостях». Кроме самообороны ни до чего [4] не дойдем.

Самоотверженнице.

Правда, случилось нечто обратное. Не люди оборачив<аются> в слизняков.

Слизняки. Не слизняков обратил.

— Посмотрите на народ, он спокоен и уверенно ждет.

— Народ ничего не понимает.

Европа придумала мечту. Турция. Глав<ное>, ей надо было унизить Россию.

Женщина — нелепая мечта, панталоны. Придумывают фантастические объяснения.

У нас тоже любят выдумывать слизняк<ов>. Зачем не описал. Впрочем, у нас и не дураки говорят: «Дал нам бог славянофилов».

У нас боятся и разбития, боятся и побед.[5]

И затем о новых людях.

Они будут скромны.

Вспомним пословицу, что дураков не садят. . . Но вспомним тоже, что нет такого дурака.

Я говорю не про тех.

Мы с удивлением: откуда взялось всё это.

Иностранные корреспонденты гов<орили>, что некоторые офицеры для карьеры, может быть, но я говорю добродетели боятся. Воровство.

В самом деле: почему добродетель так страшна?

---

[1] выиграет теперь ∽ обновит Россию. *вписано.*

[2] Споры, прения (*франц.*).

[3] *Вместо*: этому ∽ верить. — *было*: возможно будете верить.

[4] *Было*: никуда

[5] *Рядом с текстом*: У нас тоже ∽ побед. — *пометы*: Здесь. 2 октября.

Заменить бы ее какими-нибудь аксиомами экономическими и затем всем бы и воровать на здоровье. Но теперь все еще с добродетелью в кармане, а тогда уже без добродетельных верований. Я нахожу, что первое все-таки лучше.

И когда мы все здесь думали о цинизме, они там явили зрелище самого наивысшего чувства, такого самоотвержения, такой доблести.[1]

И вот они там умирали за Россию. Россия показала, сколько геройства в ней, самой наивной жажды чести, славы, любви к ней, безусловной любви, тогда как биржевики и жиды их воровали и воровали, а либералы сваливали всё на свойства русского народа и духа и поддразнивали.

Они докажут, например, собою, что не от свойст<в> дух<а> русск<ого> происходит и что, быть может, они не могут не вселить уверенности, там, где [2] чуть-чуть открыт доступ русскому человеку, там не может не быть хорошего.

Не побоятся авторитет<ов>.

Самоуваж<ение>.

К этим-то новым людям примкнет много живых сил, русской молодежи, потому что они будут иметь обаяние.

Немец. Явится другой человек.[3]

Они же обнаруживались и до войны в последнее время, но мы их не замечали и вдруг —

Эти люди воротясь, а пуще всего которые примкнут <к н>им.[4]

Явятся люди, которые не побоятся самоуважения, но и не побоятся не плыть за старым, хаос мысли, 20 000 женщин.

Не побоятся против авторитетов.[5]

<Ноябрь, гл. III>

вместе и тем самым раздавить их надеется легче зараз
Католичество, потеряв королей в Европе, власть и силу
Делить с Россией нечего, ей Восток,[6] Берлин занят Европой.

Одно — нельзя теперь отдать Турции, но теперь-то и лучше всего.

Может быть еще позже [7] окончания Тур<ецкой> войны. Может быть, коалиция образуется и в Турецкую войну.

---

[1] И когда ∽ доблести. *вписано.*
[2] *Далее было*: допускает русский народ
[3] К этим-то ∽ человек. *вписано.*
[4] Эти люди ∽ <к п>им. *вписано.*
[5] Явятся ∽ авторитетов. *записи в обратном направлении листа.*
[6] *Далее было начато*: Бисмарку <?> Евр<опу>
[7] *Было*: раньше

У Германии в объекте Цислейтания и Франция. Но во всяком случае нужна Россия. ‹*нрзб.*› нужды Германии в нас сильны, и мы *судим*, какой момент благоприятнее для занятия Константинополя.

Дружбу Германии надо считать гораздо крепче, чем мы думаем. Серьезные герман‹ские› газеты говорят о занятии нами Константинополя, но так, как об чем-то существенно возможном.

Замириться или, пожалуй, как-нибудь даже из деликатности перед Европой.

Социализм во Франции.

Про это окончание войны все толкуют и особенно об условиях мира, и у нас и в Европе.

Инстинкт пчел.

Католичество надеется на владычество и мутит воду.

В свои абсолютные и инквизиционные мысли.

Ловить минуту, пока эта идея держится у Бисмарка и у великого императора Германии. Идея, которой несомненно предстоит осуществиться, может на время отдалиться, а потому надо ловить минуту, теперешнюю минуту, не считать усилий на достижение цели.

Вот это-то я и предчувствую. Назовите картиной фантастической.

А кажется, ‹?› мы Германии нужны, нужны не на теперешнее лишь время, а надолго, на вечность, на решение судеб Европы.

Делить нам нечего. Очевидно, предрешить, что оба мира — Германский и Восточный — могут жить независимо, не вредя друг другу.

Мелких ‹?› окраин для нас не существует, а потому никогда, может быть, не было ‹*нрзб.*› Константинополя. Всё обозначится к весне, всё покажут 2—3 года. Расчет провинций. Все же планы могут кончиться в текущие 2—3 года.

Высшее счастье (выше счастья нет, как увериться в милосердии людей и в любви их друг к другу).

‹Декабрь, гл. I›

‹I›

Оканчивая «Дневник», я[1] непременно положил сказать еще раз о Корниловой. Я бы должен был ответить собственно для Корниловой (в последний месяц в году).[2]

[1] *Было*: мне

[2] Я бы должен ∾ в году). *вписано*.

Этому делу я способствовал.

Сам сомневался, что защищал. Посовет‹овался›

После срока 8 с лишком месяцев.[1]

Чтоб и в публике, и в присяжных, и в обществе.

Была лишь одна статья «Сев‹ерного› вест‹ника›».

Написана недостойно, я не отвечал 9 месяцев и не для статьи теперь начинаю, а для вышеизложенных причин. Но статья также дает повод.[2] Тут именно выставлены самые злобные соображения. Автор заступается за детей и требует казни.

Вероятно ли, что он не проследил за процессом?

Конечно, его бы не послушались, и дело решено. Но он восстает на решение, требует казни и вот все-таки в таком деле, где влияние на общест‹венную› совесть и требование ссылки в Сибирь такая небрежность к делу, мало того, искажение дела, умышленное, ради убедитель‹ности›.

(Но вот эта статья.)

Откуда взял автор, что мачеха била год? Тут совсем не было битья. Тут два хороших человека не могли ужиться. За последние дни да — она прибила, но это ведь раз, и именно во дни ссоры, что скверно, но это не битье же год. Коридорная сплетня — знает ли он это? Автор говорит, *что всё логически разумно*, послушайте же: кофе пила, обула — для чего бы? Ясно, что за минуту не было намерения, ну, положим, вы не поверите этому, хотя даже прокурор — отказался от преднамеренности и вслух заявил это (выброска в окно). Если преднамеренно делают, то делают логично. Для чего не посмотрела, естественно ли это? (Она говорит, что всё помнит и знает, что захотела вдруг это сделать, но как и почему, всё это не знает.) Для чего ей идти в часть? Ведь если б для того только, чтоб мужу досадить, то и этого довольно. Но вы скажете: ей не хотелось оправдываться, ей хотелось быть сосланной, покончить с своим браком, ну, а если так, то согласитесь, что нельзя тут быть в нормальном состоянии и захотеть логичности и разумности. Была в полной памяти, а действовала, как сумасшедшая (5 доктор‹ов›, например, возможность заявили). Положительно — да кто же заявляет положительно? Дюков. Ведь нужно быть самому в аффекте, чтоб говорить это. Но за детей, сослать ребенка. А если вы ошибаетесь, особенно ввиду таких несообразных фактов. Вот почему я и ждал. Семя. Пришли ко мне. И по тону статьи, что я повлиять на него не могу, но читатель.[3]

Кстати, вы пишете, что я ездил к одной даме (весь фельетон в смешливейшем виде), ведь вы знаете, что это не дама, именно,

---

[1] *Вместо*: 8 ∾ месяцев. — *было*: 9 ме‹сяцев›

[2] *Вместо*: также дает повод — *было*: же дает лишь повод

Но за детей ∾ читатель. *вписано*.

как я выразился, недостойна. И вот они теперь живут. Я был, что же лучше ли бы, если б суд.[1] Слишком впечатлителен. «Бесы» — болезненное проявление воли. Послушайте, ведь это довольно недурно, а вот вы с *ясным*, за детей. Вот что я стоял за детей в Дневник‹е› (а ведь вы-то ничего не написали), стало быть, могу [2] же я, когда надо, заступиться за детей. Здесь же и не было битья, а с самого начала — порядок. Смирени‹е› для смирения, разорвать брак, ребенка в будущем? Они были у меня.[3] Вы пишете: «вошла счастливая» (это так, наказание прощением. И я видел это, на третий день приехали, вести себя хорошо, семя). Теперь они живут (не могу всего, но присяжные могут быть покойны).

Final. Болезненное проявление воли, автор «Бесов». Но ведь я Кронебергу. А вы нет. Не в вас ли болезненное проявление воли, оскорбл‹енное› самолюбие, например.

Final. Вошла счастливая [4]

Всё фантастическое, выслушайте, как оно произошло.

Корнилова.

Русское юношество. Юность в безверии.

Две свободы, понятие о свободе.

Шибанов, Салос Никола. Анархия видоизменяется.

Письмо о молодом офицере, сестра.

Прощальное слово. Роман, журнал.

Европа 2-е отечество, мы любим Европу наравне с Россией, наша народная личность — *всечеловечность*. Пушкин.

№. Ведь я что сказал? В здравом ли уме она действовала (что само собою бросалось в глаза, и не была ли она, например, под аффектом своего беременного состояния).

22 апреля ‹18›77 освобождена.

1) биржевым здоровьем и либеральным квиетизмом жирного здоровья и самоутеш‹ением› с чужого европейского либерализма. Не знаете ли вы таких г-д философов? У меня они тоже есть в романах.

2) Но вы, может быть, оздоровлены, живы целым, вот именно ‹?› как вы считаете себя.

Вы спрашиваете: «Из скольких случаев жестокости [5] с детьми один подпадает судебному рассмотрению?» Ну, а литературному рассмотрению много ли подпадает? Кронеберг.[6] Мало кто обратил

---

[1] именно ∾ если б суд. *вписано.*

[2] *Было*: имею

[3] в будущем? ∾ у меня. *вписано.*

[4] это не дама ∾ счастливая *записи на полях. Сбоку помета*: Здесь. — *и зачеркнутая запись*: что не погубили человека.

[5] *Было*: жестокого обращения

[6] *Было*: Корнилова

внимание. Да и не по мне кто, с тем, чтоб сказать с негодованием, от сердца.

Секли поступком.

А я сказал, и статья моя имела впечатление, и я этим горжусь, и не как статьей.[1]

Систематическое мачехино битье.

Счастлива тем, что спасенная.

НАКАЗАТЬ ПРОЩЕНИЕМ.

Понимаете ли вы это? Хитро, может быть, очень. А мне так кажется, что это можно понять.

А как верует, а ‹*нрзб.*›, а Лиза.

Ан‹на› Каре‹нина›.

Насмешек и глумлений совершенно площадных, но, главное (за что-то), злобных.

Евангел‹ие›, чистота души, не так прямо, круто и сурово, молодую, раздражившуюся душу. Поражен смирением. Что тут достойного насмешки и презрения? И такой тон либерально-гуманный в новородившемся журн‹альном› общественном органе. Совсем нехорошо-с.

Чтоб не касаться многого, слишком интимного в частной жизни этих людей.

Почему же? Потому что он акушер, а не психиатр?

Я только хотел оправдаться в возведенном на меня косвенно обвинении в бесчеловечности к детям.[2]

‹II›

Довести до части.

Ну, живуча.

Эффект аффекта. Дюков.

‹*2 нрзб.*› Флоринский и проч.

Не потому ли, что акушер?

Нет, теперь я более, чем прежде, убежден,[3] что я не ошибся в заключении, в разъяснении двух характеров и характера дела. Эти два человека не могли сойтись.

Вот анекдот. Приезжают родители ‹?›.

Девочку не дадут бить.

Прыгает на шею.

Живут хорошо.

Лучше б было Сибирь?

---

[1] Секли ∾ статьей. *вписано.*

[2] Почему же? ∾ к детям. *запись на полях.*

[3] *Вместо*: более ∾ убежден — *было*: думаю, что я убежден

А что характер — верил ‹?›, так как я именно добивался ‹?› чтобы ‹?› ободрить, оправдывать новыми доказатель‹ствами›, то сообщу

Болезни воли.
К даме.
Что ж до меня лично.

И она посмотрела на нее. Вот как это всё и случилось.[1]
Послушайте, Наблюдатель. «Анна Каренина».
Вся беда моя, что беременна, ибо дикие ‹*нрзб.*› обстоятельства.[2]
Ну, припомните, как всё произошло.
Вы вот пишете (выписка).
Ну, сообразите же теперь вместе, верно ли вы еще раз написали
Прокурор отказал‹ся› от предварительного
Во-первых, для чего *он ее написал*‹?›

Всё помню, но как я это сделала, уже не знаю.

Согласитесь, что надо быть самому в аффекте. Заметьте еще (о, да ведь вы это знаете, что прокурор отказал).

Как же вы не знаете.

‹Декабрь, гл. I и II›

вот об чем прежде всего вопрос, в ответ на ваше голословное обвинение. Для чего же поддерживаете вы это обвинение. А для того, что,[3] выставляя на вид и доказывая, что это сделала мачеха, заключившая этим убийством целый год страданий ребенка, (не бывалых вовсе),[4] тем самым извращаете впечатление читателя, ист‹орг›аете из его души всякую справедливость и милосердие.[5] Справедливо ли это? Человечно ли это? Вы так, по-видимому, заботитесь о справедливости и человечности![6]

---

[1] *Текст*: И она посмотрела ∽ случилось. — *вписан на полях.*

[2] *Рядом с текстом*: Послушайте ∽ обстоятельства. — *запись*: Вся беда моя.

[3] *Вместо*: вот об чем ∽ для того, что — *было*: Мачехи в ту страшную минуту не было и в помине, а был совсем иной повод. Вы же между тем

[4] (не бывалых вовсе) *вписано.*

[5] *Далее было*: к извергу-мачехе, воздвигаете [между тем вопрос] перед [ним] обществом [вопрос] «детский вопрос» — вопрос о страдании детей, а между тем ничего ведь этого нет, ничего ведь этого не было. [И так]. Настраивать так общество

[6] Справедливо ∽ и человечности! *вписано. Далее было*: Причина зверского преступления была совершенно иная.

Но вы еще не то говорите.[1] Вы пишете, и опять-таки твердо и ясно, как изучивший [2] всё дело до мельчайшей подробности [3] наблюдатель.

Скабичевский. Художественностью не докажете. «Коробейник‹и›» — всё это бесконечно ниже.

Но стоны раненого сердца только когда народ, образованный уже, впоследствии, увидит, то поймет, что было серьезное. Ибо в стонах этих *было* нечто гораздо серьезнее стонов.

А потребность слиться и очиститься в народе, очиститься лишь любовью к народу — вот бог, вот идол, 'вот преклонение, вот объект самоочищения, без этого, то есть без *того*, перед чем преклониться и чем очиститься, Некрасов должен был или остаться только подлецом, или убить себя.

Но этот примиривший его факт важен, важнее несравненно, чем можно думать, ибо он будет исторически свидетельствовать впредь, что не отделяться от народа хотела интеллигенция наша, чуть только стала интеллигенцией, не поработить народ, как Речь Посполита, не отрезаться от него, как умирающий труп французской аристократии, а стать самому народом, уйти в него, очиститься им, признать, что нет выше правды его — на деле, значит, признание полное, по убежден‹иям› (шатким) он западник, стало быть, интеллигенцию и Европу считал выше правды русской, грешил стихами (если б менее мести) или убили французов. Казаки, грива.[4]

К чему же тогда страдания его. Значит, борьба за существ‹ование› или практический взгляд о «Современнике», всё оправдывает. Выше правды связь его. В таком случае искусство для искусства. Не печальник‹а› народного горя, а высшего представителя искусства для искусства.

Потому что страдания-то были ужасные. Он был выше поклонников своих. Не мог же он не дразнить себя языком за искусство для искусства.

Некрасов, он почти любил свое страдание.

Это было бы искусством для искусства. И действительно только это и было бы. И мы бы имели вполне право сказать, что умер последний и самый сильный представитель искусства для искусства.

Но по тому-то, что уже было напечатано (Суворин), я и говорю вслух.

С какой стати мы-то имеем право судить? Как граждане конечно: вот, дескать, был человек, у которого дело не вязалось с словом.

---

[1] *Вместо*: Но вы ∾ говорите. — *было*: Но вам это нипочем, вы еще не то говорите [то есть не говорите, а] утверждаете то есть.

[2] *Было*: как будто бы изучивший

[3] *Далее было начато*: следующее

[4] интеллигенцией ∾ Казаки, грива. *вписано.*

Но почем мы знаем, сколько *сделал* он, как он работал над собой, боролся ли он. Если б это было только искусство, но раненое сердце не отдавалось же падению без борьбы. Это нам неизвестно. И на основании его же суда над собой можем ли мы судить о нем?

Да мы-то все, может быть, еще хуже его.

Я знаю и сам, что рассказывают о случаях слишком практического понимания жизни Некрасовым.

Те тысячи, которые шли за гробом его, оправдали его. Что ж это? Заблуждение толпы? Не верю!

Решение правое, решение высшее, решение русское.

Нельзя сравнивать с Пушкиным главное потому, что после них.

Здесь главное.

Но мне-то доказывает истину его горести, что он выбрал очищением своим народ. Это главное, такая искренность, такая чистота в сердце.

Страсть. Но мы и все такие, только в других меньше силы признаться. Благородство падения несомненного и через факт стишков и опять страдание за это — два демона — мы все такие, только не так мерили. Болезнью воли. Фантастичес‹кая› жизнь.

Правда выше Некрасова, выше тех целей, которым служил он, выше всяких соображений, и если б даже многим не понравилась, то всё равно говорю ее. Так и принять, что это был падший человек, но позвольте, однако, какой это был падший человек. Нуждается ли он в оправданиях либеральной прессы (Скабичевский), фельетонист‹ов›.

Что он один из западников, который повержен перед народной правдой. Ведь если б не повержен, то не пришел бы к нему, ища в нем оправдания, бияcь челом о плиты храма его.

Лермонтов. Салос Никола его устыдил. Но потом убил Шибанова.

Протестовал народ как историческая необходимость, но никогда как особая порода людей, хотя и были дураки, начинавшие это проповедовать, но Пушкины победили.

Этот печальник народного горя был печальником только в стихах. Любовь звучит. «Крестьянские дети».[1]

Я твердо полагаю, что Некрасов в этом отношении был не хуже других, но и лучше, ибо имел твердость духа сознаться.

Болезни воли — всё фантастическое. Как и вся наша жизнь с Петра.

Некрасов есть историческое свидетельство печальников.[2] А что и грешен в то же время, то народ простит, несть человека, иже не согрешит.[3]

Подлое ученье Скабичевского. Я не могу этого вынесть.

---

[1] Правда выше ∾ «Крестьянские дети». *записи на полях и на свободных местах страницы.*

[2] *Далее было*: грешник

[3] Некрасов есть ∾ не согрешит. *вписано.*

Страсть, страсть овладела им, и, надо признаться, в самой подлой форме.[1]

Обращение к народу Пушкина было прежде некрасовского, и не в одном только страданье, а в таком объеме — в любовании его мужеством, красотой, смелостью, подвигом, силою, трезвостью духа. Это Некрасов знал сам — у Некрасова была только бедность — пронзено сердце, но нередко с узостью взгляда в лекарствах.

Еще пущих шельм, чем 40-ые годы.

Был подлецом, сам свидетельствует, если же оправдывать и предположить, что сам он оправдывал, то во что же обратятся его вопли.

Если молодежь оправдала его, это хорошо, но тут масса, к тому ж, в целой-то массе и не знали,[2] а каждый кабаки не простит. Вот для тех-то я и пишу. Простят и кабаки.

Гордая натура, не просил прощения.

За что ж простить, за хорошие стихи, за знамя, не вырвать, слово без дела мертво есть, и знамя в таких руках есть лишь соблазн и гибель делу. Искусство для искусства. За стишки простить? Вправе сказать самый высший представитель искусства для искусства, ибо что можно сказать. Вот «Рыцарь на час», потом слезы, я верю, что он плакал, хотя и говорят, что масон, мим древний может плакать, да и Гамлет дивился,[3] потом стишки, потом проклятия, а потом мысль, а стишки-то хороши, напечатать, знамя поддержу, ну и подписчиков, и уезжая послать распоряжение, прибавить еще кабак — что ж бы означали такие стишки?

Самоут‹верждение›, эстетику, искусство для искусства.

Нет, уж лучше воспевать голых женщин.[4]

Я не говорю, что Некрасов ставил кабаки, хотя меня и уверяли в этом клятвенно чуть не очевидцы.

Что же, он и был искусством для искусства. Да в тот момент, когда думал их печатать и если б он не чтил покаянно.

Вот эти-то переходы Некрасова от своих убеждений к народу и дороги. Мне любитель народа, претендующий стоять выше его своей интеллигенцией, был бы только противен. Да и не любитель был бы это народа, а лишь будущего его просвещения и европеизма, тогда как Некрасов был печальник народный за то, что видел в нем страдальца.

---

[1] Страсть ∾ форме. *запись на полях.*
[2] к тому ж ∾ не знали *вписано.*
[3] я верю ∾ дивился *вписано.*
[4] Нет, уж ∾ женщин. *вписано.*

В чем же главный вопрос, говоря о Некрасове? В том, чтоб поверить его страданию, не актерству, не поэзии, не искусству для искусства (слезный ювелир, слезных дел мастер), но истине. Связь его и страданий его, но чем — я наблюдал, народом очистился.

Пушкин едва ли не первый высказал, что народ выше общества, тогда как западники, к которым принадлежал Некрасов (по недостатку образования), всецело презирали народ, хотя и любили иногда, но себя и в лице своем просвещение ставили безмерно выше народа, они отказались от добровольцев, они осмеивают в большинстве и теперешнюю войну, совершенно не понимая народного в ней движения и участия.

еще пущих шельм. Перед народом они не принизились, а ставят себя еще выше народа. Разве в молодежи — но и молодежи очень много прекра<сной>, даже полюбил их.

Но до понимания Пушкина еще вся Россия не доросла. Теперь вопрос о Пушкине вместо художественности перешел в вопрос о народности.

NB. Некрасов отдался весь народу, желая в нем и им очиститься, даже противуреча западническим своим убеждениям.

НЕКРАСОВ.

Пробиться. В форме чрезвычайно низкой, но доходившей до страсти, до страсти дурной.

Увести из этого грубого мира в стан погибающих. Значит, и осмыслил грубость ее.

Что не боролся с страстью своей до конца и что не зарыл себя, как многострадальный мученик печерский по пояс в землю, чтоб победить непобедимую страсть.

Вы утверждаете, Наблюдатель, твердо и точно, что всё дело произошло без колеба<ний>, без, а спокойно. Послушайте. . .

Зачем доносить. Ведь если всё от злобы к ребенку, то к чему же себя-то истреблять.

Болезни воли. Я знаю, что это бестолковая фраза.

От предумышленности отказался прокурор торжественно, и все это слышали.

Слишком виновную душу не надо иногда слишком явно и поспешно укорять в ее виновности, много уж и без того было муки. Если и жажд<ет> очиститься и таким образом стоять перед ней в высшем ореоле судьи. Умела раскаяться.

В чем-то же светился этот укор? Слышала: тебе, дескать, это надо теперь прежде всего, прежде питья, прежде еды и спанья, потому что ты грешница и в этом нуждаешься. Тут она могла услышать слишко<м> уж постоянный укор.

— Послушайте.

— Надо быть самому в аффекте.
— Кстати, вы смеетесь над экспертами.

Анекдот.

Лето. Теперь девочка выбегает — на шею. Ну что, лучше что ли, если б сослали?

Кстати, вы смеетесь, что *счастливая*. Точка. Объясню: долг налагается.

У дамы — болезни воли.

Кончая «Дневник» и проверяя деятельность мою в этом смысле, я помню, но пример, что при деле Кронеберга ‹*не закончено*›

‹Декабрь, гл. II›

‹1›

Народ — это была настоящая его внутренняя потребность, не для красы, не для стихов, а стало быть, он страдал, а страдал, так и искупил.

(Зарыт, как Антоний.)

ЗАРЫТЬ В ЗЕМЛЮ.[1]

Тоже, чтоб прогнать змия страсти, его мучившей. Если б сделал что-нибудь, в такой же силе, он был бы велик. Но кто поднимет камень.

Не мог же он полагать всё самооправдание свое лишь в стишках о народе. А кстати, о нашей роли судей. Правда потомства и всех ‹?›, а все непогрешимы, но мы все страстны. Крупный человек — святой Антоний.

Души поэтов мягки и слабы, мягки и податливы, и чем больше пишут стихов, тем больше мягчеют и подаются. Он может писать грозные себе предпис‹ания›

Поэтом м‹ожешь ты не быть›,
А гражданином быть ‹обязан›

И остаться лишь поэтом стыда, но со скорбью зато и оправдываясь мучением. Некрасов — явление историческое.

Но он нашел в народе исход и для мучений, и для стыда, для всего.

Я бы желал, чтоб меня поняли.

А именно всё тот же самый существенный и главный вопрос: «Была ли борьба?»

Итак, вот что может выйти из деловых оправданий.

Вылепить образ Антона.

---

[1] *Рядом с фразой*: ЗАРЫТЬ В ЗЕМЛЮ. — *помета*: Здесь.

Для чего такому практику народ, что ему Гекуба? Потребность очиститься. Если бы, то несомненно. Стих? Но стих лишь актер «Гамлет‹а›». Гекуба.

И что выяснится, то и принять, несмотря ни ‹на› какое лицо и ни на какое соображение.[1]

Этой нежной любви к нему.

Тревожная страстность стихов его свидетельствует, но главное, народ —

Что народ наживатели. Раненое сердце.

Некрасов, мол, говорил сам о своей практичности.

Вот демон, не золото, а самообеспечение. Робкая и гордая душа, остались воспомин‹ания›, неверие в людей и прямо высокомерие к слабости их: «Вы не можете не быть» — а потому самоспасение, обеспечение в самом грубом виде. И это у Некрасова, из тех, которые святые; из тех, которым: «Встань, брось всё и иди за мной».

Не оставлял всю жизнь. Вечна‹я› борьба. Не говорю о добрых делах. Что ж вы оправдывали. Борьба неизвестна. Известна ли? Должно быть.

Есть и еще главное доказательство, а для меня несомн‹енное›: народ — именно то, на чем я остановился и носил к народу скорбь свою.

Нет, разъясняю, тут надо разъяснить, страдал он или нет, примирился ли, стыдился тем больше. Стих‹и›. Что стих‹и›, слезы Гамлета. Но главное народ.

Для чего его тянуло к народу. Для меня это ясно. Вряд ли такие стоили.

Мы знаем, что значит эклога хотя бы и слезная.[2]

Но оставался ли он спокоен. Нам это не для оправдания покойного нужно, а чтоб определить его поэзию.

Или свидетелей нет, но за Некрасова есть великий свидетель — народ.

‹2›

Тютчев не оставил такого горячего следа, как Некрасов. Не был симпатичен ‹?›.

И я понял, что он составлял для меня нечто в жизни моей, хотя мы редко —

Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые

---

[1] *Было*: Даже впечат‹ление›

[2] Для чего ∾ слезная. *запись на полях.*

мы можем получить из-за нее. Но новейшие критики и публицисты, которые рассуждают не так и кривят правдой, желая подлизаться к молодежи.

Умаление Пушкина как древнего и архаически преданного народу — почти бесчестно. Но в этих мотивах звучит такая любовь и такая оценка народа, которая принадлежит ему вековечно, всегда, и теперь, и проч‹ее›. «Увижу ли народ освобожденный и рабство, павшее по манию царя», разговор с Николаем, письма Пушкина, мужеств‹енный› человек. Юношам, если вы только говорили юношам, следует учиться, а не учить других.

Байронисты малосведущие и даже в самой сущности темы, на которую стали говорить. Байронизм был великое служение человечеству.[1]

Во всяком случае, Некрасов после Пушкина. Не было бы совсем Некрасова. В Некрасове ошибки. Убиение французов — позор.

У Лермонтова любовь к солдату.

Некрасов мог ошибаться в народе и во все те мгновения, когда его не мучило раскаяние.[2]

На жатве народ, перевязывать грудь, точно народ виноват в своих привычках и обычаях, приобретенных в рабстве, народ не мог быть виноват за свое рабство.

Таких ошибок Пушкин не сделал бы.

Представители искусства для искусства в самом пошлом понимании этого выражения. И не только в самом пошлом, но и подлом. Ночью плачу о народе, а наутро ставлю кабак!

Огарев, кабаки, но, однако, проверить бы. А сколько добра он сделал? Что же, скажете, вы тоже хотите оправдать Некрасова, не то же ли самое делаете, что Скабичевск‹ий›. Совсем нет, неправда есть неправда, дурное есть дурное, порок есть порок, и с этим никогда нельзя примириться, но мы-то, судьи-то, лучше мы его в самом-то деле, имеем ли мы право камень поднять. Ведь если и не сделали кой-чего, то не по чистоте нашей, а по трусости, что, дескать, скажут.

(У Некрасова в самом подлом виде, забор, что б ни говорили, золотом все рты залеплю, а потому добывай только золото.)

На парижскую чернь, о подвигах которой он вычитал раз на всю жизнь в томах Тьера и Рабо.[3]

Искусство для искусства, высочайший представитель. А между

---

[1] *Текст:* Умаление Пушкина ∾ мужеств‹енный› человек. — *перечеркнут.* Юношам, если вы ∾ человечеству. *записи на полях.*

[2] *Далее было*: и когда он подходил к народу свысока.

[3] На парижскую чернь ∾ Рабо. *запись на полях.*

тем это было не так, потому что Некрасов был воистину *печальник горя народного*. Не извиняйте же его ухищрениями.

Самое главное спасение в том, чтоб прибегнуть к правде полной. Примем же Некрасова вполне тем, каким он был в самом деле.

Весь вопрос сводится на то: [1] был ли он искренен.

Выкупил ли он искренностью — конечно нет, но был честным.

Удовлетворяли ли его мгновения раскаяния? Это его дело. По-нашему, страдания должны быть сильнее по мере падения, и если он удовлетворялся мгновениями и плутовал сам с собою и говорил такие фразы, что без *практичности* я бы не удержал «Современник», то тем больше и жгучее должен был страдать после этого от презрения к самому себе, и страдал наверно, и был наверно судьей себе неумолимым. Но мы имеем ли право быть такими судьями.

Сами, страсти наши, не так много смеем, как Некрасов.

(И тут: оправдываю ли я Некрасова — нет, нисколько.) Он не прав — это незыблемо. Но и мы-то святые ли. Эти две вещи друг друга не оправдывают, а лишь на нас налагают обязанности.

Признал правду народную. Человек, который мог до такой силы возвыситься, не мог быть только мимом и заказным поэтом.[2]

В воспоминаниях Сергея Аксакова звучит несравненно больше правды народной, чем в Некрасове, хотя Аксаков говорит почти только о природе русской.

Здесь главное. К тому же я ведь больше для *наших*, чем для ваших писал. Я наших хотел бы научить *Некрасову*, потому что Некрасов есть редкое, замечательное и необыкновенно крупное явление,[3] а не ваших нашему взгляду *на народ*, нашему взгляду преклонения перед правдой народною,[4] а не высокомерному обмериванию его с нашей просвещенной и гуманной высоты.

Надо бы проверить. Правда, даже ближайшие к нему уже в печати говорят про то утвердительно, стало быть, нашли нужным поспешить, чтоб предупредить других, хотя никто еще и не нападал из противной стороны. Правда,[5] они подтверждают темные стороны с тем, чтоб их оправдать. Но как они их оправдывают?

Скабичевс‹кий› Сувор‹ин› одни ‹?› говорили.[6] Конечно, во всяком случае, лучше не говорить, но я пришел к убеждению, что выяснить личность.[7]

---

[1] *К тексту*: Весь вопрос сводится на то — *вариант*: Весь вопрос в том

[2] Признал правду ∾ заказным поэтом. *запись на полях.*

[3] потому что Некрасов ∾ крупное явление *вписано.*

[4] *Было*: перед народом

[5] Правда *вписано.*

[6] Скабичевс‹кий› ∾ говорили. *вписано между строк.*

[7] Конечно ∾ личность. *вписано на полях.*

. . . Что мы робели там, где Некрасов не робел и не останавливался, и что демон, мучавший его, был сильнее, чем наши бесенята.

Она выразилась и в песнях «Зап‹адных› славян», хотя касается только славян, а не русского народа.

Исход из байронизма.

Оправдываете? Ни за что. Я только ставлю обвиняемого и противников друг перед другом и оставляю обвинителей с собственной совестью.

Если б даже было и доказано, что мы и не можем быть лучше, то этим вовсе мы не оправданы, потому что вздор всё это: мы можем и должны быть лучше.

Извинение не есть оправдание. В извинении кроется для извиняемого даже нечто унизительное.

До широты объема и понимания народного духа ему до Пушкина далеко. Некрасов видел лишь страдания народа [1] да дурные черты его (от страдания). Но они просмотрели красоту народа, его милосердие, мужество, трезвость душевную (спасение младенцев), чувство государственн‹ости› и необычайное собственное достоинство после освобождения от рабства. Проповедовали, что он раб, и даже неприятно были изумлены, увидев его столь свободным. Не поверили красоте его. Добровольцам. Теперь подъем духа. До этого не доросли, исковерканные дрянным европейничаньем. Не доросли и некогда‹?› подняться до понимания России. Не доросли мы все ни до Пушкина, ни до России, ни до народа. Не хотят преклониться перед правдой, учители народа. Долой! Но в том и дело, что Некрасов, если не умственно, то как поэт, в страдании своем признал народную правду и преклонился перед нею. Тем только он и дорог, а не как учитель народный.[2]
Юношам надо учиться, а не учить других. А учителями к ним не подмазываться. Это трезвое слово требует твердости. Как вы думаете, вы-то вот этого не скажете, а я-то вот сказал.[3]

Может быть, и есть несколько стихотворений *фальшивых*. Даже есть наверно.

Вы прививаете к ним дух непогрешимости, дух самодовольства, а стало быть, и деспотизма. Не жившему совсем на свете так легко принять свечку за солнце.

---

[1] *Над строкой запись:* правду его
[2] *Текст:* До широты объема ∾ учитель народный. — *перечеркнут.*
[3] Юношам ∾ сказал. *вписано в конце страницы и на полях.*

Отнимая [1] у них суть жизни и давая им, взамен их, такие нищие [2] блага, которыми не выманишь и собаку из подворотни, по выражению одного современного птенца.

Вот почему я и ставлю Некрасова так высоко.

Западники. Они не могли не соединиться с Европой против народа русского. И с кем, стало быть, они соединились? (С Валуевым.)

ГЛАВНОЕ ТУТ:

Надо бы проверить и главное: это рыдание и битье о помост находилось ли в *спокойном* состоянии, то есть ночью рыдание, а завтра шампанское, кабаки и стишки, или находилось в постоянном состоянии муки и усилия выбиться (добрые ли дела, исповедь скрыта, гордо возвещал о слезах, зачем не Иоанн [3] Печерский?).

У народа будет мысль: такой-то русский *барин* плакал горючими слезами и ничего лучше не придумал, как стать народом. Хотя и [4] не стал по легкомыслию своему и по разврату. Но народ это простит. Народ будет шире нашего судить.[5] Вот *настоящая правда!*

Что они проводили симпатичнейшего из наших поэтов в могилу — это хорошо и благородно, но если поверят, что они не учась учены и что они-то и есть русские критики, то уж это будет дурно. А ну как они вам не поверят. Тогда ведь над вами же будут смеяться, а может, еще хуже того.

Некрасов. Он даже писал и обличения-то наобум. Множество ужасно подделанного.

Но стихотворения бессмертной красоты.

Слабое образование (при огромном, впрочем, уме) сделало то, что держался преданий Белинского.

Будущий характер для романиста.

Барин из тех, которые не признавали [6] народ, даже любя его,[7] были даже врагами народа, нечаянными, непредумышленными,

---

[1] *Было*: И давая
[2] нищие *вписано.*
[3] *Было начато*: Ант‹оний›
[4] *Вместо*: Хотя и — *было*: Но
[5] Но народ это ∾ судить. *вписано.*
[6] *Вариант*: не верили в народ
[7] даже любя его *вписано.*

бессознательными, но они желали часто народу то, что несомненно служило ему к погибели.[1]

Гражданином быть обязан. Это его тяготило.

Добрые дела. Г-н Суворин уже сказал словечко. Скажут и другие, и я уверен в том.

Я хочу быть в том уверенным.

Бессмертной и недостижимой высоты.[2]

‹3›

Лермонтов, но дано было Некрасову, правда, Некрасов только без народа, но преклонился перед правдой народной, он западник, человек даже и убеждений противуположных. Но прежде, чем я разъясню это. . .

Считаю его в числе тех трех поэтов, которые явились с новым словом.

Без понимания Пушкина нельзя и русским быть. Он предчувствовал достоинство народа, великодушие его. В своей правде реализма и без прикрас Савельич *раб*. Да разве это раб?

Будущей задачи (народа). Но если б Пушкин прожил, то дал бы такие сокровища для понимания народного, которые бы наверно сократили времена и сроки перехода всей интеллигенции нашей, до сих пор нагло‹?› возвышающейся перед народом в гордости своего рабства европеизма, к народу и правде народной,[3] к народной силе и к сознанию народного назначения.

Калашников не бунтует.

Раб ли он был. Вот это-то Пушкин и понял, что не раб, и никогда не был в целом‹?› св‹оем?› рабом, даже и тогда, когда страдал в рабстве, — и чего не поняли наши западники, хотя и любили народ, кричали об унижен‹ном› состоянии народа. И верили в звериное состояние народа. Для многих-то собственное достоинство при освобождении (ни лести‹?›, ни груб‹ости?›) было даже обидно.[4] Они скоро причли это к остаткам рабства. Еще недавно добровольцев — подъем духа в нынешнюю войну. И Некрасов хотя был совершенно этих же убеждений, в моменты высшие падал перед народной правдой.

Западники гуманные‹?› баре, жалеющие народ и жалеющие всего более, что он не похож на парижскую чернь. Пушкин не то

---

[1] но они ∾ к погибели *вписано.*

[2] Гражданином быть обязан ∾ недостижимой высоты. *записи на полях.*

[3] *Было*: к народной правде.

[4] *Далее было*: чуть

что пожалел народ, но и преклонился перед правдой народа и, несмотря на все пороки народа и смердящие свойства его, разглядел великую сущность его.[1]

Перед народной правдой без объяснений, и во 2-ой раз с объяснением.

Но прежде чем я разъясню, как я понимаю в Некрасове это преклонение,[2] не могу не заметить, однако‹?›

Пушкин такой любви к народу, которой не имел ни один потом поэт, не исключая Некрасова. «Не люби ты меня, а люби ты мое, то, что я люблю», — вот что вам скажет всегда народ, если захочет увидеть искренность вашей любви.[3]

Но этот эпизод мне дал тогда же намерение[4] объяснить мою мысль яснее в будущем № Дневника и выразить подробнее, как смотрю я на такое замечательное и чрезвычайное явление в нашей жизни и в нашей поэзии, как Некрасов, и в чем именно заключается смысл этого явления.

И во-первых, если кто-нибудь до сих пор — о байронистах

Пушкин был первый русский человек. Он первый догадался и сказал нам, что русский человек никогда не был рабом. И хотя столетия был в рабстве, но рабом не сделался.

Изощряют свое остроумие над добровольцами.

Народ поймет — и речи не может быть. Что поймет он в шедеврах: в «Рыцаре на час», в «Тишине», в «Русских жен‹щинах›»,[5] «На Волге»?[6] Да описано не по-русски‹?› это дух и тон Байрона.

Образован‹ный› мужик — это дело другое.
Тогда поймет, что был русский барин.

С тревожным укором созерцать,[7] что он освобожден уже от рабства. Но счастлив ли народ.

Значит понял, что народом лишь одним может очиститься.

---

[1] *На полях было*: всечеловечности и всеобъемлемости русского духа

[2] *К тексту*: как я понимаю ∾ преклонение — *вариант*: что значит это преклонение

[3] вот что вам ∾ вашей любви. *вписано.*

[4] *Вместо*: тогда же намерение — *было*: повод

[5] *Рядом с текстом*: Что поймет он ∾ «Русских жен‹щинах›» — *запись*: Всего высшего значения не поймет

[6] *Далее было*: Это дух и

[7] *Далее было*: да, я вижу народ освобож‹денный›

Любовь к народу была у Некрасова исход его собственной скорби по себе самом. Вот что для меня явно и на что я хочу [1] указать. Это была страстная потребность, несмотря на фальшь.

Обвиняли лишь за то, что он не покончил с собою совсем‹?› или подобно и умер, если не изгнав своего демона, то победив его.

В том образе, который он нам оставил о себе.

Что он пел про народ, значит он считал народ чище и лучше себя. А признав это, он признал и правду народную.

Нарочно писал. Отчего же моя душа содрогается.

Если же было вечное страдание, вечное угрызение, если мы выведем это, то насколько мы ему судьи? А у нас ‹*не закончено*› Не закопали в землю.

Поэт. Гражд‹анин›.

Весь вопрос, повторяю, для меня ясен, ибо иначе он не избрал бы себе такой исход.

Я не извиняю, а выясняю лицо.

Но одно характерное обстоятельство, обозначившееся во всей нашей печати. NB. В русском народном движении они подъема духа не признают, а если и признают, то как ретроградство.

Политического смысла у нас до редкости мало, при дерзости необыкновенной. Ибо всякий берется судить, ни малейшего спокойствия, а гвалт стоит‹?›, точно мальчишки в школе, когда вышел учитель. Один из таковых учителей был Пушкин.

Тут не оправдание его, тут лишь выяснение фигуры его, лица его, чтоб не ошибиться, чтоб судить по возможности точно. Иначе, спеша оправдывать, чрезвычайно умалим и даже унизим значение Некрасова и как поэта.

Что в том, что ночью плачет или бьется о плиты, а завтра —

Итак, выясним по возможности то, что может быть выяснено.

И во-1-х, наполовину вздору. Не было ‹*нрзб.*› деловой‹?›. Но велико ‹*нрзб.*›

— Кого хороните?

На его могиле прочтено было стихотворение.

Огни зажигались вечерние
Страсть —
Мог не говорить.

---

[1] *К тексту*: и на что я хочу — *вариант*: но здесь я хочу

Значит, это казалось ему незыблемым и святым, исходом всему — единственным объектом надежды его и любви его, а стало быть, и веры его.[1]

Но весь вопрос: было ли нехорошее, а если было, то что именно такое? И если что выяснится, то нельзя извинить заевшей средой, детством или —

Был ли вечный страдалец (добрые дела).

Полюби меня всяко‹?›, барин.

Пушкин вполне это сделал и мог перевоплощаться.

Полюбить может и барин за страдание народ (парижская чернь), но Пушкин любил за всё, «Онегин», Савельич, природа русская.

Он угадал достоинства.

NB. Было то, об чем иной из нас и не поморщился бы, но что составляло вечную муку Некрасова. Муку самобичевания.

Я уверяю.

И не от пристрастия к болезням воли.

Нет, это заключение.[2]

Я не могу сделать другого заключения.

Так оно и было, хотя бы по сознательным убеждениям своим он и противуречил себе самому. Действительно, стихотворения его наполнены этими противуречиями. Тем не менее и несмотря на противуречия, он все-таки в мученические минуты свои приходил к народу, отдыхал в любви к народу и преклонился.

Кроме всего этого, Некрасов есть исторический тип, крупный пример[3] того, до каких противуречий[4] могло доходить в наше печальное время непосредственное, прямое, естественное стремление чисто русского сердца с навеянными из былой чуждой жизни убеждениями, жизни бесформенной и безобразной,[5] неудовлетворяющей.

То это потому, что ты осмелился это сказать, а осмелился потому, что ты был искренен. И совместимо ли с характером предвозве‹стника?› признаваться в своих подлостях?

Этот человек как человек оправдал себя.

---

[1] *Рядом с текстом*: Значит ∾ веры его. — *было начато*: Значит пон‹имал?›

[2] *Вместо*: заключение — *было*: заключение неотразимое

[3] *Вместо*: крупный пример — *было начато:* один из самых

[4] *Вместо*: до каких противуречий — *было*: до чего

[5] *Далее было*: из жизни русского европейничания и последствий его.

Фальшь тоже узнает (народ), с какою бы печалью вы ни приходили к нему.

В великих, неподражаемых, совершенных, несравненных [1] песнях «Западных <славян?>» вылилось всё сердце русское, всё мировоззрение русское, вся любовь русская, всё, что любит и чтит народ, его идеалы героев, царей, граждан, друзей, мужей, жен, любви, детей.

Надо учить молодежь, что непонимание Пушкина есть величайшая неблагодарность, что, не понимая Пушкина, нельзя назваться [2] даже русским человеком.

Это был не барин, жалеющий русского мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплощавшийся в душу простолюдина, в суть его, почти в образ его. Люби то, что я люблю.

Он влюбился в русскую суть его, он признал эту суть за идеал. Не говоря уже о том, что первый он сказал: «Ув<ижу ли народ освобожденный>»...

Лермонтов точно так же отдался бы весь народу, но это суждено Некрасову.

Что ли за то ли, что он жалел его, нет, а за то, что (в моменты) падал пред народом и преклонился перед народом и перед правдой его.

И это тем более поражает, что это был западник и держался моды <?>. (О западнике.)

Некрасов мог говорить: «Но счастлив ли народ?» Несчастье его он слушал всегда чутким и гуманным сердцем своим.

Но как помочь этому несчастью, он, очень может быть, и не мог бы сказать.

А во многих случаях так, конечно, во вред бы сказал.

Но сила внутренняя влекла его к народу, и он падал перед правдой его.

Но прежде чем разъясню, как он падал, скажу об одном явлении, недавно в нашей прессе по поводу смерти Некрасова.

И когда плоды реформы Петра начали впервые сознательно сказываться и своей отрицательной стороной.

Всякий сильный ум и всякое великодушное сердце не могли миновать байронизма.

---

[1] совершенных, несравненных *вписано.*

[2] *Было:* стать

Тем более такой сильный, гениальный и властительно руководящий ум, как Пушкин.

Пушкин нам указал исход уже не в одном байронизме, а в народе, в вере в правду его.

Салос Никола. Ну-тка, свободные люди, сделайте-ка это, как вы этот образ себе представляете.

А те-то далеко. У нас старых не только не почитают, но и не помнят.

И не от одних только внешних причин (политических), но и от внутренней несостоятельности тех самых истин (об социализме тогда еще мало было слуху и новая вера еще не нарождалась, а старые кумиры были разбиты). В это время протест.

Я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не мерю, кто шире, кто выше, по силе гения, по силе худож‹ественной› — солнце или же планеты.

Но за Некрасовым бессмертие.

В стихах недосягаемой высоты.

Он приходил к народу в страданиях своих.

Но тут опять перерву.

Final.

Я займусь одним явлением в наш‹ей› литер‹атуре› после смерти Некрасова и которое, конечно, слишком необходимо для оценки нашего поэта.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ НА 1880 ГОД

(Стр. 129)

Черновые наброски к главам первой ($ЧН_1$), *второй* ($ЧН_2$) *и третьей* ($ЧА_1$)

$ЧН_1$

Пришел с прощением всех увлечений и крайностей.

(Это я усиленно подчеркиваю.)

Но не моя речь составила, таким образом, событие, а то, что славянофилы приняли вполне их главный вывод о законности наших стремлений в Европе.

$ЧН_2$

‹1›

Если б умер кто, на Куликовом поле, право, было бы приятно.

И Пушкин именно таких разумел: Мстислав, князь Курб‹ский› иль Ермак. Этот и потомков не оставил и не аристократ — стало быть, Пушкин именно разумел доблесть, доблестных предков — не давить хотел он аристократическим происхождением, да и кого давил Пушкин, боже мой!

Но его раздражали, его дразнили аристократом писаки русские, между прочим Булгарин.

Почему не ответить хоть и Булгарину, хотя бы в шуточных стихах?

Превозносились[1] перед ним вельможеством и действительно происшедшие от Митюшки-целовальника.

Стихотворение могло и идти всем в ответ.

Во всяком случае гордиться [2] происхождением от Мстислава

---

[1] *Было начато*: Дразнили его

[2] *Далее было начато*: пред‹ком›

по крайней мере так же простительно, как и от Митюшки-целовальника, ибо есть гордившиеся демократизмом и происхождением от Митюшки-целовальника.

Понявший и правду его, что наметил уже в иноке-летописце.

Но ведь несчастен и Онегин? Позвольте, тут другой вопрос, я вот как думаю.

Вдовой.

Его умилительной любви к народу. Эти казаки, подталкивающ‹ие› его на виселицу: небось — нет, он не пропустил этой черты.

А сам Пугачев озверел и добродушная русская душа, русский плут

Сам великий госуд‹арь›

Серьезно

Эти все, эти все картины

Никогда еще ни один русский писатель не соединялся так духовно и родственно с народом.

До сих пор всё это господа, об народе пишущие.

И эта черта в Пушкине столь ярка, что ее нельзя не заметить и не отметить как главнейшую его особенность, какой ни у кого не бывало. Тут такая особенная черта, что ее нельзя не заметить.

Всемирная отзывчивость. Пушкин — положительное подтверждение этой мысли.

NB. Отметив так этого скитальца, гениальным чутьем своим, угадав его первый в русской действительности с исторической судьбой его, отметив этот отрицательный тип, Пушкин дал начиная с Татьяны и типы положительные.

инок

Инок — не идеал, всё ясно и осязательно, он есть и не может не быть.

Даже и теперь как господа.

А главное в правду свою Пушкин верит, никогда не подпадет высокомер‹ию›.

Это Белкин посмотрел на Капитанскую дочку. Один тон рассказа.

Это рассказывает старинный человек, как будто тут и нет искусства, сам наивно написавший, не подпишись Пушкин, то можно подумать, что эта рукопись действительно найдена, можно ошибиться.

В этом сродстве духа с родною почвою и самое полное доказательство правды, пред которым всякая мысль о подделке, об идеализации исчезает, стушевывается.

Небось, небось — не пропустил же Пушкин этой черты.

Чуть соприкоснулся с почвой, стал на великую дорогу. Великая дорога — это соприкосновение с великими идеалами общечеловеческими, это и есть назначение русское.

Ибо назначение русского человека — есть всеевропейское и всемирное, оставаясь русским. Но что значит в этом смысле остаться самостоятельно русскими. Оно именно и значит внести примирение в европейские противуречия,[1] дать исход европейской тоске, вместить с братской любовью в свою душу всех наших братьев великого арийского племени и, может быть, впоследствии, в конце концов, изречь окончательное Слово всепримирения, всесоединения в великой и общей гармонии братства евангельского,[2] единения *людей*. Вот какую надежду оставил *нам* Пушкин. И действительно: взгляните на третий период его деятельности: Коран, древний Рим, Испания, Англия.

И как подумать, что деятельность эта только что начиналась. Мои слова могут показаться кому-нибудь восторженно преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что я их высказал. Этому должно *было* быть высказанным. Я же сам твердо верю в правду мною высказанного.

Славянофильство и западничество.

Нет строгих разделений, организм.

NB. Это не есть подражание, не усвоение. Это перерождение.

NB. Дух народа — усвоение всего общечеловеческого. Позволительно думать, что природа или таинственная судьба, устроив так дух русский, устроила это с целью. С какою же? А вот именно братского единения в апофеозе последнего слова любви, братства и равенства и высшей духовной свободы — лобызания друг друга в братском умилении.

И это нищая-то Россия.

Царь небесный в рабском виде.

И Христос родился в яслях.

Это — не мечта.

NB. После Пушкина это не мечта. Пушкин — факт.

‹2›

2) Слышится вера в русский характер, вера в его необъятную духовную силу, а как вера, стало быть, и надежда, великая надежда на [3] русского человека.

[1] *Над строкой вписан вариант*: всё примирить, все европейские противоречия

[2] *Между строк вписано*: Христов

[3] *Было*: в

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни, —

сказал он сам потом.

Вся деятельность Пушкина в этом 2-м периоде есть[1]

3) Но что поражает, это умилительное.

Я не говорю о величавом образе инока.

Посмотрим Медведя.

Сказка о Медведе — всё это сокровища для будущих художников, для будущих [2] работников [3] на этой ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина,[4] не было бы и последующих талантов, которые бы не проявились бы и не выразились, несмотря на всю свою силу. Но и не в творчестве, не в поэзии лишь одной дело: не было бы Пушкина, не определилась бы, может быть, в такой самостоятельной силе, в какой это явилось потом, — наша вера в нашу русскую самобытность, наша сознательная уже теперь надежда в наши народные силы и в твердый грядущий путь нашей деятельности (наше отношение к европейскому гению, наше умение различать среди европейских гениев — духов добрых и злых).

Вот перед этим-то грядущим Пушкин и стоит перед нами как указание и пророчество. Но чтоб разъяснить эти силы, надо 3-й самостоятельный период.[5]

Байрон. 1-й период. Говорят о каких-то подражаниях.

NB. «Цыганы».

Разве бывают с такой страстною духовною силою подражатели? В «Цыганах», например, поэме, бесспорно относящейся к первому периоду деятельности Пушкина.

Одно написано раньше, другое позже.

Он не у себя, он не дома. Он не знает, что ему у себя делать,[6] и чувствует себя у себя же самого [7] чужим; там, в тех счастливых, по его мнению, странах, где жизнь, кажется ему, кипит горячим, стремительным ключом, полна, самостоятельна. Правда, он болен [8] уже и вечным идеалом. Это тот же Алеко, искавший идеала. — Правда, и он любит родную землю, но родной правде [9] он не доверяет, верит в невозможность работы на родной ниве,

---

[1] Вся деятельность ∾ есть *вписано, не закончено.*

[2] *Далее было*: творцов

[3] *Над строкой вписан вариант*: деятелей

[4] *Перед:* не было бы Пушкина — *помечено:* 1) (*эта помета соотносится с пометами* 2) *и* 3)).

[5] Вот перед этим-то ∾ период. *вписано.*

[6] *Далее было*: на своей ниве

[7] у себя же самого *вписано.*

[8] *Между строк вписано*: Фурье

[9] родной правде *вписано.*

а на верующих в эту возможность глядит с грустной насмешкой. Не такова Татьяна: у той инстинкт, у той крест и тень ветвей.

Но манера глядеть свысока заставила его и не узнать[1] Татьяну, что не «нравственный эмбрион» она только. Правда, мешала и светская манера, фатство, рабство и лакейство души перед авторитетом. Явись Чайльд-Гарольд оттудова, из своего места, и влюбись в маленькую девочку Татьяну,[2] покажи ей уважение, и Онегин тотчас же был бы поражен[3] и удивлен, конечно на время, тотчас же бы оценил высоко прелестную девушку и на время возвел бы ее в свой идеал. Ибо никакая Татьяна не наполнила бы проклятую, беспредметную тоску его. Навеки оторвавшись от почвы, он не знает и не понимает никакой жизни.[4] Но этого не случилось, там все Зарецкие и Ленские, которых он презирает откровеннейшим образом. Он отделался фатской проповедью, хотя и показал себя честным человеком.

Но вот он встречает ее уже знатной придворной дамой. Нет, она не то, что Онегин. Кто сказал, что ее уже успел развратить модный свет и тщеславие — если не развратить, то по крайней мере испортить и отравить — нет, у ней всё те же крест и тень ветвей и 1-ый идеал в душе. О, как она искренна в ту минуту! Но зачем же она не отдалась Онегину? Кому верна, зачем верна? — Тому, кто ее любит. Тут трагедия. Соблазнительная честь.

О, не мщение женщины, но зачем же она не отдалась ему.

Кто он? Нет, это он нравственный эмбрион.

Ведь он забыл ее совершенно и, увидя в светлом величии.

Молодой казак, именно молодой, а не старый.

Светская повесть — «Пиковая дама».

Великий государь. Ах, как это добродушно и хорошо.

Зверства с русской добротой.[5]

‹3›

Откликнуться на все духи —

Думаете ли вы, что это есть в западной литературе, так ведь это чудо, ведь надо же это сознать. Это столь оригинально,[6] и в этом-то и есть пророчество. В чем же пророчество?

Алеко, стремление к мировому идеалу. Беспокойный человек. Фантастическая жизнь у цыган. И вот при первом столкновении обагряет руки кровью. Его прогоняют.

Оставь нас, гордый человек.

---

[1] *Над строкой начато*: не от
[2] *Над строкой вписан вариант*: туда, в эту деревню, и заметь Татьяну
[3] *Выше вписано*: на нее
[4] Ибо никакая Татьяна ∾ никакой жизни. *вписано.*
[5] Ведь он забыл ∾ русской добротой. *разрозненные наброски на полях.*
[6] *Далее было*: что и

Не то чтобы цыганы были тот идеал общества, но даже и цыганам-то он не годится. Переделать весь мир — и чуть личность — кровь. Мы — нет у нас закона.[1]

Овладей собою сначала и увидишь рай. Это уже указание, это уже русским духом повеяло.[2] Не безграничная личность, а смирись, подчини себя себе, овладей собою, — что, впрочем, и есть самое сильное проявление личности, а не требуй прав человечества, не то первый позовешь на помощь закон. Да, тем и кончишь.[3] Когда ты первый их не достоин и первый в этом идеальном обществе производишь диссонанс своей злобой и жадностью наслаждений даром, за которые ничем нравственно не хочешь платить. Такой силы мысль — не есть только подражание.

Скоро Пушкин перешел во 2-ой период. Это не строго отмежевано.[4] Еще в «Онегине» в 1-х главах слышится.

Но посмотрим на Онегина, разве это не всецело русский человек, русская тоска тогдашнего времени. Это тоже Алеко — оторванный от почвы.

Европа и удел всего арийского племени нам так же дороги, как Россия, — удел всего арийского племени есть русское дело, родное нам, прирожденное, наша сущность, наш идеал.

4-й период. Может быть, Пушкин дал бы великие положительные типы красоты русской.

Все эти славянофильства и западничества — всё это лишь одно великое недоразумение, правда, исторически необходимое в просыпающемся русском сознании, но которое, конечно, исчезнет, когда русские люди взглянут прямо на вещи в глаза.

Овладей собою и узришь правду и станешь достойнейшим праведником — наступит и для тебя золотой век.

Это [5] мысль русская, ее сознает и народ, он читает ее в жизни первых христианских подвижников, побеждавших себя и плоть свою и выраставших до страшного значения силы, видевших Христа так, что и земля не могла вместить их.

Их прошлое для нас — дорогие и родные могилы, их будущее — это наше родное дело, наш идеал братства племен и народов.

Удел той бедной и презираемой еще нами земли, которую в рабском виде царь небесный исходил благословляя. Чего нам стыдиться — нашей бедности и нищеты. И Христос родился в яслях.

---

[1] Мы — нет у нас закона. *вписано между строк.*
[2] *Между строк вписано*: *а.* Но тут *б.* Не ‹*нрзб.*›
[3] не то первый ∾ и кончишь. *вписано.*
[4] Это ∾ отмежевано. *вписано.*
[5] *Выше вписано*: Ведь

Но вот мы выставляем поэта, дух которого откликнулся на все духи. . .

Пушкин явился как раз в самом начале правильного самосознания нашего и деятельности нашей после петровской реформы, и появление его чрезвычайно осветило нашу дорогу. В этом смысле Пушкин есть и пророчество и указание. Я делю деятельность Пушкина на три периода, был бы, может быть, и четвертый период, но бог судил иначе, и смерть взяла нашего великого поэта в самом полном развитии его духа и сил. Я не буду смотреть критически.[1] Говорят, он в первом периоде (строгих разграничений нет). Онегин как бы начинается еще в 1-ый период, а кончается в самой полной силе второго.

Моя мысль о пророчестве и таинственности для нас значения Пушкина.

Фантастический Алеко (в противуположность Онегину) реально пришел к цыганам и вот обагряет руки кровью и что же, даже цыганам не годится, не то что для мирового идеала.[2] Это тот гордый и страдающий человек, жаждущий мирового счастья, который первый, чуть коснется до него, потребует закона терзающего и казнящего.[3]

О, эту мысль сознает и народ, и хоть не всегда исполняет ее в своем смрадном и угнетеннейшем разврате, но чтит ее со слезами,[4] как святыню, верит ей и молится ей со слезами.[5] О, пока еще он знает ее в том, что ему всего драгоценнее в религиозных идеалах своих — в святынях, величии умерщвленной плоти и овладении духом своим до высочайших размеров свободы и [6] нравственной силы.[7]

И тогда узришь Христа, не убьешь и не растерзаешь, а простишь и полюбишь, не призовешь защиты закона себе в помощь, — ибо сам исполнишь его.

Это тот же Алеко, но в более реальной постановке.
Пушкин реалист как‹их› еще не бывало у нас.

От своих отстал, к чужим не пристал, жаждущий внешних идеалов — внешней спасающей силы. Укажите ему тогда систему Фурье, который еще тогда был неизвестен, и он с радостью бы

---

[1] Я не буду смотреть критически. *вписано.*
[2] Фантастический Алеко ∾ мирового идеала. *вписано.*
[3] *Между строк вписано*: *1*. Чуть не по нем. *2*. ничего не понял и ‹?›
[4] *Вместо*: чтит ее со слезами — *было*: молится ей
[5] со слезами *вписано.*
[6] *Далее было*: силы
[7] *Абзац обведен фигурной скобкой и отмечен знаком*: NB

поверил в нее и бросился бы работать для нее, и если б его сослали за это куда-нибудь, почел бы себя счастливым. Нашлась бы внешняя мировая деятельность — до 1-го разочарования, разумеется. Но тогда еще не было системы Фурье. Полюбить же работу тогда, как и теперь,[1] было немыслимо, стать своим между своими было немыслимо. Не то что не в моде, а просто немыслимо, а просто абсурдом. Идеалов в своей земле у него не было. И вот Татьяну он не узнал. Явись Чайльд-Гарольд

Нет, если кто был нравственный эмбрион, так это он, Онегин.

NB. Стань она вдовою, она и тогда бы не пошла за ним.[2] Если б она верила в него, она бы пошла за ним.[3] Русская женщина идет, если верит. Это она доказала. Но во что было верить Татьяне?

В подражаниях никогда не появляется столько самостоятельности страдания и той глубины самосознания, которую выразил Пушкин в своем Алеко. Не говорю уже о творческой силе и стремительности духа, которой не было бы, если б он *только* подражал. Представляет уже русскую мысль, уже начало мощной самостоятельности. Действительно в типе Алеко слышится мощная самостоятельность.[4]

Пушкин уже отыскал этого страдальца, в котором отразился век и соврем‹енный› человек, и нашел,[5] конечно, в себе самом, а не у одного только Байрона.[6] Конечно, гораздо более в себе, чем у Байрона.

Наши *фантазеры*, наши скитальцы продолжают и до сих пор свою деятельность и если не ходят в цыганские таборы, то ходят в народ, ибо тот же в них недуг, что в Алеко и Онегине — всё тот же человек, только в разное время явившийся и в разных видах осуществившийся.[7] Это общий русский тип, во весь теперешний век. Правда, огромное большинство русских, как тогда,[8] служит и, конечно,[9] мирно в чиновниках, или в казне, или в железных дорогах, но ведь это только . . . ведь главный-то нерв этих русских. Коснись этих чиновников звук и мысль, озарись их ум самосознанием, и они запоют то же самое. Что же поет Онегин. О, он тоскует, что под ним нет почвы, хотя в Алеко еще и не умеет этого правильно высказать.

---

[1] тогда, как и теперь *вписано.*

[2] NB. Стань она ∾ за ним. *вписано.*

[3] *Далее было*: может быть

[4] Действительно в типе ∾ самостоятельность. *вписано.*

[5] *Было*: отыскал

[6] *Вместо*: в себе самом, а не у одного только Байрона — *было*: в себе гораздо более, чем у Байрона

[7] и в разных видах осуществившийся *вписано.*

[8] как тогда *вписано.*

[9] и, конечно, *вписано.*

Один еще на ногах, а другой уже дошел до запертой двери. Что в том, что один еще и не начинал думать,[1] а другой уже дошел до запертой двери. Всех одно ожидает, если не поворотят на спасающий путь.

Сват Иван, Медведь — это любование, это любовь.

Умилительная любовь. (Не в той и другой ловко и умно подмеченной черте народного быта и характера, столь мастерски явившейся в последующих писателях и у самых лучших из них, всё еще с некоторой высокомерностью взгляда, всё еще с оттенком чего-то из другого общества и быта, а просто какая-то умилительная любовь к народу, к душе его и вере, преклонение пред величием духа его.)

Много бы сделал, да и прикосновение к народу открыло вдруг Пушкину новые горизонты 3-го периода его деятельности (Европа). *Самое важное.*[2]

3-ий период. Жадная русская душа, возлюбившая столь много в народе русском, соединившаяся с ним и прикоснувшаяся к почве, как бы разом окрепла и ощутила в себе богатырские силы и невиданные широчайшие стремления. Да, воссоединение с гениями Европы есть[3] исход русской силы к величайшей цели.

Но, однако же, вот явилась душа, вместившая все духи и гении мира, не внешне, а органически, как бы свое родное — и это уже есть указание, пророчество и указание.

Финал «Онегина»: русская женщина, сказавшая русскую правду, — вот чем велика эта русская поэма.

Тут другой вопрос: не кому и чему отдана, а кому и чему отдаться? Да если б она освободилась, она бы не пошла за ним.

Прозвучал темперамент женщины, и это нам как бы дороже, что она не совсем Мадонна, не совсем идеал. Тут мучение, тут трогательно; тут человек!

О, она уже давно поняла его, она еще там, в глуши, девушкой, почти поняла его.

Увидеть барский дом нельзя ли
. . . .
Уж не пародия ли он?

---

[1] *Далее было*: еще
[2] Много бы сделал ∾ *Самое важное. вписано.*
[3] *Далее было*: [назн‹ачение›] цель и

И Христос родился в яслях, может, и у нас родится[1] Новое Слово.

Пока, однако, у нас Пушкин.

Духи и гении Европы это недаром, этим многое обозначается, вот тут-то и пророческое значение Пушкина.[2]

‹4›[3]

Памятник Пушкину воздвигнут, и мы празднуем день справедливого воздаяния от земли Русской и от общества Русского величайшему из русских поэтов. А между тем еще так недавно, да и теперь конечно, существует и ходит множество мнений, перешедших в убеждение об ограниченности Пушкина, об ограниченности его политического ума, об ограниченности его гражданских воззрений, нравственного развития, подозревают в душе его осадок крепостничества.[4] Признают за ним[5] — это-то уже почти все — значение величайшего художника, но в чрезвычайном уме Пушкина и высоком нравственном развитии его весьма и весьма еще многие сомневаются. Не останавливает и соображение, что великий поэт наш был в то же ‹время› одним из образованнейших людей нашего времени. По сочинениям его видно, что ему близко знакома была всемирная литература, что он прочел очень, очень много, что он интересовался такими книгами из европейских литератур, которые совсем почти и неизвестны были кому-нибудь из русских его эпохи. Что же до сомнения в уме его,[6] то сомневающихся не оста‹но›вил даже, например, хоть образ Онегина,[7] воплотившего в себя тоску наивысше развитого русского человека своего времени. Не одною только бессознательно художественною силою создан этот сильный и глубокий образ и тип, но и совершенно сознательным и осмысленным вникновением в появление его между нами. Пушкин объясняет его сам от себя лично, как автор,[8] судит его сознательно во многих строфах своего бессмертного романа, заставляет и героиню свою, Татьяну,[9] догадаться о нем и сознать его хоть отчасти, спросить себя:

Уж не пародия ли он?

Это и тип Чацкого, столь сбивчивый, столь самоуверенный, бранящий Москву и французский язык, бранящий фраки, кричащий, что нам надо занять хоть у китайцев

Премудрого у них незнанья иноземцев,[10]

---

[1] *Было*: явится

[2] Духи и гении ∞ пророческое значение Пушкина. *вписано.*

[3] *На с. 1 помета А. Г. Достоевской*: Из Пушк. (Не напечатано.)

[4] *Далее было*: будто бы ‹*нрзб.*›

[5] за ним *вписано.*

[6] *Вместо*: до сомнения в уме его — *было*: до ума его

[7] *Далее начато*: в его

[8] *Далее было*: говорит об нем

[9] *Далее было начато*: от‹части›

[10] *Было*: заграницы

и между тем бегущего из России за границу. Если б сознательно нарисовал его таким бессмертный поэт, то вышел бы и тип бессмертный и правдивый. Но Грибоедов[1] сам взглянул на свой тип не отрицательно, а положительно, и сам уверовал в «ум» своего героя и вышло — сбивчивость. Не таков Онегин: это тип твердый, глубоко осмысленный, это истинное[2] изображение страдающего, оторванного от русской почвы интеллигентного русского человека, живущего на родине как бы не у себя, желающего стать чем-нибудь и не могущего быть самим собою.[3] Повторяю, Пушкин глубоко сознательно создал этот тип — и Пушкина[4] ли не считать умнейшим и глубочайшим русским человеком своего времени, хотя бы за этот только им созданный тип. ‹л.1› Но, однако же, сомневаются, приписывают ему несвойственное, толкуют об нем до комичного ошибочно. Один из известнейших современных русских писателей свидетельствует, что он видел Белинского, с комической яростью напавшего на «отсутствующего», как выразился этот писатель, Пушкина за его два стиха в «Поэт и Чернь»:

Печной горшок тебе дороже,
Ты пищу в нем себе варишь!

«И, конечно, твердил Белинский (продолжает писатель), сверкая глазами и бегая из угла в угол. Конечно дороже. Я не для себя одного, я для своего семейства, *я для другого бедняка* в нем *пищу* варю, — и прежде, чем любоваться красотой истукана — будь он распрофидиевский Аполлон, — мое право, моя обязанность накормить своих и себя, назло всяким негодующим баричам и виршеплетам!» И уж если такой человек, как Белинский, написавший (по крайней мере доселе) всех более и всех лучше о Пушкине, разъяснивший[5] нам его значение во многом весьма удовлетворительно, — если Белинский, повторяю я, назвал Пушкина барином и виршеплетом за грубую будто бы ошибку великого поэта в гражданском и нравственном воззрении его на искусство, то уж сколько, должно быть, было от других, низших чем Белинский, когда идея попала на улицу,[6] — осмеяний, хулений, осуждений, ругательств над низким уровнем мировоззрения поэта, за его «гражданскую несостоятельность», за «крепостническую неразвитость»! А между тем какая комическая ошибка. Какое смешное и грубое заключение! Вообразить только, что такого великого ума человек, как Пушкин, станет кричать со своего возвышения народу (то есть простецам, мужикам) и укорять их за то, что им их печной горшок дороже истукана, требовать от них понимания искусства, бранить мужика, мещанина — или кого еще. Ну,

[1] *Далее было начато*: взгл‹янул›
[2] истинное *вписано.*
[3] *Далее было*: Пушкин
[4] *Было*: его
[5] *Далее было*: его
[6] *Далее было*: сколько

положим, даже и чиновника его, Станционного смотрителя, которого так симпатично и задушевно создал Пушкин, — бранить их за то, что они прежде чем восхищаться «красотой истукана» — стараются накормить из печного горшка их голодные семейства! Я для другого бедняка в нем пищу варю! — восклицает Белинский, — и этот излишек добродетельного обличения не для красоты только слога вставлен, а, очевидно, из подозрения, что Пушкин и нравственно был так низко развит, что не понимал, что бедняка, безо всякого сомнения, надо накормить прежде, чем любоваться истуканом.[1] Если б не подозревал Белинский нравственной несостоятельности [2] в этом случае Пушкина, то нечего было бы бегать ему из угла в угол, как повествует свидетель. И такая глупость, такое нравственное ничтожество приписывается, однако ж, Пушкину! А между тем какой вздор!

Еще в Евангелии сказано, чего Пушкин конечно не мог не знать, самим Христом: «Не одним хлебом будет жив человек». Значит, наравне [3] с духовной жизнию признано за человеком полное право есть и хлеб земной. Как мог Пушкин не знать и ‹л. 2› не понимать такой простой мысли, что народу [4] надобно есть, и надобно прежде всего: тут ждут хлеба дети, которым уже никакого нет [5] дела до истукана и до стихов поэта Пушкина. Как могло прийти в голову, что Пушкин мог сердиться на народ за то, что он [6] не любуется его стихами или Аполлоном Бельведерским прежде чем съест что-нибудь из своего горшка! Конечно тут горшок дороже — и Пушкину ли это не знать. И не смешная ли идея, что укоряет [7] он за горшок бедняков, мужиков, то есть настоящий народ, и называет их [8] за это чернью. Да они [9] и не знали может быть, что Пушкин существует? Да они и читать ие умеют![10] Нелепость обвинения, однако ж, не остановила его.

Не ту чернь разумел Пушкин — и это очевидно, не дурак же он был совсем, не мальчик пятилетний.[11] Он разумел «светскую чернь» и еще тех, которых он укорил словами: «тебе бы пользы всё», и это главный стих в стихотворении: из светской черни и из богачей толстосумов есть очень многие, и были и при Пушкине,[12] которые покупают истуканов, Аполлонов Бельведерских, и готовы были бы тратить на них даже большие деньги,[13] и ставят

[1] *Далее было*: Иначе не бегал бы Белинский из угла
[2] *Далее было*: хотя
[3] *Было*: рядом
[4] *Было*: человеку
[5] нет *вписано.*
[6] *Далее было*: прежде
[7] *Было начато*: гово‹рит›
[8] *Далее было*: чернью
[9] *Было*: мужики
[10] Да они и читать не умеют! *вписано.*
[11] *Далее начато*: Тут главный ст‹их›
[12] и были и при Пушкине *вписано.*
[13] и готовы были бы ∾ деньги *вписано.*

их не то что на своей лестнице, но даже в хоромах своих, в зале или в кабинете. И, уже не беспокойтесь, так отлично знают, что рыночная цена истукану гораздо дороже горшка, равна, может быть, десяти тысячам горшкам.

Скажут, что Пушкин корил [1] не народ, а бедных чиновников, разночинцев, одним словом, всех тех, которым так важен печной горшок. Но разве это не всё равно, что народ?

Тех же,[2] из разночинцев, не столь нуждающихся в горшке, и свет ничего нет дурного укорить за матерьялизм привычек, за плотоядность инстинктов, за животность желаний, за жажду отличий, те действительно смотрят на искусство как на игрушку, но в таком случае печной горшок обращается уже в чин, в черни же Пушкин корил бы ту же необразова‹нность›.[3]

Но есть еще чернь толстосумы, невежественная чернь.

Пищу варить, пищу самолюбия, упиваться гордостью, тут сравнение с горшком народным лишь для силы выражения. Точно так же как чернью, «народом» названы [4] непосвященные, то есть светская чернь, грубые толстосумы, по крайней мере те, которые умеют читать стихи и знают, что такое стихи.

Но и не это одно, не толстосумов, тут глубокий вопрос об искусстве. И право, Пушкин не на них истратил столько энергии и сил.

Чернь образованности.
Чернь в критиках ‹?›. [5] ‹л. 1 об.›

ЧА$_1$

Ихнее общество сложилось не по-нашему, не на Христе, а на Римской империи.

Христианство не освящает рабство, как легкомысленно, с резвостью ребенка, вы готовы вывесть (и рады вывести).

---

[1] *Было*: разумел
[2] *Далее было начато*: котор‹ые›
[3] *Далее было*: Но не на это, очевидно, не на это истратил Пушкин столько силы и энергии в своем бессмертном и глубоком стихотворении.
[4] *Далее было*: грубые
[5] Скажут, что Пушкин ∾ Чернь в критиках ‹?› *разрозненные наброски на полях.*

Затем устраивает свое общество. Мы свое. Оба различно. Теперь мы долж‹ны›

Да, конечно, народн‹ая› правда и народн‹ый› идеал, как я объяснил их выше, конечно, вам должны быть чужды и противны. Вы совершенно общественные учреждения, воспитывающие в человеке если не христианские, то гражданские доблести, конечно, ставите вм‹есто› того, что наш народ считает абсолютной и незыблемой правдой, но во что вы не верите. А пока мы не можем справиться даже с та́ким разногласием.

Не сложились национально. Подождите, кто же мешает народу как не вы, выдумавшие самую фантастическую идейку возносить народ до себя (и на ней успокоились).

Церковь стоит. Рим доживает.

У нас общественные идеалы находятся в процессе развития, да, но вы не будете в них участвовать, как дурная трава. Виноватее всего вы, что до сих пор еще в процессе развития ваше слепое преклонение пред формулой, которая завтра же рухнет и мешает русскому народу. Кто его держит за руки. Ваши ошибки!

Запад справился со своими идеями. Поистине достойно профессора науки и русского публициста.

Где же они справил‹ись›. Завтра рухнет. 94-й год. 30 000. Когда Бабеф. Буржуазия. Народ уже слышал слово. Тен. Утонет в вине. Вы гордитесь, когда это случится, смотрите, гораздо скорее, чем вы думаете — да при первой огромной политической войне, а элементы[1] густо лежат в Европе. Франция и Пруссия. Англия, сосущая всех как лимон. России, всем мешающей, разве выдержать год войны. Элементы братства ‹?›. Мы еще и не знаем, как мы сильны. И рухнет всё — и богатства.[2] Об нас разобьется. Нечего нам там учиться общественным идеалам, у нас свои есть.

С чем там они справились.

Да, господа, я либеральнее, мои идеалы и либеральнее ваших, я смело говорю это.

Антихрист.

(вы тут подсчитали)

Ах, вы

нового поклонения?

умирание

Слово Антихриста.

Теперь понятна и буря в стаканчике. Да как он смел.

---

[1] *Далее было:* ее обхватили

[2] *Далее было начато:* Нечего

Вот именно о том, как силен русский народ.
Клеветники?

А мы-то куда же. А нас-то куда же теперь денут?

Либералы справились.

Да, повторяю аксиому — либерал враг народа.

Вы задались фантазией вознести народ до себя — взялись развратить народ до себя — посмотрим, удастся ли вам. Грядут новые люди, любящие народ и преклоняющиеся перед народной правдой. Встречает их общество, уставшее от ваших шаблонных уроков и европейских лекций.

Куда нас теперь денут

Да если поклонение, то и *желание всеслужения* становится абсурдом, невозможностью.

Неужели восторг был оттого, что мы всех могущественнее и длинноголовее.

Серьезность этого момента восторга испугала вас. А в обществе есть элементы, которые жаждут подвига, утешающей мысли, обетованного дела, а стало быть, общество уже не хочет удовольствоваться нашим либеральным хихиканием над Россией и принять наше учение о вековечном бессилии России [1] без европейцев. А только России такая роль! и из-за этого восторги. *А нас-то куда же*?

Вот все и принялись утешать себя.

Во-1-х, умные люди разбили, зачем же вы опалу на своих, оплевали, осталось утешение.

Объяснили разными поводами: всеобщим настроением («Страна») говорили или не говорили все люди бывалые. Отчего же оно не выходило до этого часу. Нет, попробуйте-ка, подите-ка сами, скажите, *как вас примут*. Но вы успокоились, речь оплевали, признали нулевою, ничтожною, победа, дескать, за нами, и теперь не надо спрашивать: куда же нас теперь денут?

в *стаканчик*

Зосима. Гейден. Вот вы говорили Коробочка-христианка — помещик-христианин

— Верно не было христиан настоящих.

— Что за религия, скажете вы, если нет христиан, потому что так трудно быть христианином.

---

[1] *Далее было*: если

— Это уже вопрос, быть или не быть христианству.

— К счастью, не вотировалось, как было в 93-м году.

— Да и много ли нужно праведников?

— Тут другая политическая экономия.

— Ну сколько нужно республиканцев?

— Сохранить бы идеал. Хотя бы двое принесли жертву. Историки не знают. Смирение.

Вы пишете о рабстве. Павел.

Христианство не освящает рабство. Туманы <?> исчезают со светом.

— Будущий Шекспир и выносить.

— Вы не верите? Это уже есть. Освобожденный мужик подает руку.

Поговорим о христианстве как о нравственной идее, перейдем теперь к общественным идеям. Их *нет* вовсе.

Вам главное показать, до какой степени я мельче вас: я-то, дескать, всего только «религиозен» и всё основываю на самосовершенств‹овании›, а вы прямо и благородно смотрели на гражданств‹енность›. С одной стороны, какая отсталость, с другой — какой благородный жест ‹?›

Он отвлеченен, он ясно и в полноте не видит, и он не может быть не горд, и не только перед Держимордой горд, но и перед всей Россией.

Были умы, что и перед всем миром гордились и всё создание божие презирали.

Но у нас обыкновенно Европа в идеале, и скиталец наш тоже попирал каблуком свою сиволапую родину.

Что христианство и самосовершенствование, идея, дескать, скудна, а у нас-то идеалы гражданские. Это пошире-с, следовательно, вы ретроград, вы отстали, а мы-то как шагаем, мы-то как шагаем, мы-то с Европой в стремлениях равняемся. Ну и книги вам в руки. Только позвольте поговорить.

Несколько лекций по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном Градовским, с обращением к г-ну Градовскому.

Запад провалится.

Вы скажете,[1] может быть, хороша ли ваша любовь к Европе после таких слов.

А разве я рад тому (что он провалится). Нет, я с упованием смотрю. Народ западный свергнет ту гнусную оболочку, в которой его заключили, и кончит тем, что найдет Христа. Может быть, к нам и придет за ним, к народу нашему великому, и тогда все обнимемся и запоем новую песнь.

---

[1] *Было начато*: зам‹етите›

Меттерних. И за это мнение мы в 49-м году еще ответили, когда вы были студентом.

Я знаю, мне скажут со всех сторон, что не стоило и смешно писать такой длинный ответ на вашу статью. Но, клянусь, я не для вас писал и не для утоления моего самолюбия. Я для других писал. Я намерен с будущего года «Дневник писателя» издавать. Так вот это мой profession de foi, «*пробный номер*».

Отыскался критик, соединяющий безотчетность нападений с искусною комильфотностью.

Развратить народ до себя.

Да неужели же вы думаете, что народ согласится стать такою же безличностью как и вы (да не вы, не вы, г-н профессор, я не про одного говорю).

И наконец, мы не дадим, мы не подчинимся, мы не простим, не выйдет. С кем и с чем? С народом.

Бездна [1] человечков выскочила: «А мы-то куда же теперь?»

Мои идеалы шире ваших.

Положим, время и место не позволяют. Но впоследствии, когда вы узнаете, может быть, и вы перед ними преклонитесь. Тем более, что ваши гражданские идеалы воистину мечты и абсурды, которые никогда сбыться не могут, а у меня действительность, которая уже есть и пребывает.

У вас гражданские идеалы одно, а христианство другое. По-нашему, по-русски это неделимо. Гражданским должно быть христианство, а христианин уже поневоле гражданином, ибо мы христианство принимаем в идее, а не в слове и не в букве, как вы.

И составили огромный контингент нашего абсентеизма, объявившегося тотчас же по освобождении крестьян.

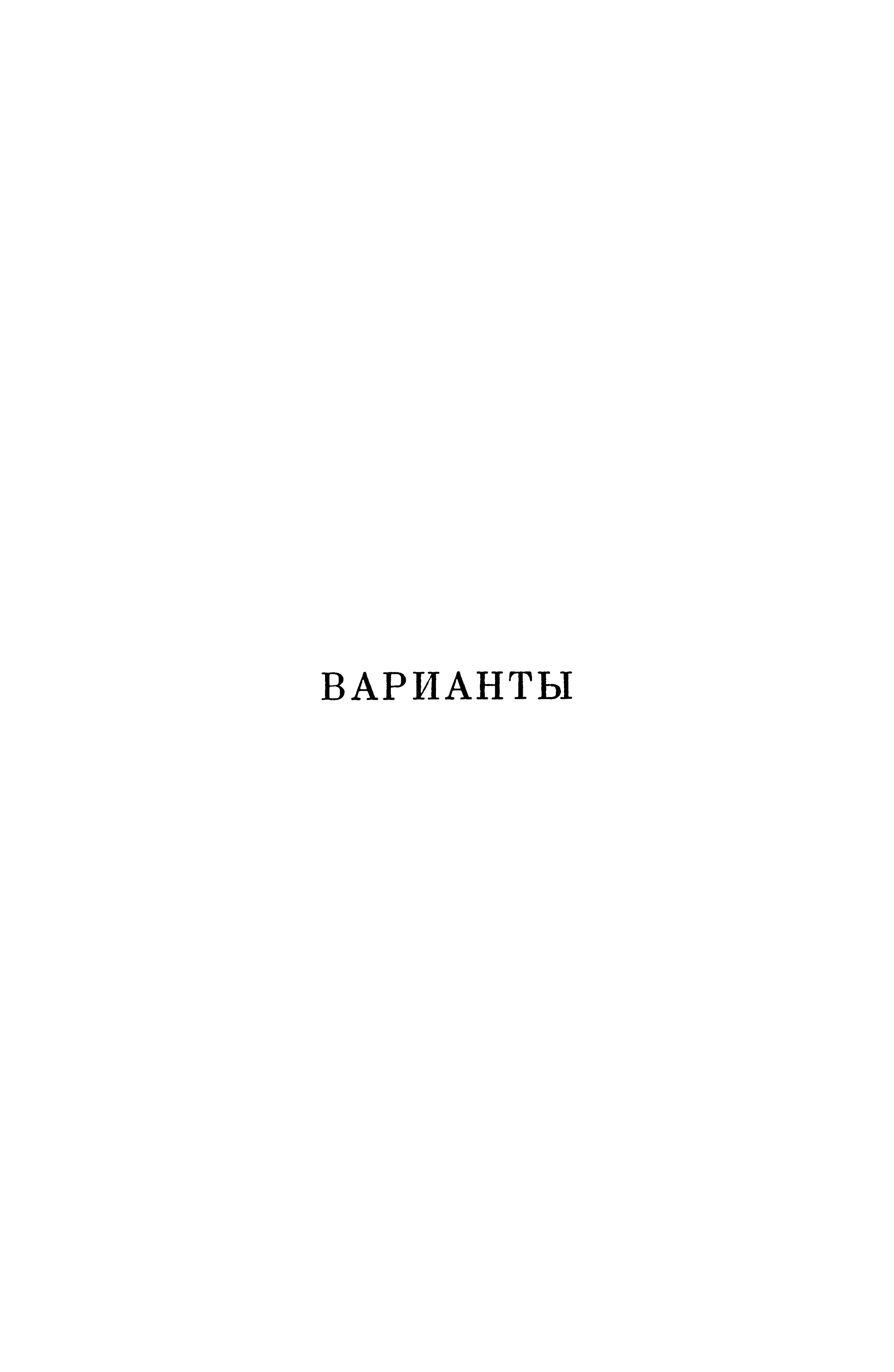
Общественная идея из нравственной. След‹овательно›, самосовершенствованию главн‹ая› роль. Да позвольте наконец, что такое идея гражданская вообще говоря.

Удивить.

---

[1] *Далее было*: маленьких

Я уже сказал, что с нравственн‹ых› начинается, с религиозных
Римское государство. Бог — под земл‹ею›
Компромисс
Одна в государство, друг‹ая› сохранила Христа.
и государство в церковь
Ваш идеал и мой. Ваш мельче, нам нельзя высказаться.
У нас шире
2 половинки
Меттерних.
Муравейник.

ВАРИАНТЫ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1877 год

(Стр. 5)

Варианты наборной рукописи (НР)

<Сентябрь—ноябрь, гл. III, § II>

Стр. 5.

14 Всенародной сильной поддержки / Народной поддержки
17–18 французские республиканцы / республиканцы
20 в прошлом столетии и в 1848 году / в 1793-м и в 1848-м

Стр. 6.

1 неудачники / несчастные
3 тот же узурпатор / «узурпатор»
4 в прелестный замок Вильгельмсгеге / в садах Вильгельмсгеге
5 садов / прелестных садов
7 ехидной усмешкою / злобной усмешкою
22 если взялись за него? *вписано.*
25 как захватили власть *вписано.*
26 и, однако / А между тем
26 что другое / что иначе
34 восстановление / учреждение
36 предчувствуя, что / видя что
37–38 и спереди был позор, и сзади стоял позор / и спереди позор и сзади позор
39 в некотором отношении *вписано.*
39–40 ибо не в таком совсем виде / В таком ли виде
41 Этот комизм усугубился еще более тем, что / *а.* И, однако же, они *б.* Этот комизм заключался, главное, в том, что ◊
42 несмотря ни на что *вписано.*
44 слуги отечества / сыны отечества
45 в том случае ∾ республикой. / если только она будет в форме республики.
46–48 есть и такие ∾ счастлива Франция / есть и таких несколько, которым и до формы нет дела, а только до Франции

Стр. 6—7.

48–1 (хотя вряд ли ∾ не больше) *вписано.*

Стр. 7.

4–5 Вот что было комично! *вписано.*

6 и губящее его *вписано.*
8 она станет / она вся успокоится и станет ◊
9–10 внешним мешающим обстоятельствам / внешним обстоятельствам ◊
10–11 злых людей / злым людям ◊
17 подобная старой *вписано.*
19–20 будут не в состоянии / не могли бы ◊
21 состоит в том / заключается в том ◊
21 будущая беда / грядущая беда
21 всё так же *вписано.*
22 *После*: как и прежняя — решительно неотразима и, как и прежняя ‹*5—6 нрзб.*›
22 заключается / состоит ◊
22–23 в исполнении ими ∾ кроме того, всё / решительно
27 всё от того же *вписано.*
29–30 последователь французской республики / французский республиканец
30–31 учреждению ее / учреждению французской республики
39 столь долго / целые уже века
42 внутренних сил / сил
44 теперь еще / потому что теперь еще
46 *После*: свою республику. — *было*: Ибо что такое республика?
46–47 Опять-таки повторю *вписано.*
48 могли бы захотеть в чем-нибудь / могли бы в чем-нибудь ◊

Стр. 8.

1–4 Во-первых, кто за ними ∾ их опять разобьют? / Ну что, если немцы их опять разобьют?
8 не слушай ∾ криков *вписано.*
9 *После*: войну — *а.* это значит идти против стремления страны *б.* [иди] пойди они против, не слушай новых голосов и криков
11–12 и сзади Седан и впереди Седан! / и впереди им грозит беда и ‹*6—7 нрзб.*› и сзади Седан и опять спереди Седан
13 еще не начинали думать / не думали
16 ведь должна понимать это / понимает это
18 презирала бы их / будет презирать их наконец
40 за возлюбленную свою / за их дорогую
44 *После*: подчиниться — и настоит на [серьезно] крутом перевороте во Франции?
45–46 маршал / он
46–47 в этой же самой стране / в стране ◊ *Далее было*: Мало того, слишком еще модно сомневаться, что восторжествует «законность» на предстоящих выборах, напротив, есть чрезвычайные шансы, что утомленная страна, убоявшись всяких дальнейших хлопот, примет с выборов в палату большинство мак-магоновское. В таком решении страны главным поводом будет то соображение, что маршал ведь всё равно не подчинится, если выберут ему противников, «законности», о чем и объявил уже в своем [необыкновенном] удивительном манифесте стране.
47–48 как и всегда ∾ во Франции *вписано.*

Стр. 9.

3 *После*: республики. — Но это вряд ли.
4 она / страна
5 рассчитает, где сила, и силе покорится / рассчитает, вероятно, перед выборами, где сила
6 страна / она
14 но тут же, сейчас же, прямо / но и прямо
20 таким языком / так
21–22 А потому ясно уже теперь / А потому [всего вероятнее] совершенно верно уже теперь ◊

22–23 в которой он совершенно уверен / *Начато*: в которую он, кажется
28 даже, так сказать, неповинных чувствах / благородных чувствах
37 *После*: характер этот — *было*: действительно, кажется, странный и
40 в опеке / в опеке, но в чьей?
40 все-таки / совершенно
42 убежден / уверен
42–43 не состоит *вписано*.
43 овладевшие им *вписано*.

Стр. 10.

1–2 Всё это, конечно ∾ их самолюбий. *вписано*.
6 вопрос: если / если
8–9 что сам ∾ их кандидатам *вписано*.
13 столь уверенный в себе / столь сильный ◊
20 с дочерью маршала / с его дочерью
20–21 таких особенных секретных комбинаций *вписано*.
22 *После*: что — *начато*: маршалу было
24–26 и если поддерживает ∾ как ему угодно *вписано*.
26 как ему угодно / в свою пользу
29 несколько лет / столько лет
31–32 К тому же это и военный человек. *вписано*.
36 а не он в их руках *вписано*.
42 те все-таки / они все-таки ◊
42 и успели скрыть *вписано*.
44 до времени *вписано*.
45 продолжится дело / продержится дело ◊
45–46 до тех пор ∾ цели / еще некоторое время

Стр. 10—11.

48–1 как можно скорее ∾ на Германию / готова была бы обнажить свой меч ‹*3—4 нрзб.*› избрание и идти ‹?› за папу

Стр. 11.

1–2 для этой-то цели / для этого
3 за кем / за кого
5 в способности объявить войну *вписано*.
7 маршала / маршала Мак-Магона.
7–35 Кстати, недавно еще ∾ не выскочит. *вписано*.
11 Слова эти могут / Это может
15 он ему / он его ◊
23 слову его / слову его не изменять республиканских учреждений
24–25 за спасение ее от демагогов *вписано*.
28 сохранит / сохранить ◊
36–37 предчувствуется появление ∾ католичества. *вписано*.
43 Я изложил эту мысль / Но каким образом [выб‹оры›] предстоящие [во] выборы во Франции и происки католичества могут так радикально повлиять на нашу войну с турками и породить всеевропейский переворот, вот вопрос. Я изложил эту мысль

Стр. 12.

5 (в печати) *вписано*.
8 подтвердивших мне / подтверждавших для меня
42 и последнее *вписано*.
44 заговорили / говорится

Стр. 13.

3 с лишком перед тем / с лишком тому назад
4 слово мое / слово
4–9 то есть что в заговоре-то ∾ римского католичества. *вписано*.
8 умирающего / издыхающего ◊

10–11 как будто не хотят ∾ вместо того / как будто не то. Всё еще как будто не хотят видеть [главного] главной сути дела, а вместо того
11 допустить / признать ◊
13 Но так ли / А между тем так ли
14 Наедине ли? *вписано.*
15 что мы вдруг очутимся / огромный поворот к всеевропейским событиям, так что мы уже явно и вдруг явимся
18 замечать ∾ настоящих / признавать в настоящих
19 откуда / почему эта
20 католицизм / он
21 Неужто всё из-за того только / Откуда такая «страсть», неужто только из-за того
23 и насущных забот *вписано.*
27 объяснить это / объяснить этот факт
28 *После*: и другие — и о которой я говорил еще два с лишком месяца назад ◊
28–29 есть твердый ∾ *заговор* / *а.* есть всемирный католический заговор *б.* есть [тепереш‹ний?›] европейский католический заговор
33–34 и не в одной только Англии / и не [в одной] в какой-нибудь Англии
34 несомненном всемирном *вписано.*
43 каждый раз с веселием / с веселием

Стр. 13—14.

48–1 Но кто теперь ∾ римского католичества / *Начато*: Самый же страшный враг католичества в настоящую мину‹ту›

Стр. 14.

1–2 то есть светской монархии папы? Бесспорно, князь Бисмарк. / то есть светского владения и земной монархии папы и воплотился в князе Бисмарке
2–3 в ту самую минуту / в минуту
3 в которую / когда
3–4 Германия раздавила / он раздавил ◊
4 главного тогдашнего защитника / [вечного] главного защитника ◊
4–5 и тем тотчас же развязала / *а*: *Начато*: и соизволил *б.* и тем тотчас же развязал ◊
5–6 немедленно и занявшему Рим / и тот тотчас же и вошел Рим
6–7 состояла в том, чтоб отыскать / отыскать
9 *После*: давно уже, что — *начато*: католиче‹ство›
11 идеи его во всех ее видах / *а.* идеи его древней во всех ее видах *б.* и идеи его, во всех видах, и древней и новой
13 *Слова*: понимает — *нет.*
15 самый / есть самый
22 послужит поводом / послужит и подаст само повод
22–23 будущему подъему / будущему раздору
24–25 римское католичество ∾ всех других / *а.* *Начато*: [сверх] первее всех *б.* первее и скорее всех других подаст именно ‹?› римское католичество. *Далее начато*: И берлинское пред‹видение?›
25–27 и что, стало быть ∾ в чем другом / и что в нем опасность
28 из естественного / из самого естественного
30 кроме всё той же Франции / кроме Франции ◊ *Далее было начато*: если только
34 страстно / адски ◊
35 живучесть / силы
36–37 светская папская власть / светское владычество папы
40 *После*: надобно жить — то ясно, что оно изо всех сил озаботится добыть себе меч, который бы защитил его
42 *После*: ясно — что в Берлине давно уже предчувствовали
43 Эта удобная минута / Минута

Стр. 15.

1 *После*: войной — которую взвалил себе сам на плечи, связан, сверх того, своими «неудачами», истощен, ослабел ◊
7 уже нельзя ему / нельзя
16 как же ему не спешить / надо спешить
17 *После*: мерами — и ударить на него войной
18 подвертывается *вписано.*
19–20 которых она ∾ теперь можно *вписано.*
20 даже целую коалицию / целую [католическ‹ую›] коалицию ◊
22 *После*: это всё. — Вот главная идея римского заговора.
23–24 Вот они и начали ∾ стала за них./ Но [надобно, чтоб и Франция согласилась] если так, то надобно, чтоб и Франция согласилась.
23 Прежде всего, разумеется, надо / прежде надо
27 но, опять-таки, повторю / а между тем
29 месяца четыре назад *вписано.*
30 во Франции *вписано.*
32–33 Тогда как невозможно и представить себе, чтобы / Моя же идея именно та, что
36 *После*: войны! — что непременно войны, что переворот этот был затеян вследствие огромного заговора католиков [создавшего‹?›], нити которого сходятся в Ватикане, действительно ‹?›
36 И увидите? *вписано.*
37 добьются своего, добьются войны / доведут свое дело до конца и добьются европейской войны
39 *После*: светской власти. — Но где же, однако, начало европейской войны? И что же сделали клерикалы, из чего можно усмотреть их [заговор] намерение, чтоб зажечь как можно скорее войну?
40–41 выбрали такую минуту / в такую минуту
46 *После*: путь — *было начато*: на котором

Стр. 16.

1 и клерикалы пока / клерикалы
6 *После*: с места. — Клерикалы и уверены, что он не сойдет, надежда их, как и маршала, на преданность легионов, и уж они не дадут маршалу сойти с бесповоротного пути, на который его поставили; для них, впрочем, всё равно: он ли, бонапартисты ли восторжествуют. Восторжествует тот — за кого будут [они] стоять легионы — вот как они решили.
10–11 а они уже ∾ по-своему / и чтоб они были тут
11 сбудется / будет ◊
11–12 они будут подле узурпатора / и что они будут тут
12–13 А если бы даже ∾ само собою / Затем дело даже без них пойдет само собою
13–14 *Слов*: благо ∾ поставлено — *нет.*
14 совершился бы только / был бы только ◊
16–17 *всякая государственная перемена* / государственный переворот
21 враждебного *вписано.*
21–22 несмотря даже на ∾ Но зато всякий новый переворот / А потому всякий переворот
23 до крайности взволноваться / волноваться
23 *После*: взволноваться. — И вот еще переворот не совершился, а он уже волнуется, рассчитал, стало быть, верно
23–24 И в какую минуту / И в какую минуту волнуется
25–26 соперник Германии / враг ему
26 Германии / ему
27–28 с самого начала / вот уже с начала ◊
30 должны рассуждать в Берлине *вписано.*
30 с своим будущим новым / с новым
35 значительных союзников / огромных союзников
35 как теперь, чтобы / чтобы ◊

40 если будут прогнаны республиканцы *вписано.*
42 *После*: возможности — *начато*: составить в свою по‹льзу›
46 одно маленькое обстоятельство / есть обстоятельство

Стр. 17.

5–6 начнет войну / подымет войну
6–7 Не начать войну ∾ уже навеки. *вписано.*
7 в 1875 году было / тогда было
8 на стороне Германии / на его стороне
10–11 *После*: Восточном вопросе. — *было*: А путешествие итальянского министра в Берлин накануне ожидаемых событий во Франции, вероятно, касается именно этих событий и сопряженных с ними ожиданий.
11 государство / нация
19 *После*: минуту — *было*: и сочувствуют русским
22 в каком / в котором ◇
24 католическая / клерикальная
34 *После*: в ближайшем будущем — Подавить или ‹*нрзб.*› совсем раздавить, когда это понадобится, во всем опередить ‹*3—4 нрзб.*› на это ‹*нрзб.*› с риску — одним словом, очевидно, что австрийское правительство
34–36 Всего очевиднее ∾ положении, но *вписано.*

Стр. 18.

5 уверена / уверена, кажется,
7 *После*: ближайшей политике! — Одним словом, положение политическое вовсе и вовсе не дурное.
8–9 А в дальнейшей ∾ ее мнения / Люди в ней нуждаются, люди ищут ее мнения
12 *После*: своей политики — на которую, конечно, она по благоразумию своему не решилась, а только ждет и высматривает, ждет внешних событий, взвешивает шансы: где выгоднее, [где] которая политика ее будет наиболее в интересах страны
12–17 которая никому ∾ политики Австрии *вписано.*
18–19 ждет новых интереснейших фактов / новых фактов
19 *После*: и, главное — всё это так близко, «при дверях» и так что, может быть, очень и очень скоро
19–20 в самом самодовольнейшем ∾ не волноваться *вписано.*
20–21 может быть ∾ решиться даже / придется ей решиться даже может быть
22 *После*: и уже бесповоротно — Как тут не волноваться!
27 *решительно неизбежны* / точно неизбежны
30 всех / други‹х›
31 моменты в жизни наций / моменты наций ◇
32 а сама судьба / а уже сама судьба ◇
35 Австрия *вписано.*
36 об этой самой своей *дальнейшей* политике / о своей возможной *дальнейшей* политике
37–38 факты не все еще ясно обозначились / факты еще не обозначились
38 она видит это *вписано.*
39 хочет войти / войдет
40 еще никому не известно / неизвестно
41–42 сидит и *думает* / ждет жадно, присматривается и *думает*
42 *После*: как ей не думать — Вопрос для нас окончательный
45–46 ей дать на него ответ!/*а.* решить его! и... ответить *б.* ей дать на него решение! ◇
47 Так как же ей / О, как ей ◇
48 *После*: восторжествует — ведь пожалуй что так

Стр. 19.

1 немецких / германских
1 никому не известно / никому *во всей полноте* не известно ◊
2 Как не быть намекам / как не намекать
3 сказано и *предложено*, чем только намеки / чем намеки
3 *После*: только намеки. — По крайней мере Австрия, уж конечно, теперь уверена [теперь], что роль ее на Востоке [уже теперь] обеспечена, может быть [ей и еще много кой-чего обещано, не на] даже и не на одном только Востоке. [Намеки были, намекам как не быть] ◊
4–5 Одним словом, подарков ∾ уверена / Одним словом, она уверена
7 *После*: *много*. — *начато*: А между тем в воображении ее может
9–10 вот что ведь всего приятнее! *вписано*.
11 я думаю *вписано*.
13–14 в самую последнюю роковую / в роковую
14 дипломатическим *вписано*.
14–15 и тем ∾ награду *вписано*.
18 ее потом гигант *вписано*.
18–19 сожмет, невзначай, разумеется / сожмет ◊
20–21 у ней ∾ векового ложа. . . *вписано*.
22 Хорошее / Гм, хорошее ◊
24 мелькнуть / мелькать ◊
24–25 самая, впрочем, фантастическая *вписано*.
26 может начаться даже нынешней осенью / начнется осенью ◊
29 успеют произойти / произойдут ◊
31 умрет к тому времени / уже умрет
33 возможность недоразумений и столкновений / недоразумения
37 к весне *вписано*.
37 будет занят / будет связан ◊
44 от ее флота / от нее

Стр. 20.

4 решено и подписано / есть
5–6 *Слов*: благоразумно сохранив за собой всю свободу решения — *нет*.
6 возьму да и *вписано*.
11–12 не очень уж бояться / не бояться ◊
13–14 то хоть и ослабит тем себя ∾ потому что ей / то разве лишь самую небольшую сравнительно часть, потому что ей
16 и Франция /и та
16–17 может быть ∾ первая *вписано*.
17 Германия / та
21 даже ух как более того / даже более ◊
21–22 и всего уже ей обещанного *вписано*.
27–28 о котором, сверх того ∾ клерикалы и *вписано*.
30 германские / неме‹цкие›
33 и почтительные *вписано*.
33–35 а затем, разумеется ∾ уже навеки. / *а*. а затем сдержать своих славян. . . *б*. а затем, разумеется, распорядиться уж навеки и с славянами ◊
36–41 Даже и в том, наконец ∾ страшных последствий. *вписано*.
41 Где лучше / Где выгоднее
43–44 радикальные вопросы про себя / вопросы ◊
44 в Австрии несомненны. . . / не могут не вырастать ‹?› у некоторых наций. Пусть это только мечта, но, однако, все взоры устремлены на Францию, и сознательно и инстинктивно. Все ждут, кто-то стучится, кто-то входит. . . но кто войдет? Войдет опять республика и спасена вся Европа, не будет войны, но если не республика, то кто бы ни стал на ее место, а война почти неизбежна, потому что станет только тот на место, с кем будут клерикалы и кого захотят они. А они захотят того, кто объявит войну.

В самом деле: фантазия или нет заговор католический? В ответ на этот вопрос всё разрешение задачи, всё предвидение будущего. Произойди во Франции переворот, и как бы мирно ни было настроено ее новое правительство, но будь при нем клерикалы — и война неизбежна, особенно если к тому сроку умрет папа. Всё разрешится скоро. Через несколько дней во Франции будут выборы, и очень может быть, что страна выберет республиканцев. Но это еще ничего не докажет, ничего не объяснит. Начнется лишь борьба, но чем она кончится, это [еще] неизвестно. . . Редко Европа переживала такую минуту!

Скажут: «Преувеличение, фантазия!» [Посмотрим!] [Дай] Отвечу [первый]: «Дай бог, дай бог, чтоб только фантазии!» Но, однако, посмотрим. А в двери все-таки кто-то стучится.

Стр. 21.

3 европейскую прессу / прессу
4–5 подтвердилось теперь / подтверждается
6–7 а теперь всего 29 сентября *вписано.*
11 написал в нем / писал там ◊
13 тогда еще / уже
14 назвали / называли ◊
16–17 да и заговора совсем не признавали *вписано.*
18 мнение от «компетентного» лица *вписано.*
24–25 который прежде всего / и что он прежде всего
28–29 ни в европейской прессе, и не думал об этих вещах заботиться / ни в Европе и не заикался об этом
32–33 в ближайшем будущем *вписано.*
33 недавно еще *вписано.*
35 Так что, пожалуй / Впрочем
35–36 я напрасно считаю / я напрасно так заране считаю
36 заранее устарелою / уже устарелою
38–39 роковое, страшное и, главное, близкое / роковое и страшное
40 очень многие / все
42–44 потому что все принимают ∾ в самом деле. *вписано.*
44 подойдут во Франции / произойдут во Франции

Стр. 22.

3–5 покажутся опять ∾ воображения. Опять скажут, что я фактам / покажутся опять [смешными и фантастическими] лишь измышлениями досужего воображения. Но почему же так? Я, кажется, говорил всё то же самое, что уже обозначилось фактами. То-то и есть, что опять засмеются на то, что я фактам ◊
–6 придал значение не точное ∾ *нигде им не придают* / придаю значение *мое*, фантастически преувеличенное
8 А для памяти, попробую / Попробую ◊
10–12 Делаю это для памяти ∾ этой же главы. *вписано.*
14 толпы / орды ◊
15 Когда же загорелся / Вместе загорелся
5–16 иезуиты поняли / орда поняла ◊
16 По намеченной / По определенной
24 битвы / борьбы и битвы ◊
26 в самом ближайшем будущем *вписано.*
31 короткое время / малое время
33–34 обратится в всеевропейский / обратится неминуемо в всеевропейский бой.
36 *После*: решение Австрии — *вписано*: над которою тоже трудятся клерикалы
40 *После*: волею провидения — *начато*: эта последняя вековая борьба как бы обратится, как бы станет
43–44 это предназначение / всё это

44–45 не признающими его, до последней минуты / не признающими его и даже с насмешкой, до последней минуты ◊
46 предназначенного / событий
47 это назовут / это будет ◊

Стр. 23.

2 *После*: нечего, если — *начато*: всё до такой
9 быстро / весьма быстро ◊
11 магометанский *вписано.*
14 *После*: людей — а главное, совершенно нового ◊
16 накануне несомненного и великого обновления ее. . . / перед несомненным и великим обновлением ее. . .
25 явится для всех глаз / пойдет
26 чем в какой тянулось всё накануне / чем представляли его себе накануне ◊
26–33 Даже теперь, например ∾ за границу и прочее и прочее. *вписано.*
38–39 почти на другой же день, как началось оно. . . *вписано.*
42 фазиса / вопро‹са›

Стр. 24.

1–2 новый человек, с новым словом *вписано.*
3–4 *Слов*: совсем новый ∾ старых человечков? — *нет.*
6 Ложь ложью спасается / Ложь ложью оправдывается
11 некоторым недоумением / одним большим недоумением
17 и славных / и великих
20–21 великой цели их / цели
21 прекрасными / славными
25 уничтожал / уничтожал под конец
29 сто тысяч / сорок тысяч
30 *После*: сражении — *начато*: хотя бы он
34 повествуется / именуется
34–35 в одно сражение / в несколько ‹?› часов ‹?›
35 могло происходить? / могло случиться? ◊

Стр. 25.

3 Понятно / Понятно, стало быть
6 подмечена / схвачена
10 глубочайших сторон / сторон
11 на каждой странице / сто, тысячу
14 *После*: в мире — *начато*: он обм‹анывает›
17 великого рыцаря / великого сумасшедшего рыцаря
26 вседовольному самомнению / печальному ‹?› сомнению
35 богатейшим дарам / великодушнейшим дарам
35 даже часто бывает / столь часто бывает ◊
36 награжден человек / награжден создавшим его богом человек
36 *После*: человек — *вписано*: могший бы даже осчастливить мир при их помощи
36 *После*: дара — *начато*: чтоб упр‹авлять›
37 всем богатством / всем остальным богатством
37 *После*: этих даров — без него оставшихся втуне
38 *После*: могуществом их — которым ‹*4—5 нрзб.*› может быть, осчастливить человечество.

Стр. 25—26.

41–2 что зрелище той злой ∾ верующее сердце его. . . / *а.* что зрелище судеб человеческих может [привести] довести много великодушных сердец до отчаяния, и самая картина судьбы столь великого и прекрасного существа ‹*нрзб.*› [хохот], может быть, лучшего из людей — картина, возбуждающая лишь непоборимый ‹?› смех над ним в людях, а не слезы отчаяния, и может довести действительно до отчаяния

друга человечества и озлобить сомнением целомудренное чистое сердце его. . . *б. Было начато*: той злой иронии судьбы, которая [выпадает] ‹*нрзб.*› столь часто обрекает благородных из людей и друзей человечества единственно за то, что те не сумели [столь часто ‹*нрзб.*›] [отыскать] прозреть истину и отыскать ‹*нрзб.*› верный путь всей деятельности. Это зрелище

Стр. 26.

2 Впрочем, я хотел / Впрочем, я всегда увлекусь. Я хотел
3 черту / черту в сердце человеческом
4 других таких же глубоких наблюдений / других черт
13 напротив / по-видимому
20–21 сердце благородного Дон-Кихота / *а.* сердце несчастного фантазера *б.* его сердце
24 излечился от своего помешательства и *вписано.*
28–29 великою силой любви / великою любовью
38 грубее и нелепее *вписано.*
43 и всё, опять-таки *вписано.*
44 нелепейшей / нелепейшей и фантастичнейшей

Стр. 27.

1–2 женщину, наконец, околдовавшую вас, *вписано.*
2 устремляетесь / идете
5–6 сами ∾ в нем / преувеличили и исказили в нем даже сами
7–8 единственно, чтоб сделать из него ∾ поклониться ему *вписано.*
10 и мешает жить ∾ вашей мечтой *вписано.*
14 поспешили поверить / тогда поверили ◊
15 *После*: первое сомнение ваше? — Наука, например, вообще говоря, основана на реализме, на ясных и точных впечатлениях чувств наших. Однако положительно можно сказать, что [во всякой] в иной современной науке может быть гораздо больше гипотез, чем доказанных фактов. Фактов у вас еще мало, их недовольно для вашего вывода, и однако, из совокупности их уже засияла блестящая истина. Вы бросаетесь на эту истину, вам она страшно понравилась, вы хотите объяснить ее, доказать ее, и вот придумываете новую блистательную гипотезу, в которой, может быть, всё ложь с первого до последнего слова, но которая, *пока*, так [блистательно] остроумно и хитро объясняет и доказывает вашу первую *истину* [так ослепительно проглянувшую из недостаточных еще для подтверждения ее фактов]. А между тем [эта] та первая, ослепительно проглянувшая из недостаточных еще для подтверждения ее фактов и вас соблазнившая истина, может быть, тоже ложь [*первая* ложь], а не истина, но [которая ослепила и поразила вас, привлекла вас к себе [и вы чтоб] до того, что вы] она вас увлекла, и вы, чтоб поверить ей окончательно, немедленно придумали [чтоб увериться в ней окончательно и] вторую ложь, и уверовали [в нее, пожалуй, еще пуще, чем в первую. . .]
19 в турок / в Турцию
22 но в то же время / но и там
22 про себя / смутно
23 в самом деле *вписано.*
24 правильного / более или менее правильного
27 что турки / что это
31 большую силу / силу
32–33 дальнейшего прогресса / прогресса
35 иные европейские *вписано.*
37 эта мечта / это убеждение
38 пессимистских *вписано.*
40 где-нибудь и в чем-нибудь *вписано.*

Стр. 28.

1–2 силою и здоровьем / силою, здоровьем и национальным могуществом
6–7 и которого постоянно боятся *вписано.*
8 Европы понять нас / им нас понять
9 всё это / хотя бы они и хотели того
9–10 до сих пор *вписано.*
10 А потому вреда не будет и теперь. / Вреда большого не будет даже и теперь.
14 *После*: стойкости — и доблести
15 ошибки / первоначальные ошибки
29–30 и как государственного организма *вписано.*
30 Но ведь кто так / Кто так
31–32 А им именно нужно ∾ общество. *вписано.*
32 *После*: Стало быть — сами эти ненавистники наши
33 во вред ∾ а коли так, то *вписано.*
33–34 не вред, а пользу / отчасти и пользу
35 Но вообразить / Теперь обратно: предположить
37–38 великого дела, за которое / идеи, за которую
39 Вообразить / Вообразить, наконец ◊
39–40 поняли наконец / поняли
40 для России *вписано.*
43–44 сплоченный весь как один человек ∾ с своею армией *вписано. Далее было*: и с своим государем
47 и явной уже *вписано.*
47–48 столь любезные им клеветы / *Начато*: распуска‹емые клеветы›

Стр. 28—29.

48–2 Нет, уж пусть они лучше верят ∾ что они тому верят. *вписано*

Стр. 29.

3 Но в Европе / Но, повторяю, в Европе
7 проповедовали / повторяли
9 турки / они
16–17 везде удержали наши главные позиции и *вписано.*
17 отразили турок / их отразили
24 что вооружены турки на европейские деньги *вписано.*
25 *После*: во многом — связала нас
26 с самого начала войны *вписано.*
29 помощи естественных / наших естественных
31 В довершение там состряпали / В Европе, наконец, состряпали ◊
32 *После*: карману — *начато*: но они так
33 с такою же плотью / с плотью
35–36 государственные *вписано.*
38 самими правителями / правителями
39 *После*: до единого? — *начато*: Разве можно признавать
39 Турки воюют *вписано.*
39 и поддерживая *вписано.*
42 разорителям и умертвителям / разорителям и убийцам
43–44 денег, поверили ∾ состоятельности! / денег?
45 признают / называют
47–48 силы такой / силы этой

Стр. 30.

3–4 вместе даже ∾ пар. *вписано.*
8 на словах / словесно
9 и теперь / и в настоящем
12–13 а многие ∾ не интересовались им / а кажется, многие не изучали его.
14 *После*: нельзя — нужны целые книги спора.
20 то есть вместе с царством Московским / то есть еще в царстве Московском

21 исконная идея / великая идея
22 признал / понял и признал ◊
34 *После*: другой организм. — *начато*: Но этому вер‹ят?›
36 *После*: европейцев — *начато*: да еще биржев‹ики›
39–40 взирающих и на Россию ∾ своего кармана / и взирающих на нее единственно о этой точки зрения
42 дальновидны / образованы ◊
42–43 кое-что вне своей сферы / иные идеи ◊
43 догадались / поняли
46–47 естественное *вписано*.
48 в руках ∾ биржевиков. *вписано*

Стр. 31.

1 обидных нам / унижавших
8 стали бы презирать / начали бы презирать невольно
8–8 соединением с народом ∾ живут нации *вписано*.
10–11 А впрочем, что ж я ∾ говорю! / Биржевикам бы надо, кажется, радоваться, что явилась и у нас всех соединившая мысль. А впрочем, что ж я учу биржевиков, что им выгоднее?
14 Несомненный удел / Удел
16 русские люди / люди
18 об всякой русской неудаче сердечно / об русских неудачах
19 и побед русских / и побед
27 *После*: поддразниваньем — Мы практически научимся недостаткам нашим не в одном военном деле
28 которые обратились ∾ забаву. *вписано*.
28 простую забаву / забаву
28 *После*: простую забаву — для людей с талантом и в казенную формальность для всех подражающих им, но уже бесталанных обличителей русской земли.
29–30 даже ∾ нашими лишь *вписано*.
33 случалось / бывало
36–37 интеллигентное общество / общество ◊
38 в разложении / *а.* в разложении мыслию *б.* в разложении духовно
39 *После*: самоупоении — *начато*: после Сев‹астополя›
40–41 новых молодых писателей / *а.* талантливых семинаристов *б.* талантливых новых молодых писателей ◊
42 возбудивших в нем *вписано*.
42 *После*: к их обличениям. — *начато*: А между тем эти талантливые и истинно желавшие добра молодые писатели положительно весьма мало знали и русский народ и русское общество, именно потому
43 к этим истинно желавшим добра / к этим талантливым и истинно желавшим добра ◊
46–47 а, между тем ∾ России / и воображавших себя спасителями России ◊ *вписано*.

Стр. 31—32.

47–1 мало того ∾ врагов России / немало даже истинных врагов России

Стр. 32.

1 под конец / даже
6–7 даже продажных / главное, продажных
10–11 а затем уж ∾ железнодорожники. . . *вписано*.
12 потому что несомненно / А главное, несомненно
14 не побоятся / А главное, главное, не побоятся
19–20 *Слов*: и в нем-то и будет состоять их главная точка опоры — *нет*.
20–23 Они не станут сваливать всех наших бед ∾ потому что это и покойно и ума не требует. / Они не станут сваливать на свойства русского человека и русской души такие, например, пункты, что биржевики и жиды обворовывали их, когда они там [полага‹ли?›] несли в жертву

жизнь свою за [то, что так возлюбили] русское дело, что [морили] изнуряли солдата [гнилыми сухарями и за что] плохим [провиантом] исполнением своего контракта, по которому получали по два миллиона в месяц выгоды, вместо того, чтоб по-настоящему платить по два миллиона в месяц штрафу. Не станут обвинять русского человека и за то, [что он не принес соломы] например (таких обвинений сто тысяч), что он не принес соломы для подстилки раненым в вагонах, в которых их препровождали в отдаленные госпитали с поля битвы. ◊

25 в этих ста тысячах ∾ обвинений / в том

31 *После*: корень зла — и решили наконец, что вся беда в русском человеке и в неблагонадежных свойствах его духа и характера, тем более, что оно и покойнее. ◊

35 ожидали / пророчили

38 отдавать свои головы / отдать жизнь свою

40 офицеров / высших офицеров

48 не для красы *вписано*.

Стр. 33.

3 в нашем войске *вписано*.

4–5 *После*: воинов — на этих сражающихся офицеров ◊

5–6 и бесчисленные другие / и другие

7–8 всеобщего, царившего наружу, *вписано*.

8–9 созерцая, с какой *верой* в свои силы проявился / созерцая картину, как доблестно проявился ◊

11 откуда тамошние ∾ отсюда же? *вписано*.

12–13 уже за настоящее дело / за дело

13 ничьих громких / громких

14 *После*: старых, старых слов! — Нет, видно старое надоело, хочется чего-нибудь посвежее, молодого и нового ◊

14–15 до сих пор *вписано*.

15 новые и *молодые* люди / новые люди ◊

21 *После*: между нами — может быть, даже в самом ближайшем будущем. ◊

22 Наконец-то падут / Падут

23 *После*: покажет — может быть, первая из народов

23 у себя *вписано*.

24 русского солдата / солдата

29 и в нравственном возвышении *вписано*.

32 сама ∾ подобающее ей место / сама теперь стала на свое место

34 какой высоты она / чего она ◊

38 а потому *эти* / *эти же*

41 своим появлением / своим поступком

41–42 только доказали / именно доказали ◊

42 много великих / много и еще великих ◊

‹Октябрь›

Стр. 34.

4–11 *Рядом с текстом*: По недостатку здоровья ∾ я узнал много нового. — *на полях помета*: Обыкновенным шрифтом.

6 прекратить мое издание *вписано*.

7–8 «Дневник» / мое издание

10 всех обращавшихся / тех, кто обращался

13 и во многом еще тверже укрепило / и во многом, чему я уже верил, еще тверже укрепило ◊

15 издание окончится / издание прекратится

16 *После*: до времени. — За себя я ручаюсь. — *и подпись*: Ф. Достоевский. — *Текст*: Авось ни я, ни читатели ∾ Ф. Достоевский. — *приписан позднее. Далее помета*: 2 и т. д.

17 II. / I ◊
27–28 факт ∾ который / факт чисто военный, тактический, на который
28 (а не ошибку) *вписано.*
28 военной наукой *вписано.*

Стр. 34—35.

29–1 не успел быть оценен в своей *современной* сущности / [и] не оценен в своей сущности ◊

Стр. 35.

1 угадывать / *а.* подозревать *б.* сознавать
2 почти никогда / никогда еще
3 до нынешней войны / и до сих пор
8 неминуемо / именно
7–8 подошел к национальному / пришелся по национальному
10 факт этот / факт этот, чисто военного значения
11 пожалуй, без турок / без турок ◊
15 и будет оценен по своему значению. / усвоится им и [да‹же›] вероятно произведет в нем некоторый переворот.
19 *После*: для нас — *вписано*: так сказать своими боками ◊
20 смысл его не выяснился / он не разъяснился
20–21 для нас вполне / вполне
23–24 *После*: военной ошибкой — *начато*: рокового же и неминуемого в этом факте
25 а не ошибка *вписано.*
35 тогда / то у нас
42–43 вышел в отставку и занялся литературой / и вышел в отставку
44 прежде меня / старше меня
44 *После*: меня — *начато*: Кауфман Туркестанский
45 *Фразы*: С младшим Кауфманом ∾ в кондукторских. — *нет.*
47 Из моих же одноклассных товарищей / Из нашего же класса

Стр. 36.

2 *После*: давно — но «Минувшее проходит предо мною».
6–7 средства и искусство / средство
13–14 все-таки никакой *вписано.*
14 и не должен был *вписано.*
18 *После*: может — *начато*: особенно при обстоятельствах
27 *После*: силы — истощит [эту] их силы.
38 *После*: Таким образом — *начато*: в инженерном
42–43 *После*: он, все-таки — (в научном смысле, разумеется)
43–44 *Слов*: при известном равенстве ∾ противников — *нет.*
45 (то есть опять-таки в научном смысле / опять-таки и, разумеется, в научном смысле, а не [в] практическом
47 после даже долгой осады их и *вписано.*

Стр. 37.

19 значение / вид
23–24 укреплений с прежними средствами защиты / укреплений прежними редутами, как под Бородином, и с прежними средствами защиты
36 в атакующих / в атакующих русских ◊
40 работ / укреплений

Стр. 38.

3–4 за своими насыпями *вписано.*
5 выяснилась наконец необходимость / сказалось необходимым
7 даже похожему / совершенно похожему ◊
13 когда он пойдет / когда он бросится сам нападать, то есть пойдет
18 (в этом-то и всё для нас дело) *вписано.*
21–22 *Слов*: (к чему даже и в Европе ∾ неспособной) — *нет.*

26–28 *Слов*: (если только ему дадут ∾ энергичный и гордый). — *нет*.
30–31 *Слов*: с теперешним ружьем — *нет*.
37 иной раз *вписано*.
38 для защищающегося *вписано*.
40–42 в другое любое ∾ инструмент. *вписано*.
43 *Слов*: если только ∾ от вас враг — *нет*.
43 Атакующему / Русскому

Стр. 39.

4–5 *После*: теоретически — отбрасывая всё случайное
24 действию / эффекту
28 в своих кабинетах / в кабинете
32 до нынешней войны / до сих пор
43 извинительно / позволительно

Стр. 40.

9–10 оценила бы ∾ значение факта / оценила бы она [факт] ◊
17 вначале, прежде опыта *вписано*.
19–20 могли не столь бояться его / за укреплениями
20 новое ружье за укреплениями *вписано*.
21 сильнее прежнего ружья *вписано*.
22 в этом случае *вписано*.
23 в европейских войнах *вписано*.
23–24 Да, с появлением ∾ не разъяснилось / *Начато*: Да, с новым ружьем и не такие
30 во всей полноте *вписано*.
30–31 *После*: прежде практики — а практики не было.
32 Франко-прусская / Последняя франко-прусская
43 в 1871 *вписано*.
47 тогдашние порядки / тогдашние беспорядки

Стр. 41.

4 у себя дома *вписано*.
8 выдвинуть / воздвигнуть
9 и до самого Седана не хотел верить, что он побежден. *вписано*.
13 с сумасшедшим / с бездарным и сумасшедшим
14 (как пишет об нем один историк) *вписано*.
16 на настоящее войско / на военные
17 не по вине, однако, Гамбетты. *вписано*.
18 да и не заботилось ∾ хотело покоя. *вписано*.
27 *во всей полноте вписано*.
30 когда Германия / если Германия
33 *После*: делается) — нам, например, потребовалось положить под Плевной страшно много жертв, прежде чем мы отбросили наш предрассудок) ◊
38 все свои силы ∾ у себя дома / все свои силы, то есть весь миллион у себя дома
40–41 (чего никогда не бывает) *вписано*.
41 хоть два / два и более

Стр. 41—42.

46–1 вообразите притом ∾ инженеров *вписано*.

Стр. 42.

1 пришлось бы / придется
4–7 *Заголовка*: V. Мы лишь наткнулись на новый факт ∾ Настоящее положение дел. — *нет*.
10 *После*: в *такой* полноте. — Он будет иметь огромное влияние на будущую тактику. ◊
20 с помощию его *вписано*.

21–22 то есть той именно армии, которая / в армии которых
22 вековой привычке / вековой и больше привычке
24 в одно существо / в одного человека
25 обратных друг другу *вписано.*
28–29 *После*: усилие атакующего. — *начато*: Но нельзя было
31 не вдвое и втрое / не втрое
33 усвоить скоро / усвоить раньше
35 опять-таки, никакого / никакого
45 (всего на всё) *вписано.*
45 ни солдата более / ничего

Стр. 43.

6 подавляющего численного превосходства / огромности
10 тем восполнил / сильно восполнил ◊
11 *После*: со всею Европой — этим прежним свойством французского солдата. ◊
14 и гениальный Наполеон / Наполеон
15 такую простую бы, кажется, ошибку / такую ошибку
20 некоторым национальным особенностям / национальному характеру ◊
20–21 наших войск / армии
26 в начале войны *вписано.*
31 *После*: в первый раз — [лишь узнали, как они сильны перед нами и что при нынешнем ружье и при шанцевом инструменте сила обороны превышает силу атаки, не так как прежде, чрезмерно.] Узнали они это вполне и на примере: Россия действительно должна была увеличить вдвое свои средства атаки, и Плевно сослужило свое дело султану. ◊
34 *После*: Осман — *начато*: которого, может быть
34–35 то есть ни одного солдата ∾ с собой увести / и ни одного уж солдата не увести
35 Затем / Тогда
38–39 без оглядки ∾ может случиться *вписано.*
39 значения / смысла
47–48 в самое горячее время *вписано.*

Стр. 43—44.

48–1 сильнейшего атакующего неприятеля? / сильнейшего неприятеля. ◊

Стр. 44.

1–2 шесть или семь / семь
5 расчета / приговора
7 с бесконечными вариантами / радикально
13–14 *такой* ошибки / ошибки (?)
19–20 ждет не одних политических выводов, но и научных / ждет научных последствий! Наконец и Осман, сослуживший столь большую службу султану, может отслужить ее весьма неудачно, попавшись весь и обратив свою Плевну в собственную западню. И на это все мы можем даже очень надеяться.
20–22 Одним словом ∾ Балканская же *вписано.*
26 детьми / сыновьями
29–30 набирают факты противуречащие *вписано.*
31 остаются почти непримеченными / остаются неизвестными, почти не перепечатываются
38 нравится такое сведение / нравятся такие известия
38 Ведь уж, кажется, такие / Ведь такие ◊
39 утверждать / оспоривать
41 *После*: народ в стороне? — Народ знает, что там царь и что дети и родственники его подвергают себя смерти во главе войск. [В ы-

нешний мо‹мент?›] Присутствие же царя посреди солдат удвоило силу духа их.
43 большинство этих фактов засвидетельствовано / все эти факты засвидетельствованы
45–46 *в римско-клерикальном* / клерикальном
46 *После*: *виде. . .* — [Может быть и старичкам нашим] Всё обнаружится, всё станет ясным, истина восторжествует. ◊

Стр. 45.

2–3 Самоубийство ∾ кто виноват? *вписано.*
4 русские газеты толковали / газеты во всей России говорили
5–6 во время заседания окружного суда / в суде
7 обвинительного над ним *вписано.*
7 А потому / Словом
8 что все / все до единого
9 об этом чрезвычайном и трагическом происшествии и / *а.* это дело *б.* об этом деле
10 смысл / смысл происшествия
15 очень охотно / даже охотно
16 происходит / производит
18 порядка / законного порядка
21–22 не подозревает того сам / не помышлял о том
21 подозревает / подозревал ◊
24 в такое общество, в какое и не ожидал / вовсе не в свое общество
25 *После*: книги — в утайке их
27 рублей имущества *вписано.*
33 об этом / о нем
33–34 почти неминуемое *вписано.*
37–38 бедную свою голову / свою бедную [несчастную] голову ◊
38 умертвил / поразил
39–40 ударом в сердце / в сердце
42 умер / умер честным
43 и в сознании своего / сверх того и в сознании своего
46 вышли / явились

Стр. 46.

3–4 нельзя уже теперь обвинять / несправедливо обвиняют
9 *После*: писали газеты — В Москве, говорят, провожали до могилы гроб.
12 преглубокая / пресерьезная
12–13 русской жизни *вписано.*
15–16 выровнявшиеся и создавшиеся / встречающиеся
17 молодых судов / судов
23 метко / тонк‹о›
26–27 А потому, если и скажу ∾ и «по поводу». / Мне уже нечего разъяснять теперь то, об чем так хорошо и без меня было сказано (но лишь в «Новом времени»), [а потому я скажу от себя] но я [скажу] прибавлю лишь вообще и «по поводу».
28–30 II. Русский ∾ джентльменом. *вписано позднее.*
32–33 потому что на всё ∾ природа. *вписано.*
37 это свойство / эта способность
41–42 это *представительность* ∾ себя широко. *вписано.*
43 его биографии / его прежней биографии ◊
45 *После*: говоря вообще — особенно при той частности, если он попал в высший слой

Стр. 47.

2 точь-в-точь / совершенно точь-в-точь
2 *После*: Гартунгом — единственно вследствие свойств его характера.
2–3 Человек, например, ничтожный / Человек ничтожный

4 попадает в высшее общество / попадает, например, в высшее общество, как бы там ни было
5–8 И вот у бедняка ∽ костюмы, перчатки. / И вот, не имея ничего, у него потребность кареты, квартиры, в которой «можно» жить, лакеев, костюмов, перчаток.
10–11 Тут какой-то в нем ∽ пересилить *вписано.*
11 порядочность / джентльменство
16–17 *После*: состоит она — *начато*: учат развитию потребностей, создают
21 их мало ужасно *вписано.*
27 требовавшим / *а.* ждавшим *б.* требующим
30–31 Увлекает ∽ слово *все* / Увлекают тоже очень русского человека *все*
40 замекал / указывал
47 мотать / тратить
47–48 Весьма многие из них / Обыкновенно они

Стр. 48.

1 *После*: в первые же дни юности. — Затем [«златая юность»] jeunesse dorée более или менее
3 и основание / и сверх того, так сказать, основание
7 многие из них / *а.* чуть ‹ни› большинство *б.* каждый
7 *После*: из них — *вписано*: или огромное большинство
8 в иную минуту / когда-нибудь
8 наедине / разумеется, наедине
9–10 Мы ничего не похищали и ничего не хотим / Я ничего не похищал и ничего не хочу
13 он способен / он может
14 *После*: почему же нет? — Она их в сберегательную кассу понесет, а я ей больше процентов дам, а взять всегда может обратно, без процедур и формальностей. Но он, впрочем, и не [думает] рассуждает о таких пустяках, ведь 10 руб. всегда отдать можно, и дело делается само собою.
14 весьма часто / во многих домах
15–18 Она почти член семьи / С ней шутят
17 передают / передают в иную минуту
18–19 да вот только дела-то эти ∽ об ней словечко замолвить / и совесть его мучит часто, слабее она становится с каждым днем, и давно ждет покоя, и только [на него] на генерала своего и надеется «как на бога», помня его обещание, «но ведь вот эти дела-то мои вечные, давно надо попросить Петра Константиновича, ведь она и правá все имеет, да вот эти дела-то, дела-то мои — Верденштюкер ‹?› этот навязался — завтра просто к Петру Константиновичу». Но, разумеется, он завтра же забывает, как и сто ‹?› раз прежде, и так каждый день во всю ‹?› жизнь ‹?›
22 как ее генерал *вписано.*
23 думает она / думает няня ◊
24–25 даже стыдится / даже и вовсе не смеет, вовсе стыдится
32–33 оставленный им на земле! *вписано.*
33 стыдно / стыдно и, главное, жалко
34 забыл думать / забыл о том думать *Далее*: Как досадно! Как досадно!
35 так как он / потому что он
36–37 осталась бы ∽ на земле / осталась без десяти рублей
37 и жалко ей их иногда, старушке / жалко иногда
38–39 самый как ни на есть ∽ барин / *а.* праведный был человек *б.* самый праведный барин
40 И вот что еще: / А ведь знаете,

Стр. 48—49.

48–1 *После*: Чего же думать? — Иван-то Петрович это же благороднейший человек!

Стр. 49.

12 *После*: общества — в высшей степени фантастический
13 передрягу / историю
15 в дело Гартунга *вписано.*
21 как оказывается *вписано.*
22 коли так ∾ заявил / коли прямо так торжественно говорит
23 у него даже *вписано.*
24 путаницей / трагедией
26 человеческих *вписано.*
27–28 Тут просто вопрос ∾ если б положил? / Тут брал руками или не брал, сомневаться ему невозможно.
27 клал в карман или не клал / положил в карман или не положил ◊
29 *После*: вот ведь что — *начато*: правда, ведь он
35 с другими! *вписано.*
38 *После*: есть разница — особенно, если взять все трагические обстоятельства жизни.
41–42 брать ровно ничего *вписано.*
44 и даже сопротивлялся. *вписано.*

Стр. 49—50.

48–1 не хотел ни украсть, ни попустить / не хотел украсть ◊

Стр. 50.

4 доносить / ни прямо намекать, ни доносить
7 он, может быть / он и про себя, может быть
8 в слабости *вписано.*
8–9 в добродушном попущении / в добродушии
10 которую он / что он
11 с тем и ушел на тот свет *вписано.*
13 убеждают его / убеждают ◊
13 в самом начале *вписано.*
14–15 потому что ведь ∾ не нужна. Они *вписано.*
20 убедить во всем / убедить
24 теперь про вексельную книгу и всё это *вписано.*
25 в мошенничестве *вписано.*
25–26 Эти «беспорядки Занфтлебена» / Беспорядки Занфтлебена ◊
27–28 так что Гартунг узнавал ∾ постепенно / Тут Гартунг действительно мог за честь опасаться: «Ведь, пожалуй, меня за вора сочтут!»
32–33 смеет ∾ пакость / может сделать всякую пакость
33 вполне узнал / узнал, может быть
36–37 компрометирующие его *вписано.*
37 *Слов*: насчет компромиссов и сделок. — *нет.*
44 с своей трагической развязкой *вписано.*
45–47 наибольшую ∾ судьба / симпатию, может быть, скорее всех [10 000] этих десяти тысяч, [а потому всех] Но не думаю, чтоб судьба
45 из всех этих десяти тысяч *вписано.*

Стр. 51.

2 *Слов*: Правда ли это? — *нет.*
5 Это уже вообще об нашем суде. *вписано.*
12 умный *вписано.*
13 образованный / образованный, широкий ◊
27–28 *После*: совершения им преступления — потому что оно непременно должно было быть совершено в эту минуту, а не в другую
36 *После*: подальше — господа присяжные
38 за покупкой провизии / за провизией

Стр. 51—52.

47–1 потрясла бы ∾ и заставила бы его / заслужила бы в десять раз более внимания, и граждански-сонливое общество наше невольно принуждено бы было тогда

Стр. 52.

4 О, мы знаем, что / Но положим

5–6 *Слов*: и годятся лишь ∾ с куплетами и карикатурами — *нет*.

17–18 во-вторых, что / во-вторых, [та] в том что ◊

21–24 вполне опровергать прокурора ∾ нелеп, подловат / не только опровергать прокурора, но и доказать, что тот глуп, подлец

25 этот самый человек / *а*. этот человек *б*. этот самый прокурор

29 по тому одному даже / потому лишь ◊

29 (опять психология) / (психологическая черта)

34–35 Собственный поджог ∾ на мысль. *вписано*.

38–39 если он уже очень ∾ несправедливости / тут же на эстраде от благородного негодования

40 как бы ни был он благороден *вписано*.

43–44 всё, что я говорю, — карикатура, одна карикатура / [положим и] это карикатура ◊

Стр. 53.

7 уверен / уверен и спокоен

11–12 они уже знают, так сказать, механически / им уже ясно ◊

18 чем самому обвинителю / чем обвинению

18 опять-таки / решительно

28 в иных привычках / в допущении и развитии иных привычек

29 у Европы *вписано*.

30–31 Я вот ухожу домой / Да и то ‹?› одно, я вот просижу до приговора и уйду домой

42–43 Куда же тут человек-то ∾ цивилизованный? *вписано*.

Стр. 54.

1 будет собираться / собирается

1–2 на созерцание ∾ пути *вписано*.

5 этой публики *вписано*.

7 лишь бы / только чтоб

7–8 Тупеет гуманное ∾ обморок. *вписано*.

16 уже во всем *вписано*.

17–18 блистают этими дурными / должны наиболее блистать дурными ◊

21 защитники, если бы захотели / защитник, если б захотел ◊

23 им / ему ◊

27 в крайности / в ожесточенности

30 *После*: *тем даже и лучше*». — *а*. Но ведь и теперь, например, случается, что прокурор отказывается от обвинения и даже *защищает* подсудимого, редко, но бывает. Правда, к чему тогда нужны будут защитники? [Им] Да и платить будут им гораздо меньше. Так что действительно это только пустые мечтания и возможны только тогда, когда у нас крылья вырастут, но ведь тогда и преступлений и судов не будет *б*. Так что все эти утопии возможны разве тогда, когда у нас вырастут крылья. Но ведь тогда и судов, пожалуй, не будет.

32–33 заменится. . . просто правдой / изменится. . . просто в правду.

34 отыскание истины / отыскание правды

36 Но все эти / Конечно все эти ◊

38 не будет / вовсе не будет ◊

Стр. 54—55.

43–13 *Вместо*: «Третьего дня ∾ от подобных злоумышленных слухов». — *помета*: (Вырезка № 1. Петитом).

Стр. 55.

14 заметило по этому поводу / заметило им ◊

18 Излагаю / Припоминаю

23 какие же / какие бы ◊

23–24 о которых упоминают «Моск‹овские› вед‹омости›» *вписано*.

25 окраинах / окраинах особенно

Стр. 55—56.

27–23 *Вместо*: «В „Morning Post“, от 22-го октября ∾ появление статей „Dziennik polsky“ и „Morning post“» — *помета*: (Здесь выписка № 2. Петитом сплошь.)

Стр. 56.

34–37 *Рядом с текстом*: «. . .настойчивая в настоящее время ∾ на нашей западной окраине». — *помета*: петитом.

47 этой партии *вписано*.

Стр. 57.

2 все эти небылицы, несомненно / всё это несомненно ◊

14 к бойкому перу *вписано*.

18 напишет / сделает ◊

20–21 И хитрые наши римские клерикалы / И клерикалы ◊

23 *После*: как бескорыстно! — *начато*: Ведь вот, кричит он, что у России у самой рожа крива и не имеет

24–25 что Россия ∾ освобождать славян / что у России у самой рожа крива и что права она не имеет освобождать болгар.

32–33 *После*: заговорили в тоне ∾ за границей — *начато*: говоря таким тоном

37–46 *Рядом с текстом*: «У нас, говорят они ∾ из статьи Костомарова). — *помета*: Петит.

Стр. 58.

1 в «Новом времени» *вписано*.

2 заискивания / *а*. требования *б*. извилистые заискивания ◊

8 Рассуждениями / фактами

6 Старой Польши *вписано*.

19–20 поляки Старой Польши / поляки ◊

21 знать про них / знать ◊

27 все ее фантазии *вписано*.

32 с огромными / с [чрезвычайно] большими

42 от русских / от своих ◊

43 *После*: сами — *было*: говорит им «Новое время»

43 не будет / не будет более ◊

Стр. 59.

8 эмигрантов / их

10 представьте себе / они воображают ◊

13 знатных мест и отличий / мест во главе России и отличий

15 беду / гибель

17–18 Но на чистых сердцем ∾ они рассчитывали. / О, разумеется, они нашли чистых сердцем сторонников.

21–22 приобретать русские перья *вписано*.

30 злоба, обманутые надежды / яд злобы обманутых барышнических надежд

30–31 Такова статья / Такова была [презренная и страшно неумная] статья ◊

32–33 валяют / напишут

36 польскому *вписано*.

38–39 под предлогом, что это ∾ агитатор. *вписано*.

Стр. 60.

2 а просто как о курьезе. *вписано*.

8 услужили ей / люди тупые и невежественные услужили России.

10–37 *Рядом с текстом*: «. . .Что такое начудил г-н Иловайский ∾ с негодованием». — *помета*: Петит.

40 имела / будет иметь

51–52 какой человек ∾ необразованный / какой человек [честный или нечестный человек] это писал, образованный или необразованный ◊

Стр. 61.

6–7 *Слов*: в высшей степени подтверждающая ∾ для агитаторства? — *нет.*
7 *Слов*: скажут они — *нет.*
9 истину *вписано.*
14 держать / иметь
18 направленных против Австрии *вписано.*
23–24 интересы России / Россию
26 никем никогда / никем ◊
29 выражаетесь / говорите
33–34 после вашего-то поступка *вписано.*
34–36 *Слов*: столь явного ∾ швали — *нет.*
43 и русские / Россия
47–48 *Слов*: а не та, которую вы желаете. — *нет.*

Стр. 62.

2 *После*: домогательства — *вписано*: Ведь уж это такая нация. ◊
6–7 Нам нечего давать на себя векселя. *вписано.*
9 больше / гораздо больше ◊
11 выходками / статьями
11 как / как, например
12 поддерживалось / ходило
15 Вот тогда-то и возрос ее тон. *вписано.*
16–17 10 000 человек английского войска, высаженные / 10 000 английской армии, высаженной
20–21 *Слов*: тогда как этого ∾ ложь — *нет.*

‹Ноябрь›

Стр. 63.

5 малоизвестное *вписано.*
9 отведу / посвящу
10–11 начинаю с этой мелочи ∾ ноябрьского выпуска / начинаю с первой страницы
11 откладывая / *а.* рассчитывая *б.* оставляя
14 приходилось откладывать / откладывал
18–19 и изобретено в Петербурге / изобретено и употреблено, употребляется лишь в Петербурге.
21 *После*: звуки его — так своеобразно и оригинально
24 не могу выразиться / я не могу сказать
27 Означает / Значит
31–32 мог бы быть назван / мог бы назваться

Стр. 64.

3 особого рода *вписано.*
6 ясно отличается / слышится
7 *После*: угрожающий — много [слов] [возглас] трескает от слов, напускного гнева или не напускного, а просто по глупости.
8 осведомляетесь / спрашиваете
12 не нашел бы / не получил бы
13 а только презрение / именно из-за презрения
13 потому что он лишь «стрюцкий» / «стрюцкий», дескать, и всё
23 думается ∾ деньги / кажется опять, что человек, имеющий капитал
26–28 Но если у него есть ∾ попасть в стрюцкие. *вписано.*
29 не могущий нигде ужиться и установиться / вздорный
31–32 и всего чаще ∾ любит быть обиженным / и любящий быть обиженным
32 призыватель / зватель
34 презрительный смех / хохот

40 словцо / слово ◊
41 если еще не перешло. *вписано.*
42 другие писатели / другие
46 в дрянном гневе / в вздорном гневе
46 дрянных людишек / вздорных людишек

Стр. 65.

1 часто всё и различие / всё и различие ◊
2 благо слово готово и *вписано.*
2 соблазнительно / соблазнивались ◊
3 его народ / это слово народ ◊
7 *После*: довольно недавнее — *начато*: при Пушкине оно
8 существующее *вписано.*
12 в диссертациях / *а. Начато*: в естественных *б.* в диссертациях по естественным наукам
12 в философских книгах / в философских даже книгах ◊
13 *После*: рапортах — штатских и военных
14 в отчетах *вписано.*
15 все употребляют. *вписано.*
25 в конце 45-го года / в конце 45-го или в начале 46-го года, не помню
28 летом ∾ с Белинским *вписано.*
30—31 *Слов*: у которого работал в журнале — *нет.*
32 эту новую повесть «Двойник» / эту повесть
34 Повесть эта / Чтобы кончить с этой повестью, скажу, что она
34—35 была довольно светлая / *а.* светлая, ясная *б.* довольно хорошая ◊
35 *После*: идеи я — *вписано*: по крайней мере
45 (чего почти никогда не делывал) *вписано.*

Стр. 66.

2—3 того, что я прочел, похвалил *вписано.*
3 очень куда-то спешил / по неотложному делу, как выразился мне Белинский
4 Белинскому / всем слушателя‹м›
18 с громом и треском / без грома, без треска ◊
18 постепенно *вписано.*
18 удачно / метко и кстати, помню, что было употреблено не раз ◊
23—24 именно с тем, чтоб похвалить / и очень похвалил
28 он, верно / он конечно ◊
31 я начал / и начав ◊
33 едва при мне начавшиеся *вписано.*
35—36 тогда надо мной ∾ совсем новая жизнь / тогда было солнце, весна, новая начавшаяся жизнь°
44 *После*: всё же не я. — Пишу такое пространное [объяснение] изложение истории этого неважного словца хотя бы для будущего ученого собирателя русского словаря, [для будущего изыскателя Даля,] для будущего Даля
44 изобрелось / родилось и изобрелось
47 не помню / не знаю, не помню

Стр. 67.

2 самому, своими руками *вписано.*
3 от каждого из нас / с каждого
10 идя в общий расчет, до того мог уменьшить / шел в общий расчет и, могло выйти, так уменьшал
11 могли лишиться / лишались
16—17 щеголеватость / красоту
24—25 с перехода с темного / с темного ◊
28 и вставил в повесть / когда начал писать мою повесть.
29—33 Написал я столь серьезно ∾ для него одного и написано. / Описав в такой подробности зарождение и происхождение слова «стуше-

ваться», я думаю, тем устранил все споры о его появлении, если б таковые могли когда-нибудь произойти. Написал же такое пространное изложение истории такого неважного словца — хотя бы для будущего ученого собирателя русского словаря, для будущего изыскателя, для какого-нибудь будущего Даля, и если я читателям теперь надоел, то зато будущий Даль меня [очень] поблагодарит. Ну так пусть для него одного и написано. ◊

33–40 *Текста*: Если же хотите ∾ в особой статейке. — *нет*.

Стр. 68.

1 на них вовсе / [вовсе] на них совсем ◊

2–3 лишь, походя *вписано*.

3 *После*: долга — ‹*2 строки нрзб.*› отношения, где вы видели себя, воображая, что [сюда] в Европе еще

5–10 в них верит ∾ Умы же передовые / верит им. Ограниченные разве люди и только умы передовые

17–18 а в сущности не цикл, а хаос обрывков / этих обрывков

18–19 чужих недопонятых мыслей ∾ привычек / мыслей, выводов, взглядов, которые мы в это время себе усвоили

19–21 самых европейских ∾ и только слов / трескучих и эффектных слов с чужого голоса.

22 Объяснить всё это / Но объяснить это

23 русским лакейством мысли перед Европой *вписано*.

24–26 но высшая причина ∾ перед Европой / но тут скорее русская деликатность, чем прямо лакейство

27 ведь это, пожалуй / ведь это

27 что и лакейство *вписано*.

29 о которых заметил выше *вписано*.

29–30 *После текста*: и не говорю: этим — *внизу страницы на полях начата фраза*: говорить про такие дела

30–31 и никогда не бывало / да и никогда не было

33 англичанин *вписано*.

36 порабощенных / покоренных

42 чем это произнести *вписано*.

43 не то что перед Европой, а перед самим собой *вписано*.

44 по-русски и у русского *вписано*.

46–47 Да мы еще ∾ у нас еще рожа крива / Да у нас самих «рожа крива»

47 *После*: человечество» — да как мы смеем!

Стр. 69.

5 пожалуй, так сочинять / писать

8 не без гордости *вписано*.

10 *После*: дальше пошли — *начато*: Что до европейца из руководящих плутов, так тот прямо скажет, в параллель Гладстону: нынешняя война есть величайшее

10–12 кто у нас из трезвых умов ∾ говорит не стыдясь!» *вписано*.

10 умов / европейцев

12 *После*: не стыдясь!» — Чудаки англичане! ◊

13 Как это всё назвать, господа? / Ну вот это всё как назвать?

15–16 в европейском ∾ деликатность / много тут значит деликатность

17–20 хоть и чужой ∾ но всё же чести, — людей *вписано*.

22 а не лакейство *вписано*.

24 наверстаем / возьмем

26 дескать / это

29 положим *вписано*.

37 завели бы / зашла бы

37–38 в дамском своем комитете *вписано*.

38 поверьте, что *вписано*.

39 у нас дойти / дойти ◊

39–40 и предположение это вовсе не фантастическое *вписано*.

40–41 эти дамы, я думаю / они бы
42 милочки *вписано.*

Стр. 69—70.

48–1 возможность ∾ обратившаяся в действительность *вписано.*

Стр. 70.

4 потребовали / требуют
5–6 очевидец *вписано.*
6 с Кавказа, что *вписано.*
19 и пашам кареты подать *вписано.*
21–22 когда увидели ∾ неслыханные / при взгляде на те
24–38 *Рядом с текстом*: «Все пленные рядовые ∾ с нашими воинами. . .» — *помета*: Петит.
39 То есть мы, собственно, ничего / Ничего мы
41 *После*: мнением — *начато*: но ведь это
43–44 Отметил я его в / Беру его из
45 писанного с театра военных действий, но куда, не знаю / писанного куда, не знаю ◊

Стр. 70—71.

48–13 *Рядом с текстом*: „Около свиты ∾ пробковому шлему“» . — *помета*: Петит.

Стр. 71.

17 с детства *вписано.*
17–18 водевилей, я думаю / *Начато*: водевилей всего б‹олее?›
20–21 не всё же ∾ порядки / *Начато*: могут быть др‹угие›
26 обозначили его особым словом / обозначили его ◊
29–30 Придворный, например, английский этикет / Придворный этикет
31 этот англичанин / он ◊
31–32 то, конечно, слишком мог научиться / то слишком научен ◊
32 того уже, как / того, как ◊
34 обязан / должен ◊
38 как изложен анекдот / как изложено в факте ◊
43 вы герои / больше, вы герои
48–49 высшего типа человек, чем вы / высшего типа людей, чем вы ◊

Стр. 72.

2–3 без которой русский ∾ как я. *вписано. Далее на полях запись*: говорит гово‹рит› говорит
5 все-таки / я все-таки ◊
7 дрожит / задрожит ◊
14 можно было / надо было ◊
21 нельзя было, может быть / нельзя было ◊
34 оружие и всё необходимое / всё необходимое ◊
39 Чего вы трусите? *вписано.*

Стр. 73.

1–2 пользуясь случаем, указать / показать ◊
8 заявить / сказать
12 Это были горячие голоса / Опять таких немного было, но были горячие голоса ◊
14 обладатели голосов этих / голоса эти
15 как известно всему миру и особенно нам *вписано.*
20–21 умирающее с голоду / умирающее, конечно, с голоду ◊
26–27 в довершение всего ∾ церкви / наконец, три церкви
28–29 мгновенно *вписано.*
29–30 и кровь обиды залила их щеки *вписано.*
31 почти на коленках / на коленях

31–32 стоят на коленках / стоят на коленях
32 даже / они
32–33 Это нам-то! *вписано.*
37 где-то там *вписано.*
38 бросаете все дела ваши / бросаете всё
42 Любите вы иль даже не очень любите / Если вы очень любите

Стр. 74.

8 и зажиточный *вписано.*
13 до сих пор *вписано.*
14 Это и теперь еще утверждают. *вписано.*
17–18 у себя дома ∾ по-русски не понимает / и дома у себя, где Европа не видит, возьмем свое.
18 и не смотрит / и не смотрит в конце все-таки
20 они *наши.* *вписано.*
22 потому что я ∾ власти не имею *вписано.*
30–31 за тяготу ∾ европейской деликатности / за неловкий мундир европеизма и деликатности
32 с этими пылкими господами / с нами
34 врасплох подать / подать ◊
41 ему новые *вписано.*
43 вернутся / придут ◊

Стр. 75.

1 всё это было разграблено / всё это местами было разграблено ◊
5 после позора *вписано.*
11–12 одного из них вешать прочих, и он / вешать их тоже кому-нибудь из болгар же, который
19 наших / нас
22 своих / наших
23 обкраденными / обкраденных ◊
24 с вырезанными / с взрезанными ◊
29 не лишнею / не лишняя ◊
31 даже с французами / не только с турками, но с французами
32 меньше уважительным / меньшим
40 Такой сюрприз / Этот сюрприз ◊
42 этот самый ∾ в плен и *вписано.*
42 этот самый / этот же самый ◊
45 и страху нашему перед Европой / и страха перед Европой ◊

Стр. 75—76.

46–1 да и не вообразит ∾ вовсе. *вписано.*

Стр. 76.

1 Деликатный страх / Страх
3–4 рассуждает турецкий начальник *вписано.*
5 отрезать позволил / отрезал ◊
6 себя передо мною низшим / себя рабом передо мною ◊
11 до печальной с ними развязки / до печального конца ◊
18 всё продолжало оставаться / всё еще остается
20 имея в виду и впредь почерпать с нее / *а.* в которой они всегда могли почерпать *б.* чтоб всегда потом почерпать с нее ◊
22 в свое время / потом
25 то турки / то они
28 мудрые / [иные] [наши] мудрецы ◊
32 англичанин *вписано.*
37 почти ∾ (политически, конечно) / даже политически жалеет
40 как баранов *вписано.*
40 наше русское мнение / наше мнение ◊
42 *После*: можно — *начато*: вывести такое

42 с таким увещанием *вписано.*
40 турков / турок ◊

Стр. 77.

1 как Форбес *вписано*
2–3 английской *вписано.*
3 конечно, бы / может быть
6 *После*: Какое же — *начато*: у него родовое, кр‹овяное?›
6 после этого *вписано.*
8 Считаются / Считают ◊
8 Допускается / Допускают ◊
11 выразить / [говорить] выражать ◊
12 убеждения / слова
12–13 принужденный к тому политикой, «английскими интересами» / из политики, из «английских интересов»
13–14 Форбес ∾ на которого / это частный человек говорит, человек, на которого
17 причиною *вписано.*
22–23 займут ∾ грядущем человечестве / вырастут, внесут свое новое слово
24 западные люди / они
25 и допустить даже *вписано.*
27 сменить их *вписано.*
27 очевидно *вписано.*
28–29 совершенно новая ∾ удивление, тут *вписано.*
28 всем на соблазн / им на соблазн ◊
29 тут показалось уже знамя будущего / тут знамя будущего, а Россия гигант и сила
29–30 а так как Россия ∾ гигант и сила *вписано.*
30–31 не признать которую невозможно / не признать этого теперь им невозможно
31–33 и так как Россия тоже ∾ ненавидят теперь и Россию / А Россия ведь тоже славяне. О, как, должно быть, они ненавидят теперь Россию
33 *После*: в сердцах своих — даже в сердцах лучших своих людей, безрасчетно
33 безотчетно / часто сами не зная, за что
34–35 Именно тут инстинкт, тут предчувствие / Нет, тут инстинкт, тут именно предчувствие ◊
45 не существует / нет

Стр. 78.

17 хоть вместе с Россией *вписано.*
18 покровительства их от властолюбия России / покровительства от России ◊
18 заранее в точности *вписано.*
20 Но, однако *вписано.*
20 и теперь / только
21 опять не скоро / всё еще не так скоро
22 в конце концов *вписано.*
28 *После*: полному — *начато*: и которому я вполне
30–31 *После*: эти славянские племена — за освобождение которых Россия уже заплатила ‹*2 нрзб.*› кровь свою и которых она освободит наконец, и воззовет к новой жизни наконец ‹?› одна без Европы, и вопреки Европе, и даже рискуя европейской войной (не говоря уже о дальнейших ‹?› условиях ‹?› ‹*нрзб.*› о крови, о деньгах) и проч. и проч.
31–32 чуть только ∾ освобожденными! *вписано.*
40–41 к этому нам ∾ вперед *вписано.*

41–42 Начнут же ∾ повторяю / Начнут же, повторяю, они
45 в защиту от *России* / против России-то

Стр. 78—79.

48–1 властолюбия / честолюбия

Стр. 79.

2 *После*: так Россия — *начато*: проглотила бы их вместо
4 *После*: Всеславянской империи — *начато*: с утверждением ее основанной
6 Долго, о, долго еще они / Никогда они ◊
9–10 если эти идеи перестанут жить в нем *вписано.*
12 подъятую *вписано.*
15 я говорить не стану / я не говорю
26 научную и политическую / научную ◊
33 поймут / всегда поймут
36 люди эти / люди эти будут
36 явятся *вписано.*
42–43 даже не чистой ∾ европейской цивилизации / гонитель и ненавистник европейской цивилизации и даже не чистой славянской крови ◊
45–46 чрезвычайно утешать и восхищать / [страшно] чрезвычайно утешать и веселить ◊
47 извещающие весь мир, что / о том, что

Стр. 80.

1–2 *Слов*: какой-нибудь ихний — *нет.*
2 принять / взять ◊
8–10 *Фразы*: России надо серьезно приготовиться к тому ∾ в среде человечества. — *нет.*
12 неодолимо / непобедимо
20–21 даже и такие минуты / даже мгновениями и такие минуты ◊
21 почти уже сознательно / даже сознательно
22 восточного центра / центра ◊
23 великой влекущей силы / великой силы ◊
25 исчезла бы / исчезла бы и слилась
25–26 как исчезают ∾ капель воды / как несколько рассеянных капель
31–32 маленькой, смешной ненависти / ненависти ◊
33 не может быть ясен / даже не будет ясен
43 в этом стремлении / в этом желании
47 около себя *вписано.*
48 Доставив, напротив, славянам / Доставив им напротив

Стр. 81.

2–4 *Слов*: и объявив им только ∾ свободу и национальность — *нет.*
5 поддерживать *силою* / поддерживать вечно ◊
10 с детской *вписано*
11 *Фразы*: Все воротятся в родное гнездо. — *нет.*
14–15 *Слов*: с того и начнут ∾ освободительнице, и что — *нет.*
16 и в самом скором времени *вписано.*
19–20 *Слов*: творчество ∾ новые горизонты — *нет.*
21–22 что-нибудь произойдет / всё это произойдет
22–23 ста, например, лет / двух-трех веков ◊
31–32 Долго еще не поймут теперешние славяне / Никогда не поймут [они] славяне
40 этот организм *вписано.*
40–41 политическим насилием / политической силой ◊
41–42 любовью, бескорыстием, светом / светом ◊

Стр. 82.

1 бескорыстно ∾ благодарности *вписано.*

4 человечеству / Европе

4–5 не бывает никаких на свете / нет ничего на свете

11 *После*: фазис своего бытия. . . — Сделаю одно сравнение. Возьмите хоть птичье гнездо. Выведенные детеныши жмутся сначала под крылом самки, самец носит пищу. Но детеныши растут, укрепляются, выучиваются мало-помалу летать, и вот вдруг всё гнездо разлетается, разрушается единение, все они вдруг чужды друг другу. У людей это несколько иначе: [гнезду] оперившимся детенышам хоть и очень хочется разлететься в стороны (о, как хочется сначала, даже до ненависти к семье и старому домашнему очагу, если их полет будет чем-нибудь задержан), но сношения не покидаются всю жизнь. Но тут-то и бывают родительские ошибки. Есть родители, которые не понимают и не допускают в детях такой жадности стремления бросить поскорее родное гнездо, чтоб испробовать свои крылья, и, даже отпустив детей, они требуют от них частых писем, почтительности. . . Но почтительность уже не любовь и не свободная любовь. Иногда это требование почтительности, благодарности окончательно раздробляет семейство, наполняя сердца детей нетерпением, насмешкой, а пожалуй, так и ненавистью. Гораздо лучше поступят те родители, которые снарядят детей в путь, помогут им и пустят их [в путь] вон из гнезда, не обременяя их требованиями почтительности, не напоминая им о благодарности. Будь хоть какой угодно гений и самостоятельно сильный характер оперившийся и улетевший из гнезда птенец, но всё же ничего не знает в жизни, вылетая из гнезда, а потому скоро почувствует и тягость, и усталость, и разочарование, и вот тут-то он вспомнит непременно о добрых родителях, о том, что любят его они бескорыстно, всегда и до сих пор, и вечно будут помогать ему, а между тем никогда-то не досаждали ему укорами, попреками за неблагодарность, за забвение их, за непочтительность, любили его, терпели и ждали его молча. И вновь всем сердцем воротится в гнездо свое улетевший из него птенец и [вновь] во второй раз и уже навеки соединится, создастся опять семейство, дитя признает вновь родителей и прильнет к ним, а родители как бы вновь приобретают его. Вот такою-то матерью, ожидающею, когда вновь соберутся около нее разлетевшиеся еще детеныши, пусть и будет Россия в отношении к славянам. Зачем нам их почтительность, зачем нам их благодарность? Зачем добиваться политического влияния и опекунства над ними ‹?› Не пугайте их, ободрите их, и они сами прильнут к России и поймут то, что движет ее сердце. Ведь и без того не могут они отстать от нас. Ведь славянский вопрос дело не выдуманное, а естественное. Ведь без нас им и жить нельзя. Все естественное должно завершиться само собою, тою непреодолимою силою, которая живет в нем и движет его. ◊

18–19 даже большинство наших политических газет / почти все наши политические газеты

21 в размерах этих усилий / в тех размерах и пропорционально этим усилиям

22 начинает признавать / *а.* признают *б.* начинают признавать тоже ◊

23 грядущих *вписано.*

25 *После*: внимая ей — есть и такие из судящих

25–26 если будет возможно *вписано.*

30–32 Есть люди ∾ вроде Карса. *вписано.*

33 не то что о Карсе *вписано.*

38 кроется / есть

40 была она / была она прежде

42 имеется в виду и проч. *вписано.*

43–44 становится ∾ полгода *вписано.*

Стр. 83.

2 роковые / страшные
3 должны формулироваться ∾ разрешения / должны разрешиться
6–7 Даже состав ∾ заключении мира / Даже название Европы, то есть что именно теперь значит Европа в смысле, например, вмешательства ее в нашу войну
7 теперь безошибочно *вписано.*
12 потом / ниже
12 зашла речь / сказано
16–17 ввиду теперешних ∾ событий *вписано.*
17 имеющих совершиться / грядущих
20 неясная и нетвердая глава / дурная глава ◊
24 Я, впрочем ∾ подробности. *вписано.*
27 например, прежде Краков / например, Франкфурт или прежде Краков
30 Н. Я. Данилевский / Николай Яковлевич Данилевский ◊
30 Константинополь / он
31–32 общим городом всех восточных народностей / городом всеславянским
32 народы / славяне
36–37 *Фразы*: И кто это будет ∾ равенство? — *нет.*
38 на *равных* основаниях с славянами / на равных с ними основаниях
39 народцу / племени
44 русскими *вписано.*
46–47 и кого захотим, еще сверх того / и кого ни захотим
48 не федеративное владение ∾ городом / не федеративное владение славян

Стр. 84.

3–4 равно Босфором и проливами *вписано.*
4 войско, укрепления и флот / войско и флот ◊
11 займет / возьмет ◊
16–17 владение Константинополем разными народцами / владение славянами Константинополем
17–18 разрешения которого ∾ надо желать / который, напротив, настоятельно должен разрешиться ◊
19 когда придут к тому сроки / нормально в будущем
21 все эти народцы / *а.* славяне *б.* все эти народы
21 перессорятся / перегрызутся
26 во всем славянском и восточном мире *вписано.*
27 единению славян *вписано.*
28 их / славян
28–29 *Фразы*: Спасение в таком случае ∾ за свой счет. — *нет.*
30 тогда восточным народам / *а.* славянам *б.* восточным народам ◊
33 жизни России / ее жизни
35 *После*: есть Россия — *начато*: Впрочем, нечего вперед
37 судеб / будущих судеб
39 оставим до времени / оставив ◊
39 общего / всеславянского
40 особенно для славян / для самих славян
41 заметим / скажем
44 ненавидеть и бояться / ненавидеть ◊
44–45 *Слов*: даже более, чем бывших магометан — *нет.*
48 до интриги / до интриг ◊

Стр. 85.

1 а может быть, упадут и до ереси *вписано.*
2–6 из-за национальных оскорблений и раздражений ∾ заметьте, что *вписано.*
6 *После*: Константинополем — не допустит ничего подобного
7 почти устранит ∾ вопросов *вписано.*

10 и столь явная ∾ Востока *вписано.*
10 владычица / охранительница
12–13 не различая их с славянами *вписано.*
15–16 *Слов*: то есть вовсе ∾ как люди — *нет.*
17–18 выпрыгнувших ∾ на свободу *вписано.*
17–18 из гнета / из-под гнета ◊
19 *Слов*: но даже просто согласие — *нет.*
19–20 есть, без сомнения ∾ будущего / это, без сомнения, лишь мечта далекого будущего ◊
20–21 новой единительной для них / всеединительной
21 именно тем ∾ станет / став
24 грядущего *вписано.*
26 всему восточному миру / ему его же
27 в сущности своей *вписано.*
29 Что же это ∾ православия? *вписано.*
29–30 Римское католичество / Католичество
33 *После*: и социализм — заставило его зародиться.
34–35 уже не по Христу *вписано.*
35 *После*: по Христу — которого отвергает
35 *После*: вне Христа — на основании науки.
35–37 *Слов*: и должен был зародиться ∾ церкви католической — *нет.*
38 Утраченный / Утраченный в Европе ◊
39–40 навстречу грядущему социализму / вместо грядущего социализма
40–41 вновь спасет европейское человечество / *Начато*: спасет его вновь и встретит грядущий ‹мир?›
42 Я знаю, очень многие назовут / Все, может быть, назовут
43 суждение / решение
43 Н. Я. / Н. Яковлевич ◊
46 и царем / и с царем ◊

Стр. 86.

1 перед ней еще *вписано.*
1 трудов / самоотречения
2 насаждения братства народов / материнской любви и братства народов
3 дорогим детям / любимым детям. ◊ *Далее было*: Мне прислал кто-то анонимное письмо, в котором он насмешливо глядит на будущую бескорыстную роль России среди славянских племен [Он] и указывает на Польшу. [Если] Писавший письмо — поляк, ему не верится в бескорыстие России. Он не может вообразить других отношений России к славянам, как завоевание, политическое покорение, уничтожение народных личностей. И однако, я, в октябрьском же выпуске моем, по поводу которого и написано было письмо, включил, что «Польша, освобожденная царем (от крепостного владения аристократии), Польша возрождающаяся, . . . несомненно может ожидать впереди, в будущем, *равной судьбы со всяким славянским племенем*, когда славянство освободится и воскреснет в Европе. Очевидно, мой анонимный оппонент и представить себе не мог такую Польшу, которая [бы согласилась] могла бы согласиться *на равную судьбу* со всяким славянским племенем. [даже и в свободе и независимости.] Низко, что ли, будет? Не правда ли?
4–5 дело, эта новая ∾ уже начались / дело уже началось ◊
9 до Константинополя русские / до этого
10–11 *равное на правах* владение / равное право владения ◊
11 *После*: народов и народцев — еще труднее устроить
15 народцам / народностям
15 для чего передать? / для чего? ◊
18 завоевательные / завоевательные и автократические
27–28 *Слов*: перст-то божий почему? — *нет.*
28–29 при этом новом существовании Турции *вписано.*

29 полнейшее / полное
29 на нее России / России на Турцию]
30 от России / от нее
31 Рассудите: владыка / Владыка ◊
34—36 *Слов*: продолжаемый ∾ близком будущем. — *нет.*
37 *После*: то есть что — *начато*: Турция для Европы
44—45 в столице православия гнилье турок / *а.* в Европе турок *б.* в православной стране турок ◊

Стр. 87.

4 говорит в одном месте своей статьи / пишет про это
5 *После*: русскими — нельзя сомневаться
7—8 заключение его ∾ в Константинополе / заключение его о необходимости на время турок ◊
8 тем не менее *вписано.*
20 решительно предпочтительнее / предпочтительнее
23 *После*: Константинополя — ([относительно] в отношении к европейской [политики] политике, конечно)
23 как теперь / чем теперь ◊ *Далее начато*: Г-н Данилевский говорит о
23—24 именно в эту войну ∾ к тому момент / в эту войну ◊
25 в этот момент / в настоящий момент. *Далее утрачена наборная рукопись к тексту*: II. Опять в последний раз «прорицания» ∾ князь Бисмарк, тем временем, понимает вполне (*стр. 87—88, строки 26—29*).

Стр. 88.

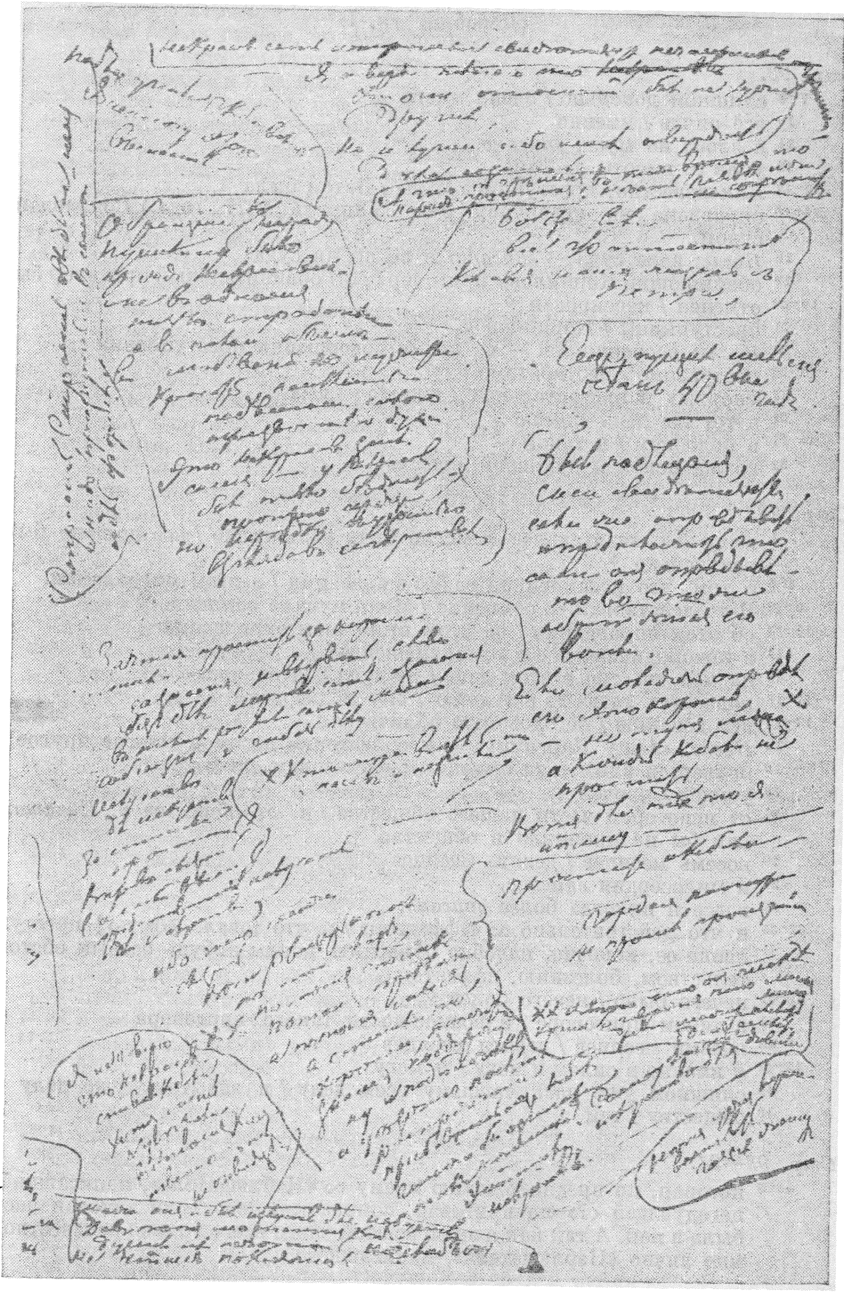
30—31 эта нация ∾ окончательно / даже республика в ней невозможна, что живет она лишь отрицательно, потому что нечем заменить ее, [что существов‹ание›] и потому, что республика не объявит никому войны, но что когда [что] республика ‹*нрзб.*› беспокойные классы пролетариев не удовлетворятся совсем, что из-за этого одного не верят ‹?› буржуазии, одним словом, Бисмарк видит, что [это нация] Франция есть нация разъединившаяся
31 сама на себя навеки / сама на себя ◊
31 и что в ней / в которой
32—33 здорового ∾ центра *вписано.*
33—34 Франции / ее
36 и римский *вписано.*
37—39 мало того ∾ внешнеполитически *вписано.*
39 *После*: внешнеполитически — и даже при чрезвычайном отсутствии внутренних единящих сил римского католичества с правителями Франции, с народом ее и с огромным большинством ее буржуазии.◊
42 за судьбы католичества / за католичество
43—44 то и собственное их существование / и существование их
44 *После*: стало бы невозможным. — Если б даже и оставили папу временно, легкомысленно и либерально, то все-таки принуждены бы были воротиться к нему.◊

Стр. 88—89.

44—17 Правда, сами-то они ∾ целой половины европейского человечества. / Правда, сами-то они, может, будут и неспособны понять это до самого конца своего и таким образом пребудут не только как протеже князя Бисмарка, но и как рабы Германии, лишив Францию ‹*нрзб.*› но и основной католической идеи ее, вырвав у нее из рук знамя всего романского племени. Недруги ‹?› ‹*4—5 нрзб.*›

Стр. 89.

18 *После*: князь Бисмарк — *начато*: как и другой могучий германец прошлого сто‹летия›
18 вероятнее всего *вписано.*
22—23 *Слов*: существования и борьбы за существование — *нет.*

«Дневник писателя» за 1877 г. Черновые наброски к главе второй декабрьского выпуска.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

<Декабрь, гл. I>

Стр. 92.

7—8 слишком довольно / очень много

10 всё опять / именно

11 в злобе на мужа *вписано.*

12 упав ∾ высоты *вписано.*

12—13 Как известно, преступница была / Затем была

14—16 оправдана на вторичном суде ∾ апрель 1877 года.) / оправдана судом.

18 *После*: зале суда — *вписано*: и во время суда

19 обвиняющий Корнилову приговор был/ обвинительный приговор был

19—20 отменен / кассирован ◊

21 преступницы / Корниловой

23 *После*: особенностей — во время совершения преступления

23—24 неотразимо / неотвратимо

27 упорных и настоятельных / ожесточенных

31 в тот же день *вписано.*

31 в подобном / в таком

32 гражданской и духовной *вписано.*

Стр. 93.

1 всего бы желательнее ∾ могло быть разъяснено / всё должно быть разъяснено ◊

4—5 о том, что несомненная ∾ без наказания / в этом оправдании.

9—10 Я-то действовал ∾ сомнение / Меня мучало сомнение ◊

12—13 об этом оправдании / об этом вторичном оправдании

14 в новородившейся / в новоявившейся

16 на мое участие в этом деле / на мою деятельность

17—18 подвергся тогда ∾ вестника» / ему подвергся

17—18 негодованию / негодованию обличителя

19 *После*: «Анну Каренину» — и солдатские песни и многое другое

19 подвергся злым и недостойным насмешкам *вписано.*

20 увидел / прочел

21 от некоторой части нашего общества / *а.* от общества *б. Начато*: как бы не проникло в общество

23 восемь месяцев / девять месяцев ◊

27 и милосердия *вписано.*

30 вовсе и никогда более *вписано.*

32—35 и что действительно ∾ «аффектом» / и что [стало <быть>] преступление ее, конечно, надобно объяснить каким-нибудь особым обстоятельством, болезнию, аффектом

40—41 нечего было / нечего более ◊

41 в таком приговоре / в возможности такого приговора

43 восьми месяцев / девяти месяцев ◊

43—44 я именно в силах и могу / я могу

45 слишком уже наскучившему всем делу / и забытому уже делу

46 обществу / тем

Стр. 93—94.

46—3 которая, по предположению моему ∾ «Наблюдатель», написавший / негодующей <?> на приговор, сомневающейся, если таковая часть была в нем. А так как я знаю из этой части всего только неизвестного мне лично «Наблюдателя», написавшего

Стр. 94.

4—5 Вернее всего то, что я / Вернее всего я ◊

5 никакими доводами *вписано.*

11 шло / идет

14–16 В таком случае ∾ фактам. / Во всяком случае уж, казалось ‹бы›, надо бы строго, серьезно и беспристрастно отнестись к делу

17 дела / дела самого, то есть процесса

17 *Слов*: о котором судит — *нет.*

19 не находился / не был

20–21 и при всем том / и всё это ◊

21 казни человека! / казни!

22 об участи человеческой / об участи человека

22–23 нескольких даже существ зараз / обо всей его участи

24 безжалостно, с кровью *вписано.*

28–29 она из темного люда, а потому беззащитна / она беззащитна ◊

29–30 то есть всё место ∾ Корниловой *вписано.*

42–44 *Текст*: Но г-н Достоевский ∾ к ним слабость. — *отчеркнут на полях Достоевским.*

45–46 *Слова*: оправдания жестокого обращения с детьми — *подчеркнуты и на полях отчеркнуты дважды Достоевским.*

Стр. 95.

51–52 *Рядом с текстом*: а один акушер ∾ состояния беременности — *на полях наброски*: *1.* Я многих обличал из тех, кто считали себя здоровыми. Они только после моего обличения стали считать себя больными. *2.* Вы слишком уж свысока со мной начали, Наблюдатель, так-таки прямо потому, что не нахожу слишком здоровыми людьми.

Стр. 96.

24 Вы представили / И вот вы представили ◊

27 мы / я

28 этот подмен / это

30 и не имели права *вписано.*

30 подробнейшим образом / подробно

31 сами / вы сами же ◊

31 берете на себя произнести *вписано.*

33 слишком ясно стало / потому что ясно было

38–39 *После*: преступление — убийство ребенка

39 *После*: из других мотивов — совсем из других причин

Стр. 96—97.

39–1 чем ненависть ∾ на суде и *вписано.*

Стр. 97.

5–8 (где живет много людей) *вписано.*

10 *После*: наказывали — розочкой

10 оба, и отец и мачеха *вписано.*

11 лишь, то есть очень редко *вписано.*

11–12 а «отечески» ∾ то есть *вписано.*

16–17 развитых русских *вписано.*

19 было / произошло

21 Никакой ∾ не было. *вписано.*

22 ей / ей и мужу ее

23–24 что шестилетний ∾ проситься *вписано.*

28–29 единственного случая жестокости *вписано.*

31 неуклонный / твердый

32 хотя, как видите ∾ прежних времен. *вписано*

33 (так сама она говорит) *вписано.*

37 жене своей / мачехе

38 обнаружившийся / обнаружившийся за все время

41 ребенка / его ◊

42 *После*: за окошко. — Да разве за то она выбросила его. Тут ребенок был ни при чем

42–43 даже за пять ∾ преступления / в эту ужасную минуту ребенок тут подвернулся
45 битье / дело ◊ *Далее начато*: Но ведь
46 *После*: случай — единичный случай
48 *После*: положительно) — *начато*: так как не могла
48 повторяю это / этот единичный случай, повторяю это ◊

Стр. 98.

5–6 то лицо, которое определилось на суде / то, которое оказывается
6–7 *После*: совершенная разница. — И в то же время вот это ничего не стоит: «Велика, дескать, важность». Но ведь дело-то надо прежде понять, как вы думаете, вы растолковываете его обществу, людям. Вы, конечно, смеетесь и тут: «Вышвырнула ребенка из окна, а они говорят, что хорошая мать была».
7 *После*: вышвырнула ребенка — повторяю я вам, не потому, что была злая мачеха, а совсем по другому поводу, не до ребенка ей было в ту отчаянную минуту ее, а ребенок только тут подвернулся.
10 поддерживаете такое лютое обвинение / его поддерживаете
17 сожаление и милосердие / справедливость, сожаление и милосердие
17 *После*: милосердие — которых, может быть, и достойна эта женщина
18 прочтя статью вашу / теперь
19 в глазах его эта мачеха / она в глазах его
22 беременная женщина *вписано.*
23 и загадочных *вписано.*
24–25 Справедливо ли ∾ человечно ли? / Справедливо это, человечно ли это?
29–33 *Рядом с текстом*: «Аффект беременности» ∾ в оправдании? — *помета*: Петит.
37 (и только ∾ впрочем) *вписано.*
45 при самом пристальном наблюдении моем / после самого пристального наблюдения моего ◊

Стр. 98—99.

46–2 Нескромности ∾ в чем дело. *вписано*

Стр. 99.

2 Муж / Он
9 никакого *вписано.*
11 Прибавлю / Я думаю, однако
20 вся и причина / всё и горе
22 даже слишком горячо / может быть, даже слишком
25 Бывают такие / Есть натуры
29 их назовут / [их] таких называют сплошь и рядом
39 начинались с ее стороны ссоры / [начались] начинались ссоры
40–41 недоумение как-нибудь окончательным разъяснением / дело разъяснением
42–43 Кончилось тем, что ∾ (у ней первой, а не у мужа) / Должно быть, под конец в ее сердце
44 *После*: любви. — Должно быть тоже, что эти новые чувства стали довольно сильны
47 стряпает *вписано.*
48 маленькие комнаты / маленькие комнатки ◊

Стр. 100.

4 своему мастерству / шить
7 начались / были
8 привыкшая / привыкшая, надо признаться
20 все эти два дня *вписано.*
20–21 На нее (на девочку) / На Катю

26 *После*: за кофей — Но вот девочка сидит за кофием, а мачеха вдруг на нее *пристально поглядела. . .*
37 Вот собственные слова ваши. *вписано.*
42 уже после ∾ отступления *вписано.*
44–45 Стало быть, обдуманно ∾ преднамеренно. *вписано.*

Стр. 101.

2 с высоты $5^{1}/_{2}$ сажен / за окно
5–6 если уж дело ∾ давно в уме ее / *а.* прежде если всё цельно, всё логично, то есть [обдумано] заранее было обдумано. *б.* если уж дело было замышлено и решено в уме ее ◊
6 та / она
11 и исполнив *вписано.*
16 мужу *вписано.*
23 отмстила ∾ мужу / извела бы ненавистного ребенка и отмстила мужу
25–26 наказать ее ∾ правосудию / отмстить ей, донести на нее
28 *После*: удовлетворение. — *вписано*: Сама зачем ‹?› погибла.
38 чувство в ту минуту / могучее влечение
40 сохраняя здравый смысл *вписано.*
42 сумасшествие / *а.* сумасшествие огромное, страшное *б.* было страшное что-то
43–44 всё предумышленно, без внезапности *вписано.*
47 и без внезапности *вписано.*
48 не вынужденное, а добровольное / не нужное и добровольное

Стр. 102.

4 защитником *вписано.*
6 омертвевшего / усыпленного
7–8 злобную, холодную *вписано.*
19 так написал / это написал ◊
19–20 этих слов / моих слов
20 только *вписано.*
23 лишь выразились / сказали
24–25 положительно / утвердительно ◊
25 что оно действительно было *вписано.*
26 *положительно вписано.*
27 такое рассуждение ваше / это
30 *положительно* ∾ на душу *вписано.*
30–31 были сильны и очевидны / сильны
34 болезненное / психическое ◊
37 естественно ∾ повлиять / повлияло
38–39 и это совершенно ∾ неужели же / неужели
40 явно / прямо
41 злодеяние / убийство
45 должен знать / должен больше других знать

Стр. 103.

4–5 *Вместо*: Один случай ∾ разъясняющий. — *Начато*: Один анекдот к
7 в этом деле окончательно *вписано.*
10 они, муж и жена, приехали / она с мужем приехала ◊
14 нечего восклицать / нечего Наблюдателю восклицать ◊
25 *После*: мечтала — (хотя была очень неразговорчива)
25 *После*: с ним — поласкать его
27–28 мало доверчивой / мало разговорчивой ◊
28–29 какою ∾ под судом / *а.* как Корнилова *б.* какою была Корнилова под судом ◊
30 *После*: с месяц назад — *начато*: когда я увидел ее, она
31 Корнилова / она
37 в своей статье *вписано.*
45 она / которая

Стр. 104.

2 имеющих грудных младенцев / с грудными младенцами
3 к этой женщине *вписано.*
4 *После*: характер — (несмотря на редкость и краткость свиданий) ◊
11–12 сообщил / сказал
17 со всею верою *вписано.*
22 прося у бога ∾ будущее / о своем будущем
22 Подобно тому / Так точно
25–26 не удерживаясь ∾ решительности / не удержавшись в мужественной и серьезной своей решимости ◊
27 *После*: женщина эта — жена его ◊
28 была потрясена, еще готовясь к суду / была поражена во все эти дни
29 последний роковой для нее / последний ужасный
30–31 *После*: уже, конечно — *начато*: только самый строгий человек, именно он, «пуританин», мог решиться
32 каплю отдохнуть / капельку отдохнуть ◊
34 показался / показался про себя
35–36 слишком уже прямолинейным *вписано.*
38 он именно *вписано.*
38 и много уже ∾ муки *вписано.*
41 если раскаяние ∾ в душе ее / *Начато*: виновная душа
44 *После*: в ее душу — [не посчитав ее] как бы не жалеющее ее
45 и возродившиеся ∾ чувства *вписано.*
48 нужны / надо ◊
45 такой, как ты / тебе
47 заметить / сказать ◊

Стр. 105.

1 что так / что это ◊
5 и рассказала / вдруг и рассказала
11 *После*: она — *начато*: работала
18 *Слов*: такой молодой — *нет.*
21 из России / из чиновников
21 служащих и аферистов. *вписано.*
29 сосланная мать / она
30 молодая / молодая и красивая ◊
33–34 со временем ∾ уверятся в ней *вписано.*
39 высказать / сказать

Стр. 105—106.

48–1 хоть бы до завтрава / до завтрава

Стр. 106.

1 а теперь накормил бы, дал отдохнуть *вписано.*
5 слишком уже / так
7 добру люди / добру
8 соблюдая себя / добрые люди
9 рассказ об этом / это
14 бояться за нее / дескать, за нее бояться ◊
14 бояться за нее и осторожничать / пугаться
16–17 Поймут ∾ это. *вписано.*
17 сообщаю / сообщил ◊
20 *После*: и теперь — еще месяц назад ◊
22 великому милосердию / милосердию ◊
22–23 «Аффекта ∾ не понимает. *вписано.*
31–32 *После*: теперь убежден. — Но что она действительная, действительная преступница, я все-таки согласен ◊
32 Ну, а теперь / Ну что ж
33 несомненно любила и *вписано.*
34 и одинокую / и одну ◊

36 падение-то в Сибири *вписано*.
37 скажите, что толку в том, что погибла / и вот жизнь погибла
38–39 возвратилась к истине / воссоздалась воистину ◊
40 *После*: сердцем. — *вписано*: И это для трех существ человеческих. ◊
43 *После*: Наконец — вы столь гуманны к детям, Наблюдатель, ◊

Стр. 107.

1 Враг ли я детей? / Я враг детей?
5 обращаетесь / обращаетесь по этому поводу
7–16 *Рядом с текстом*: «Надо иметь ∾ и тени устрашения». — И т. д., и т. д. — *помета*: Петитом.
19 иных людей / иные типы людей
36–37 слабую ∾ убитую / слабого жалкого ребенка, битого, поруганного и, наконец, убитого.
37 *После*: убитую. — *начато*: Ну и тут разу‹меется› красноречие, Англия, городские roughs ‹низы (*англ.*)›, детский вопрос, одним словом, целый дифирамб, ни
38 указывает на себя *вписано*.
43 *Слов*: в таком случае — *нет*.
44 указывать на / говорить про

Стр. 108.

2 *После*: за истязателя. — *начато*: Читатели мои мож‹ет быть›
3 *После*: г-н Наблюдатель. — *начато*: *а*. Но как удивятся моему *б*. Я не вы, г-н Наблюдатель
7 Следственно ∾ заступиться. *вписано*.
18–19 *После*: равнодушии к детям. — И вот я до того, по-вашему, извратил в себе здравое чувство, что «оправдываю жестокое обращение с детьми!» Но почему же вы так заключили.
20 в первый раз *вписано*.
21–22 соображением / идеей о том
24 в газетных отчетах о процессе / в процессе
25 уже / еще
30 *иные вписано*.
33 судей / людей ◊
34 например / теперь
36 я верю / я думаю ◊
36 стоит ли / для чего
37 на чем я остановился / что я подумал ◊
40–41 заступаюсь за убийцу / защищаю убийцу
41 выставляя свое подозрение / пред подозрением
43 за самое злодейство / за убийство
45 пожалел ребенка / его пожалел ◊
45–46 не менее кого другого. . . *вписано*.

Стр. 109.

1–4 *Против текста*: «Муж оправданной ∾ ребенку и т. д. и т. д. — *помета*: Петитом.
5 такой глупости / такой глупости, которую вы мне [приписывали] приписали ◊
14–18 *Против текста*: «Муж оправданной ∾ спасения ребенка. . .» — *помета*: Петитом.
21 замечаю / вижу ◊
28 *После*: перста божия». — *начато*: Я думал, что
31 *После*: выше — *начато*: как уверовать в это
31 эта бывшая преступница / она
31–32 теперь усумниться в людях / *Начато*: не верить
32 в людях как в человечестве / разумеется, не в единицах
34 *После*: в дом — хоть раз в жизни
34 погибавшему, пропадавшему *вписано*.

34–35 с таким могущественным впечатлением / с этим подавляющим впечатлением
44 эти темные люди *вписано.*

Стр. 110.

4 в какую-нибудь горькую минуту жизни / в иную минуту
6 было бы для нее *вписано.*
7 ибо, кроме себя ∾ обвинить *вписано.*
7 обвинить / винить ◊
10 случилось над нею / случилось, что могла она это всё наделать
11 и считая себя таковою *вписано.*
11 *После*: прощенная людьми — отпущенная без наказания, то есть по подозрению, что, может быть, она, совершая вину свою, была в болезненном состоянии (№. Буквальность-то приговора она знает, только не совсем понимает), теперь
11–12 облагодетельствованная и помилованная *вписано.*
13 обновления ∾ прежней жизнь / величайшей благодарности к людям
20 ясность сознания / сознание
22–23 (Повторю ∾ друг к другу.) *вписано.*
28 ваше нападение на меня / вашу статью
30 дополнить мои сведения / собрать сведения
34–35 вечным благотворным впечатлением ∾ людей / вечным впечатлением о безграничном милосердии людей
36 доброты и любви / доброты ◊
37 возмущает / возмутил
40 кроме вас, г-н Наблюдатель *вписано.*
41 ее / преступницу
43–44 Ее судьба ∾ устроилась / Ей тоже теперь довольно хорошо

<Декабрь, гл. II, § II (окончание)—§ IV>

Стр. 117.

30 молодой *вписано.*
33 *После*: отвечает ему — *было начато*: на вопрос: «вольной волею или нехотя» ты убил Кирибеевича
33 что убил он государева слугу *вписано.*
42–43 послание ∾ Курбского / письмо
48 образ / величавый образ

Стр. 118.

4 любимца *вписано.*
4 *После*: «вольной волею — *вписано*: кажется, воззрение на народ не столь архаическое
4 а не нехотя» *вписано.*
6 тоже признавшего правду народную / преклонившегося перед правдой народной
6 истинного / страстного ◊
7 это имя / имя печальника
11 глубине / величию ◊
18 какого-нибудь *вписано.*
18–19 не вполне по сознанию / *а.* не по цельному сознанию *б.* не по сознанию ◊
22 может быть, весьма искренно / даже до самопожертвования
24 истины *вписано.*
26 со всею любовью к нему *вписано.*
27 бедствию / гибе<ли>
27 *После*: Не они ли — в последнее время
31 живом единении / единении ◊

(7)

[illegible]

«Дневник писателя» за 1877 г. Страница наборной рукописи к главе второй декабрьского выпуска.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

32–33 предузнает сам будущее предназначение свое / сознательно, почти начиная уже видеть цель, предчувствует о будущем великом предназначении своем.
33–34 правды движения / движения
35 непроходимой *вписано.*
42 а главное, непосредственная / могучая ^
44 *После*: подобие — об котором бы плакал он ^
45 *После*: любви своей — *начато*: а больше всего потребностью народу
45–46 постичь ∾ красоту народную *вписано.*
45 *После*: бессознательно — разглядеть
47 частию уверовать ∾ предназначение его / будущее предназначение
47 уверовать /*а.* почти веровать *б.* веровать

Стр. 118—119.

48–1 воскликнуть / говорить

Стр. 119.

1 напечатанном / откровенно напечатанном
7 даже пагубный *вписано.*
10 под чужими влияниями / *а.* под известным влиянием *б. Как в тексте. в.* под влиянием ◊
11 неудержимо / со страстью
15 лишь / непременно
17 *После*: немыслимый — *начато*: Кроме не‹многих›
20–21 ибо всё это ∾ жизни) *вписано.*
23 и самых зовущих / и самых страстных ◊
26 и страданиях его ∾ интеллигенции / но лишь русской интеллигенции
28 был когда-то ∾ русский барин / был [один великоду‹шный›] добрый русский барин ◊
30 грешных *вписано.*
31–32 в очень тяжкие минуты свои *вписано.*
36 *После*: скорбь» — *начато*: великого усо‹пшего?›
37–38 на одно характерное и любопытное обстоятельство *вписано.*
38 газетной прессе / печати

Стр. 120.

3 *После*: о себе. — Как бы подавали повод думать разногласице [между] в поэте и гражданине.◊
4 на эту тему *вписано.*
5 *После*: все-таки намекали — и хоть и в двух строчках и темно, но тяжеловесно; главное же в том, что намекали ◊
5–6 видимо по какой-то ∾ не могли / именно потому, что почему-то и не могли не намекнуть, не могли избежать
8 в подробности *вписано.*
12 *После*: невольно вопрос — «Формулируйте обвинение и яснее, яснее. Некрасов личность историческая и ◊
20–21 что случай ∾ нормальный *вписано.*
23 потому что / ибо
23 *После*: связаны — до того оба влияют один на другого ◊
28 сказать / сделать
29–30 *После*: обделывать свои дела — *начато*: *а.* иногда даже. . . но нет, про *б.* иногда даже не говорят
30 но и только, а затем спешат с оправданиями: / и. . . но дальше-то вот и не объясняют, не хотят заговаривать, а спешат, бросаются и торопятся оправдывать на тему: ◊
32 много горя / столько горя ◊
41 при известных обстоятельствах *вписано.*
41 чуть не необходима / извинима, чуть необходима

Стр. 121.

1 человека / мученика

2 «Я упал, я упал» / «Я упал, я упал, спаси меня» ◊

3–4 чуть пройдет ночь и обсохнут слезы / чуть выспался и обсохли слезы, умылся

4 примется за «практичность» / за «практичность», да еще, пожалуй, во вред тем, про любовь к которым он пел

4–5 потому-де ∾ *необходима. вписано.*

5–6 будут означать / означают

8 сам на них любуется *вписано.*

10 *После*: сердца — и мне деньги и имя

11–12 Нет, если всё это ∾ и на вопрос / Нет, этого оправдывать нельзя, иначе прямо на вопрос

13 Кого вы хороните / Кого хороните

13–14 мы, провожавшие гроб его, принуждены бы были / мы должны бы были

16–17 воистину «печальника народного горя» / истинного «печальника народного горя»

18–20 не мог успокоить себя ∾ отвергал дешевое примирение. / не мог ни успокоить себя, ни простить себе. . .

20 *После*: дешевое примирение — несмотря на многие видимости, как бы говорившие против этого. . . ◊ *Далее было*: Итак, вот что может выйти из дешевого оправдания, [итак] но что же нужно сделать?

21 Нужно выяснить дело / Нужно не оправдывать, а выяснить дело

22 то принять как оно есть / то и принять ◊

24–25 добыть из выяснений / выяснить

27 такого недоумения ∾ память / недоумения, из таких, которые всегда невольно чернят память

29 Сам ∾ мало / Я, однако, знал с одной стороны покойника мало

35–36 *После*: человека, как Некрасов — и к тому же у человека с таким поэтическим гением ◊

36–37 А то, что действительно было / Что действительно происходило

37 то не могло / не могло ◊

38 *После*: преувеличено — [и не обратиться в сплетню] Это даже a priori неопровержимо, так всегда бывает с замечательными, характерными людьми, особенно если они страстны и прославились [страстями своими] какою-нибудь страстью своею, а потому и Некрасов не может составлять исключения. ◊

38–39 Но приняв ∾ Что же такое? / Но приняв это, все-таки увидим, что половина или три четверти остаются. Чего же? ◊

39–40 Нечто мрачное, темное и мучительное / Чего-то мрачного, темного и мучительного ◊

42 эта страстная исповедь / эта исповедь

43 вдаваться / удаляться

Стр. 122.

17 чтобы иметь их / для них

19–20 демон гордости, жажды самообеспечения / демон гордости, жажды властвовать, а не кланяться, жажды самообеспечения ◊

20 от людей / от людей презираемых ◊

25 войти в соглашение / войти [в сделки] в соглашения ◊

26 толпою людей / толпою людей, теснившей его ◊

27 так рано *вписано.*

27 скептическое / насмешливое ◊

28 чувство к ним / презрение к ним ◊

29 как об них говорят *вписано.*

30 слабая и робкая дрянь / дрянь

35 угрюмого, отъединенного *вписано.*

36 чтобы ∾ ни от кого / чтоб уже не зависеть от людей ◊

37–38 из самого первого моего знакомства с ним / из нашего знакомства

38–39 По крайней мере ∾ низкий демон. / Но этот демон был, однако, низкий демон.
40–41 способная так отзываться / способная отозваться ◊
41–44 Разве таким самообеспечением ∾ не в золоте. *вписано.*
43 Такие люди / они ◊
45–47 Золото может казаться ∾ сам презирал. *вписано.*

Стр. 123.

1 который сам бы мог воззвать к иному / столь одаренного, что сам бы он мог сказать иному
1 Брось всё / брось всё, оставь всё
3–4 Уведи меня ∾ дело любви. *вписано.*
5 и никуда не пошел. *вписано.*
6 *После*: всей жизни своей — самоосуждением, самопрезрением.
8 борьбе несомненно мучительной / борьбе [вечной] мучительной ◊
14 оправдываете / защищ‹аете›
16–17 вопрос окончательный и всеразрешающий / *Начато*: вопрос этот в том
18 IV. Свидетель в пользу Некрасова. *вписано.*
20 *После*: Гекубе — способного плакать о ней.
20–21 спрашивал Гамлет. *вписано.*
28–29 употребить эту вещь / употребить их
31 угнетала / гнела
32 вечным демоном / демоном
35 святые минуты покаяния / сильные минуты его жизни
35–36 повторялись ли / [одним словом,] повторялись ли его страдания, возвышались ли ◊
37–38 как дорого заплатил / сколько заплатил
40 мог пускаться оправдывать / пускался насмешливо оправдывать
41–42 такое примирение и успокоение / это примирение

Стр. 124.

1–2 будучи не в силах совладать / не совладав
2–3 например / или не поступил с собой, например ◊
16 *После*: внутри себя. — *начато*: Поэт же после стр‹аданий?›
20 не убоялся огласить / не убоялся публиковать
22 всё это *вписано.*
22–23 из памяти людей / из памяти
23 понизилось бы / унизилось бы
23–24 так что всякое оправдание его / и всякое обвинение умерло бы само собою и всякое оправдание
24 не нужным ему / не надобным
25–26 человека *вписано.*
26 оглашать / опубликовать
33 с легким сердцем *вписано.*
34 напротив того *вписано.*
37 повторяю / повторяю я ◊
37 в пользу второго предположения *вписано.*
39–40 очистили бы перед нами вполне нашу память о нем / очистили бы в глазах наших память его
41 является возражение / стоит возражение
46–47 «практическому» человеку / такому практичному человеку

Стр. 125.

1 печалью по народе / печалью народною
3 народ для него *вписано.*
5 *После*: не говорю о том, что — *начато*: любовь к народу
6 какая слышится в стихах Некрасова / как у Некрасова ◊
7 только скажу / только говорю ◊
14 перед самим собой *вписано.*

14–15 Народ был ∾ его / Но народ был сверх того и настоящая его внутренняя потребность
17 дух свой / унылый дух свой
18 предмета любви своей / [объекта] предмета любви своей,- предмета высшего поклонения ◊
26–27 что его мучило / что ему мучило, угрызением или сомнением
33 и что истина есть ∾ в народе. *вписано.*
34 он это *вписано.*
39 говоря выше / говоря
41 вечная жажда / жажда по ней
46 никакими хитрыми доводами / никакими примирениями, никакими хитрыми доводами ◊
47 практическими *вписано.*

Стр. 126.

1–2 И какие же ∾ то не обвинители. *вписано.*
3 русский исторический тип / исторический тип ◊
4–5 раздвоений, в области нравственной / нравственных раздвоений
6 русский *вписано.*
6 *После*: переходное время. — *начато*: И однако, его образ
7 *После*: в нашем сердце. — Этого человека полюбит и народ, когда [узнает] в [сознании] состоянии будет узнать его.◊
7 этого поэта / его
7–8 так часто были искренни / искренни ◊
8 *После*: простосердечны — слезы его не деланные, такие правдивые.◊
11 и страданием по нем *вписано.*
12 *После*: искупить. . . — Слишком высоко стал пред нами этот человек, а потому все и ощущают в себе как бы право судить его. ◊

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ НА 1880 год

(Стр. 129)

Варианты черновых автографов

Глава первая *(ЧА)*

Стр. 129.

1–8 *Текста*: Дневник писателя ∾ Речи о Пушкине — *нет.*
10 основу содержания / всё содержание ◊
13 российской / русской ◊
15 о себе / про себя ◊
15 *После*: считают — *начато*: пред‹водителем›
16 с кафедры / с кафедры Общества
17 вспоминаю / [вспо‹минаю›] пишу ◊
17–18 чтобы заявить / чтоб сказать ◊
21 лишь следующие / следующие ◊ *вписано.*
24 *После*: отыскал и — *начато*: выпу‹кло›
26 возвысившегося / стоящего ◊
26–27 *После*: народом. — Это отрицательный тип
27 Он отметил *вписано.*
28–29 в родную почву / в почву

29 родные силы / народные силы ◊
31 в конце концов отрицающего / отрицающего ◊
33 *После*: Онегин — Германны и Чарские ◊
34–35 *Текста*: *Издание «Дневника писателя» ∾ мое здоровье. — *нет*.

Стр. 130.

3–4 засвидетельствовавшие о правде первоначально данной мысли Пушкиным / *а*. свидетельствующие о правде первоначальных данных мысли и взгляда Пушкиным *б*. свидетельствующих о правде первоначально данной мысли Пушкиным ◊
7 Его искусному диагнозу / Его диагнозу ◊
9–11 дал и утешение ∾ воскреснуть / *а*. указал, что болезнь эта не смертельна и общество может быть излечено *б*. указал, что болезнь эта не смертельна, он первый дал и утешение и надежду великую в будущем, он доказал, что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть ◊
14 красоты русской / положительной красоты русской ◊
15–16 и им в ней отысканные / [им в ней] его великим сердцем отысканные, сердцем великого русского человека и великого русского гражданина ◊
16 Свидетельствуют о том *вписано*.
16–17 женщины совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи / совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи, женщины ◊
18 Инок и другие / *а*. Инока и другие *б*. Инока ◊
19 *После*: «Капитанской дочке» — и наконец в Езерском, [в Белкине] в типе Белкина, автора повестей ◊
19–20 и во множестве других образов / и множество других
20–21 в записках *вписано*.
24 Тут уже надобно говорить всю правду *вписано*.
27 европейских идей и форм / европейских форм ◊
28 эту красоту / эту русскую правду и красоту ◊
31 *После*: Пушкина — такого
32 *После*: невозможно. — Надобно говорить всю правду.
33 в значении Пушкина / в значении Пушкина для России
34 не встречаемая / невиданная ◊
35 способность / именно способность ◊
37 и перевоплощения / перевоплощения ◊
37 Я сказал / *а. Как в тексте. б. Начато*: Я упом‹янул›
45 от всех *вписано. На полях вписано и зачеркнуто*: Мало того, в этом даже может быть самое важное
45 Но не для / Не для ◊

Стр. 130—131.

48–1 и неисследимая глубина *вписано*.

Стр. 131.

6 по-прежнему то же самое / то же самое
6–7 ибо и в итальянце ∾ с такою же силою *вписано*.
7 что хотел сказать, с такою же силою / с такой же глубиной и с такой же силой ◊
7–9 Повторяю, не на мировое значение Шекспиров и Шиллеров хотел я посягнуть / *а*. Так что я вовсе не о мировом значении говорю *б*. Так что я вовсе, повторяю это, не для умаления мирового значения Шекспиров и Шиллеров говорю ◊
9 *После*: способность — *начато*: перевопло‹щения›
10–11 а желая лишь в самой этой способности и в полноте ее отметить / а в самой способности-то этой и в полноте ее вижу ◊
13–14 способность русская, национальная / способность русская, всенародная ◊

14–15 и, как совершеннейший художник / Но, как совершеннейший художник ◊

16 этой способности / ее

17 *После*: художника. — *начато*: Способность же эта великая, дающая *На полях помета*: наро‹д›

18 склонность к всемирной отзывчивости / способность, способность всемирной отзывчивости

20 *После*: нашего — одним из характернейших выражений которой был Пушкин

20–21 не мог / не могу

21 в то же время, в факте этом *вписано*.

22–23 великой и, может быть, величайшей надежды нашей *вписано*.

23 *Слов*: светящей нам впереди — *нет*.

25 *После*: было — стало быть

25–26 *Слов*: *в основании своем* — *нет*.

26–27 самого духа народного / духа народного

27–28 и высшую цель / высшую цель и великое назначение

28 речи моей / речи моей, в «очерке» моем ◊

30 кажется,. ясно / то, кажется ясно

34 тогда только / тогда же

36 напираю / говорю

36 и не пытаюсь / я и не пытаюсь

37–38 с народами западными в сферах их экономической славы или научной / с их экономической славой европейских народов, или со славой их меча и науки ◊ *На полях заметка*: Но такие сравнения я и не выскажу *Между строк вписано*: силы русского народа вопрос

38–39 *После*: русская душа — *начато*: может быть наи‹более›

39 гений народа русского / гений русский ◊

40 из всех народов *вписано*.

42 *После*: различающего — *начато*: несходное

43–44 и не какая другая / это и не какая другая

44 может ли кто / можете ли вы ◊

46 в народе русском / в духе русском

46 Может ли кто / Можете ли вы ◊

Стр. 131—132.

45–4 Может ли ∾ объявить иное. *вписано на полях*.

Стр. 132.

2 совсем нечего / нечего ◊

2–3 никаких надежд / *мировых* надежд ◊ *Ниже вписано*: никаких

3 Увы, так многие / Так, впрочем, многие ◊

4 Повторяю, я, конечно, не мог / *а*. Я не мог *б*. Я не мог, конечно, ◊

6 Утверждать же / Сомневаться же в

7 столь высокие стремления / такие стремления ◊

9 Основные нравственные / Нравственные ◊

10 *Слов*: в основной сущности своей по крайней мере — *нет*.

12 высшего слоя своего / высшего слоя ◊

12–13 Все восемьдесят миллионов ее населения / все 90 миллионов ◊

14–19 нет нигде и не может быть ∾ завтра же рухнет / *а*. нет, где гражданское величие европейских наций, пред коим мы так преклонялись, всё совершенно подкопано и может завтра же рухнуть. Что ж до богатств, то в Европе богаты лишь одни жиды, да подобные им *б*. нет нигде, а, стало быть, уже по сему одному нельзя сказать, что наша земля неурядная и нищая. Напротив, в этой Европе, в Европе же, где столько богатств, всё гражданское основание всех европейских наций, на которое указывают народу нашему, как на идеал, к которому он должен стремиться для того, чтобы по достижении лишь этого идеала тогда только сможет пролепетать свое слово в Европе,

говорю я, всё это гражданское величие этого строя ‹*нрзб.*› и, однако же, всё совсем подкопано и может завтра же рухнуть ◊

19–23 бесследно на веки веков ∾ и богатство». *вписано. Вместо*: и богатство — такое богатство

23 *После*: богатство — как неправедное. И вот им это мы должны подражать.

23–27 *К тексту*: Между тем на этот ∾ слово Европе. — *наброски на полях*: *1*. И вот тому-то, что уже накануне своего падения, вы хотите чтоб мы подражали и пересаживали его к себе *2*. Между тем на этот, именно на подкопанный и зараженный их граж‹данский›

27 Мы же утверждаем, что вмещать / *а*. вмещать *б*. И вмещать и носить в себе ◊

28 любящего и всеединящего духа / любящего духа

28–29 и при теперешней экономической нищете нашей / *а*. не только при экономической нищете нашей *б*. и при теперешней экономической нищете

29–31 да и не при такой еще нищете ∾ такой нищете / [но и] при той нищете нашей ◊

33–35 И наконец, если уж ∾ всеединящую душу / *а*. И наконец, если уж в самом деле надо (что, впрочем, нелепость) — если в самом деле надо чтоб любить человечество, чтоб носить в себе всеединящую душу *б*. И наконец, неужели [непременно] если уж в самом деле надо, для того чтобы иметь право любить человечество и носить в себе всеединящую душу ◊

35–36 для того чтоб заключать / и заключать

36–37 за то, что они непохожи / за то только, что они непохожи ◊

37 *После*: на нас — *начато*: не укреп‹ляться›

37 для того чтоб иметь / иметь

38 чтоб ей / *а*. *Как в тексте*. *б*. для того чтоб ей ◊ *На полях*: *1*. неужели *2*. если в самом деле за то только

40 а народы такого духа / а такие народы

41–42 если и в самом деле для достижения всего этого надо, повторяю я, предварительно / если в самом деле, говорю я, для этого *Далее*: *а*. необходимо *б*. необходимо было прежде всего ◊ *На полях позднее вписано после слов*: в самом деле — для достижения всего это‹го› надо, повторяю

42–43 перетащить к себе европейское гражданское устройство / сравняться с европейским гражданским устройством ◊

43–44 все-таки мы и тут / *а*. мы *б*. всё-таки мы ◊

44 рабски скопировать / рабски взять и скопировать

45 в Европе рухнет / рухнет ◊ *Далее было*: (опять повторяю это) и начнутся по-европейски. *Рядом на полях*: может

45 *После*: не дадут — *начато*: ру‹сскому›

46–47 своей органической силой *вписано*.

47 непременно обезличенно, лакейски / непременно лакейски

Стр. 133.

1–2 Понимают ли эти господа ∾ о естественных науках! *вписано*.

2–3 по одному поводу *вписано*.

5 а один / а именно ◊

10 не талантливостью изложения / *а*. не талантом и не умом *б*. не талантом изложения ◊

11 противниками / ругателями ◊

11–13 *Текст*: а искренностью ее ∾ неполноту моей речи — *позднее повторен на полях без слов*: ее *и* мною

15–19 *Рядом с текстом*: А вот именно ∾ в Европу — *наброски* (*к стр. 133, 134*) *и заметки на полях*: *1*. Увы, у нас есть русская партия *2*. Но в чем же состоит событие *3*. Но не впопыхах ли было ими сказано это, не одумались ли они. Если не одумались, честь им и слава —

они докажут широкость *4*. Что я им от всего сердца прощу, но вот что, однако ж, может случиться

17 и окончательный, может быть *вписано.*

20 и объяснили / ибо объяснили ◊

22 с самим духом народным / с духом народным

22 *После*: народным — *вписано позднее*: и с историческою необходимостью

22–23 *Слов*: Увлечения же оправдали — историческою необходимостью, историческим фатумом — *нет.*

26 *После*: как и — славянофилы ◊

26 все те чисто русские люди / все те русские ◊ *вписано позднее.*

26–28 которые искренно любили ∾ «русских иноземцев» *вписано позднее на полях.*

27 искренно любили / любили ◊

28 оберегали ее доселе / оберегали ее ◊

29–31 *Рядом с текстом*: Объявлено было ∾ великим недоразумением. — *на полях наброски* (*к стр. 135—136 и вариантам к ним*): *1.* Нищие и смерды *2.* Пся крев *3.* Вера ваша — холопская вера *4.* что славянофилы хотят перекрестить Европу в православие было сказано в одной газете по поводу моей речи

30 *После*: препирания — бывш[ие]

31–32 могло бы стать, пожалуй, «событием» / было событием ◊

32 представители славянофильства / представители славянофильства и представители этой идеи ◊

33 вполне согласились / восторженно согласились ◊

34 заявляю теперь / заявляю ◊

35–36 *Слов*: (если только ∾ составляет честь) — *нет.*

41 если не высказываема, то указываема ими / высказываема и указываема ими и что я в сущности не сказал ничего особенно нового ◊

Между строк вписано позднее: так что новое слово есть в сущности старое доброе слово

41–42 *Фразы*: Я же сумел лишь вовремя уловить минуту. — *нет.*

42 Теперь вот заключение: если / И если ◊

43–44 то и впрямь, конечно, уничтожатся все недоразумения / *а.* то кончатся недоумения *б.* то впрямь кончатся все недоумения ◊

44 между обеими партиями *вписано.*

44 так что / *а.* то *б.* ибо ◊

45 *После*: спорить — «ибо все разъяснено»

46 так как / ибо ◊

47 *После*: «событием» — и не она собственно, не речь, составила бы таким образом событие, а именно то, повторяю это, что славянофилами сделан окончательно шаг и принят вполне главный вывод ее о законности и народности наших стремлений в Европу.◊

48 *После*: Но увы — всё это сказано

Стр. 133—134.

48–2 *Рядом с текстом*: Но увы ∾ другой вопрос. — *на полях наброски* (*к стр. 134*): *1.* склонили знамена *2.* довольно не дурно, обозначает в вас некоторый ум, в котором мы, впрочем, и прежде вам не отказывали

Стр. 134.

3 *После*: славянофилами — и русскими людьми

4 *После*: с кафедры — обнимали

6 занимающие / играющие

7 особенно теперь *вписано.*

7 жали / *а. Как в тексте. б.* пожали ◊

8 как славянофилы / как и славянофилы ◊

11–13 *Рядом с текстом*: О, не того ∾ обольщен — *запись на полях*: хотя и считал с вашей стороны за любезность, но неприятеля ‹?›

11 боюсь я / боюсь ◊
12 от мнения своего / от слова своего
13 не гениальна / *а.* слишком не гениальна *б.* вовсе не гениальна ◊
14–15 разочарование в моей гениальности / разочарование ◊
16 *Над словом*: западники — *вписано*: потом
16 чуть-чуть подумав / подумав ◊
17–18 лишь вообще о западниках теперь скажу / об отвлеченном слове западничества говорю ◊
20 после долгих споров и препираний *вписано.*
21–23 *Рядом с текстом*: стремление наше ∾ мы принимаем — *наброски на полях: 1.* даже хоть 1/2, хоть 1/3 *2.* то великим‹и› честь им и слава *3.* и мы приветствуем их в восторге сердца
22 тоже была правда / правда ◊
23 *После*: что ж — *начато*: при‹мем›
23 мы принимаем / мы примем
23 ваше признание / ваше признание к сведению *вписано.*
23–24 *Слов*: радушно и спешим заявить вам — *нет.*
24 что / и это ◊
24 это даже довольно / *а.* довольно *б.* даже довольно ◊
26 за исключением / исключая ◊
28–32 но. . . тут ∾ ваше-то это положение / *а.* но ваше-то положение *б.* но тут запятая. Ибо ваше-то положение ◊ *Позднее ниже вписано*: но тут есть некоторая
31 таинственно / прямо таинственно
32 это положение / положение ◊
33 *Слов*: а потому — *нет.*
34 опять-таки становится невозможным / *а.* все-таки невозможно *б.* опять-таки становится предельно невозможным ◊
34 Знайте, что мы / Мы ◊
35–38 но уж отнюдь не духом ∾ от него убежали / и не народным [нашим] духом, ибо духа этого не встречали и не слыхали ◊
38 Мы с самого начала *вписано.*
39 влекущему инстинкту / инстинкту ◊
41 одним словом, ко всему / и всему ◊
41–42 вы теперь столько / мы говорим ◊
42–43 так как уж пришло ∾ вполне откровенно / так как уже надо говорить вполне откровенно ◊ *вписано.*
45 развитие России к прогрессивному лучшему / *а.* развитие *б.* общее развитие России ◊
48 раз навсегда нас слушаться, во веки веков / просто слушаться на веки веков ◊

Стр. 135.

1 сего послушания, вот и / сего и
2–3 в европейских землях / в европейских
3 о котором ∾ пошла речь *вписано, но вместо*: пошла — идет
3 Собственно же народ / Народ же
4 каким он был всегда *вписано.*
8 выводили / выводите ◊
6–7 а смотрели только мы трезво *вписано.*
8–9 а то, что имел ∾ Надобно *вписано, но вместо*: забыто им — забыто
9–10 лишь одно наше / лишь наше ◊
10 *Над словом*: общество — *вписано и зачеркнуто*: начиная с Петра
12 Позвольте ∾ и не кричите *вписано.*
12 не закабалить / но не закабалить
13 *Слов*: говоря о послушании его — *нет.*
13–14 о, конечно нет ∾ мы европейцы *вписано.*
15 Напротив, мы намерены / Напротив мы будем ◊ *вписано.*
15 образовать наш народ / и образовывать его ◊
17 там сама / сама [собою] *вписано.*

18 *После*: образования его — основанного на отрицании им всего прежнего

18 Образование же его мы оснуем *вписано.*

19 *Слов*: начнем ∾ начали, то есть — *нет.*

20–21 и на проклятии ∾ свое прошлое *вписано на полях. Далее следует текст, совпадающий с окончательным (стр. 135, строки 31—33)*: Кто проклянет ∾ народ до себя.

21–28 Чуть мы выучим человека ∾ ни сердились на это. / Чуть сделаем человека из народа грамотным, мы заставим его тотчас же нюхнуть Европу, начнем обольщать Европой, ну, хоть начиная с утонченности [1] быта, приличий, костюма, танцев, чтоб он постыдился, например, лаптя, постыдится своих древних песен и начнет петь рифмованный водевиль. ◊ *вписано.*

28–31 Одним словом ∾ и проклянет его. / Одним словом, для хорошей цели, подействуем на слабую струну самолюбия и он — уже наш. Тогда-то застыдится своего прежнего и проклянет его. ◊ *вписано.*

31–33 Кто проклянет свое прежнее ∾ возносить народ до себя. *вписано выше на полях, см. вариант к строкам 14—15.*

35–37 Ибо тогда выставится ∾ лишь слушаться. / Ибо тогда окажется, как говорят наши соседи, что это ничтожная и недостойная просвещенного существа *песья крев*, и нужно эту песью крев заставить только лишь слушаться. *вписано.*

37 Ибо что же тут делать / *а.* Ибо *б.* Ибо что делать ◊

38–41 а потому ∾ не испугаете. / а потому и 90 миллионов должны этой правде слено служить. Количество нас не устрашает. ◊ *вписано.*

43 всегдашний наш вывод / всегдашние выводы ◊

43 *Слов*: только теперь уж во всей наготе — *нет.*

43 при нем / при них ◊

43 ваш вывод / ваши выводы ◊

45 и какое-то будто бы особое значение его / и значение его ◊

45–48 Надеемся, что ∾ не потребуете *вписано.*

48 особенно теперь, когда / Опять-таки по слову соседей наших (немножко, впрочем, тоже спорных, потому что они ярые католики) — по слову соседей наших [‹*нрзб.*›] le Pravoslavie просто лишь «хлопьска вера», тогда как ◊

47 *Слов*: и европейской науки в общем выводе — *нет.*

Стр. 136.

2–3 пожалуй, согласимся принять с известными ограничениями / *а.* принимаем вполне *б.* пожалуй, согласимся принять ◊

2–3 с известными ограничениями *вписано позднее.*

3 *Слов*: так и быть, сделаем вам эту любезность — *нет.*

4–5 и ко всем этим вашим «началам» / то есть к этим смиренным вашим началам ◊ *вписано.*

9 русских деятелей и вполне русских людей / [чисто] вполне русских людей ◊

11 *Над словом*: отщепенцев — *вписано*: смердов-то

11–12 вашего западничества / западничества ◊

11–12 *После*: западничества — *начато*: о, там непременно

12 середина-то, улица-то, по которой *вписано.*

13 *Слов*: все эти смерды-то ∾ морского) — *нет.*

14 в этом роде / что-нибудь в этом роде ◊

14–15 насказали / сказали ◊

15 уже было / уже было, например, ◊

20 *После*: то — тогда

24 стремление / свойство ◊

35 будет / будет действительно

37 *Слов*: повторяю в последний раз — *нет.*

---

[1] *В автографе ошибочно*: утонченностью

28 была бы событием / есть событие ◊
28 наименования / названия ◊
29 послужившее / ставшее
30–31 уже всех образованных и искренних русских людей / [всех] образованных русских людей ◊
30–31 *После*: русских людей — Эту черту пушкинск‹ого› праздника, то есть потребность единения в нашем обществе, духовную жажду его к возрожд‹ению› [ново‹й›] [обновлению] [о русс‹кий› чело‹век› должен] и обновлению жизни, [нового слова] жажду и вечно искреннего слова все заметили в дни праздников [в] [присутствии] по искренности участвующих, во всеобщем увлечении, во всеобщем подъеме духа. ◊ *Ниже, отступя*: В надежде славы и добра
31 *Слов*: для будущей прекраснейшей цели — *нет*.

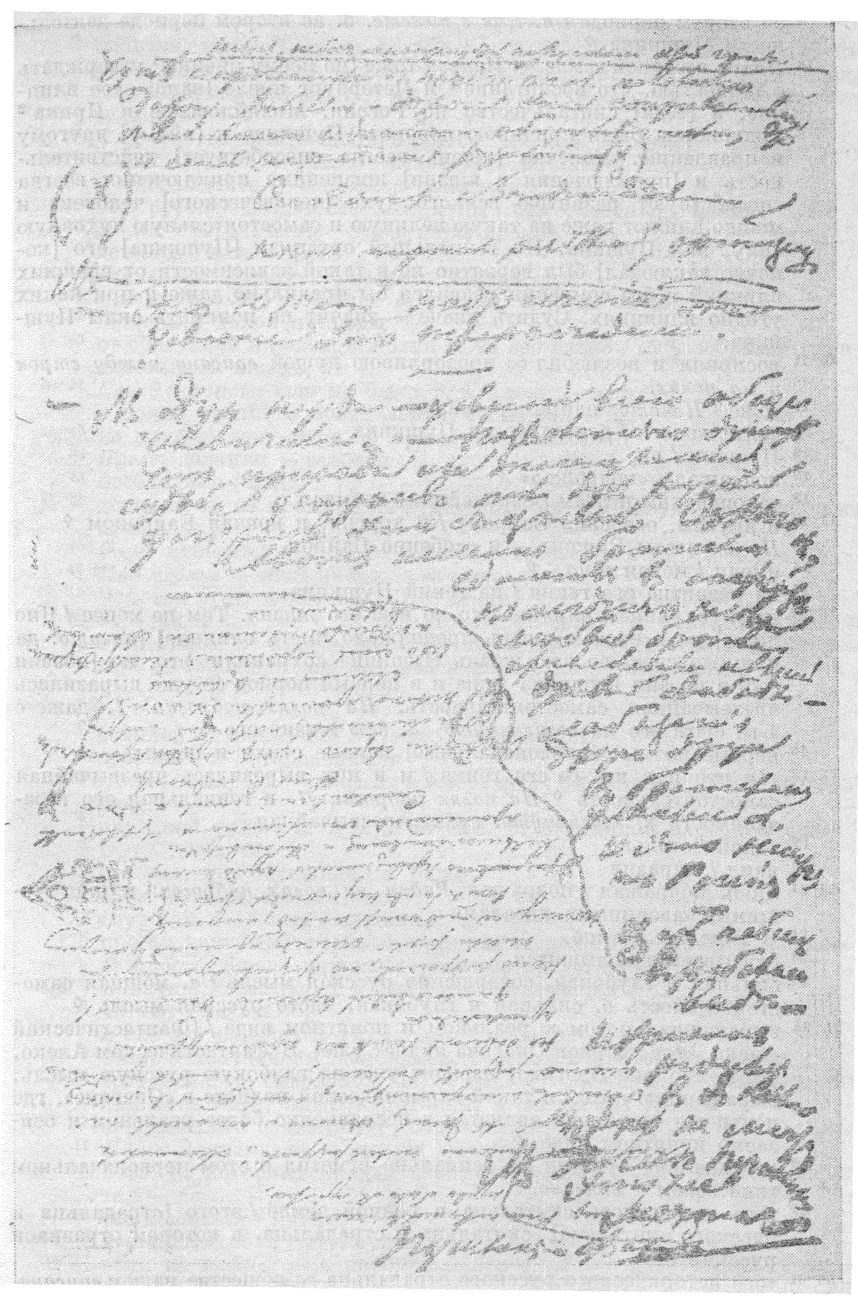
Глава вторая *(ЧА)*

Стр. 136.

32–36 *Текста*: Глава вторая ∾ российской словесности. — *нет*.
37–43 *Рядом с текстом*: «Пушкин есть явление ∾ петровской — *на полях вписано и зачеркнуто*: [Ибо]. В нем уже можно отыскать [и цель и назначение глубин народных] и осязательно усмотреть первое [указание] сознательно выраженное указание существенных стремлений [наших] национальности русской и [целей грядущих] целей ее.·
37 явление чрезвычайное / явление великое, чрезвычайное ◊
37–38 *Слов*: и, может быть, единственное явление русского духа — *нет*.
39 всех нас *вписано*.
39–40 *После*: русских — *вписано и зачеркнуто*: и для их судьбы
40 приходит / является ◊
42 *Над словами*: в обществе нашем — *вписано*: у нас
42–43 столетия / века ◊
43 появление его / *а. Как в тексте. б.* появление Пушкина
43–44 сильно способствует освещению темной дороги нашей / [как бы] разом [освещает] осветило дорогу нашу

Стр. 137.

1 есть пророчество / есть и пророчество
2 великого поэта / *а.* поэта *б. Как в тексте. в.* Пушкина
2 *После*: на три периода — был бы, может быть, и четвертый период, но бог судил иначе и смерть взяла нашего великого поэта в самом полном развитии его духа и сил ◊ (*Этот текст обведен на полях большой скобкой*).
2–3 Говорю теперь не / Предупреждаю, я буду рассматривать Пушкина не
3 касаясь творческой деятельности / *а. Начато*: Я хочу ли‹шь› *б.* Рассматривая творческую деятельность
4–5 для нас *вписано*.
5 *После*: его — *а.* для всех русских нас, для теперешних русских и для [будущих] грядущих *б.* для русских людей и для всей национальности нашей
5 и что́ я в этом слове разумею / и что я в этих словах разумею ◊ *вписано. Над строкой вписано*: под этими словами
5 Замечу, однако же / Но замечу лишь ◊
6 периоды / эти три периода ◊
7 твердых между собою границ / таких твердых границ между собою, как иные критики предполагают ◊
7 Начало «Онегина» / «Онегин»
8–9 к первому периоду деятельности поэта / к первому периоду

«Дневник писателя» на 1880 г. Черновые наброски ко второй главе.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

9 во втором периоде / *а. Как в тексте. б.* во втором периоде деятельности Пушкина ◊

10 *После*: в родной земле — Нельзя тоже [по моему мнению] утверждать с точностью, что воспитание [1] и Петербург имело [одно] свое влияние, а [езда] скитальчество по России, Михайловское и Ирина [2] Родионовна были причиною поворота Пушкина к [иному] другому направлению. Конечно [жизнь всегда способствует] действительность и [приключения в жизни] жизненные приключения всегда способствуют развитию всякого духа [человеческого] человека и мощно влияют даже на такую великую и самостоятельную духовную силу, как Пушкин. Но гениальный организм [Пушкина] его [конечно заключал] был вероятно не в такой зависимости от внешних влияний и без сомнения развился бы правильно даже и при каких угодно влияниях. Судить иначе — значит не понимать силы Пушкина.

10–11 восприял и возлюбил ∾ прозорливою душой *вписано между строк и на полях.*

11 тоже / *Начато*: например, между

12 деятельности / деятельности Пушкина

12 Пушкин / он

12 подражал / «подражал» ◊

13 европейским поэтам / европейцам, начиная с ◊

13–14 и другим, особенно Байрону / и других, и кончая Байроном ◊

14 *После*: поэты Европы — и особенно Байрон

14 имели / могли иметь ◊

15 на развитие его гения / на гений Пушкина

15–16 да и сохраняли влияние это во всю его жизнь. Тем не менее / [[но лишь] да и во всю жизнь продолжало иметь влияние] [*начато*: да и имело свое] во всю жизнь Пушкина сохранили это, но [поэзия его] в поэзии Пушкина даже и в первый период ее уже выразилась чрезвычайная самостоятельность. *На полях наброски: 1.* даже с 1-го шага его на ‹*зачеркнуто*› *2.* всю жизнь его

18 первые поэмы / [первоначальные] первые стихи и поэмы

17–18 так что и в них ∾ его гения / и в них выразилась чрезвычайная самостоятельность ◊ *На полях наброски*: *1.* и гениальная его независимость *2. зачеркнуто*: сразу чрезвычайная

19 такой / столько

20 явил / выразил

23–24 лишь подражал / подражал *Рядом на полях набросок*: и жил чужими, навеянными идеалами

24 В типе / А в типе

24 сказывается / слышится

25 сильная и глубокая, совершенно русская мысль / *а.* мощная самостоятельность *б.* сильная и глубокая, чисто русская мысль ◊

25–28 выраженная потом ∾ реальном и понятном виде / [Фантастический Алеко, этот эмбрион Онегина являет уже] В фантастическом Алеко, этом эмбрионе Онегина, наводит уже на глубокую русскую мысль, выраженную потом в такой гармонической полноте в «Онегине», где почти тот же Алеко является в несравненно более реальном и осязаемо понятном виде. ◊

29 и гениально отметил / и гениально отметил в этом первоначальном типе своем ◊ *вписано.*

29 того несчастного скитальца в родной земле / этого [страдальца и русского скитальца] скитальца и страдальца, в котором отразился русский век

30–31 того исторического русского страдальца ∾ обществе нашем *вписано. Вместо*: того — *было*: Этого

---

[1] *Выше вписано и зачеркнуто*: юность

[2] *Так в автографе.*

32 конечно, не у Байрона только / *а.* в своем сердце *б.* конечно не у Байрона, а в себе самом, в страдающем сердце своем *в.* конечно не у Байрона только, а и в себе самом, в своем тоскующем русском сердце ◊

32–34 Тип этот верный ∾ поселившийся. *вписано на полях.*

32–33 *После*: верный — *вписано и зачеркнуто*: постоянный

33 *После*: надолго — *вписано и зачеркнуто*: еще

34–35 Эти русские бездомные скитальцы / Эти скитальцы наши

35 *После*: скитальчество — и в наше время

35 кажется / может быть

36 *После*: не исчезнут — *начато*: Теперь они

38 в наше время / *а.* теперь *б.* теперь, в наше время ◊

38 природы / дикой природы

38–40 от сбивчивой и нелепой жизни ∾ то всё равно / от безобразий цивилизованной жизни, то

40–41 *Слов*: которого еще не было при Алеко — *нет.*

41 с новою верой / с новой верой, «в народ»

41–43 на другую ниву ∾ он не примирится *вписано.*

43 *После*: делании — счастья

44 необходимо / надо

45–46 дешевле он не примирится / [дешевле] на чем-нибудь дешевле он не примирится ◊

46 *Слов*: конечно, пока дело только в теории — *нет.*

47 *Над словом* — явившийся — *вписано*: у нас

47–48 Человек этот, повторяю / Этот общий наш русский тип ◊

48 зародился как раз в начале второго столетия / *а. Начато*: в нашем оторванном от народной силы обще‹стве› *б.* явившийся во втором веке *в.* зародившийся как раз в начале второго столетия ◊

Стр. 138.

1 великой петровской / *Начато*: петр‹овской›

2 оторванном / оторвавшемся

2 *После*: от народа — *вписано и зачеркнуто*: бессильном душой, оторвавшемся

2 народной силы / *а. Как в тексте. б.* стихийной народной силы ◊

2 О, / О, конечно ◊

3 и тогда, при Пушкине / и тогда

4 *Слов*: в наше время — *нет.*

4 служили и служат / служит ◊

5–6 просто наживают разными средствами деньги / *а.* деньги наживает *б.* просто деньги наживает разными средствами ◊

6–7 и науками занимаются / науками занимается ◊

7 читают / читает ◊

7 и всё это регулярно / спокойно, регулярно

8 *Слов*: с получением жалованья, с игрой в преферанс — *нет.*

8–10 безо всякого поползновения ∾ нашему времени / и никакого желания не имеет идти [к цыганам] в цыганские таборы

11 европейского социализма / социализма ◊

11 *После*: социализма — это уж sine qua

12 *Слов*: но которому придан некоторый благодушный русский характер — *нет.*

14 беспокоиться / думать

15 стукнулся лбом / стукнулся

16–17 если не выйдут ∾ с народом *вписано. Ниже наброски*: *1.* если не выйдут на спасительную дорогу *2.* Избранные и передовые силы уже пошли туда

17 ожидает это *вписано.*

18 *После*: чтоб — затрещало всё [зд‹ание›] наше здание общественное, — о не народ, не государство, до народа и не дойдет волна

18–20 и остальному огромному ∾ покоя *вписано.*

19 не впдать чрез / лишиться через ◊
21 у него всё это как-то еще отвлеченно / у него это [еще вообще] как-то еще отвлеченно вообще ◊ *вписано.*
21 лишь тоска / лишь просто тоска ◊
22 *Слов*: жалоба на светское общество — *нет.*
23–24 плач о потерянной ∾ отыскать не может / *а.* плач о потерянной правде *б.* плач о потерянной правде, которую он потерял и найти не может ◊
24 *Фразы*: Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. — *нет.*
24–26 В чем эта правда ∾ страдает он искренно. / В чем эта правда, где она, конечно, он и сам [я] не скажет. [Ему ли узнать это. Нет, для него еще рано. Может] ◊ *вписано.*
27–28 пока лишь преимущественно / *Вписано*: *а.* пока лишь *б.* лишь ◊
28–45 да так и быть должно ∾ показывать Мишку? *вписано.*
28 *После*: должно. — *начато*: Фурье
29 *После*: вне его — и никогда он не поймет
31 с их установившеюся общественною и гражданскою жизнью /[государствен‹ной›] их общественной и государственной жизни
33–38 он ведь в своей земле ∾ русское общество. *вписано на полях следующей страницы автографа.*
33 в своей земле / у себя в своей земле ◊
38–39 пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка / пока еще оторвавшая‹ся› былинка, носящаяся по воздуху ◊
39–40 И он это чувствует ∾ так мучительно! / Ведь он [это] чувствует же сам, он страдает [искренно] и часто так искренно, так мучительно. ◊
40 Ну и что же в том / Что в том
41 даже весьма вероятно / даже может быть ◊
46 одного поэта / какого-то поэта
46 *После*: поэта — нашего. Дайте мне женщину, дикую женщину. ◊ *вписано.*
46 на исход / в исходе ◊
48 к Земфире / в цыганский табор
48 Вот, дескать, где исход мой / А вот где исход

Стр. 139.

1 мое счастье / счастье
1 здесь, на лоне природы, далеко от света, здесь / *а.* здесь нет законов, здесь природа. [И кровь] *б.* здесь Земфира, здесь природа и лоно ее, здесь [нет законов] ◊
2 и законов / нет законов
3 столкновении своем с условиями / столкновении [с у‹словиями›]
3 дикой природы / дикой и идеальной природы
5 не пригодился / не годился
5–6 несчастный мечтатель *вписано.*
11 фантастично / чрезвычайно фантастично
11 гордый-то / гордый
11 *После*: человек — верен
12 метко схвачен / верно схвачен ◊
12 *После*: схвачен. — Это [именно тот русский] наш человек, за неимением дела у себя, дома, [столь искренно] страдающий по мировой гармонии и, может быть, [простодушнейшим образом] обладающий [в то же время] крепостными людьми, который [чуть не по нем] позволил себе дворянскую фантазию — прельстился людьми, живущими без закона, который чуть
12–13 *Фразы*: В первый раз схвачен ∾ и это надо запомнить. — *нет.*
13 Именно, именно / Именно ◊
13 и он злобно / или злобно ◊
14 растерзает и казнит / проливает кровь
14 даже удобнее / лучше
14–15 вспомнив о принадлежности ∾ классов *вписано на полях.*

16–18 *К тексту*: сам возопиет ∾ обида его — *на полях набросок*: а пожалуй так и [обратится] потребует отмщающего его обиду, терзающего и казнящего

16 *Слов*: может быть (ибо случалось и это) — *нет*.

17 и призовет его *вписано*.

18 личная обида / обида ◊

18 *После*: не подражание! — Тут сильно русским духом повеяло. ◊

21–22 Смирись, праздный человек ∾ вот это решение *вписано*, *без слов*: на родной ниве. *На полях набросок* (*к стр. 139*): Это тут уже подсказано

22–23 *Слов*: по народной правде и народному разуму — *нет*.

25 Не в вещах эта правда / Правда не в вещах ◊

25 не вне тебя / *а*. и не в вещах, не вне тебя *б*. и не вне тебя ◊

28 и начнешь великое дело *вписано*.

28–29 и других свободными сделаешь ∾ жизнь твоя / и если даже [и] пострадаешь за это, то пострадаешь со счастием ◊

30 *Слов*: и поймешь наконец народ свой и святую правду его — *нет*.

30–31 Не у цыган и нигде мировая гармония / Не в цыганских таборах и не в социальных системах мировая гармония ◊

32 требуешь жизни / требуешь счастья от жизни ◊

32–33 даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить / *а*. ничем не хочешь за него заплатить *б*. даже не предполагаешь, что за него надобно заплатить ◊

33 Это решение / Да. Это решение ◊

34 уже сильно подсказано / уже подсказано ◊

34 Еще яснее / яснее и рельефней. *На полях запись*: уже сквозит

34 оно / *а*. оно *б*. оно им ◊

34–35 в «Евгении Онегине» / *Начато*: в типе

36 в которой / где

39–41 *Рядом с текстом*: Онегин приезжает из Петербурга ∾ своего героя. — *на полях набросок* (*к стр. 140*): Да это апофеоза русской женщины, и в решении Татьяной вопроса в последней главе романа я вижу мысль и всю правду поэмы, для которой, может быть, она и была задумана.

41 крупной реальной черты / крупной черты

41 в биографии / в истории

42 Повторяю опять, это тот же Алеко, особенно потом / Да, это несомненно Алеко

46 Но теперь / Он несомненно Алеко, но теперь

46 пока еще наполовину фат / еще пока фат ◊

Стр. 139—140.

47–1 мало жил, чтоб успеть вполне разочароваться в жизни / *а*. молод и свеж, чтоб не любить жизни так или этак *б*. мало жил, чтоб разлюбить жизнь [хотя б] и светские наслаждения ◊

Стр. 140.

4 он конечно не у себя / он не у себя

7 родной земле / род‹ин›е ◊

9 себе самому чужим / чужим

11 в полную невозможность / в невозможность

11–12 какой бы то ни было работы / работы

12–13 и тогда, как и теперь, немногих / весьма немногих и тогда уже ◊ *вписано*.

13 *После*: грустною — *вписано и зачеркнуто*: а часто и с язвительной

14–15 почем знать, может быть, от хандры по мировому идеалу / И даже, может быть, от хандры по мировому идеалу, по мировой гармонии, отчасти, по крайней мере ◊ *вписано на полях*.

15–16 *Слов*: это слишком по-нашему, это вероятно. — *нет*.

16 *После*: Татьяна — *начато*: Она

17 и, конечно / и даже ◊
17 *После*: Она — знает и
19 и выразилось / выразилось
20–21 именем Татьяны, а не Онегина / Татьяной, а не Онегиным
24 *После*: поэмы — [и указать правду ее] в последней главе [поэмы] ◊
24 сцене / сцене объ‹яснения›
25–28 *Фразы*: Можно даже сказать ∾ в «Дворянском гнезде» Тургенева. — *нет*.
28–33 *Рядом с текстом* (*и ниже его*): Но манера глядеть ∾ «нравственный эмбрион». — *зачеркнутые наброски* (*к стр. 140*): *1*. Это она-то эмбрион, после письма-то *2*. [Он, впрочем, и в конце концов не узнал ее] [Не узнал он ее] да он и забыл ее совершенно и потом в Петербурге, в образе светской женщины, она прошла мимо него не узнанная и не оцененная им и в том ее трагедия
28 *После*: глядеть свысока — *между строк вписано*: манера светского фата, столь независимого на вид и столь робеющего перед авторитетом ◊
29 сделала то, что Онегин / заставила [его] Онегина ◊
29 совсем даже не узнал Татьяну / не узнать Татьяну ◊ *После*: Татьяну — *вписано и зачеркнуто*: в толпе
29 когда / когда он ◊
29–31 когда встретил ее ∾ с первого разу *вписано*.
30 в скромном образе / *а*. в образе чистой *б*. в светлом образе
31–32 не сумел отличить / не отличил
32 в бедной девочке / в ней ◊
35–36 конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно / так это он, и именно он ◊
36–37 *К тексту*: Да и совсем не мог ∾ душу человеческую? Это отвлеченный человек — *на полях вписан и зачеркнут вариант*: Да и не мог он поступить иначе: разве он знает людей. Это отвлеченный человек.
38 совсем не мог / не мог ◊
37 душу человеческую / людей
37–38 беспокойный мечтатель / мечтатель
38 *После*: жизнь — разве он мог хоть когда-нибудь прикоснуться к действительности *Выше вписано и зачеркнуто*: который в
39 в образе знатной дамы / в знатной даме ◊ *вписано*.
39–40 по его же словам, в письме к Татьяне / по его словам, в его письме к ней ◊ *вписано*.
44 или даже, как-нибудь / или как-нибудь ◊
48 указал бы ему на нее / указал на нее
45 о, Онегин / *а*. *Начато*: то *б*. о, [Онегин] он ◊
46 *После*: страдальцах — *вписано*: в этих свободных и страдающих душах ◊
46–47 так много подчас / так много было
47 *После*: и — *начато*: О‹негин›

Стр. 141.

2–3 пролитою / напрасно пролитою
3–4 по родине / по родной земле
8 поэт / он
9 столь чудного / чудного
13 свою загадку / загадку ◊
14 останавливается наконец / останавливается
15 разрешения загадки / решения задачи
17 Да, она должна ∾ она разгадала. / *а*. И начинает понимать его. *б*. Она поняла его. ◊
18 при новой встрече / при встрече
19 знает / понимает
20 *После*: души — испортила ее ◊
21 новые светские понятия / новые понятия ◊
21 были отчасти причиной / были причиной

22 *Фразы*: Нет, это не так было. —*нет.*
22–23 та же прежняя деревенская Таня / та же бедная деревенская Таня, как назвал ее сам Пушкин
23 напротив / лишь
24 этою пышною петербургскою жизнью / этой жизнью
24 *После*: страдает — она не любит этой новой жизни нисколько
25 она ненавидит свой сан светской дамы *вписано.*
25–26 и кто судит о ней ∾ сказать Пушкин *вписано.*
26 не понимает того / не знает ее
26 И вот она / Но она
30 Высказала она это именно как русская женщина / и говорит как русская женщина вполне ◊
31–33 *Фразы*: О, я ни слова не скажу ∾ я не коснусь. — *нет.*
33 Но что же / Ну что же ◊
35–36 *Слов*: (а не южная, или не французская какая-нибудь) — *нет.*
37–38 не в силах пожертвовать ∾ своего значения *вписано.*
38 *Слов*: условиями добродетели — *нет.*
41 чему же верна / чему верна ◊

Стр. 142.

1 израненной душе ее / изломанной душе
1 было тогда лишь отчаяние / *а.* была пустота *б.* было отчаяние ◊
1–2 и никакой надежды, никакого просвета / и никакой надежды просвета ◊
2–5 Пусть ее «молила мать» ∾ женой его. / Пусть и молила мать, но ведь она вышла за него добровольно и поклялась ему быть [без] честной женой его. ◊ *вписано.*
6 но теперь он / но он ◊
7 и убьет его / составит его несчастье
7 А разве / О, разве ◊
8–9 *Рядом с текстом*: Счастье не в одних ∾ гармонии духа. — *на полях вписано и зачеркнуто*: разве так учит народная правда наша
8–9 только наслаждениях / плотских наслаждениях
9 а и в высшей / а в высшей ◊
9–11 Чем успокоить ∾ бесчеловечный поступок? / Чем утолить дух, если[1] [сзади] в жизни есть бесчестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? ◊ *вписано.*
11–13 Ей бежать ∾ на чужом несчастии? *вписано.*
13 Но какое же может быть счастье / Что такое мое счастье ◊
15–16 И вот представьте себе тоже, что / *а.* но *б.* и вот представьте, что ◊
16 необходимо и неминуемо надо замучить / необходимо и неминуемо замучить ◊
17 мало того — пусть / *а.* и представьте себе *б.* и пусть ◊
18 *Слова*: существо — *нет.*
20 он верит слепо / *а.* он верит *б.* он поверил слепо ◊
21 не знает вовсе / не знает
21 *После*: уважает ее — *начато*: гор‹дится›
23 этого обесчещенного старика / *а.* его, на мучениях его *б.* этого обесчещенного старика, на бесчестии его ◊
23 возвести / основать ◊
25 *Фразы*: Вот вопрос. — *нет.*
25 хоть на минуту *вписано.*
27 принять от вас такое счастие / принять свое счастие ◊
27–30 *К тексту*: принять от вас такое счастие ∾ навеки счастливыми — *набросок на полях*: хотя бы даже то‹лько› смешного человека, но зверски замуч‹енного›
29 *Слов*: это счастие — *нет.*

---

[1] *В автографе ошибочно*: есть ли

30 *После*: счастливыми? — У Бальзака в одном его романе один молодой человек, в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к [любимому] другу, своему товарищу, студенту, и спрашивает его: послушай, представь себе, вот ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там, в Китае, есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри, мандарин, и он умрет, но за смерть мандарина тебе какой-то волшебник [пошлет] пришлет затем миллион, и [никому это не известно] никто этого не узнает, и главное он где-то в Китае, он, мандарин, всё равно что на луне или на Сириусе — ну что, захотел бы ты сказать: «Умри, мандарин», чтоб сейчас же получить эт‹от› миллион? [Вот вопрос и вот ответ:] Студент ему отвечает: «Est'il bien vieux ton mandarin? Eh bien non, je ne veux pas!» ‹«Он стар, твой мандарин? Но нет, я не хочу!» (*франц.*)› Вот решение французского студента.] ◊

30 *После*: Татьяна — *вписано*: чем этот бедный студент ◊

31 с ее сердцем, столь пострадавшим / с ее глубоко страдающим сердцем? ◊

31–32 Нет: чистая русская душа решает вот как / Нет, и русская душа решает так же ◊

32–36 «Пусть, пусть я одна ∾ загубив другого!» / *а*. «Нет, пусть уж лучше пострадаю я, а не он, хотя бы я несравненно больше его пострадала». *б*. «Нет, уж лучше я пострадаю, но только чтоб из-за меня не страдали». Вот это правда, вот истинное решение справедливой чистой христианской души.

32 я одна лишусь / я лишусь

35–36 счастливою / счастлива ◊

36 она и совершается / она совершается

37 уже поздно, и вот Татьяна / Татьяна

38 Скажут: да ведь / *а*. Да, но ведь *б*. Да, скажут, ведь ◊

39 *После*: погубила — *вписано*: вот что можно спросить ◊

39–40 и даже, может быть, самый важный в поэме / и довольно любопытный ◊

40–43 *К тексту*: Кстати, вопрос ∾ распространиться. — *на полях зачеркнутый набросок*: вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным — имеет у нас, по крайней мере в литературе нашей, своего рода историю

40 вопрос / *а*. *Как в тексте*. *б*. этот вопрос ◊

42 весьма характерную / очень характерную

43 *После*: распространиться. — Я вот как думаю:

43–44 И всего характернее / И всего страннее ◊

45 Я вот как думаю / Я вот что скажу и вот как думаю ◊

47 *К тексту*: то и тогда бы она не пошла за Онегиным — *на полях зачеркнутый вариант* — не пошла за Онегиным, хотя бы он и остался несчастен

48 суть этого характера / глубину этого характера ◊

Стр. 142—143.

48–1 кто он такой / кто такой Онегин ◊ *На полях зачеркнут набросок*: отор‹ванный› от почвы, тут его трагедия, на почве, тут смысл России

Стр. 143.

2–3 *Слов*: да ведь в этой обстановке-то ∾ суть дела — *нет*.

3–4 Ведь этой девочке / Этой девочке ◊

5–6 *Слов*: несмотря на все его мировые стремления — *нет*.

6–7 вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный / и вот [о‹н›] бросается к ней, ослепленный ◊

7 *Слов*: восклицает он — *нет*.

9–10 устремляется / привяз‹ыв›ается ◊
10 причудливой фантазии / причудливой своей фантазии
10–11 всех своих разрешений / всех разрешений ◊
11–12 *Фразы*: Да разве этого ∾ уже давно? — *нет*.
12–20 *К тексту*: Ведь она твердо знает ∾ насмешливо. — *на полях зачеркнутые наброски*: *1*. Он никого не любит. Разве он *ее* любит? Она ведь знает, что он ее принимает за что-то другое *2*. Да, он любит, но не ее. Ведь [это] она твердо знает, что он любит какую-то другую *3*. Он видит в ней не ее, он видит в ней, может быть, совсем иное существо? *4*. Завтра же он посмотрит насмешливо и скажет: «Я ошибся».
12 Ведь она / О, Татьяна ◊
13 любит только / любит ◊
14 как и прежде / как прежде ◊
14 Она знает, что он / Что он, очевидно ◊
15 не ее даже он и любит / не ее он любит ◊
15–17 что, может быть ∾ мучительно страдает / [но], да он, может быть, и никого не любит, хотя так мучительно страдает ◊
17–18 Любит фантазию / Он любит свою новую фантазию ◊
18–20 *К тексту*: Ведь если она ∾ насмешливо. — *на полях наброски вариантов*: *1*. и даже вот как: умри генерал, овдовей она, и даже в этом факте, в том, что она стала свободною и, стало быть, уже нет преград счастью — Онегин, может быть, и нашел бы побуждение разочароваться *2*. ощутил бы побуждение к разочарованию
20 носимая ветром / носящаяся по воздуху
21–31 *К тексту*: Не такова она вовсе ∾ с его святынею. — *на полях зачеркнутый набросок*: и тень ветвей — у ней хоть родина, у него — ничего.
21 Не такова она вовсе / *а*. Но не такова она *б*. Не такова Татьяна ◊
21 у ней и в отчаянии / О, и в отчаянии ◊
21 в страдальческом / в скорбном, страдальческом
21–22 сознании / сознании ее ◊
22 *После*: что — она
22 все-таки / у ней все-таки ◊
23–24 Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши / Это ее родина, ее воспоминания деревенской глуши ◊
24 в которой / где
25–26 над могилой ее бедной няни / над бедной нянею моей ◊
26–28 О, эти воспоминания ∾ от окончательного отчаяния. / *а*. О, это ей теперь всего драгоценнее *б*. О, это ей теперь всего драгоценнее. Это только, эти родные воспоминания, одни только и спасают ее душу от окончательного отчаяния.◊
28–29 И этого немало, нет / *а*. Это мало на первый взгляд, *б*. Скажут, что этого мало, что это преуве‹личение›, нет, этого довольно, это не преувеличение ◊
29–30 нет, тут уже многое ∾ неразрушимое / *а*. Тут почва, тут адамантово основание, тут осознанный идеал чистого великолепного счастья на лоне родной природы. *б*. Тут у ней нечто незыблемое и нерушимое, скромное на вид, тут осознанный идеал чистого великолепного счастья на лоне родной природы.◊
30–31 *Фразы*: Тут соприкосновение ∾ с его святынею. — *нет*.
31–32 и кто он такой / кто он такой — пародия, хотя и воистину страдающая. ◊ *Далее вписано*: ‹страдающ›ий человек
32–34 Не идти же ей за ним ∾ призрак счастья / Как ей идти за ним, если б даже она была и свободна? Разве из сострадания, чтоб потешить, чтобы хоть на время подарить ему призрак счастья.◊
34–35 твердо зная наперед ∾ на это счастье свое насмешливо / [Сознательно] твердо зная наперед, что он разочаруется ◊ *вписано*.
35–37 Нет, есть глубокие и твердые души ∾ из бесконечного сострадания. / О, может быть, она и сделала бы это, русская женщина слиш-

ком добра, но ведь есть [характеры твердые, серьезные и глубокие] же души высокие и глубокие, [есть такие] которые не захотят отдать святыню свою на сознательную потеху, хотя бы [из бесконеч‹ного›] [при бесконечном] и из бесконечного сострадания ◊ *На полях наброски*: *1. зачеркнуто*: чтоб потешить его, сознательно отдать ему на потеху, из сострадания. Есть серьезно при‹ня›вшие жизнь *2.* Из сострадания? Это могло бы быть, с русской женщиной [это] могло бы случиться, и такое самоотвержение уже без предела, но — но есть и т. д.

38 Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным. / [И] Нет, Татьяна [как я понимаю ее, по крайней мере] не пошла бы за Онегиным, если б даже и могла это сделать. ◊ *Далее*: [Я не как литературный критик разбираю [ро‹ман›] создание Пушкина, напоминаю об этом, но тут есть в этом финале Онегина одна драгоценнейшая черта, которую не могу удержаться чтоб не отметить: [это необычайный реализм поэта, этот идеал Пушкина, это] Татьяна укоряет Онегина, говорит ему, что пото‹му›] *Выше на полях зачеркнутый набросок*: Попрек уже прозвучал в словах: «Сегодня очередь моя», но эти слова незлобивые; эти слова горькие, и ей первой они горче, чем Онегину.

39–43 *Рядом с текстом*: Итак, в «Онегине» ∾ стоящего общества. — *наброски на полях*: *1.* Мы называем Пушкина русским писателем. Но он был русский и народный, как никто из писателей. *2.* Русского скитальца, скитальца до наших дней и в наши дни (*см. стр. 137*). *3.* Дать положительные типы,[1] главная красота их в правде.

39 Итак, в «Онегине» / В [эт‹ом›] «Онегине» ◊

40 явился великим / разом явился русским великим

44 *После*: дни — *начато*: уг‹адав›

45 *После*: своим — в нашей

46 и в нашей грядущей судьбе / в нашей действительности ◊ *Над строкой вписано*: грядущей судьбе

47 положительной и бесспорной красоты / положительной бесспорной и недосягаемой красоты

Стр. 144.

1–2 в других произведениях этого периода своей деятельности / в [своих] поэтических образах [2]

2 положительно прекрасных русских типов / [бесспорно] положительной красоты русских типов ◊

3 *Над словом*: русском — *вписано и зачеркнуто*: и в духе

3 этих типов / их

5 *После*: изваянные. — О, он долго еще собирался работать на великолепном пути своей ‹*так!*› и, кто знает, какие богатства мог бы оставить и завещать нам. Но того, что и оставил он, уже довольно — для указания, для доказательства [справедливости его воззрения] правды воззрений его на Россию и на русского человека ◊ *Далее было*: И всё это сокровища, оставленные нам, для будущих [художников] грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последующих талантов. По крайней мере не появились бы они в такой силе и с такою ясностию, в какой [выр‹азились›] удалось им выразиться [впоследствии] после Пушкина, уже в наши дни, даже несмотря на великие их дарования. Но не в поэзии лишь одной, не в творчестве лишь художественном дело. Не было бы Пушкина, не определилась бы, может быть, в такой самостоятельной силе (в какой это явилось потом) наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда в наши

---

[1] *В автографе ошибочно*: типов

[2] *Между строк вписано и зачеркнуто*: последовавших

народные силы и в твердый ‹*не закончено*› *Рядом на полях набросок*: для будущих русских деятелей, которые возлюбить ‹*так!*› землю русскую *Между строк вписано*: заключает
5–8 *Рядом с текстом*: Еще раз напомню ∾ нашего поэта. — *наброски к нижеследующему тексту ЧА* (*см. стр. 291—293*): *1*. хоть и держала под башмаком, но это не то что широко, что узко. Семья il n'y a plus rien ‹и больше ничего (*франц.*)› *2*. что широко, что узко и на том кончает всё свое мнение о своем муже *3*. Это не половина правды, это полная, самая полная и великолепная правда о поручике. Этой-то правды [мы] о себе самих и не слышим или столь редко слышим. Это нам указание
6 *После*: разъяснять — и доказывать
7–8 особенно подробным литературным обсуждением этих гениальных произведений нашего поэта / *а*. указанием на бессмертные русские типы, им созданные и оставленные *б*. подробным обсуждением всех бессмертных русских типов, им созданных и нам оставленных ◊ *На полях набросок*: особенно подробным литературным разбором этих гениальных произведений его
9 *После*: можно — написать
10 *После*: значение — духовной красоты
10–11 этого величавого русского образа / этого [бесспорного] русского типа ◊
11–12 им выведенного / им указанного
12 поставленного / стоящего
12 *После*: нами — *навеки* ◊
13 духовной *вписано*.
14 *После*: свидетельство — *начато*: мощн‹ого›
15–18 неоспоримой правды / недосягаемой [и главное] неоспоримой [уже] правды ◊
16 его нельзя оспорить / нельзя оспорить ◊
16–17 сказать, что он выдумка, что он только фантазия и идеализация поэта / что он не существует, [скопирован или заимствован] что он выдуман, что он только фантазия и идеал поэта ◊
17 *После*: Вы — именно
17–18 созерцаете сами *вписано*.
21 духовную мощь / необъятную духовную мощь
25 *После*: можно — *начато*: *а*. пр‹ямо› *б*. вз‹ять›
27–28 ни прежде, ни после его *вписано*.
28 задушевно / духовно
28–29 с народом своим / с народом ◊
29 О, у нас / Право, у нас
29 много / столько
31 *После*: между тем — как
31 сравнить их / сравнить ◊
32 то, право же / ей-богу [это] ◊
32 до сих пор / до сих даже пор ◊
32–33 *Слов*: за одним ∾ последователей его — *нет*.
33 это / всё это ◊
34 У самых талантливых из них / У самых лучших из них, самых великих ◊
34–35 *Слов*: даже вот у этих ∾ упомянул — *нет*.
36–37 из другого быта и мира / из другого быта ◊
37–38 осчастливить его этим поднятием / осчастливить его ◊
38 *После*: что-то — *начато*: родственное с народом, ро‹дственное›
39 с народом *взаправду* / взаправду, воистину
39–40 в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления / иногда до какого-то умиления, до какого-то любования [к народу] русской силой, до братс‹кого›, до любовного [с ним] слияния с народом.
40–41 и о том, как убил / как убил
41–42 припомните стихи / припомните ◊

⁴⁴ *После*: сказать. — В «Капитанской дочке» казаки тащут молоденького офицера на виселицу, надевают уже петлю и говорят: «Небось, небось» — и ведь действительно, может быть, ободряют бедного искренно, его молодость жалеючи. И комично, и прелестно. Да хоть бы и сам Пугачев с своим зверством а [рядом] вместе с беззаветным русским добродушием [как пр‹?›]. С тем же молоденьким офицером встретился уже наедине, смотрит на него с плутоватой улыбкой, подмигивая глазами: «Думал ли ты, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь?» И потом помолчав: «Ты крепко передо мной виноват» [1] [Это: драгоценные черты, недосягаемые, почти умилительной какой-то правды]. Да и весь этот рассказ «Капитанская дочка» [такое это] чудо искусства. Не подпишись под ним Пушкин, и действительно можно подумать, что [нап‹исал›] в самом деле написал какой-то старинный человек, бывший очевидцел [2] и героем описанных событий, до того рассказ наивен и безыскусствен, так что в этом чуде искусства как бы исчезло искусство, утратилось, дошло до «естества» — и вот в этом-то сродстве духа поэта нашего с родною почвою [и с ее типами] лежит наилучшее и самое обаятельное доказательство [в] правдивости образов [поэта], [в] правдивости правды, которую они изображают собою, предназначенное к тому поэтом. — правдивость, перед которою всякая мысль об идеализации, о пристрастии, о [преувеличениях, увлечениях] преувеличении или увлечении поэта исчезает, стушевывается, а русский человек, русский дух оправдываются. [Сделаю] Позволю себе маленькое сравнение и именно по поводу этой же «Капитанской дочки». В «Недоросле» Фонвизина, комедии, написанной задолго до Пушкина, ведь тоже всё правда. Эта г-жа Простакова, ее муж, Скотинин, Митрофанушка — всё это осязаемо, есть и быть должно. Вы знаете сверх того, что есть и хуже их. А между тем вы чувствуете, что все они, сколько бы ни было их, лучших ли, худших ли, все они правда как частные случаи, вообще же как типы русских людей — они уже неправда. Почему же? Потому что [половина] полная правда осталась невысказанною, потому что половина правды есть ложь.[3] Впрочем, так [и] хотел сам Фонвизин. Я не для умаления его говорю, он именно порицал частный отвратительный случай, хотя правду и нравоучение комедии он находит всё же не в народном духе, а в тирадах из французских книжек, высказываем‹ых› благоразумной Софьей. Посмотрите теперь хоть на кривого поручика в «Капитанской дочке», который держит перед капитаншей на руках нитки,[4] — тип тоже комический, правда, не столь позорный, как Простаковы, но комический и, по-видимому, ничтожный.[5] Его зовут в секунданты. а он отвечает: «Зачем драться, вас выругали, а вы пуще выругайтесь, вас в ухо ударят, а вы его в другое». И вот он стоит перед Пугачевым и на клик [6] к нему: «Присягай!» — отвечает в глаза Пугачеву: «Ты, дядюшка, вор и самозванец», зная, непременно зная, что тот его сейчас за это повесит. И вот этот кривой и ничтожный, по-видимому, человек, умирает великим героем, человеком бравым и присяжным. И ни одной-то минуты не мелькнет у вас мысль, что [это] частный лишь случай, а не весь

---

[1] *На полях*: «Ты крепко — такая

[2] *В автографе ошибочно*: очевидцев

[3] *На этой странице выше заметка*: Кстати, что такое полная правда и что такое полуправ‹да›

[4] *На полях запись*: моток

[5] *Выше на полях набросок*: правда, не такой позорный, как Простаковы, но комический и, по-видимому, ничтожный

[6] *Выше вписано*: окрик

русский простой человек в огромном большинстве [1] [его первоначального типа, (говорю первоначального в отличие от позднейших)] своем, что не огромное большинство, что не все русские по крайней мере, не [2] Посмотрите теперь хоть на капитаншу Миронову — тоже тип комический: она управляет крепостью, она держит мужа под башмаком, участвует в военных советах и даже, во время уже битвы, прибегает распорядиться и посмотреть: как идет баталья? [П‹ростакова›] Госпожа Простакова, командуя тоже мужем, раз навсегда заключила о нем, что он не знает, что широко, что узко, да и на заключении этом и покончила. Не знаю, говорила ли подобные слова капитанша Миронова своему капитану — может быть, нет, потому что слишком уже скверно, но подобно‹е› и даже близко подходящее что-нибудь, может быть, и говорила в досадную минуту. И вот Пугачев повесил ее капитана, умершего тоже геройски, а ее казаки вытаскивают в одной рубахе на крыльцо. Увидала она своего старика, сплеснула руками: «Удалая ты, моя солдатская головушка, не тронули тебя ни пули турецкие, ни штыки прусские, а погиб ты от беглого каторжника!» И прокричала, уже не думая о том, что и ее повесят: вместе жили, [вм‹есте›] [заодно] вместе и умирать. [Молодой казак (именно молодой)] Всю-то жизнь муштровала им [3] и держала под башмаком, казалось бы и не уважала, а теперь вот нашла же в сердце своем и всю правду о нем: что он удалая солдатская головушка, бравый присяжный молодец, — и всю-то жизнь, значит, носила о нем эту мысль, чтила, стало быть, и уважала его всю жизнь про себя благоговейно.

И это уже не одно только широко и узко, — а стало быть, и умилительная правда их любви, их крепкого святого союза спасена, правда высказана, и смотря на них, читая их смиренную и геройскую повесть, никогда-то опять-таки не мелькнет у вас ни малейшего подозрения, что это частный лишь случай, а не *русские* [4] [люди в] простые люди в огромном их большинстве.[5] Читая Пушкина, читаем правду о русских людях, полную правду, и вот этой-то полной правды о себе самих, которую он нам так беспристрастно про нас рассказывает, мы почти уже и не слышим теперь или столь редко слышим, что и Пушкину [бы], пожалуй бы, не поверили, если б не вывел и не поставил он перед нами этих русских людей столь осязаемо и бесспорно, что усомниться в них или оспорить их совсем невозможно. ◊ *Рядом на полях набросок*: а что доказал и указал это Пушкин и в этом было великое назначение его. Назначение его было сказать о русском человеке *полную* правду, которую мы так редко слышим.

Стр. 145.

4 *После*: ясностью — в какой удалось им выр‹азиться›

7–15 *Рядом с текстом*: не было бы Пушкина ∾ деятельности. — *на полях зачеркнутый набросок* (*к стр. 145—146*): Это почти чудесная сила, совершенно оригинальные и никогда не виданные до Пушкина в европейских литературах типы. Громадные гении. Чудесное и оригинальное явление

8–9 непоколебимою / самостоятельною

---

[1] *На полях предыдущей страницы набросок*: Кривой поручик; ну мелькнет ли у вас хоть малейшая мысль, что это частный случай, а не русский человек в огромном большинстве его

[2] что не огромное большинство ∾ мере, не *вписано на полях, не закончено.*

[3] *Так в автографе.*

[4] *Выше строки вписано*: быт, не благочестив‹ая› жизнь

[5] *Рядом на полях набросок*: что он удалой бравый присяжный молодец, и всё спасено, вся правда высказана — и опять-таки не придет вам в мысль

9–10 *Слов*: хотя всё еще ∾ лишь немногих) — *нет.*

11 на наши / в наши ◊

12–13 а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение / и в нашем грядущем назначении ◊

14 третьим периодом / его третьим периодом

15 Еще и еще раз / Еще и еще ◊

16 не имеют / не имеют у Пушкина ◊

17 даже этого третьего периода / этого третьего [например] периода ◊

18 явиться / начаться ◊

18–19 поэтической деятельности нашего поэта / его поэтической деятельности ◊

19 ибо Пушкин / [Это] Пушкин ◊

19–20 цельным, целокупным, так сказать, организмом / цельный организм, всегда целокупный

20–21 носившим в себе ∾ извне *вписано.*

20 *После*: носившим — *начато*: вн[утри]

20 *После*: все — [семена]

21 не воспринимая / а не воспринимая ◊

21–22 *Фразы*: Внешность только будила ∾ души его. — *нет.*

23 Но организм / но он

23 периоды этого развития / периоды эти

24 можно обозначить и отметить / *а. Начато*: можно проследить[1] и обозначить в ряду *б.* можно обозначить и отделить

24 в каждом из них, его особый / в каждом их особый

25 одного периода из другого / одного из другого

26 Таким образом *вписано.*

28 отразились *вписано.*

28 *После*: образы — Европы

28–29 и воплотились / *а.* воплотились *б.* и в которых воплотились ◊

30 в этот-то период / в этот период ◊

31 наш поэт / Пушкин

31 представляет собою / представляет нам

31 нечто / что-то ◊

33–34 художественные гении / гении

36–39 *Фразы*: И эту-то способность ∾ народный поэт. — *нет.*

39 из европейских поэтов / из них ◊

40 *После*: себе — в таком

41–42 глубину этого духа / глубину [и мысль] его мысли

42 *После*: тоску — *начато*: будущего проро‹ка›

42–43 *Слов*: как мог это проявлять Пушкин. — *нет.*

43–46 Напротив, обращаясь ∾ те же англичане. *вписано.*

43–44 обращаясь к чужим народностям, европейские поэты чаще всего / обращаясь к гениям чужих наций, европейские гении ◊

45 *Слов*: и понимали по-своему — *не*

Стр. 146.

1–2 свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность / этой почти чудесной отзывчивостью ◊

4 подписи Пушкина / подписи ◊

5 не испанец / русский ◊

7 слышен / *Начато*: схваче‹н›

7 чудесная песня / песня ◊

11 это английские песни / это [английская] песня английской девы ◊

12 его страдальческое / *а.* фантастическое *б.* страдальческое ◊

12 своего грядущего / его грядущего ◊

15 *После*: из — книги

16 написанной в прозе / в прозе ◊ *вписано.*

16–17 древнего английского религиозного / английского

---

[1] *В автографе ошибочно*: последить

17 разве это / разве это перевод, разве это ◊

18–19 В грустной и восторженной музыке этих стихов чувствуется / Тут схвачена ◊

19 самая душа / *а.* душа *б.* вся душа ◊

20–21 тупым, мрачным и непреоборимым / тупым и непреоборимым

21 *После*: и — *начато*: безгранич‹ным›

22–27 Читая эти странные стихи ∾ и веровали *вписано.*

22 *После*: стихи — [вам] перед вами как бы вновь становится

22–23 *После*: реформации — вам чувству‹ется› *вписано.*

23–24 вам понятен ∾ протестантизма *вписано.*

23–24 становится этот воинственный огонь начинавшегося / этот огонь [прот‹естантизма›] начинающегося ◊

24–25 наконец, самая история / *а.* история *б.* самая история ◊

27 в их мистических восторгах / в их мистических восторгах и надеждах ◊ *вписано.*

27–28 *Слов*: вместе с ними ∾ поверили — *нет.*

28–29 религиозным мистицизмом / мистицизмом

29 религиозные же строфы / строфы ◊

30 разве тут / разве это ◊

30–31 не самый дух Корана / не дух Востока ◊

32 грозная кровавая сила / грозная сила ◊

33–38 севшие над народом ∾ своего самца / *Начато*: боги [потерявшие всякую веру в свой гений] времен падения Рима, потерявшие всякую веру [в свой гений] [в себя] в себя и в гений, [насмешливо народ свой] атеисты, ставшие богами, насмешливо смотрящие на народ свой, — ставшие богами и обезумевшие, потерявшие ‹*зачеркнуто*›

33 народом своим / *а.* народом *б.* своим народом, по-ихнему уже чернию ◊

33 *После*: богами — *вписано и зачеркнуто*: считаю‹щие›

33–35 *Рядом с текстом*: севшие над народом ∾ уединенными богами — *на полях набросок (см. стр. 146—147)*: И что ж эта всемирность, отзывчивость и есть назначение, дальнейшее проявление русской силы и ее назначения, выразившемся ‹*так!*› в Пушкине как в художнике

34 уже презирающие / презирающие

34–35 уже не верящие в него более *вписано.*

35 уединенными богами / богами ◊

35–36 *После*: обезумевшие — ищущие

35–44 *Рядом с текстом*: и обезумевшие ∾ не повторилось. — *на полях набросок (к стр. 147)*: в реформе Петра мы не то что усвоили изображения, костюмы и обычай Европы, мы разом устремились с любовью воспринять их гений душой нашей, братски дружественно ‹?› без преимуществ, извиняя одно, примиряя другое различие, из примирения стремясь к всецелому едине‹нию› *Рядом записи*: *1.* всех вместе *2.* не делая преимуществ *3.* различая

36 *Слов*: в отъединении своем — *нет.*

38 своего самца / своих самцов ◊

40 не в одной только отзывчивости / не в отзывчивости [тут] только. *Над строкой вписано и зачеркнуто*: *1.* в отзывчивости *2.* не в искусстве одном

41 в изумляющей глубине / в глубине ◊

41 *После*: а в — *вписано и зачеркнуто*: полном

41 в перевоплощении / в перерождении

42 в дух / в духи ◊

42 перевоплощении *вписано.*

43 а потому и чудесном / и потому чудесном ◊

44 *После*: не повторилось. — *начато*: Как кр‹оме›

45 невиданное / чудесное

Стр. 147.

2 *После*: сила — именно
3 народность в дальнейшем своем развитии *вписано.*
3–4 *Слов*: народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем — *нет.*
5 сила духа русской народности / сила русского духа
5–7 как не стремление ее ∾ ко всечеловечности / стремление [его] ее и [его] ее назначение в конечных целях [его] ее как не всемирность, не всечеловечность ◊ *Далее*: [Как художник и поэт Пушкин наш пророк и наше указание!]
7 народным поэтом / народным и национальным поэтом
7 Пушкин / он
8 как только прикоснулся к силе народной / тотчас же [коснувшись сил народных] прикоснувшись к силе народной и усвоив ее себе, бессознательно, но мощно и стремительно ◊
8 так уже и / уже ◊
9 великое грядущее назначение / великое назначение
9 этой силы / нашего народного гения ◊ *Далее*: [как художник и поэт Пушкин наш пророк и наше указание]
9–10 *Фразы*: Тут он угадчик, тут он пророк. — *нет. См. предыдущий вариант и вариант к строкам 5—7.*
12 а даже и в том / а в том
12–13 что уже явилось воочию *вписано.*
13 означала / значила ◊
16–27 Да, очень может быть ∾ вполне жизненно. *вписано.*
16–17 Петр первоначально только / Петр только ◊
17 начал производить ее / произвел ее ◊
18 *После*: утилитарном — (если не допустить только в Петре русского затаенного инстинкта, который влек его в его дела, к целям будущим, еще им не сознанным, но несравненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм) ◊
22 Так точно и русский народ / Но русский-то народ ◊
23 а несомненно / это уже несомненно ◊
23–24 ощутив своим предчувствием почти тотчас / ощутив в ней инстинктом тотчас ◊
24 дальнейшую / дальнейшую высш‹ую›
25 *Слов*: чем ближайший утилитаризм — *нет.*
26–27 ощутив эту цель ∾ вполне жизненно / ощутив, конечно, бессознательно, но, однако же, непосредственно и жизненно ◊
28–29 к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому / [правда, бессознательно вначале, но с величайшею силою] опять-таки. конечно, сперва бессознательно к [европейскому и всемирному] воссоединению с гениями европейских народов, к единению [всемирному] всечеловеческому ◊
29–30 *Слов*: (как, казалось, должно бы было случиться) — *нет.*
30 дружественно / дружественно и братски
30–31 с полною любовию / с любовию
31 приняли в душу нашу / *Начато*: устремились разом к воссоед‹инению›
31 чужих наций / их наций ◊
32 *После*: не делая — *начато*: пле‹менных›
33 с самого первого шагу / с самого начала ◊
33 *После*: различать — *начато*: изв‹инять›
33–34 снимать противоречия / примирять противоречия ◊
34–37 готовность и наклонность ∾ арийского рода / *а.* наш глубоко народный инстинкт к всецелому единению, к всемирному соединению людей *б.* как бы готовность нашу, как бы тоску нашу и страдание наше по всемирному воссоединению людей ◊ *Далее начато и зачеркнуто*: Что так и быть на *На полях зачеркнутый набросок*: и стремление его

37 Да / Ибо
38 бесспорно *вписано.*
40 (в конце концов, это подчеркните) *вписано.*
41–43 О, всё это славянофильство ∾ необходимое. *вписано на полях.*
42 *После*: есть — пока лишь
42 одно только великое / одно великое
42–43 у нас недоразумение, хотя исторически и / недоумение наше [пока] исторически пока ◊
44–45 как и сама Россия / как и Россия ◊
46 приобретенная / приобретенная она
47 к воссоединению людей / к другим народам

Стр. 148.

1 уже следы / следы ◊
3 *После*: в — *начато*: истори‹и›
3 в государственной политике нашей / в внешней политике это найдете ◊ *Над строкой вписано*: государственной
3–6 Ибо, что делала Россия ∾ происходило. *вписано на полях.*
4 во все эти два века / в эти два века ◊ *Далее*: [как не]
6–7 О, народы Европы ∾ дороги! *вписано на полях.*
7–9 я верю в это ∾ все до единого / я верю в это, мы все поймем
9 стать настоящим русским / стать самостоятельным русским, стать настоящим
10 *После*: значить — ощущать
11 *После*: окончательно — в [душ‹е›] русской душе ◊
12 в своей русской душе *вписано.*
12 всечеловечной и всесоединяющей *вписано.*
13 *Над словами*: в нее — *вписано*: эт‹у› душ‹у›
13 братьев / братьев великого арийского племени
14–15 общей гармонии / общей всечеловеческой гармонии ◊
15 братского окончательного согласия / *а.* братского единения *б.* свободного и братского единения
15 *Слов*: всех племен — *нет.*
16 Знаю, слишком знаю / *а.* О, *б.* Знаю слишком ◊
17 показаться / показаться теперь ◊
19 надлежало / должно было ◊
19–21 но особенно теперь ∾ воплощавшего *вписано на полях.*
19 но / и ◊
20 торжества / великого торжества
20 *После*: минуту — *вписано и зачеркнуто*: всенародного
21 в художественной силе своей / в себе ◊
22 Да и высказывалась уже эта мысль не раз / *а.* Да и высказывались не однажды *б.* Да и высказывались уже они, эти мысли, и прежде ◊
22–23 я ничуть не новое говорю *вписано.*
23 всё это покажется самонадеянным / мои слова покажутся [самонадеянными] простодушно самонадеянными
24 дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой / нашей нищей, нашей грубой ◊
25 предназначено в человечестве высказать новое слово / *а.* предназначено новое слово *б.* предназначено такое великое и окончательное слово ◊
28 всечеловечески-братскому / всемирно братскому
29 изо всех народов / из всех ◊
30 даровитых людях / талантах ◊
32 *Слово*: Христос — *зачеркнуто и восстановлено. Выше было вписано и зачеркнуто*: царь небесный
33 сам он / сам-то он ◊
34 *После*: родился — *вписано*: не побрезгает и нашей землей ◊
34 *Слова*: Повторяю — *нет.*
37 *После*: он — *начато*: стоит

38 *После*: стремления — *начато*: в назначении

38–40 а в этом ∾ основаться / а это уже бесспорно великое указание. Есть по крайней мере на чем основаться в нашей фантазии ◊ *вписано на полях.*

43 гораздо более и ближе, чем теперь / гораздо более и ближе, чем успел сделать ◊ *вписано.*

44 может быть, успел бы им разъяснить / разъяснил бы им ◊

44–47 всю правду стремлений ∾ теперь еще смотрят / *а.* нашу душу и таинственные, глубокие грядущие стремления ее *б.* глубину нашего духу и стремлений его, и они бы уже более понимали нас, чем теперь, приблизились бы к нам, перестали бы на нас смотреть недоверчиво, как теперь еще смотрят, стали бы нас узнавать, предугадывать *в.* глубину нашего духу и стремлений его, и они бы уже более понимали нас, чем теперь, подошли бы к нам ближе, стали бы нас узнавать и предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво, как теперь смотрят, совсем еще не понимая нас и чего мы хотим ◊

Стр. 148—149.

47–1 Жил бы Пушкин долее ∾ чем видим теперь. / *Вписано на полях: а.* Жил бы он дольше, меньше было бы между нами недоумений и споров, это уже наверно. *б.* Жил бы Пушкин дольше, даже и между нами меньше бы было недоумений и споров, какие видим теперь, это-то уж наверно.◊

Стр. 149.

2 в полном развитии / *а.* в цвете *б.* в полном цвете ◊

2 с собою *вписано.*

3 некоторую *вписано.*

3 *После*: тайну — отвергать это, значит не верить в громадное для нас значение его гения ◊

3 И вот мы / Мы

3–4 эту тайну разгадываем / ее и разгадываем

4 *После*: разгадываем. — Жаль, что еще долго будем только разгадывать и спорить, ибо пора давно уже [нам], пора [бы между собою всем нам согласиться] перестать спорить и всем между собою согласиться. Да и исход-то несогласий наших столь явно теперь обозначен, ибо [состоит] [заключается] он лишь в простодушном, не хитростном, а братском, а главное, и безусловном, воссоединении с народом нашим. Опять-таки и тут [пример] нам примером Пушкин, воссоединивший свою душу с народом своим совершенно, как [никогда и] почти никто из нас, стоящих над народом [интеллигентных] так называемых «образованных» русских людей.[1]

Глава третья

ЧА$_1$

Стр. 149.

5–9 Глава третья ∾ основном деле. / *а. Начато*: Неско‹лько› *б.* Г-ну Ал. Градовскому в ответ на его критику моей речи ◊

11 *Слов*: 8-го июня в Москве — *нет* (*оставлено место*).

11 предисловием к ней / предисловием ◊

12 *После*: написал — *начато*: пр‹едчувствуя›

12 предчувствуя / подлинно предчувствуя ◊

---

[1] *Текст*: Жаль ∾ русских людей. — *написан измененным почерком, другими чернилами.*

12–13 действительно поднявшийся потом в нашей прессе / поднявшийся ◊
13–14 *Слов*: в «Московских ведомостях» — *нет*.
14–16 ***Фразы***: Но, прочтя вашу критику ∾ нападки. — *нет. Вписан набросок к ней*: Но, прочтя крити‹ку› г-на Гр‹адовского› приостановил печатание.
16–17 О, предчувствия мои оправдались, гам поднялся страшный. / Предчувствия оправдались, гам поднялся. ◊
17–22 *Текста*: И гордец-то я ∾ до настоящей! — *нет. К нему набросок*: Гордец, труслив; Манилов, поэт, полиция.
22–23 Но оставим ∾ ваши пункты. / Причины гама объясню ниже, начну прямо с ответа вам на ваши пункты. ◊
24–25 лично нечего бы мне с вами ни делить, ни толковать / лично мне нечего с вами ни делить, ни говорить. ◊
25–26 Мне с вами столковаться нельзя ∾ не имею в виду. / Нам столковаться нельзя (ровно, как и с другими оппонентами). Надо начинать сначала, с азбуки, а это не стоит труда. Ни убеждать, ни разубеждать вас собственно к‹ак› оппонента моего, Градовского, я не имею в виду. ◊
26–27 ***Фразы***: Читая и прежде ∾ удивлялся течению мыслей. — *нет*.
26–29 Итак, почему же я ∾ то есть читателей. / Но отвечаю вам единственно для того, что имею в виду других, которые нас рассудят, читателей. ◊
29 *После*: читателей. — [Оставлять не разъяснен‹ными?›] ‹*нрзб.*› Вторая причина моего ответа лишь вам, чтоб иметь к кому обращаться. К тому же вы действительно воплощаете как бы тип моих оппонентов — усердие к изворотливому затемнению моей идеи, к извращению моих чувств и мыслей в страхе от эффекта, произведенного моей речью, к ниспровержению меня. Не то чтобы ваша статья была так сама по себе целокупна. Да и вообще, читая и прежде ваши статьи, я конечно удивлялся течению мыслей, но ничего другого не мог извлечь. Впрочем, прочь личности, посмотрим по всем пунктам. ◊
29–41 *Текста*: Для этих других и пишу. ∾ придрался лишь к случаю. — *нет*.
42 Вы прежде всего задаетесь / Вы задаетесь ◊
43 яснее / ясно и точно
44 *Слов*: о которых я говорил в моей речи — *нет*.

Стр. 149—150.

44–1 нужно начинать / чтобы вывести это, нужно начать ◊

Стр. 150.

1–4 К тому же ∾ и как завелись / Вы потом выводите, откуда они завелись ◊
4–5 жить с Сквозниками-Дмухановскими / видеть Сквозников-Дмухановских ◊
5–6 по не освобожденным еще тогда крестьянам / по неосвобожденным крестьянам ◊
6–7 современного либерального человека, вообще говоря / либерального фельетониста ◊
7–8 что касается до России, давно уже решено и подписано / давно решено и подписано ◊
8 с необычайною / с необыкновенною ◊
9–11 Тем не менее вопрос ∾ решение ваше. / Но для меня, признаюсь вам, вопрос этот решается не столь легко. Он сложнее, чем вы думаете, гораздо. ◊
11–12 скажу в своем месте / скажу сначала ◊
12 но прежде всего / Но прежде ◊
12–13 прехарактерное / прелюбопытное ◊ *На полях набросок к последующему тексту* (*стр. 151*): Смирение есть самая страшная сила в истории человечества, ибо она есть спокойствие правды ‹*между строк*

вариант: в правде› и подвиг любви, а ее-то и не заметили историки человечества, никто и никогда. Западные историки, по крайней мере, ее совсем проглядели в человечестве со времен Христа, а стало быть, и не понятна им главная неоспоримая сила, движущая христианство, и вся правда его. Не поняли и вы, конечно. Где же вам. Только ведь у Запада одно просвещение и больше нет никаких источников.

13–14 опять-таки с легкостию, уже доходящею почти до резвости / с легкостью, доходящею почти до игривости ◊

Стр. 150—151.

13–36 *Рядом с текстом*: ваше словцо ∾ нравоучение. — *на полях набросок к последующему тексту* (*стр. 153*): Либерал враг народу, даже если б он и не хотел того (ибо большинство действительно не хочет того и враги народу лишь бессознательно). Логическое же течение вещей создается и сознательно. Демократ работает в руку силам, одолевающим, затирающим и гнетущим народ.

Стр. 150.

16–23 *Текста*: «Так или иначе ∾ источников русских» — *нет. Наброски к нему*: *1.* Из слов г-на Достоевского *2.* Объяснив, что автор (то есть я), вероятно, далек от такого банального объяснения, вы продолжаете *3.* Так или иначе, но уже два столетия *4.* . . .за полнейшим отсутствием источников русских

24 *Слов*: Сказано, конечно, игриво; — *нет.*

24 но вы произнесли / Нет-с, позвольте: вы произнесли ◊

25 Позвольте же спросить, что вы под ним разумеете / Что вы под ним разумеете, уговоримся с самого начала ◊

29–31 *Фразы*: Согласен тоже вполне ∾ наше ей вечная. — *нет.*

31–32 *После*: разумею — вот например ◊

32–33 то, что буквально уже выражается в самом слове «просвещение» / действительно буквально *просвещение* ◊

34 просвещающий сердце / питающий сердце ◊

34–35 направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни *вписано.*

35 *Слов*: Если так, то — *нет.*

36 такое просвещение / это просвещение ◊

36–37 черпать из западноевропейских источников / получать из западноевропейского просвещения ◊

38 *После*: русских — *начато*: Нам как

38 Вы удивляетесь? *вписано.*

38–39 Видите ли: в спорах я люблю / Я ведь знаю, что мы не поймем друг друга, но я в спорах привык прямо брать быка за рога и люблю ◊

40 *После*: разом. — Недаром же меня называете хотя и болезненным парадоксалистом (про болезненность выдумали вы, здоровые люди наши, трезвые европейские умы, и вам подобные), но зато искренним, итак, слушайте — буду говорить бездоказательное лишь положение ◊

41 *Слов*: Я утверждаю, что — *нет.*

41 просветился / просвещен ◊

Стр. 150—151.

42–23 *Текста*: Мне скажут ∾ в основном положении — *нет. Между строк вписан набросок*: нужно мне вас убеждать

Стр. 151.

23 если наш народ / Наш народ ◊

24 то вместе с ним, с Христом, уж конечно / Вместе с ним ◊

25–27 При таком основном запасе ∾ в истинное благодеяние. / С таким запасом науки Запада нам лишь благодеяние.◊

28 *После*: на Западе — а мы их осветим Христом, что и непременно случится впоследствии ◊

28–31 *Текста*: где, впрочем, не от наук ∾ в виде папства. — *нет. Между строк вписан набросок*: не от наук, однако, а от папства

31–33 Да, на Западе ∾ никогда не исчезнут. / На Западе же нет христианства, хотя и есть [уже] еще [христианство] христиане.◊

34 *Слов*: и переходит в идолопоклонство — *нет.*

35–36 текущее, изменчивое (а не вековечное) / *текущее* (а не вековечное) ◊

36 *После*: нравоучение. — Сейчас, разумеется, мне возразят (и вы и все), что народ наш вовсе не просвещен до такой степени христианством, что народ наш груб, невежествен, крещеное язычество и не больше. Это неправда. [Чего, чего не требовали.] *Далее вписано*: Повторяю, возражать будет слишком долго, отложим до другого раза.◊

37–44 *Текста*: О, конечно, вы тотчас же ∾ просвещения его! — *нет.*

44–48 Я вот в моей речи сказал ∾ «А свальный грех?» / Один из моих критиков прочел в моей речи, что Татьяна решила по-русски, по правде, по народной правде — а свальный грех.◊

48 Таким критикам / Таким [возражениям] глупостям ◊

Стр. 152.

1–3 *Фразы*: Главное, оскорблены ∾ действительно просвещен. — *нет.*

3–4 в целом народе нашем / *а.* в народе *б.* в целом народе ◊

4 и существует *как правда?* / как правда, а не как грех.◊

4 его весь народ / народ его ◊

5 народ наш / народ ◊

5–17 *Текста*: хотя и далеко не весь ∾ пусть зверин еще его образ — *нет.*

17–18 *После*: пристяжечке» — он пьяный ◊

18–19 *Слов*: с чего-нибудь ∾ заметили вы это? — *нет.*

19–20 Но будьте же и справедливы хоть раз, либеральные люди: / Да будьте же справедливы, хоть раз! ◊

20 народ / он ◊

20–21 во столько веков / и столько веков ◊ *вписано.*

21 *После*: веков! — А татарщина, а господчина, а крепостное право, а своеволие и неуправство народа, а вино ◊

21–22 кто в зверином образе его виноват наиболее / кто в этом виноват ◊

24 из Большой Морской / в Большой Морской ◊

24 *После*: Большой Морской — Да греха много в народе и на народе.

24–27 а ведь почти до этих ∾ национальности-то у него нет! / (NB. Когда посыпятся обыкновенно у нас упреки на народ, то они бесчисленны и безжалостны и образ его зверный, и личности у него нет, и истории у него нет.◊

28 в каком угодно / в каком хотите ◊

28–30 разве меньше пьянства ∾ заправское невежество / не такое ли пьянство, не такое ли же зверство, ожесточение, невежество и сверх того тупость, ко‹то›рой нет в русск‹ом› народе. Тем не менее нападки на русский народ наших либералов безжалостны, возьмись и отвечай, но оставим это. ◊

31–33 *Текста*: настоящее непросвещение ∾ а не грехом. — *нет. Между строк предыдущего текста наброски*: *1.* Господчина, беззаконие *2.* не считается грехом, а считается именно правдой, а не грехом

33–36 Но пусть, все-таки пусть ∾ в самой заправской действительности) / Греха много в народе, это так, но вот что в нем есть — это то, что он в целом по крайней мере (и не в идеале только, а в действительности) ◊

37 *После*: за правду! — Да в целом — это так, и в огромной, страшно огромной массе частностей.◊

38–40 *Текста*: Он согрешит ∾ будет восполнена. — *нет.*

42 *После*: вечное. — Неужто свальный грех так же вечен, как и Христос! ◊

42–43 Народ грешит ∾ в правде не ошибется. / Народ грешит и пакостится ежедневно и ежечасно (и мы стоящие над ним в том во многом ви-

ною), но в целом он сознает свой грех, а в лучшие минуты, в Христову минуту, клянусь, всякий русский сознает, что он поступает грешно, и раскаивается в грехе своем.◊

44–47 То именно и важно ∾ чем молитвенно плачет. / Важно то, во что он верит как в правду, что считает своим идеалом, что возлюбил и чем молитвенно плачет.◊ *Далее было начато*: Если *На полях наброски*: *1*. Худо то, что он смердящ, но это хоть и плачевно, но не столь важно, пока он сам знает, что он греховен, и в лучшие минуты свои плачет о грехе своем. *2*. Вера его в [свою правду] Христа и его правду незыблема. Хуже было бы, если б он свой грех оправдал, сказав себе то, что делаю худо — есть хорошо. Важнее всего то

47 А идеал народа / Идеал его ◊

Стр. 152—153.

47–2 А с Христом ∾ всегда по-христиански. / Если это еще есть, то и просвещение есть, и в высшие минуты свои народ наш решает свое дело всегда по-христиански, и частное и общественное ◊

Стр. 153.

2–6 *Текста*: Вы скажете с насмешкой ∾ вместо Христа ставите? — *нет*.

6–14 Но знайте, что в народе есть и праведники. ∾ спасут его. / Кроме того, есть в народе праведники, и народ знает о них и крепок мыслью, что они есть, надеется и уповает, что они спасут его. ◊ *вписано на полях*.

14 И сколько раз наш народ спасал отечество? Он спасал не раз отечество.◊

15–19 И еще недавно ∾ за грех и бесправие / [Засмердев] Еще недавно засмердев в грехе, он обрадовался последней войне за Христову веру, попранную у славян мусульманами, и смотрел на нее как на подвиг свой, как на жертву очищения своего за вино, за бесправие ◊

19–22 *Текста*: он посылал сыновей своих ∾ много нас есть тому свидетелей. — *нет*.

22–25 Я знаю: подъем духа ∾ идеей: / Подъем духа народного в последнюю войну не признают либералы, смеются над этой идеей. ◊

25–27 *Фразы*: «У этих, дескать ∾ это позволить?» — *нет*.

27–28 европейский либерал так часто враг народа русского? / либерал всегда враг народа. ◊

29–30 *Слов*: по крайней мере на него опираются — *нет*.

30–32 а наш демократ ∾ кончает господчиной. / а наш всегда презирает народ, служит в руку силам, подавляющим в народе всю его силу, и всегда затевает господчину ◊

32–33 *Фразы*: О, я ведь не утверждаю ∾ трагедия. — *нет*.

34 *Слова*: Пусть. — *нет*.

34–36 Для меня это всё аксиомы ∾ буду писать и говорить. / Клянусь, не стану их объяснять и доказывать и уверен, что в той форме, как я их сейчас формулировал, они впоследствии, когда будет подведен итог, они будут признаны аксиомами. ◊ *Ниже вписано*: Я высказал недоверие для ясности.

37 Итак, кончим / Итак ◊

37–38 черпать из западноевропейских источников / брать у Запада ◊

38–39 А то, пожалуй ∾ как, например / Где появилась формула общественная и полная, которой все служат ◊

Стр. 153—154.

40–2 О, сейчас же закричат ∾ их отрицает. / [Сейчас] О сейчас же вскочат, сейчас же закричат: «Ну а у нас нет таких формул: „Старая хлеб-соль не помнится“». Да ведь это только лишь поговорка, нравственности которой народ не верит, на что и сказки сочинил. Ум народа широк, юмор тоже. Сознание всегда подсказывает отрицание,

да принимается ли оно за правду. А «Chacur pour soi et Dieu pour tous» есть общая формула. Я слишком согласен, что все эти Nota bene, которые я ввожу, лишь обременяют мой ответ. Но что же делать с такими возражениями, как свальный грех параллель с Татьяной. Для ясности привожу. ◊ *Между строк вписаны наброски*: *1*. Извините, у нас это не формулы в народе *2*. и сотни других пого‹ворок› *3*. Мне думается, что это решительно

Стр. 154.

2–8 А осмелитесь ли вы утверждать ∾ Поищем у себя иного. / Осмелитесь ли вы сказать, что это только поговорка, а не общественное служение на Западе. А если так, чего нам [их?] искать в таком просвещении. Это формулы не русские. [Найдут] Поищем русские. Я только эту одну формулу привожу, но есть ведь и другие, когда-нибудь этим можно заняться особо. ◊ *Между строк набросок*: Да одни ли эти формулы

9–20 *Текста*: Наука дело одно ∾ уже без отступлений. — *нет*.

14–19 *К тексту*: Как и вы у меня ∾ прийти к соглашению. — *набросок*: Но н делу, но к делу, хотя и это было делом: надо было поставить именно тот главный пункт, в котором мы с вами никогда не сойдемся. Это полезно.

Теперь, далее, вы пишете:

Стр. 154—155.

21–9 *Текста*: II. Алеко и Держиморда ∾ они были русские люди? — *нет*. *На полях наброски и заметки к главке II*: *1*. 2-ая выписка, рискованно утверждать, что отрицали народную правду. Ну, рискованно или нет отрицать, об этом поговорим сейчас, а прежде о Дмухановс‹ком› Вы пишете *2*. Но действит‹ельно› *3*. Совер‹шенно› посторон‹нее› *4*. Вы к чему во-1-х привели, что Сквозник-Дмухановс‹кие› были, у, какие русские люди *5*. Признаете за ним право страдать — Сквозником-Дмухановским? *6*. Доходило даже до того, что в идее они чуть не со слезами говорили о рабстве и об розге, а когда об русском мужике, без розочки. *7*. Не Алеки, а Самарины. *8*. Гордость приходит сама собой, пребывая в отвлечении. Он начинает удивляться благородству и высоте своей перед гадкими текущими смертными Дмухановскими. Не умел ничего объяснить, ибо, не зная почвы, он не знает примирения, ни возможности разъяснений, он вознесен, он прямо приходит к убеждению, что нельзя работать на родной ниве. Крепостное древнее право, среда — за границу искать подмоги. *9*. Крепостничество. *10*. Алеко. *11*. Розга. *12*. Помните ли Чаадаева? Сколько отчуждения. Да чего Чаадаев. Разве Герцен. Прудон.

Стр. 155.

9–10 Да и Алеко и Онегин были русские, да и мы с вами русские люди; / Да, и Алеко и Онегин русские, но дурные русские, в почву не верующие, на родной ниве не работающие ◊

10–35 *Текста*: да, русским же ∾ по зубам или за волосы. — *нет*.

19–21 *К тексту*: Но вот в чем, однако же ∾ испорченные — *набросок*: Сквозник же испорченный русский

Стр. 155—156.

35–13 В детстве моем я видел ∾ патентованным уж европейцем / тот фельдъегерь, которого я видел тузящим ямщика, и картина, о котором не могла от меня всю жизнь,[1] был русский, русейший человек, он пил водку на всех станциях. Он всю жизнь только и водился с ямщиками, но разве он не презирал. Что он понимал в правде русской. Фалдочки, чин, петлицы выше всего. Подлость в этих людях просвещение начинает с разврата. ◊ *Далее было*: У нас не мало

[1] *Так в автографе.*

Стр. 156.

12–13 Итак, не говорите о понимании ими сути народной. / Да, они отлично знают народный быт, но ничего не понимают в его сути.◊

13–14 *Над текстом*: Нужно было Пушкина ∾ Аксаковых — *вписано*: Тютчев‹ых›

14 об настоящей сути народной / об сути народной ◊

15–16 *Фразы*: (До них хоть ∾ классически и театрально.) — *нет.*

16–21 И когда они начали толковать ∾ писать на них донесения? / и когда они начали толковать, все смотрели на них как на эпилептиков и идиотов и имеющих идеал «есть редьку и писать донесения», как выразился в 40-х годах незавершившийся поэт и славный потом прозаик. Да, донесений, на них было подозрение, что они хотят доносить на кого-то и что-то, — это на славянофилов-то? На честнейших людей нашего века. Что они честные люди, даже, может быть, ведь и вы не возразите.◊

21–39 *Текста*: Решите сами ∾ оторванности от почвы. — *нет.*

24–39 *К тексту*: Но к делу. ∾ оторванности от почвы. — *заметки и наброски*: *1.* Но два словечка о Держимордах, собственно в литературном смысле типы, а не лица. Лицо есть правда, а тип только тип. *2.* Объяснение. Так что если б у Алеко и Онегина была потребность вникнуть в правду, они бы, может быть, и Держиморд сумели объяснить по-человечески, погуманнее и увидали бы, что [об них]

39–48 Ведь не можете же вы отрицать ∾ им даром доставшемся. / Но Алеки и Онегины лишь отвлеченны, воспитывались как институтки, формиров‹ались› на государственной службе; они высокомерны и нетерпеливы, как все сами [своим] не жившие и живущие на готовом (на мужичьем труде и на европейском просвещении).◊

Стр. 156—157.

48–4 Именно тем, что все интеллигентные люди наши ∾ от родной почвы. / Именно тем, что все интеллигентные люди *наши* известной исторической постановкой чуть не во все два века обратились лишь в праздных аристократов — тем и объясняется их отвлеченность и оторванность от родной нивы.◊

Стр. 157—162.

4–2 *Текста*: Не Держимордой он погиб ∾ Вы пишете: — *нет. Ниже, на полях и на об. л. 3, наброски*: *1.* Вы уверяете, что они будто бы были так чистоплотны, что испугались Скв‹озников›-Дмухановских и бежали, кто куда попало. А сами тоже лучше что ль были. Вы вот утверждаете еще гораздо ниже, что они мучились еще по крестьянскому вопросу. *2.* Они-то сами были лучше? Да и Сквозники были не типы. Литературный урок, лицо и тип. *3.* Гордость естественно должна прийти. Розочка. Не столько гордость, сколько омерзение к народу, не нам народ освободить, а всё отвлеченное правило рабства. Онегин посекал мужика. Таким образом и гордые. Если бы не были гордые, увидали бы, что они и сами Держиморды. *4.* [На это вот что] *5.* Насчет того, что нелепо утверждать, что они погибли от своей гордости и не хотели *6.* [А Чаадаев, а *те*, которые и понять не хотели иначе народ как в 93 году] *7.* Ну а на освобождение посмотрели иначе. Они *страдали*, я сам сказал, но ‹*нрзб.*› освобождение было лишь отвлеченной идеей, народа нашего не любили. Чаадаев, 93, вот недавно — в «Вестнике Европы» «Замечательное десятилетие» *8.* Заложил крестьян, чтоб издавать парижский *9.* Нет-с, не они освободили, не европейцы.[1] Освобождение это было сложное. Освобождены они были по духу народному, которое понял государь,

---

[1] *Над словом*: европейцы — *вписано*: только

ведь они освобождены нашею русской партией.[1] *10*. Далее вы говорили о гордости и об общественных идеалах (вот общественных-то идеалов недоставало их у нас и убывало до Алек)

Стр. 162.

2–35 *Текст А. Д. Градовского*: «Г-н Достоевский призывает работать ∾ то гражданские доблести». — *приведен в кратком изложении, сопровожден пометой*: (как величаво, как величаво меня учит, учит ведь, учит?! *Ниже и между строк вписаны наброски*: *1*. Но много ли бы выиграло от этого общество? *2*. То гражданск‹ие› доблести. *3*. О смирении. *4*. Гейден.

36 Видите, сколько я из вас выписал! / Видите, как я много из вас выписал, кажется добросовестно. Во-первых, вы Зосиму-то моего оставьте. Не вам об нем толковать, ни о бесполезности, ибо я думаю, что он полезнее многих профессоров наук, [болтунов] русских полумыслителей.◊

Стр. 162—163.

36–18 *Текста*: Всё это ужасно высокомерно ∾ родной уже матери помещицы? — *нет. Даны наброски к нему*: Но насчет Коробочек. Если б Коробочка христианка, уничтожилось бы и рабство. Да и Коробочка бы уничтожилась. Да и крестьяне бы не ушли от нее.

Стр. 163—164.

18–14 *Текста*: Смею уверить вас тоже ∾ это почище моей фантазии. — *нет. Даны наброски к нему*: Не смейтесь над апостолом Павлом. Христианство поддерживает рабство. Это был великий мыслитель. Рабы повинуются и господа ‹*нрзб.*› Было бы так, преобразилось бы общество. Раб [в] свободный истинно возвышенно обладающий собственным достоинством, человек. В будущем обществе не будет слуг и господ. Интеллигенция и наука, а другой выносить. Кстати достоинство. Крестьянин руку подает. *Рядом запись: Гейден.*

Стр. 164—165.

15–3 *Текста*: Умные люди тут рассмеются ∾ учреждение долго не проживет, г-н Градовский. — *нет.*

Стр. 165—167.

4–22 Но я пойду далее ∾ и, по-вашему, всё спасено. / Не говорите же, что личное самосовершенствование не возрождает мира, напротив, оно только и возрождает его. Что толку, если я напишу на знамени fraternité ou la mort. Ведь это общественная идея — потребность слиться до идеала, даже не только до идеала, но и в братство. Ведь это уже было, это *уже было* исторически. А между тем поставлено ou la mort. Вот то-то вот и есть. А Зосима-то мой, которого вы так не жалуете, говорит у меня *было бы братство, будут и братья*.[2] В самом деле, если нет братьев, чтоб составить братство, надобно действительно написать ou la mort. Так и распорядились. А как стать братьями: именно внутренним самосовершен‹ствованием›. *Без него и гражданских идеалов не явится вовсе.* Вы не верите? о профессор науки! Вы именно как Алеко, как Онегин ищете правды во внешнем, в европей‹ских› учрежден‹иях›, а не внутри себя.

Я намерен удивить вас, профессор наук, знайте, что общественных идеалов, как таких, как абсолют, нет вовсе. Муравей знает,

---

[1] *Рядом на полях*: Это всё факты и факты решительные.

[2] *Ошибочная цитация. Зосима говорит*: «Были бы братья, будет и братство. . .» (*см. наст. изд., т. XIV, стр. 286*).

пчела знает, а человек не знает формулы своего устройства. Потребность есть, но откуда же взяться этим идеалам. Они суть только продукт нравствен‹ного› самосовершенств‹ования›. Сначала устанавливалась и в человеке и в обществе идея нравственная, исходи‹ла› же она из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он связан с другими мирами. Это убеждение формируется в религию. В каком характере сложилась религия, в таком характере слагается и нравственное чувство народа, и потребности его нравственные, и идеалы его нравственные, которые касаются всех личностей, составляющих народ, и становятся гражданскими.[1] Стало быть, гражданские идеалы прямо связаны с нравственными, с желанием нравственного духовного утоления.◊

Стр. 167—169.

22—15 *Текста*: Механическое перенесение ∾ статья длинна вышла. — *нет.*

Стр. 169.

16—46 Кстати, вспомните ∾ отделенный от государства. / Христианство началось Одним, потом преподавалось несколькими, потом обхватило как пламень жаждущие души и под исключительным *общественным идеалом* Римской империи, строившей в муравейник ‹*нрзб.*› и насилия, стало подкопавшись ‹*нрзб.*› под землю. Церковь — тоже искание идеала общественного вм‹есто› основанно‹го› на нравственной жажде утоления духа. Произошел компромисс, церковь приняла римское право и империю. Часть церкви бежала в пустыню, другая разбилась на 2 части. Одна часть победила церковь и поставила над ней продолжение государства Римск‹ого›, другая была [истребле‹на›] покорена мечом и в бесконечном страдании сохранила Христа незыблемо.◊ *Ниже, на полях и на следующих страницах автографа, наброски и заметки к окончанию главки III и к главке IV (см. выше, стр. 221—225).*

ЧА

Стр. 149.

5 *Слов*: Глава третья — *нет.*

6—8 Придирка к случаю ∾ С обращением к г-ну Градовскому / Г-ну А. Градовскому (в ответ на его критику моей «Речи») ◊

9 *Заголовка*: I. Об одном самом основном деле — *нет.*

12 предчувствуя / воистину предчувствуя

13 в нашей прессе *вписано.*

13 *После*: речи — в печати

19 Но почему / Почему ◊

20—21 ведь у нас теперь либеральна / у нас либеральна

20—21 *После*: либеральна — Ce qui ressemble s'assemble ◊ ‹свой своего ищет (*франц.*)›

21 отнюдь не менее возопивших на меня либералов *вписано на полях.*

24—25 ни толковать / ни говорить ◊

25 *После*: столковаться нельзя — надо начинать слишком с азбуки, да и тут вряд ли дойдем до чего-нибудь похожего на соглашение, а потому не стоило бы и труда начинать ◊

26 *После*: в виду — [начиная ответ вам]. Мне лично до вас [никакого] тоже никакого нет дела.◊

27 иные ваши статьи / ваши статьи ◊

---

[1] *Между строк вписано*: в потребн‹ости› граждан‹ские›

27 всегда удивлялся / удивляла ◊
27 *После*: мыслей — но ничего другого не мог извлечь ◊
28 теперь отвечаю / отвечаю ◊
29–30 *Фразы*: Для этих других и пишу. — *нет*.
30 вижу даже / *а*. и даже вижу *б*. даже вижу глазами ◊
30 возникают / народились ◊
33 либерально-беззубого / беззубого
35 за молодое поколение / [либеральным] [новым] и молодым поколением ◊
36 *После*: России — несколько раз воплощавшегося в [разных гениев] виде разнообразных гениев [из основных ‹?› критиков, которые бог знает куда все подевались] в нашей литературе ◊
39 *После*: народному. — Вот надеясь на то, что нас с вами прочтут и [рассудят и взялся] будет кому рассудить [‹*несколько нрзб.*›] я взялся ‹*нрзб.*› отвечать вам
39–41 *Фразы*: Одним словом ∾ к случаю. — *нет*.
43 *После*: «скитальцы» — *начато*: ну это д‹линная›

Стр. 149—150.

44–1 нужно начинать слишком издалека / Чтобы вывести это [гораздо яснее] нужно опять-таки начинать слишком издалека [так что и не уместиться, пожалуй, в кратком (говоря относительно) объеме моего вам ответа] ◊

Стр. 150.

1–4 К тому же ∾ и как завелись / *а*. Вы [потом сами] [впрочем, не долго остаетесь в недоумении насчет того, откуда взялись скитальцы, это вы только делаете вид, и тотчас же сразу решаете вопрос, откуда явились скитальцы и как завелись] вы тотчас же и подробно выводите, откудова они явились и как завелись *б*. а если я вам и начну разъяснять, то вы, по-моему, опять-таки не поймете и со мной не согласитесь, почему? Главное потому, что у вас самих уже предвзято и подготовлено свое собственное решение, откудова они явились и как завелись ◊
8–7 современного либерального человека / либерального фельетониста ◊
7–8 что касается до России / что есть в России ◊
8 нодписано / разгадано
8 с необычайною / с необыкновенною ◊
9–10 Тем не менее вопрос ∾ гораздо / Но для меня, признаюсь вам, вопрос этот решается не столь легко. Он гораздо сложнее, чем вы думаете, гораздо
10–11 несмотря на столь окончательное решение ваше / несмотря [на всю талантливость ва‹шу›] на столь либеральное ваше решение ◊ *вписано*.
11 Об «Сквозниках / *а*. Об Сквозниках *б*. Об ваших Сквозниках ◊
24 но / но, позвольте,
29 получить их / получить
31 благодарность наша ей вечная / благодарность наша ей ◊
33 уже выражается в самом слове / *а*. выходит из слова *б*. уже выражено в самом слове ◊
35 указывающий ему дорогу жизни / *Начато*: [освещаю‹щий›] озаряющий ему д‹орогу›
35 *После*: жизни — *начато*: Позвольте же
38 Вы удивляетесь? / *а*. *Как в тексте*. *б*. Вы, конечно, удивляетесь? ◊
40 *После*: разом. — Но так как вас, повторяю, убедить вас, г-н Градовский, я не могу, да и не имею даже намерения (а пишу для других), то буду не очень и распространяться, а изложу мою веру в просвещение народа нашего лишь основными положениями. Если не теперь, то когда-нибудь их вспомнят и поймут.

41 просветился / просвещен ◊
42 Мне скажут / Вы скажете ◊
43–44 *Слов*: но это возражение пустое — *нет.*
44 *После*: всё знает — самую суть учения принял в себя, веками, все века своих страданий
44–45 всё то, что ∾ Научился же / всё и именно то, что нужно знать. [Научился же он веками, веками страданий своих] ◊ *вписано.*
45–46 веками слышал / слышал ◊
46 *После*: проповедей — в житиях святых, научился веками своих страданий
46–47 Повторял и сам пел эти молитвы / Научился этим молитвам и гимнам ◊ *вписано.*
47 еще в лесах / в лесах
47 от врагов своих / от врагов
48 в Батыево нашествие / от Батыева нашествия

Стр. 151.

1 тогда-то / и с тех пор еще ◊
1 и заучил / заучил ◊
1–2 *Слов*: потому что, кроме Христа ∾ не оставалось — *нет.*
2–3 а в нем, в этом гимне, уже в одном / а в нем, уже одном ◊
3 наро́ду / ему ◊
5–7 самое колоссальное обвинение ∾ простолюдину / самое колоссальное обвинение на нашу церковь, придуманное либералами наряду с церковнославянским языком, будто бы непонятным народу ◊ *вписано.*
7 *Фразы*: (а старообрядцы-то? Господи!) — *нет.*
9 его катехизис / катехизис ◊
10 молитву наизусть / молитву ◊
10–17 Знает ∾ его душу! *вписано на полях.*
11 с умилением / умилительными ◊
16 принял тогда в свою душу навеки / принял в свою душу ◊
16–17 за то спас / спас ◊
17–18 это всё говорю / *а.* говорю *б.* это говорю ◊
16 убедить хочу / убеждать начну ◊
19 *После*: неприличными. — *вписано*: Ведь вы такой либерал.◊
20 не для вас пишу / я не для вас пишу ◊
21 особо и много еще / особо
21 сказать / говорить ◊
21–22 пока держу перо в руках *вписано.*
24 Христа и его учение / Христа и учение ◊
24 то вместе с ним, с Христом / *а.* вместе с тем *б.* вместе с ними ◊
25–26 При таком основном запасе просвещения / С таким основным запасом
26 *После*: Запада — будут для нас
26 для него / для нас ◊
28–29 он померк, как утверждают либералы же / это произошло
29 церковь западная / церковь
30–31 преобразившись из церкви ∾ в виде папства. *вписано.*
31 Да / Ибо
34 и переходит в идолопоклонство *вписано.*
36 изменчивое / и изменчивое ◊ *вписано.*
36 *После*: нравоучение. — О, конечно, мне сейчас возразят (и вы, и все ваши), что народ наш вовсе не просвещен до такой степени христианством, что народ наш груб и невежествен, что это лишь крещеное язычество и не бол‹ее›, но это неправда. И если вы возразите мне, что грубое отрицание «Это неправда» не есть доказательство, то пусть так пока и останется. Ведь нечего делать: всего разом не выскажешь.

37—41 О, конечно ∾ да и неприлично *вписано между строк и на полях.*
39 *Слов*: что это только лишь одна ступень — *нет.*
39—40 нужны, напротив / нужны ◊
41—44 *Текста*: ибо хотя вы и правы ∾ просвещения его! — *нет.*
47 *После*: моих — *начато*: вдр‹уг›
47 *После*: оскорбившись — что конечно
48 Таким / *а. Как в тексте. б.* С такими *в.* Такими ◊

Стр. 152.

1 отвечать / *а. Как в тексте. б.* продолжать речь ◊
1—3 Главное, оскорблены тем ∾ действительно просвещен. *вписано.*
4 народ / русский народ ◊
5 *После*: о, не весь — бесчисленно не весь ◊
6—7 народ наш / народ ◊
7—8 жил с ним довольно лет ∾ к «злодеям причтен был» / жил с убийцами много лет, ел с ними [и] спал с ними и ко «убийцам причтен был» сам ◊
8—12 работал ∾ печати его» *зписано между строк и на полях.*
8 с ним / с ними ◊
9 в то время когда другие, «умывавшие руки в крови» / когда вы только ◊
13—16 Я его знаю ∾ в «европейского либерала». / Я знаю народ: от него я принял в свою душу Христа, с которым родился и которого утратил было, когда был [европей‹ским›] в свою очередь «европейским либералом». ◊ *вписано.*
16 народ наш / он
18—19 Все русские песни ∾ заметили вы это? *вписано.*
20 народ / он ◊
21 *После*: веков — а татарщина, а господчина, а пьянство и неуправство теперь?
21—22 в зверином образе его виноват наиболее / кто [в этом] в страданиях виноват всего более ◊
24 *После*: почти — вот
25 на русский народ *вписано.*
26 и личности-то / И образ-то его звериный, и личности-то
27 национальности-то / национальности
27 *После*: у него нет! — *вписано*: Да и вера его смердящая, хлопская вера (Чаадаев) ◊
28 в каком угодно / в каком хотите ◊
28 пьянства / лукавства, пьянства
31—32 потому что иной раз соединено с таким беззаконием / и сверх того [беззаконие, кот‹орое›] много такого беззакония ◊
32 не считается там / не считается ◊
32 а именно / а напротив именно ◊
32—33 стало считаться / считается
33 пусть / пусть, пусть ◊
34 зверство и грех / много греха и зверство
34 но вот / но зато вот ◊
39 *После*: неправду — [всегда сознается] всегда осудит себя, ибо в душе его свет Христов ◊
39—40 *Фразы*: Если согрешивший ∾ будет восполнена. — *нет.*

Стр. 152—153.

44—2 *Текст*: То именно и важно ∾ по-христиански. — *в автографе первоначально следовал за текстом*: Если эти праведники ∾ спасут его. *Окончательный порядок следования их отмечен Достоевским.*
44—2 *Рядом с текстом*: То именно и важно ∾ всегда по-христиански. — *на полях набросок*: ни литературных гениев наших, ни либеральных гениев, руководителей наших

Стр. 152.

44 То именно и важно / Важнее всего лишь то
45 представляет / объективно представляет ◊
46 желанием / *а. Как в тексте. б.* желанием и идеалом ◊
47–48 и просвещение / и просвещение есть ◊
48 в высшие, роковые минуты / в высшие минуты ◊

Стр. 153.

1 всенародное дело / всенародное уже дело ◊
2 Вы скажете / Скажете ◊
2–8 скажете ∾ наблюдение *вписано на полях.*
4 *Слов*: господа русские просвещенные европейцы — *нет.*
8 Есть / Есть в народе ◊
10 увидит их / [их] праведников народных увидит и разглядит
10–11 *Слов*: кто же видит ∾ не увидит. — *нет. Между строк вписано*: Мы видим только образ звериный
12 они есть у него / они есть ◊
12 что они есть / что они должны быть ◊
13–14 всеобщую минуту / минуту
14 наш народ / он
19 он посылал сыновей своих умирать / *а.* он жертвовал, он проливал кровь *б.* он посылал своих сыновей проливать кровь ◊
19–21 за святое дело ∾ стала дороже *вписано.*
21 Он жадно слушал / слушал
25 У этих, дескать, смердов / У этих смердов ◊
26–27 *Над словами*: это позволить — *вписано*: вынести это
27 наш европейский либерал / наш либерал
27–28 часто враг народа / всегда враг народа ◊
30 демократ зачастую аристократ / демократ всегда аристократ ◊
30 *После*: аристократ — народ презирает
30–31 и в конце концов всегда почти *вписано.*
32 кончает / *Начато*: всегда затевают
32–33 *Фразы*: О, я ведь не утверждаю ∾ и трагедия. — *нет.*
34 вопросов / *а. Как в тексте. б.* предположений ◊
34 *После*: Пусть. — *начато*: Я смотрю
36 только буду писать и говорить / в силах буду держать перо в руках ◊
37 Итак, кончим / Но кончим
39 *После*: общественные формулы — вошедшие в нравственный закон на Западе повсеместно
40 *После*: le déluge — да и одни ли эти, а иезуитские формулы, которые исповеду‹ют›
40–41 О, сейчас же закричат / О, сейчас же вскочат, сейчас же закричат ◊
42 и сотни других афоризмов в этом же роде / и сотни других ◊
45 но это всё / но ведь это всё ◊

Стр. 154.

1 над ними / *Начато*: над эти‹м›
1 сам шутит / шутит ◊
4 общественная уже формула / общественная формула ◊
4–5 всеми принятая на Западе и которой *все* там служат и в нее верят / *а.* всеми принятая, которой все служат и все верят *б.* всеми принятая, всеми людьми Запада, всею его целокупностью — формула, которой все служат и все верят ◊
5 все те / *а.* у тех *б.* у всех тех ◊
6 которые держат его в узде / которые правят им ◊
9 *Фразы*: Наука дело одно, а просвещение иное. — *нет. Между строк вписан незаконченный вариант*: ‹*2 нрзб.*› исключения, наука дело другое, а просвещение
9 народ / народ наш ◊
10 разовьем когда-нибудь уже в полноте / разовьем [его] в полноте ◊

11 бле́ске / блеске целокупности ◊
11 *Слов*: это Христово просвещение наше — *нет.*
13 критику / речь
14 *После*: необходимым — ибо надо было прямо [брать] взять быка за рога ◊
14–19 Как и вы у меня ∾ прийти к соглашению. *вписано.*
14–15 то есть в моей речи / в моей речи
15 разногласия / разногласий ◊
16 сами считаете / вы считаете
17 *После*: выставил — самый основной
21–22 *Заголовка*: II. Алеко и Держиморда. Страдания Алеко по крепостному мужику. Анекдоты — *нет.*
23–39 *Рядом с текстом*: Вы пишете, критикуя ∾ Собакевичи — *наброски на полях*: *1.* Неужели вы наивно думаете, что те, которые отлично говорят с народом, понимают и правду его. *2.* Вы вот в конце вашей критики пишете о народе (идеалы народные): «Позволю себе усумниться». [Позволю себе] Мало ли что можно себе позволить, тем более если идеалов народных совсем не знаешь и подле них даже и не стоял, но только об
28 не видно / не видно нигде
29 к этому возвратимся сейчас / мы это увидим сейчас ◊

Стр. 154—155.

31–2 *Рядом с текстом*: «Но действительно ∾ совершенно постороннее». — *наброски на полях*: *1.* фельетонная легкость решения (*см. стр. 155, строки 3—4*) *6.* силищу, которую можно продать (*см. стр. 155, строка 29*)

Стр. 155.

4 всё это у вас выходит / всё это у вас вышло ◊ *вписано.*
8 и предрешено / и как либерально
5 Подлинно готовые слова говорите. *вписано на полях.*
8–6 Кстати, к чему / И к чему
6 завели речь / начали речь
8 *После*: не подходит — Да, русскими, ух какими русскими — и что же вы сказали о них нового
8–9 и кто не знает, что они были русские люди? *вписано на полях.*
8 были русские / русские
8 *После*: были русские — ух, какие русские ◊ [1]
9–10 русские люди / русские ◊
10 да, русским же, вполне русским был и Рудин / *а.* да и Рудин *б.* да русский был и Рудин ◊
12 как вы утверждаете *вписано.*
12 Да ведь именно потому-то / Потому-то именно ◊
14 было не столь посторонним / *а.* не постороннее *б.* было не постороннее ◊
16–17 *Фразы*: Ведь это отличительная черта Рудина. — *нет.*
17 Трагедия Рудина была / Трагедия его
17 *Слова*: собственно — *нет.*
19 вовсе не столь чуждой / *а.* не чуждой *б.* вовсе не чуждой ◊
19 *После*: ему — ух, не чуждой [и именно потому, что он русский] ◊
19 *Слов*: как вы утверждаете — *нет.*
23–24 существует ∾ всё и дело / есть. *Далее начато*: Собакевич насквозь видел своих крестьян — гов<орите>
25 жаждет / жаждет, желает
25–26 потому что страшно / ибо страшно ◊
27 кроме разве ревизской *вписано.*

---

[1] *Слова*: ух, какие русские — *зачеркнуты и восстановлены.*

28 *После*: утверждаете вы — *начато*: Помилосер‹дуйте›
28 Это невозможно. / Это неправда и невозможно.◊
29 в своем Прошке / в Прошке
31–32 перечтите сами / перечтите
34 говорить / говорить и понимать
34 Неужто вы хвалите? / *Вписано на полях*: *а*. Неужели вы считаете это настоящим разговором с русским купцом? *б*. Неужто вы это хвалите? Или уже и сами вы так презираете этих купцов? С высоты вашего европейского просвещения.◊
35 Да лучше / Лучше ◊
36 в мундире с фалдочками / в мундире и в фалдочках
39 во весь опор / во весь галоп
40 по рождению русский / русский человек, но скверный русский [человек] ◊
40 но до того / и до того ◊
43 жизнь свою / жизнь
43 *После*: провел — *вписано и зачеркнуто*: ведь
43 с разным / со всяким
44 *После*: мундира — но его
45 вычищенные петербургские сапоги / вычищенные сапоги
46 не только русского мужика / не только всей русской правды
47 искрестил всю / искрестил

Стр. 156.

1 *После*: он — ровно
3–4 Ему вся Россия представлялась / У него вся Россия состояла *Над словом*: состояла — *вписано*: совмещалась *Окончательный текст*: Ему вся Россия представлялась — *вписан позднее на полях.*
4–5 *Текста*: а всё, что кроме начальства ∾ существовать — *нет*.
6 хоть и русский / оторванный от почвы человек, хоть и русский
6–7 но уже и «европейский» / [но уже] но [это] уже [вполне] «европейский» ◊
8–9 как и многие ∾ начинали *вписано на полях.*
9–10 Да-с, этот разврат ∾ в европейцев. / *Незаконченные варианты на полях*: *1*. Даже это принимали было не раз самым верным способом перевоплощения русских людей ‹в› европ‹ейцев› *2*. Этот разврат не раз принимался у нас как верный способ переделать
10–13 *Текста*: Ведь сын такого фельдъегеря ∾ сути народной. — *нет*.
19 на первых порах *вписано.*
20 начали даже сомневаться / *а*. *Начато*: стали подо‹зревать› *б*. начали сомневаться ◊
21 не хотят ли де они писать на них / *а*. не пишут ли они *б*. не хотят-де они писать
23 многие современные / *а*. теперь нынешние *б*. современные ◊
24 *Фразы*: Но к делу. — *нет*.
24 Вы утверждаете / Теперь, собственно, об том ◊
25 *После*: Держиморды. — Мне хочется тут уклониться [в сторону] на минутку в область чисто литературную. О, я знаю, что ответ мой на вашу критику выйдет [вовсе не] страшно велик, но что делать: я ведь уже предуведомил, что не для вас одних пишу, а для многих других, [и уж] [1] а взялся за перо, то нужно довести до конца. Видите что: в художественной литературе бывают типы и бывают реальные лица, то есть трезвая и полная (по возможности) правда о человеке. Тип редко заключает в себе реальное лицо, но реальное лицо может являться и типичным вполне (Гамлет, например). Собакевич у Гоголя только Собакевич, Манилов только Манилов, реальных людей мы в них не видим, [мы] а видим лишь те черты этих

---

[1] *Выше вписано*: и [уже] дело к‹оторое›

людей, которые хотел выявить художник. Хлестаков же, например, и Дмухановский уже *отчасти* и реальные лица, несмотря на всю свою типичность. Чичиков же бесспорно лицо, хотя опять-таки не выяснившееся в своей полной реальной правде. [Позвольте, однако, еще одно уклонение: вы сейчас увидите, к какой цели я веду.] Теперь вот что: тип почти никогда не [носит] заключает в себе полной правды, ибо никогда почти не представляет собою своей полной сути: правда в нем то, что хотел выставить в этом лице художник и на что хотел указать. [Итак это только] Поэтому тип всего только лишь половина правды, а половина правды весьма часто ложь.[1] О, не для умаления такого гения, как Гоголь, я это говорю! В сатире даже иначе и нельзя. Выставь он в Собакевиче и другие, чисто уже человеческие черты, придай ему всю реальную правду его, то не вышли бы типы, смягчилось и расплылось б то [на что хот‹ел›], что надо было осатирить и на что Гоголь именно хотел указать как на типические дурные черты русского человека. Утверждать же, что Собакевич вполне реален, что в нем и не может быть ничего, кроме того, что указано, — значит прямо клеветать на реальную правду. Не может быть на свете такого человека, который был бы только подлец и больше ничего. Позвольте, сделаю [сейчас] еще одно уклонение: вы сейчас увидите, к [какой цели я] чему я веду. В «Недоросле» Фонвизина, комедии, написанной задолго до Пушкина, есть г-жа Простакова. Она выведена тоже сбоку и не в полной правде. Она, например, командуя своим мужем, раз навсегда заключила о нем, что он не знает, что «широко и узко», да на заключении этом о нем и покончила. Вот правда г-жи Простаковой. Теперь возьмем, например, хоть капитаншу Миронову в «Капитанской дочке» Пушкина, тоже тип, комическое, но вполне реальное лицо, а потому и вполне уже правдивое. Она тоже держит мужа под башмаком, она управляет крепостью, участвует в военных советах и даже во время самой битвы прибегает распорядиться и посмотреть «каково идет баталия?» Если б на том Пушкин и заключил, вышло бы комическое лицо, очень похожее на г-жу Простакову. Не знаю, говорила ли капитанша Миронова своему мужу о том, что широко, что узко, — может быть, нет, потому что слишком уж скверно, но подобное и даже близко подходящее что-нибудь, может быть, и высказывала в бранчливую минуту. И вот Пугачев повесил ее капитана, умершего геройски, несмотря на то, что он боялся очень, а ее казаки вытаскивают в одной рубашке на крыльцо. Увидала она своего старика на виселице, всплеснула руками: «Что вы с ним сделали! Свет ты мой, удалая [ты] солдатская головушка, не тронули тебя ни пули турецкие, ни штыки прусские, а погиб ты от беглых каторжных», — и прокричала это, уже не думая о том, что ее [сейчас] за это тотчас самое убьют: «Вместе-де жили, вместе и умирать!» Всю-то жизнь муштровала им и держала его в комическом подчинении, казалось бы, и не уважала, а вот теперь нашла же в сердце своем и всю о нем правду, нашла же, что он удалая головушка, бравый и присяжный молодец, [и всю-то] и мы уже понимаем, что и всю жизнь она носила о нем в себе это мнение, несмотря на то, что муштровала его, что, стало быть, и уважала его всю жизнь про себя благоговейно, а капитан понимал это [тоже про себя], хоть и молчал, — стало быть, тут уже не одно только «широко да узко», а полная правда их жизни. [Выходит] Вышла, стало быть, на свет и умилительная правда их любви, их крепкого семейного союза, всё высказано, стало быть, вся правда спасена. А половина правды есть ложь, потому что при вполне высказанной правде, может быть, и г-жа Простакова с ее семейством показалась бы вам не столь уже скверными, а даже извинитель-

[1] *На полях*: Остального же человека в нем художник не показал.

ными и простительными. Ибо в реальной только правде художник может выставить всю суть дела и правду его, указать наконец источник зла, заставить вас самих признать «облегчающие обстоятельства». ◊ [1] *Далее было*: [Вы же вот утверждаете, что] Алеко, утверждаете вы, убежал от Дмухановских. Положим, что это совершенная правда. Белоручка Алеко не мог [никаким] никоим образом [признать] найти вот эти самые «облегчающие» обстоятельства у Дмухановск‹ого› и попредчувствовать хоть капельку в чем источник зла. И [таким образом *объяснить* себе Дмухановского] он высокомерно испугался [его] Дмуханов‹ского› и убежал от него

25 Но хуже всего то / Но хуже белоручки Алеко это то

27 таковую брезгливость / брезгливость

30 в ином отношении и похуже / хуже их

33 такие великие и интересные люди / нормальные люди вполне

33 могли ли ужиться / могли бы, стало быть, ужиться

34 сами выводите / говорите ◊

36 не горды были / не горды

37–38 прямое, логическое и неминуемое последствие / *а.* прямая, логическая и неминуемая потребность *б.* прямое, логическое и неминуемое просто последствие

39 они почвы не знали *вписано.*

43–44 и ничего другого не признал в них, кроме / и [кроме] ничего другого не признал в их природе, кроме [того что] как ◊

45 к России были *вписано.*

45 как все люди / как все [сами] люди, исключившие себя от целого

46 *После*: живущие — уже в 3-ем и 4-ом поколении ◊ *вписано на полях.*

46 от народа *вписано.*

47–48 *Слов*: тоже им даром доставшемся — *нет.*

Стр. 157.

1 подготовкой / постановкой ◊

1 во все века / во все два века ◊

2 белоручек / аристократов ◊

4 почвы / нивы ◊

5 и происхождение его *вписано. Рядом на полях набросок*: Только отвлеченные люди могут верить, что Держиморда есть только Держиморда и более уже ничего не заключает в себе. Таких отвлеченных людей [2] и теперь еще множество [вы один из них, г-н Градовский, и прямо [признав] высказывая, что Алеко и не мог не убежать от Держиморд]

5–6 *Фразы*: Слишком для этого горд был. — *нет.*

6 *После*: объяснить — *вписано и зачеркнуто*: Держиморд

8–13 И не только перед Держимордой ∾ а более ничего. *вписано на полях. Далее было*: Бывали умы в Европе, что и перед всем миром гордились, погружаясь в созерцание собственного своего совершенства, всё создание даже божие презирали. Но у нас, нашим скитальцам Европа обыкновенно внушала, так что перед всем миром, то есть перед Европой, гордиться он не осмеливался, а попирал своим просвещенным каблуком лишь одну свою сиволапую родину.

10 по его / по их ◊

11 *Над словом*: рабов — *вписано*: их крепостных мужиков

13 *После*: ничего. — Как им было не загордиться? *вписано.*

13 После этого / Тут уже ◊

13 сама собой / сама собой как последствие ◊

15 своему благородству / благородству ◊

---

[1] *Текст*: Мне хочется тут уклониться ∾ «облегчающие обстоятельства». — *очерчен на полях фигурной скобкой.*

[2] *Ниже вписано*: судей

17–19 и, прозрев это ∾ исход к примирению / и может быть нашли бы исход к примирению *вписано.*

20 всему этому не поверите / *а.* не верите *б.* всему этому конечно не верите ◊

21 *После*: напротив — высокомерно утверждаете

24 *После*: болезни — *начато*: не рассу‹дительно›

33 и на их *личные* качества *вписано.*

33–35 Вы это ∾ искажаете? *вписано.*

35 *Слов*: у меня — *нет.*

42 К вашему мнению о «личном самосовершенствовании» / *а.* К вашей критике *б. Начато*: К вашему мнению о христианской *в.* К вашей критике о самосовершенствовании ◊

43 выверну перед вами всю вашу подкладку / скажу вам всю вашу правду

44 *Слов*: которую вы ∾ скрыть — *нет.*

Стр. 157—158.

44–1 вы не за то только ∾ должен быть! / вы отлично знаете, что я [не лично] вовсе не обвиняю скитальца, что я прежде всего объясняю его исторически [1] *Далее*: *а.* но вы ужасно рассердились за то, что я прямо не признаю его за идеал нормального совершенства русского интеллигентного человека, каким только он может и должен быть *б.* И вы ужасно на меня рассердились за то, что я не признаю его, этого дряблого скитальца, за идеал нормального совершенства, за русского здорового человека, каким только он может и должен быть. [Да это так, вы за это именно рассердились].◊ [2] *На полях зачеркнутый набросок*: И за что же вы так ужасно на меня рассердились. А вот за то, что я

Стр. 158.

3 почему-то не хотите обнаружить вполне / не хотите обнаружить

4 «скитальцы» / они

4 *После*: нормальны и прекрасны — *вписано*: уже одним тем

5 *После*: негодованием — не признаете никаких

6–7 Вы говорите уже / *а.* Вы пишете *б.* Вы даже уж говорите ◊

Стр. 158—159.

9–30 *Рядом с текстом*: Вы, наконец, с жаром ∾ были во всем-с! — *на полях наброски и заметки* (*к стр. 156—158*): *1.* Одним словом, вы уже их вполне и во всем оправдываете, так что и непонятны совсем ваши предыдущие хитрые фразы о их «неприглядности». В чем же неприглядность? Во всем, стало быть, выходит приглядно, но только, право, чуть не святы, и даже прямо святы. *2.* Нарядили их во все добродетели. *3.* Так и умирали от Держиморд и от крепостного права. Слабенькие они какие-то у вас выходят. Русский человек широк. Русский человек большой плут насчет анекдотцев. Они находили исход в своей гордости, в анекдотцах о народе. *4.* Узкость взглядов на народ. *5.* Но оплевывали ‹*зачеркнуто*›. *6.* Множество исторических фак‹то›в, а не просто анекдотов, *7.* Ну, кто из них не был атеистом, а Чаадаев? *8.* Смирение народа ими принималось за рабство. Один Пушкин лишь сказал: «Посмотрите на народ и на основу его, ну виден ли в нем раб». Сказали бы так Белинский или Герцен, как он думал. *9.* Как отвлеченно ненавидеть право, а между тем драть оброк и прожигать его в Париже, и нет, нет, а и посечь Ваньку или Гришку? *10.* Не знаю — Онегин, Алеко — сек *11.* Некоторые из них закладывали и продавали крест‹ьян› кулакам и ехали в Па-

---

[1] *После*: исторически — *вписано и зачеркнуто*: а не обвиняю

[2] вы ужасно на меня рассердились *вписано на полях над вписанной и зачеркнутой фразой*: Да это так, вы за это именно рассердились

риж издавать красный журнал, полный мировой скорби, и ведь это уже исторический факт. *12.* До чего анекдот о бабе. Это уже омерзение к народу. *13.* Сознание-то говорит освободить и способностей-то много в народе, но тут уже вырвалось чувство — чувство омерзительной гадливости. *14.* Сдержанность и достоинство народа после освобождения их почти оскорбили. Самых горячих из них даже оскорбили. *15.* Баба — предвзятое чувство омерзения. *16.* Тут разве не гордость к народу. *17.* И не от жестокости Алеко, о нет, а именно оттого, что русского человека нельзя не посечь, именно от убеждения, что это ему пользу принесет. Высокомерие взгляда на народ доходило до омерзения. Его православие почти оскорбляло атеистов, они не хотели видеть перед собой массу, плотно сомкнувшуюся в страдании своем, идею нашего народа, не поддающуюся европейскому развитию. В ‹*нрзб.*› привычках обвиняли мужика. Самые смердящие анекдоты о нем рассказывали. *18.* Вы скажете — это неправда, полуправда. *19.* Исторический Алеко. Когда дело доходило до истории (Герцен) *20.* Не могу я признать этот образ за идеал настоящего нормального русского человека, каким будто бы он и есть. *Рядом помета*: Здесь. *21.* Этот канканчик, это подергивание. Это ведь Article de Paris в своем роде. *22.* Национальность.

Стр. 158.

10 освобождали / освободили ◊

10 Вы пишете / Вы говорите

19–20 *Рядом с текстом*: То-то вот и есть ∾ вся суть. — *на полях вписан вариант*: То-то вот и есть, что ненавидели крепостное право по-своему, по-европейски, в этом суть.

19 скитальцы / он

20 *После*: по-европейски — что ли ◊

20 в том-то / в этом-то ◊

21 ненавидели они / ненавидел он

22 *После*: мужика — *начато*: им же

22 на них работавшего, их питавшего / на него работающего, его питающего

22 ими / им

23 угнетенного / *а. Как в тексте. б.* угнетаемого ◊

25–26 просто-запросто *вписано.*

26 хоть своих крестьян / крестьян ◊

27 хотя с своей-то / с своей

28 о таких / об этих

29 а гражданских воплей раздавалось довольно / а гражданских воплей раздавалось много ◊ *вписано.*

31–32 до такой степени дело доходило от скорби по крестьянам, что / до такой степени дело доходило, что ◊ *вписано.*

35 и присылали оброк / *а.* его кормили *б.* и доставляли оброк ◊

35 Делали / *Начато*: Али

36 закладывали, продавали или обменивали / заложив или продав или обменявши

36 *Слов*: (не всё ли равно?) — *нет.*

37 уезжали в Париж / поехать с Прудоном в Париж

37–38 способствовать изданию французских радикальных газет и журналов / издавать радикальный журнал ◊

39 не только русского мужика *вписано.*

39 *После*: мужика — [А] ведь это было, ведь это факты уже исторические ◊

39–40 Вы уверяете / Вы говорите ◊

40 их всех / их

43 et fraternité» / и «fraternité, ou la mort». Последнее даже словцо: ou la mort особенно даже нравилось нашим демократам, в восторг приводило.

44 может быть *вписано.*
45 этих великих сердец / этих сердец
45 *После*: сердец — *начато*: ибо
45 *Слов*: так ужасно — *нет.*

Стр. 159.

1–2 «просвещенных» людей / либеральных [сердец] людей ◊
2 прежнего доброго старого времени / прежнего времени
2 *После*: времени — даже таких, которые пострадали за свой либерализм
7 *После*: раба — *начато*: один только Пушкин сказал
7 конечно / это
8 *После*: ей-богу — русского
11–12 от весьма даже просвещенных / от либеральнейших даже ◊
12 *Фразы*: Это «трезвая правда-с». — *нет.*
12–20 *Текст*: Онегин, может быть ∾ до гадливости. — *первоначально следовал после слов*: «Да еще как питаясь-то» (*см. стр. 159, строка 39*), *его окончательное положение обозначено Достоевским.*
12–13 не сек своих дворовых, хотя, право, трудно это решить / не сек розочкой своих крепостных ◊
15 для доброй цели / с доброй целью ◊
16 он не проживет / он стоскуется ◊
16–17 приходит и просит / говорит
17–18 сделай человеком, сбаловался совсем / *а.* научи уму, [а не то избалуюсь] *б.* научи уму, сбаловался совсем ◊
19 *Слов*: ну и удовлетворишь его, посечешь! — *нет.*
20 зачастую до гадливости / даже до гадливости, до омерзения [и до глубокого гражданского сожаления его падению] ◊
22 *После*: душе — об его рабских словах
22–23 об его «идолопоклонстве», об его попе / об его хлопской религиозности
23 об его бабе / об его [семье] семействе, об его бабе ◊
24 такие иногда люди / такие люди ◊
24–26 их собственная семейная жизнь изображала собою нередко почти дом терпимости / *а.* их частная [семейная] жизнь представляла собою люпонарь, а семейства их дом терпимости *б.* их частная жизнь представляла собою нередко настоящий люпонарь европейской, просвещенной семейной разнузданности, а семейства их представляли собою почти дом терпимости, также далекий от самых просвещенных идей ◊
26–30 о, разумеется, не всегда ∾ во всем-с! / Конечно тоже не от худого чего-нибудь, а единственно лишь от излишнего жара к [по] европейскому просвещению по-нашему понятому со всей стремительностью русской, русские люди были во всем-с! ◊ *вписано.*
30–31 О, русские скорбящие скитальцы бывали иногда большими плутами / *а.* О, русский скорбящий человек большой плут *б.* О, русский скорбящий скиталец бывал большим иногда плутом ◊
33–34 остроту гражданской их скорби по крепостному праву / *а.* гражданскую о мужике скорбь *б.* остроту гражданской их скорби о крепостном праве ◊
36 весьма и весьма / *а.* и великолепно и легко *б.* весьма легко ◊
37 своей нравственной красоты и полета / *а.* широты полета *б.* своей нравственной красоты и широты полета ◊
37–38 своей гражданской мысли / *а.* своей гражданской мысли и благородством [мировой скорби] ее *б.* своих убеждений ◊
41 *После*: в журнале — *начато*: как в сорок
41 *После*: встрече — русских
42 либеральных и мировых умов / либеральных умов
42 с русской бабой *вписано.*

42–44 Тут уже были ∾ себя исторически. / [п] уже [1] отъявленных скитальцев, формальных, патентованных, заявивших [эту формальность] себя исторически ◊
45 в сорок пятом году / в [46-ом] 45-ом году ◊
45 на прекрасную подмосковную дачу / на прекрасной подмосковной даче ◊
46–47 где давались «колоссальные обеды» ∾ множество гостей / был [2] роскошный обед: были

Стр. 160.

1 а впоследствии / п потом
2 политические деятели / политические люди ◊
3 по развитию / по образованию своему
5 *Слов*: (с чего же нибудь ∾ «колоссальными») — *нет.*
7 *После*: в четыре часа — и раньше
8 хлеб убирать / *а. Начато*: убирать и *б.* хлеб жать
8 работают до ночи / и жнут до ночи ◊
8 Жать очень трудно / Жать трудно
9 солнце жжет / солнце яркое, жарко
10 И вот тут-то / Между тем градом пот, и вдруг
11 наша компания / наши сибариты
11–12 в «примитивном костюме» (в рубашке?!) / в одной рубашке ◊
13 раздался оскорбленный голос *вписано.*
13–15 Одна только русская женщина из всех женщин ни перед кем не стыдится! / Только русская баба способна на такое бесстыдство. ◊
15–17 Ну, разумеется ∾ не должно стыдиться, что ли?). / *а.* нет, и тут же вывод сейчас разумеется: [только] русская женщина из всех женщин в Европе всех бесстыднее! *б.* нет, из всех женщин одна русская ни перед кем не стыдится, и тотчас же вывод: одна из всех женщин, перед котор‹ой› тоже никто и ни за что не стыдится (то есть и не должно, стало быть, стыдиться?) ◊
17–19 *Текста*: Завязался спор. ∾ пришлось бороться! — *нет.*
19–20 И вот такие-то мнения и решения могли раздаваться / И это решение именно ◊
26–27 «Из всех, дескать, женщин всех бесстыднее» / всех, дескать, европейских женщин русская женщина бесстыднее!◊ *Над строкой вписано*: из всех женщин одна русская ни перед к‹ем›
28 резвости / наслаждения ваши
29 русские люди таяли / вы таете
29–30 даже когда только рассказывали о нем / даже когда рассказываете, я сам слышал ваши рассказы *вписано.*
30 а миленькая песенка / а таинственные увеселения в Rue de Joubert № 4, за бесстыдство свое, запрещенные даже законом, а [парижская] мил‹енькая› песня [песенка парижских гризеточек] ◊
33 *После*: грациозным — *начато*: иодер‹гиванием›
33 *После*: задком — а прелестные [парижские] милые гранд-дамы с шестью любовниками — содержателями почти каждая ◊
34–35 это наших русских целомудренников не возмущает, напротив прельщает? / это вас не возмущает? [напротив] прельщает?◊
35 это у них так / это так у них там ◊
35–37 этот канканчик ∾ в своем роде *вписано.*
37 тут что, тут баба / это что, это баба
37–38 русская баба, обрубок, колода / *а.* это обрубок, это колода *б.* русская баба, ведь это обрубок, это колода ◊
38–40 Нет-с, тут уж даже не убеждение ∾ к мужику сказалось / *а.* Нет, уж тут даже омерзение к мужику, личное отвращение к нему, [тут

---

[1] *Над строкой вписано*: Это были
[2] *Выше вписан вариант*: давали

уже гадливость] тут уже не убеждение, личное чувство гадливости. А ведь это ли были не скитальцы, ух какие были скитальцы и с какою мировою скорбью! *б. Как в тексте, но вместо*: к мужику сказалось — [говор‹ило›] сказалось к нему ◊

40–42 *Слов*: о, конечно, невольное ∾ с их стороны — *нет*.

Стр. 161.

1 послужили / *а. Как в тексте. б.* послужили, послужили много лет *в.* послужили много лет ◊

1–2 гражданскую скорбь по всем правилам / гражданскую скорбь [это может быть] ◊

3 и к делу пригодилось / и [к] чему-нибудь послужило ◊

5 такого склада люди / такие люди

7 на скитальцев / на ваших скитальцев ◊

8 очень немало / очень довольно ◊

9 Скитальцам же / *а.* Скитальцы же ваши *б.* Скитальцам же вашим ◊

9–10 это дело ∾ брезгливо будировать / очень скоро тогда стали будировать. Сдержанностью, идолопоклонством народа остались почти недовольны.

10–11 *Фразы*: Не скитальцы ∾ иначе. — *нет*.

12 остальные земли и леса / земли

15 *Слов*: г-н профессор — *нет*.

15–16 никак не могу ведь и я / никак, никак не могу я ◊

16 этот образ / этого

17 высшего и либерального / *а.* либерального *б.* либерального будто *в.* высшего и [европейс‹кого›] русского либерального ◊

18 был в самом деле / был

19 *После*: в будущем — Никак, никак не могу вам доставить это удовольствие, если б даже и хотел того, не могу.

19–20 Немного путного сделали ∾ на родной ниве. / Ничего путного не [работали] сделали [они] эти люди на родной ниве и, кроме вреда, ничего ей не принесли. ◊ *вписано*.

20–21 Это будет повернее, чем ваш дифирамб во славу этих прошлых господ. / *а.* Это будет вернее, чем ваш дифирамб этим всем господам. *б.* Это будет повернее, чем ваш фантастический дифирамб во славу этих прошлых господ. ◊

22 *Заголовка*: III. Две половинки — *нет*.

24–26 и на совершенную, будто бы ∾ с «общественными учреждениями» / и на критику вашу насчет их недостаточности *Далее*: *а.* в противоположность общественным идеалам и усовершенствованию «общественных учреждений» *б.* сравнительно с [историческим] общественным идеалом и усовершенствованием общественных учреждений» ◊

28 Вы пишете / Вы пишете дальше ◊

36–44 *Рядом с текстом*: Я уже отвечал ∾ выведем. — *вписано и зачеркнуто*: И в противуположность [вы выс‹тавляете›] к стыду всей России вы выставляете уже достигнутые идеалы [Запад‹ной› Европ‹ы›] в Европе: «А пока мы не можем справиться с такими несогласиями и противуречиями, с которыми Европа справилась давным-давно (?)» — пишете вы с легкостью[1] книжного русского [человека] мыслителя, которому и не снилось никогда, что такое есть настоящее дело.

36 отвечал / отвечал вам ◊

39 общественных идеалов России / его общественных идеалов

40–43 Живой, целокупный организм ∾ одна от другой. / Живой организм режете своим ученым ножом на две части и утверждаете, что эти две части не только независимы одна от другой, но даже и мешают одна другой. (Это выяснили ‹?› давно).

---

[1] *Над словом*: легкость— *вписан вариант*: резвостью

42–43 *После*: одна от другой. — *вписано*: Нравственный идеал одно, а общественный идеал совершенно другое.◊
43 обе половинки / обе части

Стр. 162.

1 половинку / пункт
3–7 *Ниже текста*: «Г-н Достоевский ∾ привести пример. — *на полях наброски*: *1.* Но только как удивительно вы понимаете христианство не ‹*2 нрзб.*› *2.* обществ‹енные› идеалы народа русского ‹*2 нрзб.*›, но только какие общественные идеалы вот в том-то и разница. Не вам, г-н Градовский
8–35 *Текста А. Д. Градовского*: Апостол Павел поучал рабов ∾ то гражданские доблести». — *нет.*
39 понимаете / принимаете
41–42 *Слов*: уже *совершенными* (вы сами говорите о совершенстве) — *нет.*
42 можно ли де / можно ли было
42 *После*: убедить — *начато*: отпуст‹ить›
42–43 *После*: крепостного права? — Вы твердо отвечаете: *нет.*
43–45 Вот коварный вопрос ∾ прямо отвечу *вписано.*
44–45 нельзя убедить Коробочку даже и совершенную христианку / нельзя дескать заставить Коробочку
45 На это / На это вам ◊
46 стала и могла стать / стала
46–47 *настоящей*, совершенной уже христианкой / *настоящей* христианкой
47–48 уже не существовало / уже совсем бы не существовало◊
48 *Слов*: так что и хлопотать бы не о чем было — *нет.*
50 *После*: в сундуке. — Вы же, напротив, отвечаете за нее, что она бы взбунтовалась и начала бы уверять, что она настоящая мать своих крестьян [так что] и не выпустила бы их на волю. ◊
50 Позвольте еще / Но ведь позвольте ◊
51 таковою / ею
52–53 хоть и прежнее по сути своей христианство / уже не прежнее христианство ◊
53–54 но усиленное, *совершенное* ∾ до своего идеала? / *а.* а усиленное, совершенное, так сказать, достигшее христианства *б.* а так сказать усиленное, двойное, совершенное, как вы сами выразились, так сказать, достигшее христианского идеала ◊

Стр. 162—163.

54–1 Ну какие же тогда рабы и какие же господа, помилуйте! / Да тогда какие же рабы и какие же господа?◊

Стр. 163.

1–2 *Фразы*: Надо же понимать хоть сколько-нибудь христианство! — *нет.*
2–3 И какое дело тогда Коробочке ∾ или некрепостные ее крестьяне? / И если б Коробочка достигла такого настоящего идеала, то какое ей дело до того: крепостные они или не крепостные? ◊
3–5 Она им «мать» ∾ прежнюю «барыню». / *а.* Разумеется, она мать, и знаете, может быть, тогда и крестьяне не пошли от нее, а остались бы у нее как у матери, а не как у прежней барыни *б.* Разумеется она мать, она права, но мать, настоящая мать тотчас же бы упразднила прежнюю барыню, и знаете, может быть, тогда сами крестьяне не пошли бы от нее вовсе, а остались бы у нее как у матери, а не как у прежней барыни.◊
5 *Фразы*: Это само собою бы случилось. — *нет.*
5–8 Прежняя барыня ∾ прежде неслыханных. *вписано.*
8–14 *Текста*: Да и дело-то совершилось бы неслыханное ∾ принимайте последствия. — *нет.*

14–18 Уверяю вас, г-н Градовский ∾ родной уже матери помещицы? / Всяк ведь ждет, где лучше. Неужто б им было тогда лучше у вас, всеевропейских учреждениях ваших?◊ *Далее было*: Представьте только, что у Марии Египетской были крепостные! Что за абсурд! Да какие тогда крестьяне!

18–24 *Текста*: Смею уверить вас тоже ∾ у себя рабом. — *нет. На полях набросок*: Нет, были при апостоле Павле такие, которые достигли уже и не имели рабов

24–25 По-вашему же как бы выходит, что проповедь христианства была бессильна. / Вы скажете, что всё это с моей стороны фантастично. Но ведь вы сами же забрались в идеал христианства. Не я начал. Точно так же и то, что вы говорите и про апостола Павла: выходит по-вашему, что проповедь его господам и слугам была бессильна: дескать, и хороши были христиане, его ученики, слуги и господа их, а все-таки рабство оставалось учреждением безнравственным ◊

26 пишете / хоть пишете ◊

28 освящает / *а. Как в тексте. б.* освящало ◊

29 *После*: рабство. — Да подумайте хоть минутку: ну могло оставаться в настоящих христианах рабство? Господа и слуги могли оставаться, но рабство никогда. Оно исчезло бы само собой, если б только христиане становились уже настоящими христианами. И такие настоящие христиане во времена апостола Павла уже были, как есть иногда и теперь, и у таких не было и не могло быть рабов.◊ *Рядом на полях помета*: Мар<ия> Ег<ипетская>

29 *Фразы*: Это значит не понимать сути дела. — *нет.*

29–31 Предположить только ∾ Что за абсурд! / Представить только, что у Марии Египетской есть крестьяне и что она их не выпускает на волю. ◊ *вписано на полях. См. также выше зачеркнутый вариант к стр. 163, строки 14—18.*

31–34 В христианстве ∾ Слуги же не рабы. / В христианстве, в настоящем христианстве, есть господа и слуги, а рабов не может быть вовсе. Слуги же не рабы.◊ *вписано на полях.*

36 *Слов*: даже к слуге ли — *нет.*

37–39 *Фразы*: Вот, вот именно ∾ христианами! — *нет.*

39–40 Слуги и господа будут, но господа / И в будущем, и в идеально-прекрасном, в каком хотите обществе хотя и исчезнет рабство, но слуги и господа останутся во веки веков [потому что это нормально]. Только господа ◊

41 Представьте, что / Вот [в] положим ◊

42–43 для всех, и все сознают и чтут их / [и все] для всех, и все сознают это ◊

43 Шекспиру / ему

43 *Слов*: отрываться от работы — *нет.*

44 *Слов*: И поверьте — *нет.*

44–45 *Над словом*: непременно — *вписано*: И даю вам слово

45 *После*: гражданин — по способности [чрезвычайно] низший его, начинающий приносить общую пользу ◊

45–46 сам пожелает, своей волей придет / *а.* Сам придет даже [и буд<ет>] своей волей и охотой *б.* Сам пожелавший, своей волей пришедший ◊

46 и будет выносить у Шекспира ненужное / *а. Как в тексте. б.* и будет вычищать комнату, выносить у Шекспира ненужное ◊

47 унижен / унижен по-вашему ◊

47 раб? *вписано.*

48 скажет он ему / *а.* говорит он *б.* говорит он, — таланту твоему и великой деятельности. *На полях набросок*: Вот какие будут слуги в христианстве. А теперь нет, теперь совершенных христиан еще нет [во множестве]. Очень сильно незнание.

Стр. 164.

1–2 *Текста*: хоть каплей ∾ для великого твоего дела — *нет. Ср. нижеследующий вариант.*

3–4 выше меня своим гением / выше меня ◊

4–6 служить, я именно ∾ не ниже тебя нисколько / *а.* служить, я доказал, что по нравственному достоинству я не ниже тебя *б.* служить добровольно, что [общую пользу] принеся хоть каплю общей пользы, ибо сохраню тебе часы для великого дела, я уже доказал тем, что по нравственному достоинству моему я не ниже тебя нисколько ◊

6–8 Да он и не скажет ∾ немыслимы они будут. / О, он не скажет этого лишь потому, что вопроса такого о различии нравственного их достоинства тогда невозможно, немыслим даже он будет вовсе.◊

8–10 Ибо все будут воистину ∾ животное будет побеждено. / да и чувств не будет так‹их›, никакой тогда зависти, никогда мелкого личного самолюбия не будет вовсе, ибо все будут воистину новые люди, настоящие, Христовы дети, а прежнее животное будет побеждено.◊ *вписано на полях.*

10 Вы скажете, конечно, что это опять-таки фантазия. / Вы скажете опять, что всё это фантазия.◊

11 Но ведь не я же начал фантазировать первый / Да ведь не я же начинал, [не я] опять-таки ◊

11 *После*: а вы сами — не начинать бы вам и о христианстве [с], которого сути вы, с вашими христианками Коробочками, вовсе даже не понимаете ◊ *На полях заметка*: Настоящий идеал. Христос единственный настоящий идеал.

11–14 *Текста*: ведь вы же предположили Коробочку ∾ почище моей фантазии — *нет. Между строк предыдущего текста вписан набросок*: и предположить, что Коробочка *совершенная* христ‹ианка›

15 Умные люди тут рассмеются и скажут / Вы конечно рассмеетесь и скажете ◊ *Выше вписано*: может быть скаж‹ете›

18 или так мало, что и разглядеть трудно / или так, что и не рассмотришь ◊ *вписано.*

19 всякое рабство / рабство ◊

20 Коробочки переродились бы в светлых гениев / Коробочки получили бы нравственное достоинство ◊

20–21 и всем бы оставалось ∾ богу гимн / *Начато*: и все бы запели гим‹н›

21–22 господа насмешники *вписано.*

22 еще ужасно мало / *а.* очень мало *б.* еще очень мало ◊

22–23 (хотя они и есть) / но всё же они есть ◊ *вписано.*

23 сколько именно надо их / *а.* сколько их надо *б.* сколько их надо, настоящих-то праведников ◊ *Ниже вписано*: пока

23–24 не умирал / *а.* не умер *б.* не помирал

24 а с ним и великая надежда его? / и не умирала великая мысль? Вероятно, только это теперь и нужно.◊ *Рядом на полях набросок к тексту на строках 31—32*: а до сих пор, по-видимому, только этого и надо было, чтоб не умирала великая м‹ысль›. Вот другое дело теперь, когда что-то новое надвигается повсем‹естно›

25–27 *Текст*: Примените к светским понятиям ∾ не ответите. — *в автографе следует за текстом*: Тут своя политическая экономия ∾ г-н Градовский.

25 Примените к светским понятиям / Переведите на светский язык ◊

26 чтоб не умирала в обществе гражданская доблесть / чтоб не умирало в обществе гражданское чувство ◊

27–29 Тут своя политическая экономия ∾ г-н Градовский. / Тут политическая экономия нам неизвестная и на это никто не ответит. ◊ *Между строк вписано*: *1.* и вам совсем, да и никому неиз‹вестная› *2.* конечно, есть и свои законы у бога

29–30 Скажут опять: «Если так мало исповедников великой идеи / «Скажут только: что если так мало настоящих исповедников великой [мысли] идеи ◊

31 *После*: приведет? — *вписано*: опять-таки не ответите. Ведь не претендуете же вы знать тайну мира? Или претендуете? Пожалуй, чего доброго, от петербургского ученого станет.◊

31–34 *Текста*: До сих пор, по-видимому ∾ надо быть готовым. . . — *нет. Набросок к нему см. выше* (*стр. 322*).

35 именно в том / именно тут ◊

36–37 не поверил / не верил ◊

37 насмеялся / смеялся

37 *После*: надо мной — и бросал бы даже в меня [каменьями] каменья? А если нас отыщется двое таких верующих, то вот уже и всё спасено, [весь мир] целый мир двух нас завершен, воздвигнем алтарь и принесем жертву. Вы вот в победоносной иронии вашей насчет [того, что я] моих слов в моей Речи о том, что мы, может быть, изречем слово «окончательной гармонии» в человечестве, бросаетесь на Апокалипсис и ядовито [пишете] восклицаете:

«Словом, совершите то, чего не предсказывает и Апокалипсис! Напротив, тот предвещает не „окончательное согласие“, а окончательное „несогласие“ с пришествием Антихриста. Зачем же приходить Антихристу, если мы изречем слово „окончательной гармонии“».

Ужасно остроумно, только вы тут передернули. Вы верно не дочитали Апокалипсис. г-н Градовский. Там именно сказано, что [после] во вре‹мя› самых сильных несогласий не Антихрист, придет Христос и устроит царство свое на земле (слышите, на земле) на 1000 лет. Тут же прибавлено: блажен, кто участвует в воскрешении первом, то есть в этом царстве. Ну вот в это время, может быть, мы и изречем то слово окончательной гармонии, о котором я говорю в моей Речи. Вы [удивитесь моему мистицизму] опять скажете, что это фантастично, закричите, что это уже мистика. А не суйтесь [сами] в Апокалипсис, не я начинал, вы начали.◊

37 и пошел иною дорогой *вписано*.

Стр. 164—165.

38–3 *Текста*: Да тем-то и сильна великая нравственная мысль ∾ долго не проживет, г-н Градовский. — *нет*.

Стр. 165.

4 Но я пойду далее, я намерен / Теперь я намерен ◊

4–5 узнайте, ученый профессор, / Знайте ◊

5–8 общественных гражданских идеалов ∾ ученым ножом / общественных идеалов, как таких, как общественных, не связанных органически с целым, а именно откромсанных вашим ученым ножом от целого ◊

8–11 как таких, наконец, ∾ таких идеалов, говорю я / как таких, наконец, которые могут взяты и пересажены даже из вне ◊ *вписано*.

11 нет вовсе / нет вовсе, не существует вовсе ◊

13–14 суть его в стремлении людей отыскать себе / старание отыскать себе ◊

14 *После*: устройства — вкупе

18 *Слов*: своего улья — *нет*.

19 знают по-своему / по-своему знают, а ◊

20 не знает своей формулы / не знает ◊

21 в обществе человеческом *вписано*.

21–22 следите исторически / смотрите исторически

22–24 тотчас увидите ∾ самосовершенствования единиц / *а*. [увидите] тотчас увидите, что гражданские идеалы суть только продукт нравственного самосовершенствования *б*. тотчас увидите, что гражданские идеалы суть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц ◊ *Между строк вписаны наброски*: *1*. откуда

гражданские берутся. Увидите, что *2.* Увидите, что и самих их не существовало, что

24 и что было / и было

25 *После*: во веки веков — *начато*: Идея нравственная

26 идея нравственная / идея нравственная в человеке ◊

26–27 всегда предшествовала зарождению национальности / предшествовала всему

27 *ибо она же и создавала ее вписано.*

27–28 Исходила же эта нравственная идея / исходила же она ◊

29 не простое земное животное, а *вписано.*

30 и с вечностью *вписано.*

30–31 Эти убеждения формулировались / Это убеждение формулировалось ◊

31 всегда и везде *вписано.*

31 в религию / обыкновенно в религию ◊

31 *Слов*: в исповедание новой идеи — *нет.*

32–33 и всегда, как только ∾ новая национальность / *а.* и тогда же начиналась национальность *б.* и тогда, когда только начиналась религия, тогда только начиналась нов‹ая› национальность, ранее никогда ◊

33 *После*: новая национальность. — *а.* Евреи, магометане, Рим и его история, первобытная христианская церковь *б.* Так начинались евреи, начинались магометане, начала зарождаться Римская великая импер‹ия›, так началась и христианская церковь, тотчас в самый первый год существования своего уже возжаждавшая гражданского идеала, устройства общества совершенно в духе Христа и до [сих] тех пор на земле еще неслыханного, началось же именно с потребности личного самосовершенствования, а вовсе не с целью «спасти животишки» ◊

33–34 *Слов*: Взгляните на евреев и мусульман — *нет.*

34–37 *Текст*: национальность у евреев ∾ только после Корана — *вписан на полях следующей страницы* (*с. 39*). *Вместо*: сложилась — явилась, *вместо*: явились — сложились ◊

Стр. 165—166.

37–2 Чтоб сохранить полученную духовную драгоценность ∾ которую они получили. / Для чего так всегда было и бывает — именно чтоб [хранить] сохранить полученную духовную драгоценность, тотчас же и влекутся друг к другу люди, и ревностно и тревожно отыскивают, как бы им устроиться, чтоб сохранить полученную драгоценность удобнее — то есть отыскать гражданскую идею свою, как бы отыскать такую гражданскую формулу совместного бытия, которая именно помогла бы им выдвинуть сильнее свою идею нравственную и в большей славе.◊ *вписано на полях. Рядом набросок*: так случилось с евреями, так случилось с мусуль‹манами›, так с первоб‹ытными›

Стр. 166.

2–9 И заметьте ∾ гражданские формы этого народа. / Идеал. И хотя бы достигнуть этот идеал вполне могли только два человека, тем не менее вся нация питается им духовно, зиждется на нем, им только цела и крепка. И заметьте, как только расшатывался и ослабевал этот идеал в национальности, падал, так тотчас же падала и национальность, а вместе падал и весь их гражданский устав, падала и гражданская идея и формула, и все гражданские идеалы, которые в ней сложились. ◊ *вписано на полях.*

9 *После*: сложились. — В каком характере сложилась в народе религия, в таком характере слагалось и нравственное чувство народа, и потребности его, и желания его, и идеалы его и цели стрем-

лений его. Эти потребности и желания охватывали всех, начинающих общество, целокупно перерождались сейчас и естественно уже в жажду идеалов гражданских, в потребность устроиться в целое соответственно с идеалом и исповеданиями нравственными, [Тут сейчас] [Закон Моисея, Коран, Римское право, первобытная христианская община, составившая новую форму, небывалую еще в обществе — Церковь] [Тут же, сейчас, после этого слагается и является уже национальность.] личными, но тотчас же [ставшими] становившимися общественными.◊

10 всегда прямо и органически / прямо ◊

11–12 из них только одних / из них ◊

12 *Сами же по себе* / *а.* Сами собой *б.* Сами же собой ◊

12 никогда не являются / не являются

13–15 ибо, являясь ∾ в ней сложилось / а суть их продукт, сама же формула их [является] имеет лишь целью утоление нравственного [идеала] стремления народа *Далее*: *а.* [каково] как оно [у] сложилось *б.* и поскольку [оно] это нравственное стремление сложилось ◊

15 *После*: сложилось [1] — Так начинавшаяся древняя Римская империя была как бы идеалом и исходом [всего] нравственного стремления [2] всего древнего мира, [явился человекобог] явления человекобога, империя [как] сама была, становилась как бы как идея религиозная.[3] Но она не заключилась и не могла заключиться. Строящийся муравейник был вдруг подкопан. Подкопала его церковь. Под землей началось [строительство] новое неслыханное прежде здание — Церковь. [Начала‹сь›] Началась она сейчас после Христа, всего с нескольких человек, и уже в первый год после Христа (как видим в Писании) сейчас же [начала отыскивать] как уже исход всему стала отыскивать гражданскую свою формулу [созидание гражданского идеала своего устройства], всю основанную на нравственной надежде утоления духа на началах личного самосовершенствования, чтоб сохранить полученную драгоценность. И вот явилась [Церковь] [церковная община] эта новая грядущая община и подкопала Рим. Затем, как известно, произошел компромисс, Рим принял христианство, а церковь — римское право и империю. Часть церкви бежала в пустыни, ушла в уединение и стала продолжать прежнюю работу [[монастыри] христианские общины, потом монастыри, всё [до сих пор] лишь проба, даже и до нашего времени],[4] другая разбилась на две половины. [Западная половина] В Западной половине государство одолело, наконец, церковь совсем. Церковь уничтожилась и перевоплотилась в государство. Явилось папство — продолжение древней римской идеи государства в новом воплощении. В восточной же половине государство было покорено и разрушено мечом Магомета и остался лишь Христос, уже отделенный от государства. А то государство, которое приняло и вновь вознесло Христа, претерпело такие страшные вековые страдания от врагов, от татарщины, от неустройства, от Европы и европеизма и [до того их] столько их до сих пор выносит, что настоящей общественной формулы в смысле духа любви и христианского самосовершенствования, действительно, еще в нем не выработалось. Но не вам бы только укорять его за это.[5] Оно лишь носитель Христа, на него одного и надеется. Народ наш назван крестьянином, то есть христианином.◊ ***На полях наброски:***

---

[1] *Следующий далее текст близок к окончательному на стр. 169.*

[2] *Между строк вписано*: и более того

[3] *Ниже вписано*: империя явилась идеей религиозной

[4] и стала продолжать ∾ до нашего времени] *вписано.*

[5] *Фраза*: Но не вам бы только укорять его за это. — *вписана на полях. Далее следует текст, являющийся вариантом к стр. 166—167 (строки 37—25) — см. ниже.*

1. религия и бог в империю римскую *2.* ‹*нрзб.*› граждане требовали как бы исповедания империи римской *3.* образовали идею религиозную *4.* 2 идеи буквально противоположных *5.* в том духе, который даровали ‹?› *6.* Но шла она под землей. Над нею, поверх земли, велось созидание *7.* Богочеловек и человекобог

15–20 А стало быть ∾ и зародиться не могут. / А стало быть, самосовершенствование в духе религиозном есть основание всему и всякий гражданский идеал только от него и является, *без него сам никогда не рождается.* ◊ *вписано на полях.*

20–33 Вы скажете, может быть ∾ вашей фразе / Вы скажете, что вы и сами говорили, что личное самосоверш‹енствование› — есть начало всему и что вы вовсе не делили ножом. То-то и есть, что делили, что разрезали живой организм. Не начало только всему, а и продолжение, объемлет, зиждет, сохраняет. Для нее и живет гражданская мысль, ибо и создалась для того, чтоб сохранять ее. Когда она утрачивается в национальности, то мигом погибают и все гражданские учреждения, потому что некого уже более охранять, утрачен драгоценный алмаз ‹?› Таким образом нельзя утверждать, как вы говорите ◊ *вписано на полях. Ниже наброски* (*к стр. 166, 167*): *1.* животишки *2.* самая последняя, которая соединяла человека и всегда являлась предпоследним вздохом умирающей национальности

34–36 *Текста из статьи А. Д. Градовского*: «Вот почему ∾ гражданские доблести». — *нет.*

Стр. 166—167.

37–25 «Если не христианские ∾ русского европеизма. / Вы, г-н Градовский, как и Алеко, ищете спасения в вещах посторонних и в явлениях внешних. Пусть у нас поминутно скоты и мошенники (на ваш взгляд, может быть, и так), но стоит лишь пересадить к нам из Европы какое-нибудь учреждение, и по-вашему всё спасено. Органической связи не надо, соответствия духу народному тоже — это всё вздор, деспоты вы тут страшные. Вы об моем Зосиме отзываетесь презрительно, а между тем он сказал между прочим: были бы братья, будет и братство. Что толку, если создать учреждение и поставить [ему девизом] на нем надпись: fraternité ou la mort. И пойдут братья откалывать головы братьям, как уже раз и случилось. Какое уж тут выйдет братство? Учреждения, гражданские идеалы — всё это должно быть тесно и органически связано с духом народным, то есть именно с нравственной стороной этого духа. В народах как? Была бы только выработана первоначальная драгоценность, около которой соединится нравственное начало. Тогда только и явится гражданская мысль, [ибо есть] то есть потребность соединиться теснее и крепче именно для того только, чтоб хранить первоначальную драгоценность. Как же можно делить гражданские идеи от нравственных, как же можно резать организм на две [механичес‹кие›] отдельные половинки ученым ножом. Велика же ваша наука.◊ *вписано на полях.*

Стр. 167.

25–27 Кстати, вот вы ∾ изволите говорить / Вы вот [г-н Градовский] говорите, осуждая наше неустройство и стыдя Россию, указывая на Европу [вдруг говорите] [огорошиваете, стыдя Россию] ◊

30 *Рядом с текстом*: Это Европа-то справилась? — *заметка на полях*: Резвый вы человек!

30 *После*: Это Европа-то справилась? — *вписано*: со своими противоречиями? *На полях набросок* (*к стр. 169*): десяток революций, по 20 конституций

30 Да кто только мог вам это сказать? / Кто это вам сказал? Откуда вы это взяли? *вписано.*

31 *Слов*: ваша Европа — *нет*.

31–32 повсеместного, общего и ужасного / *а*. повсеместного, страшного и ужасного *б*. повсеместного и ужасного ◊

32 давно уже созидавшийся / *а*. созидавшийся *б*. давно уже созидающийся ◊

33–34 (ибо церковь ∾ там в государство) / ибо церковь, потеряв идеал свой, перевоплотилась там в государство ◊ *вписано на полях*.

34–35 с расшатанным до основания нравственным началом *вписано на полях*.

35–37 *Текста*: утратившим всё, всё общее ∾ говорю я — *нет*.

38 *После*: сломает дверь. — Все эти парламентаризмы, банки, богатства, науки, жиды — всё это рухнет в один миг и бесследно.◊ *Далее было*: Вы смеетесь. *Текст близок к окончательному на стр. 167—168.*

38–41 *Текста*: Не хочет оно прежних идеалов ∾ а оно хочет всего. — *нет*.

Стр. 167—168.

42–2 *Текста*: Все эти парламентаризмы ∾ в руку будет работа. — *нет*. *См. выше, вариант к стр. 167, строка 38.*

Стр. 168.

3–4 Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся. / Вы смеетесь, смеетесь, [но] блаженны смеющиеся!◊

4 Дай бог вам веку / Дай вам бог долго прожить ◊

4 Удивитесь тогда. *вписано*.

4–5 Вы скажете / Скажете ◊ *Над строкой вписано*: теперь это

5–6 так ей пророчите / так говорите ◊

6 *После*: А я разве радуюсь? — *вписано*: ее будущему ◊

6 Я только предчувствую / Я только вижу ◊

7–9 Окончательный же расчет ∾ предположить. / А случиться также это может гораздо скорее, чем вы думаете.

9 могла бы предположить / может предположить ◊

9 *После*: ужасны — *вписано*: и очевидны ◊

9–22 Уж одно только ∾ в наступающем десятилетии. / Одно уже неестественное положение государств видимо ведет их к огромной окончательной политической войне, которая непременно разразится не только в нынешнем еще столетии, но, может быть, даже в текущем десятилетии.◊ *На полях наброски к окончательному тексту*: *1*. Давняя неестественность. Неестественность накапливалась веками. *2*. Уж одно то неестеств‹енно›

22–23 выдержит там *теперь* / выдержит там ◊

23–24 труслив и пуглив / труслив ◊

24–25 закроются все, чуть-чуть лишь война затянется или погрозит затянуться / закроются при первой [серьезной] длинной войне ◊

29–33 *Текста*: Уж не надеетесь ли вы ∾ на улице. — *нет*.

33–34 Как вы думаете ∾ умирая с голоду? / Что же вы думаете, они будут также по-прежнему ждать? ◊

34–36 Это после политического-то социализма, после интерналки, социальных конгрессов и Парижской коммуны? / Это после интерналки-то, после политического социализма, после Парижской коммуны? ◊

36–37 *Слов*: теперь уже не по-прежнему будет — *нет*.

37 они бросятся на Европу, и / они бросятся на Европу и завладеют ею, а ◊

37 рухнет навеки / разрушится навеки ◊

38 *После*: берег. — [Мы] Освобожденные на миг от Европы, мы займемся тогда уже прямо нашими общественными идеалами.

38–42 *Текста*: ибо тогда только ∾ теперь только смеетесь. — *нет*.

42–43 теперь-то вы, господа, теперь-то / вы-то, вы-то, господа, вы ◊
43 нам / нам теперь ◊
44–47 к нам именно те самые учреждения ∾ лишь по одной инерции / к себе то, что там завтра же рухнет. Как изжившее век свой, как истлевшее еще во время своего зарождения, как ложь и абсурд в самой основной идее своей, как старый хлам, в который и там уже почти никто не верит.◊

Стр. 168—169.

47–4 *Текста*: Да и кто, кроме отвлеченного доктринера ∾ десятка революций? — *нет. На полях набросок*: Ту комедию буржуазного единения можно было принять за нормальную и окончательную формулу человеческ‹ого› единения на земле, да еще любоваться отдельными учреждениями этой формулы

Стр. 169.

4–5 О, может быть, только тогда / *а.* Нет *б.* О, может быть, хоть тогда ◊
5 уж сами / тогда уже прямо
6 *Слов*: без европейской опеки — *нет.*
6–7 и непременно / прямо
7–8 *После*: личного самосовершенствования — как бы вам [это] ни было это досадно ◊ *вписано.*
8–9 Вы спросите: какие же ∾ идеалы мимо Европы? / *а.* Какие же тут могут быть идеалы общественные, скажете вы. *б.* Какие могут быть у нас такие особые идеалы общественные, спросите вы, разумеется.◊
10 *Слов*: и гражданские — *нет.*
11 лучше ваших европейских / лучше ваших ◊
11 и даже — о ужас! *вписано.*
12 *После* — либеральнее ваших — потому
13 лакейски безличная / лакейская
13–14 *После*: пересадка с Запада — *вписано*: не механическим перенесением европейских форм (которые там завтра же рухнут), народу нашему чуждых и воле его не пригожих ◊
14 *После*: распространиться — по многим причинам ◊ *вписано.*
15 по тому одному, что / потому что ◊
16–17 Кстати, вспомните ∾ христианская церковь? *вписано.*
16 стремилась / была и стремилась ◊

Стр. 169—170.

17–8 *Текста*: Началась она сейчас ∾ на всё его будущее. — *нет. См. выше, вариант к стр. 166, строка 15.*

Стр. 170.

8–9 Вы, г-н Градовский, безжалостно укоряете Россию за ее неустройство. / Вы [вот обвиняете Россию, что в ней до сих пор нет] скажете с насмешкой: что много у нас устройства в посконной нищей России? ◊ *Далее начато*: Как до сих пор ничего не устроилось *Позднее по тексту вписан набросок к окончательному тексту*: Вы вот злобно и безжалостно укоряете Р‹оссию›
9–10 до сих пор ∾ два последние века и *вписано, без слова*: ей
10 в последнее пятидесятилетие / в самое последнее время ◊
10–13 А вот всё подобные вам ∾ на нас насели. / только вы и подобные вам ◊
13–14 развитию России на собственных ее народных началах / развитию сил России на народных началах ◊
14–15 *Фразы*: Кто насмешливо ∾ и не хочет их замечать? — *нет.*
16–17 Кто хотел переделать народ наш, фантастически «возвышая его до себя» / Кто механически и лакейски пересаживал к нам Европу, фантастически [надеясь возвышать] возвышая народ до себя
16 *После*: народ наш — во французов и немцев

17–18 попросту наделать ∾ европейских человеков / то есть наделать всё таких, как вы, господ ◊ *вписано.*
18 от времени до времени *вписано.*
19 *После*: европейца — А ведь это ваш идеал, таким образом вы надеялись просветить и переделывать весь русский народ, [отрывая по человечку. Экой абсурд! Экой абсурд!] потому что с русским народом, таким, какой он есть, без переделки — вы ведь уже решили же раз навсегда, что ничего нельзя делать и это давно уже, еще восемь столетий. Итак, отрывая [от] по человечку — экой абсурд!
20 *Слов*: даже хоть фалдочками мундира — *нет.*
21–22 *После*: европейца — разврат
22 так, как либералы его переделывают / так, как вы переделываете ◊
22–23 есть сущий разврат зачастую / *а.* разврат *б.* есть разврат ◊
23–25 весь идеал ихней программы ∾ от общей массы / весь ваш идеал — в механической переделке отрывом по человечку ◊
25 Это они / Это вы ◊
25–26 все восемьдесят миллионов народа нашего отколупать и переделать / все 90 миллионов перевоспитать ◊ *Над словом*: перевоспитать — *вписано*: отколупать *Выше, крупно*: отколупывая
27 наш народ весь, всей массой своей / народ наш ◊
28–29 как эти господа русские европейцы / как и вы ◊
30–31 *Заголовка*: IV. Одному смирись, а другому гордись. Буря в стаканчике. — *нет.*
32 я / мы
34 *После*: в моей речи. — Да. Вы [это] ее намеренно [сделали] исказили, [ибо] хоть я и [говорю] сказал, что «[удивлялся] удивляюсь течению [ваших] мыслей», но это-то вы уж могли понять и поняли, но нарочно, из литературного самолюбия, чтобы одержать надо мною [блистательный верх] блистательную победу, извратили смысл моей речи.◊
36–39 *Рядом с текстом*: «Еще слишком много ∾ г-н Достоевский» — *запись на полях*: Отыскание настоящей христианской формулы единения.

Стр. 171.

7–8 почти невинной передержке / чисто уже школьнической передержке ◊
12 два дела совсем разные / два дела разные
13 политических ошибок / ошибок
13–14 во множестве поминутно / множество
14 хвалил / говорил
17–18 и не гордясь я это сказал / не гордясь это говорил
19 черту многознаменующую / черту прекрасную, широкую и многознаменующую ◊
20 в духе национальном / *а.* в народе нашем *б.* в духе национальности нашей ◊
20 *После*: уж — *начато*: го‹рдиться›
23–24 про служение Меттерниху говорил ∾ вашего / это говорил
24 именно за слова / *Начато*: между [сло‹вами›] прочим за сл‹ова›
25 (между другими словами, конечно) *вписано.*
26 известным образом и ответил / и ответил
26 *После*: это — *начато*: так вы иск‹азили›
27 *После*: либерал — *вписано*: и сколько во мне гражданской скорби ◊
33–34 *После*: гордости? — *начато*: Что
43 Да ведь / Ведь ◊
47–48 Вот мои слова. / Вот что я сказал.
48 И неужто в них призыв к гордости? / И неужели же тут [гордость и] призыв к гордости?

Стр. 172.

4 это слово / его
7 всеслужения/всеслужения человечеству ◊
7–8 слугами и братьями / братьями ◊
8–9 требовать от всех / требовать
9 требование поклонения / поклонение ◊
9–11 то святое, бескорыстное желание всеслужения становится тотчас абсурдом / *а.* то и желание всеслужения становится абсурдом или не серьезным желанием, а каким-нибудь хитрым, иезуитским *б.* то [желание, о котором я гово‹рил›] не святым бескорыстным желанием всеслужения, становится тотчас абсурдом, становится уже ‹не› желанием, а каким-нибудь хитрым, иезуитским подвохом ◊
11–12 *Фразы*: Слугам не кланяются ∾ пожелает от брата. — *нет.*
14 доброе дело / дело
17–18 расскажет о своей радости / расскажет
18 заплачет с ними *вписано.*
19–20 почувствуете умиление, иногда даже слезы / чувствуете умиление, иногда до слез ◊
20 никогда не случалось / не случалось
21 голос вам в ухо / голос
24–25 удостоимся братски послужить ему / послужить ему ◊
28 светлая надежда / надежда
29–38 *Рядом с текстом*: и мы можем ∾ доканчивали свои речи — *на полях набросок*: Я ведь не хвалю каждую полученную драгоценность абсолютно, иначе пришлось бы хвалить и Коран, не хвалю [и если бы все г‹ражданские›] каждую гражданскую форму для хранения драгоценности. Иначе пришлось бы хвалить и изгнание мавров из Испании и Варфоломееву ночь в Париже. Я говорю лишь о необычайной жизненной силе, которую несет с собою и сообщает нации каждая таковая, полученная [ею] «драгоценность», пока нация в нее незыблемо верит. Пишу это потому что у нас всё надо разъяснять, многое сейчас же исказят и выдумают такое, что и [на] в мысли не было сказать.
29 в человечестве *вписано.*
32 впредь быть лучшими / быть лучшими ◊
35 заметить / сказать
36 ничего не выражает / *а.* ничего не значит *б.* ничего особенного не выражает ◊
36 *После*: настроение — *начато*: и что
38 они ни сказали / ни сказали ◊
39–40 объявилось / случилось ◊
40 сам туда / сам туда, взошел бы на кафедру ◊ *вписано.*
40–41 сказал бы что-нибудь от себя / сказал бы сам что-нибудь ◊
41 так, как ко мне *вписано.*
42 три дня перед тем / *а.* три дня уже *б.* три дня уже перед тем ◊
44 не было / не бывало ◊
44 Это был единственный / Это единственный
47 именно в том / в том ◊
48 объявились / *Начато*: заявили

Стр. 173.

6–7 зажглись? / зажглись, г-н Градовский? ◊
7 Это от гордости пролились слезы? *вписано.*
10 многих / всех ◊
13 ведь бунт / бунт
13–14 Выскочило несколько перепуганных разных господ / Выскочила бездна маленьких испуганных человечков ◊
16–19 разъяснить скорее ∾ а более ничего / разъяснить скорее на всю Россию, что это только благодушное настроение в благодушной

Москве, миленький моментик после ряда обедов, достойный сцен Горбунова, а более ничего ◊ *вписано.*
19 ну, а бунт / а бунт ◊
21 неосторожно / неосторожно [и не искусно] себе в убыток ◊
22 *Слов*: публика могла и не поверить — *нет.*
22–23 это дело сделать умеючи *вписано.*
24 в моей речи *вписано.*
24 мыслей / мыслей, но. . .
26 *Слов*: к общему удовлетворению — *нет.*
26–27 не столь искусно / не так искусно ◊
27 *После*: пробел — недостаток
28 *После*: и вот — *начато*: оты‹скался›
28 солидный, опытный уже критик / *а.* критик *б.* солидный и опытный критик ◊
29 с надлежащею / с необходимою ◊
30 Этот критик были вы / *а. Как в тексте. б.* Таким критиком оказались вы ◊
32–35 по крайней мере ∾ обкатят холодной водой мечтателя *вписано на полях.*
32 *После*: перепечатали — и полное спокойствие восстановилось ◊
33 строгой критики речь поэта / речь строгой критики ◊
35–36 вы просите / вы даже просите ◊
37 мог бы счесть резкими / *а.* [сочту] нашел бы резкими *б.* я мог бы [найти] счесть резкими ◊
40 *После*: А. Градовскому — *вписано*: и его убеждениям ◊
41–42 *Фразы*: Если же не уважаю ∾ прося извинений? — *нет.*
43 серьезная и знаменательная / серьезная
43–44 в жизни общества нашего / *а.* в жизни части общества нашего *б.* в обществе нашем ◊
44 представлена извращенно, разъяснена ошибочно / *а.* просто непонятна, разъяснена ошибочно, ошибочно с умыслом *б.* с умыслом [представленною] представлена извращенно, разъяснена ошибочно ◊
45 видеть / *а.* тоже видеть *б.* тоже мне видеть ◊
46 вы-то ее / вы-то ◊
46 *После*: поволокли. — *ниже вписано*: Г-н Градовский ◊
48 было писать / писать

Стр. 174.

1 *Слов*: сравнительно с моей — *нет.*
1 Но, повторяю / *а.* Но, клянусь, я для других писал *б.* Но повторяю [еще раз, снова, что] еще и еще раз: ◊
2 кое-что вообще высказать / кое-что другим высказать ◊
6–16 Скажут еще ∾ великой жизни *вписано на полях.*
7 сам призывал / призывал ◊
8 *Слов*: и примирению — *нет.*
9 смысл речи / смысл ◊
10 я обозначаю / я напираю ◊ *Ниже вписан вариант*: настаиваю
11 в моем вам ответе / в моем ответе вам, г-н Градовский ◊
12 сами ставят себя / ставят себя ◊
12–16 *Рядом с текстом*: ставят себя ∾ великой жизни — *набросок*: родись в ней новые силы, и воззвать ее к неслыханной еще деятельности
13 *После*: положение — и становятся вредны, а не полезны России ◊
14 *После*: могли бы — *начато*: прин‹ести›
16 *Слов*: доселе еще невиданной — *нет.*

Варианты наборной рукописи (НР)[1]

Глава первая

Стр. 129.

1–8 Дневник писателя ∾ речи о Пушкине. *вписано.*
5 Август / Июль ◊
15 о себе / про себя
17 вспоминаю / пишу
21 лишь *вписано.*
31 в конце концов *вписано.*
34–35 Издание «Дневника писателя» ∾ мое здоровье. *вписано.*

Стр. 130.

9 ибо он / он
15 и им / и его великим сердцем
16 *После*: отысканные — сердцем великого человека и великого русского гражданина
26 *После*: сказать — у нас
27 идей и форм
28 в народном духе нашел / в народном духе нашем ◊
34 не встречаемая / не виданная

Стр. 131.

7 с такою же силою / с такою же глубиною и с такою же силою ◊
8 на мировое значение / не о мировом значении
8–9 хотел я посягнуть / *а.* говорю я *б.* посягал я
10–11 а желая лишь ∾ отметить великое / а в самой способности-то этой и в полноте ее вижу великое
11 отметить великое / отметил
13–14 национальная / всенародная
18–19 и к всепримирению / и всепримирению
28 речи моей / речи моей, в «очерке» моем ◊
40 способны / способен
44 может ли кто / можете ли вы
45 Может ли кто / Можете ли вы
45 *После*: сказать — во след многим голосам

Стр. 132.

4 Повторяю *вписано.*
7 столь высокие / *а.* такие *б.* такие высо‹кие›
10 в основной сущности своей по крайней мере *вписано.*
12 высшего слоя своего / высшего слоя
13 восемьдесят миллионов ее населения / восемьдесят миллионов
16 даже в строгом смысле нельзя сказать, что *вписано.*
17 нищая / нища
19 может быть / может
24 и указывают / указывают
27 слово Европе / слово в Европе ◊
45 завтра же в Европе рухнет / *а.* завтра, может быть, рухнет. *б.* завтра же, может быть, в Европе рухнет ◊

---

1 *На л. 1 рукою А. Г. Достоевской*: Рукопись «Дневника писателя» 1880 г., продиктована Ф. М. Достоевским его жене, А. Г. Достоевской, и списана ею с стенограммы и исправлена Ф. М. Достоевским. Глава III: «Две половинки» переписана собственноручно Федором Михайловичем (стр. 119—140).

Стр. 133.

22–23 народным. Увлечения же оправдали — историческою необходимостью, историческим фатумом / народным, увлечение же — исторической необходимостью.
26 все те чисто русские люди / славянофилы и все те русские
31 могло бы стать / было
41 если не высказываема, то указываема / высказываема и указываема ◊
41 Я же сумел / Я умел
42 *После*: минуту — в сущности же не сказал ничего особенно нового. ◊
46 так как / ибо
47 *После*: «событием» — и не она собственно, не речь, составила бы таким образом событие, а именно то, повторяю это, что славянофилами сделан окончательный шаг примирения и принят вполне главный вывод [ее] речи о законности и народности наших стремлений в Европу.

Стр. 134.

14–15 разочарование в моей гениальности / разочарование ◊
17–18 лишь вообще о западниках / об отвлеченном слове западничества
18 скажу / говорю
22 тоже была правда / правда ◊
26 не отказывали / и не отказывали
26 за исключением / исключая
29 как можно скорее / тотчас же ◊
33 а потому *вписано.*
34 Знайте, что *вписано.*
35 *После*: Петра — если хотите
37–38 оставили его назади и поскорее *вписано.*
42–43 пришло время высказаться / *а.* надо говорить *б.* пришло время сказать
48 раз навсегда нас *вписано.*
48 во веки веков / на веки веков

Стр. 135.

6 выводили / выводите
13 говоря о послушании его, о, конечно / и уж конечно
16 в порядке / по порядку
19 и начнем, с чего сами начали, то есть *вписано.*
19–20 его прошлого / его прежнего
21 прошлое / прежнее
21–22 тотчас же и заставим / то тотчас же заставим
24 устыдиться / постыдиться
25 лаптя и квасу / лаптя
25–26 и хотя из них ∾ все-таки *вписано.*
27 *После*: водевиль — *вписано и зачеркнуто*: ну и прочем
27–28 сколь бы ∾ сердились на это *вписано.*
28–29 мы, многочисленнейшими и всякими средствами, подействуем прежде всего / разумеется мы подействуем
30 на слабые струны характера, как и с нами было / на слабую струну его самолюбия
30 народ / он
32 формула! Мы / формула и мы
33 *После*: себя. — Теперь же нам пока некогда, мы теперь решили думать только о расширении наших гражданских порядков на европейский манер.
35 *После*: тогда — как говорят соседи наши
36–37 которую надо заставить лишь слушаться / недостойная просвещенного существа «песья крев» и что нужно эту песью кровь смирить и заставить слушаться

38–41 и восемьдесят миллионов ∾ нет и не может быть / *а.* и восемьдесят миллионов все должны быть принесены в жертву *б.* и восемьдесят миллионов народу (чем вы, кажется, хвастаетесь), но все эти миллионы должны прежде всего послужить этой единственной правде, так как другой нет и не может быть.◊

41 Количеством же миллионов / Количеством

41 не испугаете / не испугаешь

42 всегдашний наш вывод / всегдашние наши выводы

42 только теперь / только

43 при нем / при них

45 *После*: какое-то — вообще

45 какое-то будто бы особое *вписано.*

45 Надеемся, что вы / Надеюсь, вы ◊

46 хотя / хоть ◊

46–47 особенно теперь ∾ есть атеизм / *а.* опять-таки по слову соседей наших, немножко, впрочем, тоже спорных (потому что они ярые католики) по слову соседей наших ‹*3 нрзб.*› что наша вера есть хлопьска вера, тогда как последнее слово Европы есть атеизм *б.* ‹*4 нрзб.*› последнее слово европейской науки есть атеизм

Стр. 136.

9 русских деятелей / деятелей

10 почтенных и уважаемых / и почтенных, уважаемых

11 *После*: отщепенцев — смердов-то

13 все эти смерды-то ∾ морского) *вписано.*

24 стремление / свойство

27–28 повторяю в последний раз, была бы событием / есть событие

28 наименования / названия

30 уже всех образованных и искренних / образованных

Глава вторая

Стр. 136.

32 *Слов*: Глава вторая — *нет.*

35–36 Произнесено ∾ словесности *вписано. Рядом*: *1. зачеркнуто*: в Обществе *2.* NB в ремарку. *Ниже рукою К. А. Иславина синим карандашом*: (NB корректуру подать завтра мне, затем (пораньше) М. Н-чу [1])

37 явление чрезвычайное / явление великое, чрезвычайное

37–38 и, может быть, единственное явление русского духа *вписано.*

40 приходит / является

Стр. 137.

5 в этом слове / в этих словах

6 периоды / эти три периода

6–7 не имеют, кажется мне, твердых между собою границ / кажется мне, не имеют таких твердых границ между собою, как иные критики предполагают

9 во втором / *а.* во втором *б.* во втором уже ◊

11 любящею и прозорливою душой / любящею прозорливою душой

13–14 европейским поэтам ∾ особенно Байрону / европейцам, начиная с Парни, Андре Шенье и других, кончая Байроном

14 имели / могли иметь

17 уже выразилась / даже выразилась

18 самостоятельность его гения / самостоятельность

25 совершенно русская мысль / русская мысль

---

1 М. Н. Каткову. — *Ред.*

27 уже не в фантастическом свете / не в фантастическом свете

29 того несчастного скитальца / *а.* в этом первоначальном типе своем того несчастного скитальца *б.* образ того несчастного скитальца ◊

36 кажется / может быть

36 они не ходят уже / не ходят уже они теперь

45 успокоиться / успокоиться на чем-нибудь

46 конечно, пока дело только в теории *вписано.*

Стр. 138.

2–3 О, огромное большинство / О, конечно, огромное большинство

4 как и теперь, в наше время / как и теперь

4 служили и служат / служат

6 наживают / наживает

6–7 даже и науками занимаются / даже науками занимается и читает лекции

8 с получением жалованья, с игрой в преферанс *вписано.*

9–10 куда-нибудь в места, более соответствующие / куда-нибудь, более соответствующее

12 но которому придан благодушный русский характер *вписано.*

19–20 не видать чрез них покоя / лишиться через них покоя

22 жалоба на светское общество *вписано.*

23 где-то и кем-то *вписано.*

23–24 он никак отыскать / он потерял и найти

24 Тут есть немножко Жан-Жака Руссо. *вписано.*

25–26 где и в чем ∾ потеряна / где она

26 *После*: но — думает, что скажет

26 страдает он искренно *вписано.*

38 всего только / еще

39 этим страдает / страдает

39–40 так мучительно! / так искренно, так мучительно!

46 *После*: поэта — «Дайте мне женщину, женщину дикую».

46–47 на исход тоски / в исходе тоски

Стр. 139.

1 далеко от света *вписано.*

12–13 В первый раз ∾ запомнить. *вписано.*

16 может быть (ибо случалось и это) *вписано.*

18 личная обида / обида

21 *После*: гордость — вот это решение

22 потрудись на родной ниве / потрудись

23 и народному разуму *вписано.*

30 и поймешь наконец народ свой и святую правду его *вписано.*

34–35 в «Евгении Онегине» / в «Онегине» ◊

46 наполовину фат / фат

Стр. 140.

15 по-нашему / по-русски

24 в знаменитой сцене / в последней главе, в знаменитой сцене

25–28 Можно даже сказать ∾ Тургенева. *вписано. Далее зачеркнуто*: и Наташи в «Войне и мире» Льва Толстого.

28 *После*: свысока — столь независимого на вид и столь робеющего перед авторитетами Онегина

29 Онегин совсем даже не узнал / он не узнал

35–36 это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно / это Онегин, и именно он

36 совсем не мог / не мог

44 заметив / заметил

Стр. 141.

17 Да, она должна была прошептать это *вписано.*

20 *После*: души — попортила ее отчасти

21 новые светские понятия / новые понятия
22 Нет, это / Это
30 именно как русская женщина / как русская женщина вполне ◊
31–33 О, я ни слова ни скажу ∾ не коснусь. *вписано.*
35–36 (а не южная или не французская какая-нибудь) *вписано.*
40 поверит / верит

Стр. 142.

1 тогда лишь *вписано.*
2 никакого просвета / просвета ◊
4 *После*: ведь она — и вышла за него добровольно и
4 она, а не кто другая / она, она, а не кто другая ◊
4–5 она, а не кто другая ∾ она сама *вписано.*
7 А разве / О, разве
10 назади стоит нечестный / в жизни есть бесчестный
12 какое же может быть счастье / какое мое счастье
15 представьте себе тоже / представьте себе
16 надо замучить / замучить
17 существо *вписано.*
21 гордится ею *вписано.*
25 Вот вопрос. *вписано.*
30 *После*: счастливыми? — У Бальзака, в одном романе, один молодой человек в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к другу своему, студенту тоже, и спрашивает его: «Послушай, представь себе, ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там в Китае есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать [себе] про себя: „Умри, мандарин“, и он умрет, и за смерть его какой-нибудь там волшебник принесет [миллион] тебе твое счастье на всю твою жизнь, и никто этого не узнает, и главное [ведь он где-то] всё это в Китае, он мандарин, значит, всё равно, что на луне или на Сириусе — ну что, захотел бы ты сказать — „Умри, мандарин!“» [чтоб сейчас получить миллион]. Студент ему отвечает: «Est'il bien vieux ton mandarin? Eh bien non, je ne veux pas!».
30 *После*: Татьяна — чем этот бедный студент
31 столь пострадавшим / столько выстрадавшим ◊
32 чистая русская душа решает вот как / и русская душа решает так же
32 я одна / я
33–35 пусть мое несчастье ∾ не оценят ее *вписано.*
35 моей жертвы / моего подвига
35 ее / его
36 и совершается / совершилась
38 Скажут: да ведь / Да, скажут:
39–40 даже, может быть, самый важный в поэме / довольно любопытный
44 характернее / страннее
45 Я вот как думаю / Я вот что скажу и вот как думаю
48 суть этого характера / глубину этого характера

Стр. 143.

3 обстановке-то / обстановке
3 и вся суть / вся и суть
5–6 несмотря на все его мировые стремления *вписано.*
6 вот ведь, вот почему / и вот
10–11 всех своих разрешений / всех разрешений
13 любит только свою / любит свою
15 не ее даже он и любит / не ее он любит
16–17 да и не способен ∾ любить / *а.* и не может любить *б.* да и не способен кого-нибудь даже любить ◊
20 носимая / носящаяся по воздуху

59. (7)

свою поэму именемъ Татьяны, а не
Онѣгина, ибо безспорно она главная
героиня поэмы. Это положительный
типъ, а не отрицательный, это типъ
положительной красоты, это апофео-
за русской женщины и ей предназ-
началъ поэтъ высказать мысль поэ-
мы въ ~~[illegible]~~ знамени-
той сценѣ послѣдней встрѣчи Татья-
ны съ Онѣгинымъ.* Но манера гля-
дѣть свысока ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ сдѣлала то,
что Онѣгинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну когда
встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глу-
ши, въ скромномъ образѣ чистой, не-
винной дѣвушки, такъ оробѣвшей пе-
редъ нимъ съ перваго разу. Онъ не
сумѣлъ отличить въ бѣдной дѣвочкѣ
законченности и совершенства и дѣй-
ствительно можетъ быть принялъ
ее за „нравственный эмбріонъ". Это
она-то эмбріонъ, это послѣ пись-
ма-то ея къ Онѣгину! Если есть кто
нравственный эмбріонъ въ поэмѣ, такъ

*Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ — кромѣ развѣ образа Лизы въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" Тургенева. ~~[illegible]~~

«Дневник писателя» на 1880 г. Страница наборной рукописи (рукою А. Г. Достоевской) с правкой Достоевского.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

21 *Вместо*: Не такова она вовсе — Не таков ли Онегин, они так далеко разошлись, такие противоположные полюсы
27–28 и остались ей, но они-то и спасают / спасают
28–29 И этого немало / Но этого мало
29 нет, тут уже многое / скажут «нет», это много
30–31 Тут соприкосновение с родиной ∾ святынею. *вписано.*
32–33 чтобы только потешить его / чтоб потешить
33 из бесконечной любовной жалости *вписано.*
35 посмотрит на это счастье свое насмешливо / посмотрит на нее разочарованно и насмешливо
36 глубокие и твердые души / глубокие души
36 сознательно отдать / отдать
37 на позор / на сознательную потеху
38 за Онегиным / за ним [1]

Стр. 144.

14 как свидетельство / в свидетельство
16 его нельзя оспорить, сказать / нельзя оспорить, что он не существует
18–19 дух народа, его создавший / дух, его создавший
26 применить / взять и применить
28–29 с народом своим / с народом
32–33 за одним ∾ последователей его *вписано.*
34 талантливых / лучших
34 *После*: из них — у самых великих
34–35 даже вот у этих ∾ упомянул *вписано.*
37 быта и мира / быта
37–38 осчастливить его / осчастливить
40 простодушнейшего / даже простодушного
41–42 припомните стихи / припомните
44 *После*: сказать — *зачеркнуто синим карандашом*: [2] В «Капитанской дочке» казаки тащут молоденького офицера на виселицу, надевают уже ему петлю [и говорят] на шею и бормочут ему: «Не бось, не бось», — и ведь действительно, может быть, искренно ободряют бедного офицерика, [его] молодость его жалеючи. И комично, и прелестно. Да хоть бы и сам Пугачев с своим зверством, а вместе и с беззаветным русским [добродушием] прямодушием. Вот он с тем же молоденьким офицериком уже наедине, сидит и смотрит на него с плутоватой улыбкой, подмигивая [глазками] глазком: «Думал ли ты, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? И потом, помолчав, говорит как бы сам тому веря, да и впрямь, может быть, капельку веря: «Ты крепко [перед] передо мной виноват». [Это «Ты крепко передо мною виноват» — это такая прелесть, такая правда, которую не встретишь ни у кого, кроме Пушкина]. Да и весь этот рассказ «Капитанская дочка» чудо [искусства] понимания русского быта и народной души. Не подпишись под ним Пушкин, и действительно можно подумать, что это в самом деле написал какой-то старинный человек, бывший очевидцем и героем описанных событий, до того рассказ наивен и безыскусствен, так что в этом чуде искусства как бы исчезло искусство, утратилось, дошло до естества. Вот в этом-то сродстве духа нашего поэта с родною почвою, в этом-то перевоплощении его в свои же собственные создания, в свои типы лежит наилучшее и самое обаятельное доказательство правдивости образов, [правдивость] прав-

---

[1] *Ниже*: (продолжение следует). Ф. Достоевский. *Пушкин*. Очерк. *На полях*: см. «Моск. вед.», №

[2] *На полях помета*: (NB. отсюда до стр. 18 не было произнесено и [печатать] набирать не надо.) Прим. авт.

дивости правды, которую они изображают собою, [предназначенное к тому поэтом] — [правдивость] правдивости, [перед] пред которою всякая мысль об идеализации, о пристрастии, о преувеличении или увлечениях поэта исчезает, стушевывается, а русский человек, русский дух оправдывается. Позволю себе маленькое сравнение и именно по поводу этой же «Капитанской дочки». В «Недоросле» Фонвизина, комедии, написанной задолго до Пушкина, ведь тоже всё правда. Эта г-жа Простакова, ее муж, Скотинин, Митрофанушка — всё это осязаемо, есть и быть должно. Вы знаете сверх того, что [и хуже есть и хуже их] есть русские люди даже и их хуже. А между тем вы чувствуете, что все они, сколько бы ни было их лучших ли, худших ли, все они у Фонвизина правда лишь [1] как частные случаи, вообще же как общий тип русских людей, как русские люди, которые есть в большинстве, — они уже не правда. [Они только худшие русские, а не вообще русские люди]. Почему же? Потому что полная правда осталась невысказанною, потому что половина правды есть ложь, потому что при вполне высказанной правде, может быть, и г-жа Простакова с ее семейством показались бы вам не столь [отвратительными] скверными, а даже извинительными и простительными. Впрочем, так хотел и сам Фонвизин, я не для умаления его говорю, он именно порицал частный отвратительный случай, хотя правду и нравоучение комедии он находит всё же не в народном духе, а в тирадах [из французских книжек], высказанных образованной Софьей [из тогдашних французских переводных книжек] по тогдашним французским переводным книжкам. Посмотрите же теперь хоть на кривого поручика в «Капитанской дочке», который держит перед капитаншей, расправивши руки, нитки, — тип тоже комический, правда не столь позорный, но комический и по-видимому ничтожный. Его зовут в секунданты, а он отвечает: «Зачем драться, вас выругали, и вы пуще выругайтесь, вас в ухо ударят, а вы его в другое». И вот он стоит перед Пугачевым и на окрик к нему: «Присягай!» — отвечает в глаза Пугачеву: «Ты, дядюшка, вор и самозванец», зная, наверно зная, что тот сейчас же его за это повесит. И вот этот кривой и ничтожный повидимому человек умирает великим героем, человеком бравым и присяжным. И ни одной-то минуты не мелькнет у вас мысль, что это только частный лишь случай, а не весь русский простой человек в этом художественном изображении, в огромнейшем большинстве своем [*а.* в том смысле, что не все простые люди так поступают, как этот поручик, по крайней мере в огромном большинстве их так и поступят, как этот поручик. Нет, у Пушкина именно так поставлено дело, что вы тотчас же убеждаетесь, что всякий простой русский человек иначе и поступить не может, а поступит иначе, то будет исключением. *б.* [то, что] так что если б поступил этот кривой человечек иначе и присягнул на его месте (в этом-то и суть, на каком месте), то-то и было бы исключением или каким он, русский человек, сам себя молитвенно желал видеть, хотя бы даже он, по слабости и по греху, на деле и не был всегда таковым.]

Посмотрите теперь хоть на капитаншу Миронову — тоже тип комический: она управляет крепостью, она держит мужа под башмаком, участвует в военных советах и даже, во время уже битвы, прибегает распорядиться и посмотреть «каково идет баталия?» Г-жа Простакова, командуя тоже мужем, раз навсегда заключила о нем, «что широко, что узко», да на заключении этом и покончила. Не знаю, говорила ли подобные слова капитанша Миронова своему капитану, — может быть нет, потому что слишком уж скверно, но подобное и даже близко подходящее что-нибудь, может быть, и

---

[1] *Вместо*: у Фонвизина правда лишь — *было*: правда

[говорила] высказывала в бранчливую минуту. И вот Пугачев повесил ее капитана, умершего тоже геройски, а ее [казак] казаки [вытаскивает] вытаскивают в одной рубашке на крыльцо. Увидала она своего старика на виселице, всплеснула руками: «Что вы с ним сделали! Удалая ты моя солдатская головушка, не тронули тебя ни пули турецкие, ни штыки прусские, а погиб ты от беглого каторжника!» — и прокричала уже, не думая о том, что ее за это тотчас повесят: «Вместе жили, вместе и умирать!» Всю-то жизнь муштровала своим капитаном и держала его в комическом подчинении, казалось бы и не уважала, а вот теперь нашла же в сердце своем и всю о нем правду, нашла же, что он удалая головушка, бравый и присяжный молодец! И всю-то жизнь, значит, носила о нем эту мысль, несмотря на то, что так презрительно муштровала его, чтила, стало быть, и уважала его всю жизнь про себя благоговейно, а [стало быть] капитан хоть молчал, да понимал это — так ведь это уже не одно только «широко да узко», а полная правда. А стало быть, выходит на свет и умилительная правда их любви и их крепкого семейного союза, всё высказано, вся правда спасена, и смотря на них, читая их смиренную, геройскую повесть, никогда-то опять-таки не мелькнет у вас ни малейшего подозрения, что это частный лишь случай, а не русские простые люди, [в огромном их большинстве] изображенные такими, какими сами они желают видеть себя. Так что, читая Пушкина, читаем правду о русских людях, полную правду. И вот эту-то правду, которую он нам так беспристрастно про нас рассказывает, мы почти уже перестали и слышать, и столь редко слышим, что и Пушкину, пожалуй бы, не захотели поверить, если б не вывел и не поставил он перед нами этих русских людей так осязаемо и бесспорно, что усомниться в [них] их духовной красоте или оспорить их совсем невозможно.

Стр. 145.

6–7 не в поэзии лишь одной / не в поэзии одной
9–10 хотя всё еще не у всех, а у очень лишь немногих *вписано.*
11 сознательная уже теперь надежда / сознательные уже теперь надежды
11 на наши / в наши
12 а затем и вера *вписано.*
12 в грядущее / в наше грядущее ◊
12–13 самостоятельное назначение / назначение
16 не имеют / не имеют у Пушкина
18 явиться / начаться ◊
18–19 поэтической деятельности нашего поэта / его поэтической деятельности
21 внутри себя, пе воспринимая / и внутри себя и не воспринимая
21–22 Внешность ∾ души его. *вписано.*
30 после смерти Пушкина / после смерти поэта
36–39 И эту-то способность ∾ народный поэт. *вписано.*
39 из европейских поэтов / из них
42–43 как мог это проявлять Пушкин *вписано.*
43 обращаясь к чужим народностям / обращаясь к гениям чужих наций
44 поэты / гении
45 и понимали по-своему *вписано.*

Стр. 146.

1–2 свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность / этой почти чудесной отзывчивостью
5 не испанец / русский
8 со стихами / со стихом
11 английские песни / английская песня ◊

12 своего грядущего / грядущего
18–19 В грустной и восторженной ∾ самая душа / Тут схвачена душа
18–19 чувствуется / угадана ◊
23 воинственный огонь / огонь
26 их гимны / мистические их гимны
27–28 веровали вместе с ними в то, во что они поверили / веровали в их надежды
28–29 рядом с этим религиозным мистицизмом религиозные же / рядом с этим мистические
30 тут / это
30–31 не самый дух Корана / не дух Востока
32 грозная кровавая сила / грозная сила
35 уединенными богами / богами
36 в отъединении своем *вписано.*
41 в изумляющей глубине / в глубине

Стр. 147.

3–5 народность нашего будущего ∾ Ибо / выразилась пророчески, ибо
0 целях своих / целях
8 *После*: силе народной — *а.* и принял ее в свою душу уже *б. Начато*: вполне
8 так уже и *вписано. Первоначально было*: так уже тотчас и
9–10 Тут он ∾ пророк. *вписано.*
17 первоначально *вписано.*
17 начал производить / произвел
18–20 но впоследствии ∾ влекло / если не допустить только в Петре русского затаенного инстинкта, который влек
21 *После*: будущим — *а.* еще им не сознанным, но *б.* хотя им еще не сознанным, но
22 Так точно и русский народ / Но русский-то народ
24 почти тотчас же / тотчас же
26 опять-таки *вписано.*
26 повторяю это / повторяю
28 устремились тогда / устремились
31 чужих наций / их наций
37 со всеми племенами великого арийского рода / с Европой
38 есть / *а. Как в тексте. б.* было
42 недоразумение / недоразумение наше
43 и необходимое / пока еще необходимое

Стр. 148.

1 найдете уже / найдете
17–18 и фантастическими / младенческими, фантастическими
19 надлежало быть / должно было быть ◊
21 в художественной силе своей / в себе
22 эта мысль / эти слова
24 дескать, нашей-то нищей / нашей нищей
24 нашей-то грубой / нашей грубой
29 изо всех народов / из всех
30 даровитых людях / талантах
34 Повторяю *вписано.*
34 уже можем / можем
46 предугадывать / узнавать и предугадывать
46–47 недоверчиво и высокомерно / недоверчиво
48 так и между нами / и между нами

Стр. 149.

4 *После*: разгадываем — [только]. Жаль только, что еще долго будем [только] разгадывать, [а с тем вместе и спорить между собою] ибо пора, давно уже нам пора [перестать спорить] и всем между собою

согласиться. Да и исход-то несогласий наших столь явно теперь обозначен, ибо состоит он лишь в простодушном, нехитростном, а в любовном, [и] безусловном [братском] и братски-смиренном воссоединении с народом нашим. Опять-таки и тут нам примером Пушкин, воссоединивший свою душу с народом своим совершенно, вполне, как почти никто или слишком редко кто из нас, стоящих над народом, так называемых образованных русских людей.[1]

Глава третья

Стр. 149.

5–9 Глава третья ∾ основном деле. *вписано.*
12–13 действительно поднявшийся потом / поднявшийся
19 Но почему / Почему
21 *После*: либералов. — Ce qui ressemble s'assemble ‹свой своего ищет. (*франц.*)›.
25 толковать / говорить
26 *После*: в виду. — Мне лично до вас тоже никакого нет дела.
27 иные ваши статьи / ваши статьи
27 всегда удивлялся / удивлялся
27 *После*: мыслей — но ничего другого не мог извлечь
28 теперь отвечаю / отвечаю
33 надежды на Россию / надежды России
36 который / и который
39–41 Одним словом ∾ к случаю. *вписано.*

Стр. 150.

2 ни ответил / он сказал
6–7 современного либерального человека, вообще говоря / *а.* либерального фельетониста *б.* такого либерального человека, как вы ◊
31 благодарность наша ей вечная / благодарность наша ей
33 выражается / выражено
42 Мне скажут / Вы скажете ◊
47 и сам пел / и пел

Стр. 151.

3 народу / ему
7 простолюдину / народу
7 (а старообрядцы-то? Господи!) *вписано.*
16 навеки *вписано.*
16–17 который за то спас / который спас
18 убедить / убеждать
27 не померкнет от них / не померкнет
41–44 ибо хотя вы ∾ просвещения его! *вписано.*

Стр. 152.

7 жил с ним довольно лет / жил с убийцами много лет
7 ел с ним, спал с ним / ел с ними, спал с ними
7–8 и сам к «злодеям / к убийцам
8 работал с ним / работал с ними
9 *После*: когда — вы только
9 другие, «умывавшие руки в крови» *вписано.*
13 в мою душу / в свою душу
13 *После*: Христа — с которым родился ◊
15–16 преобразился в свою очередь в «европейского либерала» / стал в свою очередь европейским либералом

---

[1] *Далее подпись*: Ф. Достоевский

18 народ / он
22 наиболее / всего более
27 *После*: нет — да и вера-то у него смердящая, хлопьская (Чаадаев)
27 Боже мой, а на Западе / А на Западе, боже мой, а на Западе
31 *Слов*: иной раз — *нет*.
39–40 *После*: за него скажет — ибо в душе его свет Христов
40 и правда будет восполнена *вписано*.
45 представляет себе / представляет
48 *После*: просвещение — *начато*: есть
48 высшие, роковые минуты / высшие минуты

Стр. 153.

12 есть у него / есть
27–28 так часто враг / всегда враг ◊
30 зачастую аристократ / всегда аристократ ◊
32–33 *Фразы*: О, я ведь не утверждаю ∾ трагедия. — *нет*.
34 от этих вопросов / от моих предположений
40–41 О, сейчас же закричат / О, сейчас же вскочат, сейчас же закричат ◊
42–43 сотни других афоризмов в этом же роде / сотни других

Стр. 154.

1 сам шутит / шутит
2 их отрицает / отрицает
21–22 *Заголовок*: II. Алеко и Держиморда. ∾ Анекдоты. — *вписан*.
29 мы к этому возвратимся / мы это увидим ◊

Стр. 155.

4 И как просто / и как
14 было не столь посторонним / *а*. было не постороннее *б*. было не посторонним ◊
16–17 *Фразы*: Ведь это отличительная черта Рудина. — *нет*.
19 *После*: не столь чуждой ему — ух, не чуждой
19 как вы утверждаете *вписано*.
28 Это невозможно. / Это неправда. ◊
34 *После*: хвалите? — Или уж и сами презираете этих купцов с высоты вашего европейского просвещения? ◊
40 по рождению русский, но до того ослепший / русский человек, но скверный русский и до того ослепший ◊
47 искрестил всю / искрестил

Стр. 156.

4 всё, что кроме начальства / *а*. что ниже *б*. что было ниже
6–7 уже и «европейский» / *а*. европейский *б*. уже европейский ◊
7 только начавший / начавший
9 за самый / как самый
10–12 Ведь сын такого ∾ европейцем. *вписано*.
19 всех удивили / удивили
20 похуже / хуже

Стр. 157.

1 все века / во все два века ◊
3–6 *Фразы*: Слишком для этого горд был. — *нет*.
13 После этого / Тут уже
13 сама собой / сама собой, как последствие
17–18 и, прозрев это, может быть / и может быть
18 нашли бы тогда именно в этом прозрении и исход / нашли бы тогда исход
20 не поверите / не верите
30 очень уж высокомерно / высокомерно

44 которую вы, кажется, хотели бы скрыть / которую вы хитро скрываете *вписано.*
45 уж так рассердились / рассердились
46 я, напротив, не признаю / я не признаю

Стр. 158.

10 освобождали / освободили
26 освободить хоть своих крестьян / освободить крестьян ◊
32 доходило от скорби по крестьянам / дошло
35 и еще / еще
36 (не всё ли равно?) *вписано.*
37–38 способствовать изданию французских радикальных газет и журналов / *а.* издавать радикальную газету *б.* способствовать изданию радикальных газет и журналов ◊
39 *После*: мужика. — Ведь это было, ведь это факты уже исторические.
43 *После*: fraternité — ou la mort
45 так ужасно *вписано.*

Стр. 159.

1–2 «просвещенных» людей / либеральных людей ◊
2 *После*: времени — даже таких, которые пострадали за свой либерализм
11–12 от весьма даже просвещенных / от либеральнейших даже
12 Это «трезвая правда-с». *вписано.*
13 своих дворовых ∾ это решить *вписано.*
19 Повторяю *вписано.*
20 зачастую до гадливости / даже до гадости, до омерзения
21 ходило между них / ходило
24 такие иногда люди / такие люди
24–25 их собственная семейная жизнь / их частная жизнь
25–26 изображала собою нередко почти дом терпимости / представляли собою нередко совершенный любонар, а семейства их кончали тем, что изображали собою почти дом терпимости
26 не всегда от / не от
26–27 а иногда именно лишь / а единственно лишь
28 à la Лукреция Флориани, например *вписано.*
31 вот именно эти / вот эти
42–43 Тут уже были / Это уже были
45 в сорок пятом году / в сорок шестом году
46 «колоссальные обеды» / «роскошные, колоссальные обеды» ◊

Стр. 160.

2 деятели / люди
5 (с чего же нибудь да названы же обеды «колоссальными») *вписано.*
11–12 «в примитивном костюме» (в рубашке?!) / в одной рубашке
13 оскорбленный / оскорбительный
13–14 Одна только русская женщина из всех женщин / Одна русская женщина
16 из всех такая / из всех
18 Явились / Явились даже
20 могли раздаваться / *а.* раздавались *б.* могли раздаться ◊
30 *После*: о нем — а я и сам слышал ваши рассказы о таинственных увеселениях в Rue de Joubert № 4, — за бесстыдство свое запрещенные даже законом
30 миленькая песенка / милые песни
33 *После*: задком — а прелестные парижские гранд-дамы с шестью любовниками — содержателями каждая
34 целомудренников / европейцев

Стр. 161.

3 к делу пригодилось / к чему-нибудь послужило
4 по освобождению / по освобождению крестьян
7 на скитальцев / на ваших скитальцев
8 очень немало / очень довольно
12 остальные земли / земли
15 никак не могу / никак, никак не могу
16 ведь и я / я
19 Немного путного / Мало путного
20 в последние десятилетия *вписано.*
20 *После*: ниве — кроме вреда ничего не принесет
22 *Заголовок*: III. Две половинки. — *вписан.*[1]
24–25 совершенную, будто бы, недостаточность / *а.* недостаточность *б.* совершенную недостаточность ◊
26 и, главное, с «общественными учреждениями» / и с усовершенствованием общественных учреждений
36 отчасти *вписано.*
41 ученым ножом / ученым (коль профессор, значит и ученый) ножом ◊

Стр. 162.

48 так что и хлопотать бы не о чем было *вписано.*

Стр. 163.

1–2 Надо же понимать хоть сколько-нибудь христианство! *вписано.*
2–3 *совершенной* уже христианке / совершенной христианке
5 Это само собою бы случилось. *вписано.*
10 что и разглядеть / что их и разглядеть
11–12 фантастическое предположение / предположение
14–18 Уверяю вас ∾ матери помещицы? *вписано.*
25 была бессильна / бессильна
31 отпустить / выпустить
33–34 Я говорю про настоящее, совершенное христианство. *вписано.*
38 господ / тогдашних господ
48 скажет он ему / скажет он

Стр. 164.

1 послужу тем / послужу
7 вопросов таких / вопроса о разности
11 не я же начал фантазировать первый / опять-таки не я начал фантазировать
12 предположили Коробочку, уже *совершенную* христианку / предположили уже *совершенную* христианку
14 *После*: фантазии. — *вписано*: А согласитесь, что вы хотели этим даже блеснуть. ◊
17 *После*: любви — *вписано и зачеркнуто*: и велика ли в нем польза
25–27 Примените к светским понятиям ∾ не ответите. *вписано.*
27 своя политическая экономия / политическая экономия
33 надвигается в мире / надвигается
34 и надо быть готовым *вписано.*
38 великая нравственная мысль / великая мысль
39–40 не немедленной пользой / не на вес, не немедленной пользой
45–47 ибо оно несет в себе ∾ гражданские идеалы *вписано.*
46 а, стало быть, из него же / из него одного
46–47 гражданские идеалы / гражданские мысли

---

[1] *Главка III (л. 119—140) — автограф Достоевского. На л. 119 и 120 зачеркнутые пометы Достоевского к текстам Градовского: 1.* Подчеркнуто в подлиннике. *2.* Подчеркнуто в подлиннике. Везде ниже тоже.

Стр. 164—165.

48–49 Ничего не получите / Ничего не выйдет

Стр. 165.

2 *После*: формулой — ничего
2 никакое гражданское учреждение / никакое учреждение
5 общественных гражданских идеалов / общественных идеалов
18 Конечно, суть его в стремлении людей / Конечно, стремление
21 в обществе человеческом / в человечестве
22 из чего он берется *вписано.*
23 он есть единственно только продукт / они суть продукт
33 создавалась граждански / создавалась ◊
34 сложилась / явилась

Стр. 166.

5 *После*: падал — *начато*: расшаты‹вался›
12 *Сами же по себе / Сами же собой* ◊
17 *есть исповедание / есть именно исповедание*
23 на две половинки *вписано.*
22 общего единичного / единичного
30–31 постепенно исчезают / мигом исчезают ◊
31 «гражданские учреждения» / *а. Как в тексте. б.* гражданские охранительные учреждения ◊
38 делящий неделимое / делящий невозможное
40 нравственную и гражданскую / на нравственную и гражданскую *вписано.*
48 панически-трусливая потребность единения / панически-трусливое единение, всегда предшествовавшее полному падению

Стр. 167.

5 *После*: из всех — *начато*: ед‹инящих›
6–8 Это уже начало конца ∾ рассыпаться врозь. *вписано.*
8 И что тут / И что
11 не получите братства / *а.* не составить братство *б.* не составите братство
16–17 получить чрез «гражданское учреждение» братство / достигнуть затем «гражданского учреждения» братства
24 самое важное слово / последнее слово ◊
33 замутив идеал / потеряв идеал
35–36 всё, всё общее / всё общее ◊
39 доселе бывший / бывший
43 гражданские теории / теории

Стр. 168.

12 заложена / лежит
13–17 Не может одна ∾ языческой. *вписано.*
20 все / все они
21 разразится / непременно разразится
22–23 там *теперь* / там
28–29 на это благоразумие / на него
31 предвидели последствия и отказывали / отказывали на это
32 настойчивому / прыткому
34 ждать, умирая с голоду? / ждать?
36 *После*: Нет — они бросятся на Европу
39–40 *После*: национальный — единящий наш народ отл‹ичен›
42 теперь / вы теперь
48 отвлеченного / праздного

Стр. 169.

1 нормальную формулу / *а.* окончательную формулу *б.* сколько-нибудь нормальную формулу
24 *После*: вселенской — *начато*: христ‹ианской›
25 над ним / над нею ◊
30 и собою исход всем нравственным стремлениям древнего мира / *а.* исход всем религиям *б.* и собою исход всем религиям древнего мира ◊
36 *После*: церкви — *начато*: бе‹жала?›
41 совершенно / *а. Как в тексте. б.* окончательно

Стр. 170.

5 народ наш хоть только / народ наш есть только ◊
8 безжалостно / безжалостно и нерассудительно ◊
17–18 либеральных европейских человеков *вписано.*
20 даже хоть фалдочками мундира *вписано.*
22 как либералы его переделывают / как вы переделываете ◊
23–24 ихней программы / вашей программы ◊
25 Это они так хотели / Это вы так хотели ◊
25 восемьдесят / девяносто ◊
26 отколупать и переделать / переделать
27 наш народ / народ
28 такою же безличностью / такими же безличностными
34 *После*: речи. — Да, вы ее намеренно исказили. Хоть я и сказал, что «удивляюсь течению мыслей», но это вы уж могли понять, и поняли, но нарочно, из литературного самолюбия, чтоб одержать надо мной блистательную победу, извратили смысл моей «Речи».◊

Стр. 171.

7–8 почти невинной / чисто уже школьнической передержке
18 сказал / говорил
19 черту многознаменующую / черту прекрасную, здоровую и многознаменующую ◊

Стр. 172.

7–8 слугами и братьями / братьями
9 требование поклонения / поклонение
11 *После*: абсурдом — становится уже не стремлением служить, а каким-нибудь хитрым, иезуитским подвохом
11–12 Слугам не кланяются ∾ от брата. *вписано.*
24–25 удостоимся братски послужить ему / послужить ему
32 впредь быть / быть
44 там не было / не бывало
47 именно в том / в том ◊

Стр. 173.

6–7 зажглись? / зажглись, г-н Градовский?
8 призывал? Ах, вы! / призывал, г-н Градовский?
10 многих испугала / всех испугала
13 несколько перепуганных / множество перепуганных ◊
16 *После*: Россию — случай
17–18 такое благодушное настроение в хлебосольной Москве случилось / благодушное настроение в благодушной Москве хлебосольной
21 *После*: неосторожно — себе в убыток
22 публика могла и не поверить *вписано.*
24 течение мыслей / течение мысли
26 удовлетворению / удовольствию
26 не столь / не так ◊
27 надо было / надобно было
33 речь поэта *вписано.*
41–42 Если же не уважаю ∾ прося извинений? *вписано.*

43–44 в жизни общества нашего / в обществе нашем
46 ее и поволокли / и поволокли, г-н Градовский

Стр. 173—174.

48–1 короткую, сравнительно с моей, статью / короткую статью

Стр. 174.

8 к единению и примирению / к единению
10 я обозначаю / я настаиваю ◊
13 *После*: положение — становятся вредны, а не полезны России [даже наша партия] и даже наша партия, я от этого не откажусь
16 невиданной / неслыханной ◊ [1]

Варианты первой публикации главы второй (МВед)

Стр. 137.

25–26 выраженная потом / выраженная поэтом

Стр. 140.

23 предназначил / предназначал

Стр. 141.

30 именно как русская женщина / как русская женщина вполне

Стр. 143.

16–17 не способен даже кого-нибудь любить / не способен кого-нибудь даже любить

Стр. 145.

8 не определились / не определилась
18 явиться / начаться
40 воплотить в себе / воплотить в себя

Варианты корректуры главы первой и отрывка главы второй (К)

Стр. 129. [2]

10 основу содержания / всё содержание

---

[1] *Ниже*:

Ф. Достоевский
16 июля/80 г.

[2] *На л. 1 первоначально напечатан подзаголовок*: Ежемесячное издание. 1880. Июль—август. *Затем был исправлен Достоевским, заклеен, на на клейке рукою Достоевского*:

Ежемесячное издание
Год III
Единственный выпуск
на
1880
Август

В колонтитуле напечатано: «1878. Июль—август».

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

Годъ Ежемесячное изданіе III

Единственный выпускъ на 1880. Августъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже Рѣчи о Пушкинѣ.

Рѣчь моя о Пушкинѣ и о значеніи его, помѣщаемая ниже и составляющая содержаніе настоящаго выпуска „Дневника Писателя" (единственнаго выпуска за 1880 годъ *), была произнесена 8 Іюня сего года въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, при многочисленной публикѣ, и произвела значительное впечатлѣніе. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, сказавшій тутъ же о себѣ, что его считаютъ всѣ какъ бы предводителемъ славянофиловъ, заявилъ съ кафедры, что моя рѣчь „составляетъ событіе". Не для похвальбы вспоминаю это теперь, а для того чтобы заявить вотъ что: Если моя рѣчь составляетъ событіе, то только съ одной и единственной точки зрѣнія, которую обозначу ниже. Для сего и пишу это предисловіе. Собственно же въ рѣчи моей я хотѣлъ обозначить лишь слѣдующіе четыре пункта въ значеніи Пушкина для Россіи.

1) То, что Пушкинъ первый, своимъ глубоко прозорливымъ и геніальнымъ умомъ и чисто русскимъ сердцемъ своимъ отыскалъ и отмѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего интеллигентнаго, исторически оторваннаго отъ почвы общества, возвысившагося надъ народомъ. Онъ отмѣтилъ и выпукло поставилъ передъ нами отрицательный типъ нашъ, человѣка безпокоящагося и не примиряющагося, въ родную почву и въ родныя силы ея

*) Изданіе «Дневника Писателя» надѣюсь возобновить въ будущемъ 1881 году если позволитъ мое здоровье.

«Дневник писателя» на 1880 г. Страница корректуры с правкой Достоевского.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

Стр. 130.

[28] нашел ее / нашел

Стр. 132.

[27] слово Европе / слово в Европе
[45] завтра же / завтра же, может быть

Стр. 133.

[41] если не высказываема, то указываема / высказываема и указываема
[42] *После*: минуту — в сущности же не сказал ничего особенно нового

Стр. 134.

[15] в моей гениальности *вписано.*
[22] тоже была *вписано.*
[29] как можно скорее / тотчас же

Стр. 135.

[40] европейской *вписано.*
[45] Надеемся, что вы / Надюсь вы

Стр. 137.

[25–26] выраженная потом / выраженная поэтом

Стр. 138.

[21] отвлеченно / отвлечено ◊

Стр. 140.

[23] предназначил / предназначал

Стр. 141.

[30] именно как русская женщина / как русская женщина вполне

Стр. 142.

[26] вы строили / выстроили ◊

Стр. 143.

[16–17] не способен даже кого-нибудь любить / не способен кого-нибудь даже любить

Стр. 145.

[18] явиться / начаться

ПРИМЕЧАНИЯ

В двадцать шестом томе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского печатаются четыре последних выпуска (сентябрь—декабрь) «Дневника писателя» за 1877 г. и единственный августовский выпуск «Дневника писателя» 1880 г., включающий текст речи Достоевского о Пушкине. Публикуются (частично впервые) подготовительные материалы и варианты к соответствующим выпускам «Дневника».

Тексты подготовили: И. А. Битюгова (при участии А. В. Архиповой) («Дневник писателя» за 1877 г.); А. В. Архипова (подготовительные материалы — 1877, сентябрь, гл. I, ‹1, 2, 3›; декабрь, гл. I, ‹2›, гл. II, ‹2, 3›, варианты наборной рукописи); И. Д. Якубович (подготовительные материалы — сентябрь, гл. I, ‹4›, гл. II; ноябрь, декабрь, гл. I, ‹1›, гл. II, ‹1›), Г. В. Степанова («Дневник писателя» 1880 г. и все рукописные материалы к нему); Т. И. Орнатская ⟨Программа ежемесячного журнала на 1878 г.⟩.

Примечания составили: А. И. Батюто («Дневник писателя» за 1877 г., сентябрь—октябрь), В. Е. Ветловская (то же, ноябрь—декабрь), Г. М. Фридлендер («Дневник писателя» 1880 г., преамбула; при участии А. О. Крыжановского (§ 8, 9, стр. 476—483 и 486—490), Г. В. Степанова (реальный комментарий к «Дневнику писателя» 1880 г., гл. I—II, и к подготовительным материалам), Е. И. Кийко (реальный комментарий к «Дневнику писателя» 1880 г., гл. III); Т. И. Орнатская ⟨Программа ежемесячного журнала на 1878 г.⟩.

Подготовку тома к печати осуществили: И. Д. Якубович и Г. В. Степанова.

Редакторы тома: В. А. Туниманов и Н. Ф. Буданова («Дневник писателя» за 1877 г.), Г. М. Фридлендер и И. А. Битюгова («Дневник писателя» 1880 г.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1877 год

(Стр. 5)

СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Печатается по тексту *ДП* с устранением явных опечаток и со следующими исправлениями по *НР*:[1]

Стр. 6, строка 40: «„тирана“» вместо «тирана».
Стр. 7, строка 43: «ее вырваться» вместо «их вырваться».
Стр. 13, строка 44: «страстная» вместо «страшная».
Стр. 15, строка 15: «падения» вместо «распадения».
Стр. 16, строка 39: «уж» вместо «уже».
Стр. 19, строка 17: «над Францией» вместо «над Франциею».
Стр. 20, строка 28: «уж» вместо «уже».
Стр. 22, строка 45: «не уразуметь» вместо «не разуметь».
Стр. 37, строка 34: «Уж конечно» вместо «Уже конечно».
Стр. 46, строка 34: «с упором» вместо «с упорством».
Стр. 47, строка 4: «соприкоснется» вместо «соприкасается».
Стр. 53, строка 36: «и лгал» вместо «лгал».
Стр. 79, строка 43: «явятся» вместо «явится».
Стр. 81, строка 37: «заботу» вместо «работу».
Стр. 82, строка 41: «принимаются» вместо «принимают».
Стр. 97, строки 12—13: «то есть точь-в-точь, как делают это до сих пор» вместо «то есть до сих пор».
Стр. 102, строка 22: «из пяти» вместо «из них пяти».
Стр. 103, строка 24: «Когда она» вместо «Когда же».
Стр. 118, строка 3: «говорит царю» вместо «царю».
Стр. 118, строка 44: «звериное» вместо «зверское».
Стр. 120, строка 13: «ваших» вместо «наших».
Стр. 125, строка 39: «я и поставил» вместо «и поставил».

Стр. 5. . . .*и с тех пор каждый раз (теперь уже в третий), когда ловкие узурпаторы конфисковали республику в свою пользу* . . . — Первым узурпатором был генерал Бонапарт, захвативший единоличную власть сначала в качестве консула (9 XI 1799), а затем императора Наполеона I (18 V 1804). Второй узурпатор — племянник Наполеона I, принц Шарль Луи Наполеон

[1] Сведения об источниках текста и преамбулу к «Дневнику писателя» за 1877 г. см.: наст. изд., т. XXV, стр. 316—358.

Бонапарт, был после февральской революции 1848 г. членом Национального собрания, а с 10 декабря того же года — президентом республики. 2 декабря 1851 г., опираясь на армию, он разогнал Законодательное собрание и стал единоличным правителем Франции. 10 декабря 1852 г., в результате плебисцита, был провозглашен императором Наполеоном III. Третий узурпатор, по Достоевскому, — президент Французской республики маршал Мак-Магон, распустивший 16 мая 1877 г. Палату депутатов.

Стр. 5. . . *.накануне почти верного своего паденья, они убеждены в полной победе.* — В начале октября 1877 г., при новых выборах в Палату депутатов, республиканцы, которых имеет здесь в виду Достоевский, получили подавляющее большинство мандатов.

Стр. 5. . . *.эта последняя третья республика, которую хоть и признал покойник Тьер, но именно как рака на безрыбье!* — Говоря о признании Тьером третьей республики, Достоевский учитывает следующие факты и их истолкование французской и русской печатью. За несколько дней до смерти Тьера (4 сентября н. ст. 1877 г.) «Московские ведомости» сообщали: «Французские газеты приводят текст речи, произнесенный г-ном Тьером 22 августа (н. ст., — *Ред.*), к депутации, представлявшейся ему в Сен-Жермене. „Я считаю республику, — сказал между прочим бывший президент, — единственно возможным правительством во Франции. Те, кто стараются помешать ее упрочению, не имея возможности заменить ее чем-либо другим, настоящие анархисты, у которых Франция в скором времени потребует отчета в нравственном и материальном вреде, нанесенном ей в нынешнем году“». При этом Тьер подчеркивал, что он — сторонник «консервативной» республики (см.: *МВед*, 1877, 20 августа, № 207).

На церемонии похорон Тьера бывший президент Палаты депутатов сказал о нем: «. . .бросив взгляд назад и изучая события, которые три четверти века тому назад сокрушили восемь правительств, — неслыханная вещь в летописях мира», Тьер «пришел к заключению, что причина так часто повторяющихся переворотов и такой чрезвычайной непрочности вещей кроется в том, что Франция, сделавшись чисто демократическою страною, не могла выносить правительств, которые ей насильственно и непрестанно навязывали. С другой стороны, ему стало ясно, что так как династические партии, это жалкое наследство наших революций, враждуют постоянно между собою и нейтрализуют друг друга, то ни одна из них отныне не может стать во главе государства и сохранить за собою власть. Знаменитому ветерану монархической партии стоило немало трудов, чтобы побороть свои чувства и отказаться от дела, которое так долго было предметом его предпочтений и к которому его привязывали столько чувств и воспоминаний. Но ‹. . .› он не поколебался заявить торжественно, повторяя это даже накануне смерти, что единственная форма правления, возможная во Франции, — это республика» (*НВр*, 1877, 1 (13) сентября, № 542).

Эти мысли развивались и в пространном манифесте Тьера, с которым он намеревался выступить в печати перед выборами в Палату депутатов, назначенными на 2 (14) октября 1877 г. Разысканный в бумагах покойного его другом историком Франсуа Огюстом Минье (Mignet, 1796—1884), этот документ несколько позднее был опубликован во всех французских газетах. Русские газеты перепечатали извлечения из него (см.: там же, 16 (28) сентября, № 557).

Стр. 5—6. . . *.захватив власть после Седана ∾ наградил их тот же узурпатор, уезжая курить свои папироски в прелестный замок Вильгельмсгеге.* — Окруженная пруссаками французская крепость Седан была сдана в первый же день осады (1 сентября 1870 г.) на милость неприятеля — по приказанию находившегося в ней Наполеона III. 4 сентября 1870 г. в Париже была провозглашена республика во главе с «правительством национальной обороны». Война с Германией, продолженная при этом правительстве, привела к ряду новых поражений и сдаче Парижа. С 5 сентября 1870 г. по 19 марта 1871 г. Наполеон III жил в качестве пленника во дворце Вильгельмсгеэ (Wilhelmshöhe), расположенном в пяти километрах к западу от г. Касселя. Дворец славился садами, фонтанами, монументальной скульптурой и парком. До

объединения Германии дворец служил летней резиденцией для гессенских курфюрстов.

Стр. 6. . . *.они продолжали безнадежную войну, не сумели замирить тотчас же как приняли власть. . .* — При «правительстве национальной обороны» было проиграно сражение у Шатильона (16 сентября 1870 г.), сдана крепость Мец (27 октября 1870 г.) и пал Париж, осада которого продолжалась свыше четырех месяцев (с 19 сентября 1870 г. по 28 января 1871 г.). Неоднократные попытки заключения мира с немцами, предпринимавшиеся в течение этого периода, не дали результата. Мир был заключен после провозглашения Тьера президентом республики (17 февраля 1871 г.) на крайне унизительных для Франции условиях (см. также ниже).

Стр. 6. . . *.отдали две большие провинции, три миллиарда. . .* — Речь идет об отторжении от Франции, в результате победы Германии в войне 1870—1871 гг., Эльзаса и Лотарингии («две большие провинции») и контрибуции, уплаченной французами своим победителям. Сумма контрибуции указана Достоевским неточно. На самом деле французы уплатили немцам, в разные сроки, пять миллиардов франков.

Стр. 6. . . *.в чем до сих пор обвиняют бывшего тогдашнего диктатора Гамбетту ∾ при страшных тогдашних обстоятельствах.* — Подлинным виновником поражения и капитуляции Франции на позорных для нее условиях был режим Наполеона III. Но формально условия мира и капитуляции, продиктованные Германией, были приняты Национальным собранием в Бордо 1 марта 1871 г. После подсчета голосов (за капитуляцию высказалось подавляющее большинство депутатов) Гамбетта, в знак протеста, сложил с себя депутатские полномочия и покинул залу заседаний. Поступок Гамбетты не противоречил всей его предшествующей деятельности, направленной на организацию действенного отпора немцам. В «правительстве национальной обороны» (см. выше, стр. 355) Гамбетта занимал пост министра внутренних дел. Во время осады Парижа вылетел на воздушном шаре на юг, где, облеченный полномочиями диктатора, занимался организацией новых французских армий.

Непрекращающиеся обвинения по адресу Гамбетты, о которых упоминает Достоевский, исходили, по всей вероятности, из среды бонапартистов, его заклятых политических врагов. О Гамбетте см.: наст. изд., т. XXI, стр. 488.

Стр. 8. . . *.именно теперь они ободрились, после того как Мак-Магон, президент «республики», прогнал их с места и запер до новых, октябрьских выборов палату.* — Достоевский подразумевает период с 16 мая 1877 г., когда Мак-Магон распустил Палату депутатов, до начала октября того же года, когда республиканцы, вопреки предположениям Достоевского, взяли верх над бонапартистами и клерикалами.

Стр. 8. . . *.вновь собравшаяся палата скажет строгое veto маршалу, и тот, испугавшись законности, подожмет хвост и стушуется.* — После победы республиканцев на новых выборах в Палату депутатов Мак-Магон еще некоторое время оставался президентом республики, но в 1878 г., задолго до истечения своих президентских полномочий (1880 г.), ушел в отставку.

Стр. 8. *Но чем обеспечена эта законность, если Мак-Магон не удостоит ей подчиниться, о чем и объявил уже стране в удивительном своем манифесте.* — Под законностью подразумевается республиканский образ правления, потрясенный «клерикальным переворотом», во время которого (4 (16) мая 1877 г.) Мак-Магон распустил Палату депутатов. При новых выборах в Палату депутатов в октябре 1877 г. республиканцы получили большинство голосов, и бонапартист Мак-Магон, вынашивавший, по мнению многих современников (в том числе и Достоевского), планы бонапартистского управления страной, вынужден был подчиниться их воле и в следующем году уйти в отставку. О заносчивом неподчинении Мак-Магона республиканской законности свидетельствуют следующие слова из его манифеста: «Я не могу подчиниться требованиям демагогов, не могу сделаться орудием радикализма. . .»

Стр. 9. *Утомленная и измученная столетней политической неурядицей, она ∾ покорится.* — Под «столетней политической неурядицей» подразуме-

ваются такие важнейшие события в истории Франции, как революция 1789—1793 гг., империя Наполеона I и ее падение (1804—1815), революция 1848 г., вторая империя (1852—1870), франко-прусская война (1770—1871), Парижская коммуна (1871).

С т р. 9. *Об легионах ∾ задолго до манифеста маршала-президента. . .* — О легионах см.: наст. изд., т. XXV, стр. 424). Манифест маршала Мак-Магона к французским избирателям накануне новых выборов в Палату депутатов был опубликован во французской печати 7 (19) сентября 1877 г. (см.: *НВр*, 1877, 12 (24) сентября, № 553, отдел «Внешние известия», подотдел «Франция»). Русский перевод манифеста, опубликованный газетой «Новое время» (1877, 10 (22) сентября, № 551), носил название: «Манифест маршала Мак-Магона к французской нации». В нем, в частности, были такие строки: «Вам сказали, что я намерен уничтожить Республику; вы этому не поверите ‹ . . .› Вы серьезно взвесите важность нынешних выборов ‹. . .› я не могу подчиниться требованиям демагогов, не могу сделаться орудием радикализма, не могу также оставить пост, предоставленный мне конституцией. Я буду по-прежнему занимать его для того, чтобы при поддержке сената защищать консервативные интересы, энергично охранять тех верхних должностных лиц, которые в критическую минуту не поддались пустым угрозам».

С т р. 9. *. . .во время летних путешествий по Франции маршала, его ∾ встречали ∾ двусмысленно. . .* — «В заседании совета французских министров, происходившем 28-го июня (10 июля)» 1877 г., «было принято ‹. . .› решение по вопросу о поездке маршала Мак-Магона в центральные и южные департаменты Франции» (*НВр*, 1877, 3 (15) июля, № 482, «Внешние известия», подотдел «Франция»). Ввиду предстоящих выборов в Палату депутатов эта поездка носила агитационно-пропагандистский характер. Мак-Магон посетил Орлеан, Бурж, Эврё, Пуатье, Тур и другие города и провинции Франции (см.: там же, 23 июля (4 августа), № 502; 6 (18) августа, № 516; 10 (22) августа, № 520; *МВед*, 1877, 14 сентября, № 228). Свое заключение о «летних путешествиях» Мак-Магона Достоевский основывает на сообщениях, появившихся главным образом в этих газетах. Так, в газете «Новое время» (1877, 10 (22) августа, № 520) сообщалось: «Телеграф уже передал нам содержание речи, произнесенной маршалом Мак-Магоном в Эвре. Маршала встречала и провожала многочисленная толпа, громкими криками приветствовавшая республику; из толпы послышались возгласы „Vive Mac-Magon", но не нашли поддержки и скоро совсем замолкли. И в других городах повторилась та же демонстрация; всюду приветствовали маршала криками, сочувственными республике, оказывая личности маршала прием сдержанный, местами даже холодный». Несколько позже (см. ниже примеч. к словам: «. . .один епископ, в приветственной речи. . .») о «недружелюбном характере» приема, оказанного Мак-Магону в Туре, сообщали «Московские ведомости». Мак-Магон не ограничился поездкой в центральные и южные департаменты Франции и посетил также Нормандию. Вот что писали по этому поводу газеты: «Нормандия до сих пор не считалась сторонницей республики и потому ожидали, что маршал встретит там гораздо более восторженный прием ‹. . .› даже Нормандия, до сих пор отличавшаяся реакционным настроением, тоже фрондирует против 16 мая» (*НВр*, 1877, 12 (24) августа, № 522).

С т р. 9. *. . .но армия и флот обнаружили везде совершенную преданность и приветствовали маршала сочувственными криками.* — По-видимому, это заключение Достоевского основывалось на данных, которыми он располагал раньше, при работе над майско-июньским выпуском «Дневника писателя» за 1877 г. Во время же летней поездки маршала по стране «преданность» ему армии и флота выражалась в почестях, оказываемых обычно всем высокопоставленным военным. Так, в одном из военных лагерей в честь Мак-Магона был сделан салют из ста одного орудия; от «дебаркадера железной дороги» в Шербуре для встречи его «были выстроены шпалерами моряки и линейные пехотинцы» и т. п. (см.: *НВр*, 1877, 12 (24) августа, № 522, отдел «Внешние известия», подотдел «Франция»). Пользуясь скупыми сведениями из французских газет, «Московские ведомости» (1877, 14 августа, № 202, отдел «Последняя почта») сообщали, «что 20 августа (н. ст., — *Ред.*) маршал Мак-Магон

посетил в Шербуре все общественные заведения и некоторые суда, стоящие на рейде», «произвел смотр гарнизону и морской пехоте» и «в тот же день <. . .> выехал в Париж».

Стр. 10. . . .*императорский принц уже переехал на континент, говорили даже, что поедет в Париж.* — Достоевский опирается на информацию из газеты «Новое время»: «. . .Руэр, представитель второй империи, в своем манифесте к избирателям прозрачно намекает на восстановление ее. Сын Наполеона III несколько недель уже живет в Бельгии в замке Дав, на самой французской границе, а по уверению „Étoile Belge", сегодня приехал в Париж инкогнито» (*НВр*, 1877, 22 сентября (4 октября), № 563). В том же номере «Нового времени» была напечатана телеграмма: «Брюссель, 20-го сентября (2 октября), вторник, вечером. По сведениям газеты „Étoile Belge" принц Луи Наполеон отправился из замка Дав, с соблюдением строжайшего инкогнито, в Париж, куда, как слышно, одновременно с ним прибудет бывший посол Бенедетп с своими сыновьями».

Стр. 10. *Разве, впрочем, есть там совершенно особые какие-нибудь комбинации* ∾ *будто бы помолвлен с дочерью маршала и проч.* — Достоевский не совсем точен. Слух этот проник в русскую печать уже в начале июля (ст. ст.) 1877 г.: «Париж, 5 (17) июля. Ходят слухи о браке императорского принца Луи-Наполеона с дочерью Мак-Магона» (*НВр*, 1877, 6 (18) июля, № 485). Еще раньше об этом писали в «Московских ведомостях» (1877, 1 июня, № 133).

Стр. 10. . . .*один епископ, в приветственной речи маршалу, уже вывел ему, что он происходит по женской линии от Карла Великого.* — Имеется в виду сообщение парижского корреспондента газеты «Московские ведомости» (1877, 14 сентября, № 228, отдел «Из Парижа»): «Маршал Мак-Магон вернулся наконец из своего путешествия (16 сентября н. ст. 1877 г., — *Ред.*). Не безынтересны следующие два эпизода из его пребывания в провинции. В Пуатье епископ доказал ему, что он по женской линии потомок Карла Великого, и публика в городе неоднократно кричала: „Vive le descendant de Charlemagne". Немало также было возгласов: „Vive le Roi!". В Туре республиканская демонстрация приняла весьма недружелюбный характер».

Стр. 11. *Если действительно императорский принц представит им больше шансов в способности объявить войну* ∾ *они и за него уцепятся и проведут его в Париж, уже не думая о Мак-Магоне.* — Вскоре стало ясным, что в высших клерикальных кругах Мак-Магону отдается полное предпочтение перед «императорским принцем». В газете «Новое время» (1877, 25 сентября (7 октября)) сообщалось: «Из Парижа телеграфируют в „Кельнскую газету": По слухам, кардинал Бонншоз, архиепископ руанский, известный своим ярым бонапартизмом, отправился в Рим по поручению экс-императрицы Евгении и ее сына. Ему поручено было испросить у папы благословения для императорского принца. Папа, однако, высказал желание, чтобы маршал, в котором церковь имеет истинного покровителя, остался во главе Франции». Быть может, в связь с отрицательным отношением папы к кандидатуре Луи-Наполеона на пост верховного правителя Франции следует поставить следующее «разъяснение», появившееся через несколько дней в западноевропейской и русской печати: «Слухи о поездке бывшего императорского принца из замка Дав через Брюссель в Париж объясняются, как телеграфируют из Парижа в берлинскую „National Zeitung", промахом брюссельских репортеров, которые приняли за сына Наполеона III молодого графа Квезида, сына испанского маршала, который вместе с своим отцом действительно выехал на днях из Дав в Париж» (*НВр*, 1877, 30 сентября (12 октября), № 571).

Стр. 11. . . .*недавно еще, говорят* ∾ *дал слово их сохранить».* — Достоевский подразумевает саркастическое сообщение парижского корреспондента газеты «Новое время»: «Оракул Елисейского дворца, Сен-Жене спешит порадовать читателей „Figaro" известием, что ввиду вызывающего образа действий радикалов маршал Мак-Магон заявил, что угрозы последних послужат к укреплению его отныне непоколебимого намерения ни в коем случае и ни под каким предлогом не отказываться от верховной власти до 1880 года. Вот, по уверению Сен-Жене, подлинные слова, произнесенные по этому поводу

маршалом: „Не я искал власти, а меня, когда я спокойно управлял армией, умоляли стать во главе государства для охранения порядка. В настоящую минуту особенно настаивают на воле страны, упуская при этом из виду, что я занимаю пост главы государства именно в силу этой воли и что страна чрез своих уполномоченных обратилась ко мне с просьбою обеспечить ей семь спокойных лет. Распространяют также слух, будто республиканским учреждениям угрожает опасность, забывая при этом, что *я дал свое честное слово* защищать республику и конституцию“» (*НВр*, 1877, 30 сентября (12 октября), № 571).

Стр. 11. *Здоровье папы, пишут, «удовлетворительно»*. —Возможно, Достоевский цитирует телеграфное сообщение, появившееся в «Московских ведомостях» (1877, 11 сентября, № 225, отдел «Последняя почта»): «Римская телеграмма „Агентства Гаваса“, от 15 сентября, сообщает снова удовлетворительные известия о здоровье папы».

Стр. 11. *Но беда, если смерть папы совпадет с выборами во Франции или произойдет вскоре после них.* — Выборы во французскую Палату депутатов происходили 2 (14) октября 1877 г. и принесли победу республиканцам, а Пий IX умер в следующем году. Оба эти события не повели к «перерождению» Восточного вопроса «во всеевропейский».

Стр. 12. *. . .и огромном движении католичества, совпадающем с чрезвычайно близкою ∾ смертью папы и выбором папы нового. . .* — Преемник Пия IX Лев XIII, избранный в 1878 г., хотя сначала поднимал вопрос о восстановлении светской власти папы, но уже вынужден был примириться с ролью только главы католической церкви. См. наст. изд., т. XXV, стр. 420 и след.

Стр. 12. *Вот что говорили недавно «Московские ведомости» ∾ № 235).* — Далее цитируется передовая «Москва, 21 сентября» (*МВед*, 1877, 22 сентября, № 235).

Стр. 13. *. . .католицизм взял под свою «защиту» правоверную Турцию ∾ из-за того только, «что Россия страна схизматическая»?* — Достоевский повторяет, вслед за Катковым, мнения «корреспондентов английских газет» (см. приведенную выше Достоевским цитату из передовой «Московских ведомостей»). Вместе с тем здесь напоминается оценка событий русско-турецкой войны, сделанная Пием IX на приеме савойских пилигримов 30 апреля н. ст. 1877 г. (см. след. примеч.).

«Страна схизматическая» — страна, проповедующая раскол. Схизматик (греч.) — раскольник (название, данное католиками православным).

Стр. 13. *. . .сам папа, громко ∾ предрекал России «страшную будущность».* — Подразумевается речь Пия IX на приеме савойских пилигримов (30 апреля 1877 г.), в которой Россия была названа «схизматическою» и даже «еретическою великой державой», над которой «тяготеет рука правосудного бога». См. наст. изд., т. XXV, стр. 124, 413—414. Вместе с тем Достоевский учитывает сообщение, появившееся в русской печати незадолго до начала его работы над сентябрьским выпуском «Дневника писателя» за 1877 г. «Услышав о неудачах, постигших русское оружие под Плевной и Карсом, папа, как сообщает римский корреспондент „Gazeta Narodova“, сказал: „Я прихожу в настоящий восторг всякий раз, как слышу, что русские были разбиты, и надеюсь, что, с помощью божиею, они будут вконец побеждены. Я молю всевышнего, чтобы это осуществилось“ ‹. . .› Названный корреспондент ручается за достоверность делаемого им сообщения» (*НВр*, 1877, 25 августа (6 сентября), № 535).

Стр. 14. *Самый Рим был отнят у папы ∾ развязала руки королю итальянскому, немедленно и занявшему Рим.* — Попытка захвата Рима с целью объединения Италии была предпринята еще в 1867 г. гарибальдийцами, которые, однако, были отбиты прибывшими в Рим французскими войсками. Последние были отозваны оттуда только в августе 1870 г., в связи с началом франко-прусской войны. Терпя поражения от немцев, французская армия в дальнейшем не смогла оказать поддержки Пию IX. Этим обстоятельством воспользовался итальянский король Виктор-Эммануил II (1820—1879). В сентябре 1870 г. он занял своими войсками папские владения и самый Рим, объявив его столицей итальянского королевства. В 1871 г. итальянский парламент

принял закон о гарантиях, по которому Пий IX был признан государем, но его владения были ограничены лишь Ватиканом.

Стр. 15. . . *он прогнал республиканцев и объявил на всю Францию, что они уже не воротятся.* — Речь идет о «клерикальном перевороте» во Франции 4 (16) мая 1877 г., когда президент Мак-Магон распустил Палату депутатов, в которой задавало тон республиканское большинство. Об этом «перевороте» Достоевский неоднократно упоминал в майско-июньском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г.

Стр. 16. *Гамбетта объявил, что маршалу придется или покориться решению страны, или оставить место.* — 15 августа н. ст. 1877 г. на банкете в городе Лилле Гамбетта выступил с предвыборной речью, получившей широкую известность во Франции и за ее пределами. Отличительными особенностями ее были: агитация за «союз буржуазии с пролетариатом», призывы к «подавлению бонапартистов», этой, по определению оратора, «партии погибели и унижения Франции», и непоколебимая уверенность в победе республиканцев на предстоящих выборах в Палату депутатов. В заключение своего выступления Гамбетта дал понять участникам банкета, что, в случае победы республиканцев на новых выборах, Мак-Магон не посмеет пойти против воли избирателей и не отважится на бонапартистский переворот. Это заключение и подразумевает Достоевский. Вот оно: «. . . не верьте, чтобы после того, как миллионы французов возвысят голос, нашелся бы кто-нибудь, на какой бы ступени административной или политической лестницы он ни стоял, который мог бы противиться им <. . .> Когда Франция возвысит свой державный голос, поверьте мне <. . .> придется или повиноваться или удалиться» (*НВр*, 1877, 10 (22 августа), № 520, отдел «Внешние известия», подотдел «Франция»). Последние слова этой речи «послужили главным поводом к обвинению оратора в оскорблении особы маршала-президента. . .». Гамбетта заочно был приговорен «к трехмесячному заключению и к уплате 2000 штрафа, хотя дело по существу даже не разбиралось. . .» (см. там же, 4 (16) сентября, № 545, «Еженедельное обозрение»).

В дни, когда Достоевский уже работал над сентябрьским выпуском «Дневника писателя» за 1877 г., в русской печати была опубликована телеграмма: «Париж, 25 сентября (7 октября), воскресенье. Правительство возбудило новое преследование против Гамбетты, манифест которого появился сегодня. В манифесте этом он повторяет, что маршалу Мак-Магону следует или подчиниться желаниям страны, или сложить с себя должность» (там же, 26 сентября (8 октября), № 567).

Стр. 16. *Он еще в 1875 году стремился объявить войну Франции, боясь ее каждогоднего усиления.* — Ситуация, чреватая военным взрывом, возникла в мае 1875 г., когда германские военные и политические деятели, «используя в качестве повода принятый во Франции закон о военных кадрах, стали угрожать ей войной». Разрядка наступила вследствие дипломатического давления России и Англии (см.: *Всемирная история*, т. VII, стр. 182—183).

Стр. 16—17. *До сих пор Франция была в полной и послушной опеке Германии ∾ теперь эта Франция осмелится поднять голову!* — В период между роспуском французской Палаты депутатов (4 (16) мая 1877 г.) и новыми выборами в нее (2 (14) октября 1877 г.) в Германии считались с возможностью реванша со стороны Франции и потому особенно заботились об обеспечении границ достаточным контингентом войск. В связи с этим берлинский корреспондент «Times» сообщал в свою газету: «. . .ввиду назначения полуультрамонтанского министерства во Франции, усиление германских гарнизонов в Эльзас-Лотарингии будет приведено в исполнение. Вероятно-де, что это < . . .> сравняет военные силы, расположенные в Западной Германии, с силами, расположенными в северо-восточных департаментах Франции. Никаких-де опасений насчет ближайших намерений маршала Мак-Магона в Берлине не существует, но полагают, что ультрамонтанские члены настоящего кабинета могут при случае перевесить влияние герцога Деказа и открыть таким образом новый, деятельный период в иностранной политике Франции» (*МВед*, 1877, 15 мая, № 117, отдел «Телеграммы»). Косвенное извинение Франции перед Германией за беспокойство, причиненное роспуском Палаты депутатов

и некоторым увеличением французских войск на германской и итальянской границах, — можно было усмотреть в следующих строках «Moniteur Universel» от 19 мая н. ст. 1877 г.: «Всякий раз, когда в избранных неполитических собраниях, или на сходках, или в газетах будет заявляемо, что цель или последствие действий главы государства есть война <. . .> кабинет воспользуется правами, которые предоставляет ему закон, и не дозволит никому вводить в заблуждение или волновать общественное мнение» (там же).

Стр. 17. . . .*в недавнем свидании верховных министров Германии и Австрии, вероятно, говорили не об одном лишь Восточном вопросе.* — Речь идет о совещании германского канцлера князя Бисмарка с австро-венгерским премьер-министром графом Андраши (1823—1890), происходившем в Зальцбурге 7 (19) сентября 1877 г. (см.: *НВр*, 1877, 9 (21) сентября, № 550). Комментируя эту дипломатическую встречу, русская и западноевропейская печать говорила только о том, что «результатом свидания» в Зальцбурге будет последовательное продолжение Австрией и Германией их настоящей политики в Восточном вопросе, «в пределах тройственного союза» (см. там же, 11 (23) сентября, № 552).

Стр. 17. . . .*в Австрии волнения, половина Австрии не хочет того, чего хочет ее правительство.* — Правительство Австро-Венгрии выступало с заявлениями о нейтралитете, между тем как вторая ее «половина» воинственно сочувствовала туркам.

Стр. 17. *В Венгрии манифестации. Венгрия так и рвется против русских за турок.* —Речь идет о «мадьярских» манифестациях, принявших особенно широкий размах после неудачного штурма Плевны русскими войсками (30 августа 1877 г.).

Стр. 18. . . .*австрийским правительством было уже объявлено* ∾ *и не разрешится вне интересов Австрии. . .* — Подразумевается следующее официозное австрийское сообщение, перепечатанное в отделе телеграмм «Московских ведомостей» (1877, 14 сентября, № 228): «Чрез венское „Correspondenz-Bureau“. Будапешт, 25 (13) сентября. Министр президент отвечал депутации от митинга по Восточному вопросу, что <. . .> общая цель состоит в охранении интересов монархии, в выборе момента и средств, и что в этом состоит обязанность ответственного правительства». Еще раньше газета «Новое время» процитировала характерное заявление австро-венгерских «русофобов»: «Вместе с Австрией на Востоке возможно достигнуть всего, без Австрии — малого, вопреки Австрии — ничего» (*НВр*, 1877, 7 (19) июля, № 486).

Стр. 20. . . .*может вдруг воротить всё утраченное при Садовой. . .* — Во время австро-прусской войны 1866 г. Австрия потерпела жестокое поражение при Садовой (3 июля 1866 г.), возле Кениггреца, решившее исход всей кампании. После этой битвы Австрии пришлось выйти из Германского союза, а к Пруссии отошли четыре немецких государства, воевавших на стороне Австрии: королевство Ганновер, курфюршество Гессен-Кассель, герцогство Нассау и город Франкфурт-на-Майне. К Пруссии отошла также датская провинция Гольштейн, завоеванная ею, совместно с Австрией, в войне против Дании в 1864 г.

Стр. 20. . . .*Австрия могла бы посягнуть и на свой «дуализм», поставить Венгрию в прежние, древние и почтительные к себе отношения. . .* — В декабре 1865 г. венгерский сейм выработал программу, предусматривающую превращение Австрийской империи в дуалистическое (двуединое) государство. Поражение в войне с Пруссией (1866) заставило Австрию принять эту программу. С мая 1867 г. Австрийская империя была переименована в Австро-Венгрскую. Функции общеимперского правительства ограничивались вопросами финансовой, военной и внешней политики, все остальные вопросы решались правительствами отдельных государств. Но австрийский император был в то же время венгерским королем и сохранял за собою право издавать чрезвычайные указы в промежутках между сессиями рейхсрата. Австро-Венгерская империя распалась после первой мировой войны.

Под «древними и почтительными к себе отношениями» Достоевский подразумевает период вассальной зависимости Венгрии от Австрии. Начало этому периоду было положено мирным договором в Карловице (1699),

заключенным в результате победоносной войны против турок коалиции европейских государств: Австрии, Польши, Венгрии и России. Австрия отторгла тогда от Оттоманской империи Венгрию и Трансильванию.

Стр. 20. *. . .распорядиться уж и с своими славянами. . .* — То есть заставить славян подчиниться своей, австрийской, власти. В 1870-е годы и позже в состав Австро-Венгрии входили почти вся современная Чехословакия, Галиция и значительная часть современной Югославии.

Стр. 21. *Когда я начинал эту главу, еще не было тех фактов и сообщений, которые теперь вдруг наполнили всю европейскую прессу. . .* — Достоевский подразумевает «факты и сообщения», подтверждающие предположения о клерикальном заговоре и возможности всеевропейской войны, обосновывавшиеся им в майско-июньском выпуске и в первой главе сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г.

Стр. 21. *Почти всё, что я написал ∾ начинает подтверждаться.* — Первое «подтверждение» своим догадкам Достоевский усмотрел, быть может, в сообщении, напечатанном в газете «Новое время» (1877, 24 сентября (6 октября), № 565): «. . . по всей Франции распространяется брошюра <. . .> „La politique du maréchale. Paix et Travail“ <. . .> автор старается доказать, что если Франция не преклонится перед волей маршала, то она снова должна будет пережить несколько бурных лет <. . .> К этим угрозам маршала присоединяются воззвания епископов к избирателям от имени папы, — приглашающие их подавать голоса против противников маршала, которые в то же время — враги церкви. Даже герцог Деказ, который, ввиду внешних сношений, должен заботиться о том, чтобы французское правительство не могли открыто обвинять в клерикализме, нуждается в сильной поддержке духовенства, если хочет быть выбранным в округах, в которых выступает кандидатом. Теперь всеми признано, что нынешнее правительство настоящее Gouvernement des curés» (правительство попов, — *Ред.*).

Стр. 21. *. . .теперь уже известно ∾ об чем было говорено в Берлине с Криспи.* — Беседа Бисмарка с президентом Итальянской палаты Франческо Криспи (1818—1901) состоялась в Берлине 12 (24) сентября 1877 г. (см.: *НВр*, 1877, 14 (26) сентября, № 555). Достоевский имеет в виду корреспонденцию венского корреспондента «Daily Telegraph», сообщавшего «из авторитетных источников», что «разговор синьора Криспи и князя Бисмарка главным образом касался двух пунктов — вопроса о будущем преемнике папы и об отношениях между Францией и Германией. Что касается первого вопроса, — продолжал корреспондент, — то князь Бисмарк высказал мнение, что, со смертью нынешнего папы, необходимо привести к окончанию борьбу между церковью и государством <. . .> дружелюбным соглашением или же энергическими мерами <. . .> Что касается второго вопроса, то о нем говорили в общих словах. По-видимому, князь Бисмарк заручился почти обещанием на содействие Италии в случае, если бы Франция начала войну с Германией» (там же, 25 сентября, (7 октября), № 566, отдел «Внешние известия», подотдел «Италия»). Через несколько дней, касаясь «второго вопроса» в переговорах между Бисмарком и Криспи, «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» освещала его более подробно: «. . .переговоры, которые, может быть, ведутся между Италией и Германией <. . .> могут клониться к обеспечению их взаимной солидарности на тот случай, когда оба государства, по окончании выборов во Франции, очутились бы лицом к лицу с Францией клерикальною, а следовательно, склонной к наступательной политике. Политика эта была бы наступательною уже потому, что клерикальная Франция будет служить постоянною угрозою для Италии» (там же, 28 сентября (10 октября), № 569, отдел «Телеграммы»).

Стр. 21. *Всем ∾ европейской войны в ближайшем будущем.* — В данном случае напрашивается сопоставление слов и мысли Достоевского с «изречением» канцлера Бисмарка, процитированным в русской печати незадолго перед началом работы писателя над сентябрьским (1877 г.) выпуском своего «Дневника»: «Венский корреспондент „Пештского Ллойда“ сообщает, между прочим, следующее достоверное будто бы изречение князя Бисмарка: „Или еще до наступления зимы мы будем иметь русско-турецкий мир, или непо-

средственно после нынешней войны всеобщую войну“» (*МВед*, 1877, 12 сентября, № 226, отдел «Последняя почта»).

Стр. 21. . . .*недавно еще серьезно обращали внимание на мнение компетентных англичан (речь Нордскота), что можно еще до зимы замирить.* — Стаффорд Генри Норскот (Northcote), граф Иддесли (Iddesleigh) (1818—1887) — канцлер казначейства в правительстве Биконсфилда и лидер Палаты общин (с 1876 г.). Достоевский имеет в виду его речь «пред торговою палатой в Экзетере» (*МВед*, 1877, 29 сентября, № 241). В ней обращалось внимание на якобы появившуюся возможность мирного урегулирования конфликта между Россией и Турцией. В то время как газета Каткова ограничилась скупым упоминанием об этой речи, газета «Новое время» (1877, 28 сентября (10 октября), № 569) прокомментировала ее с крайним раздражением: «В прошлый понедельник министр финансов в кабинете лорда Биконсфильда, Норскот, изощряя свое красноречие над восточной войной, высказал и развивал мысль, что „обе воюющие державы могли бы теперь воспользоваться случаем для мирного улажения дела, *без ущерба для своей военной репутации*“». Автор «Ежедневного обозрения» интерпретировал это выступление как очередной акт назойливого посредничества между Турцией и Россией в интересах английской промышленности и торговли и при полном невнимании к «внутреннему содержанию войны». В обозрении отмечалось, что часть английской печати — «Times» и «Daily News» — «одинаково пренебрежительно отзывается об этих попытках своих государственных людей», а «германская политика даже выступает резко против их воззрений». В своей полемике с английскими государственными деятелями автор «Ежедневного обозрения» опирался на заключение, сформулированное «Agence Généralé Russe» («Русское генеральное агентство»): «Дальнейшее сожительство турок с христианами на Балканском полуострове невозможно».

Как видно из контекста комментируемого отрывка «Дневника писателя», помимо Норскота Достоевский подразумевал и других «компетентных англичан», ратовавших за урегулирование Восточного вопроса «в интересах английской промышленности и торговли». Эти англичане — публицисты из английской «туркофильской» газеты «Standard», о которой «Московские ведомости» писали незадолго до произнесения Норскотом его речи: «„Standard“ ‹. . .› и теперь еще не решается отказаться от надежды, что „до наступления зимы Россия может согласиться на компромисс“, потому что, по мнению английской „Standard“, „невероятно, чтобы другой подобный шанс представился весной“» (*МВед*, 1877, 22 сентября, № 235).

Стр. 23. . . .*кто в целом мире* ∾ *это дело почти на другой же день, как началось оно. . .* — Генеральные штаты — собрание представителей трех сословий (дворянства, духовенства и буржуазии) были созваны 5 мая 1789 г. Далее Достоевский хочет сказать, что революция 1789 г. развивалась в интересах буржуазии.

Стр. 24. . . .*великие древние рыцари, начиная с Амадиса Галльского. . .* — Амадис Галльский — один из наиболее почитаемых Дон-Кихотом героев рыцарских романов.

Стр. 24. . . .*для приобретения коих Дон-Кихот не пожалел* ∾ *своего маленького поместья. . .* — См. гл. I романа Сервантеса, в которой говорится о том, что увлечение Дон-Кихота рыцарскими романами «дошло до того, что он, не задумываясь, продал порядочный кусок пахотной земли, чтобы накупить себе рыцарских книг».

Стр. 24—25. — *Я разрешил это недоумение, друг мой Санхо* ∾ *целые армии этих злых арапов и других чудищ. . .* — Весь этот отрывок — не цитата из «Дон-Кихота». На отсутствие этого эпизода в романе Сервантеса впервые указал в 1953 г. испанский литературовед Мальдонадо де Гевара. См. об этом: В. Е. Багно. Достоевский о «Дон-Кихоте» Сервантеса. — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 126—135. В этой же статье (см. стр. 134—135) настоящая глава «Дневника писателя» (§ I «Ложь ложью спасается») анализируется в связи с содержанием параграфа «Меттернихи и Дон-Кихот», вошедшего в главу первую февральского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. Об отношении Достоевского к герою романа Сервантеса как литера-

турному прообразу князя Мышкина см. в комментариях к роману «Идиот» (наст. изд., т. IX, стр. 400—402). Имя Санхо вместо общепринятого и более правильного Санчо было употреблено в русских переводах «Дон-Кихота», выполненных Н. Осиновым (1791 и 1812 гг.) и В. Жуковским (1804—1806 и 1815 гг.).

Стр. 25. *. . .знакомство с этой величайшей и самой грустной книгой из всех ∾ несомненно возвысило бы душу юноши великою мыслию, заронило бы в сердце его великие вопросы. . .* — О «высоком воспитательном значении» «Дон-Кихота» для юношества Достоевский писал также, несколькими годами позже, в письме к Н. Л. Озмидову (см.: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 196).

Стр. 27. *. . .с тех пор как Турция в войне с Россиею, мало-помалу укрепилось и установилось ∾ обладает свойством развития и дальнейшего прогресса.* — Подразумеваются, возможно, в числе многих других, следующие характеристики антирусских настроений в западноевропейской печати, прокомментированные газетой «Московские ведомости» (1877, 10 августа, № 198, передовая «Москва, 9 августа»): «Мобилизация гвардии, а затем и призыв под знамена части первого разряда ополчения — как раз после дела при Плевне — вызвали сумасшедшие ликования в легионе русофобских газет Европы, особенно Австро-Венгрии. По мнению этих башибузуков, Россия уже вынуждена теперь выдвинуть на театр войны свои *последние* военные силы. Но никто не высказывался об этом с таким лаем, как военная австро-венгерская газета „Militär-Zeitung“ ‹. . .› „За Дунаем“, — восклицает названная газета, — „Россия уже не имеет способной к военным действиям армии ‹. . .› Внутри России свободных войск более не имеется. . . Таким образом, оказывается, что с Россией покончено ‹. . .› В военном отношении спор между Турцией и Россией решен: насколько первая доказала свою жизненную силу, настолько последняя — свое бессилие! . . .“».

Стр. 28. *Пусть они кричат ∾ удивлявшихся боевой способности, рыцарской стойкости и высочайшей дисциплине русского солдата и офицера. . .* — Подразумеваются суждения о военной слабости России, высказывавшиеся английской, австро-венгерской и французской печатью после неудач русской армии под Плевной в июле—августе 1877 г. По этому поводу газета «Новое время» писала: «Наиболее сочувственная нам газета „Daily News“ ‹. . .› все-таки ‹. . .› приходит к заключению, будто русские силы получили недостаточное развитие ‹. . .› „Times“ уверяет, что окончательная победа над Турцией обойдется нам так дорого, что парализует Россию на целых двадцать лет. Венская печать ‹. . .› договаривается до того, что признает Россию уже неравноправным членом тройственного союза» (*НВр*, 1877, 8 (20) сентября, № 549, «Ежедневное обозрение»). В августе та же газета отмечала: «. . .парижское агентство Гаваса вдруг стало указывать на слабость России. . .» (там же, 13 (25) августа, № 523, отдел «Внешние известия»).

Об отношении иностранных корреспондентов к русским солдатам и офицерам русские газеты писали: «Вся европейская публика внимательно читает замечательные корреспонденции лондонской газеты „Daily News“ ‹. . .› в них постоянно восхваляется образ действий русских войск» (*Г*, 1877, 24 июля (5 августа), № 163, передовая «Санктпетербург, 23-го июля 1877»); « — Такого превосходного материала, как русский солдат, найти невозможно. Ни один европейский солдат не может сравниться с русским! — так говорит здесь австрийский военный агент, г-н Бертолсгейм, видевший нашу армию и наблюдавший ее» (*НВр*, 1877, 11 (23) августа, № 521, «Более или менее военные очерки» Незнакомца).

Стр. 28. . . .(*забыв, как часто мы их бивали в битвах за все последние два столетия*). — Наиболее значительные из этих битв — войны Петра I со шведами, Семилетняя война, суворовские походы через Альпы, война с Наполеоном I в 1812 г., вступление русских войск в Париж (1814) в результате разгрома наполеоновской армии под Лейпцигом и т. п.

Стр. 28. *. . .самые серьезнейшие из их политических изданий сообщают Европе ∾ полках по железной дороге из Динабурга, для спасенья Петербурга. . .* — Достоевский опирается на сообщение, появившееся в газете «Новое время» (1877, 27 сентября (9 октября), № 568): «В „Journal de St.

Pétersbourg“ напечатана ироническая заметка, передающая „точные“ сведения, полученные парижской газетой „Estafette“ из Петербурга, 20-го сентября: „Вчера на Выборгской стороне, где находятся почти все большие фабрики, рабочие повздорили с полицейскими, которые хотели выслать их из кабаков раньше положенного часа. Вскоре ссора перешла в драку, и множество лиц, которые обыкновенно не участвуют в уличных свалках, тут примкнули к рабочим. Уверяют, что они принадлежат к обществу (!?) нигилистов. Сначала перевес был на стороне народа, но вскоре прибыл отряд конных жандармов, и борьба возобновилась. Жандармы рубили народ саблями, однако последний и на этот раз оказался победителем. Тогда он бросился на артиллерийские склады и с ревом принялся бить стекла. На другой день волнение достигло еще больших размеров; казалось, что город подвергается неприятельской осаде. И только на следующий день, поздно ночью, удалось восстановить спокойствие. Петербургский губернатор немедленно телеграфировал в Динабург, чтобы ему прислали два пехотных полка, что и было исполнено. Два особых поезда привезли войска“». *Динабург* (ныне Даугавпилс) — крупный железнодорожный узел.

Стр. 28. . . .*не ведают, что творят.* — Цитата из Евангелия от Луки (гл. 23, ст. 34).

Стр. 29. *Мы, сидя в Севастополе, отразили раз приступ французов и англичан* ∾ *однако же, не кричала тогда об нашей победе.* — Это заключение Достоевского согласуется с многими газетными суждениями о событиях на Балканах в свете сравнительно недавней военной истории. Так, А. И. Беренс, автор «Военной заметки», напечатанной в «Новом времени», отмечал, что один только штурм русскими войсками Гривицкого редута (редут в системе укреплений Плевны) «30-го августа стоил <. . .> громадных потерь. Потеря эта весьма немногим менее тех жертв, которых стоила англо-французской армии, предводимой маршалом Пеллисье, отбитая нами с блистательным успехом атака всей линии севастопольских укреплений, 8-го июня 1855 года, и результат без малого такой же» (*НВр*, 1877, 12 (24) сентября, № 553). Несколько позже в «Ежедневном обозрении» той же газеты появились такие строки о турках, окопавшихся в Плевне: «. . .турки, по-видимому, намерены следовать примеру русских под Севастополем и французов во время осады Парижа. Видно, что уроки военной истории, этой лучшей наставницы полководцев, не пропали для них даром» (там же, 20 сентября (1 октября), № 561).

Стр. 29. *Бывало, что семь или восемь наших батальонов разбивают ихних двадцать, как недавно случилось под Церковной.* — По-видимому, Достоевский интерпретирует телеграмму главнокомандующего действующей армией: «Горный Студень, 11 сентября. Подробности сражения при Церковне 9 числа: в 11 часов утра 20 000 турок при 40 орудиях атаковали позицию, занятую нашими 12 батальонами. . . Курского полка майор Домбровский подпустил их без выстрела на 30 шагов и, ударив в штыки, обратил в бегство. . . Затем атака возобновлена на левом фланге, но отбита Вятским полком. Последний стремительный удар произведен в центр, но также отбит с громадным для неприятеля уроном. . . В 8 часов вечера неприятель отступил, а 10 числа утром турки прислали парламентера просить убрать убитых. На наших глазах они похоронили 800 тел, а всего потеряли 2000 человек. . . Отрядом нашим командовал генерал Татищев» (*МВед*, 1877, 14 сентября, № 228). Турки атаковали от Церковны, с возвышенности вниз, где их встречали русские (см.: «Современные известия», 1877, 23 сентября, № 262; рубрика «Военные известия»).

Стр. 29. . . .*указывают* ∾ *на их ружья, которые лучше наших, и даже на их артиллерию, которая будто бы лучше нашей.* — Под Плевной турки располагали дальнобойными крупповскими пушками большого калибра. Преимущество турецкого ручного огнестрельного оружия, закупленного также за границей, признавалось всеми.

Стр. 29. . . .*не хотят припомнить, что мы в сущности воюем не с одними турками* ∾ *что множество англичан служат офицерами в турецком войске. . .* — Об английской финансовой и военной помощи туркам Достоев-

ский писал еще в майско-июньском выпуске за 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 171, 429). Заканчивая же работу над сентябрьским выпуском «Дневника», Достоевский, возможно, успел учесть новые факты из перепечатанного газетой «Новое время» письма официального корреспондента австрийской газеты «Politische Correspondenz». В этом письме сообщалось: «. . .присутствие в Турции далеко не ничтожного количества английских офицеров, находящихся там официально и неофициально на службе, должно быть принято в расчет. . . Цифра первых, два месяца тому назад, по показанию самого военного министра Англии, доходила до 14 тысяч, но цифра вторых едва ли когда-нибудь сделается известной» (*НВр*, 1877, 3 (15) октября, № 574).

Стр. 29. *. . .европейская дипломатия во многом стала поперек нашей дороги с самого начала войны, лишив нас помощи естественных союзников наших. . .* — Под «европейской дипломатией» подразумевается дипломатия австро-венгерская, а под «естественными союзниками» — Сербия, Румыния и отчасти Черногория.

Стр. 29. *. . .лишив нас даже настоящих дорог наших в Турцию.* — В вопросе о дорогах в Турцию Достоевский пользуется сведениями, собранными и прокомментированными газетой «Новое время». В этой газете сообщалось: «Специальный корреспондент „St. Petersburger Zeitung" телеграфирует из Вены, от 29-го июня (11-го июля): в официозном „Fremdenblatt» напечатано письмо одного русского, в котором доказывается необходимость Австрии согласиться на переход русской армии в пределы Сербии для обхода Балканских проходов. Россия сберегает таким средством до 50 000 человек. В письме предполагается, что сербские военные силы будут совершенно устранены из действия. Как кажется, император и генеральный штаб хотели бы восипользоваться сербской территорией для военных операций. „Fremdenblatt" возражает против этого» (*НВр*, 1 (13) июля, № 480). Через неделю газета писала: «Не так давно мы сообщали, что Австрия беспрепятственно допустила провоз турецкого оружия через Клек, под тем предлогом, что будто бы оружие это было давно заказано турками. ‹. . .› Австрия, сама нарушившая свой нейтралитет в пользу турок, не вправе протестовать против подобного передвижения русских войск, которые сделали бы выгодный в военном отношении обход балканских ущелий в направлении Софии. . .». И далее: «. . .туркофильские газеты не упускают случая напомнить, что Австрия совершит роковую для себя ошибку, если допустит русские войска пройти по сербской территории, хотя бы и под условием полной неподвижности Сербии» (*НВр*, 1877, 7 (19) июля, № 486). После трагических событий под Плевной (неудачный штурм 18 июля 1877 г.) эта газета писала: «Австрийский нейтралитет сдерживает Румынию, парализует Сербию, тяготеет над боснийскими усташами и заслонил русским войскам путь на Софию, в сердце Оттоманской империи, лучше, чем стотысячная турецкая армия. . .» (там же, 14 (26) августа, № 524, «Ежедневное обозрение»).

Стр. 29. *В Европе открылся, наконец, заговор целых шаек ∞ чтоб броситься внезапно в тыл нашей армии.* — Под «Европой» подразумеваются Австро-Венгрия и Англия, под «шайками» — группы волонтеров, концентрировавшиеся в Венгрии для вторжения в Румынию. В сентябре 1877 г. сведения об этом «заговоре» и его вдохновителях, соображения и комментарии по поводу его военнополитического значения и т. п. регулярно появлялись в западноевропейской и русской печати. См., например: *НВр*, 1877, 18 (30) сентября, № 559; 19 сентября (1 октября), № 560; 23 сентября (5 октября), № 564; 24 сентября (6 октября), № 565.

Стр. 29. *. . .там состряпали недавно и заем для турок, в огромный ущерб своему карману. . .* — Речь идет об английском займе для Турции. Едва ли не первое известие о нем появилось в «Times»: «Лондон, 2-го (14-го) августа ‹. . .› Газета „Times" сообщает, что в Лондоне состоялось заключение турецкого займа в 2 500 000 ф. ст.» (*НВр*, 1877, 3 (15) августа, № 513). Несколько позже, обсуждая вопрос об этом займе, газета «Новое время» желчно упоминала о «лорде Биконсфильде, только что доставившем Турции негласную субсидию в $2^1/_2$ миллиона фунта стерлингов, в виде займа, будто бы заключен-

ного на лондонской бирже. Ни один банкир в целом свете не будет столь безумен, — резюмировала эта газета, — чтобы выдать Турции хоть один шиллинг в долг, без верной гарантии, которую английское правительство, вероятно, и приняло на себя. По крайней мере вся европейская печать такого мнения» (там же, 16 (28) августа, № 526). Однако в дальнейшем размеры и форма реализации этого займа определялись в газетных сообщениях по-разному. «По словам „Pol‹itische› Corr‹espondenz›“, — сообщало «Новое время», — критическое положение турецкой казны достигло крайних пределов. Заем, заключенный в Лондоне, все еще не реализован. . . Турки не теряют, однако, надежд, что заем доставит им 2 миллиона ливров» (там же, 12 (24) сентября, № 553, отдел «Телеграммы» или «Последние известия»). Через неделю та же газета сообщала своим читателям: «Корреспондент „Московских ведомостей“ из Лондона пишет от 22 сентября: „Здесь сильно хлопочут о заключении турецкого займа на сумму от 10 до 20 миллионов фунтов стерлингов ‹. . .› Капиталы привлекаются преимущественно из Индии ‹. . .› Деньги предполагается употребить в Англии главнейше на приобретение оружия, снарядов и запасов для турецкой армии“» (там же, 18 (30) сентября, № 559).

Стр. 29. *И это ∾ когда открыт даже правильный заговор между самими правителями Турции с целью истребить болгар всех до единого?* — Достоевский опирается на информацию «Московских ведомостей» и «Нового времени». В первой из них сообщалось: «В настоящее время оказывается, что опустошение, разорение дотла всей покидаемой турецкими войсками местности и повальное избиение поселенных в ней христиан составляет вовсе не новое доказательство необузданности сопровождающих турецкую армию иррегулярных шаек, а вполне обдуманную турками систему, в исполнении которой участвуют так же усердно регулярные, как и иррегулярные турецкие войска. Цель этой системы двоякая: во-первых, совершенным разорением местности затруднить движение по ней русских; во-вторых, избиением христиан напугать спешащие на освобождение их русские войска» (*МВед*, 1877, 5 июля, № 166). Этой газете вторило «Новое время» (1877, 12 (24) июля, № 491): «. . .само турецкое правительство решилось, уступая Болгарию русским, — превратить ее в пустыню».

Стр. 30. *Некоторые умные люди проклинают теперь у нас славянский вопрос ∾ Да будут же прокляты славянофилы!*». . . — Такого рода упреки по адресу «умных людей», порицавших «славянофилов» за чрезмерное увлечение славянским вопросом, были частым явлением в печати того времени. Незадолго до Достоевского Григорий де Воллан отмечал в статье «Сербский вопрос перед судом русского общества»: «Отрезвившись от прежнего одушевления, салонные политики могут высказывать пошлые замечания: „Сербы надоели, вообще пора заняться другим, более интересным вопросом“, — но историческому народу не подобает такое легкомысленное отношение к делу, в котором он принимал такое деятельное участие» (*ДНР*, 1877, № 5, стр. 68). См. также в фельетоне Суворина (*НВр*, 1877, 19 июня (1 июля), № 468): «. . .одна часть общества увлекалась, а другая говорила: „Что нам за дело до славян? Выдумали каких-то славян!“».

Стр. 30. *Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург.* — Здесь и выше очевидно согласие Достоевского с рядом положений статьи Евгения Белова «Результаты войн России с Турцией», печатавшейся в нескольких номерах ежемесячного исторического сборника «Древняя и новая Россия» за 1877 г. В заключение статьи Белов утверждал: «. . .не должно забывать, что настоящая война есть продолжение прежних войн, дальнейшее преследование той же цели, которую преследовали Петр Великий, Екатерина II, Александр I и Николай I‹. . .› дело, предпринятое ныне царствующим государем, есть продолжение дела, начатого еще Петром Великим. . .» (*ДНР*, 1877, № 8, стр. 345, 346).

Стр. 30. *Они кричат теперь хором о торговом застое, о биржевом кризисе, о падении рубля.* — По этому поводу газета «Новое время» писала в июле 1877 г. (10 (22) июля, № 489): «Говоря о быстром падении цены наших бумажных денег, экономист „Голоса“ удивляется тому, что с разных сторон слы-

шатся жалобы на финансовое управление. . . Он сам объясняет, что мы встретили войну, страдая „недугом бумажных денег“». Основную причину обесценения русских денег анонимный автор «Нового времени» видел в том, что налоги падают не на капитал и состоятельные классы, а на народ, и настаивал на отмене «подушной подати» и «введении подоходного налога». О «продолжающемся понижении кредитного рубля» газета «Новое время» писала и в № 571 от 30 сентября 1877 г. Примечательна язвительная реплика Щедрина о неблагополучном состоянии русских финансов. Один из обывателей, изображенных в его очерке «Тряпичкины-очевидцы», спрашивает собеседника: « — Слушай, корреспондент! <. . .> Отчего наш рубль, теперича, шесть гривен на бирже стоит?

Я призадумался <. . .> Однако, припомнив кое-что из наших передовых статей, ответил, что всему причиной коварство англичан» (*ОЗ*, 1877, № 8, стр. 545—546). Даже и «патриотическая» печать, на передовицы которой намекал Щедрин, вынуждена была, в конце концов, признать: «. . .важна такая финансовая реформа, которая восстановила бы поколебленное доверие к платежным силам России» (*НВр*, 1877, 5 (17) октября, № 576).

Стр. 31. *. . .они хорошие русские, но они боятся и удач, и побед русских, — «потому-де, что явится после победоносной войны самоуверенность, самовосхваление, шовинизм, застой».* — Очевидно, подразумеваются публицисты газеты «Голос», «англофильское» и «туркофильское» отношение которой к русско-турецкой войне и Восточному вопросу вообще следующим образом характеризовалось в «Московских ведомостях» (1877, 5 июня, № 137): «. . .„Голос“ уже довольно сильно ругает русскую печать за ее желания, чтобы Восточный вопрос решился без участия фиктивного европейского концерта, приписывает заявляющим эти желания шовинистические страсти, задор, погоню за популярностью и отказывает им в здравом смысле. . .».

Стр. 32. *. . .а затем уж пришли биржевики и железнодорожники. . .* — Намек на Главное общество российских железных дорог, учредителями которого в январе 1857 г. были по преимуществу иностранцы: петербургский банкир Штиглиц и К°, варшавский банкир С. А. Френкель, лондонские банкиры братья Беринг и К°, парижские банкиры Готтингер и К°, Б. Л. Фульд и Фульд-Оппенгейм, амстердамские банкиры Гоппе и К°, французские железнодорожные дельцы братья Перейра. Практическое руководство постройкой железных дорог, баснословно обогащавшей как учредителей, так и администрацию, осуществлялось французскими инженерами.

Стр. 32. *. . .что и не снилось мудрецам нашим.* — Строка из диалога Гамлета с Горацио:

Есть многое в природе, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

(В. Шекспир. Гамлет. Пер. М. Вронченко. СПб. 1828, стр. 42, д. I, явл. V).

В художественном творчестве и особенно в публицистике Достоевского нередко ироническое употребление слов: наши мудрецы, мудрецы, мудрец с теми или иными прилагательными. Все они также восходят к процитированной сентенции Гамлета. Так, в «Записках из Мертвого дома» есть фраза: «Немногому могут научить народ мудрецы наши» (наст. изд., т. IV, стр. 122); в статье «Ответ „Русскому вестнику“» под «практическим мудрецом нашего времени» подразумевается Талейран (см. наст. изд., т. XIX, стр. 124); в статье «По поводу элегической заметки „Русского вестника“» «непочатым мудрецом» назван англоман Катков (см. там же, стр. 176); в статье «Рассказы Н. В. Успенского» тот же Катков фигурирует под наименованием «нашего мудреца», которому «общественные особенности Англии несравненно знакомее, чем русские» (см. там же, стр. 179); наконец, в «Дневнике писателя» за апрель 1877 г. (глава первая, § I «Война. Мы всех сильнее») «мудрецами» названы публицисты «Отечественных записок» и «Вестника Европы», помещавшие на страницах этих журналов, накануне русско-турецкой войны 1877—1878 годов, антивоенные очерки и статьи (см. наст. изд., т. XXV, стр. 393).

Стр. 32. *Некоторые иностранные корреспонденты иностранных газет*

упрекали некоторых русских офицеров ∾ *любовь к родине и к тому делу, которому взялись служить.* — Подразумевается, по всей вероятности, корреспонденция «Times», перепечатанная газетой «Новое время» (1877, 2 (14) июля, № 481): «Главная опасность русских в настоящее время заключается в их чрезмерном энтузиазме и самоуверенности; это может вовлечь их в отдельные стычки, сопряженные с ненужными потерями, и, следовательно, придать мужества неприятелю. Жажда отличий — общая слабость, и это может повести к смелым предприятиям в надежде заслужить орден каким-нибудь необыкновенным подвигом». В том же номере «Нового времени» эта точка зрения как бы опровергалась в «Дневнике корреспондента» В. Буренина: «Я ночевал в палатке саперного подпоручика Владимира Александровича Романова, того самого „героя взрыва" первого монитора, о котором я писал вам в одном из предшествовавших писем. Что это за симпатичный, что за прелестный молодой человек. Скромный, образованный, с оттенком какой-то совсем не военной деликатности в манерах и в речах. И вместе с этою почти женскою деликатностью в нем слиты твердость характера, мужество».

Стр. 33. *После нынешней войны, в которую так высоко, так светло, так свято проявила себя наша русская женщина. . .* — Многие молодые девушки и женщины служили медсестрами в госпиталях и санитарных поездах и переносили без ропота большой труд и лишения. Их самоотверженность неоднократно отмечалась в русской прессе. Так, «Московские ведомости» (1877, 28 августа, № 214) упоминали о г-же Языковой, «имеющей обеспеченные средства» и тем не менее отдающей все свое время утомительному уходу за тяжелоранеными. Однако то, что говорит здесь о русской женщине Достоевский, перекликается в первую очередь с восторженным замечанием А. С. Суворина в фельетоне «Отрывки»: «А эта чудесная, единственная в мире русская женщина: настоящая война апофеоз ее. Она поднялась на такую нравственную высоту, с которой не сбросить ее уже всем русским пошлякам» (*НВр*, 1877, 11 (23) сентября, № 552). Еще раньше та же газета писала о подвижническом служении русских женщин раненым и больным русским солдатам, размещенным в г. Яссы: «Но всех удивительнее сестры милосердия, особенно молодая девица г-жа Философова, имя которой да будет прославлено по достоинству в России. Эта барышня хорошего воспитания с самоотвержением взяла на себя трудную хозяйственную часть, т. е. умудряться при помощи нескольких пьяных поваров и ленивых нестроевых в маленьком кухонном бараке, стоя целый день у печки, при жаре в 40°, готовить обед на $1^1/_2$ и 2 тысячи человек больных в день ‹. . .› Впрочем, все 25 сестер милосердия в бараке (из покровской общины) работают удивительно и самая страшная усталость не лишает их не только терпения, но даже веселости. Положительно, ухаживание за больными — женское дело. . .» (*НВр*, 23 августа (4 сентября), № 533, подпись: К. Скальковский; см. также: *НВр*, 1877, 24 августа (5 сентября), № 534, «Кавказские письма» А. Пальма). Едва ли мог не обратить внимания Достоевский и на описание ежедневного подвига «крестьянки Нижегородской губернии» под Плевной: «С 19-го числа (очевидно, с 19-го августа 1877 г., — *Ред.*) она всюду следует за полком нашим, хотя у ней тут нет ни мужа, ни брата, ни сына. Не обращая никакого внимания на опасность, она постоянно носит воду солдатам на позицию, помогает идти раненым, выходящим из боя, словом — насколько может и понимает, заботится всячески о солдатах, а как только выпадет время, что нет ей никакого дела, так становится на колени и усердно молится богу» (там же, 18 (30) сентября, № 559).

Стр. 34. *Об наших военных ошибках в нынешнюю кампанию говорили и писали и в Европе, и в России.* — Вскоре после неудачного штурма Плевны 18 (30) июля 1877 г. «Московские ведомости» цитировали мнение специального корреспондента английской «Daily News» от 3 августа н. ст. 1877 г.: «Главная ошибка диспозиции заключалась в том, что Криденер и князь Шаховской (первый должен был осуществлять непосредственное руководство всей операцией, но практически командовал примерно половиной атакующих войск — армейским корпусом; в распоряжении второго находилось до полутора дивизий, — *Ред.*) на деле оперировали независимо друг от друга, так как обе атаки велись в слишком большом отдалении одна от другой и не имели между

собою никакого связующего звена. Но важнейшее упущение, в коем не были виноваты командиры, было то, что атакующие силы были недостаточны ‹. . .›не должно было атаковать турок в укрепленной позиции, имея недостаточные силы» (*МВед*, 1877, 29 июля, № 188). Мнение австрийской газеты «Politische Correspondenz», приведенное газетой, цитировалось «Новым временем»: «В стратегическом отношении положение русских было такое, какое было весьма желательно для лучших полководцев. Выдвинувшись клинообразно между армиями пашей, Османа, Сулеймана и Мехмета-Али, русские могли бы при некотором счастье разбить их по частям. Но как поступил русский генеральный штаб? Он атаковал все три неприятельские армии и, следовательно, повсюду мог противопоставить неприятелю недостаточные силы. . . Плевна наглядно показала всему миру некоторые слабые стороны русской военной организации. . .» (*НВр*, 1877, 1 (13) августа, № 511). Военный сотрудник берлинской «National Zeitung» обращал особое внимание на не отвечающую современным требованиям тактическую подготовку русской пехоты. Если бы русские батальоны, отмечал он, атаковали не сомкнутым, а рассыпанным строем, потери их от скорострельного турецкого оружия не были бы столь значительны (см.: там же, 3 (15) августа, № 513, анонимная статья «Прусский военный критик о битве под Плевной»).

Русские обозреватели обличали бездарность и карьеризм высшего командования русских войск. Так, историк Д. И. Иловайский писал: «Что бы ни случилось после, как бы война ни окончилась, а эти тяжелые уроки уже не вычеркнешь из нашей истории. Пусть обвиняют меня в излишнем пессимизме, в излишней откровенности, а я все-таки скажу: „Пошли, господи, поболее хороших предводителей нашей доблестной армии“» (там же, 10 (22) августа, № 520). Иловайскому вторил А. С. Суворин: «Атака произведена была так самоуверенно и вместе с тем нестройно, так мало приготовлена артиллерийским огнем, так мало было общей идеи в атаке, какой-нибудь гармонии, что не будь в деле молодых энергичных офицеров, ординарцев великого князя, не принадлежащих к генеральному штабу, корпус Криденера был бы истреблен совсем. „Я не чувствовал, — передавал мне очевидец, — ни страха, ни чувства жалости к раненым — все было подавлено злобою и досадою на нераспорядительность, бездарность, интриги, на то, что начальствующие старались как бы перебить друг у друга позиции, неприятеля и действовать особняком, не подавать помощи вовремя ‹. . .› прусские офицеры, свидетели этой битвы, плакали, видя, как гибнет молодецкое войско, благодаря тому, что не было резервов, не шли подкрепления. . . Помоги Криденер Шаховскому, будь немного больше распорядительности и битва, несмотря на громадный перевес неприятеля, благодаря храбрости войск, была бы выиграна“» (там же, 15 (27) августа, № 525).

Стр. 34. *. . .малокомпетентные-то, кажется, всех более у нас теперь и горячатся)*. — Намек на сотрудников «Голоса» во главе с его редактором А. А. Краевским.

Стр. 35. *Тотлебен вышел тремя или четырьмя годами прежде меня.* — Страдая болезнью сердца, Тотлебен «вышел» из Инженерного училища, не пройдя в нем полного курса обучения.

Стр. 35. *Кауфмана я помню в офицерских классах.* — Подразумевается, по-видимому, Константин Петрович Кауфман (1818—1882), кончивший Инженерное училище одновременно с Достоевским или несколько раньше. С 1844 г. Кауфман служил на Кавказе, с 1867 г. командовал войсками Туркестанского военного округа, в 1874 г. получил чин инженер-генерала, а в 1875 г. покорил Кокандское ханство в Средней Азии.

Стр. 35. *С младшим Кауфманом я был в одно время еще в кондукторских.* — Возможно, это генерал-интендант фон Кауфман, о котором упоминала газета «Новое время» (1877, 22 сентября (4 октября), № 563, отдел «Телеграммы»). Кондукторами в инженерных частях назывались унтер-офицеры. Кондуктора в Инженерном училище — слушатели первых классов (или курсов), еще не произведенные в офицеры.

Стр. 35. *Радецкий* Федор Федорович (1820—1890) — генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

О выпускниках Инженерного училища, в особенности о Тотлебене и Радецком, Достоевский вспоминает в связи с возрастающим значением инженерного искусства в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; в связи с непривычной тактикой турецкой пехоты, умело использовавшей «шанцевый инструмент», временные полевые укрепления и современное ручное огнестрельное оружие (см. ниже), а также под впечатлением известий о них с театра военных действий, Так, через три дня после форсирования Дуная газета «Новое время» (1877, 18 (30) июня, № 467) писала: «Командир 8-го корпуса, который так блистательно исполнил трудную и важную задачу переправы через Дунай под Систовом, генерал-лейтенант Федор Федорович Радецкий принадлежит к числу самых образованных и вместе с тем боевых наших генералов. ‹. . .› Теорию военного искусства Федор Федорович изучил в инженерной академии и в академии генерального штаба, а практике военного дела научила его продолжительная боевая жизнь на Кавказе, куда он был переведен немного спустя после своего выпуска из инженерной академии (1841)». Упомянутая здесь инженерная академия — бывшее Главное инженерное училище, в котором учился и Достоевский (см.: *МВед*, 1877, 19 июня, № 151).

Радецкий с частями своего корпуса в течение нескольких месяцев в очень трудных условиях оборонял Шипкинский перевал через Балканы. Через месяц после падения Плевны, когда русская армия особенно нуждалась в выходе на оперативный простор, Радецкий атаковал позиции турок на Шипке с фронта и с тыла, и 28 декабря 1877 г. вся турецкая армия, блокировавшая Шипку, была взята им в плен.

Стр. 35. . . .*Петрушевский* Михаил Фомич (1832—1893) — генерал-майор. 28 декабря 1877 г. командовал под Шипкой войсками, атаковавшими турецкую армию Весселя-паши с фронта (см. предыдущее примеч.). Упоминание Достоевского об окончании Петрушевским Инженерного училища неверно. Петрушевский учился в Кадетском корпусе и окончил николаевскую академию генерального штаба. Одна из газет, которую мог держать в руках Достоевский, сообщала: «В „Русск‹ом› мире“ приводят следующие сведения о личности М. Ф. Петрушевского ‹. . .› в 1850 году был выпущен из 1 кадетского корпуса прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. . .» («Современные известия», 1877, 27 июня, № 174). За переправу у Систова Петрушевский так же, как Иолшин (см. следующее примеч.), был награжден Георгием 4-й степени (*НВр*, 1877, 4 (16) июля, № 483).

Стр. 35. . . .*Иолшин*. . . — Быть может, Иолшин Михаил Александрович (1830—1883) о котором упоминала газета «Голос» (1877, 22 июня (4 июля), № 131): «Командир первой бригады 14 пехотной дивизии, первою перешедшей Дунай, 15-го июня у Систова, генерал-майор Иолшин ‹. . .› удостоился получить орден св. Георгия 4-й степени». Биографические сведения об Иолшине, помещенные в русских газетах за 1877 г., противоречат тому, что говорит здесь о нем Достоевский как о курсанте Главного инженерного училища. Ссылаясь на «Русский мир», газета «Современные известия» (1877, 28 июня, № 174) сообщала: «. . .Михаил Александрович Иолшин ‹. . .› в 1848 году, из унтер-офицеров 2-го кадетского корпуса, был выпущен прапорщиком в Гренадерский короля Фридриха Вильгельма III (ныне Петербургский гренадерский того же имени) полк. . .».

Стр. 36. . . .*живописец Трутовский*. — Друг Достоевского Константин Александрович Трутовский (1826—1893). Окончил Инженерное училище в 1845 г. Вышел в отставку после 1849 г. Автор портрета Достоевского, выполненного карандашом (1847).

Стр. 36. *А такие ли условия мира предложили бы они нам, если бы удалось им взять Севастополь через два месяца!* — Согласно Парижскому трактату 1856 г. Россия лишалась права иметь военный флот на Черном море. Однако противники России рассчитывали еще на большее: «Среди союзников-победителей обнаружились серьезные разногласия. Англия требовала отторжения от России Кавказа и других земель, а также запрещения России иметь флот не только на Черном, но и на Балтийском море. Австрия претендовала на Молдавию, Валахию и на южную часть Бессарабии. Однако Франция считала невыгодным такое ослабление России, поскольку в этом случае

позиции Англии и Австрии на Ближнем Востоке и особенно на Балканах резко усиливались в ущерб интересам Франции» (*Всемирная история*, т. VI, стр. 484—485).

Стр. 37. *У нас под Бородином были воздвигнуты редуты...* — По-видимому, Достоевский имеет в виду Шевардинский редут и Багратионовы и Семеновские флеши. Редут (от франц. redoute) — круглое или квадратное земляное укрепление. Флеши (от франц. flèche — стрела) — полевые укрепления в форме тупого угла.

Стр. 37. *...потребовала от нас двойных, тройных усилий, чем предполагалось вначале, и которая до сих пор еще не взята.* — 17 июля 1877 г., за день до штурма Плевны, русские штурмовые войска насчитывали 32 тысячи человек при 176 орудиях. К 24 августа 1877 г., перед многодневной бомбардировкой Плевны, предшествовавшей новому штурму, 30 августа 1877 г., численность штурмующих русско-румынских войск доходила до 96 тысяч человек при 426 орудиях.

Стр. 37. *...при таком беззаветном натиске, как 30-го августа...* — 30 августа 1877 г., во время очередного героического, но неудачного штурма Плевны, русские войска потеряли около 16 тысяч человек убитыми и ранеными.

Стр. 37. *Теперь же, после двух неудавшихся штурмов, оказалось необходимым увеличить нашу армию вдвое, и это ∽ только первый шаг...* — Двум неудачным штурмам Плевны (18 июля и 30 августа 1877 г.) предшествовали также неудачные атаки этой крепости 8 июля 1877 г. с севера и востока, во время которых русские потеряли около 3000 человек. Уже после первого штурма (18 июля 1877 г.) была объявлена мобилизация гвардейского и гренадерского корпусов общей численностью до 160 тысяч человек. Эти войска стали подходить к Плевне во второй половине сентября 1877 г., то есть почти через месяц после второго ее штурма. Таким образом, армию, штурмующую Плевну, предполагалось увеличить не вдвое, а даже втрое (перед вторым штурмом у русских было 96 тысяч солдат и офицеров).

Стр. 37. *В чем же дело? Уж конечно, в теперешнем ружье. Турок, закрывшись наскоро набросанною насыпью...* — Это ружье Достоевский вслед за большинством корреспондентов, солдат и офицеров, называет ружьем Пибоди. Но нередко его называли ружьем Пибоди—Мартини (*НВр*, 1877, 30 сентября (12 октября), № 571), Генри—Мартини («Современные известия», 1877, 22 августа, № 230, заметка «Исполнение турецкого заказа американскими ружейными заводами») и даже просто Мартини (*МВед*, 1877, 21 октября, № 261). Помимо прочих достоинств (дальнобойность и сила поражения) у ружья Пибоди был автоматически безотказный откидной затвор, что значительно повышало скорость стрельбы.

Подчеркивая важное значение в системе турецкой обороны ружья Пибоди и временных «полевых укреплений», т. е. чего-то вроде индивидуальных окопов, Достоевский широко учитывал свидетельства наблюдателей военных действий. Так, в корреспонденции «Daily News», процитированной газетой «Новое время» (1877, 24 сентября (6 октября), № 565, очерк «Доставка подкреплений и провианта в Плевну»), говорилось о том, что успеху последнего штурма Плевны «мешал огонь турецких ружей», «что ружейные пули Пибоди и Уинчестера произвели страшные опустошения в рядах русской пехоты в роковой день 30 августа (11 сентября)». В той же корреспонденции утверждалось, что при таких условиях успех атаки Плевны возможен только в том случае, «если землекопные работы велись как следует», если русские огнем «своих стрелков из траншей» способны «заставить замолчать пальбу турок». Несколько ранее Достоевский мог прочесть в газете «Новое время» следующий пересказ «соображений» «С.-Петербургских ведомостей» о тактике турок в осажденной Плевне: «Турки оставили город гореть от наших бомб, а сами вышли на окружающие высоты и окопались и, таким образом, импровизировали укрепленную позицию, которой суждено играть роль турецкого Севастополя ‹...› применяясь к новым, дальнего боя, орудиям и ружьям, турки держатся постоянно рассыпного строя, через что убыль их войск значительно ослабляется, тогда как у нас тактика не изменила содержания резервов, за

цепью стрелков, густыми колоннами» (*НВр*, 1877, 12 (24) сентября, № 553, отдел «Среди газет и журналов»). Сильное впечатление на Достоевского — бывшего военного инженера должно было произвести описание боя за Гривицкий редут под Плевной: «Когда наши кинулись на ура, турки открыли такой убийственный огонь, что ничего подобного солдаты не запомнят. Точно через огненный дождь, падавший не сверху, а горизонтально, приходилось бежать. Пули пронизывали ряды, щелкали тут же, свистали массами ‹...› позади, в этих ложементах оказывались незаметные сначала помещения для стрелков, вырытые в земле как норы. Из этих нор открывался убийственный огонь прямо в тыл нам» (там же, 21 сентября (3 октября), № 562). И далее: «У наружных рвов оказалась пропасть ям, вроде лисьих западней, там сидели турки. Выйти им нельзя было оттуда, зато они открыли огонь по приближавшимся к ним солдатам, так что жизнь каждого неприятеля, сидевшего в такой западне, обходилась нам в несколько своих. . . В турецком редуте оказалось множество брошенных ружей Пибоди и патронов к ним‹. . .›. В то время как наш солдат постоянно слышит приказание: „Не стреляй, береги патроны!" — туркам выдается — по 300 патронов на день ‹. . .› и к вечеру он добросовестно их расстреливает».

Взяв Гривицкий редут, русские увидели, что «скаты холмов» перед следующими турецкими редутами и батареями «изрыты, точно на них наложена крайне перепутанная черная сеть». Пораженный этой картиной корреспондент «Нового времени» писал: «Глаз теряется в изгибах, зигзагах, лабиринтах этой сети, оказывающейся в бинокль целою системой траншей, ложементов, ретраншементов, западней. Мне это казалось верхом инженерного искусства по отношению к обороне. Взять эту позицию теперь ‹. . .› почти невозможно, а ‹. . .› вся Плевна кругом укреплена точно так же. . .» (там же, 24 сентября (6 октября), № 565, очерк «С армией. Турецкие позиции и Гривицкий редут». Подписан псевдонимом «Шесть»).

Стр. 37. . . .*не дойдя еще и до гласиса*. . . — Гласис (от франц. glacis) — земляная пологая (в сторону противника) насыпь впереди наружного рва укрепления. Случаи, когда русские штурмующие колонны, поражаемые шквальным ружейным огнем, не доходили даже и до гласиса турецких укреплений, действительно имели место и с горечью упоминались русскими газетами.

Стр. 38. . . .*с помощию Тотлебена, приступить к инженерным работам*. . . — Герой обороны Севастополя, военный инженер Э. И. Тотлебен (1818—1884), прибыл в штаб-квартиру русской армии на Балканах около 17 сентября ст. ст. 1877 г. Высказавшись против нового штурма Плевны, Тотлебен принял руководство русско-румынскими осадными инженерными работами по взятию этой крепости. Однако вскоре Плевна была наглухо блокирована русскими войсками, и необходимость в таких работах отпала. Страдая от недостатка продовольствия и боеприпасов, в ночь с 27 на 28 ноября ст. ст. 1877 г. весь турецкий гарнизон предпринял вылазку с целью вырваться из кольца русских войск. Вылазка не имела успеха, и турки (около 40 000 чел.) во главе со своим командующим Османом-пашой сложили оружие.

В начале 1878 г. Тотлебен был назначен главнокомандующим русской армией на Балканах.

Стр. 38. . . .*Плевна уже сослужила свое дело врагу нашему, остановила первоначальное победоносное шествие русских*. . . — Плевна имела важное стратегическое значение, так как в ней пересекалось несколько больших дорог. Кроме того, оставленная не взятой, эта крепость и ее гарнизон угрожали бы постоянно коммуникациям в тылу русской армии. В связи с этим газета «Новое время» писала еще в июле 1877 г. (15 (27) июля, № 494): «. . .долее терпеть присутствие значительных неприятельских сил на нашем левом фланге, в 65 верстах от Систова и в 85 от Белы и Тырнова, положительно невозможно».

Стр. 38. . . .*шанцевый инструмент*. . . — Инструмент, необходимый для производства земляных работ в военное время (от нем. Schanz — земляной окоп). Русская армия под Плевной располагала этим инструментом в ограниченном количестве. Один из корреспондентов «Нового времени» писал по этому поводу: «При бедности шанцевого инструмента (150 лопат и 45 кирок

на полк) войска наши не скоро устроили себе прикрытие с этой открытой стороны (с тыловой стороны взятого турецкого редута, — *Ред.*): горстями, пальцами скребли они землю, лишь бы насыпать поскорее вал» (*НВр*, 1877, 22 сентября (4 октября), № 563).

С т р. 40. *. . .только и ожили теперь, когда прибыли к нашему войску берданки, а пустили войско вначале с другим ружьем, медленным и недальнобойным.* — К началу русско-турецкой войны 1877 г. почти половина русской армии была вооружена сравнительно устаревшей однозарядной винтовкой системы Крнка, скорость стрельбы из которой достигала в лучшем случае 9 выстрелов в минуту. Из ружья системы Х. Бердана можно было произвести до 16—18 выстрелов в минуту. После неудачного штурма Плевны 30 августа 1877 г. на помощь русской балканской армии была направлена русская гвардия, вооруженная именно берданками. В связи с этим Суворин писал в очерке «Отрывки» (*НВр*, 1877, 20 сентября (1 октября), № 561): «. . .появление гвардии, вооруженной берданками, которые, по отзыву всех, если не превосходят турецкие ружья, то не уступают им нимало ‹. . .› должно перетянуть успех на нашу сторону».

Усовершенствованная конструкция берданки, разработанная русским военным инженером А. П. Горловым, получившая название «русской винтовки», была принята на частичное вооружение русских войск в 1868—1869 г.

С т р. 40. *. . .(у французов было еще лучше ружье, чем у немцев, и немцы принуждены были его принять ∾ в самый момент войны). . .* — Речь идет о скорострельном французском ружье системы Шаспо, изобретенном французским рабочим Шаспо в 1866 г. Немцы начали франко-прусскую войну 1870 г. с худшим ружьем системы Дрейзе, но этот недостаток в их вооружениях компенсировался превосходством их артиллерии, прекрасной выучкой войск и талантливостью генерального штаба.

С т р. 40—41. *. . .французская армия ∾ была страшно изумлена и подавлена нравственно тем, что вместо перехода через Рейн и вторжения в Германию она принуждена защищать свою территорию у себя дома.* — Прибыв в крепость Мец 28 июня 1870 г., Наполеон III застал там только 100 000 солдат, не обеспеченных снаряжением, боеприпасами и провиантом. Между тем мобилизация армии «протекала крайне беспорядочно». При таких условиях нечего было и мечтать о наступлении. Французское командование и армия с самого начала войны были обречены на пассивное выжидание событий (см.: *Всемирная история*, т. VI, стр. 594). О бездарной и преступной неподготовленности главарей империи Наполеона III к войне с Пруссией см. также в романе Э. Золя «Разгром» (1892).

С т р. 41. *Произошло несколько сражений, в которых победили немцы.* — Очевидно, подразумеваются первые серьезные сражения, проигранные французами: 4 августа 1870 г. при Виссамбуре (Эльзас) и 6 августа 1870 г. при Верте и при Форбаке (Лотарингия) (*Всемирная история*, т. VI, стр. 596).

С т р. 41. *Он всё рвался грудью вперед и до самого Седана не хотел верить, что он побежден.* — По приказанию Наполеона III крепость Седан сдали в первый день ее осады (1 сентября 1870 г.), не исчерпав всех возможностей ее обороны. До этого три поражения потерпела Рейнская армия французов (14, 16 и 18 августа 1870 г.) и два поражения Шалонская французская армия под командой Мак-Магона (около 28 августа и 30 августа 1870 г., см.: *Всемирная история*, т. VI, стр. 597—599).

С т р. 41. *Осталась защита Парижа с сумасшедшим Трошю.* — Осада Парижа длилась с 19 сентября 1870 г. до 28 января 1871 г. Гарнизоном Парижа, состоявшим по преимуществу из необученной и плохо вооруженной национальной гвардии, командовал генерал Трошю Луи Жюль (1815—1896), занимавший в то же время и пост главы республиканского правительства, сформированного 4 сентября 1870 г. Уже 4 сентября 1870 г. попытку отстоять Париж Трошю назвал «чистейшим безумием». Тем не менее в течение следующих месяцев он неоднократно посылал вверенные ему неподготовленные войска на вылазки против регулярной армии немцев. Благодаря этим действиям, за которые национальная гвардия расплачивалась большой кровью, генерал

Трошю и снискал репутацию «сумасшедшего» полководца (см.: *Всемирная история*, т. VI, стр. 603).

Стр. 41. *Гамбетта вылетел из Парижа на воздушном шаре, descendit du ciel (сошел с неба) в одном департаменте (как пишет об нем один историк), объявил диктатуру и начал набирать новые армии.* — Об этом см.: наст. изд., т. XXIV, стр. 282, 495.

Стр. 42. *Турки слишком давно уже не нападают на Европу сами и привыкли именно к защите.* — Последней крупной угрозой турок Европе была осада Вены (с 24 июля по 12 сентября 1683 г.), из-под стен которой они были прогнаны войсками польского короля Яна Собесского (1624—1696). В 1684 г. образовалась антитурецкая коалиция Австрии, Польши и Венеции (к которой позднее примкнула и Россия). Война этой коалиции против Оттоманской империи была долгой, но успешной. Это была первая большая война турок на европейской территории, в течение которой им пришлось не нападать, а защищаться.

Стр. 42. *. . .ружье Пибоди дает десять, двенадцать выстрелов в минуту, ну и должны были понять, что с таким ружьем, сидя за укреплением, турок побьет атакующую колонну до последнего человека».* — Анализируя причины неудач под Плевной, русская печать отмечала: «. . .а особенно же легко можно было заблуждаться, не приняв во внимание того, что при нынешнем чрезвычайном усовершенствовании всякого рода оружия, коим нейтральная Англия завалила всю Турцию, даже новобранцы могут отбивать из-за укреплений первые в мире по храбрости отряды, нанося им жестокие потери» (*Гр*, 1877, 13 октября, № 23—24, анонимная статья «После молчания»).

Стр. 42—43. *Один французский военный историк горько упрекает Наполеона I ∾ решился, однако же, сам напасть на врагов, то есть на внешнюю войну, а не на внутреннюю.* — Имеются в виду утверждения полковника Ж.-Б. А. Шарраса о выгодности оборонительного плана ведения войны против антинаполеоновской коалиции, содержащиеся в его известной книге «История кампании 1815 года. Ватерлоо» (Histoire de la campagne de 1815. Waterloo. Par le colonel Charras. 4-e édition. Bruxelles, 1863, p. 52—59). Четвертое издание этой книги имелось в библиотеке Достоевского (см.: Л. П. Десяткина, Г. М. Фридлендер. Библиотека Достоевского (новые материалы). — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 267).

Стр. 43. *Вся ошибка Наполеона состояла, говорит этот историк, в том ∾ что немецкий солдат совершенно равнялся французскому.* — Ж.- Б. А. Шаррас отмечал: «Наполеон основывал свои расчеты, как говорил он сам, на том, что следует оценивать силы обеих противных сторон не по одному лишь численному соотношению; он считал одного француза равным одному англичанину, но двум пруссакам, бельгийцам, голландцам, солдатам Германского союза. ‹. . .› Наполеон ошибался: два пруссака стоили более одного француза» (Histoire de la campagne de 1815. Waterloo. Bruxelles, 1863, p. 81—85).

Стр. 43. *. . .турки дали же нам в начале войны перейти за Дунай и явиться за Балканами ∾ и о значении своего ружья Пибоди.* — Русские форсировали Дунай 12 и 15 июня 1877 г. в неожиданных для турок местах и потому встретили слабое сопротивление. К началу июля ст. ст. 1877 г. русские взяли на Дунае и в его районе города и крепости: Систов, Браилово, Галац, Казанлык, Габрово, Ловчу, Белу, Никополь, Черноводы и др. См.: *НВр*, 1877, 5 (17) июля, № 484; 9 (21) июля, № 488; 10 (22) июля, № 489. Кроме того, были взяты перевалы через Балканы: Шипкинский и Демир-Кап (Железные ворота).

Стр. 43. *. . .может явиться у турок прежний упадок духа, забудут и об Адрианополе и об Софии, шанцевый инструмент побросают, убегая перед русским натиском без оглядки. . .* — Предположения Достоевского оправдались. После падения Плевны 28 ноября (10 декабря) 1877 г. и пленения армии Весселя-паши, блокировавшей русские войска на Шипкинском перевале, серьезное сопротивление турок по существу прекратилось. Гарнизон Османа-паши, осажденный в Плевне, рассчитывал на Софию и Адрианополь как на базы снабжения оружием и продовольствием. Однако, по сообщениям

с театра военных действий, между 8 и 17 октября «генерал Гурко успел уже занять дорогу из Плевны в Орханке и тем прекратить всякие подвозы к армии Осман-паши, из чего можно заключить, что если Осман-паша телеграфировал 9 октября в Адрианополь, чтоб ему выслали новый транспорт с провиантом, то это требование *уже не могло быть исполнено* <...> 16 октября <...> окончательно была сомкнута блокадная линия <...> Итак, с 16 (14) <sic!> октября надо считать Осман-пашу совершенно отрезанным и от Софии, и от Виддина» (*МВед*, 1877, 19 октября, № 259). Расчеты турок на Адрианополь как на пункт, который их армия могла бы защищать так же успешно и долго, как Плевну, западноевропейская печать всерьез не принимала. По мнению австрийского корреспондента, процитированному «Новым временем» (1877, 3 (15) октября, № 574, отдел «Последние известия»), русским достаточно было разбить одну из турецких армий, чтобы «под Адрианополем» не встретить «препятствий, достойных этого имени». Еще в июле 1877 г. Адрианополь фигурировал в прогнозах некоторых дипломатов, «уверявших, что стоит русским войскам только показаться перед стенами этого города, как Турция во что бы то ни стало будет искать мира» (*Г*, 1877, 29 июля (10 августа), № 168).

Стр. 43. ...*силу крепостных верков*... — Верки (от нем. Werk) — строения, укрепления; общее название различных оборонительных построек в крепостях.

Стр. 44. *Теперь там Тотлебен*... — Газеты пестрели сообщениями о прибытии Тотлебена на театр военных действий. См.: *НВр*, 1877, 15 (27) сентября, № 556; 19 (31) сентября, № 560; 28 сентября (10 октября), № 569; *МВед*, 1877, 19 октября, № 259.

Стр. 44. *В Азии кончилось большой победой.* — Подразумевается разгром турецкой армии Мухтара-паши при Авлиаре (под Карсом) в октябре 1877 г.

Стр. 44. *Балканская же армия наша многочисленна и великолепна*... — По свидетельству газеты «Голос» (1877, 13 (25) июня), № 122), общее количество русских войск к началу переправы через Дунай превышало цифру 200 000. Несколько позднее газета «Новое время» (1877, 11 (23) августа, № 521, фельетон «Более или менее военные очерки») утверждала, что «на театре войны 400 тысяч человек». В сентябре—октябре 1877 г. на Балканский театр военных действий прибыли целиком (или значительная их часть) русские резервы — прекрасно вооруженная гвардия и гренадеры (160 000 человек).

Стр. 44. *«Со станции Бирзулы пишут в „Одесский вестник", что 3-го октября* ∞ (*«Моск. ведомости», № 251*)». — Цитата приведена Достоевским из *МВед*, 1877, 11 октября, № 251.

Стр. 45. *Все русские газеты толковали недавно (и до сих пор толкуют) о самоубийстве генерала Гартунга, в Москве, во время заседания окружного суда*... — Происходивший в московском Окружном суде процесс по обвинению генерал-майора Леонида Николаевича Гартунга, мужа дочери А. С. Пушкина Марии (1834—1877), и некоторых других лиц в похищении денежных документов (векселей и т. п.) длился семь дней (с 7 по 13 октября 1877 г.). Подробные отчеты о нем печатались в газете «Московские ведомости» с 8 по 14 октября 1877 г. (см. №№ 248—254). Гартунг, который не был лично виновен в похищении, застрелился 13 октября 1877 г., в последний день заседания суда. Об откликах прессы на этот процесс и его неожиданно трагический финал см. ниже, стр. 377, 378. См. подробнее: В. Кирпотин. Мир Достоевского. М., 1983, стр. 345—349.

Стр. 45. ...*дисконтер*... — человек, занимающийся учетом векселей (от англ. discounter).

Стр. 45. *Прокурор даже рад суду и тому, что генерал сидит рядом с простолюдином* ∞ *торжество равенства перед законом сильных и высших с малыми и ничтожными.* — «Рядом» с генералом Гартунгом и сыном министра графом Степаном Сергеевичем Ланским (род. до 1862) на скамье подсудимых сидел слуга ростовщика и «дисконтера» В. К. Занфтлебена (около 1811—1876)

крестьянин Егор Мышаков. В связи с этим товарищ прокурора Николай Валерианович Муравьев (1850 — ?) в своей обвинительной речи на судебном заседании 10 октября 1877 г. сказал, что в настоящем судебном процессе кроме «печальной стороны» есть «другая, утешительная». «Эту последнюю, — продолжал прокурор-фразер, не увидит разве тот, кто не хочет или не может понимать смысла явлений общественной жизни. В самом факте, в самой возможности появления *генерала* Гартунга, *графа* Ланского и их спутников на скамье подсудимых нельзя не видеть некоторой, так сказать, *предварительной* победы правосудия. Ни знатность происхождения, ни высокое общественное и служебное положение, ни связанные с тем и другим влияния и связи — ничто не помешало действиям безличного и бесстрастного закона. Равный для всех, допускающий могущество и торжество только одной справедливости, он призвал подсудимых к ответу» (*МВед*, 1877, 12 октября, № 252).

С т р. 45. *Суд удаляется составить приговор* ∾ *затем вдруг раздался выстрел. . .* — Эти и следующие строки комментируются отчетом «Московских ведомостей» о судебном заседании 13 октября 1877 г.: «Едва удалился суд для совещания о применении наказания к осужденным присяжными ‹. . .› как из комнаты подсудимых раздался выстрел. То был удар, коим генерал-майор Гартунг кончил свои счеты с земною жизнью. Пуля попала прямо в сердце, и через 1/4 ч. Гартунга уже не стало» (*МВед*, 1877, 14 октября, № 254).

С т р. 45—46. *Говорят, и судьи и прокурор вышли из своих комнат совсем бледные.* — «Московские ведомости» писали (1877, 14 октября, № 254): «Когда прошли первые минуты всеобщего смятения, в залу заседания вошли бледные, как мертвые, судьи, и председавший объявил, что суд отлагает объявление резолюции до завтрашнего дня».

С т р. 46. *Другие справедливо заметили* ∾ *что произошла плачевная судебная ошибка.* — Под «другими» органами печати подразумеваются газеты «Московские ведомости» и «Новое время». Первая из них писала: «Но если бы выясненные на суде факты и набрасывали некоторую тень сомнения на образ действий Гартунга, то смерть, на которую он обрек себя немедленно по выслушании приговора, дает основание к обратному умозаключению о действительной его виновности. Смерть служит роковою, но сильною „уликою“ в его пользу. . . *Так* не умирают люди, нравственно павшие и равнодушные в вопросах чести. . .» (*МВед*, 1877, 15 октября, № 255). За день до этого в отделе «Судебная хроника» этой же газеты высказывалось предположение, что «трагический исход дела» предрешен, «быть может, роковою судебною ошибкой». Газета «Новое время» (1877, 16 (28) октября, № 587, фельетон А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки») писала: «Кто виноват в этом самоубийстве? Судебная ошибка, ошибка возможная, не невероятная‹. . .› Или Гартунг принес себя в жертву искупления за собственные ошибки, за совершенное преступление, если не верить его предсмертным словам. Но вправе ли мы не верить этим словам, произносимым человеком сознательно в решительную минуту разлуки с жизнью? Не думаю».

С т р. 46. *Я накануне как раз говорил с одним из наших тонких юристов и знатоков русской жизни* ∾ *у нас один и тот же вывод. . .* — Возможно, речь идет о знаменитом юристе А. Ф. Кони, авторе интересных воспоминаний и статей о русских писателях (Достоевском, Тургеневе, Некрасове, Толстом, Писемском, Островском и др. — см.: *Кони*, т. VI).

С т р. 46. *На другой день, в фельетоне Незнакомца, я прочел очень многое весьма похожее на то, об чем мы только что говорили накануне.* — Подразумевается следующий отрывок из фельетона «Недельные очерки и картинки», в основном перекликающийся с анализом поведения генерала Гартунга как в этом, так и во втором параграфе настоящей главы «Дневника писателя»: «Мне кажется, что Гартунг говорил правду; он не мог признать себя виновным в том преступлении, в каком его обвинили. Но прав ли он? Это другой вопрос. Можно сказать только, что в этом процессе и его исходе виноваты все — и никто не виноват; этот процесс один из тех несчастных случаев, в которых так ярко выступает наша всероссийская слабость не отличать

своего от чужого, наше халатное отношение к делу, наша непривычка к какой бы то ни было законности. То, что сделал Гартунг, делается чуть не ежедневно, почти на глазах у всех, и никто не обращает на это внимание ‹. . .› И делают это очень честные люди, не подозревая даже, что они крадут ‹. . .› Нет сомнения, что Гартунг поступил неправильно, распорядившись с документами, бумагами и вещами Занфтлебена слишком уж просто: взял да и увез. Но весьма быть может, что он сделал это без злого умысла, без намерения что-либо украсть. Видимо, даже впоследствии, когда уже началось дело, он не понимал его значения‹. . .› Только на скамье подсудимых он понял о грозящей ему опасности. Спасаясь от бесчестья, от клейма вора и мошенника, он лишил себя жизни и пал жертвой разногласия строгого закона с распущенностью нашей жизни» (*НВр*, 1877, 16 (28) октября, № 587).

В данном случае фельетон «Недельные очерки и картинки» не был подписан, но Достоевский, без тени сомнения, считал его принадлежащим перу «Незнакомца». Дело в том, что почти все фельетоны под таким названием, печатавшиеся в «Новом времени», подписывались этим псевдонимом А. С. Суворина.

С т р. 54. . . .*учреждение гласного присяжного суда всё же ведь не русское, а скопированное с иностранного.* — Гласный суд с присяжными был введен в России судебной реформой 1864 г.

Новые судебные уставы — самая последовательная из буржуазно-демократических реформ 1860-х годов. Этим обстоятельством и объясняются резкие нападки на гласный суд консервативной прессы и требования судебной контрреформы в 1870—1880-х годах. См. об этом в книге: В. А. Т в а р д о в с к а я. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978, стр. 141—148, 243—252.

С т р. 54. *Недавно «Московские ведомости», № 262-й, сделали в своей передовой статье следующее замечание. . .* — Далее Достоевский цитирует передовую статью «Москва, 21 октября» (*МВед*, 1877, 22 октября, № 262).

С т р. 55. *«Новое время» заметило по этому поводу на другой же день ∾ что «Правительственный вестник» разумел, может быть, просто какую-нибудь болтовню в публике, вовсе не имеющую такого значения.* — «Новое время» писало по этому поводу не «на другой день», а через три дня, в отделе «Среди газет и журналов»: «„Моск‹овским› ведомостям" грезится Россия, опутанная сетью коварных интриг ‹. . .› Нам кажется, что или „Моск‹овские ведомости›" поторопились сделать свои выводы, или их корреспондент слишком поусердствовал. Опровержение нашей официальной газеты касалось вздорных слухов, естественно возникающих вдали от театра военных действий при недостатке точных сведений, а вовсе не приписывало этих слухов какой-либо вредной партии» (*НВр*, 1877, 25 октября (6 ноября), № 596). Приводим наиболее существенные выдержки из сообщения «Правительственного вестника», различно истолкованные «Московскими ведомостями» и «Новым временем»: «В последнее время в здешней столице нередко начали распространяться неверные сведения и слухи о ходе дел на театре военных действий ‹. . .› К сожалению ‹. . .› напряженное внимание и весьма естественное желание следить за всем происходящим в районе действий наших войск лишает многих возможности относиться к распускаемым ложным и большею частью тревожным слухам с надлежащею осторожностью и тем недоверием, которого слухи эти ‹. . .› заслуживают. Самым осязательным и наглядным подтверждением всему вышеизложенному может служить настойчиво и быстро распространившийся на днях слух о том, что турки, атаковав превосходными силами отряд генерал-адъютанта Гурко, завладели вновь важными позициями у Горного Дубняка ‹. . .› Слух этот ‹. . .› был распускаем по городу именно в то время, когда часть отряда генерала Гурко победоносно выполняла возложенную на нее обязанность, занимая важный в стратегическом отношении укрепленный пункт у Телиша. Равным образом все распускаемые сведения и слухи, почерпнутые из телеграфических известий или корреспонденций некоторой части заграничной прессы, не заслуживают никакого доверия» (*ПВ*, 1877, 19 (31) октября, № 230).

С т р. 55. *Теперь уже не май месяц; теперь уже все знают и пишут*

о клерикальном всемирном заговоре. . . — Из новых сообщений о происках клерикалов в Западной Европе, и в частности во Франции, едва ли могли не привлечь внимания Достоевского следующие: «С каждым днем все более и более выясняется, что империя под знаменем папы составляет цель деятелей Елисейского дворца, держащих в руках нити официозного движения» (*НВр*, 1877, 30 сентября (12 октября), № 571). И еще: «Корреспондент „Кел‹ьнской› газ‹еты›" пишет из Парижа 26 сентября (8 октября). Почти все французские епископы обращаются к своей пастве с избирательными посланиями, и не подлежит сомнению, что клерикальное движение в пользу официальных кандидатов ведется по особому плану, утвержденному в Риме» (там же, 3 (15) октября, № 574).

Стр. 55. *. . .даже самые либеральные из наших газет согласились, что заговор этот имеет свою силу.* — Достоевский имеет в виду газету «Голос», одну из статей которой цитирует и комментирует ниже.

Стр. 55. *Вот еще выписка, но уже из «Нового времени», № 587. «Новое время» в отделе своем «Среди газет и журналов» цитует мнение «Голоса». . .* — «Выписка» эта заимствована Достоевским из газеты «Новое время», 1877, 16 (28) октября, № 587.

Стр. 56. *Уж одно известие о кандидатуре Ледоховского, несомненно польского происхождения. . .* — Это известие, появившееся в одном из польских журналов (или газет) и повторенное «Голосом» (около 16 (28) октября, № 247). О Ледоховском см. ниже, примеч. к словам: «. . .в состоянии бы был так шлепнуться избранием. . .».

Стр. 56. *. . .римский конклав, наполненный такими тонкими умами. . .* — Достоевский отождествляет с конклавом коллегию римских кардиналов. Конклав в более точном значении этого слова (от лат. conclave — запертый зал) — собрание кардиналов католической церкви, созываемое для избрания нового папы обычно на «одиннадцатый день после кончины папы» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 421). Впрочем, в 1877 г. коллегия кардиналов, с согласия самого папы, собиралась нарушить этот обычай. «Ватикан, — сообщали «Московские ведомости», — воспользовался пребыванием в Риме монсеньера Гибера (архиепископа парижского; см.: *Г*, 1877, 30 мая (11 июня), № 108, — *Ред.*), чтобы устроить несколько кардинальских собраний, на которых обсуждались самые важные интересы римской церкви. Говорят, что на этих собраниях установилось соглашение относительно мер, которые следует принять на случай упразднения папского престола. Новый папа должен быть избран как можно скорее. ‹. . .› Таково мнение самого Пия IX. Что касается будущего конклава, то по этому поводу обсуждался вопрос, где будет удобнее собрать его, в Риме или в чужих краях. В этом последнем случае Ницца была предложена как самое удобное место для означенной церемонии. Самым серьезным кандидатом на папский престол считают вообще кардинала Каноссу, епископа Веронского ‹. . .› Кардинал Каносса пользуется расположением значительного числа своих товарищей, в особенности иезуитов» (*МВед*, 1877, 28 июня, № 160).

Согласно закону, коллегия кардиналов насчитывала 70 человек, из них не менее 25 человек — не итальянского происхождения (см.: там же, 21 июня, № 153, отдел «Последняя почта»). Как видно из процитированного отрывка, весьма значительную прослойку в коллегии составляли кардиналы-иезуиты. По всей вероятности, этим объясняется, быть может, ироническое замечание Достоевского о «тонких умах», наполняющих «конклав». Достоевский едва ли мог знать поименно всех членов коллегии кардиналов, но газеты упоминали по временам о наиболее влиятельных из них, а также о тех, кто удостаивался этого звания. Таковы (кроме упомянутых выше Гибера и Каноссы): «кардинал Франки, имеющий надзор за иностранными миссиями во всех странах света» (там же, 14 июня, № 146); кардиналы князь Гоэнлое и Берарди (там же, 11 июля, № 172; *НВр*, 1877, 18 (30) сентября, № 559); кардинал Симеоне, «новый статс-секретарь умирающего папы» (там же, 15 (27) мая, № 434, «Ежедневное обозрение»); «князь-архиепископ венский Кучкер, архиепископ загребский Михайлович и епископ болонский Пароки», возведенные в звание кардиналов в июне 1877 г. (*МВед*, 1877, 17 июня, № 149, отдел

«Последняя почта»). Через несколько дней та же газета сообщила о вручении «кардинальских беретов» кардиналам Нашимеито, Бенавидесу, Пайа, Дешану и Каверо (там же, 21 июня, № 153, отдел «Последняя почта»).

Стр. 56. *. . .в состоянии бы был так шлепнуться избранием Ледоховского ∾ а не римского и всемирного владычества пап.* — С 1865 г. граф Мечислав-Галька Ледоховский (1822—1902) был архиепископом познанским. На Ватиканском соборе 1870 г. выступал ревностным защитником догмата непогрешимости папы. В ноябре 1870 г. ездил в Версаль, чтобы расположить Вильгельма I в пользу восстановления светской власти папы. В 1873 г. Пий IX назначил Ледоховского польским примасом, в 1875 г. — кардиналом.

На действия Ледоховского, утверждавшего, что его цель — «восстановление ойчизны» ‹отчизны, родины (*польск.*)›, русская печать указывала еще в начале лета 1877 г.: «3-го (15-го) июня в Познани сделан был полицией обыск в квартире викария Хотковского, по поводу адреса папе, составленного викарием и прочитанного им в собрании поляков-католиков в Обре. В составлении этого адреса и собирании к нему подписей прокуратура нашла признаки возбуждения населения, что и послужило основанием обыска. Между тем адрес уже доставлен папе при посредстве графа Ледоховского» (*НВр*, 1877, 11 (23) июня, № 460). Достоевскому безусловно известно было и следующее сообщение, напечатанное месяцем позже той же газетой: «В гостиных польских аристократов и шляхтичей (Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии, — *Ред.*) говорилось за последнее время, ни мало не стесняясь даже присутствием чиновников немецкой национальности, о предстоящем восстании ‹. . .› Усилению брожения среди ‹. . .› легко воспламеняющихся умов немало способствуют наехавшие со всех сторон в Вену и в Галицию польские эмигранты ‹. . .› В агитации принимают участие лица, пользующиеся большим влиянием в Ватикане, между прочим, кардинал Ледоховский, который в бытность свою архиепископом вовсе не разделял тех мнений, которых в настоящее время он является одним из самых рьяных сторонников. Результатом всей этой лихорадочной деятельности может быть не более как какая-нибудь глупая попытка к восстанию. . .» (там же, 10 (22) августа, № 520, «Внешние известия», подотдел «Славяне в Австрии»).

«Новым папой», избранным после смерти Пия IX в 1878 г., стал Лев XIII (см. о нем: стр. 359 и наст. изд., т. XXV, стр. 420 и след.).

Стр. 56. *«Новое время» прибавляет к тому же, что. . .* — Приводимый далее отрывок — цитата из *НВр*, 1877, 16 (28) октября, № 587, отдел «Среди газет и журналов».

Стр. 57. *Бойкое перо возмущается, ∾ не только не заметит, но подчас запоет ему в самый полный унисон.* — Под «бойким пером» Достоевский мог подразумевать автора анонимных обзоров «Иностранные события» и «Последняя страничка», напечатанных в газете «Гражданин» (*Гр*, 1877, 13 октября, №№ 23—24, стр. 587; 21 октября, №№ 25—26, стр. 623, 624).

Стр. 57. *. . .Старой Польши. . .* — Под старой Польшей подразумеваются польская аристократия, шляхта и интеллигенция, эмигрировавшие во Францию после 1863 г. и вынашивавшие планы восстановления независимости польского дворянско-буржуазного государства.

Стр. 57. *В начале лета эти агитаторы-клерикалы попробовали у нас сделать демонстрацию даже через русские издания.* — Достоевский подразумевает несколько обращений польской эмиграции к русскому обществу, в которых превалировали предложения политического примирения под эгидой России и тесного сотрудничества на научно-экономической основе. Первое из этих обращений появилось на страницах «С.-Петербургских ведомостей» (1877, 31 мая (12 июня), № 148) в форме «Письма к профессору Градовскому» с редакционным предисловием.

Стр. 57. *«Разве ∾ нет у вас дела для той среды, которая произвела прежде Тенгоборского для России. . .* — Тенгоборский Людвиг Валерианович (1793—1857) — экономист и статистик, написавший капитальный труд «О производительных силах России», изданный в Париже в 1852—1855 гг. Русский перевод И. Вернадского (М.—СПб., 1854—1858).

Стр. 57. *. . .Воловского для Франции?* — Воловский Луи-Франсуа-

Мишель-Раймон (1810—1876) — французский политэконом и умеренно либеральный политический деятель. Родился в Варшаве. После 1831 г. бежал во Францию.

Стр. 57. . . *.Броцкий скульптор. . .* — Имеется в виду скульптор Виктор Петрович Бродзкий (1826—?). Родился в Волынской губернии. Окончив Петербургскую академию художеств и получив звание академика, переселился в Рим.

Стр. 57. . . *.Матейко живописец.* — Матейко (Matejko) Ян Алоизий (1838—1893) — польский художник, пользовавшийся большой известностью в Европе.

Стр. 57. (*«Новое время», из статьи Костомарова*). — Костомаров, а вслед за ним и Достоевский контаминируют в вышеприведенном отрывке цитаты из второго обращения польских эмигрантов — «Польский вопрос. . .» и письма «Жителя Литвы», напечатанных в газете «С.-Петербургские ведомости» (1877, 24 июня (6 июля), № 172).

Стр. 58. *Г-н Костомаров великолепно ответил в «Новом времени» на все эти заискивания ∾ наведут они к нам Конрадов Валленродов, предателей. . .* — Костомаров писал: «Ну, а что вы скажете, господа поляки, если мы на это вам ответим: а что, если все эти полезные люди, эти ученые, литераторы, промышленники, ремесленники, художники, внедрившись к нам, вместо того, чтоб заниматься честно своею специальностью, сделаются для нас в известном смысле Валленродами? Какое ручательство с вашей стороны, что это невозможно? Если обманывали нас коварно поляки прежде, то и теперь могут обмануть. . .» (*НВр*, 1877, 29 июня (11 июля), № 478). Костомаров и Достоевский имели в виду легендарного Конрада Валленрода, изображенного в одноименной поэме Адама Мицкевича. Согласно легенде, Конрад Валленрод был литовцем по происхождению, вступившим в Тевтонский орден с целью отомстить последнему за разорение своей родины.

Стр. 58. *Летняя выходка к примирению была сделана именно в то время ∾ когда аристократы эмиграции являлись в Константинополь с огромными суммами денег (конечно, не своими).* — Речь идет по существу только об одном польском легионе, формировавшемся в Константинополе с мая—июня 1877 г. для участия в войне Турции против России. «Легион» был весьма немногочислен, не представлял собою по-настоящему боевой единицы и долго скитался по территории азиатской и европейской Турции. Отзывы русских газет о нем были скорее пренебрежительными, чем враждебными. Так, газета «Новое время» (1877, 14 (26) июня, № 463) писала: «Из Берлина, от 8 (20) июня, сообщают в „Times“: образование польского легиона в Константинополе подвигается вперед, хотя очень медленно. Очевидно, это дело затеяно только немногими мечтателями и не одобряется большинством рассудительных элементов эмиграции». Аналогичные отзывы см. в газете «Голос» (1877, 14 (26) июня, № 123; 16 (28) июня, № 125). Позднее «Новое время» (1877, 2 (14) октября, № 573) сообщало: «Константинополь, 1-го (13-го) октября, суббота (через Вену). Сюда приехал граф Владислав Платер, известный „непримиримый“ польской эмиграции. Он привез с собою 4 миллиона франков, собранных для того, чтоб преобразовать польский легион, который доселе еще ничем себя не заявил. . .». В мае—июне о первом приезде В. Платера в Константинополь, но с английскими, а не с французскими деньгами, сообщали также «Московские ведомости».

Стр. 59. *Такова статья «Биржевых ведомостей». . .* — Подразумевается процитированная Достоевским ниже анонимная передовая статья «С.-Петербург. 11-го октября» (*БВ*, 1877, 11 октября, № 257). Однако весь контекст настоящего раздела «Дневника» свидетельствует о том, что Достоевский полемизирует также с автором «письма» из Вены «Арестование г-на Иловайского», напечатанном в том же номере «Биржевых ведомостей». Обвиняя Д. И. Иловайского, а заодно с ним И. С. Аксакова, О. Ф. Миллера, М. Н. Каткова, генерала Р. А. Фадеева и других, в «панславистской пропаганде», автор этого письма (подписано буквами Р-ов) указывал на то, что такая деятельность может породить крайне нежелательный в сложившейся военно-политической ситуации конфликт России с Австро-Венгрией. Досто-

евский же полагал, что такой конфликт могут спровоцировать статьи и «письма», печатаемые в «Биржевых ведомостях».

С т р. 59. *Всем известно, что наш ученый, г-н Иловайский, был арестован и оскорблен в Галиции.* — Подробные сведения об аресте историка Д. И. Иловайского в Галиче и препровождении его в предварительную тюрьму Львова русская публика почерпнула в статье «Трехдневный плен у поляков в Галиции», напечатанной в газете «Московские ведомости» (1877, 4 октября, № 244). Формальным предлогом для ареста явилось отсутствие на паспорте историка визы австрийского консула. Действительные же причины ареста — донос польского ксендза-викария Мариона Матковского, в свете которого Иловайский выглядел «московским агентом», и репутация Иловайского как поборника освобождения балканских славян (см. ниже).

С т р. 59. *Потом он уже нашел русского священника. . .* — Речь идет о священнике греко-униатской церкви Марковиче, в обществе которого Иловайский совершил «археологическую прогулку по городу», взбирался «на крутой холм, увенчанный развалинами старого замка», и осмотрел «церковь Рождества Христова, основанную еще в княжеские времена» (*МВед*, 1877, 4 октября, № 244).

С т р. 59. *. . .заступничеством одного местного ученого, его препроводили до русской границы.* — Речь идет о редакторе галицко-русской газеты «Слово» Венедикте Михайловиче Площанском. О нем упоминалось в статье «Московских ведомостей» «Трехдневный плен у поляков в Галиции» (см. выше). Сам Иловайский вспоминал о Площанском с благодарностью — в своем «Письме к издателю»: «Без его усердной помощи я, вероятно, и доселе сидел бы во Львовской предварительной тюрьме» (см.: *МВед*, 1877, 14 октября, № 254).

С т р. 59—60. *У нас это тотчас же разгласилось: «Московские ведомости» поместили статью.* — См. выше примеч. к словам: «Всем известно, что наш ученый, г-н Иловайский. . .».

С т р. 60. *Заговорили наши газеты, но многие без особого жару, а просто как о курьезе.* — Подразумеваются «Голос», «Биржевые ведомости» и в особенности газета «Новое время», которая и интерпретировала шумиху вокруг ареста Иловайского как «курьез». Представление об этом дает выдержка из фельетона Суворина «Недельные очерки и картинки» (*НВр*, 1877, 23 октября (4 ноября), № 594): «Два слова об истории с г-ном Иловайским. Господи, какая же пропасть у нас пуганых ворон: два русских корреспондента, сидящих в Вене, забили в набат, одна газета («Бирж. вед.») совсем с ума спятила и объявила, что она готова поступить в австрийскую полицию для преследования панславистов ‹. . .› Но если г-н Полетика (издатель «Биржевых ведомостей», — *Ред.*) меня не удивляет своим походом на г-на Иловайского, то удивляют меня два русские корреспондента, которые тоже напали на г-на Иловайского вместо того, чтобы напасть на австрийскую полицию. Один из них высказался в „Голосе“, другой в „Биржевых ведомостях“, первый мягко, второй грозно».

С т р. 60. *Сам г-н Иловайский напечатал в «Московских ведомостях» тоже несколько строк на статьи враждебных газет, кротких строк, вялых и сонных.* — Речь идет о «Письме к издателю» (*МВед*, 1877, 14 октября, № 254), в котором Иловайский писал: «Сегодня ‹. . .› я узнал, что два петербургских органа уже отличились помещением каких-то корреспонденций из Вены, рассказывающих как несомненный факт, что я ездил в Галицию пропагандировать панславизм, и таковое помещение один из этих органов (подразумеваются «Биржевые ведомости», — *Ред.*) сопровождает в высшей степени грубым и нелепым поучением, обращенным как ко мне лично, так и к панславистам вообще ‹. . .› пущена была в ход клевета о какой-то панславистской пропаганде. Сегодня ‹. . .› узнаю, что я сделался эмиссаром Славянского комитета и дал католическому ксендзу тысячу рублей на цели этой пропаганды ‹. . .› Что можно отвечать на подобные нелепости?»

Строки письма Иловайского к издателю «Московских ведомостей» Достоевский называет «кроткими, вялыми и сонными», вероятно, потому, что в них ощущается и попытка как-то оправдаться перед своими агрессивными оппо-

нентами. Таково заявление Иловайского: «Но, сколько помнится, об австрийских славянах я ровно ничего не говорил» — и его самохарактеристика как члена славянского благотворительного общества: «. . .я доселе не могу похвастать, чтобы был деятельным его членом».

Стр. 60. *Вот эта статья «Биржевых ведомостей».* — Далее Достоевский цитирует упомянутую выше анонимную передовую статью этой газеты (см. примеч. к стр. 59).

Стр. 61. *У Гоголя атаман говорит казакам. . .* — Далее неточная цитата из речи Тараса Бульбы в девятой главе повести Гоголя «Тарас Бульба» (1842).

Стр. 62. *Не в Австрии ли поддерживалось летом убеждение, что сила России была мираж, всех обманувший, и что впредь нельзя считать уже Россию сильной военной державой.* — Достоевский имеет в виду пренебрежительные суждения о военной мощи России и ее политическом весе в Европе, появившиеся в австрийской печати после неудач русской армии под Плевной (июль—август 1877 г.). Вот что сообщал в связи с этим, в своем очерке «Из Парижа», один из корреспондентов *МВед* (1877, 14 сентября, № 228): «. . .две почти тождественные статьи, появившиеся в венской „Fremdenblatt" и в „Presse", произвели здесь минутный переполох <. . .> В этих статьях они позволили себе такой нахально-дерзкий тон, какой был бы непозволителен даже в отношении Австрии после Садовой. „Россия-де в этой войне несомненно доказала, что она одна не в состоянии разрешить Восточный вопрос. Европе поэтому остается только ждать, пока *обе азиатские державы* до того обоюдно истощат друг друга, что ни одна из них не в состоянии будет помешать решению этого вопроса европейским ареопагом" <. . .> в тот же день, когда в Вене печатались эти странные статьи, „Times" напечатала „Leader" (передовую статью, — *Ред.*), в котором <. . .> развивается та же тема. . .». Достоевский несомненно учитывал и комментарии к этому сообщению, появившиеся в «Московских ведомостях» несколько позже: «. . .наши неудачи, которыми мы обязаны единственно самим себе, а никак не туркам, возбудили злорадство всей туркофильской печати в Европе. Турцию поздравляли, что она разрушила иллюзию военного могущества России <. . .> Вот как потешались над нами за неделю с небольшим тому назад» (там же, 22 сентября, № 235).

Стр. 62. *Не в Англии ли были убеждены, тоже в высших сферах, что 10 000 человек английского войска, высаженные в Трапезунде, порешили бы навсегда нашу задачу на Востоке и на Кавказе.* — Достоевский использует здесь только что появившиеся в газете «Новое время» характерные сведения о полемике между «трезвой» и официозной «туркофильской» печатью Англии. Вот эти сведения: «„Economist" старается провести в английском обществе правильные взгляды на силы России. Туркофильская печать оказала плохую услугу своей стране: она возвеличила турецкие победы и уронила Россию во мнении англичан, до того, например, что считала достаточной высадку 10 000 человек английского войска в Требизонде для полного поражения нашей закавказской армии и окончания кампании в Малой Азии согласно интересам Англии. „Economist" восстановляет право России на звание великой военной державы; ему становится немного страшно при мысли, что мы были в состоянии, после чувствительных неудач <. . .> когда главные наши силы были заняты на другом театре войны, без шума сосредоточить <. . .> наступательную армию против Мухтара <. . .> равносильную всем английским войскам, расположенным вдоль и поперек Индии» (*НВр*, 1877, 23 октября (4 ноября), № 594).

Стр. 63. *. . .раза два-три, употребил малоизвестное слово «стрюцкие». . .* — Слово «стрюцкие» было вынесено Достоевским в название одной из подглавок январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г., гл. 2, § II «Мы в Европе лишь „стрюцкие"». Оно повторяется в корпусе «Дневника» несколько раз. См. наст. изд., т. XXV, стр. 23, 106, 130, 210, 217, 219. Значение слова «стрюцкий» или «стрюцкóй» — человек «подлый, дрянной, презренный» — отмечено в словаре В. И. Даля (1801—1872) с вопросом. См.: *Даль*, т. IV, стр. 346.

С т р. 65. *В литературе нашей есть одно слово: «стушеваться» ∾ при Пушкине оно совсем не было известно и не употреблялось никем.* — Достоевский не совсем нрав, если иметь в виду не только язык литературы, но и живую разговорную речь. Слово «стушеваться» не Пушкиным, но при Пушкине употреблялось в том самом значении, о котором дальше говорит Достоевский. См. об этом: С. А. Р е й с е р. Стушеваться. — В кн.: Современная русская лексикография. 1977. Л., 1979, стр. 147—150.

С т р. 65. *Появилось это слово в печати, в первый раз, 1-го января 1846 года, в «Отечественных записках», в повести моей «Двойник, приключения господина Голядкина».* — «Отечественные записки» с повестью Достоевского «Двойник» вышли в свет 1 февраля 1846 г. Слово «стушеваться» появляется в главе IV, а не в первых трех главах, как далее, забыв, пишет Достоевский. «. . .ему (Голядкину, — *Ред.*) пришло было на мысль, как-нибудь, этак под рукой, бочком, втихомолку улизнуть от греха, этак взять да и стушеваться. . .» (*ОЗ*, 1846, № 2, отд. I, стр. 295).

Слово «стушеваться» в словаре Даля отмечено без отсылок к литературе. См.: *Даль*, т. IV, стр. 349. «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Б. М. Волина и проф. Д. Н. Ушакова (см.: т. IV. М., 1940, стб. 572—573) вводит это слово с отсылками к произведениям одного Достоевского. В современном словаре Академии наук даны примеры из произведений и других (позднейших) писателей. См.: Словарь современного русского литературного языка, т. XIV. М.—Л., 1963, стб. 1115—1116. Между тем Достоевский, по-видимому, нрав: слово «стушеваться» быстро распространилось и укоренилось в языке литературы после выхода в свет «Двойника» (с конца 1840-х годов) и, скорее всего, под его воздействием. Некрасов, например, которого далее упоминает Достоевский, уже использует это слово в более консервативной (в сравнении с прозой) стихотворной речи:

Зато с каким зловещим тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как стушеваться мы спешим!

(«Медвежья охота», 1867)

См. также предыдущее примеч.

С т р. 65. *Первая повесть моя «Бедные люди» ∾ в конце 45-го года.* — О своем литературном дебюте Достоевский вспоминал не раз. См. наст. изд., т. XXI, стр. 10; т. XXV, стр. 28—31; см. также т. I, стр. 464—466.

С т р. 65. *. . .начал летом ∾ «Двойник, приключения господина Голядкина».* — Об истории создания и печатания «Двойника» см.: наст. изд., т. I, стр. 482—486.

С т р. 65. *Он повестил об ней ∾ Андрея Александровича Краевского. . .* — А. А. Краевский (1810—1889) — русский издатель, журналист. В «Отечественных записках» Краевского и был опубликован «Двойник. . .» (см. выше примеч. к словам: «Появилось это слово в печати. . .»). О Достоевском и Краевском см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 347—348.

С т р. 65. *. . .у которого работал в журнале. . .* — По приглашению Краевского Белинский с конца 1839 г. возглавил критический отдел журнала «Отечественные записки» и оставался ведущим критиком этого издания до 1 апреля 1846 г., когда, руководствуясь общими идейными и частными соображениями, критик порвал отношения с Краевским и ушел из «Отечественных записок» вместе с некоторыми другими сотрудниками: Н. А. Некрасовым, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, И. И. Панаевым.

С т р. 65. *Я сильно исправил ее потом, лет пятнадцать спустя, для тогдашнего «Общего собрания» моих сочинений. . .* — Мысль о переделке «Двойника» у Достоевского возникла вскоре по выходе повести из печати (1846 г.), но писатель смог взяться за ее осуществление лишь в начале 1860-х годов. Задуманная переработка повести не была доведена до конца, хотя Достоевский и изменил первоначальную редакцию. Новая редакция «Двойника»

была опубликована в собрании сочинений: Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. Изд. Ф. Стелловского, т. III. СПб.. 1866. Эта же редакция повторялась в отдельном издании повести: Двойник. Петербургская поэма Ф. М. Достоевского. Новое, переделанное издание. Издание и собственность Ф. Стелловского. СПб., 1866. См. об этом: наст. изд., т. I, стр. 484—486.

Стр. 65. . . .*кажется, в начале декабря 45-го года, Белинский настоял, чтоб я прочел у него хоть две-три главы этой повести.* — Достоевский, судя по всему, читал у Белинского первые четыре главы «Двойника». Именно в главе IV появляется слово «стушеваться» (см. выше примеч. к словам: «Появилось это слово в печати. . .»).

Стр. 66. *На вечере, помню, был Иван Сергеевич Тургенев ∾ очень куда-то спешил.* — См. ниже примеч. к словам: «Очень помню, что похвалил. . .».

Стр. 66. . . .*понравились Белинскому чрезвычайно ∾ Но Белинский не знал конца повести. . .* — Четвертая глава «Двойника», на которой, по-видимому, остановилось чтение повести у Белинского, кончается посрамлением героя, завершающим идейно-тематическую линию первых глав. Д. В. Григорович (1822—1899), присутствовавший на этом чтении, рассказывает: «Белинский сидел против автора, жадно ловил каждое его слово и местами не мог скрыть своего восхищения, повторяя, что один только Достоевский мог доискаться до таких изумительных психологических тонкостей» (*Григорович*, стр. 91). Следующая, пятая глава «Двойника» — новый этап сюжета. Именно в ней появляется двойник героя, позволивший автору ввести в повествование фантастические элементы и усложнить психологическую разработку характера главного персонажа, что и вызвало в дальнейшем менее восторженную, чем первоначально, реакцию Белинского (см. об этом: наст. изд., т. I, стр. 489—490, 492). П. В. Анненков (1812—1887), касаясь тех же фактов, что и Григорович, пишет: «В доме же Белинского прочитан был <. . .> и второй его (Достоевского, — *Ред.*) рассказ „Двойник“ <. . .> Белинскому нравился и этот рассказ (как и «Бедные люди», — *Ред.*) по силе и полноте разработки оригинально странной темы, но мне, присутствовавшему тоже на этом чтении, показалось, что критик имеет еще заднюю мысль, которую не считает нужным высказать тотчас же. Он беспрестанно обращал внимание Достоевского на необходимость *набить руку* <. . .> приобрести способность легкой передачи своих мыслей <. . .> Белинский, видимо, не мог освоиться с тогдашней, еще расплывчатой, манерой рассказчика, возвращавшегося поминутно на старые свои фразы, повторявшего и изменявшего их до бесконечности, и относил эту манеру к неопытности молодого писателя, еще не успевшего одолеть препятствий со стороны языка и формы. Но Белинский ошибся: он встретил не новичка, а совсем уже сформировавшегося автора. . .» (*Анненков*, стр. 283).

Стр. 66. . . .*и находился под обаянием «Бедных людей».* — О восторженной оценке Белинским «Бедных людей», как и о первом знакомстве с критиком, Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 8—12), затем в «Дневнике писателя» за 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 29—31). Об этом вспоминает Григорович, отмечая успех «Бедных людей» и «неумеренно-восторженные похвалы Белинского», который «преклонился» перед начинающим автором, «громко провозглашая, что появилось новое светило в русской литературе» (*Григорович*, стр. 90—91). См. также: *Анненков*, стр. 282—283; *Панаев*, стр. 308—309: «„Бедные люди“, — писал Панаев, — конечно, замечательное произведение и заслуживало вполне того успеха, которым оно пользовалось, но все-таки увлечение Белинского относительно его доходило до крайности».

Стр. 66. *Очень помню, что похвалил и Иван Сергеевич Тургенев (он, верно, теперь позабыл).* — Если самому Достоевскому память здесь не изменяет и он действительно прочел у Белинского четыре главы, то Тургенев не мог прослушать лишь половину прочитанного и уйти (см. выше, стр. 66). так как слово «стушеваться» появляется именно в заключении четвертой главы «Двойника» (см. выше примеч. к словам: «Появилось это слово в печати. . .»).

С т р. 66. *Помню, что выйдя, в 1854 году, в Сибири из острога. . .* — Осужденный по делу М. В. Буташевича-Петрашевского (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 117—195, а также стр. 306—365), Достоевский четыре года провел на каторге в Омском остроге, а по окончании срока каторжных работ (начало 1854 г.) был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон. Военная служба в Семипалатинске сначала рядовым, затем офицером продолжалась до весны 1859 г.

С т р. 66. *. . .я начал перечитывать всю написанную без меня за пять лет литературу. . .* — Достоевский писал Майкову 18 января 1856 г. из Семипалатинска: «В каторге я читал очень мало, решительно не было книг. Иногда попадались. Выйдя сюда, в Семипалатинск, я стал читать больше. Но все-таки нет книг и даже нужных книг, а время уходит». Многие письма Достоевского тех лет содержат настойчивую просьбу о присылке книг. См., например, письма от 22 февраля и 27 марта 1854 г., 15 апреля и 23 августа 1855 г. и др.

С т р. 66. *. . .(«Записки охотника», едва при мне начавшиеся, и первые повести Тургенева я прочел тогда разом, залпом, и вынес упоительное впечатление. Правда, тогда надо мной сияло степное солнце, начиналась весна. . .* — В письме А. Н. Майкову из Семипалатинска от 18 января 1856 г. Достоевский, хотя и с оговоркой, но без всякой скидки на «весну», с большим одобрением говорил о прочитанных им произведениях Тургенева, выделяя их из остальной массы литературы, вышедшей за годы его пребывания на каторге и первое время после нее: «Скажу вам и свои наблюдения: Тургенев мне нравится наиболее — жаль только, что при огромном таланте в нем много невыдержанности». «Записки охотника», в 1852 г. появившиеся отдельным изданием (состав цикла позднее пополнялся), рассказ за рассказом печатались в журнале «Современник» на рубеже 1840—1850-х годов (первый рассказ из этого цикла, «Хорь и Калиныч», появился в № 1 «Современника» за 1847 г.; остальные, кроме «Двух помещиков», увидели свет в том же журнале в 1847—1851 гг.). См. об этом: *Тургенев*, Сочинения, т. IV, стр. 496—509. Первые повести Тургенева, не вошедшие в состав «Записок охотника», печатались с 1844 г. («Андрей Колосов») в «Отечественных записках», «Петербургском сборнике» (1846), газете «Московский вестник» и том же «Современнике» (см. там же, тт. V, VI). В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский говорит о прозаических произведениях Тургенева, и именно о «Записках охотника», как об одном из крупнейших явлений в русской литературе 1840-х годов (см. наст. изд., т. XXII, стр. 105).

С т р. 66. *. . .в том классе Главного инженерного училища, в котором был и я. . .* — Достоевский поступил в Главное инженерное училище в Петербурге в 1838 г. и по окончании полного курса наук в верхнем офицерском классе в 1843 г. был зачислен в инженерный корпус. Об этом периоде жизни Достоевского см.: В. С. Н е ч а е в а. Ранний Достоевский. 1821—1849. М., 1979. Писатель вспоминал о Главном инженерном училище в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (стр. 35—36) в связи с вопросами военно-инженерного искусства в особых условиях русско-турецкой войны.

С т р. 67. *. . .для будущего ученого собирателя русского словаря, для какого-нибудь будущего Даля. . .* — «Толковый словарь живого великорусского языка» (тт. I—IV), над которым В. И. Даль работал более пятидесяти лет, вышел в свет в 1863—1866 гг. За этот труд В. И. Даль в 1863 г. был награжден Ломоносовской премией Академии наук и удостоен звания почетного академика. Слово «стушеваться» отмечено Далем в четвертом томе словаря (1866 г.).

С т р. 68. *. . .но особенно слов, слов и слов. . .* — Ср. известный ответ Гамлета на вопрос Полония: «Что вы читаете, принц?» — «Слова, слова, слова» («Гамлет», д. 2, сц. 2. Пер. А. Кронеберга). См.: Ш е к с п и р. Полн. собр. драматич. произведений в переводе русских писателей, т. II. Изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. СПб., 1866, стр. 27. Издание имелось в библиотеке Достоевского. См.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 31.

С т р. 68. *Вот как говорит, например, англичанин Гладстон о теперешней русской войне с Турцией. . .* — Уильям Юарт Гладстон (1809—1898) — английский государственный деятель; во второй половине

1870-х годов — вождь либеральной оппозиции консервативному правительству Дизраэли (Биконсфилда). Достоевский имеет в виду слова, сказанные Гладстоном в лекции о Восточном вопросе (ноябрь 1877 г.), посвященной «главным образом полемике с известным корреспондентом лондонской газеты „Daily News“, Арчибальдом Форбесом, поместившим в ежемесячном английском журнале „Nineteenth Century“ <«Девятнадцатый век»> статью под заглавием „Русские, турки и болгары на театре войны“» (*ПВ*, 1877, 18 (30) ноября, № 256; см. примеч. к стр. 76, к словам: «. . .известный своими прекрасными и обстоятельными статьями. . .»). Заканчивая эту лекцию, Гладстон сказал: «Россия одна протянула руку помощи христианам Турецкой империи с громадным пожертвованием своей крови и денег <. . .> Кого же может удивить после этого, если они будут считать ее единственным своим другом? <. . .> Но если нас это пугает именно с точки зрения британских интересов, то почему же России не глядеть на это с точки зрения русских интересов <. . .> Становится она или нет на эту точку, об этом я не знаю. Я верю в честь императора и в человеколюбие его народа <. . .> Я оплакиваю заблуждения, которые дали возможность России занять положение, облекающее ее таким могуществом. Если она злоупотребит им, то мир, я надеюсь, обладает достаточной силой, чтобы предупредить беду, которая может произойти от этого. Но если победа увенчает ее оружие, но если Россия наделена достаточной нравственной силой и самоотвержением, чтобы подавить все искушения, тогда несправедливые подозрения и неосновательные оскорбления падут на голову клеветников. И что бы ни высказывали относительно других страниц истории России, но освобождение нескольких миллионов порабощенных рас от жестокого и позорного ига составит один из важнейших подвигов в летописи человечества, подвиг, неувядаемая слава которого не исчезнет никогда из благодарной памяти всего человечества» (*НВр*, 1877, 17 (29) ноября, № 619. См. также: *ПВ*, 1877, 18 (30) ноября, № 256; *СПбВед*, 1877, 18 (30) ноября, № 319).

Стр. 68. *Как вы думаете ∾ мог ли бы произнесть такие слова русский европеец? Да никогда в жизни!* — Достоевский преувеличивает, однако, степень одобрительного отношения Гладстона к России в русско-турецкой войне. Это одобрение сопровождалось существенными оговорками и в данном случае, как ясно из корреспонденций, где речь Гладстона приводилась в достаточно полном виде: *НВр*, 1877, 17 (29 ноября), № 619; *СПбВед*, 1877, 18 (30) ноября, № 319; и др. (см. предыдущее примеч). Говоря о собственных побуждениях, заставляющих его вступаться за болгар, а вместе с тем время от времени высказываться и в пользу России, Гладстон в той же речи объясняет: «Если меня спросят, зачем я принимаю на себя столько хлопот <. . .> чтобы вывести болгар из того состояния унизительного рабства, в каком они находятся, то я отвечу вам, что я это делаю в интересах справедливости и гуманности. Но есть в нашей стране такие органы печати и такие люди, которых тошнит от подобных речей. Итак, для того, чтобы не оскорблять их, я скажу, что я делаю это ради „британских интересов“» (*СПбВед*, 1877, 18 (30) ноября, № 319). Ирония Гладстона в последней фразе не зачеркивает ее справедливости. О том, что Гладстон заботится об английских интересах в ущерб русским, говорилось, например, в статье «Созвание английского парламента» (*ПГ*, 1877, 13 декабря, № 228). Близко знавший Гладстона Т. Синклер в заключении своей книги, посвященной защите России в Восточном вопросе (см. о ней: наст. том, стр. 128, а также примеч., стр. 432), говорит: «Что ж касается людей, враждебных христианам и России и благосклонных к Турции, то от них я не жду пощады <. . .> Так как м-р Гладстон был наказан розгами, то я буду, вероятно, бит кнутом, потому что он хотя и является горячим защитником христиан, зато довольно сомнительным сторонником России, между тем как я поддерживаю эту великую страну из всех сил» (*Синклер*, стр. 343—344).

Стр. 68. *. . .смеем . . . в калашный ряд!* . . — Имеется в виду фразеологизм: «С кувшинным (или: суконным, мякинным) рылом да в калашный ряд». Ср.: *Даль*, т. IV, стр. 119.

Стр. 69. *Дамы, восторженно подносившие туркам конфеты и сигары*. . .— См. выпуски «Дневника» 1877 г. за июль—август и сентябрь (наст. изд.,

т. XXV, стр. 222; т. XXVI, стр. 33). Этот факт время от времени упоминался в русской печати; например, в середине ноября в «Петербургской газете» (статья «Пленные турки в России»). Отстаивая снисходительное отношение к пленным туркам, газета писала: «. . .мы надеемся <. . .> разъяснить ту фальшь фанатического чувства, которое известные публицисты желали бы раздуть в обществе по отношению к пленным врагам. Не надо их забрасывать конфектами, как это делали пустенькие барыни, но не следует в них забывать людей, их человеческого достоинства. Если суждено нам нести на восток светоч цивилизации, то мы исполним это предназначение во всей широте его требования <. . .> Думаем и верим, что общественное мнение наших дней отнесется с подобающею оценкою к той фанатически-публицистической пропаганде, которая, за неимением более плодотворных вопросов, стремится помощию распространенных газет сомнительного патриотизма „поморити их (турок) в посмех". Это такая же крайность, как угощение их конфектами и шампанским» (*ПГ*, 1877, 11 ноября, № 206).

Стр. 69. *Теперь этих дам вразумили отчасти некоторые грубые люди. . .* — Достоевский имеет в виду единодушное осуждение «этих дам» в русской печати. В корреспонденции Вс. Крестовского (см. ниже, примеч. к стр. 70), после сообщения об очередных турецких зверствах, говорилось: «И как подумаешь, что в России находятся женщины, подносящие этим самым башибузукам нежные букеты и конфекты, ухаживающие за этими самыми зверями! Сердце обливается кровью у каждого солдата, когда им приходится читать или слышать о подобных выходках. Сюда бы привести этих сердобольниц да показать им этих израненных детей, этих обесчещенных женщин. . .» (*ПВ*, 1877, 30 октября, № 240).

Стр. 69. *. . .тот самый башибузук, о котором писали, что особенно отличается умением разрывать с одного маху, схватив за обе ножки, грудного ребенка на две части. . .* — Достоевский уже говорил об этом и подобных зверствах в «Дневнике писателя» за 1877 г. (наст. изд., т. XXV, стр. 219—223). Напоминание об этих фактах вызвано, судя по всему, тем благодушно-снисходительным отношением к туркам, которое сказалось, в частности, в упоминавшейся выше статье из «Петербургской газеты» «Пленные турки в России» (*ПГ*, 1877, 11 ноября, № 206).

Стр. 69. *Тот высокомерный взгляд, который бросает иной европеец теперь на народ наш и на движение его ∾ «кроме глупо-кликушечьих выходок из тысячей простонародья какого-нибудь одного дурака». . .* — Вероятно, шаржированное воспроизведение мнения Левина в эпилоге «Анны Карениной» Л. Толстого: «. . .в восьмидесятимиллионном народе всегда найдутся не сотни, как теперь, а десятки тысяч людей, потерявших общественное положение, бесшабашных людей, которые всегда готовы — в шайку Пугачева, в Хиву, в Сербию <. . .> из мужиков один на тысячу, может быть, знают о чем идет дело. Остальные же восемьдесят миллионов <. . .> не только не выражают своей воли, но не имеют ни малейшего понятия о чем надо бы выражать свою волю. Какое же мы имеем право говорить, что это воля народа?» Достоевский цитировал эти слова и спорил с ними в июльско-августовском выпуске 1877 г. (наст. изд., т. XXV, стр. 202—223). В полемике с Толстым Достоевский приводил те самые факты турецких зверств, о которых он напоминает теперь.

Стр. 70. *Князь Мещерский, очевидец, повествует в своем «Дневнике» с Кавказа ∾ Все это гуманность!» («Моск. ведом.», № 273).* — Достоевский цитирует из «Путевого дневника» В. П. Мещерского («Понедельник, 17 октября, Тифлис» — *МВед*, 1877, 4 ноября, № 273). Перед отъездом на театр военных действий (эта поездка и послужила материалом для «Путевого дневника») Мещерский виделся с Достоевским. См. письмо Достоевского жене от 11 июля 1877 г. О снисходительном отношении русских к пленным туркам писал в «Голосе» Евг. Марков. Его статья «Пленные турки» сопровождалась характерным эпиграфом: «Просты ж мене, моя мила, що ты мене била! . . (Малороссийская песня)» (см.: *Г*, 1877, 5 (17) ноября, № 267). «Наша старая слабость рисоваться перед Европою, кажется, играет тут не последнюю роль. Мы особенно осторожны и щекотливы в тех вопросах, которые хотя уголком

затрогивают общественное мнение Европы. Нам все хочется представиться в глазах Европы не подлинным „северным медведем“, каким она нас считает, а, по крайней мере, хоть медведем цивилизованным, умеющим ходить на задних лапах, снимать перед публикою шапку и показывать, как ребята горох воруют» и т. д. (там же). Подобные высказывания нередко появлялись на страницах русской печати, см., например, одобрительную отсылку к этой статье Маркова: *НВр*, 1877, 6 (18) ноября, № 608.

Стр. 70. *«Московские ведомости» далее, в другом своем, 282 номере* ∾ *удобствами сравнительно с нашими воинами. . .»* — Достоевский приводит сведения «Последней почты» «Московских ведомостей» (1877, 13 ноября, № 282).

Стр. 70. *Отметил я его в «Петербургской газете», а та взяла из письма господина В. Крестовского* ∾ *тоже не ведаю.* — Достоевский имеет в виду факт, опубликованный в «Петербургской газете» (1877, 3 ноября, № 200) под рубрикой «Очевидцы войны. (Обзор русских и иностранных корреспонденций с театра военных действий)». Откуда и куда было направлено письмо В. В. Крестовского, газета не сообщала. Во время русско-турецкой войны Крестовский был корреспондентом «Правительственного вестника». В следующем же номере «Петербургской газеты», опубликовавшем новые сообщения Крестовского «с театра военных действий», об этом говорилось: «Г-н Всев. Крестовский рассказывает подробности этих битв в „Правительственном вестнике“. . .». См.: *ПГ*, 1877, 10 ноября, № 205.

Стр. 71. *У себя они открыли юмор, обозначили его особым словом и растолковали его человечеству.* — Английское основное значение слова «юмор» (от лат. humor — влага) — изображение лиц и явлений в комическом, смешном виде — вытеснило в европейских языках (и в русском) первоначально более распространенный его смысл: «юмор», устар. русск. «гумор» — настроение, расположение духа (ср. франц. humeur — настроение, нрав). В словаре Даля об этом слове сказано: «Юмор ‹. . .› веселая, острая, шутливая складка ума, умеющая подмечать и резко, но безобидно выставлять странности нравов или обычаев; удаль, разгул иронии. Неподражаемый *юмор* Гоголя ‹. . .› *Юмористическое* направление или складка английской письменности. Англичане *юмористы*, у них есть даже и *юмористки*» (*Даль*, т. IV, стр. 667). Сам Достоевский об этом слове ранее писал: «. . .юмор ведь есть остроумие глубокого чувства, и мне очень нравится это определение» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 91).

Стр. 71. *Да нет страны, в которой этикет имел бы большее приложение, как в Англии.* — Приверженность англичан этикету была предметом насмешки для них самих. Автор книги «Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России», рекомендованной Достоевским русскому читателю в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (см. ниже, примеч. к стр. 128), говорит об этом, ссылаясь на сатирический очерк английских нравов У. М. Теккерея (1811—1863) из «Книги снобов» (1846): «Я однажды знал человека, который, обедая со мною в Европейской кофейне в Неаполе, ел горох с помощью своего ножа. Обществом этого человека я первоначально особенно восхищался, и действительно, мы встретились с ним в кратере горы Везувия и были вместе неоднократно ограблены и уведены, в ожидании выкупа, в горы Калабрии; он обладал громадной физической силой, превосходным сердцем и разнообразными познаниями, но никогда прежде не видел я его с блюдом гороха перед ним, и поведение его по отношению к этому гороху причинило мне величайшую скорбь. Видя, как он держал себя в обществе, мне оставался один исход — прекратить с ним знакомство ‹. . .› Четыре года спустя мы встретились ‹. . .› Каково было мое удивление, мой восторг, когда я увидел, что он обращается с вилкой, как и всякий другой христианин. Воспоминания минувших дней охватили меня: спасение меня из рук разбойников, его рыцарское поведение в деле с графиней ‹. . .› выдача им мне в долг 1700 фунтов стерлингов. Я чуть не заплакал от радости; голос мой дрожал от душевного потрясения. „Джордж, мой друг!“ — воскликнул я ‹. . .› С тех пор мы стали неразлучными друзьями» (*Синклер*, стр. 100—101). Досто-

евский мельком бросает иронические замечание об английском этикете в мартовском выпуске «Дневника» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 95).

Стр. 71. . . .*слишком мог научиться этикету из одного того уже, как один парламент — нижний сносится с другим — высшим.* — Английский парламент состоит из двух палат: нижней (палата общин) и верхней (палата лордов). Вся работа парламента, начиная от вызова на заседание (лорда или депутата нижней палаты) и кончая деталями процедуры заседания, взаимоотношениями палат, подчиняется установленным правилам и традиции.

Стр. 71. . . .*опять-таки нигде нет такого этикета, как на приемах, обедах, балах английской аристократии. . .* — Об английском этикете (формы обращения) на приемах, обедах и т. д. напоминали частые сообщения в печати русских и иностранных корреспондентов, следящих за общественными выступлениями английских политических деятелей. См., например, «Речь лорда Биконсфильда на банкете лорд-мэра» (рубрика «Внешние известия»): *СПбВед*, 1877, 3 (15 ноября), № 304; а также: *СВ*, 1877, 21 ноября (3 декабря), № 204; *ПВ*, 1877, 23 и 29 ноября (5 и 11 декабря), №№ 260, 265 и др.

Стр. 71. . . .*вы львы сердцем. . .* — Достоевский превращает в простую метафору прозвище английского короля (с 1189 по 1199) Ричарда I, Львиное Сердце. Участие Ричарда I в крестовых походах, воодушевленных идеей освобождения «гроба господня» (1190—1192), более тесным образом, чем это кажется на первый взгляд, соединяет для Достоевского Ричарда I с русскими — прямыми участниками русско-турецкой войны 1877—1878 гг. или теми, кто сочувствовал такому участию.

Стр. 71. . . .*вы Баярды все до единого. . .* — Баярд (Bayard, 1476—1524) — «Рыцарь без страха и упрека» (chevalier sans peur et sans reproche), прославившийся беззаветной смелостью и благородством. Биография Баярда, вышедшая в свет в 1525 г., была широко известна и переиздавалась.

Стр. 72. . . .*как сын Старой Англии. . .* — Имеется в виду распространенный фразеологизм «Merry old England» — добрая старая Англия.

Стр. 72. *Подвоз патронов в турецкую армию из Англии и Америки колоссальный ∾ Присутствие англичан и их денег в теперешней войне несомненно.* — Об этом писали русские газеты, например: «Снабжение турок патронами изумительное ‹. . .› Можно предполагать, что в сражении под Плевною многие турецкие части израсходовали против отряда генерала Скобелева до 400—500 патронов на человека. Надолго ли хватит у турок патронов при такой расточительности, неизвестно. Во всяком случае, без колоссального подвоза патронов из Англии или Америки турки, при принятой ими системе расходования патронов, обойтись не могут» (*СВ*, 1877, 20 ноября (2 декабря), № 203).

Стр. 72. *Даже если есть какие-нибудь там вексельки и векселечки, выданные нами Европе. . .* — Имеются в виду обещания России еще до начала военных действий отказаться (в случае успешного хода войны) от каких бы то ни было территориальных притязаний. Эти обещания Достоевский горячо приветствовал в самом начале войны еще в апрельском выпуске «Дневника» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 98—100). Уже в конце октября об этом, в частности, напоминал кн. Васильчиков в статье «По поводу слухов о посредничестве» (*СВ*, 1877, 31 октября (12 ноября), № 183), с которой и началось в русской печати горячее обсуждение условий русско-турецкого мира: «Мы предприняли эту войну с явно выраженной, но не точно определенной целью — освобождения балканских славян, и вместе с тем, для успокоения европейских кабинетов, приняли на себя обязательство не присвоивать себе ни одной пяди турецкой территории в Европе». «Мы должны, — писал далее автор, предлагая свое мнение об условиях мира, — ‹. . .› осуществить первую часть этой программы, доставить прочные гарантии балканским славянам вообще и полную автономию некоторым областям: это наша моральная обязанность, minimum того, что мы должны исполнить, чтобы сдержать торжественно данное слово и искупить те тяжелые страдания, которые эта война навлекла турецким славянам.

Мы не должны присоединять к русской империи никакой части из континентальных владений оттоманов в Европе. Это наш реальный долг, ma-

ximum тех уступок, которые мы сделаем для того, чтоб обеспечить себе, в этой борьбе с исламизмом, нейтралитет христианских правительств». Далее, говоря о возмещении русским их убытков в войне, Васильчиков пишет: «Самым действительным вознаграждением этого рода была бы уступка России — турецкого военного флота <. . .> главными пунктами будущего мирного договора могли бы быть: во-первых, автономия славянских областей, во-вторых, свобода Черного моря и уступка нам турецких броненосцев. . .». Об изменениях условий мира в русской официальной программе по ходу успешной военной кампании см.: С. Л. Чернов. Основные этапы развития русской официальной программы решения Восточного вопроса в 1877—1878 гг. — В кн.: Балканские исследования, вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, стр. 25—42. Судя по комментируемому тексту, Достоевский, как и те, кто сразу после выхода статьи Васильчикова возражал ему (среди них был Н. Я. Данилевский, автор ряда статей в «Русском мире», см. об этом ниже, примеч. к стр. 82, 83), склонен был изменить свое мнение относительно условий мира ввиду явного успеха русско-турецкой войны и многочисленности жертв, принесенных славянами ради этого успеха. См. также ниже, примеч. к стр. 77.

Стр. 72. *. . .перешли мы Барбошский мост. . .* — Переход русских войск через Барбошский (Барабошский) мост — одна из первых и важных операций русско-турецкой военной кампании, о которой много писали. В «Обзоре военных действий с объявления войны» «Петербургской газеты» об этом сказано: «Главные эшелоны действующей армии, перейдя границу в Леово, Бештамах и против Кубея, направились внутрь княжества, причем отряд крайней левой колонны, сделав в одни сутки переход пехотою в 70, а кавалериею в 100 верст, успел занять 13 апреля Рени, Галац, Барабошский мост на Серете (левый приток Дуная, — *Ред.*) и Браилов. . .» (*ПГ*, 1877, 1 мая, № 67, а также: *НВр*, 1877, 14 и 15 апреля, №№ 403—404).

Стр. 73. *. . .еще летом, еще задолго до «Плевны». . .* — Взятие Плевны было важнейшим событием в ходе русско-турецкой войны, так как оно фактически означало освобождение Северной Болгарии и давало возможность русским войскам перейти в общее наступление в константинопольском направлении. Русская армия дважды — 8 (20) и 18 (30) июля пыталась овладеть Плевной, но эти попытки были неудачны. Враждебная России турецкая и западная печать трактовала эти неудачи и задержку у Плевны как серьезное военное поражение, что не отвечало объективной сути дела. Подробно об этом см.: И. И. Ростунов. Боевые действия русской армии на Балканах в 1877—1878 гг. — В кн.: Балканские исследования, вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, стр. 16—20. См. также ниже, примеч. к стр. 76.

Стр. 73. *. . .вознегодовавших было значительное число и раздались голоса* ∾ *И поднялись голоса.* — Эти слова — непосредственный отклик Достоевского на статью «Наша печать и болгарские дела» (подпись: А. Н. <А. Н. Пыпин>) октябрьского номера «Вестника Европы» (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 879—899). Ср.: «Не одних наших, но и других корреспондентов, попавших в первый раз в Болгарию, удивило замечательное благосостояние сельского населения. Простодушные корреспонденты, очевидно никогда не читавшие ни одной книги о Болгарии, ожидали встретить болгар забитыми нищими, и изумились, увидев, что „угнетенный“ болгарин жил так, что ему очень мог бы позавидовать не только бедный русский крестьянин, но и западный. В селах видели вообще значительное довольство, опрятные дома, прекрасные поля, огороды, виноградники, фруктовые сады, стада и т. д. Мелькала мысль, нуждаются ли болгары в освобождении? Без сомнения было прискорбно воспоминание о народных массах самого освобождающего государства, — но усумниться в необходимости освобождения еще раз было примером нашего незнания» (там же, стр. 886—887). Сообщения о «благосостоянии» болгар, находящихся под властью Турции, время от времени мелькали в иностранных и русских периодических изданиях. См., например: *МВед*, 1877, 15 июля, № 176 («Из-за Дуная»); *НВр*, 1877, 3 (15) ноября, № 605 («Болгаре и русские»); *СПбВед*, 1877, 17 (29) ноября, № 318, и др.

С т р. 73. *Еще до объявления войны я, помню, читал ∾ но и болгарское население, умирающее с голоду».* — Вопрос об экономическом и финансовом положении России и предстоящих издержках обсуждался в русской периодической печати накануне войны. См., например, статью «Государственные доходы и расходы России» в «Петербургской газете» (1877, 13 января, № 9, а также: 13 февраля, № 30). Самым подробным образом этот вопрос был освещен в ряде статей А. Головачева «Государственная роспись доходов и расходов на 1876 г. и отчет государственного контроля за 1874 год» в «Отечественных записках» (1876, №№ 2—4, 6). Мнения Головачева, высказанные в этих статьях, учитывались всеми, рассуждавшими на эту тему. В последнем номере «Отечественных записок», в статье «Воевать или не воевать? . .» (автор Г. З. Елисеев?), говорилось, что война страшным бременем ляжет на народ и что в экономическом отношении Россия к предстоящим издержкам не готова (*ОЗ*, 1876, № 6, стр. 371—372). «Новое время», рассуждая о предстоящей войне России и Турции, со ссылкой на одну из западных газет, писало: «Придется вступить в землю, население которой не только не богато, но которая даже отчасти разорена и может доставить лишь скудные средства, а может быть и вовсе их не доставит занимающей ее армии. Если русским войскам удастся перейти чрез Дунай, то им придется иметь дело не только с сильным четыреугольником крепостей, но, вероятно, с страною, вконец разоренною, без путей сообщения и средств к существованию. Им придется везти с собою не только фураж, но и повозки, необходимые для его перевозки. Одно это обстоятельство требует увеличения обоза до колоссальных размеров» (*НВр*, 1877, 4 (16) апреля, № 393).

С т р. 73. *. . . за которых мы пришли с берегов Финского залива и всех русских рек отдавать свою кровь . . .* — Отдаленная реминисценция из стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831):

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля? ..

Достоевский цитировал эти стихи в февральском выпуске «Дневника» за 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 38).

С т р. 74. *. . .писать об нем корреспонденции и анекдоты, чернить его характер ∾ Ну, а ведь про болгар это делали.* — Ср.: «Когда русские войска вступили в Болгарию, они приняты были несчастными болгарами с восторгами радости ‹. . .› Так рассказывалось о вступлении русских войск в Систово, в Тырново, между прочим и теми самыми корреспондентами, которые недавно, из Бухареста, поучали нас, что болгарам „вообще" доверять нельзя ‹. . .› Но потом мы опять слышали отзывы, что болгары относятся к русским не всегда с этим дружелюбием, что, напротив, они становятся недоверчивы, не только не делают встреч, но отдаляются от русских и держат себя „двусмысленно". Тупоумные корреспонденты (за немногими исключениями) не понимали, отчего болгары не подносят им цветов и не угощают их. Страшные факты начали разъяснять истину» (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 887—888). Об этом же писал автор «Журнальных заметок» (подпись: Ал-.й) в «Северном вестнике»: «Болгары изображались у нас попеременно то как нищие, оборванцы, проклинающие день и час своего рождения, то как сытые и довольные богачи, которые вовсе и не чувствуют на себе тяжесть иноплеменного ига. „Отечественные записки", например, в течение одного года успели высказаться и в том, и в другом смысле: сначала они ставили „всемирные свечки" за освобождение славян и предлагали возжечь с этою целью кровавую войну от края и до края Европы (имеются в виду статьи Д. Л. Мордовцева «На всемирную свечу» и Г. З. Елисеева (?) «Воевать или не воевать? . .» из «Современного обозрения» — *ОЗ*, 1876, № 7, стр. 94—106; № 6, стр. 358—376, — *Ред.*); а теперь

они же утверждают, что болгары благоденствуют под турецким владычеством, как ни один из европейских народов» (*СВ*, 1877, 19 ноября (1 декабря), № 204).

С т р. 74. *А другие так вывели потом, что русские-то и причиной всех несчастий болгарских* ∽ *Это и теперь еще утверждают.* — Подобные мнения высказывались не только о болгарах, но и по поводу других национальностей, бывших под властью турок. Ссылаясь на иностранные корреспонденции, «Правительственный вестник» писал: «Патриарх армяно-григориан в Турции Нерсес говорил однажды Лэйарду, что, „по его мнению, армянская национальность, находясь под турецким владычеством, имеет более надежды на свое развитие, благосостояние и преуспеяние, нежели под управлением русских“. Но факты не оправдывают слов Нерсеса. . .» (*ПВ*, 1877, 13 (25) ноября, № 252). Еще до начала русско-турецкой войны в связи с помощью России восставшим славянам писали в западных и русских изданиях, что эта помощь только повредила восставшим. Сведения об этом с отсылками к соответствующим публикациям приводились, в частности, в «Современном обозрении» «Отечественных записок». См. статью «Воевать или не воевать? . .» (*ОЗ*, 1876, № 6, стр. 361—362). «Теперь (когда помощь России ожесточила врагов славян в Турции и Европе, — *Ред.*), — писал автор этой статьи, — славяне поставлены в такое положение, что должны открещиваться от всякой дружбы с Россией, публично заявлять, что „Россия <. . .> только вредит нам“, что „завоевательные цели ее опасны для них самих“» и т. д. (там же, стр. 361).

С т р. 74. *Потом всё обнаружилось, и истина открылась многим из вознегодовавших* ∽ *Обнаружилось, во-первых, что болгарин ничем не виноват в том, что он трудолюбив и что земля его родит во сто крат.* — Ср.: «Страшные факты начали разъяснять истину: когда после Плевны русские войска очищали ту или другую местность <. . .> тогда и для наших наблюдателей стало делаться понятным, что для болгар идет речь о жизни и смерти» (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 888). «Благосостояние болгар было в сущности лишний резон за освобождение. Оно свидетельствует только о трудолюбии народа, которое умело достичь благосостояния, несмотря на все неблагоприятные условия, и о благодатной природе страны, богато вознаграждающей труд» (там же, стр. 887).

С т р. 74. *Во-вторых, в том, что и «косился», он не виноват* ∽ *и ведь прав был, вполне угадал, бедняжка. . .* — Ср.: «Ужасы Эски-Загры и всей долины Тунджи, события в Ловче и во множестве болгарских местечек и городов, возвращающихся в турецкие руки, страшно напоминают о том, с кем мы имеем дело. На днях (10 сентября н. ст.) мы читаем рассказ английского корреспондента, который проехал долину Тунджи и на пространстве 40 миль не встретил ни одной болгарской души. Европейская история — разве со времен ужасов тридцатилетней войны, не помнит таких страшных положений, как нынешнее положение болгар. Теперь всем понятно, что они могли основательно страшиться сближения с русскими» . . . (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 888).

С т р. 74. *. . .после того как мы, совершив наш первый, молодецкий натиск за Балканы. . .* — Имеются в виду действия передового отряда русских войск (в который влились и болгарские ополченцы) под командованием генерал-лейтенанта И. В. Гурко начиная с 25 июня (7 июля) 1877 г., когда в первый же день наступления была освобождена древняя столица Болгарии — Тырново; затем бои этого отряда 5—6 (17—18) июля под Шипкой, кончившиеся для русских солдат и болгарских ополченцев овладением Шипкинским перевалом 7 (19) июля.

С т р. 74. *. . .вдруг отретировались, — пришли ведь к ним опять турки и что только им от них было — теперь уже достояние всемирной истории!* — Отряду русских войск, находившемуся за Балканами, пришлось отступить под натиском турецкой армии, которая наступала с превосходящими этот отряд силами. 19 (31) июля произошел первый бой под Эски-Загрой (Стара-Загора). Отходя, отряд И. В. Гурко влился в состав войск генерал-лейтенанта Ф. Ф. Радецкого, но Шипкинский перевал был удержан ценою многих жертв. Расправа турок с населением вновь захваченной территории, равно как с пленными и ранеными солдатами и офицерами войск противника, была те-

мой, не исчезающей со страниц русской и иностранной печати. Автор «Вестника Европы» по этому поводу писал: «В каждом месте, которое было занято и потом оставлено русскими, произошли страшные, нечеловечески гнусные репрессалии, которыми турки мстили за фактические или предполагаемые сочувствия к русским. Со времени отступления русских из-за Балкан совершается непрерывное истребление болгарского народа <. . .> Европейская история <. . .> не помнит таких страшных положений. . .» (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 888).

Стр. 75. *NB.* (*Кстати, еще недавно, уже в половине ноября, писали из Пиргоса о новых зверствах этих извергов.* — Официальные телеграммы сообщали: «7-го ноября, в 9 часов утра, 16 турецких таборов от Рущука, Басарбова и Чифтлика атаковали наши авангардные позиции <. . .> Особенно упорным бой был у Пиргоса, где две роты азовского и днепровского полков геройски защищались против огромного превосходства турецких сил; значительные потери заставили их наконец отойти к Мечке; тогда вся 1-я бригада 12-й дивизии подошла оттуда в наступление, выбила турок из Пиргоса <. . .> отбросив их за Лом; турки успели, однако, сжечь Пиргос» (*ПГ*, 1877, 10 ноября, № 205; *СПбВед*, 1877, 10 (22) ноября, № 311). О жестокости турок по отношению к пленным русским солдатам и офицерам, в том числе и под Пиргосом, не переставали писать русские газеты. См.: *СПбВед*, 1877, 4 (16) и 5 (17) ноября, №№ 305 и 306; *ПВ*, 1877, 30 октября (11 ноября), № 240; 4 (16) ноября, № 244; 12 (24) ноября, № 251 (особенно в корреспонденциях Вс. Крестовского) и др. В корреспонденции «Нового времени» говорилось о том, что, «переправившись чрез Лом у Рущука, Басарбова и Ивана-Чифтлика», турки атаковали левое крыло русской армии и «стали напирать преимущественно на Пиргос, который и был взят ими и сожжен. . .» (*НВр*, 1877, 11 (23) ноября, № 613). Об издевательствах турок над русскими ранеными см. в этой газете статью «Русские раненые и турки» (подпись: Войсковой старшина Ржевуский) — там же, 10 (22) ноября, № 612.

Стр. 75. *Репрессалии, конечно, жестокая вещь* ∾ *как и сказал уже я раз в одном из предыдущих выпусков «Дневника». . .* — Достоевский писал о «репрессалиях» в июльско-августовском выпуске «Дневника» за 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 221—223).

В упоминавшейся выше статье «Пленные турки в России» (см. примеч. к стр. 69) по этому поводу говорилось: «. . . мы не понимаем репрессалий в отношении побежденного врага <. . .> Никогда русское чувство не принадлежало угнетению бессильного врага (лежачего-де не бьют!). Симпатии, которыми Россия пользуется среди передовых европейских гуманистов и мыслителей, именно основаны на том, что Россия первая после франко-прусской войны подняла знамя человеколюбия и достигла результатов брюссельской конференции, вменяющей победителю гуманное обращение с пленными. Вот почему мы обращаем внимание на циркуляр министерства внутренних дел об употреблении пленных на работу, как первое применение постановлений конференции. Циркуляром этим прямо возбраняется употреблять пленных на такие работы, „которые были бы унизительны для их воинского звания и общественного положения, занимаемого ими в своей стране“ <. . .>. Следовательно, вводимые работы скорее будут приятны, нежели обременительны для пленных, потому что они избавляют их от тунеядства и невыносимого бездействия, отягощающего участь пленного» (*ПГ*, 1877, 11 ноября, № 206).

Стр. 75. *. . .но строгость с начальством этих скотов была бы не лишнею.* — Об этом, в частности, писал тот самый Наблюдатель «Северного вестника», с которым (по другому поводу) Достоевский полемизировал позднее, в декабрьском выпуске своего «Дневника» (см. ниже, примеч. к стр. 93 и др.). Говоря о средствах, которые могли бы прекратить или поубавить разного рода турецкие бесчинства, он утверждал: «. . .ответственность, действительно, должна падать на турецких начальников. Пусть внушают своим солдатам, пусть удерживают их, как знают, — это не наше дело. А если не внушат и не удержат, — пусть расплачиваются сами. . .» (*СВ*, 1877, 13 (25) ноября, № 196).

Стр. 75. *. . .(пруссаки наверно бы сделали так, потому что они даже*

с французами так точно делали. . . — Речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 гг. С начала военных действий между Россией и Турцией русские и иностранные обозреватели и корреспонденты сопоставляли события русско-турецкой войны с той, которая ей предшествовала. Достоевский вспомнил о франко-прусской войне сразу же, как только Россия начала военные действия. См. об этом в апрельском выпуске «Дневника» за 1877 г. (наст. изд., т. XXV, стр. 99—100).

О необходимости «репрессалий» ввиду непрекращающихся турецких зверств писал и Наблюдатель «Северного вестника», тоже отсылая читателей к примерам из франко-прусской войны: «Всегда и повсюду употреблялись репрессалии. Немцы обливали французские деревни керосином и жгли их вместе с неуспевшими уйти жителями». И далее: «Немцы жгли Базейль и другие деревни, расстреливали вольных стрелков, потому только, что не признавали их регулярным войском; англичане в пленных индусов палили в упор из пушек, и, однако ж, мы тогда были убеждены и теперь убеждены, что немцы и англичане — Европа, потому что этого и отрицать нельзя. Только сами мы все еще хотим выслужиться» (*СВ*, 1877, 13 (25) ноября № 196). В этой статье Наблюдателя, кстати сказать, продолжается разговор о снисходительности присяжных к уголовным преступникам — тема полемики Наблюдателя и Достоевского.

С т р. 76. *. . .дожили до печальной с ними развязки, то поневоле поняли, что болгарская жизнь в сущности всего только одна декорация ∾ принадлежит турку и берется им, когда он захочет.* — Ср. : «Только позднее некоторых наших критиков стала отчасти осенять мысль, что до обвинения следует взглянуть на те обстоятельства, среди которых живет обвиняемый народ. Действительно, довольно припомнить почти пятисотлетнее иго, совершенно бесправное существование под крайним произволом, выполняемым с каннибальской жестокостью, и всякий недеревянный человек должен почувствовать величайшее сострадание ‹. . .› Нынешняя война страшно напоминает о том, каковы были господа, повелевавшие этим народом в течение половины тысячелетия». И далее: «. . .остается факт, что если болгарин владеет своим достоянием, то это не больше, как счастливый случай, так как его ничто не обеспечивает от грабежа и всякого насилия» (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 886, 887).

С т р. 76. *Если мы возьмем Плевно и замедлим двинуться далее. . .* — Плевна была взята в результате упорных боев и осады 28 ноября (10 декабря) 1877 г. После падения Плевны русская армия получила возможность перейти в решительное наступление, целью которого было освобождение не только Северной, но и Южной Болгарии. Необходимость скорейшего наступления диктовалась международной обстановкой. Угроза вмешательства Англии и других европейских стран в русско-турецкую войну на стороне Турции требовала от русской армии энергичных действий. Неожиданно для Турции и западных военных деятелей, считавших наступление невозможным ввиду зимы и тяжестей перевала через Балканский хребет, оно началось немедленно и успешно. Овладение перевалами позволило русской армии двигаться дальше по направлению к Константинополю. Все это подробным образом освещалось в русской и западной печати.

С т р. 76. *. . .известный своими прекрасными и обстоятельными статьями с поля битвы, из нашего лагеря, англичанин Форбес. . .* — Характеристика английского корреспондента (в русской транскрипции его имя передавалось по-разному: Форбес, или Форбс, или Форбз) повторяет то, что о нем писалось в русских газетах по поводу той статьи, которую имеет в виду Достоевский: «Русские, турки и болгары. . .», и которая была напечатана в издании: «Девятнадцатый век», 1877, ноябрь («Nineteenth Century», 1877, november). «В настоящее время, — говорилось в передовой статье «Петербургской газеты» «Английские корреспонденты и болгары», — они (недоброжелатели России, — *Ред.*) стараются поселить рознь между славянскими племенами и уверить нас, что болгары не стоят, чтобы за них проливали кровь. Недавно на это поприще выступил, к сожалению, г-н Форбз, талантливый корреспондент газеты „Daily News“. Воздавая должную справедливость русским войскам и порицая турок, он отзывается крайне неодобрительно о болгарах. Они,

по его мнению, неспособны к самоуправлению, не имеют ни энергии, ни храбрости; эксплуатируют русских, совершают жестокости над турками <. . .> и занимаются ремеслом двойного шпиона и двойного изменника. Далее, г-н Форбз говорит, что дурное управление турок не препятствовало благосостоянию Болгарии в материальном отношении» и т. д. Факт, упоминаемый Достоевским, в этой статье передан так: турки, «по мнению г-на Форбза, поступили крайне непоследовательно, не перебив всех болгар до перехода русских через Дунай» (*ПГ*, 1877, 10 ноября, № 205). В «Новом времени» слова английского корреспондента переданы так: «. . .отступая перед вторжением неприятеля в Болгарию, турки сделали важный военный промах, не опустошив территории, которую они оставляли открытой перед наступлением. Если бы территория эта была даже исключительно населена их единоплеменниками, то и тогда было бы обязательно по законам войны уничтожить жатвы, выжечь села до последней хижины и оставить за собой совершенную пустыню. Быть может, некоторые фанатические филантропы подняли бы вопль против такого бесчеловечного образа действия; но все здравомыслящие люди с прискорбием признали бы это за одну из суровых необходимостей войны. Русские не могли бы возражать против этого, после таких же прецедентов в собственной истории, внесенных в летописи их Барклаем, Кутузовым и Ростопчиным». И далее: «Оставить за собой вместо опустошенной территории землю, кипящую „медом и млеком“, землю, переполненную друзьями завоевателя, это образец военного безумия, не имеющего примера в истории». Далее высказывалась мысль о том, что болгарам жилось при турках не так уж плохо. См.: *НВр*, 1877, 15 (27) ноября, № 617.

Статья английского корреспондента вызвала критику Гладстона, которая тоже отразилась в русской печати. В статье корреспондента «Daily News», как об этом говорилось в «СПб. ведомостях», положение болгар «представлено блестящим, в том смысле, что они богатый народ, что у них много земли, большие стада овец и рогатого скота и что они пользуются бо́льшим материальным комфортом, нежели много людей в Англии. . .». На это утверждение Гладстон возражал: «М-р Форбес совсем не видел болгар в той местности, где владычествуют турки. В каком положении находится Болгария? а вот в каком: <. . .> свободной земли там много, потому что в каждой местности, где владычествуют турки, земли всегда бывает много свободной. Но почему? потому что они истребляют большую часть населения». Именно в заключении этой речи Гладстон и сказал те слова о России, которые ранее на память цитировал Достоевский (*СПбВед*, 1877, 18 (30) ноября, № 319; см. выше, стр. 68).

Стр. 77. *. . .это не граф Биконсфильд говорит: тот может выразить такие же разбойничьи и зверские убеждения, принужденный к тому политикой, «английскими интересами». . .* — О Биконсфилде и его отношении к России не переставали сообщать русские и западные газеты. «В своих речах в Айлесбери и в Гильдголле, — писалось в русской печати, — лорд Биконсфильд обращался с едва скрытыми угрозами к России, а по отношению к Турции употреблял язык, который мог вполне внушить правительству султана уверенность, что рано или поздно Англия придет на помощь Порте» (*РМ*, 1877, № 355). Русская печать внимательно следила за всеми выступлениями Биконсфилда, открытое недоброжелательство которого к России было действительно продиктовано «английскими интересами». Эти же «интересы» руководили деятельностью и других английских политиков, в том числе тех, кто (как Гладстон) выступал против враждебной по отношению к России политики Биконсфилда. «Англичане твердят о своих интересах, — говорилось в ноябре в одной из передовых статей «СПб. ведомостей», — которым будто бы угрожают русские победы, как будто в самом деле британские интересы должны исключительно служить нормою международной политики. Это уже болезненная мания измерять мировые события английским аршином, определять требования культуры фунтами стерлингов, смотреть на международные дела исключительно с точки зрения промышленности и торговли Англии, — это явление в высшей степени странное, достойное психического анализа» (*СПбВед*, 1877, 19 ноября (1 декабря), № 320). Резкой кри-

тике политики Биконсфилда в Восточном вопросе и русско-турецкой войне (а вместе с тем и его понимания «английских интересов») немало страниц отводит в своей книге «Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России» (Пер. под ред. В. Ф. Пуцыковича. СПб.. 1878) Т. Синклер (преимущественно в главах: «Восточный вопрос с января 1875 г. до настоящего времени»; «Лорд Биконсфильд перед судом общественного мнения»; «Заключение и лорд Биконсфильд»). «Всем известно, — писал в этой книге автор, — что лорд Биконсфильд есть душа и сердце турецкой партии в кабинете (министров, — *Ред.*) ‹. . .› его участие в делах британского кабинета можно грубо определить таким знакомым текстом: „Чаша Вениамина была в пять раз более, чем у других“» (*Синклер*, стр. 43—44).

Стр. 77. *Но тут Россия* ∾ *тут показалось уже знамя будущего* ∾ *гигант и сила, не признать которую невозможно* ∾ *Именно тут инстинкт, тут предчувствие будущего. . .* — Слова о России как о «гиганте и силе» повторяют настойчивый для «Дневника писателя» 1876—1877 гг. мотив «колосса». В рецензии на 21-й выпуск «Новочешской библиотеки» (статья «Славянские литературные известия», подпись: П. Д. ‹П. П. Дубровский›) приводится характерная в данной связи выписка из сочинения известного чешского филолога и поэта Ф. В. Челаковского «Чтения о началах образованности и литературы славянских народов»; «Причина ‹. . .› по которой славянский народ в это время привлекает к себе большее внимание и приобретает важность, заключается в северном колоссе „на глиняных ногах“, как недавно еще трубили его завистники и принимали за действительность то, чего искренно желали. Но в то время, когда вдруг все рушилось и распадалось, великан стоял неподвижно, и Европа еще более, чем когда-либо, обращает на него взор» (*МВед*, 1877, 1 августа, № 191). См. также ниже, примеч. к стр. 79.

Стр. 77. *. . .заговорили вдруг у нас все о скорой возможности мира. . .* — Толки о мире и условия мирных соглашений особенно горячо стали обсуждаться в русской печати после статьи кн. Васильчикова «По поводу слухов о посредничестве», которая начиналась словами: «В настоящую минуту, когда уже носятся смутные слухи о каких-то предложениях мира и посредничества иностранных держав, не мешало бы русскому общественному мнению высказаться насчет тех условий мира, которые нам кажутся желательными или, по крайней мере, возможными. . .» (*СВ*, 1877, 31 октября (12 ноября), № 183). См. выше, примеч. к стр. 72. «Толки о мире не умолкают. . .» — так начиналась статья «Внешние известия» в «Новом времени» (1877, 25 октября (6 ноября), № 596). В ближайших же номерах «Новое время» уже обсуждало мнение автора «Северного вестника» о том, что «самым действительным вознаграждением (для России, — *Ред.*) была бы уступка России — турецкого военного флота» (*НВр*, 1877, 1 (13) ноября, № 603). Достоевский мельком упоминает о другой статье кн. Васильчикова в «Дневнике писателя» за 1876 г., см. наст. изд., т. XXII, стр. 102.

Стр. 78. *Разумеется, трудно предречь, в какой именно форме* ∾ *всё это невозможно решить заранее в точности, и я не берусь разрешать.* — Все перечисленные Достоевским возможности исхода военного конфликта между славянами и Турцией, отраженные в разных дипломатических документах «великих держав», обсуждались и в русской, и в зарубежной печати до начала русско-турецкой войны и по ходу этой войны. «Основным при выработке программы политических преобразований на Балканах был вопрос о том, что следовало принять за ее основу: принцип „автономии“ или „независимости“. Оба принципа обсуждались в русских правительственных сферах уже в 50—60-е годы XIX в. ‹. . .› А. М. Горчаков (русский канцлер и министр иностранных дел, — *Ред.*) 18 мая 1877 г. писал русскому послу в Лондоне П. А. Шувалову: „Вы знакомы с нашими конвенциями с Австро-Венгрией. Они имеют две альтернативы: или политическое status quo, улучшенное местными реформами ‹. . .› или радикальное решение, влекущее за собой территориальное переустройство Турции“. Первая альтернатива ‹. . .› предусматривала в качестве максимума введение административной автономии для Болгарии, Румелии, Боснии и Герцеговины при сохранении прежней автономии Сербии и

фактической независимости Черногории, получавшей небольшое территориальное приращение. Подобные преобразования не вносили существенных изменений <. . .> и сохраняли господство Турции на Балканах <. . .> Вторая альтернатива <. . .> предполагала осуществление более широких реформ <. . .> В случае „полного крушения Оттоманской империи в Европе“ вследствие победы Сербии и Черногории <. . .> царское правительство предусматривало образование независимых Болгарии и Румелии „в их естественных границах“, австро-венгерское — автономных Боснии, Румелии и Албании. В Будапеште обе державы договорились о создании независимых Болгарии, Албании и „остальной Румелии“. Таким образом, уже с середины 1876 г. принцип „независимости“ начинает занимать большее место в системе русской политики, становится — по инициативе петербургского кабинета — специальным предметом международных переговоров. . .». Руководствуясь этим принципом «независимости», Россия и подготовила в конце 1877 г. проект мирного договора, который «с незначительными исправлениями 19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано был подписан русскими <. . .> и турецкими уполномоченными» (С. Л. Чернов. Основные этапы развития русской официальной программы решения Восточного вопроса в 1877—1878 гг. — В кн.: Балканские исследования, вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978, стр. 26—27, 37—38).

Стр. 78. *. . .под покровительством и надзором «европейского концерта держав». . .* — Достоевский употребляет обычную формулу тогдашней печати для обозначения соглашений «великих держав» — Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции, Италии и России. Ср., например, еще до объявления войны: «По мнению московской газеты, Россия должна была отвергнуть всякие обманчивые надежды на силу европейского соглашения, весь мираж европейского концерта. . .» (*Г*, 1877, 10 (22) апреля, № 98); «В этом западноевропейском „концерте“. . .» и т. д. — писал А. И. Кошелев в статье «Настоящий смысл Восточного вопроса» (*НВр*, 1877, 23 ноября (5 декабря), № 625) и др.

Стр. 78. *. . .не будет у России ∾ таких ∾ клеветников. . .* — Намек на стихотворение Пушкина «Клеветникам России» (1831).

Стр. 79. *. . .не будь во все эти сто лет освободительницы-России. . .* — И далее, стр. 80: *. . .из-за чего Россия билась за них сто лет. . .* — Имеется в виду целый ряд русско-турецких войн начиная со второй половины XVIII в. (1768—1774; 1787—1791; 1806—1812; 1828—1829; 1853—1856).

Стр. 79. *. . .Россия ∾ мрачный северный колосс. . .* — Ср. выше, примеч. к стр. 77. Слова о «колоссе» здесь ближайшим образом восходят к полемике Пушкина с «клеветниками России» в стихотворении «Бородинская годовщина»:

. . .Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?

(Курсив наш, — *Ред.*)

Выражение «колосс на глиняных ногах», идущее из Библии (см.: Книга пророка Даниила, гл. 2, ст. 31—35), с конца XVIII в. в Западной Европе стало применяться по отношению к царской России. Есть свидетельства, что впервые так назвал ее Дидро (1713—1784). Позднее на Западе появились варианты («северный колосс», «русский колосс»), возникшие на той же основе: «колосс на глиняных ногах». См.: *Ашукин*, стр. 328—329.

Стр. 79. *. . .даже не чистой славянской крови. . .* — Намек на известную остроту: «Grattez le Russe — et vous trouverez le tartare» («Поскоблите русского — и вы отыщете в нем татарина»), часто встречающуюся у Достоевского. См: наст. изд., т. XI, стр. 284; т. XIII, стр. 454; т. XV, стр. 203; т. XVI, стр. 454 и др. В «Дневнике писателя» упоминается неоднократно (ср., например, наст. изд., т. XXV, стр. 22).

Стр. 80. *. . .какой-нибудь ихний Иван Чифтлик. . .* — Достоевский здесь использует название одного из болгарских местечек, которое упоминалось и в октябрьских и ноябрьских газетах в связи с действиями русской армии. В «Северном вестнике» — Иован Чифтлик. См.: *СВ*, 28 ноября (10 де-

кабря), № 211 («Известия с театра войны»); «Лагерь при ауле Чифтлик, под Карсом» — *СПбВед*, 1877, 10 (22) ноября, № 311 («С театра военных действий»); «Бивуак при с. Чифтлик» — там же, 19 ноября (1 декабря), № 320 («С театра военных действий») и др. «Отряд русских войск проник за Иован Чифтлик. . .»; «Говоря о последней схватке на Ломе около Кадыкиоя и Иована Чифтлика. . .» и т. д. — писалось в «Петербургской газете», 1877, 23 октября, № 192 («С театра войны»); или: «Колонна медленно отступила к селу Иван-Чифтлик. . .» — *МВед*, 1877, 11 августа, № 199 и др.

Стр. 80. . . .*самая национальность их исчезла бы в европейском океане, как исчезают несколько отдельных капель воды в море.* — Образ, использованный Достоевским, навеян, по-видимому, стихотворением «Клеветникам России».

Стр. 81. . . .*Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян* <...> *Все воротятся в родное гнездо.* — Достоевский повторяет мотивы, часто звучащие в поэзии А. С. Хомякова (1804—1860):

Высоко ты гнездо поставил,
Славян полунощных орел,
Широко крылья ты расправил,
Глубоко в небо ты ушел! <. . .>
И ждут окованные братья,
Когда же зов услышат твой,
Когда ты крылья, как объятья,
Прострешь над слабой их главой. . .
О, вспомни их, орел полночи!. . .

(«Орел», 1832?)

или:

Как ярки и радости полны
Светила грядущих веков!. .
Вскипите ж, славянские волны!
Проснитеся, гнезда орлов!

(«Вставайте! оковы распались» . . ., 1853)
и др.

Стр. 81. . . .*есть разные ученые и поэтические даже воззрения и теперь в среде многих русских.* — Из новейших «ученых. . . воззрений» Достоевский в первую очередь имеет в виду книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (СПб., 1871). См. о ней ниже, примеч. к стр. 83. Опираясь на работы славянофилов — А. С. Хомякова (1804—1860), И. В. Киреевского (1806—1856), Ю. Ф. Самарина (1819—1876) и других, Данилевский соединяет их идеи с новыми теориями социального дарвинизма и говорит о славянском мире как едином организме, каждый элемент которого, вполне развиваясь сам, вместе с тем служит обогащению целого. Говоря о «поэтических. . . воззрениях», Достоевский скорее всего имеет в виду произведения А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева (1803—1873), А. Н. Майкова (1821—1897).

Стр. 81. . . .*малых сих*. . . — Выражение, восходящее к Евангелию, например: «И кто напоит одного из малых сих <. . .> не потеряет награды своей» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 42; см. также: гл. 18, ст. 6, 10, 14; от Марка, гл. 9, ст. 42; от Луки, гл. 17, ст. 2). Применяя слова Христа по отношению к славянам, «меньшим братьям», Достоевский повторяет мысль, высказанную еще А. С. Хомяковым в стихотворении «Кремлевская заутреня на Пасху» (1850):

В безмолвии, под ризою ночною,
Москва ждала; и час святой настал:
И мощный звон промчался над землею,
И воздух весь, гудя, затрепетал <. . .>

Откроем ли радушные объятья
Для страждущих, для меньшей братьи всей?. .

(А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Изд. 2-е. Л., 1969 (Б-ка поэта, большая серия), стр. 129—130, а также комментарий, стр. 567).

Стр. 82. *А про окончание войны все вдруг начали толковать, не только в Европе, но и у нас* ∾ *изъявили полное согласие.* — Рассуждения о мире возникали в Европе в связи с каждой победой русских в русско-турецкой войне. Заинтересованные европейские страны (в первую очередь Англия и Австро-Венгрия) не желали решительных успехов русских войск, поскольку, как понимали на Западе и в России, «мера <. . .> вознаграждений и уступок определяется размером успехов воюющих сторон» (*СВ*, 1877, 31 октября (12 ноября), № 183). Русские, для которых военная ситуация складывалась благополучно, не спешили с заключением мира. По поводу рассуждений о мире за границей в русских газетах писали: «. . .можно ли думать, чтобы Россия удовлетворилась первыми решительными своими военными успехами и поспешила заключением мира <. . .> Смеем думать, что это решительно невозможно, между прочим и потому, что такой исход настоящей войны был бы совершенно несогласен именно с военною честью России, не говоря уже о ее существенных интересах в будущем». И далее: «. . .наши войска успеют вполне сокрушить их (турок, — *Ред.*) <. . .> они не будут остановлены на полпути и добьются вполне почетного мира, во главе которого будет значиться полное освобождение Болгарии от невыносимого турецкого ига» (*СПбВед*, 1877, 1 (13) ноября, № 302). Вопросам условий мирных соглашений посвящены, в частности, статьи Н. Я. Данилевского, которые далее обсуждает Достоевский (см. ниже, примеч. к стр. 83). Так, в статье «О настоящей войне» Данилевский писал: «. . .балканские христианские народы получили бы им должное; будущая судьба их была бы устроена и упрочена. Но необходимо еще выполнение некоторых особых условий в видах вознаграждения — как России за ее жертвы, так и самих христианских народов Турции за перенесенные ими страдания. Собственно в вознаграждение военных издержек России — ей должен быть уступлен турецкий броненосный флот, который сделается для Турции бесполезною тягостью, и часть Малой Азии, по крайней мере, Карс и Батум. . .» и т. д. (*РМир*, 1877, 2 (14) августа, № 207; 13 (25) октября, № 279). «После того, — рассуждает Данилевский в другой статье, — как вся тяжесть борьбы, оказавшейся нелегкою вследствие препятствий, поставленных Европою же, легла на плечи одной России, — кто может требовать, чтобы она поделилась плодами своих усилий, своей крови, и не только поделилась, а принесла их в жертву мнимым и беззаконным интересам Европы. Мы должны быть столь же свободны, как была в свое время свободна Германия. . .» и т. д. (*РМир*, 1877, 13 (25) октября, № 279). «. . . говорят, — писалось по этому поводу в «Петербургской газете», — что с Турции нечего будет взять — это очень наивно, потому что законы международной политики не воспрещают удерживать за собою занятых провинций во время войны, пока издержки не будут уплачены. Наконец, Турция может расплатиться территориально» (*ПГ*, 1877, 11 ноября, № 206).

Стр. 82. . . .*большинство судящих начинает признавать и самостоятельность России* ∾ *и право ее заключить мир сепаратный, личный, не призывая Европы*. . . — Об этом, со ссылкой на другие издания, писалось, в частности, в «Новом времени»: «Осмелится ли кто-нибудь прекословить решениям, которые продиктует низложенной Турции Россия одна, отклоняя всякое вмешательство? <. . .> Тогда ли не в нашей собственной власти будет получить вполне соответствующее вознаграждение и за все материальное усилие, — вознаграждение даже с лихвою?. .» (*НВр*, 1877, 29 октября (10 ноября), № 600). О неизбежности европейского вмешательства в дела России и Турции при заключении мира и необходимости сообразовывать свои требования с этим обстоятельством писал кн. Васильчиков в статье «По поводу слухов о посредничестве» (см. выше, примеч. к стр. 77).

Стр. 82. . . .*с большим жаром требуют железных турецких мониторов.* — Мониторы (*англ.* monitor) — бронированные военные корабли с силь-

ной артиллерией. Об этих «мониторах», долженствующих по заключении мира перейти в руки России, писал Н. Я. Данилевский в статье «О настоящей войне» (*РМир*, 1877, 2 (14) августа, № 207). Кн. Васильчиков, говоря о том, что весь турецкий флот в возмещение убытков России в руско-турецкой войне должен быть передан ей, горячо отстаивал это требование. См. выше, примеч. к стр. 72, 77.

Стр. 82. *На присоединение Карса, Эрзерума и на право наше* ∾ *многие изъявили полное согласие.* — В «Новом времени», со ссылкой на другие издания (рубрика «Среди газет и журналов»), по этому поводу писалось: «Карс и Эрзерум, как Батум, должны остаться в руках России. . .» (*НВр*, 1877, 11 (23) ноября, № 613). В следующем номере этой газеты, опять-таки с привлечением материалов других изданий, говорилось о необходимости присоединения к России «Ардагана, Карса и Батума» (там же, 12 (24) ноября, № 614). Далее в той же газете («Внешние известия») говорилось: «. . .ни будущие завоевания России, ни желание ее оставить Карс за собой не встретят никаких препятствий со стороны континентальных держав при окончательном заключении мира» (там же, 15 (27) ноября, № 617). В результате русско-турецкой войны вся Карская область отошла к России.

Стр. 83. *Николай Яковлевич Данилевский, написавший* ∾ *книгу «Россия и Европа», в которой есть лишь одна неясная и нетвердая глава, именно о будущей судьбе Константинополя. . .* — Н. Я. Данилевский (1822—1885) — ученый-естественник и философ, в молодости — фурьерист и участник кружка Петрашевского. Достоевский знал о его капитальном труде «Россия и Европа» еще до выхода книги в свет (она печаталась в журнале «Заря» за 1869 г.), с нетерпением ждал ее и спрашивал об отдельном ее издании, которое появилось в 1871 г. (см. письма А. Н. Майкову от 2 марта 1868 г., от 11 декабря 1868 г.; Н. Н. Страхову от 12 декабря 1868 г.; от 24 марта 1870 г.). Н. Я. Данилевский, из «отчаянного фурьериста» обратившийся «к России», к «своей почве и сущности», был Достоевскому особенно любопытен (см. письма А. Н. Майкову от 11 декабря 1868 г., Н. Н. Страхову от 12 декабря 1868 г., С. А. Ивановой от 8 марта 1869 г.). Работа Данилевского произвела на Достоевского глубокое впечатление: «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною. Да ведь это — будущая настольная книга всех русских надолго <. . .> Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь на иных страницах сходству выводов <. . .> Я до того жажду продолжения этой статьи, что каждый день бегаю на почту <. . .> Потому еще жажду читать эту статью, что сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я все еще не уверен, что Данилевский укажет в *полной силе* окончательную сущность русского призвания, которая состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия» (письмо Н. Н. Страхову от 30 марта 1869 г.). Далее, при чтении «России и Европы» в выходящих номерах «Зари», Достоевский с огорчением заметил свое расхождение с Данилевским: «Все назначение России заключается в православии, *в свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа <. . .> Ну представьте же Вы себе теперь <. . .> что даже в таких высоких русских людях, как, например, автор „России и Европы“ — я не встретил этой мысли о России, то есть об исключительно-православном назначении ее для человечества» (письмо А. Н. Майкову от 9 октября 1870 г.). О Константинополе в первоначальном отзыве Достоевского на книгу ничего не говорится. Видимо, собираясь полемизировать с автором «России и Европы» через восемь лет, Достоевский еще раз заглянул в эту книгу, тем более что к ней отсылал и сам Данилевский в позднейших статьях, о которых далее Достоевский ведет речь (см.: *РМир*, 1877, № 207, № 309). «Неясная и нетвердая глава, именно о будущей судьбе Константинополя» — глава XII, «Восточный вопрос». В ней Данилевский писал: «. . .всеславянская федерация — вот единственно разумное, а потому и единственно возможное решение Восточного вопроса» (см.: Н. Я. Данилев-

с к и й. Россия и Европа. СПб., 1871, стр. 387). И далее, о Константинополе: «Царьград должен быть столицею не России, — а всего Всеславянского Союза» (там же, стр. 408). Интерес к Данилевскому у Достоевского не пропал и в позднейшие годы. В 1880 г. Е. А. Штакеншнейдер записывает в «Дневнике»: Достоевский «начал говорить про новую книгу Н. Я. Данилевского (она еще не вышла), в которой Данилевский доказывает, что все творения обладают даром сознания, не одни только люди, но и животные и даже растения (речь идет о книге: Н. Я. Д а н и л е в с к и й. Дарвинизм, т. I—II. СПб., 1885, 1889, — *Ред.*). Сосна, например, тоже говорит: „Я есмь!" <. . .> „Сознать свое существование, мочь сказать: я есмь! — великий дар, — говорил Достоевский, — а сказать: меня нет, — уничтожиться для других, иметь и эту власть, пожалуй, еще выше"» (Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 428).

С т р. 83. *. . .напечатал недавно в газете «Русский мир» ряд статей о том же самом предмете.* — Статьи Данилевского печатались в газете «Русский мир» под разными названиями, хотя все они объединены общей темой — Восточный вопрос. Цикл открывался статьей «О настоящей войне» (*РМир*, 1877, № 207), затем: «Европа и русско-турецкая война» (№ 279), «Проливы» (№ 289, № 290), «Константинополь» (№ 308, № 309). О реакции на спор Достоевского и Данилевского одного из представителей демократической критики — А. М. Скабичевского (1838—1911), с которым писатель в следующем выпуске «Дневника» вступит в прямую полемику по другому поводу, см. наст. изд., т. XXV, стр. 341.

С т р. 83. *После превосходных и верных рассуждений, например, о том, что Константинополь ∾ как, например, прежде Краков ∾ общим городом всех восточных народностей.* — См. статью Данилевского «Константинополь» (*РМир*, 1877, 11 (23) и 12 (24) ноября, №№ 308 и 309). Рассуждение именно о Кракове см. в № 309. «По нашему решению задачи, — пишет Данилевский в заключительной части своей статьи, — назовем его пока идеальным — Константинополь должен быть городом общим всему православному и всему славянскому миру, центром восточно-христианского союза. В этом качестве он будет, следовательно, принадлежать и России. . .» (там же, 12 (24) ноября, № 309).

С т р. 83. *Великан Гулливер мог бы, если б захотел, уверять лилипутов, что он им во всех отношениях равен. . .* — Гулливер, герой сатирического романа Д. Свифта (1667—1745) «Путешествия Гулливера» (1726), упоминается Достоевским в «Бесах», см. наст. изд., т. X, стр. 7.

С т р. 84. *. . .когда придут к тому сроки. . .* — Частая у Достоевского реминисценция из книг Нового Завета: «. . .не ваше дело знать времена или сроки, которые отец положил в своей власти» (Деяния апостолов, гл. 1, ст. 7; ср. также: Первое послание к фессалоникийцам, гл. 5, ст. 1—2).

С т р. 84. *. . .а что она, Россия, доросла». И доросла.* — Повторяющаяся в этой главке мысль и горячая ее защита вызваны полемикой не столько с Данилевским, сколько с теми утверждениями, появлявшимися на страницах русских газет и журналов, согласно которым Россия еще не готова к освобождению братьев-славян. Ярче всего эта позиция была заявлена журналом «Вестник Европы». Автор «Внутреннего обозрения» этого журнала писал в начале октября: «Нам припоминается <. . .> то, что говорилось и творилось у нас в печати год тому назад, когда в сентябре, в эпоху всеобщего увлечения сербским вопросом, мы сказали, между прочим: „Мы должны помнить, что, следуя влечению, мы не вправе еще претендовать на выдачу нам аттестата зрелости; свидетельство о ней мы можем получить только за работу внутреннюю, в частностях своих мелкую, но в общем более трудную, чем простое денежное пожертвование и даже чем доблестная, но минутная жертва жизнью за славное дело свободы. Помогайте славянам, но не забывайте и своих дел. . ." Многие, может быть, помнят, какую бурю произвели в некоторых органах нашей печати эти наши слова. . .» (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 822). Соображения такого рода повторялись в статье А. Н. Пыпина «Наша печать и болгарские дела», которую, судя по ноябрьскому выпуску «Дневника», внимательно прочел Достоевский. «В настоящее время, — писал Пыпин, —

несомненно ходит в умах представление о национальной связи и солидарности славянских племен; оно играло свою роль в подготовлениях настоящей войны <. . .> Но, как мы не раз уже о том говорили, дело понимается у нас в большинстве случаев крайне ошибочно и с большой примесью фантазии. Общество как-то вдруг открыло эту связь <. . .> и вдруг нашло, что здесь-то и заключается главный нерв всего нашего национального бытия. Мы решили, что великая идея отныне в наших руках, и уже готовились собирать ее плоды. Но, к сожалению, великие идеи не даются так легко. Они требуют труда — прежде всего над самими собой. . . Это начало мы сочли ненужным <. . .> За отсутствием прямого дела, значительная часть общества принялась фантазировать на эту тему, — что́ не требовало никакого труда и было очень приятно <. . .> Теория славянского единства, таким образом понимаемая, приобрела черты самого непривлекательного обскурантизма, с которым соединяется, как обыкновенно, великое самомнение и отсутствие терпимости <. . .> Славянская солидарность и единство в образовании могут иметь будущность только на почве широкого общественно-политического развития и успехов свободной литературы, каких мы, к сожалению, еще далеко не имеем. Мы можем служить славянству своей материальной помощью <. . .> но это еще не есть культурное могущество, и в настоящий момент мы едва ли готовы взять на себя роль руководителей славянства, какими хотят быть наши теоретики, и если возьмем ее, она может оказаться нам еще не по силам. Для этой роли нужно нечто большее, чем то, что может в настоящую минуту представить наше внутреннее общественное содержание» (там же, стр. 883—884, см. также стр. 885). Заявления Пыпина, как и другие заявления аналогичного свойства (см., например, статью Е. И. Утина «Болгария во время войны. Заметки и воспоминания»: *ВЕ*, 1877, № 11), высказанные вполне безапелляционно, безусловно вызывали раздражение Достоевского, и это чувство диктовало писателю многие утверждения заключительных главок ноябрьского выпуска «Дневника». С полемикой по тем же пунктам, но гораздо сдержаннее, чем Достоевский, выступил в «Новом времени» А. И. Кошелев, опубликовавший в ноябрьских номерах газеты ряд статей под общим заглавием «Настоящий смысл Восточного вопроса». См.: *НВр*, 1877, 23—25 и 27 ноября (5—7 и 9 декабря), №№ 625—627 и 629. См. также статью А. Зиссермана «Нашим обвинителям»: там же, 13 (25) ноября, № 615.

Стр. 84. *. . .изменения близкого, стоящего «при дверях».* — Ср.: «. . .когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях» (Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 33, ср. также: Евангелие от Марка, гл. 13, ст. 29).

Стр. 84. *Еще недавний спор болгар с патриаршим престолом. . .* — Об этом споре, кратко формулируя его суть и причины, напоминал Данилевский в статье «Константинополь»: «Говорят, что мы сами оттолкнули ее (константинопольскую патриархию, — *Ред.*) от себя односторонним покровительством болгар в их распре с греками. Охотно допускаем, что болгары перешли надлежащую меру, что они (впрочем, точно так же, как и их противники) признали вмешательство мусульманской власти в дела православной церкви; выговорили себе несогласное с церковными канонами право иметь самостоятельного главу своей церкви (оставшейся православной) в том же городе, где находится кафедра вселенского патриарха <. . .> Но что же повело к этому и в чем собственно сущность дела? Не в честолюбивых ли притязаниях греков эллинизировать болгар введением в их церквах богослужения на греческом языке, замещением болгарских архиерейских кафедр исключительно греками, распространением греческих школ среди болгарских населений <. . .> Не явно ли, что национальное беспристрастие, которое должно бы руководить церковью, носящею название Вселенской, и которым в прежние времена она и отличалась, — было принесено в жертву узким интересам эллинизма — так называемой великой идее. Не отголосок ли это тех навеянных с Запада опасений всепоглощающего панславизма, которые так распространились в последнее время между греками и которые дошли до того, что значительная часть эллинской интеллигенции проповедовала союз с Турцией против России и славянства» (*РМир*, 1877, 11 (23) ноября, № 308). Об этом же споре болгар с патриаршим престолом напоминал и автор

статьи «Недобитый народ» в «Современном обозрении» «Отечественных записок» (*ОЗ*, 1876, № 9. стр. 10—12).

С т р. 85. *Я знаю, очень многие назовут такое суждение «кликушеством», но Н. Я. Данилевский слишком может понять то, что я говорю.* — Достоевский имеет в виду сходные мысли, высказанные самим Данилевским и косвенно отразившиеся, в частности, в том цикле статей, о котором здесь идет речь. Более обоснованным (если исходить из посылок, положенных самим Данилевским в основу своей системы идей) и подробным образом эти суждения были выражены в книге «Россия и Европа». См. примеч. к стр. 83.

Обвинения в «кликушестве» по поводу политических убеждений и прогнозов Достоевского действительно раздавались и даже не прикровенно, а именно в той форме, в какой это писателю представлялось (см. наст. изд., т. XXV, стр. 339—341). Достоевский тем более легко мог предвидеть подобную реакцию на свои идеи, что обвинения в «кликушестве» издавна сопровождали, как правило, все и всякие теории славянофильского толка. См., например, стихотворение Н. Ф. Щербины (1821—1869), направленное одновременно и против А. Н. Островского (1823—1886), и против его почитателя — А. А. Григорьева (1822—1864), будущего критика и публициста журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» (1861—1863, 1864—1865), «После чтения одной „Элегии — оды — сатиры“» (1854):

Внимая голосу восторженных кликуш,
В себе почуял ты какого-то гиганта
И о себе самом понес смешную чушь <. . .>
Блеснула с Запада нам света благодать,
Мы к свету истины стремимся всей душою, —
И вот задумали порыв наш задержать
Кликуши вещие татарской стариною! . .

(Н. Ф. Щ е р б и н а. Избранные произведения. Л., 1970 (Б-ка поэта, большая серия), стр. 263—264, а также стр. 558—559). Стихотворения Щербины имелись в библиотеке Достоевского. См.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 32. В статье второй «Книжность и грамотность» из «Ряда статей о русской литературе» (1861) Достоевский, не касаясь поэзии Щербины, подробно обсуждает вопросы, вызванные проектом книги для народного чтения, составленным поэтом. Отдавая должное уважение этому «единственно сколько-нибудь серьезному проекту для народной книги», Достоевский по ходу анализа «проекта» иронически подчеркивает интеллигентскую, в конце концов — «западническую» его природу, несмотря на добросовестность, ум и лучшие намерения автора. См. наст. изд., т. XIX, стр. 21—57, 236—252.

С т р. 86. *. . .но ведь допускает же автор статьи, что Россия могла бы владеть Константинополем одна, пока, временно ∽ чтоб после передать его на общее владение народцам. . .* — Ср.: «. . .Константинополь должен быть взят временно в руки России, с тем, чтобы в должное время быть переданным всем тем, которые имеют на него право» (*РМир*, 1877, 12 (24) ноября, № 309).

С т р. 86. *И вдруг автор даже и пока не решается доверить России Константинополь ∽ и в этом почти перст божий.* — Ср.: «. . .неожиданно сильное сопротивление Турции есть явление, которое должно считать благоприятным. В нем, как во всем этом деле, начиная с герцеговинского восстания, ясно видна рука божия, обращающая во благо самые козни врагов. . .» и т. д. (*РМир*, 1877, 12 (24) ноября, № 309).

С т р. 86. *. . .автор предполагает при этом новом существовании Турции полнейшее влияние на нее России и, так сказать, зависимость Турции от России.* — Ср.: «Что касается самой Турции, то, лишенная европейского кредита, флота, Дунайских и Балканских крепостей и тех подданных, соками которых она питалась, ей не останется ничего иного, как, отбросив мечты о невозвратимом внешнем величии, предаться исключительно заботам о своем возможном еще внутреннем благосостоянии и подчиниться вполне влиянию России» (*РМир*, 1877, 2 (14) августа, № 207).

С т р. 86. *. . .автор почти сошелся, в конце концов, с политическим мне-*

нием лорда Биконсфильда, то есть что существование Турции необходимо и уничтожена она быть не может. — Ср. заключение последней статьи Данилевского (*РМир*, 1877, 12 (24) ноября, № 309) и «Речь лорда Биконсфильда» (*РМир*, 1877, 2 (14) ноября, № 299). По мнению Биконсфилда и его единомышленников в Англии и Австро-Венгрии, Россия не имела права начинать войну и европейский мир обеспечен лишь существованием Турции с ее территориальным status quo. См.: *ПВ*, 1877, 30 октября (11 ноября), № 240; 20 ноября (2 декабря), № 258 («Иностранные известия»); *НВр*, 1877, 30 октября (11 ноября), № 601.

Стр. 86. *«От Турции останется одна тень, — говорит Н. Я. Данилевский* ∾ *не только живым, но еще здоровым организмом, пока невозможно* (!?). . .» — *РМир*, 1877, 12 (24) ноября, № 309.

Стр. 87. . . .*«что занятие Константинополя русскими встретит самое решительное сопротивление со стороны большинства европейских держав».* — Не совсем точная передача рассуждения Данилевского: Ср.: «Он (Константинополь, — *Ред.*) мог бы, пожалуй, быть признан и вольным городом, но под исключительным протекторатом России ‹. . .› т. е. с русским гарнизоном и под общим ее административным надзором. Такое решение было бы весьма желательно и вполне удовлетворительно; но нельзя сомневаться, что оно встретит самое решительное сопротивление со стороны большинства европейских держав» (там же).

Стр. 88. . . .*мнение, например, о силе католического всемирного заговора* ∾ *разделяется теперь всеми и подтвердилось фактами.* — Об этом «заговоре» Достоевский рассуждал в майско-июньском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (см. наст. изд., т. XXV, стр. 154—164) и в сентябрьском и октябрьском выпусках (см. стр. 11—17, 54—59). См. об этом: наст. изд., т. XXV, стр. 335.

Стр. 88. *Единственный политик в Европе* ∾ *князь Бисмарк.* — Достоевский неоднократно в «Дневнике писателя» 1876—1877 гг. возвращается к этой теме. Об отношении Достоевского к Бисмарку см.: наст. изд., т. XXV, стр. 335.

Стр. 88. (*Социализмом проедена Германия.*) — О социалистическом движении в Германии немало писалось в русских периодических изданиях. В «Корреспонденции из Берлина» (статья «Германия и Восточный вопрос», подпись: *К*.) сообщалось: «Ультрамонтаны и социал-демократы, причем влияние последних растет в ужасающих размерах ‹. . .› открытые противники всякого национального настроения и постоянно нападают на него самым ожесточенным образом и в своих сочинениях и в своих речах. . .». И далее автор говорит о «социал-демократических тенденциях, которые теперь проявляются всюду, а не в одних только социал-демократических кружках» (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 845—846, 848). Ранее в том же журнале см., например, сообщения того же корреспондента: *ВЕ*, 1877, № 2, стр. 856 и след. В ноябрьском номере «Отечественных записок» («Современное обозрение») этой темы касалась большая статья А. Исаева «Социально-политические конгрессы Германии и их значение для экономической науки» (*ОЗ*, 1877, № 11, стр. 58—84). Об этом же писали газеты; в конце ноября, например, «Северный вестник» («Политические известия. Берлин»). См.: *СВ*, 1877, 25 ноября (7 декабря), № 208.

Стр. 88. *Раздавить католицизм в момент избрания нового папы Бисмарку необходимо.* — «Никогда еще Германия, — писалось в передовой статье «Ультрамонтанская ловушка» «Петербургской газеты», — не находилась в таком благоприятном положении для нанесения смертельного удара своему вековому противнику (папству и католицизму, — *Ред.*); Россия, всегда отвергавшая папские притязания, выходившие из пределов чисто духовной сферы, готова поддержать Германию всею силою своего могущества» (*ПГ*, 1877, 4 ноября, № 201).

Стр. 88. . . .*европейские политики, следуя за нескончаемой борьбой Мак-Магона с республиканцами, желают от всего сердца победы республиканцам* ∾ *князь Бисмарк* ∾ *понимает вполне, что Франция отжила свой век.* . . — Борьба Мак-Магона с республиканцами изо дня в день освещалась в русской и западной печати. Достоевский в «Дневнике писателя» то и дело

возвращается к этой теме. Впервые подробно в мартовском выпуске за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 83—91).

Стр. 89. . . .*войти в новый фазис существования и борьбы за существование — в фазис подземной, рептильной, заговорной войны.* — Отголоски распространенных в 1860—1870-х гг. идей социального дарвинизма, согласно которым человеческое общество развивается по законам биологического организма.

Стр. 89—91. *Народу оно скажет* ∾ *Картина эта, увы — не фантазия.*— Высказанные здесь идеи Достоевский с большей подробностью развивает позднее в «Братьях Карамазовых», именно в форме фантастической поэмы, принадлежащей Ивану Карамазову (часть вторая; книга пятая «Pro и contra»; V. «Великий инквизитор»). В «Дневнике писателя» подробно об этом см. в мартовском выпуске за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 87—91).

Стр. 90. . . .*благословляя иезуитов и одобряя праведность «всякого средства для Христова дела».* — Об иезуитах, которые «поставили даже правилом своим считать все средства годящимися, лишь бы цель могла быть достигнута», Достоевский писал еще в «Двойнике» (см. наст. изд., т. I, стр. 351). С тех пор и в художественном творчестве, и в публицистике Достоевский упоминает это «правило» только в резко-неодобрительном контексте. Об иезуитских правилах, и в частности о том, что «цель оправдывает средства», в свое время подробно писал Ю. Ф. Самарин. См.: Ю. Ф. Самарин. Иезуиты и их отношение к России. М., 1866. Об отношении Достоевского к Ю. Ф. Самарину см. в «Дневнике писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 102). Об альянсе католической верхушки и иезуитов на новом историческом этапе, современном автору «Дневника писателя», см. наст. изд., т. XXV, стр. 335.

Стр. 90. . . .*люди захотели создать нечто вроде человеческого безошибочного муравейника.* — Символ «муравейника», как и упоминающейся далее «Вавилонской башни» (один из постоянных мотивов в творчестве Достоевского зрелого периода), из «Дневника писателя» позднее переходит в «Братья Карамазовы» и играет в идеологических главах романа важнейшую роль.

Стр. 90. . . .*формулу спасения его: «Возлюби ближнего как самого себя». . .* — Имеются в виду слова Христа: «. . .люби ближнего твоего, как самого себя» (Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 19; гл. 22, ст. 39; от Марка, гл. 12, ст. 31), кратко выражающие смысл заповедей, данных людям от бога (Исход, гл. 20, ст. 12—17; Левит, гл. 19, ст. 11, 13—18; Второзаконие, гл. 5, ст. 16—21), и все учение самого Христа (см.: Послание к римлянам, гл. 13, ст. 8—9). Ср., например, «Сон смешного человека» — наст. изд., т. XXV, стр. 119.

Стр. 90. . . .*«Chacun pour soi et Dieu pour tous». . .* — См. мартовский (гл. 2, § III) и апрельский (гл. 1, § III) выпуски «Дневника писателя» за 1877 г. (наст. изд., т. XXV, стр. 84, 101).

Стр. 90. . . .*научными аксиомами вроде «борьбы за существование».* — Имеются в виду теории социального дарвинизма.

Стр. 90. . . .*«земным владыкою и авторитетом мира сего». . .* — Достоевский многократно и в разных формах варьирует эту мысль как в художественном творчестве, так и в публицистике. В «Дневнике писателя» 1876—1877 гг. впервые подробно см.: наст. изд., т. XXII, стр. 87—91. Позднее эта мысль становится одной из важнейших в романе «Братья Карамазовы». О политике Ватикана, «божественном авторитете церкви» и борьбе католичества за светскую власть см., например: *НВ*, 1877, 29 ноября (11 декабря), № 265 («Иностранные известия»).

Стр. 91. *Во всяком случае* ∾ *мы нужны Германии даже более, чем думаем.* — О том, что расположение Германии к России «эгоистично» и продиктовано немецкими интересами, писали в русских газетах. «Новое время» (рубрика «Среди газет и журналов») приводит, например, мнение «Современных известий», согласно которому Россия нужна Германии ввиду весьма возможной борьбы с Францией: *НВр*, 1877, 26 ноября (8 декабря), № 628.

Стр. 91. . . .*в германских газетах заговорили многие о занятии нами Константинополя как о деле самом обыкновенном.* — О возможном занятии русскими войсками Константинополя писали в октябре—ноябре и русские, и иностранные газеты. В некоторых корреспонденциях сообщалось даже, что

только в этом случае результаты русских побед были бы вполне надежны и успешны. «Что касается германского правительства, и в особенности Бисмарка, то они склоняются к убеждению, что положение Турецкой империи ухудшится и войны будут повторяться периодически, если теперь дело будет сделано наполовину и если Европа доверится хоть сколько-нибудь турецким обещаниям» (*НВр*, 1877, 30 октября (11 ноября), № 601 («Толки о мире у нас и за границей»)). См. также корреспонденцию из Берлина («Внешние известия») — там же, 1 (13) ноября, № 603.

Стр. 91. *Надо считать, что дружба России с Германией нелицемерна и тверда и будет укрепляться чем дальше, тем больше. . .* — Об этом писалось в русской печати, например: «России нет основания сомневаться в дружественном расположении Германии: оно основано на фактах и общности интересов» (*ПГ*, 1877, 4 ноября, № 201). Утверждения такого рода в свою очередь опирались на факты дипломатических соглашений и заявления государственных деятелей. Бисмарк, например, в одной из речей в прусском парламенте незадолго до начала войны говорил: «Цель России — не великие завоевания. Император Александр был всегда нашим верным союзником, и Россия только просит нашего содействия на конференции для улучшения положения славян в Турции — цель, для достижения которой наш император и народ охотно протянет руку помощи. Что мы поддержим эту цель — то в этом не может быть ни малейшего сомнения ‹. . .› Если конференция не приведет ни к каким результатам, то военные действия со стороны России весьма вероятны. Для этих последних, однако, Россия не просит нашей помощи, хотя никто не ожидает, что мы наложим на это свое veto ‹. . .› Пока мы стоим на этом месте, вы никогда не успеете извлечь выгоды из нашей дружбы с Россией, — дружбы, которая продолжалась целые столетия и основана на истории». См. в кн.: *Синклер*, стр. 63—64. Поскольку «дружба» России и Германии, если идти в глубь «столетий», не была безусловной, то слова канцлера, как ясно понимали современники, недвусмысленно передавали благодарность за нейтралитет России во время франко-прусской войны и обещание действовать точно так же в случае русских военных действий.

Стр. 91. *Но об этом обо всем мы говорили еще недавно.* — См. стр. 5—24.

Стр. 91. *Пока действуют теперешние великие предводители Германии. . .* — Имеются в виду Бисмарк и император Вильгельм I. Ср. запись в черновых материалах этой главы: «. . .у Бисмарка и у великого императора Германии» (см. выше, стр. 188). О Бисмарке см. наст. изд., т. XXV, стр. 335.

Вильгельм I, Фридрих-Людвиг — король прусский и император германский (1797—1888). С 1862 г., когда Бисмарк стал во главе министерства Вильгельма I и занялся решением задачи объединения Германии под гегемонией Пруссии, имена Бисмарка и германского императора постоянно упоминались вместе. Достоевский, как и Н. Я. Данилевский в статье «Европа и русско-турецкая война», в ту пору ошибался, полагая, что Вильгельм I и Бисмарк настроены дружелюбно по отношению к России и славянству. «На стороне России и восточных христиан, — писал Данилевский, — во-первых, благородный и великодушный император Германии ‹. . .› на той же стороне, думаю, и его канцлер — тонкий и глубокий политик, да еще группа благородных англичан: Гладстон, Карлейль, Фриман, Брайт, Фарлей и те, конечно, которые следуют за этими руководителями в Германии и Англии» (*РМир*, 1877, 13 (25) октября, № 279). Корреспондент «Вестника Европы» в октябрьском номере журнала напоминал: «В Германии никто не мог сомневаться насчет тех чувств, какие питают к России император Вильгельм и князь Бисмарк. Стоило только вспомнить знаменательные слова, с какими император Вильгельм обратился к императору Александру после подписания предварительных условий мира в Версале: „Пруссия никогда не забудет, что она вам обязана за то, что война не приняла чрезвычайных размеров“ ‹. . .› Точно так и князь Бисмарк высказался самым недвусмысленным образом касательно отношения Германии к России по поводу известного запроса Рихтера в рейхстаге: „Если оппозиция намеревается нарушить дружественные отношения между Россией и Германией, то ей это не удастся“. К этому канц-

лер прибавил, что этот взгляд разделяют и император Вильгельм и союзные правительства» (*ВЕ*, 1877, № 10, стр. 835—836).

Стр. 92. (*См. «Дневник писателя» октябрь 1876 и апрель 1877 года.*) — О деле Корниловой Достоевский уже писал в «Дневнике писателя» за 1876 и 1877 гг. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 19, 136—141 и XXV, стр. 119—121).

Стр. 92. ...*объявили публично, что первый обвиняющий Корнилову приговор был отменен* ∾ *«не влияло ли на поступок преступницы ее беременное состояние?»* — См. об этом: наст. изд., т. XXV, стр. 119.

Стр. 93. *Но в «Северном вестнике», в новородившейся тогда газете, как раз я прочел статью...* — Речь идет о статье «Беседа», напечатанной в № 8 указанной газеты за 1877 г. (8 (20) мая 1877 г. Подпись: «Наблюдатель»). Газета «Северный вестник» стала выходить в свет с 1 (13) мая 1877 г. Об одобрительной реакции других журналистов, в частности Н. В. Шелгунова, публициста журнала «Дело», на вмешательство Достоевского в сложный юридический процесс см. наст. изд., т. XXV, стр. 341.

Стр. 93. ...*подвергся и Лев Толстой за «Анну Каренину»...* — Нападки Наблюдателя на роман Толстого «Анна Каренина» начинаются следующим образом: «Анна Каренина умерла. Это в своем роде событие. Ее убил тот факт, что к ней охладел блестящий Вронский: так по крайней мере изъясняет граф Толстой. Но так как Вронский весьма похож на героев Марлинского и ничем не отличается от старинного типа губителей женских сердец, гуляющих по Невскому, или позирующих в гостиных, или лежащих в растворенных окнах зданий сухопутного ведомства, — то не верится, чтоб женщина умная могла окончить жизнь на мотив тривиального романса: „Он меня разлюбил“ ‹...› Мне кажется, Анну Каренину убил скорее тот факт, что к ней охладел русский читатель, а не Вронский. Читателя утомила эта долговременная диета на психологии с длинными промежутками между приемами. Но одно такое утомление читателя, быть может, еще не побудило бы автора приблизиться к развязке. Относительно читателей гр. Толстой, очевидно, держится правила губителей и губительниц сердец: пусть страдают. Но Восточный вопрос выдвинулся наконец до такой степени на первый план, что заслонил собой Анну Каренину даже в умах таких ее фанатиков, как критики „Голоса“. Вот отчего, по всей вероятности, она и умерла так неожиданно...» и т. д. См.: *СВ*, 1877, 8 (20) мая, № 8.

Стр. 93. ...*объяснить каким-нибудь особым случайным обстоятельством, болезненностью, «аффектом»...* — Объяснения такого рода часто мелькали в процессах 1860—1870-х годов для смягчения приговора или оправдания обвиняемого. Неудовлетворительность этих объяснений и собственные сомнения, возникшие у писателя в связи с делом Корниловой и участием в ее оправдании, побудили Достоевского затронуть эту тему в «Братьях Карамазовых» и еще раз осудить (уже без всяких оговорок) в адвокатской практике ссылки на «аффект» для отмены обвинительного приговора. См. наст. изд., т. XV, стр. 587—588.

Стр. 94—96. ...*Гораздо труднее присяжным* ∾ *Эк, велико дело: ведь не убился же ребенок; а что его били, так ведь «его должность такая».* — См.: *СВ* 1877, 8 (20) мая, № 8.

Стр. 96. *Первоначально действительно выдвинута была мысль, что мачеха мучила ребенка и из ненависти к нему решилась убить его. Но впоследствии обвинение совсем оставило эту мысль...* — Ср. далее, стр. 100 и примеч. к ней.

Стр. 97. *Было только одно свидетельство одной только женщины, жившей тут же в коридоре рядом* ∾ *выяснилось потом защитой, как «коридорная сплетня»...* — Достоевский писал об этом в апрельском номере «Дневника» за 1877 г. См. наст. изд., т. XXV, стр. 120.

Стр. 100. ...*от обвинения в предумышленности преступления отказался сам прокурор* ∾ *публично, гласно, торжественно, в самый роковой момент суда.* — Это обстоятельство Достоевский особо подчеркнул в апрельском номере «Дневника» за 1877 г. См. наст. изд., т. XXV, стр. 120.

Стр. 102. *Выражение: «Ну, живуча» — было выставлено защитником*

экспертом же (а не обвинением). . . — Эту фразу Достоевский приводит в апрельском номере «Дневника» за 1877 г. См. наст. изд, т. XXV, стр. 119.

Стр. 102. . . .*писал тогда* ∾ *взяла, да и сделала?»* — Достоевский неточно цитирует свои слова, но не искажает их смысла. В октябрьском номере «Дневника» за 1876 г. Достоевский писал: «Произошло бы, например, вот что: оставшись одна с падчерицей, прибитая мужем, в злобе на него, она бы подумала в горьком раздражении, про себя: „Вот бы вышвырнуть эту девчонку, ему назло, за окошко“, — подумала бы, *да и не сделала*. Согрешила бы мысленно, а не делом. А теперь, в беременном состоянии, *взяла да и сделала»*. См. наст. изд., т. XXIII, стр. 139.

Стр. 102. . . .*четвертый, Дюков, эксперт именно по душевным болезням* ∾ *он, дескать, акушер, он больше всех должен знать в болезнях женщин*. — Об экспертах, принявших участие в процессе Корниловой, Достоевский писал в апрельском номере «Дневника», уже тогда подчеркивая компетентность мнения Дюкова («известный наш психиатр») и некомпетентность мнения Флоринского («к счастью, он не психиатр, и мнение его прошло без всякого значения»). См. наст. изд., т. XXV, стр. 120.

Стр. 104. . . .*это пуританин*. . . — Достоевский далее разъясняет значение этого слова в данном контексте: «. . .человек честнейший, серьезнейший. . .» и т. д.

Стр. 104. . . .*брак* ∾ *именно как на таинство*. — Брак — одно из семи таинств православной церкви: крещение, миропомазание, причащение, покаяние, священство, брак, елеосвящение.

Стр. 105. *У меня же в голове насчет ее ходило несколько мрачных мыслей*. . . — Здесь и далее Достоевский опирается на собственный опыт и впечатления, вынесенные им из Сибири, отразившиеся наиболее полно в «Записках из Мертвого дома» (1861—1862).

Стр. 107. *То, что вы заступаетесь за детей, конечно, делает вам честь, но со мной-то вы обращаетесь слишком высокомерно*. — Мысль о том, что взрослые и дети гораздо теснее связаны друг с другом, чем это обычно кажется, ясно высказана в «Униженных и оскорбленных» (1861). Достоевский вернулся к ней и подробно разработал позднее в «Братьях Карамазовых», полагая, что соображения такого рода должны быть учтены философско-политическими системами, обсуждающими вопросы переустройства мира.

Стр. 107. *Когда был процесс Кронеберга*. . . — Об этом процессе Достоевский подробно говорит в «Дневнике писателя» за 1876 г. См. наст. изд., т. XXII, стр. 50—73.

Стр. 108. . . . *случилось заступиться за малолетних детей Джунковских*. . . — Достоевский имеет в виду «Дневник писателя» за 1877 г., июль—август. См. наст. изд., т. XXV, стр. 181—193.

Стр. 108. . . .*в «Дневнике» заговаривал о детях* ∾ *даже упомянул об одном мальчике у Христа на елке*. . . — В первую очередь имеется в виду подробная разработка названных тем в «Дневнике писателя» за 1876 г. См. наст. изд., т. XXII, стр. 7—26, 50—73; т. XXIII, стр. 20—27, 77—84, 92—100; т. XXIV, стр. 36—43, 50—59; т. XXV, стр. 119—121, 181—193; 219—223.

Стр. 108—109. *Вы зло посмеялись надо мною, г-н Наблюдатель, за одну фразу* ∾ *Как трогательно (прибавляете вы), но горе бедному ребенку и т.д. и т. д.* — Оппонент Достоевского «зло посмеялся» над писателем еще раз в другой статье под тем же названием «Беседа».

Говоря о наказании преступников в Англии, Наблюдатель пишет: «. . . в Англии на этот счет строго. Не то что у нас, где признали невменяемость по „запальчивости и раздражению“ для мачехи, которая долгое время преследовала и била маленькую падчерицу, а, наконец, в один прекрасный день взяла да и выкинула ее на улицу из четвертого этажа ‹. . .› скажу, что у нас наверное будет признана „невменяемость“ того почтальона, который на днях в Петербурге зарезал своего полуторагодовалого сына и вошедшей жене сказал: „На, полюбуйся. . .“, а потом признался, что хотел зарезать дочь, но ошибся и зарезал сына. Что ж. бедный человек, он был пьян и был сердит на жену; он действовал „в запальчивости и раздражении“! Признают невменяемость и отпустят домой, к жене и к дочке, а г-н Достоевский опишет

в своем „Дневнике“ радость их при возвращении пострадавшего» (*СВ*, 1877, 23 октября (4 ноября), № 175). По-видимому, возвращение Наблюдателя к прежним нападкам, в свое время обойденным Достоевским, и заставило писателя подробно остановиться на этой полемике в декабрьском выпуске «Дневника».

Стр. 109. *Вот эта фраза моя, но вся целиком, без выкидок ∾ с чудесного спасения ребенка. . .»* — См. наст. изд., т. XXV, стр. 120—121.

Стр. 110. *. . . сказано было великой грешнице, осужденной на побитие камнями: «Иди в свой дом и не греши». . .* — Имеется в виду евангельский рассказ о грешнице, которой Христос сказал: «. . . иди и впредь не греши» (Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 11).

Сохранилось воспоминание одного из современников Достоевского о реакции писателя на дело В. Засулич (1878): «Осудить эту девушку нельзя, — спокойно говорил заглянувший в эти дни в магазин Вольфа Ф. М. Достоевский <. . .> Нет, нет, — повторял он затем несколько раз, уже заметно возбуждаясь. — Наказание тут неуместно и бесцельно. . . Напротив, присяжные должны бы сказать подсудимой: „У тебя грех на душе, ты хотела убить человека, но ты уже искупила его, — иди и не поступай так в другой раз“ <. . .> Эти слова Достоевский повторял несколько раз в присутствии разных лиц» (С. Ф. Либрович. На книжном посту. Пг.—М., 1916, стр. 42).

Стр. 110. *. . . на какую почву упало семя.* — См.: Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 3—8; от Марка, гл. 4, ст. 3—20; от Луки, гл. 8, ст. 5—15. Эту евангельскую притчу обработал Пушкин в стихотворении «Свободы сеятель пустынный» . . . (1823).

Стр. 111. *Я видел его в последний раз за месяц до его смерти.* — Достоевский часто виделся с Некрасовым в ноябре 1877 г. А. Г. Достоевская вспоминает: «В ноябре 1877 г. Федор Михайлович находился в очень грустном настроении: умирал Н. А. Некрасов <. . .> Узнав, что Некрасов опасно болен, Федор Михайлович стал часто заходить к нему — узнать о здоровье. Иной раз просил ради него не будить больного, а лишь передать ему сердечное приветствие. Иногда муж заставал Некрасова бодрствующим, и тогда тот читал мужу свои последние стихотворения <. . .> Вообще последние свидания с Некрасовым оставили в Федоре Михайловиче глубокое впечатление, а потому когда 27 декабря он узнал о кончине Некрасова, то был огорчен до глубины души <. . .> Федор Михайлович бывал на панихидах по Некрасове и решил поехать на вынос его тела и на его погребение» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 316—317).

Стр. 111. *. . . псалтирщик четко и протяжно прочел над покойным: «Несть человек, иже не согрешит».* — См.: 3 Книга Царств, гл. 8, ст. 46; 2 Книга Паралипоменон, гл. 6, ст. 36; ср. также: Екклесиаст, гл. 7, ст. 20.

Стр. 111. *. . . взял все три тома Некрасова. . .* — Достоевский имеет в виду издание: Н. Некрасов. Стихотворения, т. I—III. Изд. 6-е, СПб., 1873—1874. Оно отмечено в библиотеке Достоевского (см.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 26). А. Г. Достоевская вспоминает об этом: «Всю ту ночь (когда Достоевский узнал о кончине Некрасова, — *Ред.*) он читал вслух стихотворения усопшего поэта, искренно восхищаясь многими из них и признавая их настоящими перлами русской поэзии. Видя его крайнее возбуждение и опасаясь приступа эпилепсии, я до утра просидела у мужа в кабинете и из его рассказов узнала несколько неизвестных для меня эпизодов их юношеской жизни» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 316).

Стр. 111. *Эти первые четыре стихотворения, которыми начинается первый том его стихов, появились в «Петербургском сборнике», в котором явилась и моя первая повесть.* — Первый том «Стихотворений» Н. Некрасова, о котором говорит Достоевский, начинается следующими произведениями: «В дороге» (1846), «Современная ода» (1845), «Пьяница» (1845), «Отрадно видеть, что находит. . .» (1845). См.: Н. Некрасов. Стихотворения, т. I. СПб., 1873, стр. 7—16. В «Петербургском сборнике» (СПб., 1846), открывавшемся романом Достоевского «Бедные люди» (стр. 3—166), были напечатаны «Четыре стихотворения Н. А. Некрасова»: «В дороге», «Пьяница»,

«Отрадно видеть, что находит. . .» (первые четырнадцать стихов) и «Колыбельная песня» (1846) (стр. 505—511).

Стр. 111. . . . *те из стихов его, которые первыми прочел в Сибири. . .* — Большинство стихотворений Некрасова 1850-х годов печаталось в журнале «Современник». См.: *Некрасов*, т. I, стр. 53 и след.; т. II, стр. 7—78. Достоевский читал в Сибири этот журнал. См., например, его письмо Е. И. Якушкину от 15 апреля 1855 г.: «Уведомьте, ради бога, кто такая Ольга Н. и Л. Т. (напечатавший «Отрочество» в «Современнике»)?» В «Современнике» же печатались рассказы «Записок охотника» и другие повести и рассказы Тургенева. См. выше, примеч. к стр. 66. Лучшие из своих стихотворений 1840—1850-х годов Некрасов в середине 1850-х годов объединил в сборник («Стихотворения Н. Некрасова». М., 1856), имевший большой успех. Сюда вошли и те стихотворения поэта, к которым сочувственно или полемически позднее обращался Достоевский («Влас», «Поэт и гражданин», «Секрет» и др.).

Стр. 111. . . . *как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет, занимал места в моей жизни!* — Поэзия Некрасова всегда была близка Достоевскому. Писатель упоминает и цитирует Некрасова в «Братьях Карамазовых». См. наст. изд., т. XIV, стр. 219, 462. В других, более ранних произведениях см. по указателю: наст. изд., т. XVII, стр. 469. 21 ноября 1880 г. на публичных чтениях в пользу Литературного фонда Достоевский прочел стихотворение Некрасова «Когда из мрака заблужденья» (1845). См.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 352. На других таких же чтениях весной 1880 г. он читал некрасовского «Власа». См. ниже, примеч. к стр. 119.

Стр. 111. *Лично мы сходились мало и редко. . .* — Ср. «Дневник писателя» за 1877 г., январь. Наст. изд., т. XXV, стр. 28—31, а также ниже, примеч. к стр. 112.

Стр. 111. *Но я уже рассказывал об этом.* — Достоевский имеет в виду «Дневник» за 1877 г., январь, где в связи с выходом в свет «Последних песен» Некрасова (1877) он вспоминает о первом их знакомстве. См. наст. изд., т. XXV, стр. 28—31.

Стр. 111. *Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери. . .* — Все названные Достоевским темы отражены в поэзии Некрасова: «В неведомой глуши. . . (Подражание Лермонтову)»; «Родина» (1846); «Рыцарь на час» (1862); «Суд» (1867); «Мать» (1868); «Мать. Отрывки из поэмы» (1877); «Баюшки-баю» (1877) и др.

Стр. 111—112. . . . *если будет что-нибудь святое в его жизни ∾ с мученицей матерью, с существом, столь любившим его.* — Достоевский повторяет темы и мотивы стихотворений Некрасова: «Родина», «Рыцарь на час», «Мать», «Мать. Отрывки из поэмы».

Стр. 112. *Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его ∾ преследовавшие его всю жизнь.* — Ср. у Некрасова:

. . . И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы,
Поправшей все разумное ногами,
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О, мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

(«Мать. Отрывки из поэмы»)

Именно эти стихи, выделяя их курсивом, цитирует А. М. Скабичевский (см. ниже, примеч. к стр. 113), когда говорит о матери поэта. См.: *БВ*, 1878, № 6. Эти же стихи были процитированы в «Новом времени» (1877, 5 (17) ап-

реля, № 394) в рубрике «Из литературы и жизни», целиком посвященной «Последним песням» Некрасова.

С т р. 112. *. . . мы как-то разошлись, и довольно скоро ∾ Помогли и недоразумения, и внешние обстоятельства, и добрые люди.* — Достоевский разошелся с Некрасовым тогда же, когда он разошелся с кружком Белинского. Охлаждение отношений между Достоевским и этим кружком, а затем и разрыв с ним отразился в письмах писателя тех лет. См. письма от 1 апреля, 26 ноября, 17 декабря 1846 г.; 1 февраля 1849 г. В письме брату от 26 ноября 1846 г. Достоевский писал: «. . . я имел неприятность окончательно поссориться с „Современником" в лице Некрасова. Он <. . .> отчаявшись получить от меня в скором времени повесть, наделал мне грубостей <. . .> Это все подлецы и завистники».

А. Я. Панаева вспоминает: «Однажды явился в редакцию («Современника», — *Ред.*) Достоевский, пожелавший переговорить с Некрасовым. Он был в очень возбужденном состоянии. Я <. . .> слышала из столовой, что оба они страшно горячились; когда Достоевский выбежал из кабинета в переднюю, то был бледен как полотно и никак не мог попасть в рукав пальто, которое ему подавал лакей; Достоевский вырвал пальто из его рук и выскочил на лестницу. Войдя к Некрасову, я нашла его в таком же разгоряченном состоянии.

— Достоевский просто сошел с ума! — сказал Некрасов мне дрожащим от волнения голосом. — Явился ко мне с угрозами, чтобы я не смел печатать мой разбор его сочинения в следующем номере. И кто это ему наврал, будто бы я всюду читаю сочиненный мною на него пасквиль в стихах! До бешенства дошел» (А. Я. П а н а е в а (Г о л о в а ч е в а). Воспоминания. М., 1972, стр. 176—177). «Пасквиль в стихах» — по-видимому, так называемое «Послание Белинского к Достоевскому», насмешливое стихотворение Тургенева и Некрасова (1846). См.: И. С. Т у р г е н е в. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Изд. 2-е. Сочинения, т. 1. М., 1978, стр. 332. Об этом стихотворении и его отражении в творчестве Достоевского см.: там же, стр. 544—546. См. также: *Некрасов*, т. 1, стр. 423—424, 625—627.

На основе фактов, относящихся к 1840-м годам, Некрасов написал повесть, которая сохранилась в виде рукописи, с не законченным и не имеющим заглавия текстом. Первый публикатор этой рукописи, К. И. Чуковский, вполне обоснованно счел прототипом одного из героев этого сатирического повествования Ф. М. Достоевского. Была ли эта повесть закончена, когда именно была написана и сделалась ли она известна Достоевскому, — неясно. См.: *Некрасов*, т. VI, стр. 456—483, комментарий: стр. 573—580. Основной мотив, на котором строится насмешливая характеристика героя повести, прототипом которого был Достоевский, совпадает с мотивом, высказанным в эпиграмме «Витязь горестной фигуры. . .», — самоуверенность, мания величия. Этот упрек сопровождал писателя всю жизнь. Е. А. Штакеншнейдер писала в своем «Дневнике. . .»: «Говорили и продолжают говорить, что он слишком много о себе думал. А я имела смелость утверждать, что он думал о себе слишком мало, что он не вполне знал себе цену, ценил себя не довольно высоко. Иначе он был бы высокомернее и спокойнее, менее бы раздражался и капризничал и более бы нравился. Высокомерие внушительно» (Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 456).

С т р. 112. *. . . когда я уже воротился из Сибири. . .* — В марте 1859 г. прапорщик 7-го Сибирского линейного батальона Ф. М. Достоевский был уволен в отставку с награждением следующим чином (подпоручиком). Писателю было разрешено поселиться в Твери, куда он и приезжает в августе 1859 г. После хлопот об официальном разрешении жить и работать в Петербурге Достоевский переезжает в столицу (вторая половина декабря 1859 г.). См.: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 90, 92, 100.

С т р. 112. *. . . несмотря даже на разницу в убеждениях. . .* — По возвращении Достоевского из Сибири отношения писателей по-прежнему складывались довольно сложно. После отказа редакции «Русского вестника» печатать «Село Степанчиково и его обитателей» (1859) на условиях, оговорен-

ных Достоевским, писатель предложил произведение в «Современник». Несмотря на то, что осенью 1858 г. и весной 1859 г. Некрасов приглашал Достоевского сотрудничать в журнале, «Село Степанчиково. . .» редактор «Современника» печатать не захотел (см. об этом: наст. изд., т. III, стр. 499). В журнале «Время» Некрасов напечатал стихотворение «Крестьянские дети» (*Вр*, 1861, кн. 10) и «Смерть Прокла» (1863, кн. 1). См. об этом: *Нечаева*, *«Время»*, стр. 215—216.

О различии позиций и полемике «Современника» и журналов братьев Достоевских см.: наст. изд., т. XVIII, 70—103, 232—235, 244—247 и др.; т. XIX, стр. 253, 266—267 и др. Борьба журналов не могла не сказаться на личных отношениях Достоевского и Некрасова. Ср. свидетельство А. Г. Достоевской — *ЛН*, т. 86, стр. 225. Однако и тогда, и позднее отношение Достоевского к поэту не было однозначным. Вспоминая начало своего знакомства с будущим мужем, А. Г. Достоевская говорит: «Некрасова Федор Михайлович считал другом своей юности и высоко ставил его поэтический дар» (*Достоевская, А. Г.*, *Воспоминания*, стр. 60). Та же неоднозначность сказалась и в отзывах Достоевского о некрасовском «Власе» (1854) и поэме «Русские женщины» (1871—1872) в «Дневнике писателя» за 1873 г. См. наст. изд., т. XXI, стр. 31—41, 73. Глубокая, непрерывавшаяся связь между Некрасовым и Достоевским заставила писателя принять предложение Некрасова печататься в «Отечественных записках», где и был опубликован «Подросток» (1875). См. об этом: *Достоевская, А. Г.*, *Воспоминания*, стр. 259—261, 265—266; *Д*, *Переписка с женой*, стр. 139—142, 144, 149—151, 154—156. Тот факт, что предложение Некрасова было лестным для Достоевского, подтверждает упоминание о нем в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. См. наст. изд., т. XXII, стр. 7. О Некрасове и Достоевском см., например: К. И. Чуковский. О «Каменном сердце». — В кн.: Памятники русской культуры. 1. Неизданные произведения Н. А. Некрасова. СПб., 1918, стр. 5—22; В. А. Туниманов. Достоевский и Некрасов. — В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 33—66 (здесь см. также литературу вопроса).

Стр. 112. *. . . встречаясь, говорили иногда друг другу даже странные вещи ∾ и как бы не хотело и не могло прерваться. . .* — Вероятно, сходное чувство испытывал и Некрасов. А. А. Буткевич, сестра поэта, рассказывает в своем дневнике об одной из встреч Достоевского и Некрасова в марте 1877 г.: «Пришел Ф. М. Достоевский. Брата связывали с ним воспоминания юности (они были ровесники), и он любил его. „Я не могу говорить, но скажите ему, чтобы он вошел на минуту, мне приятно его видеть“. Достоевский посидел у него недолго. Рассказал ему, что был удивлен сегодня, увидав в тюрьме у арестанток „Физиологию Петербурга“. В тот день Достоевский был особенно бледен и усталый, я спросила его о здоровии. „Нехорошо“, — отвечал он. . .». См. в кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, стр. 441—442. Ср. также наст. изд., т. XXV, стр. 28—31.

Стр. 112. *. . . в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов. . .* — Поэма «Несчастные» (1856), которая должна была входить в этот «томик» (см. ниже, след. примеч.), впервые полностью опубликована в издании: Стихотворения Н. Некрасова. Часть 2. Изд. 2-е. СПб., 1861. С тех пор она перепечатывалась во 2-й части всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений» поэта, в частности — в издании: Стихотворения Н. Некрасова. Часть 2. Изд. 3-е. СПб., 1863. В библиотеке Достоевского этот том не сохранился. См.: *Гроссман*, *Семинарий*, стр. 26—27.

Стр. 112. *. . . указал мне на одно стихотворение, «Несчастные». . .* — Ср. «Дневник писателя» за 1877 г., январь: наст. изд., т. XXV, стр. 31. Отрывки из поэмы «Несчастные» впервые были опубликованы в «Современнике» (1856, № 5, стр. 139—141), затем в издании: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856, стр. 148—150 и в журнале «Современник», 1857, № 3, стр. 51—54 (под заглавием «Отрывок из поэмы»). Впервые полностью: «Современник», 1858, № 2, стр. 241—266, под заглавием «Эпилог ненаписанной поэмы».

Об этом стихотворении, его названии и возможных прототипах главного героя (помимо Достоевского и даже в первую очередь здесь называлось имя Белинского) см. комментарий А. Л. Гришунина в кн.: Некрасов.

Полн. собр. стихотворений в 3-х томах, т. I. Л., 1967 (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е), стр. 636—641. Слово «несчастные», которым народ называл преступников, сосланных в Сибирь (см.: *Даль.* т. II, стр. 538), и которое было вынесено Некрасовым в заглавие поэмы, служит предметом особого рассуждения в «Дневнике писателя» за 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 17—19).

Стр. 112. *... когда я печатал в его журнале мой роман «Подросток».* . . — Роман «Подросток» был напечатан в «Отечественных записках», редактируемых Некрасовым и Салтыковым-Щедриным (1875, №№ 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12). Историю печатания романа в журнале Некрасова и литературу вопроса см.: наст. изд., т. XVII, стр. 256, 258—259.

Стр. 112. *На похороны Некрасова собралось несколько тысяч его почитателей. Много было учащейся молодежи.* — П. В. Засодимский (1843—1912) в статье «Похороны Некрасова», написанной сразу после событий, сообщал: «Ровно в 9 часов утра гроб был вынесен на руках и, как следовало ожидать, не был поставлен на траурную колесницу. Гроб несли первоначально некоторые из литераторов, стоявших близко к покойному, и учащаяся молодежь. Перед гробом несли шесть лавровых венков. Впереди шли две женщины, держа венок с надписью: „От русских женщин". В некотором расстоянии сзади, выстроившись в одну линию, несли пять венков, снабженных также довольно характерными надписями. Все надписи, составленные из белых цветов, весьма отчетливо выделялись на зеленом фоне. Они гласили: первая — „Поэту народных страданий", вторая — „Слава печальнику горя народного", третья — „Некрасову — студенты", четвертая — „Бессмертному певцу народа" и пятая — „Некрасову от сотрудников"» (*СПбВед*, 1877, 31 декабря (11 января), № 360). «Рано утром 30 декабря, — вспоминает А. Г. Достоевская, — мы приехали на Литейную к дому Краевского, где жил Некрасов, и здесь застали массу молодежи с лавровыми венками в руках» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 317). Газетные сообщения тех дней отмечают многолюдность и торжественность похорон поэта. «Происходившие вчера, 30 декабря, в пятницу, похороны нашего известного поэта Н. А. Некрасова имели торжественный характер. Его таланту была воздана несомненно достойная его честь. Шедших за гробом было на взгляд тысяч до трех человек. К 9-ти часам утра уже стояла огромная масса публики у подъезда <. . .> квартиры покойного поэта <. . .> Как только вынесен был гроб, весь покрытый лавровыми венками, публика приняла его на свои руки, не дав поставить на печальную колесницу у подъезда <. . .> Кроме приглашенного хора певчих, образовались еще среди публики два хора <. . .> При вступлении в Новодевичий монастырь особенно торжественна была минута, когда вносился гроб в церковь: множество рук подняли его высоко над толпой, и гроб, казалось, тихо, как бы сам собою, прошел в двери. Церковь не могла вместить желающих» («Петербургские известия» — *РМир*, 1877, 31 декабря (12 января), № 356). См. также: *Г*, 1877, 31 декабря, № 321. Сведения о смерти и похоронах Некрасова в печати см. в статье: А. К. Киселева. Отражение смерти и похорон Н. А. Некрасова в периодической печати (конец декабря 1877—январь 1878 года). — В кн.: Влияние творчества Н. А. Некрасова на русскую поэзию. Республиканский сборник научн. трудов, вып. № 53. Ярославль, 1978, стр. 133—144.

Стр. 112. *. . . из литераторов говорили мало.* — П. В. Засодимский в письме к А. И. Эртелю (1855—1908) от 31 декабря 1877 г. пишет: «. . . на могиле говорили речи. Первым — Панаев (В. А. Панаев, 1822—1899, — *Ред.*), вторым Достоевский <. . .> После Достоевского говорил я» (*РЛ*, 1967, № 3, стр. 161). Из литераторов, кроме Засодимского и Достоевского, говорил поэт и журналист Л. К. Панютин (1829 или 1831—1882) (см. след. примеч.). В отчете Засодимского «Похороны Некрасова» говорилось, что на похоронах поэта «литературный мир был также почти в полном сборе. Здесь были: Салтыков (Щедрин), Плещеев, Шеллер, Михайловский, Достоевский, Мордовцев, Данилевский, А. Потехин, Буренин, Стасюлевич, Григорович, Вейнберг, Сергей Максимов и много других. Вернее, впрочем, было бы назвать отсутствовавших, хотя таких, по-видимому, не было» (*СПбВед*, 1877, 31 декабря (11 января), № 360). Далее, говоря о речах, произнесенных над гро-

бом поэта, Засодимский писал: «Первым говорил Панаев. Сказав, что Некрасов, будучи самородком, благодаря своей встрече, на заре своей жизни, с другим самородком, Белинским, вышел на путь, стяжавший ему славу народного поэта, г-н Панаев, на основании своего 38-милетнего близкого знакомства с покойным, торжественно удостоверил, что Некрасов и как человек был на высоте своего поэтического дарования. Вторым оратором выступил г-н Достоевский. Он сказал, между прочим, что Некрасов как истинный человеколюбец в своих произведениях изображал женщину в образе матери, любящей своего ребенка, и что в своих песнях, бывших верным отголоском человеческих страданий, он явился продолжателем Пушкина и Лермонтова. Последний, по мнению оратора, если бы прожил долее, непременно выполнил бы то, что выпало на долю Некрасова. Вслед за тем в толпе раздался голос неизвестного оратора. Речь его была импровизацией на тему, что, со смертью Некрасова, Россия лишилась не только поэта, но и гражданина в лучшем значении слова. Над могилою Некрасова были произнесены также стихотворения. Вот одно из них, вызвавшее знаки всеобщего сочувствия:

Замолкла муза мести и печали . . .
и т. д.

Из сказанных еще речей заслуживает быть отмеченною речь одного из литераторов, развившего весьма красноречиво мысль, что истинное торжество для Некрасова настанет <. . .> еще впереди, когда вдохновенные песни его будут повторяться в каждой избе, в каждой лачуге, словом, в той среде, для которой его лира звучала особенно сильно. . . Впрочем, и сегодняшняя овация, импровизированная в честь великого поэта, была свидетельством, что к нему отнюдь нельзя применить заключительной строфы одного из его стихотворений:

Со всех сторон его клянут
И только труп его увидя:
Как много сделал он — поймут,
И как любил он — ненавидя!»

(Там же)

Еще до всех выступлений, и литераторов и нелитераторов, слово о Некрасове сказал священник М. И. Горчаков (1838—1910). Его речь показалась чересчур «либеральной» и вызвала недовольство высоких сановников и царя. Горчакову было сделано серьезное внушение. См. об этом: О. В. Л о м а н. Речи П. В. Засодимского и М. И. Горчакова на похоронах Н. А. Некрасова. — *РЛ*, 1967, № 3, стр. 163—165. Именно с Горчаковым, этим «духовным лицом», Достоевский полемизировал позднее в «Братьях Карамазовых». См. наст. изд., т. XV, стр. 534—535 и др.

С т р. 112. . . . *прочтены были чьи-то прекрасные стихи.* — Какие стихи имеет в виду Достоевский, неизвестно. В. Г. Короленко (1853—1921) пишет: «Помню стихи, прочитанные Панютиным. . .» (*Короленко*, т. VI, стр. 198). Стихи, прочитанные Л. К. Панютиным на похоронах Некрасова, тоже неизвестны. П. В. Засодимский вспоминает: «Говорились еще речи, читались стихи, и особенно глубокое впечатление произвело стихотворение — неизвестного мне автора:

Замолкла муза мести и печали,
Угас могучий наш поэт, —
Его словам с восторгом мы внимали,
Его мы чтили с юных лет.
Могильный сон, глубокий, непробудный,
Навек сковал уста певца,
Иссяк родник живительный и чудный
В груди холодной мертвеца»

и т. д.

См. это стихотворение поэтессы М. В. Ватсон (ур. де Роберти, 1853—1932) и комментарий к нему Г. В. Краснова в публикации воспоминаний Засодимского в кн.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971, стр. 478—479, 559 (стихотворение Ватсон было ранее процитировано Засодимским в его отчете о похоронах Некрасова, а также в письме Эртелю, см. выше примеч. к стр. 112). Очевидная зависимость этих стихов от стихотворения Лермонтова «На смерть поэта» (1837), строки из которого привел Достоевский в своей речи, в равной степени могла и расположить писателя к стихам поэтессы, и уничтожить это расположение. «Помню, — писал Засодимский в тех же воспоминаниях, — что Достоевский, протянув руку и указывая на могилу Некрасова, дрогнувшим голосом проговорил:

Замолкли звуки дивных песен,
Не раздаваться им опять,
Приют певца угрюм и тесен
И на устах его печать!»

(Там же, стр. 477—478). Ср. также: *РЛ*, 1967, № 3, стр. 160.

Стр. 112. ...*произнес вслед за прочими несколько слов.* — Как вспоминает Короленко в «Истории моего современника» (1906—1922), «Некрасова хоронили очень торжественно и на могиле говорили много речей <...> но настоящим событием была речь Достоевского. Мне с двумя-тремя товарищами удалось пробраться <...> к самой могиле. Я стоял на остроконечной жестяной крыше ограды, держась за ветки какого-то дерева, и слышал всё. Достоевский говорил тихо, но очень выразительно и проникновенно» (*Короленко*, т. VI, стр. 198). А. Г. Достоевская об этом пишет: «На могиле Некрасова окружавшая ее толпа молодежи, после нескольких речей сотрудников „Отечественных записок", потребовала, чтобы Достоевский сказал свое слово. Федор Михайлович, глубоко взволнованный, прерывающимся голосом произнес небольшую речь, в которой высоко поставил талант почившего поэта и выяснил ту большую потерю, которую с его кончиною понесла русская литература. Это было, по мнению многих, самое задушевное слово, сказанное над раскрытой могилой Некрасова» (*Достоевская А. Г.*, *Воспоминания*, стр. 318).

Стр 112. *Был, например, в свое время поэт Тютчев*... — Достоевский с глубоким уважением относился к поэзии Ф. И. Тютчева и цитировал его стихи. Некоторые из них прозвучали позднее в «Братьях Карамазовых». Перу Достоевского принадлежал некролог поэта, напечатанный в «Гражданине» за 1873 г. См. наст. изд., т. XXI, стр. 281. О Достоевском и Тютчеве см.: А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 172—176.

Стр. 112—113. ... *один голос из толпы крикнул, что Некрасов был выше Пушкина и Лермонтова и что те были всего только «байронисты»* ∾ *«Да, выше!»* — Этот эпизод на похоронах Некрасова запомнился Короленко: «Когда он (Достоевский, — *Ред.*) поставил имя Некрасова вслед за Пушкиным и Лермонтовым, кое-кому из присутствующих это показалось умалением Некрасова. — Он выше их, — крикнул кто-то, и два-три голоса поддержали его: — Да, выше... Они только байронисты» (*Короленко*, т. VI, стр. 198—199). В воспоминаниях Г. В. Плеханова, выступавшего на похоронах поэта от лица революционного общества «Земля и воля», говорится: «Он (Достоевский, — *Ред.*) выставлял только сильные стороны поэзии Некрасова. Между прочим, он сказал, что по своему таланту Некрасов был не ниже Пушкина. Это показалось нам (землевольцам, — *Ред.*) вопиющей несправедливостью. — Он был выше Пушкина! — закричали мы дружно и громко.

Бедный Достоевский этого не ожидал. На мгновение он растерялся. Но его любовь к Пушкину была слишком велика, чтобы он мог согласиться с нами. Поставив Некрасова на один уровень с Пушкиным, он дошел до крайнего предела уступок „молодому поколению".

— Не выше, но и не ниже Пушкина! — не без раздражения ответил он, обернувшись в нашу сторону. Мы стояли на своем: „Выше, выше!". Достоев-

ский, очевидно, убедился, что нас не переговорить, и продолжал свою речь, уже не отзываясь на наши замечания» (Г. В. Плеханов. Похороны Н. А. Некрасова. — Наше единство, 1917, 29 декабря, № 7). Воспоминания Г. В. Плеханова о похоронах Некрасова относятся к позднейшему времени, их запись приурочена к сорокалетию со дня смерти поэта.

Стр. 113. ... *в «Биржевых ведомостях» г-н Скабичевский...* — Имеется в виду статья А. М. Скабичевского «Мысли по поводу текущей литературы. Николай Алексеевич Некрасов как человек, поэт и редактор», напечатанная в «Биржевых ведомостях» (1878, 6 января, № 6).

Стр. 113. ... *в послании своем к молодежи...* — Достоевский насмешливо обыгрывает начало статьи Скабичевского: «Желая положить с своей стороны прощальный венок на могилу Н. А. Некрасова, к вам, молодые друзья мои, обращаю я речь свою, да, исключительно к вам одним <...> Согласитесь сами, мои молодые друзья <...> я решился обратиться исключительно к вам, мои молодые друзья...» и т. д. (*БВ*, 1878, 6 января, № 6). Об отношениях Достоевского и Скабичевского, их полемике см. наст. изд., т. XXV, стр. 344—345.

Обращение Скабичевского к молодежи высмеивал позднее в «Литературных очерках» и Буренин: «Особенно отличился по части рутинного либеральничанья и подольщения к молодому поколению по поводу смерти Некрасова г-н Скабичевский. Почтенный критик так-таки и начал свой „прощальный венок на могилу Некрасова“ обращением исключительно к „молодым друзьям“, хотя друзья они его или нет, — это никому не известно и об этом „молодое поколение“ никогда не заявляло» и т. д. (*НВр*, 1878, 20 января, № 681).

Стр. 113. ...*когда кто-то (то есть я) ∾ вы все ∾ в один голос, хором прокричали: «Он был выше, выше их».* — Достоевский имеет в виду следующий пассаж из статьи Скабичевского: «.. когда кто-то на могиле поэта вздумал сравнивать имя его с именами Пушкина и Лермонтова, вы все в один голос хором прокричали: „Он был выше, выше их“, а когда кто-то изъявил сомнение, чтобы он был понятен народу, вы отвечали, что он потому и дорог вам, что народу понятен. Перед единодушием этого молодого приговора, равно как и перед всеми предшествовавшими равносильными ему овациями, критика обязана преклониться, тем более, что во всем этом слышится ей отчасти уже голос самого потомства, и я с своей стороны беру на себя лишь скромную роль подтвердить этот единодушный возглас в честь памяти великого поэта» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6).

Свои воспоминания о похоронах Некрасова, спустя 30 лет, А. А. Плещеев начинает именно с этой сцены: «Сегодня, 27 декабря — 30-летие со дня смерти Некрасова. На похоронах его завязался спор, который, пожалуй, удовлетворительного объяснения не нашел и до сих пор. Достоевский начал свою речь на могиле следующей фразой:

— Хотя Некрасов по дарованию своему стоит ниже одного великого Пушкина...

В это время молодой зычный голос, принадлежавший студенту, сидевшему буквально „чертом“, верхом на перилах, произнес: — Выше!

Достоевский оглянулся и заметил твердо и убежденно: —Нет, ниже!

А молодые голоса снова закричали: — Выше!

Достоевский же, со всею возможною настойчивостью и всем возможным спокойствием, отчеканил: — Нет, ниже-с!» (*ПГ*, 1907, 27 декабря, № 355).

«Дело действительно происходило так, как рассказывает г-н Достоевский, — писал вскоре после похорон Некрасова Буренин. — Я могу подтвердить это, так как был в числе присутствовавших у могилы и стоял рядом с г-ном Достоевским: стало быть то, что слышал он, слышал и я. Прибавлю одну подробность: в числе нескольких голосов один крикнул: „Пушкин был салонный поэт, а Некрасов народный“. Вероятно г-н Скабичевский не расслышал этого возгласа, а то он бы разошелся, конечно, и о салонности поэзии Пушкина...» (*НВр*, 1878, 20 января, № 681). Касаясь этой полемики на похоронах Некрасова, Короленко в своих воспоминаниях подчеркнул то, что на слушателей «произвело впечатление гораздо более сильное, чем спор о первенстве, которого многие тогда и не заметили. Это было именно то место,

когда Достоевский своим проникновенно-пророческим, как мне казалось, голосом назвал Некрасова последним великим поэтом из „господ“» (*Короленко*, т. VI, стр. 199). См. об этом наст. изд., т. XXV, стр. 338—339.

Несмотря на то, что сказанное Достоевским у могилы Некрасова и глава, посвященная смерти поэта в «Дневнике писателя», не вполне совпадали, напечатанный текст произвел на современников Достоевского достаточно сильное впечатление. См., например, свидетельства А. Г. Достоевской, Е. А. Штакеншнейдер и др. — наст. изд., т. XXV, стр. 344—349.

Стр. 113. *Смею уверить г-на Скабичевского, что ему не так передали...* — Намек на то, что Скабичевского, несмотря на всю его любовь к Некрасову и защиту от тех, кто «умаляет» его заслуги, на похоронах поэта, однако, не было. Скабичевский, возвращаясь к полемике с Достоевским после выхода в свет декабрьского номера «Дневника писателя» за 1877 г. (статья «Мысли по поводу текущей литературы». Подпись: Заурядный читатель), вынужден был в этом признаться: «Я сам лично не присутствовал при всей этой сцене, передал ее со слов одного из свидетелей ее и готов верить г-ну Достоевскому, что все было так, как передает он, сам участник в сцене, а не тот мой свидетель, который мог невольно преувеличить значение сцены одною сжатостью ее передачи, сказав, например: „Молодежь закричала“, вместо того, чтобы в точности обозначить, что закричало всего несколько голосов» (*БВ*, 1878, 27 января, № 27).

Стр. 113. ... *словом «байронист» браниться нельзя.* — О Байроне (1788—1824) и байронизме см. ниже, примеч. к стр. 114. Объясняя, почему он ставит Некрасова выше Пушкина и Лермонтова, Скабичевский между прочим писал: «. . .те в своих произведениях находились под сильным влиянием разных западных литератур и никак не могли обойтись без того, чтобы не разыграть перед русской публикой ролей то Шиллера, то Шекспира, то Байрона, то Гете, между тем, как Некрасов является перед нами вполне самобытным и самородным, чисто русским талантом, таким, одним словом, каким до него могли являться только выходцы из самого народа, вроде Кольцова, Никитина или Шевченко» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6). См. также ниже, примеч. к стр. 118.

Стр. 113. *После исступленных восторгов новой веры в новые идеалы, провозглашенной в конце прошлого столетия во Франции...* — Имеется в виду Великая французская революция 1789—1792 гг. и выдвинутые ею лозунги: «Свобода! Равенство! Братство!».

Стр. 114. *Старые кумиры лежали разбитые.* — Завуалированная цитата из стихотворения А. Н. Майкова (1821—1897) «Празд10словы» (1859 или 1860):

> Кумиры старые разбиты,
> И их разогнаны жрецы,
> И разных вер сошлись левиты,
> И разных толков мудрецы. . .

Стр. 114. ... *и явился великий и могучий гений, страстный поэт.* — О Байроне и его русских последователях см. также в «Ряде статей о русской литературе» (1861): наст. изд., т. XVIII, стр. 58—59.

Стр. 114. ... *муза мести и печали...* — Цитата из стихотворения Некрасова «Замолкни, муза мести и печали!» (1856).

Стр. 114. *Дух байронизма вдруг пронесся как бы по всему человечеству...* — Творчество Байрона имело немалое значение для всей европейской культуры. Влияние Байрона и при жизни поэта и позднее (в Англии и за ее пределами) было более сильным, чем влияние кого бы то ни было из поэтов-романтиков (см. новейшие русские работы на эту тему: Н. Я. Дьяконова. 1) Лирическая поэзия Байрона. М., 1975; 2) Байрон в годы изгнания. Л., 1974). Его испытали самые крупные русские поэты: Пушкин, Лермонтов, Некрасов. О «байронизме», как модном общественно-психологическом настроении, охватившем в свое время русскую интеллигентную публику, Достоевский писал в «Ряде статей о русской литературе», см. наст. изд., т. XVIII, стр. 58—59, 67—68. О русском «байронизме» с от-

сылкой к мнениям Достоевского см.: Н. Бродский. Байрон в русской литературе. — «Литературный критик», 1938, № 4, стр. 114—142. См. также: О. Н. Осмоловский. Достоевский и Байрон (к постановке проблемы). — В кн.: Вопросы русской литературы. Львов, 1977, вып. 1 (29), стр. 100—107.

Стр. 114. ...*такому великому, гениальному и руководящему уму, как Пушкин?* — Здесь и далее звучат мысли, подробно развитые Достоевским позднее в речи о Пушкине (1880), ранее — в «Ряде статей о русской литературе». См.: наст. изд., т. XVIII, стр. 69, 99, 102—103 и др.; т. XIX, стр. 15—18, 112, 114—115 и др. См. также: «Дневник писателя» за 1877 г. (наст. изд., т. XXV, стр. 199—200).

Стр. 114. «*Пушкин был явление великое, чрезвычайное*» ∾ «*не только русский человек, но и первым русским человеком*». — С этой мысли Гоголя: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет» (*Гоголь*, т. VIII, стр. 50) — Достоевский начнет речь о Пушкине. Ср. также в «Ряде статей о русской литературе» — наст изд., т. XVIII, стр. 69 и др.

Стр. 114. *Увижу ли народ освобожденный // И рабство, павшее по манию царя!* — Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Деревня» (1819):

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

Стр. 115. ...*он сам вдруг оказался народом.* — Мысль о народности Пушкина Достоевский вслед за Гоголем и (с полемическими оговорками) за Белинским утверждал каждый раз, как только речь заходила о поэте. В «Ряде статей о русской литературе» он впервые подробно развивает эту мысль. См.: наст. изд., т. XVIII, стр. 69, 99, 102, а также комментарий: стр. 280—282; т. XIX, стр. 8—18, комментарий: стр. 231—235, 241—242, 243, 244. Достоевский полемизирует с противниками Пушкина в ближайшей же за этим выпуском «Дневника» художественной работе — романе «Братья Карамазовы». См.: наст. изд., т. XV, стр. 29—30, комментарий: стр. 588—589. Последним развернутым выступлением писателя на тему народности Пушкина явилась речь о Пушкине. Непосредственным поводом к рассуждению о народности поэта в комментируемом тексте была полемика со Скабичевским. Критик, настаивая на том, что Пушкин и Лермонтов были поэтами исключительно своей среды, подчеркивал как особое достоинство Некрасова — его народность (см. ниже, примеч. к стр. 116). Некрасов, по мысли Скабичевского, «воспел горе и радости, страданья и надежды народных масс совершенно такими же звуками, как будто сам народ через его уста вылил все, чем живет он в настоящую минуту...» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6). См. также выше, примеч. к стр. 113. Утверждения Скабичевского (и его единомышленников) такого рода, умаляющие значение Пушкина и Лермонтова, вызвали у Достоевского полемически заостренное подчеркивание отрицательных сторон личности и деятельности Некрасова (особенно в *ПМ*, см. стр. 195, 199). Надо заметить также, что Достоевский отделял вопрос о народности того или иного художника от вопроса о доступности его идей самому народу на определенном историческом этапе его жизни. Хотя Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Л. Толстой (и, конечно, Некрасов) были, по убеждению Достоевского, народными писателями, их произведения не могли быть понятны народу тогда, когда они появлялись. В «Дневнике писателя» за 1876 г. (январь, гл. 2, § III) Достоевский писал: «...в нашей литературе совершенно нет никаких книг, понятных народу. Ни Пушкин, ни „Севастопольские рассказы", ни „Вечера на хуторе", ни сказка про Калашникова, ни Кольцов (Кольцов даже особенно) непонятны совсем народу» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 23).

Стр. 115. ...*когда самые наиболее гуманные и европейски развитые любители народа* ∾ *до парижской уличной толпы.* — Ср. «Дневник писателя» 1873 г.: наст. изд., т. XXI, стр. 8—9.

Стр. 115. *Он даже по виду, по походке русского мужика заключал, что это не раб и не может быть рабом. . .* — Имеются в виду слова Пушкина из его «Путешествия из Москвы в Петербург» (глава «Русская изба») (1833—1835): «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи! О его смелости и смышлености и говорить нечего. . .» и т. д. (*Пушкин*, т. XI, стр. 258).

Стр. 115. *Он признал и высокое чувство собственного достоинства в народе нашем. . .* — По-видимому, Достоевский имеет в виду как образы Вырина, Савельича, Пугачева, так и сказанное Пушкиным в «Рославлеве» (1831): «Ты слышала, что сказала она (m-me de Staël, мадам де Сталь, — *Ред.*) этому старому, несносному шуту, который из угождения к иностранке вздумал было смеяться над русскими бородами: „Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову". И далее: „Неужели <. . .> Сеникур прав и пожар Москвы наших рук дело? Если так. . . О, мне можно гордиться именем россиянки! Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу"» (*Пушкин*, т. VIII, кн. 1, стр. 152, 157).

Стр. 115. *Они кричали о зверином состоянии народа, о зверином положении его в крепостном рабстве. . .* — Ср., например, «Дневник писателя» за 1877 (май—июнь, гл. 1, § 1): наст. изд., т. XXV, стр. 124.

Стр. 116 *. . . просившего его пощадить барчонка, а «для примера и страха ради повесить уж лучше его, старика». . .* — Имеется в виду следующий эпизод из «Капитанской дочки»: «Меня притащили под виселицу <. . .> Вдруг услышал я крик: „Постойте, окаянные! погодите! . ." Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. „Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут, а для примера и страха ради, вели повесить хоть меня старика!"» (*Пушкин*, т. VIII, кн. 1, стр. 325).

Стр. 116. *Умаление Пушкина как поэта, более исторически, более архаически преданного народу, чем на деле, — ошибочно. . .* — Достоевский полемизирует с мнением Скабичевского, который, противопоставляя Пушкина, Лермонтова, с одной стороны, и Некрасова — с другой, подчеркивал преимущественное значение последнего на том, в частности, основании, что Пушкин и Лермонтов «были чужды» живому, окружавшему их народу. «Правда, и они заимствовали иногда мотивы и образы для своих произведений из так называемой „народной поэзии", но это были не живые мотивы и образы, взятые непосредственно из жизни, а архаические, которые они извлекали из разных памятников прожитой старины и приноравливали их к вкусам и потребностям все той же среды, жизнью которой сами жили и для которой творили. . .» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6).

Стр. 116. *. . . фигуры летописца в «Борисе Годунове». . .* — Еще в статье первой «Книжность и грамотность» из «Ряда статей о русской литературе» Достоевский, полемизируя с критиком С. С. Дудышкиным, отрицавшим народность этого пушкинского героя, писал: «Вообразите, например, хоть бы образ русского летописца в „Борисе Годунове". Вам вдруг говорят, что в нем нет ничего русского, ни малейшего проявления народного духа, потому что это лицо выдуманное, сочиненное; потому что никогда не бывало у нас, при царях московских, таких уединенных, независимых монахов-летописцев, которые умерли для света и для которых истина в их елейном смиренномудром прозрении стала дороже всего; летописцы, говорят нам, были люди чуть не придворные, любившие интригу и тянувшие в известную сторону. Да хоть бы и так, вскрикиваете вы в удивлении: неужели пушкинский летописец, хоть бы и выдуманный, — перестает быть верным древнерусским лицом? Неужели в нем нет элементов русской жизни и народности, потому что он исторически неверен? А поэтическая правда?» И далее: «Пушкин был народный поэт одной части; но эта часть <. . .> была сама русская <. . .> Она очень хорошо поняла, что и летописец, что и Отрепьев, и Пугачев, и патриарх, и иноки, и Белкин, и Онегин, и Татьяна — все это Русь и рус-

ское» и т. д. См.: наст. изд., т. XIX, стр. 9, 15; см. также комментарий, стр. 235. Достоевский вспоминает пушкинского летописца в «Братьях Карамазовых», где Митя Карамазов цитирует строку из монолога этого героя (см. наст. изд., т. XIV, стр. 367) и в пушкинской речи (1880): «О типе русского инока-летописца, например, можно было бы написать целую книгу, чтоб указать всю важность и всё значение для нас этого величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле, им выведенного, им изваянного и поставленного пред нами теперь уже навеки в бесспорной, смиренной и величавой духовной красоте своей как свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды» и т. д. (см. выше, стр. 144).

Стр. 116. *. . . до изображения спутников Пугачева. . .* — Спутники Пугачева, «господа енаралы», в числе других характеров и сцен «Капитанской дочки» в свое время были отмечены Белинским как художественное достижение Пушкина: «„Капитанская дочка“ — нечто вроде „Онегина“ в прозе <. . .> Многие картины, по верности, истине содержания и мастерству изложения — чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера-француза и в особенности его дядьки из псарей, Савельича, этого русского Калеба, — Зурина, Миронова и его жены, их кума Ивана Игнатьевича, наконец, самого Пугачева, с его „господами енаралами“. . .» (*Белинский*, т. VII, стр. 577).

Стр. 116. *. . . песнях будто бы западных славян. . .* — Речь идет о «Песнях западных славян» (1834), сопровожденных (в издании: «Стихотворения Пушкина», ч. IV. 1835) предисловием автора. В нем назывался источник, вдохновивший поэта (La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l' Herzégowine. Paris, 1827), и раскрывалась мистификация Мериме (1803—1870), жертвой которой оказались А. Мицкевич и отчасти Пушкин. Создавая свои «Песни», Пушкин шел в том же направлении, что и Мериме: из шестнадцати «Песен» одиннадцать служат подражанием французскому оригиналу, две взяты из сборника народных сербских песен и три сочинены самим поэтом.

Достоевский с неизменным восхищением говорил об этих «Песнях». «Конечно, этих песен нет в Сербии, поются у них другие, но это все равно: пушкинские песни — это песни всеславянские, народные, вылившиеся из славянского сердца, в духе, в образе славян, в смысле их, в обычае и в истории их» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 39—41). См. также «Ряд статей о русской литературе»: наст. изд., т. XIX, стр. 15—16. В письме к А. Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 г. Достоевский, излагая свой замысел из русской истории, цитирует первый стих первой из пушкинских «Песен»: «Король ходит большими шагами» («Видение короля»).

Стр. 116. *. . . прелестные шутки Пушкина, как, например, болтовня двух пьяных мужиков. . .* — Имеется в виду стихотворение «Сват Иван, как пить мы станем. . .» (1833). Это стихотворение Пушкина, как и следующее («Сказка о Медведихе»), Достоевский упоминает позднее в пушкинской речи (1880). См. стр. 144.

Стр. 116. *. . . или Сказание о медведе. . .* — Имеется в виду не оконченная Пушкиным «Сказка о Медведихе» (1830?). Среди других любимых стихотворений поэта, как свидетельствует Е. А. Штакеншнейдер, Достоевский читал и эту «Сказку»: «Достоевский прочел изумительно „Пророка“. Все были потрясены <. . .> Затем прочел он „Для берегов отчизны дальной“, свою любимую „Медведицу“, немного из Данта и из Буньяна» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 426—427; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 303).

Стр. 116. *. . . сократили времена и сроки. . .* — См. выше, примеч. к стр. 84.

Стр. 117. *Мне дорого, очень дорого, что он «печальник народного горя». . .* — В газетных отчетах о похоронах Некрасова говорится о венках, которые несли почитатели поэта. Достоевский вспоминает одну из надписей на этих венках: «Впереди процессии шли певчие, за ними несли громадные лавровые венки с различными надписями из мелких цветов: „От русских

женщин“, „Певцу народных страданий“, „Бессмертному певцу народа“, „Слава печальнику горя народного“, „Некрасову — студенты“» (*Г*, 1877, 31 декабря (12 января), № 321). Ср. также примеч. к стр. 112.

Стр. 117. *...несмотря на все противоположные влияния и даже на собственные убеждения свои...* — Об этом см. ниже, примеч. к стр. 118.

Стр. 117. *...преклонялся перед народной правдой всем существом своим, о чем и засвидетельствовал в своих лучших созданиях.* — Эти суждения Достоевского, как и вообще развернутая им в «Дневнике» концепция народности творчества Некрасова, частично восходят к «почвенническим» тезисам А. Григорьева в статье критика «Стихотворения Н. Некрасова», опубликованной в журнале «Время» (1862, № 7, стр. 1—46): «Глубокая любовь к почве звучит в произведениях Некрасова, — писал, в частности, критик, — и поэт сам искренно сознает эту любовь <...> Одинаково любит он эту почву и тогда, когда говорит о ней с искренним лиризмом, и тогда, когда рисует мрачные или грустные картины; и мало того, что он любит: его поэзия всегда в уровень с почвою...» (А. Григорьев. Литературная критика. М., 1967, стр. 486).

Стр. 117. *Лермонтов, конечно, был байронист...* — О своеобразии «байронизма» Лермонтова, его демонически «мрачной», «насмешливой» и «капризной» поэзии Достоевский более подробно писал во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе». См. наст. изд., т. XVIII, стр. 59—60. В. В. Тимофеева (О. Починковская, 1850—1931), корректор типографии Траншеля, где печатался «Гражданин», в 1873—1874 гг. редактируемый Достоевским, вспоминает: «... он (Достоевский, — *Ред.*) <...> обратился ко мне <...> и проговорил <...>

— А как это хорошо у Лермонтова:

Уста молчат, засох мой взор.
Но подавили грудь и ум
Непроходимых мук собор
С толпой неусыпимых дум...

— Это из Байрона — к жене его относится, — но это не перевод, как у тех, — у Гербеля и прочих, — это Байрон живым, как он есть. Гордый, ни для кого не проницаемый гений... Даже у Лермонтова глубже, по-моему, это вышло:

Непроходимых мук собор!

<...> А сколько тут силы, величия! Целая трагедия в одной строчке. Молчком, про себя... Одно это слово „собор“ чего стоит! Чисто русское слово, картинное. Удивительные это стихи! Куда выше Байрона! Я про этот стих один говорю...» (см.: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 171—172, а также комментарий, стр. 446—447). О «байронизме» Лермонтова в связи с «Героем нашего времени» см.: Н. Я. Дьяконова. Из наблюдений над журналом Печорина. — *РЛ*, 1969, № 4, стр. 115—125.

Стр. 117. *...убил он государева слугу Кирибеевича «вольной волею, а не нехотя».* — Контаминация разных стихов «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (впервые опубликована в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1838, 30 апреля, № 18, стр. 344—347):

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя,
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»
«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе...»

Лермонтов, т. IV, стр. 114—115. Избирая в качестве примера «народности» Лермонтова «Песню про царя Ивана Васильевича. . .», Достоевский не только следует собственному убеждению, но, безусловно, учитывает и мнение Белинского, согласно которому поэт в этом сочинении «вошел в царство народности как ее полный властелин, и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество <. . .> Он показал <. . .> богатство элементов своей поэзии, кровное родство своего духа с духом народности своего отечества». . . и т. д. (*Белинский*, т. IV, стр. 517; см. также стр. 521, 197). О фольклоризме «Песни про царя Ивана Васильевича. . .» см.: В. Э. Вацуро. М. Ю. Лермонтов. — В кн.: Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976, стр. 226—238.

Стр. 117. *Помните ли ∾ «раба Шибанова»?* — Достоевский цитирует письмо Ивана Грозного (1530—1584) (см. след. примеч.). Слова «раб. . . Шибанов» повторяются в статье Н. А. Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы» (см. след. примеч.), а также в балладе А. К. Толстого (1817—1875) «Василий Шибанов» (1840-е гг.), впервые напечатанной в «Русском вестнике» (1858, сентябрь, кн. I, стр. 236—240), возможно, не без полемической по отношению к статье Добролюбова цели.

Стр. 117. *Раб Шибанов был раб князя Курбского, русского эмигранта 16-го столетия, писавшего всё к тому же царю Ивану. . .* — Имеется в виду переписка князя Андрея Михайловича Курбского (1528—1583) с Иваном Грозным, начавшаяся в 1564 г. письмом князя, бежавшего от гнева Грозного в Литву после проигранного сражения. См. об этом статью (с отсылками к соответствующей литературе) Я. С. Лурье «Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси» в кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, стр. 214—249. Ироническая характеристика князя Курбского у Достоевского восходит к рассуждению Добролюбова (статья «О степени участия народности в развитии русской литературы» — «Современник», 1858, № 2, отд. II, стр. 113—167) об Иване Грозном и Курбском, которых критик противопоставляет на основании «греческого» (иначе — византийского) начала в характере одного и западного (личностного) начала в характере другого: «Он (Иван, — *Ред.*) силится доказать, что бояре, как и все подданные, обязаны были до конца претерпеть с кротостью и незлобием все его жестокости; в пример подобной кротости приводит он раба Курбского, Василия Шибанова, который спокойно стоял пред Иоанном, когда этот своим костылем пригвоздил его ногу к полу и, облокотясь на костыль, читал письмо Курбского. Но Курбский уже не убеждается доводами Иоанна: у него другая точка опоры — сознание собственного своего достоинства. Взгляд его не может еще возвыситься до того, чтобы объяснить надлежащим образом и поступок Грозного с Шибановым; нет — Шибанов пусть терпит, ему это прилично, и князю Курбскому нет дела до того, что приходится на долю Васьки Шибанова. Но с собой, с князем Курбским, аристократом и доблестным вождем, он не позволит так обращаться. За себя и за своих сверстников — аристократов он мстит Иоанну гласностью, историей <. . .> Но в России того времени нельзя было писать того, что написал Курбский <. . .> В царствование Грозного горькая истина должна была высказываться в чужой земле, далеко от России, в которой вся письменность блуждала еще в византийских отвлечениях, не касаясь жизни. Книга Курбского первая написана отчасти уже под влиянием западных идей: ею Россия отпраздновала начало своего избавления от восточного застоя и узкой односторонности понятий» (*Добролюбов*. т. II, стр. 246—247).

Стр. 117. *. . . велел ему письмо снести в Москву и отдать царю лично ∾ не шевельнулся.* — Ср.: «В порыве сильных чувств он (Курбский — *Ред.*) написал письмо к царю: усердный слуга, единственный товарищ его, взялся доставить оное, и сдержал слово: подал запечатанную бумагу самому Государю, в Москве, на Красном крыльце, сказав: „От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича“. Гневный царь ударил его в ногу острым жезлом своим: кровь лилась из язвы: слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на жезл и велел читать вслух письмо Курб-

ского. . .» (*Карамзин*, стр. 65). Некоторые детали события, как они переданы Достоевским (выход царя из собора. окружение приспешников и пр.), опираются также на балладу А. К. Толстого «Василий Шибанов»:

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит? ‹. . .›
Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает ‹. . .›
Шибанов молчал.

(А. К. Толстой. Собр. соч., т. I. М., 1963, стр. 228—230). О балладе Толстого и характере ее основного героя, а также о различных трактовках этого образа (в том числе у Достоевского) см.: Н. А. Лобкова. Баллады А. К. Толстого. Л., 1970. Автореф. канд. дис. Достоевский точно так же, как А. К. Толстой, передает события, опираясь на Карамзина. Иную реконструкцию событий см. в статье: Я. С. Лурье. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси. — В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, стр. 220—224.

Стр. 117. *А царь ∾ написал, между прочим: «Устыдися раба твоего Шибанова».* — Цитата из письма Ивана Грозного князю Курбскому в переводе Н. М. Карамзина. Ср.: «Устыдися раба своего, Шибанова: он сохранил благочестие пред царем и народом; дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты, от единого моего гневного слова, тяготишь себя клятвою изменников» (*Карамзин*, стр. 69).

Стр. 117. *Это значило, что он сам устыдился раба Шибанова.* — Так можно было заключить из осторожных слов Карамзина: «. . . великодушная твердость, усердие, любовь (Шибанова к Курбскому, — *Ред.*) изумили всех и самого Иоанна, как он говорит о том в письме к изгнаннику: ибо царь, волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести, немедленно отвечал Курбскому» (*Карамзин*, стр. 68).

Стр. 118. *. . . говорит он ∾ «всю правду истинную». . .* — Достоевский цитирует на память, непроизвольно совмещая различные мотивы: ответ Кирибеевича о себе на вопрос царя:

«Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной. . .» —

и слова царя, обращенные к купцу Калашникову:

«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя. . .» — и т. д. —

затем:

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести. . .»

(*Лермонтов*, т. IV, стр. 105, 114, 115).

Стр. 118. *Не они ли в русском народном движении, за последние два года, не признали почти вовсе той высоты подъема духа народного. . .* — Здесь в первую очередь имеется в виду журнал «Отечественные записки», который в отличие от консервативных и славянофильских газет и журналов довольно сдержанно освещал войну на Балканах. Журнал никак не отозвался, в частности, на объявление войны (12 апреля 1877 г.) и почти не писал о «подъеме» народного духа. Это было сразу замечено враждебными изданиями, и во «Внутреннем обозрении» «Отечественных записок» Г. З. Елисеев вынужден был отвечать на обвинения в отсутствии должного патриотизма. «Спустя десять дней после объявления манифеста о войне, именно 23-го апреля, — писал Елисеев, — вышла апрельская книжка „Отечественных записок". Литературный обозреватель „Русского мира" берет эту книгу в руки и говорит: „Посмотрите, православные, что тут делается: вот статья Златовратского «Золотые сердца» — о войне ни слова, вот «Русский Шеффильд» Боборыкина — о войне ни слова, вот «Женская жизнь», повесть — о войне ни слова и т. д. и т. д."» (*ОЗ*, 1877, № 5, стр. 118). В связи с этим Елисеев обвиняет в «напускном патриотизме» «Русский мир», который «ограничивается только словоизвержением и сыскными вожделениями», усматривая в деятельности «Отечественных записок» «несочувствие к „подъему народного духа"» (там же, стр. 120, 124). Об отношении редакции журнала «Отечественные записки» к событиям русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и освещении их в официозной и консервативной прессе см.: Г. А. Бялый. Гаршин и литературная борьба 80-х годов. М.—Л., 1937, стр. 28—39; Н. И. Соколов. Вступительная статья к разделу «Отголоски» цикла Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877). — *Салтыков-Щедрин*, т. XII, стр. 656—660.

Стр. 118. *Некрасов* ∾ *был лишен, однако, серьезного образования. . .* — Первоначальное образование Некрасов получил дома, в 1832—1837 гг. он учился в Ярославской гимназии, из которой должен был уйти. В 1839 и 1840 гг. он пытался поступить в Петербургский университет, но не выдержал экзаменов и оказался в положении вольнослушателя. В течение 1839—1841 гг. Некрасов посещал университет довольно нерегулярно: тяжелое материальное положение и литературные заботы отвлекали его от университетских занятий. Ср.:

. . . Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился).
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.

(«Мать. Отрывки из поэмы»,1877)

В «Недельных очерках и картинках» («Новое время», 1878, 1 (13) января, № 662) Суворин писал: «Не зная ни одного иностранного языка, почти ни одного иностранного слова, получив отрывочное, кое-какое образование, не кончив нигде курса, даже в гимназии, он (Некрасов, — *Ред.*) быстро все схватывал и не только не терялся среди образованных, развитых научно молодых людей сороковых годов, но стал между ними, как нечто очень оригинальное, самобытное, крепкое, поражавшее знанием людей и жизни вообще».

Говоря о «необразованности» Некрасова, Достоевский полемически обыгрывает замечание Суворина и Скабичевского о «самобытности», «самородности» Некрасова. Буренин в своих «Литературных очерках» подхватил замечание Достоевского и развил его со всею подробностью, полемизируя с мнением Скабичевского: «. . . давно ли „влияние западных литератур", знакомство поэтов с поэзией Шекспира, Шиллера, Байрона

и т. д., то есть, коротко сказать, европейское, литературное образование — давно ли оно стало считаться препятствием к возвышению поэтов? И наоборот: давно ли незнакомство с нею сделалось качеством, способствующим поэтическому величию. Как знать, чем бы был Некрасов, если бы он обладал литературным образованием Пушкина или Лермонтова? Быть может, именно тогда-то он бы и стал выше их» и т. д. (*НВр*, 1878, 20 января (1 февраля), № 681).

Стр. 118. *Из известных влияний он не выходил во всю жизнь. . .* — Достоевский имеет в виду прежде всего влияние Белинского (см. *ПМ* к этой главе «Дневника писателя»), а затем ближайших сотрудников Некрасова по журналам «Современник» (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. Е. Салтыков-Щедрин) и «Отечественные записки» (М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев и др.). Замечание Достоевского имеет полемический прицел и направлено против Скабичевского, который, поднимая Некрасова над Пушкиным, Лермонтовым и другими, писал: «Он (Некрасов, — *Ред.*) выше, наконец, всех своих предшественников как ум более политически зрелый, сознательно и определенно направленный, сравнительно с шаткими, колеблющимися и исполненными всевозможных патриархальных традиций и предрассудков умами своих предшественников» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6). Слова Достоевского об «известных влияниях» вызвали резкое возражение Г. З. Елисеева в «Отечественных записках». См. об этом наст. изд., т. XXV, стр. 346—347.

Стр. 119. *. . . в недавно напечатанном ∾ экспромте его ∾ . . . По счастлив ли народ?* — Цитата из стихотворения «Элегия» (Пускай нам говорит изменчивая мода. . .) (1874):

> . . . Довольно ликовать в наивном увлеченье —
> Шепнула муза мне! — Пора идти вперед:
> Народ освобожден, но счастлив ли народ?. .

Впервые напечатано: *ОЗ*, 1875, № 2, стр. 495—496. В номерах «Отечественных записок» за этот год, в том числе и в том, где была опубликована «Элегия», печатался роман Достоевского «Подросток» (см. выше, примеч. к стр. 112).

Стр. 119. *. . . в шедеврах его: «Рыцарь на час», «Тишина», «Русские женщины»? Даже в великом «Власе» его. . .* — Достоевский перечисляет произведения Некрасова разных лет: «Влас» (1854), «Тишина» (1857), «Рыцарь на час» (1862), «Русские женщины» (1871—1872). Мотивы этих и других произведений Некрасова, отразившиеся в творчестве Достоевского, а также упоминания о самом поэте см. по указателю: наст. изд., т. XVII, стр. 469.

О «Русских женщинах» Достоевский ранее высказал несколько неодобрительных замечаний в «Дневнике писателя» за 1873 г. (см. наст. изд., т. XXI, стр. 73).

. . . в великом «Власе» его. . . — Достоевский выделял это стихотворение Некрасова из всего, что было создано поэтом. В «Дневнике» за 1873 г. «Власу» посвящена отдельная глава. См. наст. изд., т. XXI, стр. 31—41.

Как вспоминает М. А. Александров, метранпаж типографии Траншеля, где печатался редактируемый Достоевским «Гражданин», и типографии кн. В. В. Оболенского, где печатался «Дневник писателя» 1876—1877 гг., весной 1880 г. на одном из публичных чтений Достоевский «прочел „Власа“ Некрасова — и как прочел! Зала дрожала от рукоплесканий. . .» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 254).

Стр. 119. *. . . в одной из самых могучих и самых зовущих поэм его «На Волге»?* — «На Волге» (1860) — небольшой стихотворный цикл из четырех частей. Достоевский именует его «поэмой», подчеркивая патетическое чувство и серьезную мысль, лежащие в его основе. «Превосходным стихотворением» и «удивительной поэмой о Волге» одновременно называет цикл А. Григорьев в статье «Стихотворения Н. Некрасова» (А. Григорьев. Литературная критика. М., 1967, стр. 481).

Стр. 119—120. *Все газеты, чуть только заговаривали о Некрасове ∾ тотчас же и прибавляли, все без изъятия, некоторые соображения о какой-то*

«практичности» Некрасова ∾ о какой-то двойственности... — Наиболее характерной в этом отношении была статья Суворина «Недельные очерки и картинки». «Я дал себе слово, — передавал Суворин слова поэта, — не умереть на чердаке. Нет, думал я, будет и тех, которые погибли прежде меня, — я пробьюсь во что бы то ни стало. Лучше по Владимирке пойти, чем околевать беспомощным, забитым и забытым всеми. И днем и ночью эта мысль меня преследовала ‹...› Я мучился той внутренней борьбою, которая во мне происходила: душа говорила одно, а жизнь совсем другое. И идеализма было у меня пропасть, того идеализма, который вразрез шел с жизнью, и я стал убивать его в себе и стараться развить в себе практическую сметку». И далее: «„Большой практик он был, говорят о нем, и стихи иногда хорошие писал и в карты играл отлично. У него все это вместе“. (Передаю это в более мягкой форме, чем говорилось о нем иногда)» и т. д. (*НВр*, 1878, 1 (13) января, № 662). О «двойственности» Некрасова писал и Скабичевский, стараясь извинить поэта: «... вас (т. е. молодежь, — *Ред.*) нисколько не смутили и не поколебали в вашем приговоре о поэте никакие нравственные противоречия в его жизни ‹...› несмотря на то, что Н. А. Некрасов жил жизнью, не имеющею ничего общего с жизнью народа, вы нимало не усомнились в искренности мотивов народных страданий его лиры ‹...› вы поставили его выше даже таких знаменитых его предшественников, как Пушкин и Лермонтов, и ‹...› наконец, вы считаете его вполне понятным народу». «В жизни Н. А. Некрасова, — пишет далее Скабичевский, ища извинений поэту, — без сомнения, можно найти немало нравственных противоречий, но при этом не следует забывать, что это был человек 40-х годов, что он принадлежал именно к тому несчастному поколению, которое как бы самою судьбою было обречено путаться в безысходном лабиринте и умственных, и нравственных противоречий. Воспитанное в барских привычках, на почве крепостного права, поколение это восприняло в своей юности сразу массу гуманных передовых идей, бродивших в то время на Западе; идеи эти радикально противоречили со всеми традициями и привычками, вынесенными юношами из детства ‹...› Раздвоенность, заключающаяся в постоянной борьбе новых идей с старыми привычками, имела своим результатом не только разлад деятелей 40-х годов с позднейшими поколениями интеллигентных людей, вышедших из иных слоев общества и успевших выработать и более определенное миросозерцание, и большее соответствие слова с делом, — она разделила самих людей 40-х годов на два враждебные лагеря, причем те из них, у которых традиционные привычки подчинили себе идеи и преобразовали их в московском духе ради умиротворения совести, пошли одесную и вступили в непримиримую борьбу с позднейшими поколениями; другие же, у которых по особенным обстоятельствам их жизни особенно глубоко запали в душу семена новых идей и не могли они так легко отделаться от этих идей, пошли ошую и хотя не в силах были согласовать идеи с привычками, хотя до седых волос оставались исполненными нравственных противоречий всякого рода, во всяком случае они примкнули к последующим поколениям, причем некоторые из них успели встать и во главе их. Н. А. Некрасов бесспорно принадлежал к этому левому лагерю людей 40-х годов» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6).

Стр. 120. ... *«Он-де страдал, он с детства был заеден средой», он вытерпел еще юношей в Петербурге ∾ а следственно, и сделался «практичным»...* — Именно в этом духе старается оправдать противоречия поэта Скабичевский: «Все обстоятельства его жизни сложились ‹...› так, чтобы, с одной стороны, в натуре его образовался ряд нравственных противоречий, с другой же стороны, чтобы при всех этих противоречиях его все-таки более тянуло к свету и правде. Он родился в помещичьем доме, который оставил в нем самые мрачные воспоминания своими дикими нравами в духе дореформенной старины, и в то же время нравы эти остались не без тлетворного влияния на восприимчивую натуру ребенка...» и т. д. Затем: «И вот с этими задатками ‹...› кинут был 16-летний юноша в омут столичной жизни, отвергнутый отцом, без малейшей поддержки ‹...› Несколько лет, проведенных в тяжелой и упорной борьбе с самою страшною нищетою ‹...› положили глубокий след на всю последующую жизнь Николая Алексеевича». По мне-

нию Скабичевского, «эти годы борьбы за существование и испытания на своей собственной шкуре всего того, что терпит простой люд», и сроднили Некрасова с народом, наложив на его деятельность «такую резкую печать, которую потом не могли смыть все те реки шампанского, которые он проливал впоследствии <. . .> Но и тут мы видим ту же раздвоенность <. . .> Н. А. Некрасов <. . .> слишком наголодался и нахолодался, чтобы решиться всю жизнь устоять в строгих границах обстановки писателя-труженика <. . .> Некрасову, как это ни грустно, представилась такого рода дилемма: или умереть с голоду, оставаясь в мире со своею совестью <. . .> или обеспечить себя какими бы то ни было средствами и на почве этого обеспечения начать свободно развивать свой талант. Он избрал последний путь — путь, надо признаться, самый скользкий для народного поэта, путь хотя и доставивший ему массу материальных удобств и утешений, но в то же время поселивший тяжелый нравственный разлад в душе его» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6). В сходном роде писал о детстве и юности Некрасова, оказавших заметное влияние на дальнейшую жизнь и деятельность поэта, Суворин в «Недельных очерках и картинках». См.: *НВр*, 1878, 1 (13) января, № 662.

Стр. 120. *Другие ∾ намекают, что без этой-то ведь «практичности» Некрасов, пожалуй, и не совершил бы столь явно полезных дел на общую пользу, например, совладал с изданием журнала. . .* — Об этом прямо писал Суворин: «. . . не будь он (Некрасов, — *Ред.*) так умен, не пройди он той школы, которую прошел, не испытай на самом себе, не почувствуй на практике, если можно так выразиться, всех тех мотивов, которые служили предметом его поэзии, он, по всей вероятности, не был бы певцом народного горя и народной силы, не так трепетала бы в его поэзии эта звенящая, надрывающая душу струна. Каторжная борьба с жизнью, погоня за независимостью на том пути, на котором так трудно было найти ее, внутренняя работа для того, чтоб смело и бодро пройти между противоположными течениями, все это обострило его чувство, сообщило его таланту силу именно в том направлении, каким сильна его поэзия. Скажу больше: не стремись Некрасов к независимости, не вырабатывай он у себя практической сметки, не умей он пользоваться приобретенным состоянием и большими знакомствами, судьба журналистики русской, столь часто зависевшая от случая, могла быть иною, а журналистика очень много обязана Некрасову. Для нее тоже нужен был „практический человек", но не того предпринимательного закала, который тогда царствовал нераздельно. Нужен был талантливый человек, понимающий ее задачи, широко на них смотревший, строящий успех журнала не на эксплуатации сотрудников, а на идеях и талантах. „Один я между идеалистами был практик, — говорил Некрасов <. . .> когда мы заводили журнал, идеалисты это прямо мне говорили и возлагали на меня как бы миссию создать журнал". И он создал этот журнал, несмотря на все препятствия, на отсутствие сотрудников, денег и возможность писать что-нибудь такое, что живо затрогивало бы общество» и т. д. (*НВр*, 1878, 1 (13) января, № 662). На то, что «практичность» Некрасова была благодетельной для его музы и русской литературы, «намекает» и Скабичевский: «Но не дерзнем кидать камень осуждения в только что застывший прах поэта, имея в виду, что как ни скользок был путь, избранный им, а он все-таки устоял на нем и до конца дней своих не переставал держать в руках своих все то же знамя, которое гордо поднял он в своей юности. Если он и падал в особенно тяжелые минуты (забудем эти мрачные мгновенья в его жизни), то падал для того, чтобы воспрянуть с новыми силами и устремиться все по тому же пути, с которого он ни разу не свернул в продолжение всей своей жизни» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6).

Стр. 121. *. . . сегодня бьется о плиты родного храма, кается, кричит: «Я упал, я упал». И это в бессмертной красоты стихах. . .* — По-видимому, контаминация мотивов разных стихотворений Некрасова:

. . . Я внял. . . я детски умилился. . ,
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,

Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

(«Тишина», 1857)

Затем:

. . . Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!. .

(«Рыцарь на час», 1862)

Рассуждение Достоевского — полемический отклик на речь М. И. Горчакова. «Голос», описывая похороны Некрасова, так говорит об этом: «Отношения поэта к отечественной церкви оратор (Горчаков, — *Ред.*) изобразил превосходными стихами самого поэта, извлеченными из известного произведения „Рыцарь на час“:

Не бледнеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою. . .
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал. . .
Выводи на дорогу тернистую. . .»
и т. д.

(*Г*, 1877, 31 декабря, № 321).

Стр. 121. *Искусство для искусства не более. . .* — и далее: . . . *и на вопрос: «Кого вы хороните?» — мы, провожавшие гроб его, принуждены бы были ответить, что хороним «самого яркого представителя искусства для искусства, какой только может быть».* — Все рассуждение Достоевского об «искусстве для искусства» и в окончательном тексте главы, и в черновиках к ней (см. стр. 193 и след.) непосредственно вызвано полемикой с Скабичевским. Начиная свою статью обращением к молодежи, Скабичевский говорит о том, что обращаться к другим было бы бесполезно, поскольку они составили уже мнение о поэте и их нельзя переубедить. Далее он поясняет свою мысль, безусловно метя в Достоевского: «Так, одни, поклоняясь таланту Н. А. Некрасова, как художника в истинном смысле этого слова, готовые поставить этот талант даже на одну степень с талантами Пушкина и Лермонтова, жалеют только об одном: зачем Н. А. Некрасов посвятил свой талант исключительно „музе мести и печали“, зачем он не был таким же художником чистого искусства, каковыми они считают его знаменитых предшественников. Согласитесь сами <. . .> что вести спор с подобными господами и доказывать им, что Некрасов сделался достойным тех венков, какие вы несли впереди его гроба, и вместе с тем вечной памяти русского народа именно потому, что он не был поэтом чистого искусства, — доказывать это значит более, чем тратить слова по-пустому. . .» и т. д. (*БВ*, 1878, 6 января, № 6). Свое отношение к теории так называемого «искусства для искусства» Достоевский подробно высказал в статье «Г-н — бов и вопрос об искусстве» из «Ряда статей о русской литературе». См. наст. изд., т. XVIII, стр. 73—103. Объяснение на эту тему в связи с поэзией Некрасова, вызванное конкретным поводом — высказываниями Скабичевского, служит продолжением прежней полемики со сторонниками «утилитаризма» в искусстве.

Стр. 121. . . . *потому что он эти стихи сам похваливает. . .* — Имеются в виду, в частности, стихи, процитированные М. И. Горчаковым (*Г*, 1877, 31 декабря, № 321):

Не бледнеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою. . .

(«Рыцарь на час»)

Стр. 121. . . . *приступить к анекдотической части этого дела. . .* — Прилагательное «анекдотический» здесь образовано от слова «анекдот» в одном из его исконных значений: анекдот (*греч.* ’ανέκδοτος — неизданный, неопубликованный) — нечто необнародованное, не бывшее в печати. Вся фраза — отсылка к статье Суворина, той части ее, с которой начинается разговор о «практичности» Некрасова: «Однажды, рассказывая мне разные анекдоты из своей жизни, рисуя ту бедность, которую он видел, то нахальство непомерное. . .» и т. д. (*НВр*, 1878, 1 (13) января, № 662, стр. 3). Некоторые факты, касающиеся юности поэта, Суворин сообщил еще при жизни Некрасова в «Недельных очерках и картинках» (*НВр*, 1877, 20 марта (1 апреля), № 380). Слово «анекдот», взятое Достоевским в исконном смысле, здесь удерживает, конечно, и новейшее свое значение — смешной или неожиданный по содержанию, примечательный рассказ.

Стр. 121—122. . . . *в одном из самых первоначальных его стихотворений, набросанных, кажется, еще до знакомства с Белинским (и потом уж позднее обделанных и получивших ту форму, в которой явились они в печати).* — Некрасов познакомился с Белинским в 1841 г. См.: Ю. Оксман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, стр. 279—280. Достоевский ошибочно предполагает, что стихотворение «Секрет» (см. след. примеч.) было, возможно, набросано до знакомства с Белинским. Впервые полностью оно было напечатано в «Современнике» (1856, № 8, стр. 203—205) с датой «1846», затем перепечатывалось во всех прижизненных изданиях стихотворений поэта. Некоторые строфы стихотворения были опубликованы раньше, в 1851 г. («Современник», 1851, № 11, стр. 89). Данные рукописей поэта приурочивают создание этого произведения не к 1846, а к 1855 г. См. об этом: *Некрасов*, т. I, стр. 571. История создания стихотворения Некрасова, как она передана здесь Достоевским, возникла, судя по всему, на почве желания писателя оправдать тот метод субъективной интерпретации художественного текста, который он себе позволяет. См. след. примеч.

Стр. 122. *Вот эти стихи: Огни зажигались вечерние* ∾ *В кармане моем миллион.* — Достоевский цитирует первые три строфы второй части стихотворения «Секрет (Опыт современной баллады)», повествующего о смерти богача, неправедным путем нажившего «миллион». Стихи, приводимые Достоевским, — начало исповеди умирающего героя. Достоевский снял кавычки, означающие чужую речь. Изъятая из контекста, она приобрела вид как бы отдельного произведения, которое можно было толковать в качестве исповеди самого поэта. Между тем после смерти поэта А. С. Суворин писал: «Некрасова считали очень богатым человеком; но, кроме имения в Ярославской губернии, он не оставил никаких капиталов ни в наличных деньгах, ни в бумагах» (*НВр*, 1878, 8 (20) января, № 669; «Заметка», подпись: Незнакомец). На недопустимость истолкования стихотворения, какое было сделано Достоевским, обратил внимание Г. З. Елисеев (*ОЗ*, 1878, № 3, стр. 123).

Стр. 122. *Это был демон гордости* ∾ *чтобы уже не зависеть ни от кого.* — Звучат мотивы романа Достоевского «Подросток» (1875), главного героя которого писатель сближает здесь с поэтом. См. об этом: А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963, стр. 62—75.

Стр. 122. *Такие люди пускаются в путь босы и с пустыми руками, и на сердце их ясно и светло.* — Судя по всему, имеются в виду (как некая параллель) странствующие монахи нищенствующих орденов. Рассуждение Достоевского безусловно восходит к стихам Некрасова:

. . .Я похож
На нищего: вот бедный дом. . .
и т. д.

(«На Волге», 1860)

Стр. 123. . . . *«Брось всё, возьми посох свой и иди за мной».* — Контаминация разных евангельских текстов. Во-первых, слова Христа, сказанные им ученикам: «. . . если кто хочет идти за мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мною» (Евангелие от Матфея, гл. 16, ст. 24; ср.: от Марка, гл. 8, ст. 34; от Луки, гл. 9, ст. 23). Во-вторых, рассказ Евангелия от Марка о напутствии Христа своим ученикам: «И, призвав двенадцать, начал посылать их по два <. . .> И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, но обуваться в простую обувь и не носить двух одежд» (Евангелие от Марка, гл. 6, ст. 7—9).

Стр. 123. *Уведи меня в стан погибающих//За великое дело любви.* — Цитата из стихотворения «Рыцарь на час».

Стр. 123. *Г-н Суворин уже публиковал нечто. . .* — Достоевский имеет в виду следующее свидетельство Суворина: «Николай Алексеевич принимал самое теплое участие во мне с тех самых пор, как мы хорошо с ним познакомились. Это было в 1872 г. Никакой ему нужды во мне не было, но он приезжал ко мне на Васильевский остров и долго беседовал о литературе. Тогда же он советовал мне завести свою газету <. . .> Участие его, совершенно бескорыстное, указывающее именно на нежную его душу, простиралось до того, что в конце 1873 г. он предложил мне значительную для меня сумму на поездку за границу, чтоб оправиться там от постигшего меня несчастья. Я <. . .> не могу не вспомнить об этом с глубокою благодарностью» (*НВр*, 1878, 1 (13) января, № 662). О том же писал Скабичевский: «. . . не говоря уже о постоянных сотрудниках, вы могли надеяться после помещения в журнале Некрасова одного какого-нибудь маленького рассказика явиться к Николаю Алексеевичу в затруднительном случае, в надежде воспользоваться у него таким кредитом, о котором вы не смели бы и мечтать при какой-либо другой редакции. Я уж не знаю, найдете ли вы при какой-либо иной редакции такую высокую гуманность, чтобы сотрудникам давались средства на поездку за границу для поправления здоровья или на издание их сочинений, а Некрасов делал это сплошь и рядом: так, мы видим, что, по свидетельству г-на Суворина, Некрасов даже ему предложил денег на поездку за границу, хотя г-н Суворин является человеком совершенно посторонним и не имеющим никаких отношений к „Отечественным запискам"» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6).

Стр. 123. *Еще Гамлет дивился на слезы актера ∾ «Что ему Гекуба?». . .* — Имеется в виду монолог Гамлета после прощания с актерами (д. 2, сцена 2):

> . . . И все из ничего! из-за Гекубы!
> Что он Гекубе, что она ему?
> Что плачет он о ней. . .

(Шекспир. Полн. собр. драматич. произведений в переводе русских писателей, т. II. Изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. СПб., 1866, стр. 32).

Стр. 124. . . . *древний печерский многострадалец ∾ закопал себя по пояс в землю и умер. . .* — Речь идет о «многотерпеливом Иоанне затворнике» (ср. *ПМ*, стр. 197), который, борясь с плотскою страстью, «вырыл <. . .> яму, глубиною до плеч <. . .> и своими руками засыпал себя землей, так что только руки и голова были свободны». Дьявол и после этого продолжал мучить святого тою же страстью, пока бог, по молитвам Иоанна, не освободил его от этих мук. Достоевский ошибается: Иоанн не умер в яме; выдержав искушение, он больше не был обуреваем этой страстью. См.: Киево-Печерский патерик по древним рукописям. Киев, 1870, стр. 102—106.

Стр. 124. . . . *Поэтом можешь ты не быть, // Но гражданином быть обязан. . .* — Цитата из стихотворения «Поэт и гражданин» (1856).

Стр. 126. *Декабрьский и последний выпуск «Дневника» так сильно запоздал ∾ затянулось дело.* — О дате выхода в свет и причинах задержки этого выпуска «Дневника» см. наст. изд., т. XXV, стр. 318.

Стр. 126. *Может быть, решусь выдать один выпуск. . .* — Этому желанию Достоевского не суждено было сбыться.

Стр. 126. . . . *я и впрямь займусь одной художнической работой ∾ невольно.* — Речь идет о романе «Братья Карамазовы», над которым Достоевский работал ближайшие три года (1878—1880).

С т р. 126. *Но «Дневник» я твердо надеюсь возобновить через год.* — Надежда продолжить «Дневник» осуществилась через два года, которые были отданы писанию и печатанию романа «Братья Карамазовы». Заканчивая роман в 1880 г., Достоевский «возобновил» «Дневник» единственным выпуском (август), посвященным торжествам по случаю открытия памятника А. С. Пушкину в Москве и публикации своей речи (8 июня 1880 г.).

С т р. 126—127. *Прошу вновь у всех, которым не ответил до сих пор, их доброго, благодушного снисхождения.* — За годы выпуска в свет «Дневника писателя» у Достоевского образовалось так много корреспондентов, что писатель не имел возможности отвечать каждому из них. Е. А. Штакеншнейдер записывает слова Достоевского в своем «Дневнике»: «Да разве я буду на них (эти письма, — *Ред.*) отвечать! Разве есть возможность отвечать на них! Вот, например: „Выясните мне, что со мной? Вы можете и должны это сделать: вы психиатр, и вы гуманны. . ." Как тут отвечать письмом, да еще незнакомой? Тут надо не письмом писать, а целую статью. Я и напечатал просто, что не в силах писать столько писем» (Е. А. Ш т а к е н ш н е й д е р. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 423). Писатель, однако, отвечал и лично, и в «Дневнике» многим своим корреспондентам. О корреспондентах Достоевского и их письмах см. наст. изд., т. XXV, стр. 350—358.

С т р. 127. *. . . может быть, русская-то женщина и спасет нас всех. . .* — Достоевский не раз высказывал эту мысль, см., например, «Дневник писателя» за 1877 г. (сентябрь, гл. 2, § III). Не все читатели одобряли эти идеи, см., например, наст. изд., т. XXV, стр. 355.

С т р. 127. *Корреспонденту, написавшему мне длинное письмо (на 5 листах) о Красном Кресте. . .* — Об этом корреспонденте см. наст. изд., т. XXV, стр. 352.

С т р. 127. *Мой адрес остается прежним. . .* — С середины сентября 1875 г. до середины мая 1878 г. Достоевский жил на Греческом проспекте, в доме А. П. Струбинского. Дом сохранился. См.: *Саруханян*, стр. 272—273.

С т р. 128. *P. S. Издатель одной новой книги* ∾ *«Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России. СЭРА Т. СИНКЛЕРА, баронета, члена английского парламента. Перевод с английского». . .* — Имеется в виду книга: Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России. Сэра Т. Синклера, баронета, члена британского парламента. Пер. под ред. В. Ф. Пуцыковича. СПб., 1878. Издателем этой книги был В. Ф. Пуцыкович (1843—1909), в типографии которого она (так же, как и декабрьский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г.) и была напечатана. О том, что книга Синклера переводится на русский язык (вместе с развернутым изложением этой работы), сообщалось в ноябрьских газетах. См.: *СПбВед*, 1877, 19 ноября (1 декабря), № 320; *СВ*, 1877, 23 ноября (5 декабря), № 206. В. Ф. Пуцыкович был секретарем редакции газеты-журнала «Гражданин» в пору редактирования ее Достоевским. После ухода Достоевского с поста редактора Пуцыкович занял это место. С 1877 г. по 1879 г. он — собственник этого издания. В 1879 г. Достоевский ищет способы помочь Пуцыковичу, оказавшемуся за границей и (как он уверял писателя) без денег, в предпринимаемом им издании «Русский гражданин», который начал выходить в Берлине с конца 1879 г. (по 1881 г.). См. письма Достоевского Пуцыковичу от 3 мая 1879 г.; Н. А. Любимову и Пуцыковичу от 11 июня 1879 г.; Н. А. Любимову от 8 июля 1879 г.; А. Г. Достоевской от 24 июля (5 августа) 1879 г.; 28 июля (9 августа) 1879 г. и др.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

(Стр. 176)

С т р. 176. *Вот почему, может быть, он один только во всей Европе и не чувствует, что он в опале.* — Речь идет о бонапартисте Мак-Магоне.

С т р. 176. *Наши тоже убеждены в торжестве законности.* — В России даже правая печать («Московские ведомости», например) была не только убеж-

дена «в торжестве законности», то есть победе республиканской формы правления на предстоящих выборах во Франции, но и жаждала этой победы как очевидной гарантии общеевропейского мира.

Стр. 177. *Превосходно замечание «М‹осковских› в‹едомостей›» о сочувствии католиков к туркам и даже к магометанству, и даже чуть не самого папы.* — См. стр. 12.

Стр. 177. . . .*эскамотировать*. . . — обморочить (франц. escamoter).

Стр. 178. *В «Москов‹ских› ведомостях» описание.* — См. выше, стр. 12.

Стр. 178. *Но там не тот конец.* — Отрывок из передовой статьи «Московских ведомостей», процитированный в сентябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (см. стр. 12), заканчивался фразой: «Итак, мы по-прежнему остаемся наедине с Турцией». Несколько ниже (см. стр. 13) Достоевский не согласился с этим заключением: «Но так ли это? Наедине ли? Не предстоит ли, напротив, в самом ближайшем будущем, что мы вдруг очутимся не наедине с Турцией, а наедине со всей Европой».

Стр. 178. *Наконец-то я прочел.* — Достоевский имеет в виду все ту же передовую статью, напечатанную в № 235 «Московских ведомостей» от 22 сентября 1877 г. В статье, процитированной в «Дневнике писателя», Достоевский «наконец-то. . . прочел» о том, о чем он сам писал в майско-июньском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (наст. изд., т. XXV, стр. 145), то есть уже и о *«воинствующем католицизме»* (стр. 12).

Стр. 179. *Отказаться от предоминирования*. . . — Предоминировать — господствовать, преобладать (от франц. prédominer).

Стр. 179. *Всё это близко, «при дверях».* — В этих опровержениях возможной близости общеевропейской войны как по крайней мере войны между Францией и Германией Достоевский пользуется лексикой предсказания Христом скорого «пришествия сына человеческого»: «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знайте, что близко лето; так, когда вы увидите всё сие, знайте, что близко, при дверях. Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как всё сие будет» (Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 33—35).

Стр. 180. . . .*а между тем есть внешние события.* — Главными из этих событий были: 1) дальнейшее усиление, как казалось Достоевскому, клерикального и бонапартистского влияния на французскую политику после «клерикального переворота» 4 (16) мая 1877 г.; 2) новые выпады Пия IX против «схизматической» России; 3) военные неудачи России под Карсом и Плевной, способствовавшие, по убеждению Достоевского, усилению клерикальной экспансии в Западной Европе; 4) ориентация Германии, ввиду растущей опасности общеевропейской войны, на союз с Россией. Обо всем этом Достоевский подробно писал в сентябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г.

Стр. 180. . . .*события в Москве*. . . — Возможно, подразумевается восторженная реакция московского общества на протесты Вильгельма I, его правительства и официозной германской печати против турецких зверств и клеветнических заявлений турецких министров «о русских зверствах на Балканах». Представление о таком настроении московского общества дает телеграмма, помещенная на страницах «Нового времени» (1877, 18 (30) июля, № 497): «Москва, 16-го июля, суббота, вечером. Здесь радушно одобряется предложение москвичей отправить германскому императору благодарственный адрес за искренний и честный образ действий его величества по Восточному вопросу. Фабриканты предполагают преподнести императору Вильгельму роскошный альбом видов Москвы, а дамы заняты составлением узора для роскошного ковра, который они намерены поднести князю Бисмарку. Симпатии Москвы к германской нации проявляются ежедневно». Не исключено, что эти факты рассматривались Достоевским как подтверждение его догадок о неизбежности союзнических отношений между Германией и Россией накануне войны католической Европы против Европы православной и протестантской.

Стр. 182. *То-то и есть, что, может быть, на свидании европейских владык и министров их гарантировала уже Австрия.* — Подразумеваются австро-венгерские гарантии по крайней мере нейтралитета в случае новой

войны между Францией и Германией. См. примеч. к стр. 17. Дипломатической встрече Бисмарка с Андраши предшествовало свидание «владык» Германии и Австро-Венгрии — Вильгельма I и Франца-Иосифа, также происходившее в обстановке секретности. По мнению политических обозревателей, и во время этого свидания речь шла о гарантиях на случай войны. Так, в «Последней почте» «Московских ведомостей» (1877, 20 августа, № 207) было помещено следующее сообщение: «В своем донесении о свидании императоров в Ишле Садуллах-бей (турецкий посол в Германии, — *Ред.*) объяснил, что император Вильгельм настаивал пред императором Францем-Иосифом на необходимости твердо поддержать союз императоров, причем убеждал-де Австрию к совокупному действию». Несколько выше та же «Последняя почта» сообщала, что Садуллах-бей переслал своему правительству «статью „Norddeutsche-Allgemeine Zeitung", где политика Германии была изображена совершенно ясно».

Стр. 184. *Читаю — вещь устарелая.* — Подразумевается передовая статья «Московских ведомостей» (1877, 22 сентября, № 235), в которой говорилось о «воинствующем католицизме». Отрывок из этой статьи процитирован в «Дневнике писателя» за сентябрь 1877 г. (стр. 12). Несколько ниже (см. стр. 21) Достоевский называет уже «устарелыми» и собственные повторные «прорицания» о католическом заговоре и католической экспансии в Западной Европе.

Стр. 184. *Теперь всего через 4 дня выборы.* — Подразумеваются выборы во французскую Палату депутатов, назначенные на 2 (14) октября 1877 г.

Стр. 185. *Воровство, но всё же еще остается сила, которой все боятся.* — Подразумевается, как и после Крымской войны, обращение русской печати к выявлению вопиющих злоупотреблений всякого рода «деловых людей» (чиновничества, купечества, служилого дворянства) в снабжении действующей армии. Одним из первых к обличению воровства во время русско-турецкой войны 1877 г. обратился публицист Евгений Марков в статье «С кем нам воевать». О повсеместном воровстве в Крымскую кампанию, косвенно намекая при этом на воровство, продолжающееся в широких размерах и во время русско-турецкой войны 1877 г., писал Щедрин в очерке «Тяжелый год». Делая свою заметку, Достоевский учитывал также многочисленные разоблачения лихоимства «патриотической» печатью. «Московские ведомости» (1877, 28 июля, № 187) сообщали: «В „Русский мир" пишут из Одессы, от 21 июля, что комиссия для освидетельствования заказов прессованного сена не досчиталась 180 000 пудов; кипы снаружи обложены сеном, а внутри бурьян и солома. Недостаток сена подрядчики объясняют ураганами и усушкой». «По словам „Сев‹ерного› вест‹ника›", — писала газета Суворина, — через двадцать с лишком лет, после Крымской войны, мы явились на новую войну с некоторыми из прежних своих недостатков и слабостей. Между тем как лучшая, бóльшая часть общества напрягает все свои усилия для содействия государству в войне, прежние примеры, считавшиеся навсегда забытыми, всплывают на поверхность. В одном месте выброшен дурной провиант, настолько испорченный, что заражает воздух; в другом месте провиант пропал; в третьем каким-то жертвователем прислан кофе, подкрашенный зеленою краскою», и т. д. (см.: *НВр*, 1877, 20 августа, № 530). См. также: «Злоупотребления в интендантстве» (Современные известия, 1877, 15 августа, № 223); «Еще о злоупотреблениях в складах военно-продовольственных запасов» (там же, 21 августа, № 229).

Стр. 186. *Обвиняют штаб, Игнатьева.* — Возможно, эта заметка имеет прямое отношение к суждениям Достоевского о просчетах русского командования, обнаружившихся во время осады и штурмов Плевны летом 1877 г. Под «штабом Игнатьева» подразумевается, очевидно, русское посольство в Турции во главе с послом графом Н. П. Игнатьевым (1832—1908), повинное в необъективной информации о военной мощи Турции, вследствие чего к войне с Турцией Россия подготовилась недостаточно основательно. Но, видимо, Достоевский имеет в виду обвинения в адрес «штаба Игнатьева», которые исходили из среды западноевропейских дипломатов и публицистов.

Стр. 188. . . .*у Бисмарка и у великого императора Германии.* — См. выше, примеч. к стр. 91.

Стр. 190. *Русское юношество. Юность в безверии. Две свободы, понятие о свободе.* — Эти темы не были затронуты Достоевским в окончательном тексте декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г.

Стр. 190. *Шибанов, Салос Никола ∾ Пушкин.* — Наброски тем второй главы декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. Шибанов — см. выше, примеч. к стр. 117. Салос Никола — см. ниже, примеч. к стр. 194.

Стр. 190. . . .*квиетизмом. . .* — Квиетизм (лат. quietus — спокойный) — здесь: равнодушное, безучастное отношение к жизни.

Стр. 193. *Скабичевский. Художественностью не докажете. «Коробейчик‹и›» — всё это бесконечно ниже.* — Замечание вызвано рассуждениями Скабичевского о том, что язык Некрасова-поэта плох там, где он восходит к Пушкину, и хорош, и понятен народу в тех случаях, когда этого влияния нет: «Некрасов делался любимейшим поэтом для совершенно неразвитых людей, услыхавших или прочитавших стихотворения его вроде „Огородника", „Тройки" или „Коробейников". . .» (см.: *БВ*, 1878, 6 января, № 6).

Стр. 193. *Речь Посполита. . .* — Речь Посполита (польск. Rzeczpospolita — республика) — старое наименование польского государства в конце XV—XVIII вв.

Стр. 194. *Лермонтов. Салос Никола его устыдил.* — Судя по этой записи, Достоевский собирался поставить в связь «Песню. . . про купца Калашникова» Лермонтова (см. стр. 117, 422, 423) и историческое предание о чудесном спасении Пскова от гнева Ивана Грозного (1570 г.). Карамзин пишет: «Иоанн готовил Пскову участь Новгорода ‹. . .› Там начальствовал добрый князь Юрий Токмаков и жил славный благочестием отшельник *Салос* (юродивый) Никола: один счастливым советом, другой счастливою дерзостию спасли город». Отказавшись от мысли расправиться с Псковом так же, как с Новгородом, царь «зашел в келию к старцу *Салосу* Николе, который под защитою своего юродства не убоялся обличать тирана в кровопийстве и святотатстве. Пишут, что он предложил Иоанну в дар . . . кусок сырого мяса; что царь сказал: „Я христианин и не ем мяса в Великий пост"; а пустынник ответствовал: „Ты делаешь хуже: питаешься человеческою плотию и кровию, забывая не только пост, но и бога!" Грозил ему, предсказывал несчастия и так устрашил Иоанна, что он немедленно выехал из города. . .» и т. д. (*Карамзин*, стр. 173—174, 175—176, а также примеч. к т. IX, №№ 287, 288). О Николе Псковском Салосе, источниках, положенных в основу повествования о нем у Карамзина, и литературе, касающейся этого предмета, см.: А. М. Панченко. Смех как зрелище. — В кн.: Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, стр. 176—178.

Стр. 194 . . .*убил Шибанова.* — О Шибанове см. выше, примеч. к стр. 117.

Стр. 194. «*Крестьянские дети*». — Стихотворение Некрасова 1861 г. Впервые было напечатано в журнале «Время». См. выше, примеч. к стр. 112.

Стр. 195. . . .*слово без дела мертво есть. . .* — Перефразировка известного изречения: «. . .вера, аще дел не имать, мертва есть» (Соборное послание Иакова, гл. 2, ст. 17).

Стр. 195. *Нет, уж лучше воспевать голых женщин.* — Запись косвенно соотносится со стихами Некрасова:

. . .Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать. . .

(«Поэт и гражданин», 1856)

Фраза о воспевании «голых женщин» — отголосок полемики Достоевского с «утилитаристами» в искусстве: «Г-н — бов и вопрос об искусстве».

См. выше, примеч. к стр. 121. Достоевский, возражая и представителям «чистого искусства» и «утилитаристам», с глубоким сочувствием цитировал стихотворение А. А. Фета «Диана» (1850):

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами. . .

См. наст. изд., т. XVIII, стр. 97. Рассуждения Достоевского, вводящие и заключающие текст Фета (там же, стр. 96—97), связаны, в частности, с поэтической декларацией Н. Ф. Щербины «Пред статуей Венеры Таврической» (1852):

Ты когда-то жила меж людей
. . . .
И художник, в печали своей,
Когда сердцем болящим страдал
Над нестройною жизнью людей,
Твой чарующий лик изваял,
И он верил: придут времена —
Все, что в духе бесплотно живет,
Будто грезы роскошного сна,
В повседневную жизнь перейдет. . .

(Н. Ф. Щербина. Избранные произведения. Л., 1970 (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е), стр. 125, а также примеч., стр. 534). Эти рассуждения вводят в поле зрения читателя целый ряд стихотворений поэта, включающий аналогичные мотивы, в том числе «Просьба художника» (1847). Последнее заключается строфой:

Полна невинности, явись ты предо мной,
Чтоб не была ничем краса твоя покрыта,
Как вышла некогда богиня Афродита
Из пены волн, блистая наготой.

(там же, стр. 107). И это произведение Щербины, и другие его стихотворения антологического рода были объектом пародий, в частности — Д. Д. Минаева; одна из них была опубликована в журнале «Время» (1861, № 1, стр. 79), в фельетоне Минаева, которым началось и закончилось (если не считать нескольких стихотворных вставок в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе») сотрудничество Минаева в издании братьев Достоевских. См. об этом: наст. изд., т. XIX, стр. 262—264, а также: И. Г. Ямпольский. Дмитрий Минаев. — В кн.: Поэты «Искры», т. II. Л., 1955 (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е), стр. 12. Позднее Минаев вернулся к той же теме в пародии «Фанты. Современная элегия (Посвящается детям, начинающим учиться российской азбуке)» (1863), написанной в форме загадок с подсказывающей ответ рифмой:

Кто он, сорвавший гиматий
С музы афинской в час сплина,
Пост завещавший для братий?
Кто он? — Щ‹ербина›.

(там же, стр. 126). К полемике с Д. Д. Минаевым и теми, кто был убежденным сторонником вульгарного «утилитаризма» в искусстве, Достоевский вернулся по окончании «Дневника писателя» за 1877 г., в «Братьях Карамазовых». См. наст. изд., т. XV, стр. 589.

Стр. 195. *Я не говорю, что Некрасов ставил кабаки, хотя меня и уверяли в этом клятвенно чуть не очевидцы.* — Судя по дальнейшим записям в *ПМ* (см. ниже, стр. 199, 200), Достоевский слышал об этом от Н. П. Огарева, с которым часто встречался в Женеве в 1867—1868 гг. См.: *Гроссман, Жизнь*

и труды, стр. 172, 177. Рассказы Огарева о Некрасове, компрометирующие поэта, были вызваны, по-видимому, враждебностью Огарева, возникшей в результате участия Некрасова в имущественной распре Огарева с его женой, М. А. Огаревой. См. об этом: А. Г. Дементьев. 1) «Огаревское дело». — *РЛ*, 1974, № 4, стр. 127—143; 2) Письмо Некрасова Панаевой (еще раз об «огаревском деле»). — В кн.: Н. А. Некрасов и его время, вып. II. Калининград, 1976, с. 48—54; Б. Л. Бессонов. 1) К истории «огаревского дела» (по новонайденным материалам). — *РЛ*, 1978, № 3, стр. 139—144; 2) Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Некрасова. (История одной публикации). — В кн.: Некрасовский сборник, вып. VII. Л., 1980, стр. 47—65. В указанных статьях дана и литература вопроса. См. также наст. изд., т. XXV, стр. 323.

Стр. 196—197. *Вы утверждаете, Наблюдатель* ∾ *Кронеберга.* — Наброски к первой главе декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г.

Стр. 197. (*Зарыт, как Антоний.*) ∾ *его мучившей.* — Речь идет не об Антонии, названном так Достоевским, по-видимому, ошибочно, а об Иоанне затворнике Печерском. См. выше, примеч. к стр. 124. Ср. также стр. 202.

Стр. 197. *Но кто поднимет камень.* — Имеются в виду слова Христа: «. . .кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 7). См. также выше, примеч. к стр. 110. Ср. также слова Скабичевского: «Но не дерзнем кидать камень осуждения в только что застывший прах поэта» (*БВ*, 1878, 6 января, № 6). Ранее, у Суворина: «Как это просто, в самом деле, и как легко бросить камнем в человека? Но если вы вспомните, какую он (Некрасов, — *Ред.*) прошел школу, если вы вспомните, что он не кланялся. . .» и т. д. (*НВр*, 1878, 1 января, № 1). Все слова о «камне», восходящие к евангельскому источнику, учитывают, по-видимому, общее посредство — стихи самого Некрасова:

. . .Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила
. . . .
Душа пугливо отступила. . .
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень. . .

(«Поэт и гражданин»)

Достоевский безусловно помнил и о литературном образце, трансформированном в этих стихах Некрасова, — стихотворении Лермонтова «Пророк» (1844).

Стр. 199. *. . .разговор с Николаем, письма Пушкина, мужеств‹енный› человек.* — Николай I вызвал к себе А. С. Пушкина из Михайловского, где поэт находился на положении ссыльного, и 8 сентября 1826 г. состоялась встреча Пушкина с царем. Детали этого свидания неизвестны, и сам поэт не говорил о нем. Два стихотворения: «Стансы» («В надежде славы и добра») (1826) и «Нет, я не льстец. . .» (1828), адресованные Пушкиным Николаю I, многими воспринимались и при жизни поэта, и позднее как уступка престолу и слабость поэта. См. об этом: Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837). М.—Л., 1961, стр. 250—256. Судя по всему, и эти стихотворения, и письма Пушкина (имеется в виду прежде всего официальная переписка, отразившая отношения с правительством) воспринимались Достоевским, в противовес распространенному мнению, как свидетельство мужества и достоинства поэта.

Стр. 199. *В Некрасове ошибки. Убиение французов — позор.* — Достоевский имеет в виду стихотворение Некрасова «Так, служба! сам ты в той войне» (1846). Впервые опубликовано в издании: Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856, стр. 23—24. Позднее перепечатывалось во всех прижизненных собраниях сочинений Некрасова. Готовя новое собрание своих стихотворений, вышедшее уже после смерти поэта, Некрасов сделал к стихотворению пометку: «Отнести в приложение. Не люблю этой пьесы, хотя буквально она верна — слышал рассказ очевидца Тучкова (впоследствии московского генерал-губернатора)». См. об этом комментарий А. М. Гаркави: Н. А. Некрасов. Полное собрание стихотворений в трех томах, т. I. Л., 1967 (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е), стр. 608.

Стр. 199. *. . .перевязывать грудь ∾ за свое рабство.* — Имеются в виду стихи Некрасова, обращенные к русской крестьянке:

. . .Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь. . .

(«Тройка», 1846)

Стр. 199. *На парижскую чернь, о подвигах которой он вычитал раз на всю жизнь в томах Тьера и Рабо.* — Завуалированная отсылка к стихотворению Д. В. Давыдова «Современная песня» (1836):

. . .Томы Тьера и Рабо
Он на намять знает
И, как ярый Мирабо,
Вольность прославляет.

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло. . .

Достоевский цитирует эти стихи в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Помните вы стихи:

Томы Тьера и Рабо
Он на память знает, —
И, как ярый Мирабо,
Вольность прославляет.

Стихи эти чрезвычайно талантливые, даже до редкости, и останутся навсегда, потому что они исторические; но тем и драгоценнее, ибо они написаны Денисом Давыдовым, поэтом, литератором и честнейшим русским» (наст. изд., т. XXIII, стр. 32). Произведения поэта имелись в библиотеке Достоевского. См.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 24. О Тьере и Рабо см.: наст. изд., т. XXIII, стр. 365. Ср. также цитату в фельетоне «Петербургская летопись» (1847): наст. изд., т. XVIII, стр. 114, а также 305.

Стр. 200. *В воспоминаниях Сергея Аксакова ∾ почти только о природе русской.* — Многие произведения С. Т. Аксакова связаны с воспоминаниями: «Записки об уженье» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852) и др. Как раз произведение С. Т. Аксакова под названием «Воспоминания», впервые вышедшее в свет вместе с «Семейной хроникой» (М., 1856), менее занято описанием русской природы, чем другие его художественные тексты. Четвертому, посмертному изданию «Семейной хроники» (1870) сын писателя, И. С. Аксаков, предпослал предисловие, подчеркивающее связь между «Семейной хроникой» и «Воспоминаниями». Судя по всему, Достоевский под «воспоминаниями» имеет в виду оба текста: и собственно «Воспоминания», и «Семейную хронику». Возможно также, здесь разумеется и более широкий корпус сочинений С. Т. Аксакова. К ука-

занным следует добавить в первую очередь «Детские годы Багрова-внука», служащие продолжением «Семейной хроники» (М., 1858). Имя героя — Сергей, мельком упомянутое на последних страницах «Семейной хроники», восходит к «Воспоминаниям» и «Детским годам Багрова-внука». В библиотеке Достоевского имелось одно из изданий «Семейной хроники» и «Воспоминаний». См.: *Гроссман, Семинарий*, стр. 22. См. здесь же отсылки к упоминаниям произведений Аксакова в сочинениях Достоевского и в мемуарной литературе о нем.

Стр. 201. *. . .Что мы робели там, где Некрасов не робел и не останавливался. . .* — Ср., например, сходную мысль в стихотворении «Рыцарь на час», где Некрасов рассуждает о суде над собой врагов и друзей, чье мнение для него не носит характера авторитетного приговора:

Чтó друзья? Наши силы не ровные,
Я ни в чем середины не знал,
Чтó обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал. . .

Стр. 202. (*С Валуевым.*) — П. А. Валуев (1815—1890) — русский государственный деятель. В 1858—1861 гг. был директором департамента Министерства государственных имуществ, в 1861—1868 — министр внутренних дел. Во время, предшествовавшее отмене крепостного права, придерживался консервативных позиций. Отношение Достоевского к Валуеву (как и западников, с которыми здесь Достоевский Валуева сближает) было неодобрительным. Именно вследствие доклада Валуева царю был закрыт журнал братьев Достоевских «Время» (1863), который и до статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», явившейся поводом для запрещения журнала, вызывал раздражение министра внутренних дел. См. об этом: *Нечаева, «Время»*, стр. 308, 292—299. Именно Валуева как главного виновника запрещения журнала «Время» назвал Герцен, откликнувшийся в «Колоколе» на этот факт (см. там же, стр. 308). К Валуеву вынужден был обратиться М. М. Достоевский, хлопоча о возобновлении журнала или разрешении издавать другой журнал с другим названием (1863). См. об этом: *Нечаева, «Эпоха»*, стр. 8—10. Валуев и вся его деятельность были мишенью для насмешек и эпиграмм самых разных писателей. См., например, сатиру Н. А. Некрасова «Песня о свободном слове» (1865) и эпиграммы Н. Ф. Щербины «Sapienti sat» (1866), «Marquis de W‹alueff›» (1867).

Стр. 204. *Но этот эпизод мне дал тогда же намерение. . .* — Имеется в виду выкрик из толпы во время речи Достоевского на похоронах Некрасова. См. выше, стр. 112—113.

Стр. 205. *Не закопали в землю.* — См. выше, примеч. к стр. 124.

Стр. 206. *. . .с навеянными из былой чуждой жизни убеждениями, жизни бесформенной и безобразной. . .* — Завуалированная цитата из Некрасова:

. . .Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубые черты. . .

(«В неведомой глуши, в деревне полудикой», 1846)

Стр. 208. *Салос Никола. Ну-тка, свободные люди, сделайте-ка это, как вы этот образ себе представляете.* — О Николе Псковском Салосе см. выше, примеч. к стр. 194.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ НА 1880 ГОД

(Стр. 129)

Источники текста

ЧН$_1$ — Черновой набросок к первой главе. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.2.1/22 (на одном листе с набросками к главе IV седьмой книги «Братьев Карамазовых»). Опубликован: *ЛН*, т. 86, стр. 100.

ЧН$_2$ — Черновые наброски ко второй главе. 9 стр. Хранятся: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29502; см.: *Описание*, стр. 85—86. Наброски ‹1›—‹3› опубликованы: *ЛН*, т. 86, стр. 105—113. Набросок ‹4› опубликован: «Вестник литературы», 1921, № 2, стр. 5—6, а также в кн.: Радуга. Альманах Пушкинского дома. Пб., 1922, стр. 261—270.

ЧА — Черновой автограф первой—третьей глав. 32 стр. Хранится: *ГПБ*, ф. 262, ед. хр. 1 (переплетенная А. Г. Достоевской тетрадь), см.: *Описание*, стр. 86—87. Первая глава: стр. 17—21 и 23; вторая глава: стр. 1—11, 13 и 14; третья глава: стр. 25—37, 39—41, 43 (авторская пагинация: 1—17). Автограф второй главы опубликован: *Сб. Достоевский, II*, стр. 509—536. Автографы первой и третьей глав публикуются впервые.

ЧА$_1$ — Черновой автограф третьей главы (главки I—III). 12 стр. (из них 5 стр. черновых набросков). Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I. 2.16/1—3; см.: *Описание*, стр. 86. Публикуется впервые.

НР — Наборная рукопись первой—третьей глав. 148 стр. Хранится: *ГБЛ*, ф. 93. I.2.15 (переплетенная А. Г. Достоевской тетрадь); см.: *Описание*, стр. 87—89. Первая глава рукою А. Г. Достоевской, с заголовками и правкой Достоевского: стр. 1—25 (авторская пагинация листов: 1—13); вторая глава рукою А. Г. Достоевской, с заголовками и правкой Достоевского: стр. 27—75 (авторская пагинация листов: 1—25), на стр. 75 подпись: «Ф. Достоевский»; третья глава: стр. 79—152 (авторская пагинация листов: 1—37), стр. 79—117 и 140—152 — рукою А. Г. Достоевской и заголовками и правкой Достоевского, стр. 119—140 (главка III «Две половинки») — автограф Достоевского, на стр. 152 подпись и дата: «Ф. Достоевский. 16 июля 80 г.». Публикуется впервые.

К — Корректура в верстке (первый печатный лист) первой главы и начала второй. С правкой Достоевского. 16 стр. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29484; см.: *Описание*, стр. 89. Публикуется впервые.

МВед — 1880, 13 июня, № 162: Пушкин (Очерк). С подписью: Ф. Достоевский.

1880$_1$ — Дневник писателя. Емемесячное издание. Год III. Единственный выпуск на 1880. Август. С подписью: Ф. Достоевский. В типографии бр. Пантелеевых, СПб. Ценз. разрешение: 1 августа 1880 г.

1880$_2$ — Дневник писателя. Ежемесячное издание. Год III. Единственный выпуск на 1880. Август. Второе издание. С подписью: Ф. Достоевский. В типографии бр. Пантелеевых, СПб. Ценз. разрешение: 5 сентября 1880 г.

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1883*, т. 12.

Печатается по тексту *1880*$_2$ со следующими исправлениями по другим источникам:

Стр. 129, строки 15—16: «предводителем славянофилов» вместо «представителем славянофилов» (по всем другим источникам).

Стр. 134, строка 40: «к всеединению» вместо «к соединению» (по *ЧА* и *НР*).

Стр. 138, строка 21: «отвлеченно» вместо «отвлечено» (по *ЧА*, *НР*, *МВед*).

Стр. 142, строка 26: «вы строили это здание» вместо «выстроили это здание» (по *ЧА*, *НР*, *МВед*).

Стр. 150, строка 42: «учения Христова» вместо «учения Христа» (по *НР* и *1880₁*).

Стр. 158, строка 20: «в том-то и вся суть» вместо «в том-то и вся сила» (по *ЧА*).

1

Прервав издание «Дневника писателя» в конце 1877 г., чтобы иметь возможность целиком отдаться писанию романа «Братья Карамазовы», Достоевский намеревался возобновить работу над «Дневником» после окончания романа, т. е. с января 1881 г. Однако летом 1880 г. в Москве, в дни пушкинских праздников, кульминационным моментом которых явилась его речь о Пушкине, произнесенная 8 июня на торжественном заседании Общества любителей российской словесности, у писателя возникло намерение издать уже в 1880 г. один выпуск «Дневника», перепечатав в нем пушкинскую речь в форме, привычной для читателей и подписчиков «Дневника».

Торжественное открытие памятника Пушкину на Тверской (или Страстной — ныне Пушкинской) площади в Москве 6 (18) июня 1880 г. явилось заключительным звеном длившейся около 20 лет борьбы передовой части образованного русского общества за признание национального значения великого русского поэта и увековечение его памяти.

Мысль о сооружении памятника Пушкину не случайно возникла в период общественного подъема начала 1860-х годов; причем принадлежала она не правительственным кругам, а группе бывших воспитанников Царскосельского лицея. Было решено, что памятник будет сооружен не за счет правительства, а по подписке, за счет общественных пожертвований. Однако хотя сбор средств на памятник (который по первоначальному замыслу должен был быть воздвигнут в Царском Селе в саду, ранее принадлежавшем Лицею) был начат дирекцией Лицея в 1862 г., необходимой суммы ей собрать не удалось. В 1870 г. для сооружения памятника из бывших воспитанников Лицея был создан комитет, который, признав, что постановка памятника в лицейском саду не отвечает значению Пушкина, решил, по предложению лицейского товарища поэта, адмирала Ф. Ф. Матюшкина, ввиду равнодушия, проявленного к судьбе памятника официальным Петербургом, избрать местом его сооружения не Царское Село и не столицу, богатую «памятниками царственных особ и знаменитых полководцев», а родину поэта, Москву, что позволило бы придать памятнику Пушкина «значение вполне народного достояния».[1] В 1871 г. на собрании московской интеллигенции, где присутствовали И. С. Аксаков, П. И. Бартенев, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин и другие, а также князь В. А. Черкасский и городской голова Лямин, было выбрано место будущего памятника, а в 1872 г. выбор этот по ходатайству принца П. Г. Ольденбургского и московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова был утвержден Александром II.

После этого было проведено два общественных конкурса проектов памятника и третье — более узкое — обсуждение обеих моделей, получивших одобрение большинства членов жюри. В результате комитетом в мае 1875 г. был одобрен проект скульптура А. М. Опекушина. Возобновленный сбор средств на памятник приобрел на этот раз всенародный размах, и это позволило довести сооружение памятника до конца «безо всякой примеси бюрократического или приказного характера» и «без дополнительных пособий от казны» (по выражению академика Я. К. Грота).[2]

«Праздник, действительно, вышел вполне литературно-общественный, — подчеркивал, говоря о значении пушкинских дней 1880 г., автор одного из посвященных им изданий. — Все на нем было „общественное“: и почин в устройстве памятника, и участие в чествовании, общественная мысль и общественное слово. Торжество не знало ни опеки, ни формы и внешней окраски,

---

[1] Ф. Б ‹у л г а к о в›. Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, стр. 199.

[2] Там же, стр. 204.

акую могло бы сообщить ему канцелярски-бюрократическое отношение к делу. Здесь, по справедливому замечанию одного очевидца, „общественное желание впервые развернулось у нас <. . .> с такою широкою свободою. Съехавшиеся чувствовали себя полноправными гражданами. . .“».[1]

Желая превратить пушкинские торжества в своеобразную демонстрацию и смотр сил русской либеральной интеллигенции, устроители их предназначили на празднике официальным представителям государственной власти (ими были на празднике принц П. Г. Ольденбургский, московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков и прибывший специально из Петербурга управляющий Министерством народного просвещения А. А. Сабуров), а также деятелям православной церкви (митрополит Макарий, преосвященный Амвросий) второстепенную роль. Центральное же место в программе празднеств было отведено двухдневным юбилейным заседаниям Общества любителей российской словесности, на которых кроме профессоров Московского университета приглашены были выступить крупнейшие русские писатели. Из последних на открытии памятника в Москве кроме Достоевского присутствовали И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, Я. П. Полонский, А. Н. Майков, А. Н. Плещеев, А. А. Потехин. Не приехали в Москву, отказавшись от участия в празднике, М. Е. Салтыков-Щедрин и Л. Н. Толстой. Великий сатирик сурово оценил затею с пушкинским праздником как очередную либеральную шумиху. Толстой, к которому Тургенев специально заезжал в Ясную Поляну, чтобы уговорить его приехать в Москву, отказался от приглашения Общества, так как считал либеральные спичи и торжественные обеды неуместными перед лицом голодающей русской деревни.[2] Гончаров по болезни также не участвовал в юбилейных торжествах в Москве, но прислал устроителям пушкинских празднеств в Петербурге письмо, которое было зачитано 6 июня Л. А. Полонским во время обеда, данного по случаю дня открытия московского памятника Пушкину в зале петербургского купеческого собрания.

С самого начала подготовки в Москве пушкинских юбилейных торжеств среди московской интеллигенции обнаружилось две различные группировки. Каждая из них стремилась одержать победу над другой и использовать пушкинский праздник для пропаганды и торжества своих идей. Одну из этих группировок возглавила либеральная профессура Московского университета и другие деятели умеренно-западнической ориентации. Вторую «партию» представляли славянофилы во главе с И. С. Аксаковым. С. А. Юрьев, которому как председателю Общества любителей российской словесности принадлежала руководящая роль в разработке программы торжественных заседаний Общества в Москве, по своим симпатиям также склонялся к славянофильской партии. Приглашая на праздник в качестве двух главных ораторов Тургенева и Достоевского, представители обеих партий — либерально-западнической и славянофильской — предназначали каждому из них роль провозвестника и глашатая своих идей.[3]

2

5 апреля 1880 г. председатель Общества любителей российской словесности С. А. Юрьев обратился к Достоевскому с письмом. Юрьев писал о намерении Общества провести по случаю открытия памятника Пушкину «два

---

[1] Там же, стр. 14.

[2] Подробнее о мотивах отказа Щедрина и Толстого от участия в пушкинских празднествах 1880 г. см.: *Д*, *Переписка с женой*, стр. 459—460.

[3] Подробнее о пушкинских торжествах 1880 г. см.: Ф. Б <у л г а к о в>. Венок на памятник Пушкину; В. И. М е ж о в. Открытие памятника Пушкину в Москве в 1880 г. Библиографический указатель. СПб., 1885; *КА*, 1922, т. 1, стр. 367—373; Б. П. Г о р о д е ц к и й. Проблема Пушкина в 1880—1900-х годах. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. 1940, т. 4, вып. 2, стр. 76—91; Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 78—83; *Тургенев*, *Сочинения*, т. XV, стр. 322—327.

или три заседания публичных», на которые оно «намерено пригласить своих петербургских членов», и сообщал писателю, что «Русская мысл желала бы «напечатать к этому дню статью о нашем величайшем поэте В связи с этим он обращался к Достоевскому с просьбой: «Я слышал, что Вы что-то пишете о Пушкине, и беру на себя смелость просить Вас позволить напечатать Ваш труд в моем журнале» (*ГБЛ*, ф. 93.II.10.19; ср.: *ЛН*, т. 86. стр. 509).

Из цитированного письма Юрьева можно сделать вывод, что замысел речи о Пушкине, первоначально задуманной в виде статьи, приуроченной к дням пушкинского праздника, возник у Достоевского до получения письма редактора «Русской мысли» и что последний узнал об этом замысле от кого-то из их московских или петербургских общих знакомых (скорее всего, от О. Ф. Миллера). Отвечая Юрьеву 9 апреля, Достоевский не опроверг дошедшего до Юрьева слуха о своем намерении выступить в дни юбилея Пушкина со статьей о поэте. Он писал: «Я действительно здесь громко говорил, что ко дню открытия памятника Пушкина нужна серьезная о нем (Пушкине) статья в печати. И даже мечтал, в случае если б возможно мне было приехать ко дню открытия в Москву, сказать о нем несколько слов, но изустно, в виде речи, предполагая, что речи в день открытия непременно в Москве будут (в своих местах) произнесены». Далее Достоевский (возможно, не желая связывать себя обещанием отдать Юрьеву статью) указывал, однако, что ввиду интенсивной работы над «Братьями Карамазовыми» вряд ли найдет «сколько-нибудь времени, чтобы написать что-нибудь. Написать же — не то, что сказать. О Пушкине нужно написать что-нибудь веское и существенное. Статья не может уместиться на немногих страницах, а потому потребует времени, которого у меня решительно нет. Впоследствии может быть. Во всяком случае ничего не в состоянии, к чрезвычайному сожалению моему, обещать положительно. Всё будет зависеть от времени и обстоятельств, и если возможно будет, то и на майскую книжку „Русской мысли“ пришлю».

1 мая 1880 г. Юрьев направил Достоевскому новое письмо, выступая теперь уже не в качестве редактора журнала, а в качестве председателя Общества любителей российской словесности. Юрьев писал: «От имени всего Общества любителей русской словесности, от которого Вы получите формальное приглашение, единственного общества ‹. . .› в России, в заседаниях которого принимал участие А. С. Пушкин как его член, от имени московских его членов, глубоко уважающих дух Ваших произведений, и наконец, от моего имени как одного из ревностнейших Ваших почитателей, прошу Вас и умоляю почтить заседание нашего общества Вашим словом и наши празднества — Вашим присутствием. Мне поручено выразить Вам, что Ваш отказ в личном участии в наших чествованиях памяти нашего великого поэта, лишение Вашего слова в эти дни, столь дорогие для нас всех, собирающихся в Москве, волею великого поэта нашего, Ваше отсутствие будет крайне для нас прискорбно. Эти слова, выражая мое глубокое искреннее чувство, выражают и чувства всех московских членов Общества л‹юбителей› р‹оссийской› слов‹есности›, могу сказать безошибочно, и всех москвичей, от которых часто приходится слышать вопросы: будет на заседании в Об‹ществе›, будет ли говорить Ф. М. Достоевский» (*Д. Письма*, т. IV, стр. 412).

Еще не получив от Достоевского ответа, Юрьев отправил ему 3 мая второе письмо: ввиду дошедших до Москвы слухов о том, что в Петербурге в ознаменование пушкинских празднеств также предполагается устроить «учено-литературное собрание», посвященное Пушкину, Юрьев настойчиво повторял здесь свою просьбу приехать для выступления в Москву: «Бога ради, не откажите нам в чести Вас видеть в эти дни в среде нашей и слышать Ваше слово у нас в Москве. Вы будете среди людей, для которых Вы неоценимо дороги. Говорить будут И‹ван› Сер‹геевич› Аксаков, Писемский, Тургенев и — рассчитываем очень на это — Вы. Я ограничусь как председатель очень небольшим вступительным словом. . .». Далее Юрьев напоминал: «. . .в одном из Ваших писем, именно в последнем, мною полученном, Вы дали мне надежду, что напишете небольшую статью о Пушкине, которую предоставите мне напечатать в ж‹урнале› „Русская мысль“. Будет ли это то,

что Вы произнесете в собрании в память Пушкина, или другое — всё приму с величайшей благодарностью и почту за счастие напечатать. Прошу Вас покорнейше, не передавайте Вашей статьи о Пушкине другому журналу, а позвольте „Русской мысли“ надеяться на Ваше слово. . .» (там же).

Одновременно Достоевскому было направлено на бланке Общества любителей российской словесности датированное 2 мая и подписанное Юрьевым как председателем и Н. П. Аксаковым как секретарем официальное приглашение произнести речь на публичном заседании Общества 26—27 мая 1880 г.

Достоевский ответил Юрьеву на все три письма — два личных и официальное — 5 мая: «Я хоть и очень занят моей работой, а еще больше всякими обстоятельствами, — писал он, — но, кажется, решусь съездить в Москву по столь внимательному ко мне приглашению Вашему и глубокоуважаемого Общества любителей русской словесности. И разве только какое-нибудь внезапное нездоровье или что-нибудь в этом роде задержит. Одним словом, постараюсь приехать к 25 числу наверно в Москву и явлюсь 25-го же числа к Вам, чтоб узнать о всех подробностях <. . .> Насчет же „Слова“ или речи от меня, то об этом еще не знаю, как сказать. По Вашему письму вижу, что речей будет довольно и все такими выдающимися людьми. Если скажу что-нибудь в память величайшего нашего поэта и великого русского человека, то боюсь сказать мало, а сказать побольше (конечно в меру), то после речей Аксакова, Тургенева, Островского и Писемского найдется ли для меня время? Впрочем, это дело решим при свидании с Вами». Далее Достоевский спрашивал, должна ли его речь подвергнуться предварительной цензуре и — соответственно — должна ли она произноситься «по-написанному» или «à vive voix».[1] Писатель выражал сомнение в том, что в первом случае, поскольку он намеревается прибыть в Москву лишь 25-го, заседание же Общества назначено на 26-е и 27-е мая, цензор успеет к моменту заседания прочесть и одобрить текст его речи. В заключение писатель сообщал, что 4 мая состоялось общее собрание членов Славянского благотворительного общества, на котором он был выбран уполномоченным и представителем Общества на московских торжествах по открытию памятника Пушкину.

7 мая Юрьев поблагодарил его за согласие приехать в Москву и сообщил, что по утвержденному правительством уставу Общества оно не обязано представлять речи и чтения своих членов «ни общей цензуре и ни на цензуру никаких властей» (*Д*, *Письма*, т. IV, стр. 412). Поэтому речь Достоевского также не подвергнется предварительной цензуре.

«Чтоб иметь возможность в тишине и на свободе обдумать и написать свою речь в память Пушкина, — вспоминает А. Г. Достоевская, — Федор Михайлович пожелал раньше переехать в Старую Руссу, и в самом начале мая мы всей семьей были уже у себя на даче» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 359). Выехав из Петербурга 12 мая, Достоевский 14 мая писал А. С. Суворину из Старой Руссы: «Перед самым отъездом из Петербурга получил я от Юрьева (как председателя Общества люб<ителей> р<оссийской> словесности) и, кроме того, от самого Общества официальное приглашение прибыть в Москву и сказать „свое слово“, как они выражаются, на заседаниях „Любителей“ 27 и 28 мая. 26-го же мая будет обед, на котором тоже, говорят, будут речи. Говорить будет Тургенев, Писемский, Островский, Ив. Аксаков и, кажется, действительно *многие* другие. Сверх того меня выбрало Славянское благотв<орительное> общество присутствовать на открытии памятника и в заседаниях „Любителей“ как своего представителя. Я решил, что выеду из Руссы 23».

19 мая — уже в период интенсивной работы над пушкинской речью — писатель сообщал о замысле ее и связываемых им с речью о Пушкине ожиданиях и надеждах К. П. Победоносцеву: «Приехал же сюда в Руссу не на отдых и не на покой: должен ехать в Москву на открытие памятника Пушкина, да притом еще в качестве депутата от Славянского благотворительного

---

[1] устно (*франц.*).

общества. И оказывается, как я уже и предчувствовал, что пе на удовольствие поеду, а даже, может быть, прямо на неприятности. Ибо дело идет о самых дорогих и основных убеждениях. Я уже и в Петербурге мельком слышал, что там в Москве свирепствует некая клика, старающаяся не допустить иных слов на торжестве открытия, и что опасаются они некоторых *ретроградных* слов, которые могли бы быть *иными* сказаны в заседаниях люб‹ителей› российской словесности, взявших на себя все устройство праздника ‹. . .› Мою речь о Пушкине я приготовил, и как раз в самом *крайнем* духе моих (*наших* то есть, осмелюсь так выразиться) убеждений, а потому и жду, может быть, некоего поношения. Но не хочу смущаться и не боюсь, а своему делу послужить надо и буду говорить небоязненно. Профессора ухаживают там за Тургеневым, который решительно обращается в какого-то личного мне врага ‹. . .› Но славить Пушкина и проповедовать „Верочку" я не могу» (в последних словах можно видеть намек на знакомство Достоевского не только с романом Тургенева «Новь», но и с его стихотворением в прозе «Порог», написанным в 1878, но впервые напечатанным после смерти Тургенева лишь в 1883 г.; центральный образ этого стихотворения — героической русской девушки, революционерки — воспринимался современниками как поэтический апофеоз Веры Засулич, стрелявшей 24 января 1878 г. в петербургского градоначальника генерала Трепова и оправданной присяжными. См. об этом и об отношении Достоевского к В. И. Засулич, на процессе которой он присутствовал лично: *Д*, *Письма*, т. IV, стр. 417; *Тургенев*, *Сочинения*, т. XIII, стр. 654—655; Г. К. Градовский. Итоги. Киев, 1908, стр. 8—9; *Кони*, т. II, стр. 90).

Начатая 13—14 мая, пушкинская речь была окончена 21—22 мая, до отъезда Достоевского из Старой Руссы в Москву, т. е. написана с огромным подъемом, в течение всего лишь одной недели.

3

Со времени вступления Достоевского на литературное поприще и до самой смерти писателя творчество Пушкина оставалось для него предметом напряженных раздумий. Достоевский не только постоянно перечитывал произведения поэта, он настойчиво стремился осмыслить для современного и будущих поколений «пророческое» их значение. Это побуждало его нередко к прямой полемике с предшествовавшей и современной ему критикой. Горячо споря с ней, пересматривая ее суждения о Пушкине, Достоевский постоянно вносил в них серьезные поправки и коррективы.

Новизна отношения Достоевского к Пушкину, принципиальность его подхода к оценке поэта сказались уже в первом его романе «Бедные люди». Роман этот создавался в момент, когда цикл статей Белинского о Пушкине еще не был завершен. Девятая его статья, в которой заканчивается разбор «Онегина», появилась в «Отечественных записках» в феврале 1845 г., вскоре после создания Достоевским черновой редакции первого его романа. Десятая статья с разбором «Бориса Годунова» была напечатана в ноябре 1845 г., когда «Бедные люди», оконченные в мае, проходили через цензуру. Одиннадцатая (заключительная) статья с оценкой поэм 30-х годов, маленьких трагедий и прозы Пушкина появилась в октябре 1846 г., т. е. почти через девять месяцев после выхода в свет «Бедных людей». Тем знаменательнее для нас уже те расхождения в оценке Пушкина, которые мы можем заметить при сопоставлении «Бедных людей» и создававшихся одновременно статей Белинского.

Белинский писал, заключая пушкинский цикл, что к особенным свойствам поэзии Пушкина «принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство *гуманности*, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека» (*Белинский*, т. VII, стр. 579).

Но в той же одиннадцатой статье о Пушкине, т. е. уже после выхода «Бедных людей», критик повторил свою, высказанную ранее в разборе «Оне-

гина», мысль о Пушкине-дворянине, носителе «помещичьего принципа» (там же, стр. 577): «Везде видите вы в нем человека, — так формулировал Белинский эту мысль в более ранней, девятой статье, — душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса; короче, везде видите русского помещика. . . Он нападает в этом классе на всё, что противоречит гуманности; но принцип класса для него — вечная истина» (там же, стр. 502).

Иные социальные акценты в освещении проблемы гуманизма Пушкина можно отчетливо ощутить в «Бедных людях», автор которых показывает, что к Пушкину пришел новый, демократический читатель — мыслящий разночинец, студент Покровский и даже бедный, малообразованный, иногда смешной, но горячий сердцем чиновник Макар Девушкин. И читатель этот признал Пушкина отнюдь не носителем «помещичьего принципа», но своим, отвечающим его внутренней душевной потребности. У Покровского нет более заветного желания, чем иметь сочинения Пушкина. Макар Алексеевич в повести о печальной судьбе Самсона Вырина находит историю собственной жизни, написанную человеком, сумевшим подойти к нему как бы «изнутри», глубоко проникнуть в душу простого человека, верно почувствовать его не только незаслуженные страдания, но и его скромное достоинство (см. наст. изд., т. I, стр. 59, 60). Белинский был убежден, что повести Белкина «недостойны ни таланта, ни имени Пушкина», что они «ниже своего времени», «вроде повестей Карамзина» (*Белинский*, т. VII, стр. 577); молодой Достоевский же, выделив в «Бедных людях» одну повесть белкинского цикла, показал ее художественную неисчерпаемость, огромность скрытых в ней моральных и человеческих проблем, связь художественных вопросов, поставленных Пушкиным, с проблематикой демократической литературы 40-х годов, одушевленной идеей братского участия к человеку, независимо от сложившихся в дворянском и буржуазном мире имущественных и социальных различий. Как свидетельствуют размышления Девушкина о Самсоне Вырине, уже в 40-х годах пушкинское творчество воспринималось Достоевским как высший образец искусства, глубоко демократического и гуманистического по своему духу. В этом смысле оно, с точки зрения писателя, не противостояло «гоголевскому» направлению, — наоборот, более глубокое и вдумчивое отношение к художественным завоеваниям автора «Станционного смотрителя» и их освоение позволяло, по Достоевскому, сделать в литературе необходимый по сравнению с Гоголем шаг вперед.

Благодаря этому Достоевский и смог в «Бедных людях» сказать о Пушкине свое новое слово. Опираясь на суждения Белинского, молодой Достоевский не повторял критика, но и вступал с ним в спор, пересматривая то, что казалось ему в статьях Белинского неверным и устаревшим. Начатый Достоевским в «Бедных людях» принципиальный спор с современной ему критикой о Пушкине, об основном пафосе его произведений и их значении для русской литературы получил продолжение в последующем творчестве писателя.

Приступая к статьям о Пушкине, Белинский открыл первую из них общей оценкой исторического значения поэта: критик писал, что Пушкин, сохраняя навсегда свою роль великого поэта-художника и воспитателя будущих поколений, в то же время по духу и содержанию своей поэзии был «поэтом своего времени, своей эпохи, и <. . .> это время уже прошло, эта эпоха сменилась другою, у которой уже другие стремления, думы и потребности» (там же, т. VII, стр. 101). Слова эти были написаны в 1843 г., в период ожесточенной борьбы Белинского за утверждение в литературе принципов нового реалистического искусства, знаменем которого для критика были Лермонтов, Гоголь, их ученики и последователи. Борьба Белинского за утверждение «гоголевского» направления в литературе была огромной заслугой великого критика, она расчистила и подготовила почву для появления произведений также и молодого Достоевского. Но после того, как победа нового направления стала историческим фактом, для литературы и критики с конца 40-х годов возникла возможность рассматривать творчество Пушкина в более широкой исторической перспективе. Из всех тогдашних русских писателей эта новая

историческая ориентация выражена у Достоевского, пожалуй, наиболее отчетливо.

Уже в начале 60-х годов Достоевский формулирует основное и определяющее зерно своих последующих высказываний о Пушкине.

Не только для Белинского, но отчасти и для Гоголя (вспомним его статью «В чем же наконец существо русской поэзии»), и для большей части других своих младших современников Пушкин, оставаясь великим поэтом, был в то же время в той или иной степени явлением цикла историко-литературного развития, завершающегося на их глазах. Для Достоевского же Пушкин на всю жизнь становится не только предшественником и учителем, но и живым современником. Это новое общественно-историческое и эстетическое качество восприятия Пушкина позволяет Достоевскому иначе подойти также и к истолкованию отдельных произведений поэта, их образов и идейной проблематики.

В понимании Белинского Пушкин был «поэтом-художником», представителем того периода в развитии русской литературы, когда она нуждалась прежде всего в поэзии, как искусстве, как «художестве» (там же, стр. 319, 320, 379). В этом смысле Пушкин противостоял в понимании Белинского поэтам «мысли» — Лермонтову в России, Гете и Байрону на Западе. Достоевским же Пушкин воспринимается как великий поэт-мыслитель. В нем — узел всех тех жгучих проблем русской литературы и русской национальной жизни, которые продолжают составлять ее главное содержание также и в настоящее время, — не устает заявлять Достоевский. Отсюда совершенно особое отношение Достоевского к стихотворению Пушкина «Пророк», горячее утверждение им пророческого значения творчества Пушкина.

В то время как Белинский полагал, что «эпоха» Пушкина в собственном смысле слова завершена и что с вступлением в литературу Гоголя, Лермонтова и «натуральной школы» начался новый период литературного развития, Достоевский утверждает другой взгляд на соотношение Пушкина и его учеников. Не переставая восхищаться Лермонтовым и Гоголем — этими двумя «колоссальными» русскими «демонами», которым равных по силе любви и отрицания не знал Запад (наст. изд., т. XVIII, стр. 59), Достоевский тем не менее утверждает, что пушкинский период, 40-е и 60-е годы составляют, если рассматривать их в более крупных, менее дробных чертах, не три разные, но *одну* эпоху русской жизни, с единым общественным и культурно-историческим содержанием. И именно Пушкин, благодаря величию своего гения и пророческому значению своей поэзии, наиболее полно и всесторонне воплотил основные вопросы всей русской истории XIX в. (там же, стр. 69—70).

Как мы хорошо знаем, взор Достоевского всю его жизнь был прикован к живой современности, ее противоречиям и проблемам. И вместе с тем современность воспринималась Достоевским в широкой культурно-исторической перспективе. В ее открытых вопросах, обращенных к будущему, Достоевский видел итог всех нерешенных, «вековечных» проблем, которыми веками жили человечество и его лучшие умы.

Подобный взгляд на соотношение прошлого и настоящего был определяющим и для отношения Достоевского к Пушкину. В пушкинских героях и типах Достоевский стремился акцентировать не моменты, обращающие нас к прошлому, к тем историческим годам, когда герои и типы эти непосредственно создавались (или к биографии и личности поэта), но к будущему. Достоевский видел в Пушкине создателя образов, воплотивших такие явления, которые в эпоху самого Пушкина находились еще в зародыше, но получили полное развитие в последующие десятилетия и лишь благодаря этому обрели действительное свое значение и масштаб. В созданных Пушкиным формах, жанрах, типах, характерах содержались, по Достоевскому, истоки всей последующей русской литературы.

Отсюда переоценка Достоевским тех жанров пушкинского творчества, которые не были по достоинству оценены Белинским: недаром уже в молодости Достоевский не только глубоко постиг гуманизм и демократизм «Станционного смотрителя», но и возводил к этой повести целое направление

в литературе, наиболее близкое ему по духу. Позднее Достоевский столь же решительно назовет «колоссальным лицом» пушкинского Германна из «Пиковой дамы» (наст. изд., т. XIII, стр. 113), высоко оценит поэтическую красоту, народность формы и содержания «Сказки о медведихе» (наст. изд., т. XXV, стр. 353).

Пушкин остро, с необычайной глубиной поставил в своих произведениях, полагал Достоевский, все основные проблемы русской действительности XIX в. В «Медном всаднике» и «Пиковой даме» он дал как бы своеобразную лаконичную — и в то же время бесконечно емкую по содержанию — формулу императорского, «петербургского» периода русской истории, периода трагического противоборства одиноких «мечтателей» с мертвящим холодным миром самодержавной государственности и чиновничьего, бюрократического произвола (наст. изд., т. XIII, стр. 113). В лице Алеко и Онегина поэт предвосхитил психологический тип последующих мыслящих героев русской литературы, порывающих с моралью дворянского круга, находящихся на первом, начальном этапе исторически закономерного и необходимого движения русской интеллигенции к народу (наст. изд., т. XIX, стр. 11). В поэме о Клеопатре, воссоздавая эпоху упадка античного мира, Пушкин пророчески обрисовал психологию и типы также и эпохи заката западной буржуазной цивилизации с присущими им обеим чертами звериной жестокости и сладострастия, скрытыми под покровом внешней утонченности, роскоши, погони за наслаждениями (там же, стр. 133—137). К центральным жгучим социальным проблемам и нравственно-психологическим коллизиям жизни XIX в. непосредственно подводят, по Достоевскому, и другие пушкинские создания — «Подражания Корану», «Бесы», «Песни западных славян», баллада о «рыцаре бедном», «Выстрел», «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь» (см. наст. изд., т. VI, стр. 212, 213; т. VIII, стр. 206, 211; т. X, стр. 5; т. XIII, стр. 75, 175 и др.). Наметив в «Онегине» сюжеты будущих своих романов в «преданиях русского семейства», Пушкин, по мнению писателя, подготовил этим романы Тургенева, Толстого и других крупнейших романистов — современников Достоевского (наст. изд., т. XIII, стр. 453). И вместе с тем Пушкин, по словам его ученика, дал русскому читателю «почти все» другие формы искусства, — в том числе «искусства фантастического», «верхом» которого Достоевский считал «Пиковую даму» (см. письмо к Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 361, 363).

В итоге Пушкин предстал в интерпретации Достоевского и как создатель идеала личности, готовой без насилия над собой принести свою жизнь в жертву благородной мечте, идеала, воплощенного в «рыцаре бедном», и как величайший критик и обличитель буржуазного индивидуализма, всесторонне исследовавший его многообразные психологические проявления и трагические последствия. Тема диалектики добра и зла в душе мыслящей, гордой, одинокой личности, тема ее исканий, ее порывов к идеалу — и стремления к эгоистическому самоутверждению, сознание своей власти над «тварью дрожащей» — объединяют в сознании Достоевского такие несходные между собой и до этого не объединявшиеся критикой пушкинские произведения, как «Подражания Корану», «Выстрел», «Пиковая дама», «Скупой рыцарь». И с другой стороны, заявив еще в 40-х годах в «Бедных людях» о демократизме Пушкина, Достоевский в 60—80-х годах, на новом этапе своего развития, провозглашает идею народности Пушкина в качестве краеугольного камня своего эстетического мировоззрения. Приступая в 1861 г. к изданию журнала «Время», Достоевский в первом же номере его во Введении к «Ряду статей о русской литературе» отчетливо формулирует то основное зерно своей оценки Пушкина, его места в развитии русской литературы и формировании русского национально-общественного самосознания, которое в 1880 г. он положит в основу пушкинской речи: «Колоссальное значение Пушкина уясняется нам всё более и более <. . .> Для всех русских он живое уяснение, во всей художественной полноте, что такое дух русский, куда стремятся все его силы и какой именно идеал русского человека <. . .> Всё, что только могли мы узнать от знакомства с европейцами о нас самих, мы узнали; всё, что только могла нам уяснить цивилизация, мы уяснили себе, и это знание

самым полным, самым гармоническим образом явилось нам в Пушкине. Мы поняли в нем, что русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность <. . .> Дух русский, мысль русская выражались и не в одном Пушкине, но только в нем они явились нам во всей полноте, явились как факт, законченный и целый. . .» (наст. изд., т. XVIII, стр. 69).[1]

Тогда же, в третьей статье названного цикла, в связи с появившейся незадолго до этого в «Отечественных записках» статьей о поэте С. С. Дудышкина, отрицавшего равенство Пушкина с другими великими поэтами Европы и право его на звание национального поэта, Достоевский писал, полемизируя не только с Дудышкиным, но и с другими представителями либерально-западнического направления: «Онегин, например, у них тип не народный. В нем нет ничего народного. Это только портрет великосветского шалопая двадцатых годов <. . .> Как не народный? <. . .> Да где же и когда так вполне выразилась русская жизнь той эпохи, как в типе Онегина? Ведь это тип исторический. Ведь в нем до ослепительной яркости выражены именно все те черты, которые могли выразиться у одного только русского человека в известный момент его жизни, — именно в тот самый момент, когда цивилизация в первый раз ощутилась нами как жизнь, а не как прихотливый прививок, а в то же время и все недоумения, все странные, неразрешимые потогдашнему вопросы, в первый раз, со всех сторон, стали осаждать русское общество и проситься в его сознание <. . .> Онегин именно принадлежит к той эпохе нашей исторической жизни, когда чуть не впервые начинается наше томительное сознание и наше томительное недоумение, вследствие этого сознания, при взгляде кругом. К этой эпохе относится и явление Пушкина, и потому-то он первый и заговорил самостоятельным и *сознательным* русским языком <. . .> Это было первым началом той эпохи, когда наши передовые люди резко разделились на две стороны и потом горячо вступили в междоусобный бой. Славянофилы и западники ведь тоже явление историческое и в высшей степени народное» (см. наст. изд., т. XIX, стр. 9—10).

«В Онегине в первый раз русский человек с горечью сознает или, по крайней мере, начинает чувствовать, что на свете ему нечего делать. Он европеец: что ж привнесет он в Европу, и нуждается ли еще она в нем? Он русский: что же сделает он для России, да еще понимает ли он ее? Тип Онегина именно должен был образоваться впервые в так называемом высшем обществе нашем, в том обществе, которое наиболее отрешилось от почвы и где внешность цивилизации достигла высшего своего развития. У Пушкина это чрезвычайно верная историческая черта. В этом обществе мы говорили на всех языках, праздно ездили по Европе, скучали в России и в то же время сознавали, что мы совсем не похожи на французов, немцев, англичан, что тем есть дело, а нам никакого, они у себя, а мы — нигде.

Онегин — член этого цивилизованного общества, но он уже не уважает его. Он уже сомневается, колеблется; но в то же время в недоумении останавливается перед новыми явлениями жизни, не зная, поклониться ли им, или смеяться над ними. Вся жизнь его выражает эту идею, эту борьбу.

А между тем, в сущности, душа его жаждет новой истины. Кто знает, он, может быть, готов броситься на колена пред новым убеждением и жадно, с благоговением принять его в свою душу. Этому человеку не устоять; он не будет никогда прежним человеком, легкомысленным, не сознающим себя и наивным; но он ничего и не разрешит, не определит своих верований: он будет только страдать. Это первый страдалец русской сознательной жизни» (там же, стр. 11).

Достоевский страстно и убежденно утверждал уже в «Ряде статей о русской литературе» идею органической и глубокой народности пушкинского творчества: «. . .и летописец, <. . .> и Отрепьев, и Пугачев, и патриарх, и иноки, и Белкин, и Онегин, и Татьяна, — восклицал писатель, — всё это Русь и русское. . .» (там же, стр. 15).

---

[1] Об оценке М. М. Достоевским в статье о «Грозе» Островского (1860) образа Татьяны, предвосхищающей анализ и оценку ее образа в речи о Пушкине, см.: *Фридлендер, У истоков «почвенничества».*

Именно с Пушкина, писал он, у нас «мысль идет, развиваясь всё более и шире. Нужели такие явления, как Островский, ничего для вас не выражают в русском духе и в русской мысли?» (там же, стр. 115). Еще более ярко и рельефно мысль о народности Пушкина и его связи с родной «почвой» (возможно, не без влияния печатавшихся в те же годы во «Времени» статей Аполлона Григорьева) выражена в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «А уж Пушкин ли не русский был человек! Он, барич, Пугачева угадал и в пугачевскую душу проник, да еще тогда, когда никто ни во что не проникал <. . .> Он художнической силой от своей среды отрешился и с точки народного духа ее в Онегине великим судом судил. Ведь это пророк и провозвестник. Неужели ж и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя. . .» (см. наст. изд., т. V, стр. 51—52).

В эпоху «Времени», в статьях «Образцы чистосердечия» и «Ответ „Русскому вестнику“» (1861), восторженно оценивая в полемике с журналом Каткова «Египетские ночи», Достоевский подробно развивает впервые и ту интерпретацию поэмы о Клеопатре и образа самой египетской царицы, которую в более кратком виде он повторит в речи о Пушкине (см. наст. изд., т. XIX, стр. 135—137; ср. выше, стр. 146, 501).

Ряд суждений, предвосхищающих главные мотивы речи о Пушкине, содержит и «Дневник писателя» за 1876 и 1877 гг. Особенно важны в этом отношении первая глава февральского выпуска «Дневника» 1877 г. с оценкой «Песен западных славян» в контексте исторических событий 70-х годов, связанных с освободительной борьбой балканских славян и русско-турецкой войной, разделы, посвященные «Анне Карениной» в июльско-августовском и сравнительной характеристике Пушкина, Лермонтова и Некрасова — в декабрьском номерах «Дневника» за тот же год.

Оценивая «Песни западных славян» как «шедевр из шедевров» Пушкина и подчеркивая их пророческое значение, Достоевский писал в феврале 1877 г. о значении Пушкина: «По-моему, Пушкина мы еще и не начинали узнавать: это гений, опередивший русское сознание еще слишком надолго. Это был уже русский, настоящий русский, сам, силою своего гения, переделавшийся в русского, а мы и теперь всё еще у хромого бочара учимся. Это был один из первых русских, ощутивший в себе русского человека всецело, вызвавший его в себе и показавший на себе, как должен глядеть русский человек, — и на народ свой, и на семью русскую, и на Европу. . .» (наст. изд., т. XXV, стр. 39—40).

Еще более тесно с речью о Пушкине связана оценка его, высказанная в главах, посвященных разбору «Анны Карениной»: «В Пушкине две главные мысли — и обе заключают в себе прообраз всего будущего назначения и всей будущей цели России, а стало быть, и всей будущей судьбы нашей. Первая мысль — *всемирность* России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира. Мысль эта выражена Пушкиным не как одно только указание, учение или теория, не как мечтание или пророчество, но исполнена *им на деле*, заключена вековечно в гениальных созданиях его и доказана ими. Он человек древнего мира, он и германец, он и англичанин, глубоко сознающий гений свой, тоску своего стремления («Пир во время чумы»), он и поэт Востока. Всем этим народам он сказал и заявил, что русский гений знает их, понял их, соприкоснулся им как родной, что он может *перевоплощаться* в них во всей полноте, что лишь одному только русскому духу дана всемирность, дано назначение в будущем постигнуть и объединить всё многоразличие национальностей и снять все противоречия их. Другая мысль Пушкина — это поворот его к народу и упование единственно на силу его, завет того, что лишь в народе и в одном только народе обретем мы всецело весь наш русский гений и сознание назначения его. И это, опять-таки, Пушкин не только указал, но и совершил первый, на деле. С него только начался у нас настоящий сознательный поворот к народу, немыслимый еще до него с самой реформы Петра. Вся теперешняя *плеяда* наша работала лишь по

его указаниям, *нового* после Пушкина ничего не сказала. Все зачатки ее были в нем, указаны им» (там же, стр. 199—200).

Оба эти тезиса получили дальнейшее развитие в конце 1877 г., в некрологе Некрасова: «. . .величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу, *нашел великий и вожделенный исход для нас, русских, и указал на него.* Этот исход был — народность, *преклонение перед правдой народа русского.* „Пушкин был явление великое, чрезвычайное" ‹. . .› Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто. Не говорю уже о том, что он, всечеловечностью гения своего и способностью откликаться на все многоразличные духовные стороны европейского человечества и почти перевоплощаться в гении чужих народов и национальностей, засвидетельствовал о всечеловечности и о всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и всё возрождающего в нем начала» (наст. том, стр. 114). Здесь же далее мы читаем: «Пушкин первый объявил, что русский человек *не раб* и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство ‹. . .› Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идет рядом с презрением ‹. . .› Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплощавшийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его ‹. . .› Начиная с величавой, огромной фигуры летописца в „Борисе Годунове", до изображения спутников Пугачева, — всё это у Пушкина — народ в его глубочайших проявлениях, и всё это понятно народу, как собственная суть его ‹. . .› Если б Пушкин прожил дольше, то оставил бы нам такие художественные сокровища для понимания народного, которые, влиянием своим, наверно бы сократили времена и сроки перехода всей интеллигенции нашей, столь возвышающейся и до сих пор над народом в гордости своего европеизма, — к народной правде, к народной силе и к сознанию народного назначения» (наст. том, стр. 115—117).

Речь о Пушкине не была задумана Достоевским только как выражение его взглядов на пророческое значение Пушкина и вообще на роль русской литературы в жизни русского общества.

В двух первых параграфах январского выпуска главы второй «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский обосновал свое общее понимание исторических судеб России и той роли, которую она призвана сыграть в мировой истории. «. . .национальная идея русская, — писал Достоевский, — есть в конце концов лишь всемирное общечеловеческое единение. . .». И далее: «. . .нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама». «. . .настоящее социальное слово несет в себе не кто иной, как народ наш ‹. . .› в идее его, в духе его заключается живая потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям и к сохранению их. . .» (наст. изд., т. XXV, стр. 20, 23; ср.: т. XVIII, стр. 54—56). Тезис о «всемирном человеческом единении» как «национальной русской идее» предопределил философско-историческую проблематику пушкинской речи. «Всемирную отзывчивость» Пушкина Достоевский рассматривает здесь как залог способности русской культуры помочь человечеству в будущем его движении к «мировой гармонии» и «объединению всех наций», возлагая на русскую интеллигенцию и на молодое поколение задачу осуществления этих гуманистических заветов Пушкина.

4

До нас дошли рукописи, отражающие все последовательные стадии авторской работы над пушкинской речью: четыре черновых наброска (*ЧН*$_2$; из них три представляют конспективные заметки, планы и заготовки для

будущей речи, а один является первоначальной редакцией ее начала, отброшенного и замененного автором в ходе дальнейшей работы), черновой автограф речи (*ЧА*); та рукопись (список рукою А. Г. Достоевской с ее стенограммы со вставками и исправлениями автора — см. стр. 440), по которой писатель произносил свою речь в Москве и которая затем служила наборной рукописью при первой публикации пушкинской речи в «Московских ведомостях» (*НР*), и, наконец, часть корректуры второй главы «Дневника писателя» 1880 г., содержащая начало пушкинской речи (*К*).

Самый ранний набросок, который можно связать с замыслом речи о Пушкине, находится в верхней части листа, который Достоевский позднее перевернул, использовав свободную часть для позднейших заметок конспективного характера.[1] Этот первый по времени возникновения набросок имеет полемический характер: он направлен против истолкования стихотворения Пушкина «Моя родословная» (1830) как доказательства того, что Пушкин «кичился своим аристократическим происхождением» (стр. 209). И. В. Иваньо высказал справедливое предположение о возможной связи этого отрывка с недавней публикацией стихотворения, осуществленной П. А. Ефремовым по рукописной копии в «Русской старине» (*РС*, 1879, № 12, стр. 729—737; ср.: *ЛН*, т. 86, стр. 103). Таким образом, данный отрывок мог возникнуть еще до получения Достоевским первого из цитированных писем Юрьева. «И Пушкин именно таких разумел: Мстислав, князь Курб‹ский› иль Ермак. Этот и потомков не оставил и не аристократ — стало быть, Пушкин именно разумел доблесть, доблестных предков — не давить хотел он аристократическим происхождением, да и кого давил Пушкин, боже мой!» (стр. 209). Весьма характерны для Достоевского заключительные строки отрывка: «. . .гордиться происхождением от Мстислава по крайней мере так же простительно, как и от Митюшки-целовальника, ибо есть гордившиеся демократизмом и происхождением от Митюшки-целовальника» (стр. 209—210).

Вполне логично предположить, что после названного полемического наброска Достоевский перевернул лист и начал делать на нем заметки в направлении, обратном первоначальному тексту. Однако допустимо и другое предположение. Среди сохранившихся набросков есть, как уже отмечалось, один, представляющий первую известную нам редакцию начала пушкинской речи, которая также имеет полемический характер, и это сближает ее с цитированным наброском.

«Памятник Пушкину воздвигнут, — так гласит начало речи в этой первоначальной редакции, — и мы празднуем день справедливого воздаяния от земли Русской и от общества Русского величайшему из русских поэтов. А между тем еще так недавно, да и теперь конечно, существует и ходит множество мнений, перешедших в убеждение об ограниченности Пушкина, об ограниченности его политического ума, об ограниченности его гражданских воззрений, нравственного развития, подозревают в душе его осадок крепостничества. Признают за ним — это-то уже почти все — значение величайшего художника, но в чрезвычайном уме Пушкина и высоком нравственном развитии его весьма и весьма еще многие сомневаются» (стр. 218).

Предположению о том, что эта редакция начала речи возникла, как и цитированный выше набросок, на начальной стадии работы, противоречит, казалось бы, то обстоятельство, что мы имеем дело не с отрывочными заметками, конспективными заготовками для будущей речи, а со связным, логически стройно развивающимся текстом. По-видимому, начальная часть рукописи, о которой мы говорим, представляет собой не набросок, но беловик, написанный на основе предшествующих, не дошедших до нас черновых заготовок. Лишь позднее она переходит в черновик, и связный текст прерывается отрывочными набросками конспективного характера. Однако если учесть, что в письме к Достоевскому от 5 апреля Юрьев писал о дошедших до него слухах по поводу того, что Достоевский «что-то» пишет о Пушкине и что в ответном письме Достоевский, хотя и в уклончивой форме, подтвер-

[1] См. о них ниже, стр. 453—454

дил свое намерение (возникшее еще до получения письма Юрьева) выступить в связи с открытием памятника Пушкину со статьей о поэте, можно предположить, что дошедшая до нас ранняя редакция начала речи возникла либо до получения письма Юрьева (а следовательно, не дошедшие до нас заготовки к ней были сделаны уже в первые месяцы 1880 г.), либо вскоре после получения писем от него, еще в Петербурге, до отъезда Достоевского в Старую Руссу. Три обстоятельства говорят в пользу раннего происхождения известной нам первой редакции начала речи: 1) его полемический характер, созвучный отрывку с замечаниями по поводу стихотворения «Моя родословная»; 2) то, что основные положения этой первой редакции начала речи так же, как полемические заметки о «Моей родословной», не вошли в окончательный ее текст, в то время как основные мысли других сохранившихся набросков непосредственно в нем отражены; 3) в отброшенной первоначальной редакции речи еще не сформулированы те мысли о народности и о всемирной отзывчивости Пушкина, которые красной нитью проходят через остальные черновые наброски, относящиеся к пушкинской речи, и которые положены автором в основу при создании окончательного ее текста.

Споря с теми, кто, признавая в Пушкине «величайшего художника», сомневается в его «чрезвычайном уме», Достоевский в начальных строках первой редакции пушкинской речи обращается к анализу характера Онегина. Последнего он противопоставляет Чацкому: «. . .Грибоедов, — по суждению Достоевского, — сам взглянул на свой тип не отрицательно, а положительно, и сам уверовал в „ум" своего героя и вышло — сбивчивость. Не таков Онегин: это тип твердый, глубоко осмысленный, это истинное изображение страдающего, оторванного от русской почвы интеллигентного русского человека, живущего на родине как бы не у себя, желающего стать чем-нибудь и не могущего быть самим собою» (стр. 219). Остальная часть первоначальной редакции начала речи также почти полностью посвящена полемике. Приводя из «Воспоминаний о Белинском» Тургенева (1869) то место, где Тургенев рассказывает о том, что Белинский в его присутствии нападал на стихотворение Пушкина «Поэт и чернь» (в современных изданиях «Поэт и толпа»), где поэт спорит с читателями, которым «печной горшок», служащий для приготовления пищи, дороже дела поэта, Достоевский яростно полемизирует с Белинским и теми его последователями (в первую очередь с не названным по имени Д. И. Писаревым [1]), которые, считая Пушкина «барином», обвиняли его за ошибки в «гражданском и нравственном воззрении его на искусство». Повторяя одну из излюбленных своих мыслей об идее, которая «попала на улицу», Достоевский восстает против осмеяний, хулений, осуждений, ругательств над низким уровнем мировоззрения поэта, над его «гражданской несостоятельностью», «крепостнической неразвитостью». Писатель доказывает, что под «чернью» Пушкин имел в виду не народ, не «мужиков», «мещан», «чиновников» или «других бедняков», но «толстосумов», «светскую чернь» и вообще всех тех, кто предан «материализму привычек», «плотоядности инстинктов», «животности желаний», «жажде отличий», а потому «смотрят на искусство, как на игрушку» (стр. 219—221).

Напоминая слова Евангелия: «Не одним хлебом будет жив человек», — Достоевский рассматривает их как доказательство того, что Христом «*наравне с духовной жизнию признано за человеком полное право есть и хлеб земной*» (стр. 220, курсив наш, — *Ред.*). Эти слова из первоначальной редакции пушкинской речи особенно важны в связи с вызванной ею полемикой и в особенности — в связи с выдвинутым по адресу Достоевского К. Н. Леонтьевым обвинением в неуместном, с точки зрения Леонтьева, смешении в представлениях Достоевского о грядущей «мировой гармонии» идеалов христианства и социализма (см. ниже, стр. 483—485).

Остальные три наброска к пушкинской речи (заметки на нижней части того листа, на котором записан первый охарактеризованный выше набросок

---

[1] Ср.: Д. И. Писарев. Пушкин и Белинский (1865). — *Писарев*, т. III, стр. 394—414.

и два других) по содержанию соответствуют преимущественно второй ее половине. Из сопоставления с окончательным текстом пушкинской речи, в особенности же — с черновым ее автографом (*ЧА*), видно, что наброски эти возникли скорее всего после того, как начало речи сложилось в голове художника, в процессе обдумывания ее продолжения. Это делают особенно очевидным те две первые заметки, которые открывают записи в первом наброске, идущие в обратном направлении к цитированной отповеди, вызванной упреками по адресу Пушкина в том, что он якобы кичился своими аристократическими предками: «Понявший и правду его, что наметил уже в иноке-летописце» и «Но ведь несчастен и Онегин?» (и т. д. — стр. 210). И анализ характера Онегина, и восторженная оценка фигуры «инока-летописца» в «Борисе Годунове» как воплощения «правды» народа, и развернутая характеристика «духовного» и «родственного» единения поэта с родной землей, как и противопоставление Пушкина с этой точки зрения представителям «помещичьей» литературы — «господам, об народе пишущим» (стр. 210), получили непосредственное развитие во второй половине чернового автографа пушкинской речи (стр. 290—291) и окончательного ее текста. В черновом автографе пушкинской речи, в той же второй его половине, развернуты подробно и те беглые характеристики и молодого казака, подталкивающего Гринева к виселице и при этом ободряющего его, и самого Пугачева (в «Капитанской дочке»), которые непосредственно следуют за приведенными заметками (см. стр. 210 и 291—293).

В указанных конспективных заметках, как и в двух других названных набросках, намечены также все основные сквозные образы и идеи пушкинской речи — тема русского скитальца (стр. 210), противопоставление Онегину как «отрицательному типу» «положительного типа» Татьяны (стр. 210), идея органического духовного сродства Пушкина с народом, соединенного с «всемирной отзывчивостью» (стр. 210), «усвоением всего общечеловеческого» (стр. 211), деление творчества поэта на три периода (стр. 211—212, 215) и т. д.

В отличие от строк, набросанных на одном листе с полемическими замечаниями о «Моей родословной», и примыкающего к ним по содержанию наброска (начало которого также соответствует второй половине пушкинской речи и лишь конец его (с характеристикой Татьяны — стр. 213) возвращает к ее центральной части — полемике с Белинским по поводу Татьяны, отказывающейся последовать за Онегиным), третий, наиболее пространный из дошедших до нас конспективных набросков (стр. 213—218) содержит изложение идей не только ее заключительной части по преимуществу, но и ее начала. В частности, здесь, в отличие от остальных набросков, даются подробный разбор характера Алеко и остро современное, злободневное истолкование смысла его конфликта с обществом: «Алеко, стремление к мировому идеалу. Беспокойный человек ‹. . .› И вот при первом столкновении обагряет руки кровью ‹. . .› От своих отстал, к чужим не пристал ‹. . .› Укажите ему тогда систему Фурье, который еще тогда был неизвестен, и он с радостью бы поверил в нее и бросился бы работать для нее, и если б его сослали за это куда-нибудь, почел бы себя счастливым ‹. . .› Но тогда еще не было системы Фурье».

Отрывок этот особенно важен, так как в нем сильнее и непосредственнее, чем в окончательном тексте пушкинской речи, звучат личные, автобиографические ноты. Алеко, с одной стороны, безоговорочно связывается здесь с петрашевцами, т. е. с самим молодым Достоевским, узнавшим «систему Фурье», «сосланным» за это и все же почитающим себя «счастливым» благодаря пережитым испытаниям (ибо без них он не обрел бы веры в народ и его идеалы). С другой стороны, от того же Алеко, который «обагряет руки кровью», тянутся, по мысли писателя, нити не только к петрашевцам 1840-х, но и к террористам-народовольцам 1870-х годов (ср. признание из «Дневника писателя» за 1873 г., что Достоевский и сам мог стать *нечаевцем* — наст. изд., т. XXI, стр. 129). И все эти три поколения Достоевский рассматривает как различные вариации одного и того же общего типа русского скитальца, не согласного довольствоваться «малым», ищущего не своего, узколичного, но общенародного и общечеловеческого счастья.

Следующая после возникновения всех четырех охарактеризованных набросков пушкинской речи стадия работы над ней — создание ее чернового автографа, хранящегося в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (*ЧА*). Автограф этот содержит полный текст речи с многочисленными авторскими исправлениями. Из вариантов его наиболее интересны пять: 1) «Пушкин в Алеко уже отыскал этого скитальца и страдальца, в котором отразился русский век» (стр. 282); 2) «И если они не ходят теперь в цыганские таборы ‹. . .› то ударяются в социализм, ходят с новой верой в „народ“» (прямой отклик на народническое движение — стр. 283); 3) «довольно лишь 10-й доли забеспокоившихся, чтобы затрещало все наше здание общественное. . .» (стр. 283); 4) упоминание имени Фурье, в связи с характеристикой идеалов «русского скитальца», имени, перенесенного из наброска $ЧН_2$ (стр. 215, 284); 5) «Это ‹Алеко, — *Ред.*› именно тот русский [наш] человек, за неимением дела у себя ‹. . .› страдающий по мировой гармонии и, может быть, простодушнейшим образом обладающий в то же время крепостными людьми. . .» (стр. 284; ср. стр. 137). Все эти варианты обогащают данную в пушкинской речи характеристику «русского скитальца» важными дополнительными гранями.

С чернового автографа текст речи в последние дни перед выездом Достоевского в Москву из Старой Руссы был переписан набело А. Г. Достоевской. Так возникла та рукопись, по которой Достоевский читал речь о Пушкине в Москве. Она же, еще раз выправленная автором, служила наборной рукописью при публикации речи о Пушкине в «Московских ведомостях». После переписки рукописи А. Г. Достоевской писатель продолжал до отъезда в Москву и в Москве вносить в нее дальнейшие поправки и дополнения — вплоть до дня чтения речи. В частности, по-видимому, в Москве Достоевский сделал на полях приписку с оценкой Лизы (из «Дворянского гнезда») и Наташи (из «Войны и мира») как двух женских образов русской послепушкинской литературы, по нравственной красоте приближающихся к Татьяне Пушкина (см. стр. 140, 335, 496; о причинах, по которым имя Наташи Ростовой было затем в печатном тексте опущено, см. стр. 496). Два важных по содержанию куска рукописного текста речи подверглись при окончательной подготовке к ее устному произнесению сокращению, а затем соответственно были исключены автором также из ее печатного текста. Причиной этого могли явиться, с одной стороны, желание писателя не затягивать речи, а с другой — стремление придать ей наибольшее внутреннее единство и цельность, которые позволили бы ему при произнесении держать слушателей в постоянно возрастающем напряжении. Первый из указанных пассажей — пересказ того знаменитого эпизода из романа Бальзака «Отец Горио» (1834), где Бьяншон предлагает Растиньяку, отбросив прочь свойственные «обыкновенным» людям нравственные угрызения, дать свое согласие на «убийство мандарина» (стр. 288, 336). Обращение к этому эпизоду бальзаковского романа дало Достоевскому возможность еще более непосредственно, чем в окончательном тексте, связать нравственную проблематику пушкинской речи (критика индивидуализма, утверждение идеи, что ни один человек не имеет права строить свое счастье за счет несчастья другого) с проблематикой «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых».[1] Второй — еще более пространный пассаж первоначального текста, где он весьма любовно и тщательно разработан писателем, — разбор «Капитанской дочки» Пушкина с характеристиками Пугачева и молодого казака, ободряющего Гринева перед тем, как набросить ему петлю на шею, а также — противопоставлением односторонне, сатирически очерченных персонажей Фонвизина и героев Пушкина как людей русского «большинства», понятых во всей внутренней «полноте» и сложности характера, со всей присущей им реальной диалектикой положительного и отрицательного, добра и зла (стр. 291—293, 338—340).

[1] Ср. в черновой редакции в связи с характеристикой «Египетских ночей» слова: «. . .атеисты, ставшие богами, насмешливо смотрящие на народ свой. . .» (стр. 295). О других отражениях идей и образов «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых» в речи о Пушкине см. ниже, стр. 468 и 499.

Другие, более мелкие пропуски в печатном тексте по сравнению с наборной рукописью см. на стр. 334—342.

Перед сдачей в набор текст пушкинской речи подвергся, как уже отмечалось, и другим смысловым и стилистическим исправлениям. В частности, приведенная первоначально, по-видимому, на память, неточно, цитата из Гоголя, открывающая пушкинскую речь («Пушкин есть явление великое, чрезвычайное» — стр. 334), была выправлена в Москве в соответствии с подлинным текстом гоголевской статьи «Несколько слов о Пушкине» (стр. 136). Остальные варианты наборной рукописи и корректуры «Дневника писателя» см. стр. 332—334, 342—348.

5

22 мая Достоевский с переписанной А. Г. Достоевской и выправленной им рукописью речи о Пушкине выехал из Старой Руссы через Новгород и Чудово в Москву (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 360). Подробный отчет о поездке, днях пребывания писателя в Москве и впечатлениях его от пушкинского праздника содержат письма Достоевского к жене из Москвы от 23/24 мая—8 июня 1880 г.

В тот же день, вскоре после выезда из Новгорода, Достоевский в вагоне узнал о смерти жены Александра II, императрицы Марии Александровны, а 23-го в Твери прочел напечатанное в «Московских ведомостях» извещение московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова о том, что, по повелению императора, открытие памятника Пушкину в связи с объявленным трауром откладывается. По приезде в Москву Достоевский утром был встречен на вокзале С. А. Юрьевым, В. М. Лавровым, Н. П. Аксаковым, Е. В. Барсовым и другими членами редакции и сотрудниками «Русской мысли» и представителями Общества любителей российской словесности. Остановившись в Лоскутной гостинице, у Воскресенских ворот, близ Иверской часовни, в начале Тверской улицы (ныне ул. Горького), Достоевский убедился, что о дне, на который будет перенесено открытие памятника, пока ничего определенного не известно. Долгое время циркулировали слухи, что оно будет отложено до осени, и Достоевский намеревался через пять дней уехать обратно. Наконец 27 мая стало известно, что открытие памятника состоится 4 июня; затем (1 июня) оно было снова отложено и окончательно назначено на 6 июня.

Очутившись в Москве в момент, когда о дне открытия памятника Пушкину еще не стало известно, Достоевский испытывает беспокойство за судьбу своей речи-статьи. «Предвижу, что статья моя до времени напечатана не будет, ибо странно ее печатать теперь. Таким образом, поездка до времени не окупится», — пишет он в связи с этим жене 23 мая вечером. На следующий день у Достоевского происходит неприятный разговор с Юрьевым, который он излагает в письме от 25 мая таким образом: «Между прочим, я заговорил о статье моей, и вдруг Юрьев мне говорит: я у вас статью не просил (т‹о› е‹сть› для журнала)!.. Штука в том, что ‹...› ему не хочется брать теперь статью и платить за нее» (кроме того, как выяснилось позднее, Юрьев имел уже статью о Пушкине И. С. Аксакова). «Взбешенный на Юрьева», писатель в тот же день, как он писал жене, «*почти* обещал» статью Каткову, утешая себя мыслью, что «если „Русская мысль“ захочет статью, то сдеру непомерно, иначе Каткову». В результате, несмотря на позднейшие извинения Юрьева, речь Достоевского появилась не в «Русской мысли» Юрьева, а в «Московских ведомостях» Каткова. На то, чтобы отдать пушкинскую речь Каткову и напечатать ее в «Московских ведомостях», у Достоевского было несколько причин: 1) возникшая у него уже вскоре после приезда антипатия к Юрьеву в связи с желанием последнего в изменившейся обстановке отказаться от своих слов и колебаниями в вопросе оплаты за заказанную им статью; 2) желание, чтобы речь появилась в газете, а не в журнале, так как последнее обстоятельство задержало бы ее появление и помешало бы Достоевскому осуществить свой замысел и выпустить посвященный ей специальный номер «Дневника писателя» (см. об этом ниже,

стр. 469, 470); 3) желание добиться за этот счет у Каткова и Любимова отсрочки в представлении начала одиннадцатой книги «Братьев Карамазовых», так как, чувствуя утомление и нуждаясь в отдыхе. Достоевский не хотел спешить с первыми ее главами (см. об этом письмо Достоевского к жене от 25 мая).

У Каткова были, в свою очередь, особые причины, побуждавшие его настойчиво добиваться печатания речи Достоевского в «Московских ведомостях».[1] Дело в том, что Тургенев, М. М. Ковалевский и вообще либерально настроенная часть членов Общества любителей российской словесности настояли на том, чтобы посланное Каткову как редактору «Московских ведомостей» приглашение принять участие в пушкинских торжествах было в конце мая ввиду откровенно реакционного характера его газеты демонстративно аннулировано, о чем Обществом было направлено в редакцию «Московских ведомостей» специальное уведомление за подписью Юрьева (см. об этом письмо Достоевского к жене от 2/3 июня 1880 г., а также: *Д, Письма*, т. IV, стр. 416). К этому вскоре прибавилось другое оскорбление личного характера: после того, как Катков на Думском обеде в зале Благородного собрания 6 июня произнес речь как представитель Думы и, призывая к примирению партий и забвению обид, «протянул Тургеневу свой бокал *сам*, чтобы чокнуться с ним, <. . .> Тургенев отвел свою руку и не чокнулся» (письмо Достоевского к Е. А. Штакеншнейдер от 17 июля 1880 г.).[2] В этих обстоятельствах Каткову было чрезвычайно важно получить для «Московских ведомостей» речь Достоевского (в особенности после того, как определился ее исключительный общественный успех и она приобрела значение исторического события) для того, чтобы отомстить Тургеневу и Юрьеву и вместе с тем попытаться реабилитировать себя в глазах широкой публики (ср. *ЛН*, т. 86, стр. 509—510).

25 мая Достоевский присутствовал на обеде, данном в его честь в ресторане гостиницы «Эрмитаж» членами редакции «Русской мысли». На обеде были 22 человека, в том числе С. А. Юрьев, В. М. Лавров, И. С. Аксаков, Н. П. Аксаков, Л. И. Поливанов, Н. Г. Рубинштейн, 4 профессора Московского университета и др. Здесь в честь Достоевского как художника, человека и публициста было произнесено шесть речей (в том числе Юрьевым, обоими Аксаковыми, Рубинштейном). Достоевский отвечал речью, в которой кратко изложил основные положения будущей речи о Пушкине и которая произвела «большой эффект» (текст этой краткой речи до нас не дошел); [3] за обедом были получены две приветственные телеграммы от профессоров Московского университета (см. об этом обеде письмо Достоевского к жене от 25/26 мая, а также приписку его к предыдущему письму к жене от 25 мая).

25—27 мая Достоевский несколько раз порывался заявить о своем отъезде, но Юрьев и И. С. Аксаков постоянно убеждали его, что его ждет «вся Москва» и все, берущие билеты на заседание Общества любителей российской

---

[1] Кроме Каткова и Юрьева речь Достоевского предлагал напечатать также А. С. Суворин в «Новом времени».

[2] Ср. об этом рассказ М. М. Ковалевского: «Катков позволил себе протянуть бокал в его (Тургенева, — *Ред.*) направлении, но при всем своем добродушии Иван Сергеевич уклонился от этой дерзкой попытки возобновить старые отношения. „Ведь есть вещи, которых нельзя забыть, — доказывал он в тот же вечер Достоевскому, — как же я могу протянуть руку человеку, которого я считаю ренегатом? . .“» (*Тургенев в воспоминаниях современников*, т. II, стр. 147).

[3] Если верить воспоминаниям К. А. Тимирязева, возможно, что эту свою речь Достоевский закончил тем, что привел в качестве подтверждения своего мнения об огромности ума Пушкина сохраненный мемуаристами отзыв Николая I о нем как об умнейшем человеке в России, чем вызвал негодование М. М. Ковалевского и самого К. А. Тимирязева. «Сказано было это, очевидно, чтобы раздражить большинство присутствующих и насладиться их беспомощностью — невозможностью ответить на этот вызов», — замечает по этому поводу Тимирязев (К. А. Тимирязев. Наука и демократия. М., 1920, стр. 370).

словесности, по нескольку раз справляются, «*будет ли читать Достоевский*». Со слов Юрьева, писатель сообщал жене 27 мая, что «отсутствие мое почтется всей Москвой за странность, что все удивятся, что вся Москва только и спрашивает: буду ли я, что о моем отъезде пойдут анекдоты, скажут, что у меня не хватило гражданского чувства, чтоб пренебречь своими делами для такой высшей цели, ибо в восстановлении значения Пушкина по всей России все видят средство к новому повороту убеждений, умов, направлений» (письмо к жене от 27 мая).

26 мая Достоевский был на вечере у издателя «Русской мысли» В. М. Лаврова. Последний заявил, что он — «страстный, исступленный почитатель» писателя, «питающийся» его сочинениями «уже многие годы». «Если будет успех моей речи в торжественном собрании, то в Москве (а стало быть, и в России) буду впредь более известен как писатель (то есть в смысле уже завоеванного Тургеневым и Толстым величия. Гончарова, например, который не выезжает из Петербурга, здесь хоть и знают, но отдаленно и холодно)», — писал Достоевский, волнуясь за успех речи, жене ночью с 27 на 28 мая.

После того, как 27 мая Тургенев, ездивший из Москвы в Спасское (и заезжавший по дороге к Толстому в Ясную Поляну, откуда Тургенев привез вести о новых его общественных настроениях периода работы над «Исповедью»), вернулся в Москву, Достоевский постепенно все более убеждается в значении своей речи для общего дела «антизападнически» настроенных, славянофильских кругов русского общества. 28—29 мая он пишет жене: «Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни Любители российской словесности, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая самую народность. Оппонентами же им, с нашей стороны, лишь Иван Серг‹еевич› Аксаков (Юрьев и прочие не имеют весу), но Иван Аксаков и устарел и приелся Москве. Меня же Москва не слыхала и не видала, но мною только и интересуется. Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует.[1] Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы. Уж когда Катков сказал: „Вам нельзя уезжать, вы не можете уехать" — человек вовсе не славянофил, — то уж конечно мне *нельзя* ехать».

31 мая вечером у Тургенева происходило совещание, на котором обсуждалась программа литературно-музыкального и драматического вечера, который должен был состояться в день открытия памятника в зале Московского Благородного собрания. Достоевский не был извещен об этом совещании и раздраженно писал жене в ночь на 3 июня: «. . .третьего дня вечером было совещание у Тургенева почти всех участвующих (я исключен), что именно читать, как будет устроен праздник и проч. Мне говорят, что у Тургенева будто бы сошлись нечаянно. Это мне Григорович говорил как бы в утешение. Конечно, я бы и сам не пошел к Тургеневу без официального от него приглашения; но простофиля Юрьев, которого я вот уже 4 суток не вижу, еще 4 дня назад проговорился мне, что соберутся у Тургенева. Висковатов же прямо сказал, что уже три дня тому получил приглашение. Стало быть, меня прямо обошли. (Конечно, не Юрьев, это дело Тургенева и Ковалевского, тот только спрятался и вот почему, должно быть, и не кажет глаз.) И вот вчера утром, только что я проснулся, приходят Григорович и Висковатов и *извещают* меня, что у Тургенева составилась полная программа праздников и чтений вечерних. И так как-де позволена музыка и представление „Скупого рыцаря" (актер Самарин), то чтение „Скупого рыцаря" у меня взято.

---

[1] По свидетельству П. И. Бартенева, борьба «западников» и «славянофилов» в дни подготовки пушкинского праздника достигла такой напряженности, что часть либерально-западнически настроенной московской дворянской интеллигенции на одном из заседаний подготовительной комиссии «едва было не постановила не допускать Достоевского к чтению чего-либо на пушкинском празднике» (*РА*, 1891, кн. 2, стр. 97, примеч.).

взято тоже и чтение стихов на смерть Пушкина [1] (а я именно эти-то стихи и желал прочесть). Взамен того мне определено прочесть стихотворение Пушкина „Пророк". От „Пророка" я, пожалуй, не откажусь, но как же не уведомить меня официально? Затем Григорович объявил мне, что меня просят прибыть завтра в залу Благородного собрания (подле меня), где будет окончательно все регламентировано».

Об этом втором заседании, посвященном обсуждению программы вечера, Достоевский писал жене в ночь с 3 на 4 июня: «. . .прямо с обеда, поехали в общее заседание комиссии „Любителей" для устройства окончательной программы утренних заседаний и вечерних празднеств. Были Тургенев, Ковалевский, Чаев, Грот, Бартенев, Юрьев, Поливанов, Калачев и проч. Всё устроили к общему согласию. Тургенев со мною был довольно мил, а Ковалевский (большая толстая туша и враг нашему направлению) всё пристально смотрел на меня».

5 июня в 2 часа дня пушкинские торжества открылись в зале Московской городской думы публичным заседанием комитета по сооружению памятника, посвященным приему делегаций, прибывших в Москву от различных учреждений и обществ. Достоевский присутствовал на этом заседании в качестве делегата от Славянского благотворительного общества, говорил с дочерью Пушкина, Островским, Тургеневым и др. (см. письмо Достоевского к жене от 5 июня). 6 июня утром происходило открытие памятника, в 2 ч. дня — торжественный акт в большом зале Московского университета, затем в 6 ч. — обед в зале Благородного собрания и там же литературно-музыкальный вечер. На этом вечере Достоевский вместо избранных им первоначально монолога «Скупого рыцаря» (чтение которого было передано актеру И. В. Самарину) и стихотворения Тютчева на смерть Пушкина прочел монолог Пимена из трагедии «Борис Годунов». 7 июня открылись двухдневные заседания Общества любителей российской словесности, где в этот день произнес свою речь о Пушкине Тургенев. После этого Обществом был устроен для участников торжества парадный обед. Речь Тургенева была воспринята Достоевским как «унижение» Пушкина, у которого Тургенев отнял «название национального поэта» (письмо к жене от 7 июня 1880 г.). Огромный успех Тургенева, его популярность у либерально настроенной публики и демократической молодежи, сделавшие его героем первого дня заседаний, вызвали у Достоевского раздражение, открыто вылившееся в его только что названном письме. Готовясь вечером к произнесению на следующее утро своей речи, Достоевский еще раз пересматривает ее и нравственно настраивает себя на успешный исход своего публичного соревнования с Тургеневым. «Всё зависит от произведенного эффекта, — пишет он, волнуясь по поводу завтрашней речи, в полночь жене. — Долго жил, денег вышло довольно, но зато заложен фундамент будущего. Надо еще речь исправить, белье к завтрому приготовить. Завтра мой главный дебют. Боюсь что не высплюсь. Боюсь припадка».

8 июня утром Достоевский произнес свою речь, произведшую огромное впечатление на слушателей и ставшую, по общему мнению, кульминационным пунктом всего пушкинского праздника. Вечером в тот же день Достоевский читал на завершавшем программу празднеств втором литературно-музыкальном вечере пушкинские «Пророк» и «Сказку о Медведихе», а через день, 10 июня утром, выехал обратно из Москвы в Старую Руссу.

6

В письме к А. Г. Достоевской от 8 июня 1880 г. сам писатель оставил нам наиболее выразительное описание того исключительного впечатления, которое произвела на слушателей его речь: «Утром сегодня было чтение

[1] Имеется в виду стихотворение Ф. И. Тютчева «29 января 1837 (Из чьей руки свинец смертельный. . .)», незадолго до этого впервые опубликованное в «Гражданине» (1875, 13 января, № 2) и повторно — в «Русском архиве» (1879, вып. 5, стр. 138).

моей речи в „Любителях“. Зала была набита битком <. . .> Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать. Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать, — ничто не помогало: восторг, энтузиазм (всё от «Карамазовых»!). Наконец я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий. Я читал громко, с огнем. Всё, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом (это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений!). Когда же я провозгласил в конце *о всемирном единении* людей, то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга *и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть вперед друг друга, а любить*. Порядок заседания нарушился: все ринулись ко мне на эстраду: гранд-дамы, студен<т>ки, государственные секретари, студенты — всё это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдруг, например, останавливают меня два незнакомые старика. „Мы были врагами друг друга 20 лет, не говорили друг с другом, а теперь мы обнялись и помирились. Это вы нас помирили. Вы наш святой, вы наш пророк!“. „Пророк, пророк!“ — кричали в толпе. Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня обнимать со слезами. Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо. „Вы гений, вы более чем гений!“ — говорили они мне оба. Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя *есть не просто речь, а историческое событие!* Туча облегала горизонт, и вот слово Достоевского, как появившееся солнце, всё рассеяло, всё осветило. С этой поры наступает братство и не будет недоумений. Да, да! — закричали все и вновь обнимались, вновь слезы. Заседание закрылось. Я бросился спастись за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное женщины. Целовали мне руки, мучали меня. Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств. Полная, полнейшая победа! Юрьев (председатель) зазвонил в колокольчик и объявил, что „Общество люб<ителей> рос<сийской> словесности“ единогласно избирает меня своим *почетным* членом. Опять вопли и крики. После часу почти перерыва стали продолжать заседание. Все было не хотели читать. Аксаков вошел и объявил, что своей речи читать не будет, потому что всё сказало и всё разрешило великое слово нашего гения — Достоевского. Однако мы все его заставили читать. Чтение стало продолжаться, а между тем составили заговор. Я ослабел и хотел было уехать, но меня удержали силой. В этот час времени успели купить богатейший, в 2 аршина в диаметре лавровый венок, и в конце заседания множество дам (более ста) ворвались на эстраду и увенчали меня при всей зале венком: „За русскую женщину, о которой вы столько сказали хорошего!“. Все плакали, опять энтузиазм. Городской голова Третьяков благодарил меня от имени города Москвы».

Письмо Достоевского дополняют воспоминания современников: «Последние слова своей речи Достоевский произнес каким-то вдохновенным шепотом, опустил голову и стал как-то торопливо сходить с кафедры при гробовом молчании, — вспоминает Д. Н. Любимов. — Зала точно замерла, как бы ожидая чего-то еще. Вдруг из задних рядов раздался истерический крик: „Вы разгадали!“ — подхваченный несколькими женскими голосами на хорах. Вся зала встрепенулась. Послышались крики: „Разгадали! Разгадали!“, гром рукоплесканий, какой-то гул, топот, какие-то женские взвизги. Думаю, никогда стены московского Дворянского собрания ни до, ни после не оглашались такою бурею восторга. Кричали и хлопали буквально все — и в зале и на эстраде. Аксаков бросился обнимать Достоевского. Тургенев, спотыкаясь, как медведь, шел прямо к Достоевскому с раскрытыми объятиями. Какой-то истерический молодой человек, расталкивая всех, бросился к эстраде с болезненными криками: „Достоевский, Достоевский!“ — вдруг упал навзничь в обмороке. Его стали выносить. Достоевского увели в ротонду. Вели его под руки Тургенев и Аксаков; он видимо как-то ослабел; впереди

бежал Григорович, махая почему-то платком. Зал продолжал волноваться» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 377—378).

О чувстве горячего энтузиазма, на минуту охватившем и объединившем слушателей, и об истерических припадках, вызванных у некоторых из них словами Достоевского, писал по живым следам Г. И. Успенский: «Положительно известно, что тотчас по окончании речи г-н Достоевский удостоился не то чтобы овации, а прямо идолопоклонения; один молодой человек, едва пожав руку почтенного писателя, был до того потрясен испытанным волнением, что без чувств повалился на эстраду» (там же, стр. 341). О том же вспоминает Е. П. Леткова-Султанова: «Маша Шелехова упала в обморок. С Паприцем сделалась истерика» (там же, стр. 391). «Рассказывал мне, между прочим, Федор Михайлович о том, как он вернулся из последнего второго вечернего заседания (закончившего все пушкинские торжества) страшно усталый, но и страшно счастливый восторженным приемом прощавшейся с ним московской публики. В полном изнеможении прилег он отдохнуть, а затем, уже позднею ночью, поехал опять к памятнику Пушкина. Ночь была теплая, но на улицах почти никого не было. Подъехав к Страстной площади, Федор Михайлович с трудом поднял поднесенный ему на утреннем заседании, после его речи, громадный лавровый венок, положил его к подножию памятника своего „великого учителя" и поклонился ему до земли» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 364—365).[1]

Даже идейные противники Достоевского не могли не поддаться обаянию пушкинской речи. «Живо осталось в моей памяти, — вспоминает Страхов, — как П. В. Анненков, подошедши ко мне, с одушевлением сказал: „Вот что значит гениальная художественная характеристика! Она разом порешила дело!"» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 351). Аналогичную характеристику дали пушкинской речи в первый момент после ее произнесения И. С. Тургенев и Г. И. Успенский, позднее, после обдумывания ее содержания, изменившие свое отношение к речи Достоевского и давшие ей резко критическую, полемическую оценку.[2]

Уже в момент слушания речи часть молодежи почувствовала, по припоминанию Е. П. Летковой-Султановой, что она «была насыщена выпадами против западников, а значит, и против Тургенева» (*Достоевский в воспоми-*

---

[1] Из мемуарных свидетельств о пушкинской речи см. также: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 360—367; *Биография*, стр. 304—315; *РА*, 1891, кн. 2, стр. 96—97; Н. Н. Страхов. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888, стр. 105—126; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 333—380, 388—394; *Звенья*, т. VI, стр. 457—484; Н. Телешов. Избранные произведения, т. 3. М., 1956, стр. 7—9; *ЛН*, т. 86, стр. 502—507, 511—515; *Кони*, т. VI, стр. 438—440.

[2] В. В. Стасов вспоминал о позднейшей оценке Тургеневым речи Достоевского: «когда он <. . .> услыхал, что я думаю о всем происходившем на открытии памятника, судя по русским газетам, он мало-помалу разговорился и рассказал, как ему была противна речь Достоевского, от которой сходили у нас с ума тысячи народа, чуть не вся интеллигенция, как ему была невыносима вся ложь и фальшь проповеди Достоевского, его мистические разглагольствования о „русском всечеловеке", о русской „все-женщине Татьяне" и обо всем остальном трансцендентальном и завиральном сумбуре Достоевского, дошедшего тогда до последних чертиков своей российской мистики. Тургенев был в сильной досаде, в сильном негодовании на изумительный энтузиазм, обуявший не только всю русскую толпу, но и всю русскую интеллигенцию» (*Тургенев в воспоминаниях современников*, т. II, стр. 117). Ср. слова Тургенева из письма к М. М. Стасюлевичу от 13 (25) июня 1880 г.: «Эта очень умная, блестящая и хитроискусная, при всей страстности, речь всецело покоится на фальши, но фальши крайне приятной для русского самолюбия <. . .> И к чему этот *всечеловек*, которому так неистово хлопала публика? <. . .> лучше быть оригинальным русским человеком, чем этим безличным всечеловеком» (*Тургенев, Письма*, т. XII, кн. 2, стр. 272).

наниях, т. II, стр. 391). Тем не менее речь произвела огромное впечатление и на подавляющую часть студенчества и демократической молодежи. «Конечно, молодежь, делавшая овации Достоевскому, — вспоминал по этому поводу П. Л. Лавров, — брала из его речи не то, что он действительно говорил, а то, что в этой речи соответствовало *ее* стремлениям. Не христианское прощение зла, наносимого братьям, читала она в туманных словах нервного оратора <. . .>, а солидарность в борьбе за право на лучшую будущность для всех обездоленных братьев против их эксплуататоров всех наций. Она готова была смириться пред народом в том смысле, который употреблял Иван Сергеевич (Тургенев, — *Ред.*) в своем письме от 11 сентября 1874 года <. . .>, смириться для „мелкой и темной работы", смириться пред народом, жертвуя ему своими интересами, своим благополучием, своею жизнью, но пред народом, в пробуждающемся сознании которого она читала ненависть к его вековым притеснителям, пред народом, который, в стремлении к правде умственной и нравственной, „принял бы в свою суть" уже не Христа, смиренно переносящего заушения, а Христа, воскресшего из могилы невежества и бессознательности, Христа, являющегося справедливым и грозным судьею <. . .>, эта страстная и самоотверженная молодежь только что горько испытала, насколько она оторвана от народа; за эту оторванность она заплатила шестью годами бесплодной пропаганды, тысячами жертв братьев, томившихся на каторге, умиравших в одиночном заключении и на виселице. Она только что начала новый, более ожесточенный бой с врагами этого народа, со своими врагами, и все более проникалась сознанием, что ей приходится выполнить *делом* „Аннибалову клятву", которую в молодости давал Тургенев; задачу, за которую сидел в „Мертвом Доме" прежний сторонник Петрашевского, говоривший теперь о христианском смирении и подразумевавший под словами: „Государство, которое приняло и вновь вознесло Христа" (ср. наст. том, стр. 169, — *Ред.*) <. . .> ту самую царскую Русь Иванов Грозных и споров о двуперстном кресте, ту самую императорскую Россию Шаховских, Магницких, Дуббельтов, Мезенцевых, против которой поднималась русская молодежь. *Свою* боль скитальчества по русской земле, *свое* жаркое желание слиться с народом, *свою* страстную готовность жить и умереть за братьев она вносила в слова оратора, и ее овации, которые он гордо принимал за „событие", относились к *ее собственной* трагической истории, которую она подкладывала под его туманные фразы» (*Тургенев в воспоминаниях современников*, т. I, стр. 412—413).

Приведенные мемуарные свидетельства дополняются рассказом Достоевского в письме от 13 июня 1880 г. к графине С. А. Толстой (вдове поэта А. К. Толстого): «Верите ли, дорогие друзья мои, что в публике, после речи моей, множество людей, плача, обнимали друг друга и клялись друг другу быть впредь лучшими, и это не единичный факт, я слышал множество рассказов от лиц совсем мне незнакомых даже, которые стеснились вокруг меня и говорили мне исступленными словами (буквально) о том, какое впечатление произвела на них моя речь. Два седых старика подошли ко мне, и один из них сказал: „Мы двадцать лет были друг другу врагами и двадцать лет делали друг другу зло; после вашей речи мы теперь, сейчас помирились и пришли вам это заявить". Это были люди мне незнакомые. Таких заявлений было множество, а я был так потрясен и измучен, что сам был готов упасть в обморок, как тот студент, которого привели ко мне в ту минуту студенты-товарищи и который упал передо мной на пол в обмороке от восторга. Факт, по-видимому, невероятный, но он, однако же, явился в „Современных известиях", газете Гилярова-Платонова, который сам был свидетелем факта. Что же до дам, то не курсистки только, а и все, обступив меня, схватили меня за руки и, крепко держа их, чтобы и не сопротивлялся, принялись целовать мне руки. Все плакали, даже немножко Тургенев. Тургенев и Анненков (последний положительно враг мне) кричали мне вслух, в восторге, что речь моя гениальная и пророческая. „Не потому, что вы похвалили мою Лизу, говорю это", — сказал мне Тургенев. Простите и не смейтесь, дорогие мои, что я в такой подробности всё это передаю и так много о себе говорю, но ведь, клянусь, это не тщеславие, этими мгновениями жи-

вешь, да для них и на свет являешься. Сердце полно, как не передать друзьям. Я до сих пор как размозженный».

Восторженные слушатели увенчали Достоевского после произнесения пушкинской речи огромным лавровым венком. «Не зная, что делать с венком, — вспоминает враждебно относившийся к политическим идеям писателя К. А. Тимирязев, — его надели Достоевскому через голову на плечи, и он несколько мгновений сидел, изображая из себя жалкую, смешную фигуру, пока не нашелся добрый человек, освободивший его от этого ярма» (К. А. Тимирязев. Наука и демократия. М., 1920, стр. 370).

Оценивая значение речи Достоевского и анализируя причины ее необычайного успеха, Глеб Успенский справедливо указал, что она стала крупным общественным событием благодаря тому, что Достоевский связал в ней — чего не удавалось в такой мере ни одному из его предшественников — в единый, нерасторжимый узел проблему национального значения Пушкина и самые жгучие вопросы современности, — и прежде всего вопрос о русском освободительном движении, его природе и исторических судьбах.

«В течение двух с половиною суток, — писал Успенский о пушкинских празднествах, — никто почти ‹. . .› не сочел возможным выяснить идеалы и заботы, волновавшие умную голову Пушкина, при помощи равнозначащих забот, присущих настоящей минуте; никто не воскресил их среди теперешней действительности ‹. . .› Напротив, руководствуясь в характеристике его личности и дарования фактами, исключительно относившимися к его времени, господа ораторы, при всем своем рвении, и то только едва-едва, сумели выяснить Пушкина в прошлом, отдалили это значение в глубь прошлого, поставили его вне последующих и настоящих течений русской жизни и мысли». Лишь Тургенев «отрезвил и образумил публику, первый коснувшись, так сказать, „современности“ ‹. . .› Но никто не подозревал, чтобы эта же „современность“ могла завладеть всем существом, всей огромной массой слушателей, наполнявшей огромный зал Дворянского собрания, и что это совершит тот самый Ф. М. Достоевский, который все время „смирнехонько“ сидел, притаившись около эстрады и кафедры, записывая что-то в тетрадке.

Когда пришла его очередь, он „смирнехонько“ взошел на кафедру, и не прошло пяти минут, как у него во власти были все сердца, все мысли, вся душа всякого, без различия, присутствовавшего в собрании ‹. . .› Он нашел возможным, так сказать, привести Пушкина в этот зал и устами его объяснить обществу, собравшемуся здесь, кое-что в теперешнем его положении, в теперешней заботе, в теперешней тоске» (*Успенский*, т. VI, стр. 419—422; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 336—338).

С пушкинской эпохи и вплоть до современной минуты — таков основной смысл речи Достоевского — наиболее характерным национальным типом русской жизни и русской литературы был образованный «скиталец», выходец из дворянской, а позднее и из разночинной среды, в силу свойственного ему духовного максимализма стремившийся не к узколичному, эгоистическому, а к общему, «всечеловеческому» счастью, мечтавший об установлении на земле новой «мировой гармонии». От пушкинского Алеко и Онегина до Рудина и Базарова и дальше — до террористов-народников 70-х годов проходит через всю русскую историю и через всю историю русской литературы этот порожденный не случайными причинами, но глубокой исторической закономерностью литературно-общественный тип, — тип человека, который мечтает о счастливой жизни не только для своего народа, но и для «всего арийского племени», и более того — для всего мирового человечества. В том, что русская история и русская литература смогли породить этот тип, состоит их огромное, всемирное значение, дающее им неоспоримое право на общечеловеческое признание. Вместе с тем русский «скиталец» от времен Пушкина до конца XIX в. в силу тех же исторических причин, которые способствовали максимализму, силе и страстности его исканий, оставался разъединен с «почвой» — с народом, лишенным голоса и закрепощенным

созданной Петром I самодержавно-бюрократической монархией. Пушкин — и в этом состоит его величайшая заслуга перед русской культурой — при всем сочувствии русскому «скитальцу» — не только осознал историческую бесперспективность одинокой и «гордой» борьбы личности, стоящей над другими людьми, не способной почувствовать единства их интересов и судеб, но и указал для нее «исторический исход» в повороте к массе, к народу, составляющим необходимую «почву» всей национальной жизни в целом. Без прочного объединения личности и народа, без их воссоединения невозможно ни личное счастье каждой отдельной личности, ни общее счастье всех людей. Причем глубокое уважение к народу и его правде, благоговейное отношение к родной, русской национальной стихии органически сочеталось у великого русского поэта со столь же глубокой отзывчивостью к своеобразию, идеалам и стремлениям других народов, с умением братски понять и полюбить их национальные идеалы, их историю, природу и быт. В органическом, нераздельном единстве личного и общего, родного и вселенского, национального и общечеловеческого, воплощенного Пушкиным, состоит вечное и пророческое значение его гения, указавшего будущим поколениям русских «скитальцев» ту единственную верную дорогу, идя по которой Россия и человечество могут обрести нравственное исцеление, гармоническое, согласное и счастливое, мирное будущее.

Проходящая через всю пушкинскую речь и ставшая одним из ее лейтмотивов характеристика типа передового, мыслящего (в том числе революционного) русского интеллигента, начиная с эпохи декабристов и кончая эпохой народнических революционеров 70-х годов, как «скитальца в родной земле» сложилась как философское обобщение художественных формул «странника» и «скитальца», в различных вариантах отразившихся во множестве произведений русской классической литературы со времен Пушкина. В частности, в поэме «Медный всадник» (1833) о герое ее, Евгении, говорится:

. . . Ужасных дум
Безмолвно полон, он *скитался.*
Его терзал какой-то сон.

(Часть вторая; курсив наш, — *Ред.*)

Позднее глагол «скитаться» был употреблен Пушкиным и в связи с разработкой автобиографической темы поэта в стихотворении «Из Пиндемонте» (1836):

По прихоти своей скитаться здесь и там. . .

Называя передового русского дворянского и буржуазного интеллигента «скитальцем», Достоевский, без сомнения, намекал и на памятные его аудитории знаменитые слова из эпилога романа И. С. Тургенева «Рудин», служащие одним из итоговых выражений авторской оценки не только самого героя, но и других людей рудинского типа: «И да поможет господь всем бесприютным скитальцам!» (*Тургенев*, *Сочинения*, т. VI, стр. 356, 367—368; ср. наст. изд., т. XVII, стр. 290—291).[1] Наконец, в журнале братьев Достоевских «Время» были впервые напечатаны автобиографические очерки Ап. Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества» (*Вр*, 1862, № 11, стр. 5—31; № 12, стр. 378—391). Ср. также наст. изд., т. X, стр. 20; т. XIII, стр. 373—374; т. XVII, стр. 330—334.

Другое — спорное на наш взгляд — предположение о генезисе термина «скиталец» у Достоевского, связывающее его с названием романа Метьюрина «Мельмот Скиталец», см. в кн.: Д. Благой. От Кантемира до наших дней, т. 1. М., 1972, стр. 493—494. См. обоснованную критику гипотезы

---

[1] «Скитальцем» назван, впрочем, автором и Бельтов в романе А. И. Герцена «Кто виноват?» (1845—1846); см.: *Герцен*, т. IV, стр. 122.

Д. Д. Благого в статье: М. П. Алексеев. Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» — В кн.: Ч. Р. Метьюрин. Мельмот Скиталец. Л., 1976, стр. 673.

Революционно-демократическая критика в оценке исторических судеб русской литературы, как и в решении всех вопросов русской жизни, исходила, как указал В. И. Ленин, в первую очередь, из задач борьбы с крепостным правом.[1] Отсюда — и те два тезиса, которые разделялись главными ее представителями от Белинского до Добролюбова и Писарева. Первый из указанных тезисов — оценка Пушкина как «поэта-художника» (в противовес Лермонтову и Гоголю как родоначальникам социально-критического направления в русской литературе), второй — убеждение, что уровень общественной жизни самодержавно-крепостнической России не дает пока права представителям русской литературы оцениваться наравне с представителями литературы мировой — это право они приобретут, — так полагал еще Белинский, — лишь после того, как Россия завоюет политическую свободу и в социально-экономическом отношении сравнится с другими передовыми странами Европы или превзойдет их. При всем остром социально-критическом содержании этих тезисов они отражали известную прямолинейность в понимании исторического прогресса, недооценку его неравномерности. Прямолинейность эта обусловила неточные акценты в оценке Пушкина Белинским и Чернышевским (см. об этом: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 33—73). Позднее отвлеченный рационализм В. А. Зайцева, а затем Писарева привел их к полемике с оценкой Пушкина Белинским и Чернышевским и даже к «нигилистическому» его отрицанию.

В своей речи 7 июня 1880 г. Тургенев сохранил верность основным акцентам статей Белинского о Пушкине: «Пушкин, повторяем, был нашим первым поэтом-художником», — заявил он вслед за Белинским (*Тургенев, Сочинения*, т. XV, стр. 67). И далее: «Вопрос: может ли он назваться поэтом национальным, в смысле Шекспира, Гете и др., мы оставим пока открытым» (там же, стр. 69). «Под влиянием старого, но не устаревшего учителя — мы твердо этому верим — законы искусства, художнические приемы вступят опять в свою силу и — кто знает? — быть может, явится новый, еще неведомый избранник, который превзойдет своего учителя и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину, хотя и не дерзаем его отнять у него» (там же, стр. 75).

Следует иметь в виду, что славянофилы в лице К. С. и И. С. Аксаковых, А. С. Хомякова и других, хотя они подходили к оценке Пушкина с иных идеологических позиций, также не разделяли взгляда на Пушкина как на национального поэта. Подобному признанию противоречили религиозные идеалы славянофильства, как и романтический характер славянофильской эстетики: «. . .не тайна, — писал по этому поводу Н. Н. Страхов, — холодность наших славянофилов к нашему Пушкину. Она заявляется издавна и постоянно. Это печальный факт, который еще и еще раз свидетельствует о безмерной путанице нашей жизни».[2] И далее: «. . .не из славянофильства он (Достоевский, — *Ред.*) почерпнул то восторженное поклонение Пушкину, которое так блистательно выразил и которое дало ему победу».[3] «Пушкин — это наше право на Европу и на нашу *европейскую* национальность, а вместе с тем и право на нашу самобытную особенность в кругу других европейских национальностей, — не на фантастическую и изолированную особенность, а на ту, какую бог дал, какая сложилась из напора реформы и отсадков коренного быта, и вот почему его не любят славянофилы. . .», — заявлял еще раньше Аполлон Григорьев.[4]

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

[2] Н. Страхов. Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888, стр. 4.

[3] Там же стр. 120.

[4] А. Григорьев. Собр. соч., вып. 12. М., 1916, стр. 32.

В речи о Пушкине Достоевский, как и Тургенев, в очень многом и существенном опирался на статьи Белинского о Пушкине и его эстетические принципы в целом.[1] Но в то же время свою оценку Пушкина Достоевский подчинил основному общему комплексу своих, расходившихся с суждениями Белинского, эстетических и идейно-политических идей.

Из других статей 1820—1860-х годов о Пушкине, повлиявших так или иначе на формирование взглядов Достоевского на ход развития поэзии Пушкина в ее взаимоотношении с историей русского общества и литературы, а также на утверждение им ее национального характера, значение имели статья И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828; здесь впервые творческий путь поэта разделен на три периода) и две известные статьи Гоголя — «Несколько слов о Пушкине» (1835) и «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1847; [2] на начальные строки первой из этих статей ссылается в пушкинской речи сам писатель). Наконец, в пушкинской речи Достоевский переосмыслил ряд суждений о Пушкине А. А. Григорьева. Последний в своем понимании народности Пушкина делал особый акцент, как и Достоевский, на любви поэта к «смиренному» «белкинскому» началу. Начало это Григорьев рассматривал как антитезу «гордому» типу Сильвио и другим героям — носителям начала романтического индивидуализма. А. А. Григорьев не протягивал, однако, подобно Достоевскому, от байронических героев 20—30-х годов прямых историко-культурных и психологических нитей к образам позднейших «русских скитальцев» в том несравненно более широком и емком смысле слова, какое приобрел этот термин в устах Достоевского, включившего в число русских скитальцев также народников-семидесятников и тем самым наполнившего его актуальным, трепетным общественно-политическим содержанием.

Не только декабристы и «лишние» люди из дворян 40—50-х годов, но и горстка героической народнической молодежи, вступившей в 70-е годы в отважное и трагическое единоборство с самодержавием, — по Достоевскому, — представители одного и того же глубоко национального типа беззаветного и бескорыстного искателя общественно-исторической правды и справедливости. Тип этот закономерно порожден русской историей. И автор пушкинской речи призвал своих слушателей воздать должное этим «скитальцам» (при всем критическом отношении к ним писателя) в истории идейных исканий русского общества на пути к народной и общечеловеческой правде. Тем самым Достоевский — художник и мыслитель поднялся в пушкинской речи на исключительную историческую высоту. Страстная любовь к Пушкину, художническое проникновение в идеи и образы его произведений слились в его речи воедино с несомненным, горячим демократизмом, с признанием народа основой национальной жизни и культурного творчества. Осмысляя путь Пушкина, а также его наследников и продолжателей как этапы единого исторически закономерного и необратимого движения мыслящей части русского общества к народу, признавая русского «скитальца» (в том числе — революционера) национальным типом и выражая одновременно горячую веру в то, что лишь единение интеллигенции и народа может послужить исходной точкой для продвижения к светлому будущему России и человечества, утверждая неразрывность судеб России и Европы, единство национального самосознания и гуманистического идеала братства народов, Достоевский выступил в пушкинской речи провозвестником политически неоформленных, стихийных, демократических чаяний и идеалов широких слоев русского общества. Уверенность в поступательном движении человечества, в будущем гармоническом братстве людей без различия языков и наций соединена в пушкинской речи со страстной любовью к России, глубокой верой в русского человека и его способность своей «всемирной отзывчи-

---

[1] См.: *Белинский*, т. VII, стр. 333, 436—437; ср.: *Кирпотин, Достоевский и Белинский*, стр. 248—279.

[2] См.: Гоголь, т. VIII, стр. 383—384; *Кирпотин, Достоевский и Белинский*, стр. 263—264.

востью» и братским участием способствовать движению России и человечества к «мировой гармонии».

Говоря о Пушкине, о национальном и мировом значении его творчества, Достоевский говорил не об одном Пушкине. Он думал вместе с тем о миссии писателя и о миссии литературы вообще, о ее роли в общественной и культурной жизни России и всего человечества. Достоевский стремился разъяснить своим современникам и потомству, как он понимает исторический смысл деятельности и Пушкина, и его учеников и продолжателей.

Не только Пушкин, но и его ученики (в том числе сам Достоевский) были верны, по мысли последнего, прежде всего русской истории. Ибо героем их был, говоря словами писателя, «все тот же русский человек, только в разное время явившийся. Человек этот <. . .> зародился как раз в начале второго столетия после великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы. . .» (стр. 137—138).

Порожденный русской историей характер мыслящего и беспокойного «скитальца», час исторического рождения и первую фазу жизни которого зафиксировал Пушкин, не умер и не отошел в прошлое вместе с его эпохой, но продолжал жить, углубляться и развиваться дальше после смерти Пушкина. И позднейшие русские писатели, начиная с Лермонтова и Гоголя и вплоть до Толстого и Достоевского, были призваны историей в своем творчестве продолжать работу над решением той же самой исторической задачи, начало работы над которой положил Пушкин.

Итак, национальная жизнь, жизнь народа и человечества порождают, по Достоевскому, в своем движении определенные исторические типы, характеры, ситуации, специфические особенности которых в каждую эпоху обусловлены характерными для нее «законами истории» (см. т. XXVII). Литература же *угадывает* и *отражает* эти типы и характеры. Вот почему Достоевский резко полемизировал с представлением, что образы Алеко и Онегина явились в русской литературе как результат подражания байроновским героям.

Роль Байрона для Пушкина состояла в том, что он разбудил в поэте то, что было заключено «во глубине души его», и помог проявлению его поэтической «самостоятельности», ибо позволил Пушкину зорко разглядеть в русской действительности, схватить и изобразить «безошибочно» глубоко национальный тип русского скитальца, искателя не одного своего узколичного, эгоистического, но общего, всечеловеческого счастья, — тип, который был, по Достоевскому, «типом постоянным и надолго у нас, в нашей Русской земле поселившимся» (стр. 137).

Перед Пушкиным и позднейшей русской литературой развертывалась великая историческая драма национальной жизни. Сотни и тысячи выходцев из господствующих образованных слоев общества отрывались от этих слоев, становясь «русскими скитальцами», которым, чтобы «успокоиться» и «примириться», нужно было не малое, узколичное, эгоистическое, но большое, общечеловеческое, «всемирное счастье». И начиная с Пушкина русская литература как живая и органическая часть жизни русского общества отражала беспокойство и скитальчество этих выходцев из образованных верхов, их трагические блуждания, их поиски путей к всемирному счастью и к воссоединению с народом. Тем самым Пушкин и позднейшие русские писатели не только верно отражали и выражали центральные трагические темы жизни своей страны, но и активно участвовали в решении всех самых сложных, запутанных вопросов русской и мировой истории, освещая обществу и народу настоящее, а вместе с тем — пути, ведущие от него к будущему.

Глубокое проникновение художника в суть национальной жизни, умение верно схватить ее потребности и идеалы, ее скрытые возможности и перспективы, видеть те элементы будущего, которые скрыты в настоящем, хотя элементы эти не осознаются сколько-нибудь отчетливо другими, менее чуткими участниками национальной жизни, делают великого поэта не только верным изобразителем настоящего, его типов и характеров, но и сообщают его творчеству в большей или меньшей степени пророческое значение, ибо они делают его угадчиком будущего, таящегося в настоящем.

Особую заслугу Пушкина Достоевский видел в том, что великий поэт сумел подойти и к народу, и к простому русскому человеку (эта мысль впервые выражена уже в «Бедных людях») не *извне*, а *изнутри*. Поэт смог оценить и полюбить в них их живую душу, без всякой снисходительности или проявлений барского, «господского» отношения к народу, взгляда на него сверху вниз.

Пушкин, по оценке Достоевского, всецело, до конца, сердечно и беспредельно проникся тем глубинным миросозерцанием, которое подспудно, часто стихийно, неосознанно на протяжении многих веков жило в душе русского человека из народа, направляя его историческую деятельность: именно поэтому, говоря о «всеотзывчивости» и «всемирности» Пушкина, Достоевский понял их не как черты индивидуального своеобразия Пушкина-поэта, а как черты национально-народные, отражающие психический склад множества русских людей: «И эту-то <. . .> главнейшую способность нашей национальности он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт» (стр. 145).

Однако в пушкинской речи особенно отчетливо проявились и основные, общие противоречия, которые характерны для всего мировоззрения и творчества позднего Достоевского.

Последние годы царствования Александра II были временем глубочайшего политического кризиса самодержавия, — и это отчетливо ощущали не только мыслящие представители русского общества, но и само царское правительство, лавировавшее между планами созыва «земского собора» и жесточайшей реакцией. Все общественные силы были в большей или меньшей степени охвачены сознанием глубины и напряженности этого кризиса, наэлектризованы желанием найти из него выход. И, как показалось на первый взгляд многим слушателям речи Достоевского, она если и не давала решения «проклятых» вопросов политической жизни России, то, по крайней мере, остро ставила эти вопросы — и тем самым откровенно формулировала мысль о необходимости найти пути не частичного, а коренного переустройства всех условий тогдашней русской жизни, — такого переустройства, которое отвечало бы и самоотверженности и максимализму устремлений передовой части русского общества, персонифицированной Достоевским в образе «исторического русского скитальца», и извечным национально-народным идеалам и чаяньям.

Однако остро поставив в пушкинской речи основные вопросы исторической жизни тогдашней России, Достоевский не смог дать на них ответа, который соответствовал бы реальным потребностям и устремлениям русского общества. Высоко оценив максимализм требований «русского скитальца», признав, что потребность человечества не в узкокорыстном, «малом», идеале буржуазно-мещанского благополучия, а в создании на земле новой «мировой гармонии» исторически закономерна и оправдана, Достоевский в противоречие с этим закончил свою речь призывом к смирению.

Достоевский во многом верно ощущал трагический характер борьбы с царизмом не только декабристов и других дворянских революционеров, но и террористов-народников 70-х годов, невозможность коренного преобразования общества без единения интеллигенции и народа. Но отсюда писатель делал ложный, неправомерный вывод о том, что подлинное преобразование общества возможно лишь мирным путем и что отправным пунктом для этого должна послужить моральная перестройка сознания самой интеллигенции, восприятие ею христианского идеала. В соответствии с этим в пушкинской речи он призывал русскую интеллигенцию не к политической борьбе с самодержавием, а к примирению противоположных партий и идейных направлений в их совместной «работе на родной ниве».

При этом очевидно, что для того, чтобы до конца понять смысл тезиса последней части пушкинской речи: «Смирись, гордый человек», — нужно соотнести ее также с логикой не только общественно-политической, но и художественной мысли Достоевского, ибо «гордый человек» в понимании писателя — не только Алеко и Онегин, но и Раскольников, Ставрогин, Иван Карамазов, т. е. все те, кто в своем «гордом» самосознании и индивидуали-

стическом своеволии склонны высоко вознести себя над «тварью дрожащей», признать свое духовное избранничество, свое право «делать историю» за массу, без ее участия, без учета ее исторического опыта и традиций. Обращенный к интеллигенции призыв к смирению соответственно означал в устах Достоевского призыв, в первую очередь, к отказу от индивидуализма, к смирению перед правдой народной жизни, народных чаяний и идеалов, а не перед «правдой» самодержавно-крепостнической государственности. И все же в реальных условиях самодержавия призыв этот приобретал в политическом отношении глубоко реакционный смысл.

Иллюзорность надежд Достоевского на возможность примирения общественных сил и отражавших их интересы противоположных идейных направлений, борьба которых раздирала русское общество 70—80-х годов, исторически неизбежно обнаружилась, по меткому определению Глеба Успенского, уже «на другой день», сразу же после того, как у слушателей изгладилось первое впечатление от его вдохновенной речи и наступила пора трезвого критического и исторического ее анализа.

Призыв к «смиренной» работе «на родной ниве» не мог встретить поддержки ни у либеральной части русского общества, стремившейся к конституционным преобразованиям, ни — тем более — у революционно или демократически настроенных современников, самоотверженно боровшихся с самодержавием. Но и дворянской реакции, а равно правительственным кругам речь Достоевского не могла прийтись по вкусу, так как их смущали содержащиеся в пушкинской речи высокая оценка роли русского скитальца, оправдание его общественного и нравственного максимализма, обращенный к русскому обществу призыв действенно стремиться к утверждению на земле новой «мировой гармонии» и горячая вера в возможность ее достижения, страстное преклонение Достоевского перед народом и его идеалами.

Вот почему восторженно принятая слушателями в момент произнесения речь Достоевского уже «на другой день» (по выражению Г. И. Успенского — см. стр. 480) вызвала почти одинаково бурные возражения у представителей всех общественных кругов. Утопическая надежда Достоевского примирить своей речью западников и славянофилов, правительство Александра II и революционную молодежь обнаружила перед лицом реальной жизни свою наивность и прямую реакционность.

7

О намерении издать пушкинскую речь в форме особого выпуска «Дневника писателя» Достоевский рассказал впервые накануне отъезда из Москвы, 9 июня, жене писателя и педагога Л. И. Поливанова Марии Александровне, посетившей его в этот вечер в Лоскутной гостинице: «Зачем вам списывать речь мою? — заявил писатель в ответ на просьбу мемуаристки. — Она появится в „Московских ведомостях“ через неделю, а потом издам выпуск „Дневника писателя“, единственный в этом году и состоящий исключительно из этой речи» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 359).

Возможно, что первая мысль об издании статьи (или речи) о Пушкине в виде отдельного выпуска «Дневника писателя» зародилась у Достоевского еще весной, до открытия памятника. Такой вывод допускают цитируемые выше письмо С. А. Юрьева к Достоевскому, как и его ответ Юрьеву, где писатель, подтверждая, что еще до получения письма от Юрьева с заказом статьи о Пушкине для «Русской мысли», он «громко говорил, что <. . .> нужна серьезная о нем (Пушкине) статья в печати», в то же время проявляет заметную уклончивость в ответ на настойчивые предложения Юрьева дать эту статью в журнал (см. стр. 443). Так или иначе, мысль об издании номера «Дневника» за 1880 г. зародилась у Достоевского либо еще до произнесения пушкинской речи, либо сразу же после обнаружившегося колоссального ее успеха.

Появление пушкинской речи в «Московских ведомостях» Каткова было воспринято уже многими современниками как исторический парадокс. Друг

писателя О. Ф. Миллер писал по этому поводу: «Именно *всечеловек* всего менее и подходит к „Московским ведомостям“ ‹. . .› Каков бы ни был этот язык (можно, если угодно, назвать его даже «юродствующим»), но это, конечно, не язык „Московских ведомостей“» (*РМ*, 1880, № 2, стр. 33).

И действительно Катков, как видно из свидетельства К. Н. Леонтьева, не был в восторге от речи Достоевского. «Катков, — писал по этому поводу Леонтьев, — заплатил ему (Достоевскому, — *Ред.*) за эту речь 600 р., по за глаза смеялся, говоря, *„какое же это событие?“*» (*РВ*, 1903, № 5, стр. 175). Но имя Достоевского и громадный успех речи побудили Каткова постараться первым завладеть речью и напечатать ее в «Московских ведомостях» с целью использовать ее как козырь в своей политической игре.[1]

Посредницей Каткова, помогавшей ему в осуществлении его плана напечатать речь Достоевского в «Московских ведомостях», была, по-видимому, писательница, близкая к славянофильскому направлению, О. А. Новикова, писавшая Достоевскому 9 июня (без сомнения, по поручению Каткова): «Вашей гениальной речи не подобает появиться в Чухонских Афинах (Петербурге, — *Ред.*); Катков будет счастлив напечатать ее на каких угодно условиях; *в этом не сомневаюсь...*» (*ЛН*, т. 86, стр. 510).

9 июня же, днем, беловой автограф речи Достоевский передал секретарю редакции «Московских ведомостей», К. А. Иславину, обещавшему к утру 10 июня, до отъезда писателя из Москвы, изготовить набор, чтобы Достоевский еще в Москве смог прочесть корректуру.[2] Вечером же в присутствии М. А. Поливановой писатель окончательно отказал Юрьеву в просьбе дать статью для «Русской мысли», заявив: «Вот явится моя речь в газете, ее прочтет гораздо большее число людей, а потом, в августе, выпущу ее в единственном выпуске „Дневника писателя“ и пущу номер по двадцати копеек» (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 360; ср.: *ЛН*, т. 86, стр. 509).

Выехав утром 10 июня из Москвы в Старую Руссу, Достоевский 12 июня пишет отсюда Иславину с просьбой «сохранить листки рукописи ‹. . .› и немедленно по напечатании выслать их мне сюда, в Старую Руссу». Смысл этой просьбы поясняет следующее письмо к Иславину от 20 июня, где Достоевский вновь настойчиво требует: «...выслать мне сюда писанные листки моей статьи ‹. . .› ибо они нужны мне для отдельного *оттиска* „Дневника писателя“, который намеревался издать к 1-му июля». Аналогичную просьбу Достоевский повторяет в тот же день в письме к М. Н. Каткову: «Немедленно по появлении моей статьи в „Моск‹овских› в‹едомостях›“ ‹. . .› выслать мне сюда писанные листки моей статьи (рукопись), хотя бы испачканные и разорванные при наборе, ибо они нужны мне для отдельного оттиска „Дневника писателя“, который намеревался издать к 1-му июля». И далее: «...если еще несколько дней не получу просимого, то, по обстоятельствам моим и за работами в „Р‹усский› в‹естни›к“, издать „Дневник“ будет уже поздно, отчего неминуемо потерплю ущерб».

13 июня Достоевский писал в цитированном выше письме к С. А. Толстой то же самое: «...к 1-му числу июля я издаю „Дневник писателя“, то есть единственный № на 1880-й год, в котором и помещу всю мою речь, уже без выпусков и со строгой корректурой» (в «Московских ведомостях» речь была напечатана без авторской корректуры).

Здесь же Достоевский писал, что речь его «не простят в разных литературных закоулках и направлениях. Речь моя скоро выйдет (кажется, уже вышла вчера, 12-го, в «Московских ведомостях»),[3] и уже начнут те ее крити-

---

[1] См. об этом: И. Волгин. Завещание Достоевского. — *ВЛ*. 1980, № 6, стр. 195—196.

[2] Обещание это исполнено не было. См. об этом ниже.

[3] Первоначально пушкинская речь (как свидетельствуют пометы Достоевского, сделанные на наборной рукописи) должна была появиться в двух номерах «Московских ведомостей» — первая половина ее (до слов «Татьяна не могла пойти за Онегиным», стр. 143) — в № 162 от 13 июня, а продолже-

ковать — особенно в Петербурге. По газетным телеграммам вижу, что в изложении моей речи пропущено буквально все существенное, то есть главные два пункта. 1) Всемирная отзывчивость Пушкина и способность совершенного перевоплощения его в гении чужих наций — способность небывавшая еще ни у кого из самых великих всемирных поэтов, и во-2-х, то, что способность эта исходит совершенно из нашего народного духа, а стало быть, Пушкин в этом-то и есть наиболее народный поэт. (Как раз накануне моей речи Тургенев даже отнял у Пушкина (в своей публичной речи) значение народного поэта. О такой же великой особенности Пушкина: перевоплощаться в гении чужих наций совершенно никто-то не заметил до сих пор, никто-то не указал на это). Главное же я, в конце речи, дал формулу, слово примирения для всех наших партий и указал исход к новой эре. Вот это-то все и почувствовали, а корреспонденты газет не поняли или не хотели понять».

Если в письмах к Иславину, Каткову и С. А. Толстой говорится о намерении издать «Дневник писателя» к 1 июля, причем содержание его к этому времени по плану писателя, по-видимому, должно было ограничиться перепечаткой пушкинской речи (с кратким предисловием к ней), то к началу июля план этот претерпевает изменения. 6 июля 1880 г. Достоевский в очередном письме в редакцию «Русского вестника», адресованном Н. А. Любимову, сообщает о дальнейшем изменении своего плана: «Задержан немного изданием „Дневника“ (единственного номера на 1880 год, выйдет в конце июля), в котором воспроизведу мою речь в Общ‹естве› люб‹ителей› р‹оссийской› словесности, с предисловием довольно длинным и, кажется, с послесловием, в которых хочу ответить несколько слов моим милым критикам» [1]

ние — в одном из следующих номеров. Но, очевидно, по решению Каткова, она была напечатана 13 июня в одном номере газеты. Передавая наборную рукопись Иславину, Достоевский указал ему те части и отдельные фразы речи, которые были выброшены им во время ее произнесения; некоторые из них были зачеркнуты им самим еще раньше, другие перечеркнуты синим карандашом Иславина (см. стр. 338). С этими сокращениями (без посылки Достоевскому обещанной корректуры) текст речи и был напечатан в газете. Возвращая Достоевскому рукопись пушкинской речи и посылая ему номер «Московских ведомостей», где она была напечатана, К. Иславин 17 июня писал ему: «Михаил Никифорович, просматривая корректуры вашего очерка, стеснялся изменить некоторые, как Вы выражаетесь, „шероховатости слога и лишние фразы“, вырвавшиеся у Вас наскоро; он теперь даже жалеет, что не исправил их...» (*ЛН*, т. 86, стр. 510). Эти слова Иславина, как верно отметил И. Л. Волгин (*ВЛ*, 1980, № 6, стр. 196), — еще одно свидетельство критического отношения редактора «Московских ведомостей» к пушкинской речи. По тексту «Московских ведомостей» пушкинская речь сразу же была перепечатана рядом других московских, петербургских и провинциальных периодических изданий («Современные известия», М., 14 июня, № 162; «Русская газета», М., 14 июня, № 73; «Орловский вестник», 18 июня, № 61; «Харьков», 17 июня, № 631; 18 июня, № 632; «Семейное чтение», СПб., 22 июня, № 22; 29 июня, № 23, и др. Полный список перепечаток речи Достоевского см.: *Достоевская, А. Г.*, Библиографический указатель, стр. 48—49). Текст, опубликованный в «Московских ведомостях», был положен Достоевским в основу и при перепечатке пушкинской речи в качестве второй главы «Дневника писателя» 1880 г.

[1] Причины, побудившие отложить издание «Дневника» и сопроводить его ответом критикам пушкинской речи, делают ясными воспоминания жены писателя: «Но прошло дней десять (после возвращения Достоевского из Москвы, — *Ред.*), и настроение Федора Михайловича резко изменилось; виною этого были отзывы газет, которые он ежедневно просматривал в читальне минеральных вод. На Федора Михайловича обрушилась целая лавина газетных и журнальных обвинений, опровержений, клевет и даже ругательств. Те представители литературы, которые с таким восторгом прослушали его Пушкинскую речь и были ею поражены до того, что горячо аплодировали чтецу и шли

(прежде всего, А. Д. Градовскому). В связи с тем, что план номера подвергся расширению по сравнению с первоначальным замыслом, издание «Дневника» было отложено с начала июля на август.

Более подробный отчет о ходе работы над «Дневником» содержит письмо к Е. А. Штакеншнейдер от 17 июля. «Я еще в Москве, — пишет здесь Достоевский, — решил, напечатав мою речь в „Моск‹овских› ведомостях", сейчас же издать в Петербурге один № „Дневника писателя" — единственный номер на этот год, а в нем напечатать мою речь и *некоторое* к ней предисловие, пришедшее мне в голову буквально в ту минуту на эстраде, сейчас после моей речи, когда, вместе с Аксаковым и всеми, Тургенев и Анненков тоже бросились лобызать меня, и, пожимая мне руки, настойчиво говорили мне, что я написал вещь *гениальную*! Увы, так ли они теперь думают о ней! И вот мысль о том, как они подумают о ней, сейчас как опомнились бы от восторга, и составляет тему моего предисловия. Это предисловие и речь я отправил в Петербург в типографию и уж и корректуру получил, как вдруг и решил написать и еще новую главу в „Дневник", profession de foi, с обращением к Градовскому. Вышло два печатных листа, написал — всю душу положил и сегодня, всего только сегодня, отослал ее в Москву, в типографию ‹. . .› „Дневник" выйдет около 5-го августа...».

Дополнения к этому письму, касающиеся замысла и творческой истории первой и последней глав августовского номера «Дневника», содержат два других письма — к В. Ф. Пуцыковичу от 18 июля и к К. П. Победоносцеву от 25 июля.

В первом письме говорится: «Здесь (в Старой Руссе, — *Ред.*) тотчас же засел за „Карамазовых", написал три листа,[1] отослал и затем тотчас же, не отдохнув, написал один № „Дневника писателя" (в который войдет моя речь), чтоб издать его отдельно как единственный № в этом году. В нем и ответы критикам, преимущественно Градовскому. Дело уже идет не о самолюбии, а об идее. Новый, неожиданный момент, появившийся в нашем обществе на празднике Пушкина (и после моей речи), они бросились заплевывать и затирать, испугавшись нового настроения в обществе, в высшей степени ретроградного по их понятиям. Надо было восстановить дело, и я написал статью до того ожесточенную, до того разрывающую с ними все связи, что они теперь меня проклянут на семи соборах. Таким образом, в месяц по возвращении из Москвы я написал буквально шесть листов печати».

Аналогичные сведения содержатся в письме к Победоносцеву от 25 июля 1880 г.: «...кроме „Карамазовых" издаю на днях в Петербурге один № „Дневника писателя" — единственный № на этот год. В нем моя речь в Москве, предисловие к ней, уже в Старой Руссе написанное, и наконец, ответ критикам, главное Градовскому. Но это не ответ критикам, а мое profession de foi на всё будущее. Здесь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами. Думаю, что на меня подымут все камения. Не разъясняю Вам далее, выйдет в самом начале августа 5-го числа или даже раньше ‹. . .› То, что написано там, — для меня роковое».

Из приведенных свидетельств видно, что работа над «Дневником писателя» 1880 г., начатая в мае (пушкинская речь), после перерыва, вызванного сначала поездкой в Москву на пушкинские празднества, а затем — по возвращении в Старую Руссу — работой над «Братьями Карамазовыми», была

пожать ему руку, — вдруг как бы опомнились, пришли в себя от постигшего их гипноза и начали бранить речь и унижать ее автора. Когда читаешь тогдашние рецензии на Пушкинскую речь, то приходишь в негодование от той бесцеремонности и наглости, с которою относились к Федору Михайловичу писавшие, забывая, что в своих статьях они унижают человека, обладающего громадным талантом, работающего на избранном поприще тридцать пять лет и заслужившего уважение и любовь многих десятков тысяч русских читателей» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 365—366).

[1] Имеются в виду первые пять глав одиннадцатой книги романа (см. наст. изд., т. XV, стр. 440).

продолжена там же во второй половине июня и первой половине июля (до 17). В конце июня и начале июля (до 6) Достоевский реализовал мысль, возникшую еще в Москве, во время чтения речи, — сопроводить ее предисловием, после чего наборная рукопись первой и второй глав «Дневника» были направлены из Старой Руссы в Петербург. Но к этому времени у Достоевского уже возник план продолжения — ответа критикам пушкинской речи, который составил третью главу. Решающую роль для рождения ее замысла сыграло появление названной выше статьи Градовского «Мечта и действительность». Начатая под свежим впечатлением статьи Градовского, в качестве полемической отповеди ему и другим оппонентам Достоевского, третья глава писалась, по-видимому, без перерыва, с огромным подъемом и увлечением и была закончена 17 июля 1880 г., после чего переписанные А. Г. Достоевской с ее стенограммы начисто последние листы «Дневника» также ушли в типографию.

Для верного истолкования и оценки вступительной, первой главы «Дневника писателя» за 1880 г. важно учитывать, что эта глава, так же как и заключительная, третья глава «Дневника», писалась не одновременно с пушкинской речью, но, как и статьи многочисленных критиков и оппонентов Достоевского, «на другой день» после пушкинского праздника, т. е. тогда, когда писатель не мог не сознавать, что речь его не только не содействовала тому примирению противоположных политических группировок и направлений, к которому Достоевский в ней призывал, но способствовала еще более открытому и резкому их размежеванию. Не случайно поэтому многие идеи пушкинской речи подверглись в предпосланном ей в «Дневнике писателя» «Объяснительном слове» довольно существенной полемической переакцентировке.

В пушкинской речи Достоевский не только придал широкий символический смысл образу «исторического русского скитальца», угаданного Пушкиным и продолжавшего оставаться, по оценке Достоевского, центральной фигурой русской жизни на протяжении всего XIX в., но и отнесся к нему, при всех сделанных им оговорках, с несомненным уважением и сочувствием. В «Объяснительном слове» же возвеличенный в речи, ищущий и мятежный герой русской литературы характеризуется писателем как «отрицательный тип наш, <. . .> в родную почву и в родные силы ее не верующий...», тип, являющийся продуктом «оторванного от почвы» общества, «возвысившегося над народом» (стр. 129). В связи с этим Печорины, Рудины и Лаврецкие оказываются неожиданно объединенными в одном историческом ряду с Чичиковыми. «Отрицательному типу» «человека беспокоящегося и не примиряющегося» Достоевский противопоставляет «типы положительной красоты человека русского и души его», найденные Пушкиным в народной жизни, которую Достоевский резко противополагает всей «нынешней цивилизации» и «европейскому» образованию (стр. 130). «Наша нищая, неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек», — формулирует Достоевский свой основной общественно-политической тезис, отделяя основную массу русской не только либеральной, но и демократической интеллигенции от народа (стр. 132).

Но если русская интеллигенция в массе своей, по словам писателя, чужда и враждебна народу и видит в нем всего лишь «косную массу», «которую всю надо пересоздать и переделать» (стр. 134), то в первую очередь Достоевский должен был бы, оставаясь последовательным, адресовать сходный упрек русскому самодержавию. Между тем, упрекая «высший слой» русского общества в отрыве от почвы, Достоевский парадоксальным образом отделяет от этого высшего слоя те общественные институты, которые были созданы первым русским помещиком и одновременно первым русским «западником» (в понимании Достоевского) — Петром I, т. е. самодержавную государственность и послепетровскую русскую церковь. И самодержавие и православная церковь оказываются в представлении Достоевского воплощением не идей и духа Петра, но *противопоставленными* последним.

Таким образом, демократическая обращенность к народу, вера в его историческую самостоятельность и великое будущее оказываются в «Днев-

нике» 1880 г., как и в «Дневнике» прошлых лет, противоречиво слитыми с глубоко реакционным представлением Достоевского о том, что самодержавие и церковь в России его эпохи, в отличие от Западной Европы, являлись не органами господства «высшего слоя», но были институтами народными по своему духу и характеру, институтами, способными успешно противостоять грозящей России опасности развития по буржуазному, «европейскому» пути, на который ее толкает «западническая» — и либеральная, и демократическая — интеллигенция.

Ложная и реакционная мысль о том, что самодержавие и православие более «народны», чем идеалы передовой дворянской и демократической интеллигенции, разворачивается Достоевским в третьей главе «Дневника» в полемике с Градовским. Достоевский беспощадно критикует в этой заключительной главе «Дневника» за 1880 г. куцые либеральные идеалы Градовского и любых подобных ему представителей «профессорской», либерально-буржуазной мысли 70—80-х гг., с подлинно плебейской ненавистью он обрушивается на всех тех, кто снисходительно, «сверху вниз», смотрит на простой, «черный» народ. Такой барский взгляд на народ был — в полемическом пылу утверждает он — в известной мере свойствен порой и людям, превосходившим неизмеримо Градовского, каковы были, по оценке Достоевского, русские «люди 40-х годов» из круга Герцена и Огарева. Писатель подчеркивает также, что объяснять историческую необходимость появления типа «русского скитальца» одними задачами борьбы с крепостным правом, с Держимордами и Сквозниками-Дмухановскими недостаточно. Ибо перед Россией и человечеством стоит задача полного, радикального изменения всего существующего строя жизни, уничтожения не только крепостнических, но и тех «цивилизованных», «европейских» форм неравенства и угнетения, классово-антагонистической природы которых не видят Градовский и другие буржуазные прогрессисты. Поэтому Достоевский прав и тогда, когда он утверждает, что для создания грядущей «мировой гармонии» необходим переворот в существующей системе как общественных, так и нравственных представлений и ценностей. И в то же время, доказывая, что общественные и нравственные вопросы неотделимы друг от друга, Достоевский, не замечая этого, на деле тут же отрывает нравственные идеалы от общественных, приписывая самодержавию и православию значение внеисторических нравственных ценностей, адекватно выражающих исконные и вечные идеалы народной России, противостоящие в глазах Достоевского-публициста «западному», холодному и рационалистическому идеалу общественного «муравейника», лишенного внутреннего человеческого тепла и объединяющего духовно-нравственного начала.

Как и для пушкинской речи, до нас дошли рукописные материалы, документирующие все основные стадии работы Достоевского над первой и третьей главами «Дневника», — первоначальный черновой автограф с набросками к главе третьей, черновой автограф завершенного связного текста первой и третьей глав, переписанные со стенограммы рукою А. Г. Достоевской их наборные рукописи со вставками и исправлениями рукою писателя и правленная им корректура первой главы (ср. стр. 348). Свод вариантов всех этих рукописных материалов см.: стр. 273—348.

Печатался августовский выпуск «Дневника писателя» на 1880 г. в Петербурге, в типографии братьев Пантелеевых. Цензурное разрешение — 1 августа 1880 г. Относительно размеров тиража этого выпуска мемуаристы в своих показаниях расходятся. А. Г. Достоевская сообщает: «Для издания этого номера мне пришлось поехать на три дня в столицу. „Дневник“ со статьею „Пушкин“ и отповедью Градовскому имел колоссальный успех, и шесть тысяч экземпляров были распроданы еще при мне, так что мне пришлось заказать второе издание этого номера уже в большем количестве, и оно тоже все было раскуплено осенью» (*Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 367). Иные (более точные) данные приводит Страхов: «Один номер («Дневника», — *Ред.*), выпущенный в 1880 году (август) и содержащий в себе речь о Пушкине, был напечатан в 4000 экземплярах и разошелся в несколько дней. Было сделано новое издание в 2000 экз‹емпляров› и разошлось

без остатка» (*Биография*, стр. 300). Эти данные Страхов подтверждает размерами выручки за проданные экземпляры «Дневника» 1880 г. (там же, стр. 303). Второе издание было сделано с того же набора, что и первое, с исправлением опечаток (цензурное разрешение — 5 сентября). После этого Достоевский к тексту «Дневника» и пушкинской речи не возвращался.

8

Выше уже говорилось, что, возбудившая энтузиазм в момент ее произнесения, пушкинская речь уже «на следующий день» вызвала острую и непримиримую общественно-политическую и литературную полемику. Причем в той напряженной, кризисной обстановке, которую самодержавие в России переживало во второй половине 1880 г., на главное место при обсуждении пушкинской речи в тогдашней периодической печати естественно и закономерно выдвинулись не взгляды Достоевского на Пушкина и на историческую миссию послепушкинской русской литературы, но более широкие — общественно-политические и нравственные аспекты его речи. Иллюзорно-утопический призыв писателя к «смирению» и к объединению противоположных общественных сил и группировок — правительства и общества, славянофилов и западников, революционеров и мыслящих представителей дворянства — в общей «работе на родной ниве» не мог встретить полной поддержки ни у одного из реальных направлений общественно-политической мысли русского общества 1880-х гг.

Наиболее показательными для отношения к пушкинской речи различных общественных группировок явились ответные выступления на нее либеральных профессоров А. Д. Градовского и К. Д. Кавелина, а также Гл. И. Успенского и Н. К. Михайловского в демократических «Отечественных записках» и, наконец, язвительная критика пушкинской речи К. Н. Леонтьевым, отразившая реакцию на нее консервативных кругов.

Градовский, а позднее и Кавелин справедливо утверждали в своих статьях о пушкинской речи, что общественность и нравственность неотделимы друг от друга и что бунт «русского скитальца» был направлен, прежде всего, против самодержавия, против господства крепостников и Держиморд. Но оба они остались при этом глухи к мощному стихийно-демократическому пафосу речи Достоевского, выразившемуся в высокой оценке народных идеалов и традиций, значения их для мыслящей интеллигенции, к утверждению писателем общественного и нравственного максимализма как непреходящей, идеальной нормы, освещающей человечеству путь к будущему единению и братству народов. Провозглашенным Достоевским «всеотзывчивости» и «всемирности» русской культуры, его вере в будущее единение народов либералы Градовский и Кавелин противопоставили программу развития России по пути мирных, «западных», конституционно-буржуазных политических преобразований.

В отличие от Градовского и Кавелина публицисты «Отечественных записок» Глеб Успенский и Н. К. Михайловский справедливо указали на непримиримое глубочайшее противоречие между высокой оценкой Достоевским образа «русского скитальца» с его беспокойным исканием общего, «всемирного» счастья всех людей и призывом Достоевского к смирению, к отказу от идеалов революционной борьбы. К. Н. Леонтьев же, выразивший идеи церковников и защитников официальной государственности, признал, напротив, греховной уже самую веру Достоевского в возможность достижения на земле будущей «мировой гармонии», ибо, по учению церкви, подлинное блаженство для людей возможно лишь в потустороннем мире, на небе, а не на земле. Вера в достижение «мировой гармонии» и земного счастья людей глубоко антицерковна по своему смыслу, утверждал Леонтьев, а потому христианство автора пушкинской речи и «Братьев Карамазовых», как и Толстого, на деле гораздо ближе к социалистическим учениям, чем к ортодоксальному церковному православию и учению отцов церкви, на которое последнее опирается. Эти три основные направления, определившиеся в ходе дискуссии о пушкинской речи, позволяют современному читателю осмыслить

общую — пеструю и неоднородную картину ее общественного восприятия современниками, обсуждения тогдашними читателями и критикой.

Первые печатные отклики на речь о Пушкине были выдержаны в восторженных тонах. Так, газета «Неделя» писала: «Достоевский произнес такую речь, какой мы не слыхивали. Если хотите, она была тоже на тему о примирении — примирении между славянофилами и западниками во имя русского народа, носящего в себе идеал „всечеловека“» («Неделя», 1880, 15 июня, № 24, стр. 776). «Это была молния, прорезавшая небо, — писала в передовой статье другая газета — «Современные известия» (1880, 9 июня, № 157). — Никогда с такой силой не анализирован был наш великий поэт...». «Начатая довольно тихо, она (речь, — *Ред.*) по мере развития ее все росла, крепчала и точно громом божиим в последнем возгласе оратора прогремела! Прежде аплодисментов ее сопровождали слезы и истерики. Да, светло, хорошо было! И откуда у этого маленького ростом человека взялись такие могучие, чудные звуки! Гений своими крылами осенил», — говорилось в статье «Русской газеты» (1880, 12 июня, № 72) «Отблески „Пушкинских дней“. Впечатление речи Достоевского».

Я. Полонский посвятил пушкинской речи стихотворение:

Смятенный, я тебе внимал,
И плакал мой восторг, и весь я трепетал,
Когда ты праздник наш венчал
    Своею речью величавой,
    И нам сиял народной славой
    Тобою вызванный из мрака идеал,
    Когда ты ключ любви Христовой превращал
    В ключ вдохновляющей свободы...

(*КА*, 1922, т. 1, стр. 368—369; Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.—Пг., 1923, стр. 81).

С отрицательными отзывами выступили из газет в первые дни лишь «Молва» и «Страна». «Молва», основываясь на сокращенной телеграфной передаче текста пушкинской речи, писала следующее: «Все это очень заносчиво и потому фальшиво. Что это за выделение России в какую-то мировую особь <. . .> Мы то же, что и другие. Будем воспитывать в себе всечеловеческие идеалы, будем стремиться к общему сближению и умиротворению, будем трудиться наравне с другими и будем радоваться, если господь поможет нам не отставать от других и идти на одном уровне с другими по пути общечеловеческого развития и совершенствования» («Молва», 1880, 10 июня, № 158). А спустя четыре дня после опубликования «Речи» в «Московских ведомостях» та же «Молва» оценила ее так: «Несомненно, — писал И. Ф. Василевский (Буква), — что Достоевский электризировал всех — именно электризировал. Речь его, появившись в печати, потеряла $^9/_{10}$ своего обаяния. Тут уже наступила очередь критики, логики, взвешиваний и спокойных подстрочных примечаний, а там было только увлечение, увлечение и увлечение. Там была — воспользуюсь удачно сделанным сравнением — „молния, прорезавшая небо“» (Б у к в а. Пушкинская неделя в Москве. — «Молва», 1880, 14 июня, № 162).

Мысль о том, что успех речи связан с ее эмоциональным воздействием, содержание же ее вызывает бурные возражения, — становится постепенно все более распространенной: «Каждый, кто слышал или читал г-на Достоевского, знает, как трудно не подчиниться ему в то время, как он говорит или пока внимание читателя приковано к страницам его произведений, — пишет А. Градовский. — Только потом возникают в уме читателя разные сомнения» (А. Г р а д о в с к и й. Мечты и действительность. — *Г*, 1880, 25 июня, № 174). «Каждый, надо думать, понимал по-своему слова Достоевского и, аплодируя ему, аплодировал самому себе, своему собственному взгляду, который, думалось ему, вот, мол, хотел выразить Достоевский», — писал журнал «Древняя и новая Россия» (1880, № 6, стр. XVIII), и продолжал: «Можно было соглашаться или не соглашаться с теми или другими взглядами

Ф. М. Достоевского, быть довольным или недовольным некоторыми местами речи его, но что никто не в силах был не поддаться неотразимому обаянию в момент самого ее произнесения — факт, единогласно засвидетельствованный всеми, кто ее слышал» (там же, стр. XX).

Основной спор сразу же после публикации речи разворачивается вокруг слов Достоевского о «смирении перед народной правдой». «„Молва“, — писала газета «Русский курьер» в передовой от 18 июня, — <. . .> первая признала, что исповедуемая г-ном Достоевским всечеловечность может сопровождаться „застоем внутренней жизни, самым унизительным положением в нравственном, умственном и литературном отношениях“. Русская интеллигенция прежде всего должна завоевать себе в государстве ту независимость и влияние, какими она пользуется на Западе. Если *гордый* интеллигентный человек должен *смириться* перед народною правдою, то и смиренный народ должен *подняться* до понимания хотя бы Пушкина» (*РК*, 1880, 18 июня, № 163).

«Да, г-н Достоевский объявился ревностным, вдохновенным проповедником славянофильства, — и, без сомнения, его чтение не выдержит строгой критики», — заявлял Вл. Михневич в еженедельнике «Живописное обозрение» (1880, 28 июня, № 26, стр. 494).

Наибольшее внимание Достоевского привлекла к себе, как мы уже знаем, статья либерального профессора и публициста А. Д. Градовского, опубликованная в «Голосе» (1880, 25 июня, № 174), ответом на которую явилась третья глава «Дневника» за 1880 г.

«Никому, быть может, не удавалось проникнуть так глубоко в суть пушкинской поэзии, как Ф. М. Достоевскому, — так начинает эту статью Градовский, — но он не дал <. . .> типам (пушкинской поэзии, — *Ред.*) полного объяснения именно потому, что связал их не со всем последующим движением литературы, а исключительно со своим мировоззрением, представляющим много слабых сторон <. . .> остается объяснить, откуда взялись эти „скитальцы“, эти мученики, оторванные от народа? <. . .> Отчего просвещенная часть русского общества относилась *отрицательно* к явлениям русской жизни и, поэтому, выработала из себя отрицательные типы „скитальцев“? <. . .> Пушкин, действительно, изобразил первых русских скитальцев, но по свойству своего светлого дарования не воспроизвел тот мрачный мир, который они отрицали. Это сделал Гоголь — великая оборотная сторона Пушкина. Он поведал миру, отчего бежал к цыганам Алеко, отчего скучал Онегин, отчего народились „лишние люди“, увековеченные Тургеневым. Коробочка, Собакевич, Сквозняки-Дмухановские, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины — вот теневая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многих других. Это фон, без которого непонятны фигуры последних».[1]

Градовский продолжает: «Итак, нам представляется, прежде всего, недосказанным, что „скитальцы“ отрешились от самого существа русского народа, что они перестали быть русскими людьми <. . .> Тем менее вправе мы определить их как „гордых“ людей и видеть источник их отчуждения в этом сатанинском грехе <. . .> Не решен вопрос, чем гордились „скитальцы“; остается без ответа и другой — пред чем следует „смириться“...».

«Личная и общественная нравственность не одно и то же, — заявлял далее Градовский. — Улучшение людей в смысле общественном не может быть

---

[1] Ср. противоположное мнение славянофила И. С. Аксакова: «Можно, конечно, многое сказать о бродяжничестве на Руси; это самый народный тип, некогда меня пленивший, но всего менее может быть он истолкован отсутствием политической свободы и присутствием Держиморд...» (письмо О. Ф. Миллеру от 14 июля 1880 г. — *ЛН*, т. 86, стр. 512). Следует заметить, что сходная мысль была высказана на Пушкинском празднике А. А. Потехиным, выступавшим 8 июня вслед за Достоевским: «Многие застарелые общественные язвы требовали или лечения, или хирургического ножа. Этот анализ впервые начал другой современный Пушкину гений — Гоголь» (см.: «Берег», 1880, 10 июня, № 77).

произведено только „работой над собой“ и „смирением себя“. Работать над собой можно и в пустыне, и на необитаемом острове. Но как существа общественные, люди развиваются и улучшаются в работе *друг подле друга, друг для друга и друг с другом*. Вот почему в весьма великой степени общественное совершенство людей зависит от *совершенства общественных учреждений*, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести <. . .> Правильнее было бы сказать и современным „скитальцам“ и „народу“: смиритесь пред требованиями той общечеловеческой гражданственности, к которой мы, слава богу, приблизились благодаря реформам Петра. Впитайте в себя все, что произвели лучшего народы — учители ваши. Тогда, переработав в себе всю эту умственную и нравственную пищу, вы сумеете проявить и всю силу вашего *национального* гения <. . .> А тут не сделавшись как следует народностью, мечтать о всечеловеческой роли! Не рано ли?..» (*Г*, 1880, 25 июня, № 174).[1]

С отповедью Градовскому выступила поддержавшая Достоевского газета А. С. Суворина «Новое время»: «Почтенный профессор, — писала она в статье «Профессор Градовский и Достоевский», — решил идти путем „придирок“ <. . .> Познать самого себя значит познать очень многое, познать человека и его лучшие стремления. Но г-ну Градовскому нужно это для повторения либеральных истин, которых Достоевский не касался, ибо они выходят сами собой из его речи, а г-н Градовский не может не повторять их, ибо у него за душой ничего нет» (*НВр*, 1880, 26 июня, № 1553). На следующий день газета вновь выступила со статьей, направленной не только против статьи Градовского, но и против статей Гл. И. Успенского (см. о них далее; ср.: В. Буренин. Литературные очерки. — *НВр*, 1880, 27 июня, № 1554).

Заслуживают упоминания два отзыва ежедневной печати, по тону и содержанию близкие статье Градовского: «Почему стремление к „всечеловечности“ и к „великой гармонии“ есть и должно быть отличительным свойством русской народности — этого мы не можем понять. Мысль о братстве всех людей не есть и не может быть достоянием одного народа уже просто потому, что если бы другие народы не могли проникнуться ею, то она сама оказалась бы совершенно бесполезной <. . .> Заметим еще г-ну Достоевскому, что мысль его даже не оригинальна: раньше его немецкие писатели старались усвоить германскому национальному гению идеал общечеловечности и стремления к общему братству, истекающего из лучшего знания немцами особенностей других народов. Что же нам, спорить с немцами, что мы — настоящие всечеловеки, а не они?» («Страна», 1880, 11 июня, № 46). Еще более резко возражал Достоевскому журнал «Слово»: «Г-н Достоевский <. . .> учит русское общество думать о других народах, как думали наши помещики о своих крестьянах» («Слово», 1880, № 6, стр. 159).

Критикам речи отвечала «Петербургская газета»: «Юридически, статистически и даже канцелярским способом вы ни за что не докажете, что французы, итальянцы, испанцы и т. д. более носят рогов сравнительно с русским, но художник-романист и художник-критик не обязаны руководствоваться этими способами доказательств. Нужны другие органы восприимчивости кроме раздвоенных копыт, чтобы понимать, что Татьяна Ларина немыслима, невозможна ни в какой другой среде, как в русской патриархальной среде» (Оса. <И. А. Баталин.> Ежедневная беседа. — *ПГ*, 1880, 17 июня, № 116).

---

[1] Защищая Достоевского, молодой И. П. Павлов писал в сентябре 1880 г. невесте С. В. Карчевской: «Что мне все Градовские (А. Д.) и им подобные с их интеллигентным кланом. Народа они сами не видали, с ним не жили душой, видят его только внешность <. . .> Они говорят, как слепые о цветах, носясь со своими кабинетными теориями. Не то Достоевский. Человек с душой, которой дано вмещать души других <. . .> не барин и не теоретик, а действительно на равной ноге в тюрьме, как преступник, стоял с народом. Его слово, его ощущения — факт» (И. П. Павлов. Письма к невесте. — «Москва», 1959, № 10, стр. 155).

Вслед за газетами с откликами на пушкинскую речь выступили толстые журналы. Своего рода резюме оценок ее либеральными газетами явилась заметка в «Вестнике Европы». «Она (речь, — *Ред.*) имела свой успех; сказанная в известном стиле талантливого писателя, она подействовала — без сомнения, в значительной степени потому, что сказана была перед аудиторией, уже приготовленной к крайнему увлечению: несколько дней, проведенных в непрекращающемся ряду сильных впечатлений, сообщили этой аудитории почти нервическое возбуждение — по степени этого возбуждения ей требовалось все больше увлекающих и обольстительных слов. Их предложил г-н Достоевский. Не будем передавать содержания его речи <. . .> В ее содержании не было особенно нового; такие мысли высказывались издавна в славянофильской школе;[1] и г-н Достоевский только применил их к Пушкину, сделав его поэзию предвещанием. Это — темы Хомякова, Языкова, Тютчева. Мы не поклонники ни такой поэзии, ни таких теорий <. . .> Нам говорят о всечеловечности или всечеловечестве русского народа, но — выделяя пример „всесветной (поэтической) отзывчивости“ Пушкина как пример исключительного, единственного в своем роде писателя — не была ли наша „всечеловечность“ просто признаком известной исторической ступени развития, стремлением усвоить сделанные ранее другими приобретения; наклонность вживаться в умственную жизнь Европы не была ли следствием умственной бедности нашего собственного быта, бедности, которую столько могущественных причин производили и поддерживали <. . .> „Врачу, исцелися сам“, — могут нам сказать, и с полным правом, в ответ на наши самонадеянные порывы исцелить Европу и человечество. „Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом“, — воскликнул в минуту встречи с нашей владычествующей действительностью Пушкин, который не был вообще фантазером. Трудно было бы г-ну Достоевскому комментировать это восклицание поэта, по-видимому, не разделяющего его мнения об удобстве быть „всечеловеком“. Но дело в том, что речь г-на Достоевского была построена на фальши — на фальши, крайне приятной только для раздраженного самолюбия» (*ВЕ*, 1880, № 7, стр. XXXI—XXXIII).

«Вестнику Европы» вновь возражал Буренин: «На его знамени написано крупными литерами: „...европейская умеренность, аккуратность и либерализм“ <. . .> Кажется, слово г-на Достоевского было подвигом <. . .> возбуждения в обществе интереса к народу. Но вот подите же, для формального либерализма такие одушевленные слова кажутся вредной фальшью, требующей вмешательства доктринерской полиции». Буренин пытался объяснить причины глубокого взаимного непонимания друг друга журналистами разных направлений: «В нашу журналистику въелись формальные тенденции, мешающие познать своих и ставящие на первом плане только одно: мундирный либерализм» (В. Буренин. Литературные очерки. — *НВр*, 1880, 4 июля, № 1561).

Орган русской демократической печати «Отечественные записки» напечатал в июньском номере очерк Г. И. Успенского «Пушкинский праздник (Письмо из Москвы)». В нем, еще до появления речи Достоевского в печати, под свежим впечатлением от нее, Успенский писал: «Он (Достоевский, — *Ред.*) нашел возможным, так сказать, привести Пушкина в этот зал и устами его объяснить обществу, собравшемуся здесь, кое-что в теперешнем его положении, в теперешней заботе, в теперешней тоске. До г-на Достоевского этого никто не делал, и вот главная причина необыкновенного успеха его речи <. . .> Как же было не приветствовать г-на Достоевского, который в первый раз, в течение трех десятков лет с глубочайшею (как кажется) искренностью решился сказать всем исстрадавшимся за эти трудные годы — „Ваше неуменье успокоиться в личном счастье, ваше горе и тоска о несчастье других, и, следовательно, ваша работа, как бы несовершенна она ни была,

---

[1] И. С. Аксаков писал О. Ф. Миллеру 17 августа 1880 г.: «Мысли, в ней (речи, — *Ред.*) заключающиеся, не новы ни для кого из славянофилов» (*ЛН*, т. 86, стр. 515).

на пользу всеобщего благополучия — есть предопределенная всей нашей природой задача, задача, лежащая в сокровеннейших свойствах нашей национальности"» (*ОЗ*, 1880, № 6, стр. 186, 190).[1] Успенский оговаривался, однако, уже в то время: «...нет ничего невероятного, что речь его (Достоевского, — *Ред.*), появясь в печати и внимательно прочтенная, произведет совсем другое впечатление» — и отмечал противоречивость позиции Достоевского, многие досадные оговорки которого «как бы прошли мимо ушей» его слушателей, зачарованных общим ее пафосом (там же, стр. 190).

Опасения писателя-демократа подтвердились. Прочтя в «Московских ведомостях» речь Достоевского, Успенский сопроводил свой очерк post scriptum'ом, получившим позднее подзаголовок «На другой день». В этом post scriptum'е он писал: «. . .г-н Достоевский к всеевропейскому, всечеловеческому смыслу русского скитальчества и проч. ухитрился присовокупить множество соображений, уже не всечеловеческого, а всезаячьего свойства. Эти неподходящие черты он разбросал по всей речи, где по словечку, где целыми фразами, и всегда вблизи с разговором о всечеловечности ‹. . .› Тут оказалось, как-то незаметно для читателя, что Алеко, который, как известно, тип вполне народный, изгоняется народом именно потому, что ненароден ‹. . .› Как-то оказывается, что все эти скитальчески-человеческие народные черты — черты отрицательные ‹. . .› „всечеловек" превращается в „былинку, носимую ветром", в человека-фантазера *без почвы*. . . „Смирись! — вопиет грозный глас, — *счастие за морями!*" Что же это такое? Что же остается от всемирного журавля? Остается Татьяна, ключ к разгадке всего этого „фантастического делания" ‹. . .› Она потому пророчество, что, прогнавши от себя всечеловека, потому что он без почвы (хотя ему и нельзя взять дешевле), предает себя на съедение старцу-генералу (ибо не может основать личного счастия на несчастии другого), хотя в то же время любит скитальца ‹. . .› Итак, вот к какой проповеди тупого, подневольного, грубого жертвоприношения привело автора обилие заячьих идей. Нет ни малейшего сомнения в том, что девицы, подносившие г-ну Достоевскому венок, подносили ему его не в благодарность за совет посвящать свою жизнь ухаживанию за старыми, насильно навязанными мужьями ‹. . .› Очевидно, что тут кто-нибудь ошибся» (*ОЗ*, 1880, № 6, стр. 194—196).[2]

М. Е. Салтыков-Щедрин как редактор «Отечественных записок» не был вполне удовлетворен корреспонденциями Успенского. В письме к Н. К. Михайловскому от 27 июня 1880 г. Щедрин просил его ознакомиться с речами Тургенева и Достоевского и критически отозваться о них в журнале. «Пушкинский праздник, — писал Щедрин А. Н. Островскому, — произвел во мне некоторое недоумение. По-видимому, умный Тургенев и безумный Достоевский сумели похитить у Пушкина праздник в свою пользу ‹. . .› Достоевский всех проходящих спрашивает: а видели вы, как они целовали у меня руки» (*Салтыков-Щедрин*, т. 19, кн. 1, стр. 157). Недовольный «необыкновенно легкомысленной и противоречивой» корреспонденцией Успенского, не сумевшего понять, что Достоевский и Тургенев «надувают публику и эскамотируют Пушкинский праздник в свою пользу» (там же, стр. 159). Щедрин просил Михайловского выразить эту оценку речи Достоевского в журнале более прямо и недвусмысленно. В «Литературных записках» Михайловский исполнил пожелание Щедрина. Он заметил здесь, развивая мысль сатирика, что Достоевский болен не Пушкиным, а «самим собою». О статьях же Успенского «Пушкинский праздник» и «Секрет» Михайловский писал: «Увлеченный общим настроением минуты, г-н Г. У‹спенский› подслушал в речи Достоевского то самое, что ему подсказало его собственное сердце, и только затем, посмотрев на дело „с холодным вниманьем рассудка", разобрал, что речь эта есть пустая и не совсем умная шутка». «Впрочем, — утверждал далее Михайловский, — характеристика Г. У‹спенского› вышла замечательно удачная, даже помимо воли автора ‹. . .› Он (Достоевский, —

---

[1] См. также: *Успенский*, т. VI, стр. 422, 424, 427.

[2] См. также: *Успенский*, т. VI, стр. 427—430.

Ред.) ведь на то и бил, чтобы раздать всем сестрам по серьгам с фальшивыми камнями, да потом все серьги опять обобрать и к себе в карман положить, подменив крашеные стеклышки своих сережек чистыми алмазами и жемчугами искреннего увлечения толпы» (Н. М. Литературные заметки. — *ОЗ*, 1880, № 7, стр. 132, 133).

В том же — июльском — номере «Отечественных записок» появился еще один очерк Г. И. Успенского, посвященный пушкинской речи, позднее получивший название «Секрет»,[1] тогда же шедший первым в серии «На родной ниве», печатавшейся до конца года. Отправной точкой для его создания явилась статья Буренина в «Новом времени» от 27 июня (см. выше, стр. 478). Буренин обвинял Успенского в «передержках» и «фальсификации». «Очевидно, — отвечал Успенский, — что мы оба слышим в речи г-на Достоевского разное, каждый свое: я говорю про Фому, а г-н Буренин про Ерему и бранится еще нехорошими словами. Бранится, а аппетиту настоящего, чтобы, например, икру прокусить насквозь, — этого нет, не чувствует. И рад бы, да г-н Достоевский напутал» (*ОЗ*, 1880, № 7, стр. 113—114). И утверждал: «. . .я додумался кой до чего и, как кажется, понял, отчего ‹. . .› я не чувствую обиды и отчего г-н Буренин ругал меня без аппетита. Виноват оказался все тот же известный русский писатель Ф. М. Достоевский, автор знаменитой речи. Желая всех силою своего слова покорить, всем понравиться и быть приветствованным всеми, г-н Достоевский соединил в своей речи вещи совершенно несоединимые. . .» (там же, стр. 107—108).

Далее Успенский описывает следующую сцену: на квартиру Достоевского приходят самые разные люди — от племянницы состарившейся Татьяны Лариной (и самой Татьяны, и ее мужа) до И. С. Аксакова и некоего безымянного социалиста. Все благодарят писателя, и всем он несколько смущенно отвечает, что «там в середине есть одно место» (там же, стр. 110—112). Это место, этот «секрет» — слова «смиренно потрудись на родной ниве». «Вот это-то слово „нива“ и есть, по нашему мнению, корень зла», — пишет Успенский (там же, стр. 114). И он продолжает: «Те, которые, не вникая в сущность речи, просто довольствовались смирением Татьяны, смирением букашки, проткнутой булавкой и до конца жизни безропотно шевелящей лапками, — были, разумеется, очень довольны тем, что от этих булавок и букашек со временем произойдет нечто всемирно замечательное. Ни о ниве, ни о работе на ней — такого рода господа, конечно, не думали ‹. . .› Но те, кто „ниву„ заменили „делом“ — те невольно, но неминуемо должны были искать в речи г-на Достоевского и определений самого дела народного. . . В смысле этого определения также слушатели должны были обращать особенное внимание ‹. . .› на те места ‹. . .›, где говорится о всечеловеческих страданиях, о том, что сердце русское наиболее к ним восприимчиво ‹. . .› В такого рода неправильном толковании наиболее торжественных мест речи г-на Достоевского, конечно, виновато самовольство его слушателей, подставивших на место умилительного слова „нива“ довольно грубоватое слово „дело“» (там же, стр. 115). Конечный вывод Успенского: «. . .не следует ли из этого, что прежде, нежели ‹. . .› рекомендовать смирение как наилучшее средство для этого труда, заняться с возможною внимательностью изучением самой нивы и положения, в котором она находится, так как, очевидно, только это изучение определит и „дело“, в котором она нуждается, и способы, которые могут помочь его сделать. А прорицать можно и после» (там же, стр. 121).[2]

С «Отечественными записками» вступила в спор газета «Новороссийский телеграф». Ее не удовлетворяло слишком «узкое» будто бы определение народа, которое приводил журнал (см.: Z. Журнальные заметки. — «Новороссийский телеграф», 1880, 13 августа, № 1652). Но другие демократические органы печати поддержали «Отечественные записки». Так, народниче-

---

[1] См.: *Успенский*, т. VI, стр. 431—445, 586—588.

[2] См. об отношении Г. И. Успенского к пушкинской речи также: В. А. Туниманов. Достоевский и Глеб Успенский. — В кн.: *Материалы и исследования*, т. I, стр. 30—57.

ский журнал «Русское богатство» писал: «Теперь, когда речь г-на Достоевского появилась в печати, мы сознаем, что успех ее в значительной мере и обуславливается градом аплодисментов, заглушавших то один, то другой конец мысли, почему-либо симпатичной обществу. . . но без конца» (О ч е в и д е ц ‹О. А. Б о р о в и т и н о в а?›. Еще несколько слов о пушкинском празднике. — *РБ*, 1880, № 7, стр. 47).

Мягче выступил журнал «Дело»: «Вообще г-н Достоевский мастер действовать на нервы, — писал О. П. в статье «Пушкинский юбилей и речь г-на Достоевского». — Высказанное им в своей речи по поводу Пушкина profession de foi не новость. Он не раз его высказывал в своих произведениях устами тех или иных героев. Это — какое-то туманно-неопределенное искание „правды“, проповедь любви с оттенком мистицизма и некоторым запахом постного масла ‹. . .› в первый раз, по крайней мере, в течение последних лет вы слышите, что за русскими „скитальцами“ последнего времени хоть признано право страдания[1] ‹. . .› Так, вероятно, поняла это место и та молодежь, которая сделала овацию г-ну Достоевскому, и так хотелось бы понять и нам». О. П. связывает причины «неудачи» Достоевского с его «мистицизмом»: «Нашего романиста трудно понять, потому что у него мистицизм затемняет и те проблески истины, которые порой являются, хотя и в фантастическом виде. И вот почему речь его, производившая потрясающее впечатление на слушателей, в чтении производит далеко не то впечатление, несмотря на талантливость. Вот почему она даже пришлась по плечу „Московским ведомостям“, где она напечатана, и может вызывать, с одной стороны, венки со стороны молодежи, а с другой — одобрение „Нового времени“» (*Д*, 1880, № 7, стр. 116, 118, 120).

Примечательно, что славянофил А. И. Кошелев, в отличие от И. С. Аксакова, хотя и мягко, но достаточно решительно отклонил многие из основных положений речи Достоевского. Как мы теперь знаем, публикации статьи Кошелева в «Русской мысли» предшествовали следующие события: 17 августа Аксаков писал О. Ф. Миллеру: «Вышла августовская книжка „Русской мысли“. Очень рад, что там нет статей *против* Достоевского. А должны были быть. Кошелев приезжал сюда на один день и сказал мне, что он послал свою статью Юрьеву, который также пишет статью. Может быть, Кошелев устыдился после сильных моих слов и отменил помещение статейки» (*ЛН*, т. 86, стр. 515). Миллер написал после этого о речи Достоевского свою статью и отправил ее Юрьеву, который в сентябре 1880 г. отвечал, что «статья Кошелева ни в каком противоречии с вашей не состоит». Но работа Миллера (вероятно, после существенных переделок) появилась лишь в декабрьской книжке «Русской мысли», а октябрьский номер журнала вышел со статьей Кошелева, где говорится: «Нельзя без особенно глубокого, сердечного сочувствия прослушать или прочесть прекрасную статью Ф. М. Достоевского о нашем бессмертном Пушкине ‹. . .› Он называет Пушкина пророком и даже по преимуществу таковым. Мы думаем, что всякий гениальный поэт и даже гениальный человек вообще — более или менее пророк ‹. . .› Вполне согласны, что Пушкин народный поэт и, прибавим, — первой степени, но что отзывчивость вообще составляет главнейшую способность нашей народности — это, кажется нам, неверно; и мы глубоко убеждены, что не это свойство утвердило за Пушкиным достоинство народного поэта ‹. . .› Не могу также согласиться со следующим мнением г-на Достоевского: „Что такое сила духа русской народности, как не стремление ее, в конечных целях своих, ко всемирности и всечеловечности?“ Думаем, что это стремление также вовсе не составляет отличительной черты характера русского народа. Все народы, все люди более или менее, с сознанием или без сознания, стремятся осуществить идею человека — это задача каждого из нас. До сих пор с сознанием мы менее других ее исполняем или даже стремимся к ее исполнению» (*РМ*, 1880, № 10, отд. XVII, стр. 1—3). Те свойства русской души, которые писатель считает зародившимися в результате петровских реформ, А. Кошелев

[1] Намек на революционную эмиграцию, с которой был связан журнал.

считает порождением современной русской действительности: «Собственно, мы фантазеры не по природе, а в силу внешних обстоятельств: нам душно, нам скучно <. . .> Все наши идеалы мы должны переносить бог весть куда. . .» (там же, стр. 6).[1]

Кошелеву возражал историк литературы и педагог В. Я. Стоюнин, который видел ошибку Достоевского не в неумеренном расширении, а, напротив, в сужении временных границ возникновения такой национальной черты, как скитальчество: «Г-н Достоевский находит <. . .> *скитальчество* явлением новым в русской жизни <. . .> Мы же говорим, что *скитальчество* составляет коренную черту русской жизни от самого начала ее истории. Все, что было недовольно установившеюся обыденною жизнью, скованною старыми правилами, порядками и преданиями, все отдавалось скитальчеству, чему благоприятствовала ширь русской земли с ее степями и лесами» (В. Я. Стоюнин. А. С. Пушкин. — *ИВ*, 1880, № 10, стр. 264).

Из «толстых» журналов лишь «Мысль», да и то лишь поначалу, была безоговорочно на стороне Достоевского. «По нашему мнению, — писал NN (Л. Е. Оболенский) в статье «А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский как объединители нашей интеллигенции», — обозначился новый момент в истории развития нашего сознания <. . .> Идеал есть реальная, физическая сила, и эту-то силу Ф. М. Достоевский пробудил в русских сердцах, показал ее воочию, и его не забудут вовеки, как не забыт Моисей и его огненные столбы. . .». Критик продолжает: «Почему *он* именно был вдохновлен более других, и почему именно *Пушкиным?* Пушкин представлял уже в себе такой синтез более других наших поэтов, а Достоевский соединяет в себе более всех других и идеализм, и страшный опыт реальной жизни, он ближе всех нас стоял к народу, страдал вместе с ним, и вот почему он больше всех реалист, но он больше всех и идеалист, потому что он больше всех человек беззаветной непосредственной веры, которой, быть может, тоже научился у народа, живя и страдая вместе с ним <. . .> Он говорил не от одной интеллигенции, но от всей массы народа русского и от его интеллигенции, как части. Речь Достоевского была сильна не ее тоном, не ее жестами и не звуками голоса; она сильна той величественной сущностью идеала, который заключается в ней» («Мысль», 1880, № 6, стр. 76—80).

Здесь следует добавить, что в августовской книжке журнала началось печатание романа самого же Л. Е. Оболенского (под псевдонимом Л. Орлов) «Спаситель человечества» с посвящением Достоевскому. «Миссия русского интеллигентного человека, — заявляет Оболенский, — <. . .> не в труде черном и не в труде белом, не в земледелии, не в науке, пе мастерских и промышленности, она в осчастливлении всего человечества. „Русский человек не помирится на меньшем“, — справедливо говорит г-н Достоевский в своей последней речи, и я с ним глубоко согласился» (там же, № 8, стр. 105). Уже из самого названия романа видно, что его автор разрабатывает — хотя и с несравненно меньшей глубиной и мастерством — столь близкую Достоевскому тему «скитальца в родной земле». Отнеся действие романа к началу 1860-х гг., в «то <. . .> время беспредельной нервности, быть может, потому, что долго спавший мозг проснулся вдруг, сразу, и вся накопившаяся энергия его, собиравшаяся столетиями, хлынула в область надежд, ожиданий, веры, в область чудного неизвестного, сверкающего впереди» (там же, № 9, стр. 44), Л. Орлов еще раз подчеркивает жизненность «старых» проблем, вновь поднятых в речи о Пушкине.

Особое место в ряду откликов на пушкинскую речь Достоевского занимает статья К. Н. Леонтьева «О всемирной любви», появившаяся в газете «Варшавский дневник» (1880, 29 июля, 7 и 12 августа, №№ 162, 169, 173). В статье этой, отразившей взгляды верхов тогдашней православной церкви, консерватор-охранитель Леонтьев писал: «Г-н Достоевский, по-видимому,

---

[1] Достоевский реагирует так: «Кошелева статью в „Р<усской> мысли“ до сих пор не читал. И не хочу. Известно, что *свои-то* первыми и нападают на своих же. Разве у нас может быть иначе?» (письмо к И. С. Аксакову от 4 ноября 1880 г.).

один из немногих мыслителей, не утративших веру в *самого человека* ‹. . .› Мыслители или моралисты, подобные автору „Карамазовых“, надеются, повидимому, больше на сердце человеческое, чем на переустройство обществ». Между тем христианство не верит, по Леонтьеву, «*безусловно ни в то, ни в другое, — то есть ни в лучшую автономическую мораль лица, ни в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле*» (*Леонтьев*, т. VIII, стр. 188—189).

Леонтьев сам охарактеризовал себя как сторонника «идеи христианского пессимизма»: «неисправимый трагизм» земной жизни, включающий в себя неравенство аристократа-дворянина и мужика, представлялся ему «оправданным и сносным». «Страдания, утраты, разочарования несправедливости, — писал он, — *должны быть*; они даже полезны нам для покаяния нашего и для спасения нашей души за гробом». Идеям общественного равенства и свободы, «безверию и упорной погоне за счастьем земным», «надменному недовольству господствующим порядком общественной жизни», «национальным собраниям» и «палатам депутатов» Леонтьев противопоставлял в качестве вечного положительного идеала сословно-иерархическое устройство общества, беспрекословное подчинение «строгости церковного учения» (там же, стр. 111, 118). «И в политике реакция от времени до времени необходима, — писал Леонтьев незадолго до произнесения Достоевским пушкинской речи, — чтобы дать обществу передохнуть, оглядеться и одуматься» (там же, стр. 99).

С этих позиций Леонтьев подошел и к оценке пушкинской речи, усмотрев в призыве Достоевского к «мировой гармонии» подозрительную и опасную близость к социалистическим учениям и общим традициям передовой революционно-гуманистической мысли. «О „всеобщем мире“ и „гармонии“ ‹. . .›, — писал он, полемизируя с Достоевским, — заботились и заботятся, *к несчастью*, многие и у нас, и на Западе: Виктор Гюго, воспевающий междоусобия и цареубийства; Гарибальди, составивший себе славу военными подвигами; социалисты, квакеры; по-своему Прудон, по-своему Кабе, по-своему Фурье и Ж. Занд» (там же, стр. 176—177).

Водораздел между консервативным лагерем и революционно-гуманистической мыслью, все фракции которой для Леонтьева одинаково неприемлемы, определяет, по мнению последнего, ответ на вопрос о том, возможны или невозможны уничтожение классов и счастье людей на земле. Революционные и социалистические учения дают положительный ответ на этот вопрос, церковь же категорически отвергает и осуждает как греховную идею «земного рая», ибо она считает, «что Христос пророчествовал не *гармонию* всеобщую (мир всеобщий), а всеобщее разрушение». А потому «пророчество всеобщего примирения *людей во Христе* не есть православное пророчество. . .» (там же, стр. 183).

Как провозвестник и защитник идеи «мировой гармонии» Достоевский, по мнению Леонтьева, — типичный представитель не церковно-православной, а европейской гуманитарной мысли. Его идеалы, выраженные в пушкинской речи, при всей их нравственной возвышенности, имеют «космополитический» характер (там же, стр. 177). Они противоположны не только вере церкви в неискоренимость зла на земле («„Будет зло!“ — говорит церковь»), но и учению Христа, который «не обещал нигде *торжества поголовного братства на земном шаре*» (там же, стр. 177, 186). Истинный завет церкви, по Леонтьеву: «„Терпите!“. *Всем лучше никогда не будет*. Одним будет лучше, другим станет хуже ‹. . .› И *больше ничего* не ждите ‹. . .› одно только *несомненно, — это то, что всё здешнее должно погибнуть!* И потому на что эта лихорадочная забота о земном благе грядущих поколений?» (там же, стр. 189).

«Из этой речи, на празднике Пушкина, — заключал Леонтьев, — для меня, по крайней мере (признаюсь), совсем неожиданно оказалось, что г-н Достоевский, подобно великому множеству *европейцев* и русских *всечеловеков, все еще* верит в мирную и кроткую будущность Европы и радуется тому, что нам, русским ‹. . .› придется утонуть и расплыться бесследно в безличном океане космополитизма. ‹. . .› Было нашей нации поручено одно великое сокровище — строгое и неуклонное церковное православие; но

наши лучшие умы не хотят просто „смиряться“ перед ним <. . .> Они *предпочитают „смиряться“* перед учениями антинационального эвдемонизма, в которых по отношению к Европе даже и нового нет ничего. Все эти надежды на земную любовь и на мир земной можно найти и в песнях Беранже, и еще больше у Ж. Занд и у многих других» (там же, стр. 199).

Непримиримо относясь к пушкинской речи как к отражению ненавистных ему идей «европейского» гуманизма и социализма, Леонтьев стремится доказать, что она противоречит смыслу творчества Достоевского-художника, столь чуткого к «*трагизму жизни*». Но тут же он подвергает, вступая в противоречие с самим собой, критике романы «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы», ибо Достоевский не проявил в них, по его словам, внимания к «святоотеческому учению» и «гуманитарная идеализация» у него везде господствует над «собственно мистическим чувством» (там же, стр. 193, 196, 198). Гуманизм Достоевского не позволил ему, по мнению Леонтьева, верно оценить «*чувственный, воинственный, демонически пышный гений Пушкина*», для которого жизнь была не исканием социальной справедливости и гармонии, а постоянным исканием «*сильных и новых ощущений*» и который поэтому любил не только «*сражения*» и «*опасности*» войны, но и «удовольствия штабной жизни» (там же, стр. 177, 201). Живи Пушкин в современную эпоху, он не только не призывал бы к смирению перед народной правдой, как Достоевский, но был бы поклонником папы и даже дона Карлоса в их борьбе с европейской демократией (там же, стр. 211—212).

Переиздавая уже после смерти Достоевского статью о пушкинской речи в 1885 г. в брошюре «Наши новые христиане», Леонтьев сопроводил ее примечанием, где повторял, что в речи этой, по его мнению, «очень мало истинно религиозного» и что ее надо оценивать как «ошибку, необдуманность, промах какой-то нервозной торопливости». Вере Достоевского в «мировую гармонию», нашедшую выражение в речи о Пушкине, Леонтьев сочувственно противопоставил «остроумные насмешки» героя «Записок из подполья» «над этой окончательной гармонией или над благоустройством человечества» (там же, стр. 213).

Статья Леонтьева была переслана как своеобразное «назидание» Достоевскому 12 августа 1881 г. К. П. Победоносцевым, на которого Леонтьев прямо ссылался как на своего ближайшего единомышленника (там же, стр. 206—207, 210), противопоставляя «благородно-смиренное» слово Победоносцева, произнесенное им при посещении летом 1881 г. Ярославского училища для дочерей священно- и церковнослужителей, и основную идею этой речи Победоносцева — любовь к церкви и строгое, неуклонное следование ее учению и догматам — речи Достоевского с ее антицерковными, «еретическими» по оценке Леонтьева идеалами «мировой гармонии», братства народов и преклонения перед народной правдой. В ответном письме к Победоносцеву от 16 августа 1880 г. Достоевский вернул Леонтьеву высказанный последним по его адресу упрек, охарактеризовав как «еретические» взгляды самого Леонтьева (что, учитывая сочувственные ссылки Леонтьева на речь Победоносцева и противопоставление ее речи Достоевского, не могло не уколоть в определенной мере самолюбие и самого Победоносцева).

Общую свою оценку статьи Леонтьева и ее идей писатель дал в записной книжке 1880—1881 гг., где Достоевский писал, отвечая ему: «Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх этого, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего ж стараться, чего любить добро делать? Живи в свое пузо (живи впредь спокойно в одно свое пузо)». И далее: «Г-н Леонтьев продолжает извергать на меня <. . .> свою завистливую брань. Но что же я могу ему отвечать? Ничего такого не могу отвечать, кроме того, что ответил в прошлом № „Дневника“» (имеется в виду ответ А. Д. Градовскому, т. е. третья глава августовского выпуска «Дневника писателя» за 1880 г. См.: *Биография*, стр. 24; наст. изд., т. XXVII[1]).

[1] Ср. о критике Леонтьевым идей Достоевского: наст. изд., т. XV, стр. 496—498. Интересно, что позицию Леонтьева горячо поддержал в письме

9

После того, как августовский выпуск «Дневника писателя» за 1880 г. поступил в продажу, полемика вокруг пушкинской речи возобновилась с новой силой. Первой на «Дневник» отозвалась «Молва», на этот раз с очень резкой статьей журналиста Г. К. Градовского: «Не взыщите, Федор Михайлович, если каким-нибудь словом обмолвимся. Мы люди темные, непросветленные, как вы сами признаете, тем светом, который вас озаряет». Гнев Г. К. Градовского вызывает и разделение в речи Достоевского и «Дневнике» «передовых от смердов», и уверение, что русский народ «уже просвещен», и отношение писателя к «западникам, которые мешают устроиться России». «Как это могло случиться, — возражает критик Достоевскому, — что гений Пушкина и последовавших за ним лучших русских писателей заставлял нас любить тех гадких людей, которых г-н Достоевский оплевывает, приучал нас страдать их страданиями, ненавидеть то зло, те условия, которые заставляли их скитаться?» («Молва», 1880, 16 августа, № 225). Даже язык «Дневника» Г. К. Градовский называет «гостинnодворским».

18 августа «Молве» ответила консервативная одесская газета «Берег» в обозрении «Столичная и областная печать»: «А отчего же Достоевскому и не выделять передовых от смердов? <. . .> Это (т. е. обвинения в мракобесии) говорится для того, чтобы выставить Достоевского ретроградом и врагом просвещения перед теми читателями „Молвы“, которые не видали „Дневника писателя“ <. . .> Как же после этого Достоевский не проповедник мракобесия, когда он говорит, что русский народ уже просвещен? Достоевский говорит об одном (о просвещении духовном), а г-н Гр. Градовский, передергивая это, глумится над тем, что будто бы Достоевский отвергает необходимость образования народа в смысле научном, экономическом» («Берег», 1880, 18 августа, № 146, стр. 3).

18 августа в «Молве» появилась заметка, написанная гораздо спокойнее предыдущей и доказывающая, что русский народ не может считаться хранителем христианских традиций. «Как это ни прискорбно, — писала газета, — но приходится сказать, что зачатки любви или хотя бы внимания к правам и положению народа зародились у нас одновременно с проникновением к нам европейского просвещения» («Из газет и журналов». — «Молва», 1880, 18 августа, № 227).

На следующий день выступили «Новости и биржевая газета». «Когда я читал „Дневник“ г-на Достоевского, — пишет Вл. Михневич (Коломенский Кандид), — меня поразила мысль, что я где-то все это уже читал в почти таких же выражениях. Маленькое усилие памяти, а затем библиографическая справка привели меня к неожиданному открытию. . . „Дневник“ Достоевского живьем восстановил в моей памяти самые выразительнейшие места из печально известной „Переписки с друзьями“ Гоголя» («Новости и биржевая газета», 1880, 19 августа, № 219).

«Не гордиться <. . .> должна Россия, — писал А. П. Налимов в газете «Современность», — своим любвеобилием по отношению к иноземным сердцам; а просто радоваться, что довольно поздно застали нас дурные стороны западной культуры; что не потеряна еще возможность найти более прямой выход к свету и правде. В такой редакции взгляды г-на Достоевского, нам думается, выдержали бы какие угодно нападки». «К сожалению, г-ну До-

к нему от 16 августа 1880 г. такой убежденный реакционер как Б. М. Маркевич (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 514). Своеобразным переложением идей Леонтьева является статья Победоносцева «Новое христианство без Христа» (Московский сборник. Изд. 5-е. М., 1901, стр. 211—217), где имя Достоевского прямо не названо, но которая, как можно полагать, направлена, как и статья Леонтьева, равно против идей Льва Толстого и Достоевского. Напротив, Н. С. Лесков в статье «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» («Новости и Биржевая газета», 1883, № 1, 1 апреля; № 3, 3 апреля), резко критикуя выпады Леонтьева против Достоевского, сравнивал Леонтьева с Торквемадой.

стоевскому всегда необходим мистический фон <. . .> И нравственность и общественность, — продолжает Налимов, — слишком смелы и важны для разрубления гордиева узла. . . мистикой <. . .> Как только г-н Достоевский заведет свою длинную речь о народном духе, народных началах, народных воззрениях — так невольно и напрашиваются вопросы: Господи! Да в чем же, наконец, заключается этот дух, эти принципы, эти взгляды? <. . .> Что же вы, г-н Достоевский, так сильно любите? — спрашивает в заключение критик. — Одну только заоблачную мечту, одну только отдаленную возможность далекого идеала? И почему же именно эти воздушные замки — народны?» (А. Налимов. Сила или бессилие? — «Современность», 1880, 20 августа, № 148).

Кроме «Берега» среди ежедневных газет лишь суворинское «Новое время» оценило «Дневник» положительно: «Он пишет и думает „по-своему“, — заявляет В. Буренин, — его можно упрекнуть в каких угодно недостатках, но уж никак не в шаблонности мысли, не в повторении чужого. Притом он обладает, кроме качеств великого таланта, еще двумя превосходными качествами: искренностью и силой убеждения <. . .> Как хорошо все то, что говорит г-н Достоевский о наших либералах и их разумении народа». Далее критик принимается за пересказ «Дневника», обрушиваясь на либералов (см.: В. Буренин. Литературные очерки. — *НВр*, 1880, 15 августа, № 1603).

Лишь критик журнала «Мысль» дал «Дневнику» и на этот раз положительную оценку, хотя преклонения перед автором речи о Пушкине в новой статье его уже нет: Достоевский из «объединителя нашей интеллигенции» переводится в ранг «многих писателей 40-х годов»: «В русской интеллигенции, — пишет Л. О. (Л. Оболенский), — замечается одно поразительное явление: за неимением живого дела и действительных политических партий, т. е. таких партий, которые бы явились реальными деятелями текущей действительности, у нас мнения, взгляды, даже слова и речи принимаются за дело <. . .> Уже с первого взгляда видно, что хотя народ г-на Достоевского более конкретен, чем народ либералов-народников, однако и этот народ — не вполне реальный, а несколько идеализированный, у которого сильнее освещены путем чисто философским, а отчасти художественным, те его стороны, которые противопоставляются Европе как идеал и лекарство. В свою очередь и Европа, так сказать, оскоплена, т. е. из нее берутся черты, не представляющие вовсе всецелой полноты ее жизни <. . .> Мы видели, что идеал народников-либералов неудовлетворителен, что этот идеал рассекает конкретную душу народа на две половинки — симпатичную и несимпатичную. Уже по этому одному при столкновении с реальным народом народник-либерал или возненавидит народ, или уйдет от него после живого столкновения — с мукой и отчаянием, с единственным исходом — самоубийством. Не таков идеал г-на Достоевского. Он примиряет эти обе половинки души в чаянии великого грядущего; он, как истинный человек 40-х годов, быть может, совершенно бессознательно употребляет метод, напоминающий одного тогдашнего мыслителя (Ш. Фурье, — *Ред.*), известный под именем Attraction passioné.[1] Эта теория или метод состоит в том, что в душе человека нет, собственно, ничего дурного; все дурные стороны души становятся таковыми только в силу условий, искажающих, извращающих душевные свойства. Обставьте человека так, чтобы его самые несимпатичные свойства могли приносить пользу, и зла не будет на земле. Эта теория, быть может, несколько фантастическая, понятно, совершенно непригодна в смысле живой практической программы, но когда дело идет об идеалах отдаленного будущего, она вполне законна. Именно такое употребление делает г-н Достоевский из тех душевных свойств нашего народа, которые менее симпатичны либеральному образу мыслей». Автор статьи приходит к выводу, сделанному еще А. Градовским: «Чем воспитаем и бо́льшую терпимость, и бо́льшую реальность наших отношений к жизни? Только одним: соответственными учреждениями, расширяющими область деятельного соприкосновения с жизнью. И вот здесь г-н До-

[1] Страстное притяжение (*франц.*).

стоевский опять не прав. . .» (Л. О‹б о л е н с к и й›. Народники и г-н Достоевский, бичующие либералов. — «Мысль», 1880, № 9, стр. 82—96).

В отличие от либеральной «Мысли» орган радикального народничества «Русское богатство» занял по отношению к «Дневнику писателя» непримиримую позицию: «Можно ли допустить, — писал Александр Горшков (М. А. Протопопов) в августовской книжке журнала, — чтобы разумное, с виду человеческое существо, да еще одаренное с виду божьей искрою, могло до такой степени утратить всякое чувство реальной действительности ‹. . .› Он боится довериться благородной природе человека, видит в ней вместилище всякой скверны и готов бороться против нее всеми орудиями и средствами вплоть до инквизиции, пожалуй ‹. . .› Сказать о народе, как говорит г-н Достоевский, что он „все знает, все то, что именно нужно знать“ — значит сказать, что народу ничего не нужно. А сказать это может только злейший враг народа (злостный или по недоразумению — это безразлично), враг, от которого нельзя ожидать ни настоящей любви, ни настоящего уважения к нему» (А. Г о р ш к о в. Проповедник «нового слова». — *РБ*, 1880, № 8, стр. 2—3, 9, 19). Ту же мысль об игнорировании Достоевским реальных нужд и интересов народа журнал проводит в дальнейшем: «Ах, г-да Л. О. и Достоевский! Вам для того, чтобы любить народ и жить для него, требуется возвести его в генеральский чин» (Л. А л е к с е е в. ‹Л. А. П а н о ч и н и›. Почему вскипел бульон. — Там же, № 12, стр. 7).

С резкой критикой «Дневника писателя» за 1880 г. выступило и «Дело». Критик «Дела» писал: «В этом непроглядном, полумистическом, полупророческом и чревовещательном тумане ничего не разберешь; никакая логика и никакой здравый смысл неприменимы к этой литературной кабалистике ‹. . .› Из того, что народ наш знает молитвы наизусть и читает Четьи-Минеи, у г-на Достоевского следует, что народу никакого другого просвещения не нужно ‹. . .› От нас, именно от нас, у которых есть такие публицисты, как г-да Катков и Достоевский, Европа должна ожидать „окончательного слова великой гармонии“». Далее Достоевский просто обвиняется в исторической неграмотности. «Рабство, — пишет критик, — было исконной идеей, с которой мы начали свою историю. — И продолжает: — По словам Крижанича, всякое место в России наполнено кабаками, откупщиками, тайными доносчиками, все делается со страхом и трепетом ‹. . .› Всеми светлыми моментами в нашей общественной жизни мы всегда были обязаны Европе и ее умственному влиянию ‹. . .› Подумайте, г-н Достоевский, какой вы христианин и имеете ли право им называться, когда в каждом вашем слове чувствуется гордость и ложь заносчивого смиренномудрия» (Г-н. Романист, попавший не в свои сани. — «Дело», 1880, № 9, стр. 161, 163, 166, 169).

В сентябре в «Отечественных записках» с критикой идей Достоевского в связи с оценкой августовского выпуска «Дневника писателя» вновь выступил Н. К. Михайловский. Мысль о служении Европе кажется Н. К. Михайловскому (как и А. Д. Градовскому) несостоятельной: «. . . не народ служил Европе, а император Павел, да и не Европе вовсе, а монархическому принципу». Многие из проблем, поднятые писателем, Михайловский не без основания оценил как безнадежно устаревшие: «Славянофильство и западничество изжиты нами, мы переросли их, так что попытки г-на Достоевского и других, так или иначе, вновь воздвигнуть эти состарившиеся знамена не имеют для нас, по крайней мере, ровно никакого значения». Но общий вывод Михайловского спокойнее, яснее и проще, чем у публицистов «Русского богатства» и «Дела»: «Ах, господа, дело, в сущности, очень просто. Если мы в самом деле находимся накануне новой эры, то нужен прежде всего свет, а свет есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна без личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует гарантий. Какие это будут гарантии — европейские, африканские, „что Литва, что Русь ли“ — не все ли это равно, лишь бы они были гарантиями? Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшает, если народу от нее не будет ни тепло, ни холодно. А искать себя в себе под собой — это просто пустяки» (Н. М. Литературные заметки. — *ОЗ*, 1880, № 9, стр. 128, 133, 140).

В декабре в «Русской мысли», как уже отмечено выше, появилась статья О. Ф. Миллера. 3 ноября Юрьев писал Миллеру по поводу «Дневника писателя»: «Не могу считаться *вполне* солидарным с его мировоззрением, невольно вызывающим на возражения. Послушать его, стать на его точку зрения — надо перестать думать и об экономических и политических усовершенствованиях народной жизни, похерить все эти вопросы и ограничиться молитвой, христианскими беседами, монашеским смирением, сострадательными слезами, личными благодеяниями. Надо, говорю, похерить все вопросы о политической свободе, потому что Зосима и в цепях свободен. Не тут ли кроется, что Достоевский мирится с катковщиной? <. . .> Мне хотелось оправдать перед вами, почему я не могу быть против всех возражений на речь и особенно на последний „Дневник" Достоевского и почему почитал эти возражения необходимыми. Я не читал „Письма" Кавелина, но знаю из разговоров с ним его воззрения и из писем его ко мне, как он смотрит на речь Достоевского, и не могу не высказать, что я ему во многом сочувствую. На основании сказанного я бы вас просил, если можно, оставить Кавелина без возражений в вашей статье» (см.: *ЛН*, т. 86, стр. 520).[1]

Точка зрения Миллера такова: «Спорить с ним (Достоевским, — *Ред.*), разумеется, можно, и даже с успехом, останавливаясь на частностях; но сила вовсе не в этом, а в том, чтобы схватить его мысль в ее *целости*. К частностям отношу я самые характеристики Татьяны, Онегина и Алеко». Возражая Градовскому и защищая писателя, Миллер замечает, что в засилии Держиморд повинны, прежде всего, сами дворяне, и дает либеральную характеристику крестьянской реформы (О. Миллер. Пушкинский вопрос. — *РМ*, 1880, № 12, стр. 17, 31, 40).

Наиболее значительным откликом на «Дневник» было упомянутое выше «Письмо к Достоевскому» К. Д. Кавелина, напечатанное в ноябрьской книжке «Вестника Европы». В предыдущем номере этого журнала была дана отрицательная оценка «Дневнику писателя»: «. . .спорить правильно против г-на Достоевского нет никакой возможности, — писал тогда обозреватель «Вестника Европы», — потому что изложение его <. . .> есть <. . .> раздраженное словоизвержение, ясно показывающее, что автор резонов слушать не намерен, что им овладела страсть и то жестокое настроение, при котором аргументация невозможна и бесполезна. Эта страсть — крайне неумеренное самолюбие, это настроение — мистицизм» (В. В. <В. П. Воронцов>. Литературное обозрение. — *ВЕ*, 1880, № 10, стр. 812).

Статья К. Д. Кавелина, в отличие от обозрения Воронцова, выдержана в примирительных тонах. «Пора спокойно, отбросив личности и взаимное раздражение, — заявляет он, — откровенно и прямо объясниться по всем пунктам <. . .> Начну с рассмотрения взгляда на взаимные отношения у нас простого народа и образованных слоев общества, так как в нем резко и наглядно выражается характерная черта славянофильских учений. Подобно славянофилам сороковых годов, вы видите живое воплощение возвышенных нравственных идей в духовных качествах и совершенствах русского народа, именно крестьянства, которое осталось непричастным отступничеству от народного духа, запятнавшему, будто бы, высшие, интеллигентные слои русского общества. Полемика, которая когда-то велась об этих тезисах между славянофилами и западниками с горячностью, подчас с ожесточением, мне кажется, уже принадлежит прошедшему <. . .> Все люди и все народы в мире учились и учатся у других людей и у других народов, и не только в детстве и юности, но и в зрелые годы. Разница в том, что в детстве и юности и люди, и народы больше перенимают у других; а достигнув совершеннолетия, они пользуются чужим опытом, чужим знанием с рассуждением, разбором, критикой. . .» (*ВЕ*, 1880, № 11, стр. 433—439).

---

[1] Миллер учел это мнение. Кроме того, его статья вышла с рядом редакционных примечаний, например: «. . .неизвестно еще, кто удостоится войти в царство Христа и воплотить в своей жизни его истину: мы, получившие эту истину без личной нашей заслуги, или народы Запада. . .» (*РМ*, 1880, № 12, стр. 32).

«Славянофилы сороковых годов, а за ними и вы, осуждая западных христиан, — обращается к Достоевскому критик, — упустили из виду, что они, хотя и недостаточно, неправильно, представляют, однако, собою деятельную, преобразующую сторону христианства в мире. По мысли западных европейцев, христианство призвано исправить, улучшить, обновить не только отдельного человека, но и целый быт людей, живущих в мире, посреди ежедневных дрязг и соблазнов. По европейскому идеалу, христианин не должен удаляться от мира, чтоб соблюсти свою чистоту и святость, а призван жить в мире, бороться со злом и победить его <. . .> Вы сами себе противоречите, преклоняясь перед европейской наукой, искусством, литературой, в которых веет тот же дух, который породил и католичество, и протестантизм. Идя последовательно, вы должны, отвергнув одно, отвергнуть и другое; середины нет — и быть не может» (там же, стр. 444—448).

Далее Кавелин переходит к спору с этическими идеалами Достоевского: «Во-первых, нравственных идей нет, как нет общественной нравственности, вопреки мнению проф. Градовского. Нравственное есть прежде всего — личное, известный душевный строй, склад чувств, дающие тон и направление нашим помыслам, намерениям и поступкам <. . .> Совсем другое дело — наши понятия или идеи о том, что хорошо и что дурно. Каждая идея есть формулированная, определенная мысль о предмете, следовательно, о том, что нам представляется как нечто вне нас существующее, объективное. *Понятие* о том, что добро и что дурно (я здесь говорю только о наших понятиях общественных), есть суждение, основанное на аргументах, почерпнутых не из неопределенного и бесформенного чувства, а из условий и фактов устроенного общежития с другими людьми <. . .> Нравственный человек тот, кто в своих помыслах и поступках остается всегда верен голосу своей совести, подсказывающей ему, хороши они или дурны; только в отношении человека к самому себе и заключается нравственность, только в согласовании мыслей и поступков с совестью и состоит нравственная правда. *Что* именно совесть подсказывает, *почему* она одни помыслы и поступки одобряет, другие осуждает — это уже выступает из области нравственности и определяется понятиями или идеями, которые слагаются под влиянием общественности и потому, в разное время, при разных обстоятельствах, бывают весьма различны <. . .> Какой же вывод из всего сказанного? Тот, что вы неправы, утверждая, будто „общественных гражданских идеалов, как таких, как не связанных органически с идеалами нравственными, а существующих сами по себе, в виде отдельной половинки, оторванной от целого“, — „нет вовсе, не существовало никогда и не может существовать“. Говоря это, вы не доводите анализ до конца. Правильный, полный анализ приводит, мне кажется, к тому заключению, что образцовая общественная жизнь слагается из хороших общественных учреждений и из нравственно развитых людей <. . .> Я мечтаю только о том, — заключает К. Д. Кавелин, — чтоб мы перестали говорить о нравственной, душевной христианской правде и начали поступать, действовать, жить по этой правде! Чрез это мы не обратимся в европейцев, не перестанем быть восточными людьми и будем в самом деле тем, что мы есть по природе, — русскими» (там же, стр. 448—451, 454—456).[1]

---

[1] Наброски Достоевского для полемического ответа Кавелину см.: *Биография*, стр. 370—375; наст. изд., т. XXVII. О К. Д. Кавелине как характерном выразителе общественного самосознания либерально-профессорских кругов 70—80-х гг. см.: В. К. Кантор. Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба. М., 1978, стр. 81—110 (здесь же на стр. 104—105 сжато охарактеризован основной смысл полемики между Кавелиным и Достоевским). Отклики русской периодической печати на пушкинскую речь и «Дневник писателя» более подробно отражены в кн.: И. И. Замотин. Ф. М. Достоевский в русской критике. Ч. 1. 1846—1881. Варшава, 1913, стр. 287—321; ср. библиографический перечень полемических откликов на речь Достоевского и «Дневник писателя» 1880 г. в кн.: *Достоевская А. Г. Библиографический указатель*, стр. 82—93; В. И. Межов. Puschkiniana. СПб., 1886, стр. 74—75; ср. также отклики в дневниках

Подводя итоги полемике, вызванной пушкинской речью, Достоевский писал в «Дневнике писателя» в январе 1881 г.: «Я про будущее великое значение в Европе народа русского (в которого верую) сказал было одно словцо прошлого года на пушкинских празднествах в Москве, — и меня все потом забросали грязью и бранью, даже и из тех, которые обнимали меня только за слова мои, — точно я какое мерзкое, подлейшее дело сделал, сказав тогда мое слово. Но может быть не забудется это слово мое» (наст. изд., т. XXVII).

Это предвидение Достоевского исполнилось. Полемика вокруг пушкинской речи показала ложность, иллюзорность и утопичность надежд Достоевского на возможность участия самодержавия и церкви в совместной с народом и интеллигенцией работе «на родной ниве». Последующая история России окончательно и навсегда обнаружила противоположность классовых интересов народа и господствующих классов старой России, орудием которых были царская монархия и тогдашняя церковь. Она подтвердила, что мечту Достоевского о великом будущем России и русского народа могла реально осуществить лишь социалистическая революция.[1] История освободила, таким образом, глубокое демократическое содержание речи Достоевского от оболочки его реакционной утопии.

Вместе с тем опыт последующего развития России и человечества позволяет нам сегодня иначе оценить основное, глубинное содержание пушкинской речи по сравнению с современниками писателя. При всех свойственных ей противоречиях речь Достоевского о Пушкине вошла не только в число классических документов, характеризующих историю восприятия Пушкина русским обществом, но и в число наиболее глубоких интерпретаций творчества великого русского поэта, сохранивших свое непреходящее значение. Этого мало. Отраженные в речи Достоевского идеи преемственности, закономерного движения человечества к будущей «мировой гармонии», его вера в великое будущее России, в способность русского народа и интеллигенции активно содействовать союзу народов Европы и всего мира, призыв к творческому единению мыслящей части общества с народом как о важнейшей предпосылке мирного гармонического развития цивилизации сделали пушкинскую речь Достоевского выдающимся памятником истории мировой гуманистической мысли, духовным завещанием писателя позднейшим поколениям.

Из выдающихся деятелей русской культуры XX в. пушкинская речь большое влияние оказала на А. А. Блока, в публицистике которого, как и в поэме «Скифы» (1918), получили развитие в условиях новой, пооктябрьской эпохи идеи Достоевского о великой исторической миссии России, которую Блок связал с победой советского строя. В общественной обстановке XX в. высоко оценил гуманистический пафос речи Достоевского о Пушкине Т. Манн, сблизивший выраженное в ней гуманистическое самосознание великого русского писателя с гуманизмом немецкой классики и резко противопоставивший возвышенные национальные идеалы Достоевского, соединенные с призывом к братскому отношению к другим европейским народам, любым формам реакционного национализма, в том числе — фашистскому мракобесию и варварству.[2]

и письмах современников: Известия ОЛЯ, т. XXVI, 1972, № 4, стр. 353—354; *ЛН*, т. 86, стр. 502—524; *Материалы и исследования*, т. V, стр. 266—267.

[1] С этим связана резкая критика реакционных общественно-политических идей пушкинской речи М. Горьким в 1905—1909 гг. (см.: *Горький*, т. XXIII, стр. 353; т. XXIV, стр. 53).

[2] Т. Манн. Собр. соч., т. 10. М., 1961, стр. 593—594. Ср. также о пушкинской речи, об оценке ее последующей критикой и о современном ее значении: «Октябрь», 1937, № 1, стр. 271—282; Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 80—83; *Достоевский и его время*, стр. 62—63; *ЛН*, т. 86, стр. 101—105; *Достоевский — художник и мыслитель*, стр. 417—426; Д. Благой. От Кантемира до наших дней, т. 1. М., 1972, стр. 492—501; Б. Мейлах. «Загадка» пушкинской речи Достоевского. — «Литературная Грузия», 1976, № 8, стр. 76—79; И. Волгин. Завещание Достоев-

Стр. 129. *Иван Сергеевич Аксаков ∾ заявил с кафедры, что моя речь «составляет событие».* — И. С. Аксаков выступал 8 июня, после Достоевского, во втором отделении юбилейного заседания. Вечером того же дня Достоевский писал А. Г. Достоевской: «Аксаков (Иван) вбежал на эстраду и объявил, что речь моя — *есть не просто речь, а историческое событие!*». Эти слова Аксакова были приведены во множестве газет (*Г*, 1880, 9 июня, № 159; «Молва», 1880, 10 июня, № 158; *НВр*, 1880, 11 июня, № 1538); см. также свидетельства Н. Н. Страхова и Д. Н. Любимова (*Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 352 и 378). Аксаков заявил: «Всё, что я готовился прочесть, потеряло всякое значение. Моя речь упраздняется речью Достоевского ‹. . .› Если я и могу прочесть что-нибудь, то разве это отрывок из приготовленной речи» (*Г*, 1880, 9 июня, № 159). «На это послышались крики: „всю речь, всю, читайте всё“, — говорилось в „Голосе“. — Г-н Аксаков начал чтение своей речи» (там же. См. об этом также в письме А. М. Барсуковой к А. П. Барсукову от 10 июня 1880 г.: *Звенья*, т. I, стр. 480). Речь Аксакова см.: *РА*, 1880, вып. II, стр. 467—484. См. также выше, стр. 460.

Стр. 130. *. . . может вновь обновиться и воскреснуть. . .* — Ту же мысль Достоевского о возможности для русского общества обновления и воскресения выражает эпиграф к «Братьям Карамазовым» (см. наст. изд., т. XIV, стр. 5; т. XV, стр. 523).

Стр. 130. *Инок*. См. также стр. 144: *О типе русского инока-летописца ∾ образы такой неоспоримой правды.* — Имеется в виду пушкинский Пимен из драмы «Борис Годунов». Ср. характеристики этого образа в статье 1861 г. «Книжность и грамотность» (наст. изд., т. XIX, стр. 9).

Стр. 130. *. . .типы бытовые, как в «Капитанской дочке». . .* — Черновой автограф речи о Пушкине содержит развернутую характеристику «Капитанской дочки» как «чуда [искусства] понимания русского быта и народной души». Ее более отделанный вариант содержится в тексте, подготовленном для выступления. Но произнесено это место не было и не вошло в печатный текст (см. варианты *ЧА* и *НР* к стр. 144). Работая над третьей главой «Дневника писателя» 1880 г., Достоевский продолжал размышлять об особенностях пушкинского реализма, сказавшихся в «Капитанской дочке». В рукописях речи «Капитанская дочка» сопоставлялась с «Недорослем» Фонвизина. Дополнив свой анализ сравнением с «Мертвыми душами» Гоголя, Достоевский сформулировал в черновом автографе третьей главы «Дневника» 1880 г. свое понимание соотношения пушкинского и гоголевского реализма (см. варианты *ЧА* к гл. 3, к стр. 156. См. об этом: *Библиотека*, стр. 78; Д. Благой. От Кантемира до наших дней, т. I. М., 1972, стр. 432—433). Так как эти размышления («Мне хочется тут уклониться [в сторону] на минутку в область чисто литературную» — см. стр. 312) не были связаны с полемикой с А. Градовским, они не вошли в окончательный текст.

Стр. 131. *. . .«что нищая земля наша ∾ новое слово миру».* — Утверждение Достоевского в речи о Пушкине о том, что России суждено сказать миру новое слово (см. стр. 147—148), вызвало возражение А. Д. Градовского: «. . .истинно всечеловеческое значение мы можем приобрести только после того, как мы разовьемся и укрепимся в качестве народности, умеющей и могущей делать свое общественное дело. . .» (*Г*, 1880, 25 июня, № 174). Еще ранее возражал Достоевскому критик «Молвы»: «Что это за выделение России в какую-то мировую особь, в избранной богом народ?» («Молва», 1880, 10 июня, № 158). Более развернуто Достоевский изложил свою позицию в ответе Градовскому в третьей главе «Дневника» (см. стр. 171—172).

Стр. 131. *. . .«надобно нам самим развиться ∾ как народы Европы».* — Эта мысль является одним из основных положений, противопоставленных

ского. — *ВЛ*, 1980, № 6, стр. 154—196; Г. Фридлендер. 1) Достоевский и мировая литература. М., 1979, стр. 132—140; 2) Речь о Пушкине как выражение эстетического самосознания Достоевского. — *РЛ*, 1981, № 1, стр. 52—64; И. Л. Волгин. Последний год Достоевского. — «Новый мир», 1981, № 10, стр. 100—183.

Достоевскому А. Д. Градовским в статье «Мечты и действительность»: «Впитайте в себя всё, что произвели лучшего народы — учители ваши, — утверждал он. — Тогда, переработав в себе всю эту умственную и нравственную пищу, вы сумеете проявить и всю силу вашего *национального* гения, внести и свою долю в сокровищницу всечеловеческого» (*Г*, 1880, 25 июня, № 174). Достоевский ответил Градовскому в третьей главе «Дневника» (см. стр. 167—168).

Стр. 131—132. *Может ли кто сказать, что русский народ есть только косная масса ∾ Увы, так многие утверждают. . .* — Позиция Достоевского, выраженная в этих словах, была подготовлена его публицистикой 60—70-х годов. Со всей определенностью она была заявлена в объявлениях об издании «Времени» и «Эпохи» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 35—41; т. XX, стр. 207—210, 217—222). В апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский полемизировал с критиком и романистом реакционного катковского журнала «Русский вестник» В. Г. Авсеенко: «Нам прямо объявляют, что у народа нет вовсе никакой правды, а правда лишь в культуре и сохраняется верхним слоем культурных людей» (наст. изд., т. XXII, стр. 110).

Достоевский имел здесь в виду и А. Д. Градовского, писавшего в ответ на речь о Пушкине: «Ему (русскому народу, — *Ред.*) еще много надо работать над собою, чтобы сделаться достойным имени великого народа. Еще слишком много неправды, остатков векового рабства засело в нем, чтоб он мог требовать себе поклонения и, сверх того, претендовать еще на обращение всей Европы на путь истинный. . .» (*Г*, 1880, 25 июня, № 174).

Стр. 132. . . .*«этой фантазии моей», как я сам выразился. . .* — См. стр. 148 и примеч. к ней.

Стр. 132. *Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение ∾ и не может быть. . .* — Еще во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (1861) он писал: «. . .у нас давно уже есть нейтральная почва, на которой всё сливается в одно цельное, стройное, единодушное, сливаются все сословия, мирно, согласно, братски <. . .> Наша новая Русь поняла, что один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой всё сойдется и примирится, — это всеобщее духовное примирение, начало которому лежит в образовании» (наст. изд., т. XVIII, стр. 49—50, см. также стр. 57). Как проявление духовного единения народа охарактеризовал Достоевский в «Дневнике писателя» 1876 г. и 1877 г. отношение русского общества к борьбе славянских народов за независимость (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 102—106; т. XXV, стр. 213). В январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский писал, что европейцы знают: «. . .нас много, восемьдесят миллионов <. . .> мы знаем и понимаем все европейские идеи» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 22).

Слова Достоевского вызвали полемическую реплику В. В. (В. П. Воронцова) в либеральном «Вестнике Европы»: «Автор не однажды ссылается на восемьдесят миллионов русского народа (именно русского, потому что речь идет о свойствах русской народности). Но восемьдесят миллионов (теперь считают уже девяносто или за девяносто) составляют цифру населения русской империи, а вовсе не русского народа, владеющего идеалами; в восьмидесяти или девяноста миллионах заключено, кроме русской, множество иных народностей, кроме православных — миллионы католиков, протестантов, евреев, магометан, сотни тысяч язычников. Собственно же русского народа полагают только тридцать пять миллионов» (*ВЕ*, 1880, № 10, стр. 818). Еще существеннее было возражение К. Д. Кавелина: «Предоставляю этнографам и статистикам сбавить эту цифру на двадцать или двадцать пять миллионов; между остальными пятьюдесятью пятью или шестьюдесятью действительно поразительное единение, но какое? Племенное, церковное, государственное, языка — да; что касается духовного, в смысле нравственного, сознательного — об этом можно спорить» (там же, № 11, стр. 442).

Стр. 132. . . .*«в один миг исчезнет и богатство»*. — В Апокалипсисе говорится о судьбе Вавилона — Рима: «. . .ибо в один час погибло также богатство» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 18, ст. 17).

Стр. 132. . . . *нашествия Батыева. . .* — Батый, Бату, Саинхан (1208—1255) — монгольский хан, внук Чингисхана; в 1237—1243 гг. возглавил поход на Русь, сопровождавшийся жестоким истреблением населения и уничтожением городов. Достоевский в 1880 г. особенно часто вспоминал о событиях русской истории периода монголо-татарского ига, так как 8 сентября этого года исполнялось 500 лет со времени Куликовской битвы. В то время, когда готовился «Дневник писателя», шла подготовка к празднованию этой годовщины (см. письмо Достоевского к О. Ф. Миллеру от 26 августа 1880 г., а также наст. изд., т. XV, стр. 307 и примеч. на стр. 616—617).

Стр. 133. *«Этого народ не позволит» ∾ «Так уничтожить народ!» — ответил западник спокойно и величаво. ∾ один из представителей нашей интеллигенции. Анекдот этот верен.* — «Анекдот может быть верен, — отозвался В. В. (В. П. Воронцов) в «Вестнике Европы», — как верно то, что есть на свете очень глупые люди; нам сомнительно одно, чтобы это мог быть „представитель интеллигенции“» (*ВЕ*, 1880, № 10, стр. 817). В статье И. Л. Волгина высказано предположение, что у Достоевского здесь речь идет о Г. З. и Е. П. Елисеевых (см.: «Новый мир», 1981, № 10, стр. 125—127).

Стр. 133. . . . *представители славянофильства ∾ вполне согласились со всеми ее выводами.* — Выступавший после Достоевского И. С. Аксаков заявил: «С Достоевским согласны обе стороны: и представители так называемых славянофилов, как я например, и представители западничества, как Тургенев» (*Г*, 1880, 9 июня, № 159; «Молва», 14 июня, № 162. См. также свидетельства Н. Н. Страхова и Д. Н. Любимова: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 351, 379). Ср. наст. том, стр. 460 и примеч. к стр. 129.

Стр. 133. . . . *заявил это в самой речи моей. . .* — См. выше, стр. 148.

Стр. 133. . . . *«западникам и славянофилам не о чем будет и спорить, как выразился Иван Сергеевич Аксаков, так как всё отныне разъяснено». . .* — Ср. выше, примеч. к стр. 129.

Стр. 134. . . . *подошли ко мне пожать мою руку и западники. . .* — Имеются в виду И. С. Тургенев и П. В. Анненков. См. выше, стр. 460.

Стр. 134. . . . *называли мою речь гениальною, и несколько раз, напирая на слово это, произнесли, что она гениальна.* — См. выше, стр. 460.

Стр. 135. *Не можем же ∾ толковать вместе с вами, например, о таких странных вещах, как le Pravoslavié. . .* — Эти слова Достоевского вызвали реакцию критика «Вестника Европы»: «. . .Достоевский накидывается на таких „либералов“, которые о православии говорят „Le Pravoslavié“. Кого он разумеет здесь, остается непонятно; потому что в литературных наших кругах ‹. . .› такая терминология вовсе не употребляется. Кто же это? и если такие люди есть, то что общего между этими людьми и литературой» (В. В. ‹В. П. Воронцов›. Литературное обозрение. — *ВЕ*, 1880, № 10, стр. 811—818).

Стр. 136. . . . *середина-то, улица-то, по которой влачится идея. . .* — Образ этот — сквозной в романах и публицистике Достоевского: ср. характеристику мелководных и зубоскальствующих обличителей в статьях 1863 г. «Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» и «Опять „молодое перо“» (см. наст. изд., т. XX, стр. 55 и 94), а также либералов в «Дневнике писателя» за 1876 г. (т. XXII, стр. 101). Смысл, вкладываемый Достоевским в этот образ, в наибольшей степени раскрывает реплика Степана Трофимовича Верховенского в романе «Бесы»: «. . .какая грусть и злость охватывает всю вашу душу, когда великую идею ‹. . .› подхватят неумелые и вытащат к таким же дуракам, как и сами, на улицу, и вы вдруг встречаете ее уже на толкучем, неузнаваемую, в грязи. . .» (т. X, стр. 24; т. XII, стр. 285).

Стр. 136. . . . *все эти смерды-то «направления». . .* — Речь идет о взглядах рядовых приверженцев либерально-западнических идей (смерды — феодально-зависимое крестьянство в Древней Руси и других славянских странах). О полемике, вызванной этими словами Достоевского, см. выше, стр. 486.

Стр. 136. . . . *уже было заявлено в одном издании ∾ цель славянофилов — это перекрестить всю Европу в православие.)* — В «Вестнике Европы»

(1880, №№ 2 и 4) была напечатана статья А. Н. Пыпина «Польский вопрос в русской литературе». В первой части ее, во втором номере журнала, были охарактеризованы стихотворения о Польше и польском вопросе Пушкина, Вяземского, Жуковского и Тютчева, статьи Погодина. В апрельском номере Пыпин выступил с разбором статьи Ю. Ф. Самарина «Современный объем польского вопроса» («День», 1863, 21 сентября, № 38, а также: Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. I. М., 1877, стр. 325—350). Как основные положения статьи Самарина Пыпин отметил «идею об исконной противоположности греко-славянского и романо-германского мира и о полной несовместимости славянофильства с латинством» и утверждение, что разрешение польского вопроса немыслимо «без коренного, духовного *возрождения* поляков, другими словами — без обращения их в православие» (*ВЕ*, 1880, № 4, стр. 698 и 702). «Это — наиболее цельное, логическое и наглядное изложение теории, которая вообще высказывалась писателями славянофильской школы и их более или менее близкими последователями» — утверждал Пыпин (там же, стр. 694). В «Литературной летописи» газеты «Голос» было помещено краткое изложение статьи Пыпина (*Г*, 1880, 10 апреля, № 101).

Стр. 136. «*Пушкин есть явление чрезвычайное* ∾ сказал *Гоголь*. — Достоевский цитирует начало статьи Гоголя «Несколько слов о Пушкине» (1832. Напечатана в 1835 г. в сборнике «Арабески», ч. I). У Гоголя далее следовало: «. . . это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» (*Гоголь*, т. VIII, стр. 50).

Стр. 138. *. . . из четырнадцати классов, на которые разделено образованное русское общество*. — В 1722 г. Петром I была утверждена «Табель о рангах. . .», согласно которой русское служилое сословие было разделено на четырнадцать разрядов (чинов) — от канцлера до коллежского регистратора (см.: А. Е. Шепелев. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977, стр. 11—12).

Стр. 138. *. . . живущими «без закона»*. . . — См. ниже, примеч. к стр. 139.

Стр. 138. *. . .женщина, «дикая женщина», по выражению одного поэта*. . . — В черновом автографе было вписано продолжение: «нашего, Дайте мне женщину, дикую женщину» (стр. 284). Возможно, имеются в виду слова поэта Я. П. Полонского из его статьи «По поводу последней повести графа Л. Н. Толстого „Казаки“ (Письмо к редактору «Времени»)»: «Я был также на Кавказе, также испытал на себе страсть к полудикой женщине. . .» (*Вр*, 1863, № 3, отд. II, стр. 96).

Стр. 139. *Оставь нас, гордый человек*; // *Мы дики, нет у нас законов*, // *Мы не терзаем, не казним*. — Слова Старика из поэмы Пушкина «Цыганы» (1824), обращенные к Алеко.

Стр. 139. *Зачем, как тульский заседатель*, // *Я не лежу в параличе?* — Цитата из «Путешествия Онегина».

Стр. 140. *Бес благородный скуки тайной*. — Цитируется стихотворение Некрасова «Отрадно видеть, что находит. . .» (1845):

Отрадно видеть, что находит
Порой хандра и на глупца,
Что иногда в морщины сводит
Черты и пошлого лица
Бес благородный скуки тайной. . .

(*Некрасов*, т. I, стр. 17)

Стр. 140. *Не такова Татьяна* ∾ *это апофеоза русской женщины*. . . — Это понимание образа Татьяны является развитием и углублением сказанного о ней Белинским, в его девятой пушкинской статье. Критик утверждал: «. . .едва ли не выше подвиг нашего поэта в том, что он первый поэтически воспроизвел, в лице Татьяны, русскую женщину. . .» (*Белинский*, т. VII, стр. 473). Писал он и о замечательных свойствах натуры Татьяны: «Вся ее жизнь проникнута тою целостностью, тем единством, которое в мире ис-

кусства составляет высочайшее достоинство художественного произведения», «. . .Татьяна — существо исключительное, натура глубокая. . .» (там же, стр. 482—484). О расхождении Достоевского с Белинским в оценке решения Татьяны в последней сцене романа см. ниже, примеч. к стр. 142.

Образ Татьяны привлекал внимание Достоевского и ранее. В статье «Книжность и грамотность» (1861) содержалась хоть и краткая, но очень высокая оценка: «. . . тип единственный до сих пор в нашей поэзии, перед которым с такой любовью преклонилась душа Пушкина как перед родным русским созданием . . .» (наст. изд., т. XIX, стр. 11; ср. также стр. 212). См.: *Фридлендер*, *У истоков почвенничества*, стр. 407.

Стр. 140. *. . . и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным.* — Имеются в виду строфы XL—XLVII восьмой главы «Евгения Онегина». См. стр. 141—142 и примеч. к ним. В «Подростке» (1875) Достоевский писал: «. . . у великих художников в их поэмах бывают иногда такие *больные* сцены, которые всю жизнь потом с болью припоминаются, — например, последний монолог Отелло у Шекспира, Евгений у ног Татьяны. . .» (наст. изд., т. XIII, стр. 382).

Стр. 140. *Можно даже сказать ∞ кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева.* — На полях наборной рукописи речи о Пушкине эта фраза была вписана Достоевским и имела продолжение: «. . . и Наташи в „Войне и мире" Льва Толстого» (см. варианты *НР* к стр. 140 и стр. 455). Затем эти слова были вычеркнуты и не вошли в печатный текст. Но вся эта фраза была полностью произнесена Достоевским в речи 8 июня. Н. Н. Страхов свидетельствовал: «При имени Тургенева зала, как всегда, загрохотала от рукоплесканий и заглушила голос Федора Михайловича. Мы слышали, как он продолжал: „...и Наташи в «Войне и мире» Толстого". Но никто в зале не мог их слышать, и он должен был остановиться, чтоб переждать, когда утихнет вновь и вновь подымавшийся шум. Когда он стал продолжать речь, он не повторил этих заглушенных слов и потом выпустил их в печати, так как они действительно не были произнесены во всеуслышание» (*Биография*, отд. I, с. 310—311; также: *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 351). О реакции публики на упоминание Тургенева в речи Достоевского см. также в воспоминаниях Д. Н. Любимова и Е. П. Султановой-Летковой (там же, стр. 375 и 391), в дневнике М. А. Веневитинова и в письме И. С. Аксакова к О. Ф. Миллеру от 17 августа 1880 г. (*ЛН*, т. 86, стр. 504, 505, 514).

«Дворянское гнездо» Достоевский ценил выше всех романов Тургенева. «Чрезвычайно хорошо», — так выразил он свое впечатление при первом чтении его (см. письмо к Н. М. Достоевскому от 9 мая 1859 г.). «Дворянское гнездо», «Мертвые души», «Обломова» и «Войну и мир» писатель отнес к самым сильным произведениям русской литературы (см. письмо к А. Н. Майкову от 12 (24) февраля 1870 г.). В «Дневнике писателя» за 1876 г. упоминания этого романа Тургенева связаны с размышлениями о Пушкине. В февральском выпуске Достоевский утверждал, что все вековечное и прекрасное в типах Гончарова и Тургенева («Обломов» и «Дворянское гнездо») от того, что «они в них соприкоснулись с народом», и поставил это в прямую зависимость от поворота к народу, который совершил Пушкин (см. наст. изд., т. XXII, стр. 44). См. также о Татьяне, женщинах Тургенева и Толстого в июльско-августовском выпуске «Дневника» за 1876 г. (т. XXIII, стр. 88—89). И. С. Аксаков писал О. Ф. Миллеру 17 августа 1880 г. о реакции Анненкова и Тургенева на речь Достоевского: «Скажу, впрочем, что оба они, особенно Тургенев, был отчасти (и даже не отчасти, а на две трети) подкуплены упоминанием о *Лизе* Тургенева.[1] Ив. Сергеевич вовсе этого от Достоевского не ожидал, покраснел и просиял удовольствием <. . .> Некоторые тогда же подумали, что со стороны Достоевского это было своего рода captatio benevolentiae <заискивание — *лат.*>. Это несправедливо. Ровно дней за двенадцать <. . .> Достоевский в разговоре со мною о Пушкине повторил

[1] Это сопоставление было покрыто рукоплесканиями. (*Примеч. И. С. Аксакова*).

почти то же, что потом было прочтено им в «Речи», и также у [illegible] о Лизе Тургенева, прибавив, впрочем, при этом, что после этого Тургенев ничего лучшего не написал. . .» (*ЛН*, т. 86, стр. 514).

Стр. 140. . . .*Онегин совсем даже не узнал Татьяну* ∾ *может быть, принял ее за «нравственный эмбрион»*. — Ср. со словами Белинского из девятой статьи о Пушкине: «Немая деревенская девочка с детскими мечтами — и светская женщина, испытанная жизнию и страданием, обретшая слово для выражения своих чувств и мыслей: какая разница! <. . .> Да это уголовное преступление — не подорожить любовию нравственного эмбриона!» (*Белинский*, т. VII, стр. 499).

Стр. 140. *Если есть кто нравственный эмбрион* ∾ *сам, Онегин. . .* — Д. И. Писарев также писал в статье «Пушкин и Белинский» (1865): «Наконец, отвращение Онегина к упорному труду <. . .> составляет симптом очень печальный, по которому мы уже заранее имели право предугадывать, что Онегин навсегда останется эмбрионом» (*Писарев*, т. III, стр. 314).

Стр. 140. . . .*«постигал душой все ее совершенства»*. — У Пушкина:

Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство.

(«Евгений Онегин»,
гл. восьмая, строфа XXXII —
«Письмо Онегина к Татьяне»)

Стр. 140. . . .*в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного!* См. также стр. 213: . . .*рабство и лакейство души перед авторитетом*. — Лакейство как подчинение авторитету, как слепое следование готовой чужой догме относится к выражениям, постоянно применявшимся Достоевским. См. в подготовительных материалах к «Преступлению и наказанию»: «NB. Нигилизм — это лакейство мысли. Нигилист — это лакей мысли» (наст. изд., т. VII, стр. 202). В «Бесах» Шатов говорит об атеистах: «Люди из бумажки, от лакейства мысли всё это» (т. X, стр. 110). «Лакейство мысли» русского дворянина за границей не раз отмечено в записных тетрадях к «Бесам» (т. XI, стр. 71 и 157; см. также примеч. в т. XII, на стр. 334). В тех же тетрадях много близких заметок о либералах-западниках. Так, Стасюлевич и его соратники «родились лакеями», ибо: «Наш либерал прежде всего лакей»; либеральные органы: «Лакейская журналистика и лакейские журналы только и смотрят, как бы доказать, что в России нет самостоятельности перед Европою. . .»; и повторяется примененная по отношению к нигилизму формулировка: «NB. Западничество есть лакейство, лакейство мысли» (см. т. XI, стр. 169; т. XII, стр. 348). Полемике с «русскими европейцами» в вопросе о войне с Турцией посвящены первые главки ноябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г.: «Лакейство или деликатность?» и «Самый лакейский случай, какой только может быть» (см. выше, стр. 67, 73).

В черновом автографе пушкинской речи после слова «страдальцах» было вписано: «в этих свободных и страдающих душах» (стр. 286). В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., говоря о требующих свободы «современных мыслителях» («. . .мыслители провозглашают общие законы. . .»), Достоевский утверждал: «. . .а свобода эта ведет огромное большинство лишь к лакейству перед чужой мыслью...» (наст. изд., т. XXV, стр. 47).

Стр. 141. . . .*отправился с мировою тоской своею* ∾ *кипя здоровьем и силою. . .* — Имеются в виду странствия Онегина, описанные в строфах XII и XIII восьмой главы «Евгения Онегина» и в «Отрывках из путешествия Онегина», цитируемых ниже.

Стр. 141. *В бессмертных строфах романа* ∾ *загадочного еще для нее человека*. — Речь идет о строфах XVI—XXV седьмой главы «Евгения Онегина».

Стр. 141. *Уж не пародия ли он?* — Цитата из строфы XXIV седьмой главы «Евгения Онегина».

Стр. 141. . . .*кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась ее души* ∾ *светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину?* — Имеются в виду, с одной стороны, Белинский, с другой — Писарев. В последнем объяснении Татьяны с Онегиным, по утверждению Белинского, сказалось «все, что составляет сущность русской женщины с глубокою натурою», — задушевность, чистота и искренность чувств. Но критик пишет и «о тщеславии добродетелью, под которой замаскирована рабская боязнь общественного мнения», и что пока Татьяна «в свете — его мнение всегда будет ее идолом» (*Белинский*, т. VII, стр. 498, 500). Писарев же в своей нарочито-заостренной полемической характеристике Татьяны заявляет более резко: «. . .отталкивая его (Онегина, — *Ред.*) из уважения к требованиям света, она презирает „всю эту ветошь маскарада"; презирая всю эту ветошь, она занимается ею с утра до вечера», «свет мне противен, но я намерена безусловно исполнять все его требования» — так интерпретировал критик слова Татьяны (*Писарев*, т. III, стр. 349).

Стр. 141. *Но я другому отдана // И буду век ему верна.* — У Пушкина:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.

(«Евгений Онегин»,
гл. восьмая, строфа XLVII)

См. ниже, примеч. к с. 142.

Стр. 141. . . .(*а не южная или не французская какая-нибудь*). . . — Современники усматривали в этих словах намек на возлюбленную Тургенева Полину Виардо-Гарсиа. К. А. Тимирязев, слушавший пушкинскую речь, вспоминает: «Уставившись своими злобными маленькими глазками на Тургенева, поместившегося под самой кафедрой и с добродушным вниманием следившего за речью, Достоевский произнес следующие слова: „Татьяна могла сказать: «Я другому *отдана* и буду век ему верна», потому что она была русская женщина, а не какая-нибудь француженка или испанка"» (К. А. Тимирязев. Наука и демократия. М., 1920, стр. 370).

Стр. 141. *Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это.* — Речь идет о подвиге декабристок. Еще в 1854 г. в письме от 22 февраля Достоевский писал М. М. Достоевскому о встрече с А. Г. Муравьевой, П. Е. Анненковой и Н. Д. Фонвизиной на пересыльном пункте в Тобольске в 1850 г.: «Ссыльные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились о нас как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас». В «Дневнике писателя» за 1873 г. писатель так выразил свое восхищение: «Мы увидели этих великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё, знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осужденные мужья» (наст. изд., т. XXI, стр. 12 и 385). Говоря о высоком нравственном облике русской женщины, Достоевский в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. вновь напомнил о декабристках (см. т. XXIII, стр. 89).

Стр. 141. *Этому-то старику генералу. . .* — Ошибочное представление о возрасте мужа Татьяны было широко распространено в 60—70-е годы. Анализ романа Пушкина в сопоставлении с реальными биографиями военных деятелей той эпохи позволил Н. О. Лернеру сделать вывод о том, что мужу Татьяны было не более 35 лет. «В своей знаменитой речи о Пушкине (1880 г.) он (Достоевский, — *Ред.*), — писал Лернер, — несколько раз назвал мужа Татьяны „стариком", „старцем", „старым мужем": эта старость в глазах писателя увеличивала жертву Татьяниной верности. Жалостливое сердце Достоевского невольно подсказало эту, по существу ненужную, черту, не оправ-

дываемую ни показаниями самого создателя Онегина, ни общеисторическими условиями онегинской эпохи» (Н. О. Лернер. Муж Татьяны. — В кн.: Н. О. Лернер. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, с. 215).

Стр. 141. . . .*«с слезами заклинаний молила мать»*. . . — «Евгений Онегин», гл. восьмая, строфа XLVII.

Стр. 142. *А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? ∾ Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок?* — Здесь и ниже (см. следующие примечания) отразились идеи, составляющие зерно философско-этической проблематики романов «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы»: утверждение о невозможности достижения высокой цели низкими средствами и общего блага — ценою страдания отдельной личности, о пагубности бесчеловечного поступка для общества и личности самого преступившего, осуждение индивидуализма (см. наст. изд., т. VI, стр. 210—212, 419—420; т. XIV, стр. 224; т. XV, стр. 469—470. См.: *Фридлендер*, с. 309—365; Ю. Ф. Карякин. О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание». — В кн.: *Достоевский и его время*, стр. 166—195).

Стр. 142. *Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой ∾ Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии?* — Ср. со словами Ивана, обращенными к Алеше, в главке «Бунт» книги «Pro и contra» романа «Братья Карамазовы»: «...представь, что ты сам возводишь здание судьбы человеческой ‹. . .›, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице ‹. . .› согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!» (наст. изд., т. XIV, стр. 224. См. также следующее примечание). Ранее, в «Дневнике писателя» за 1877 г., Достоевский утверждал: «Лучше верить тому, что счастье нельзя купить злодейством, чем чувствовать себя счастливым, зная, что допустилось злодейство» (наст. изд., т. XXV, стр. 49).

Стр. 142. *И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди ∾ согласились бы сами принять от вас такое счастие, если в фундаменте его заложено страдание ∾ и, приняв это счастие, остаться навеки счастливыми?* — В «Братьях Карамазовых» сходным вопросом к Алеше закончил Иван свое рассуждение о построенном на страдании здании человеческой судьбы: «И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастие на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, оставаться навеки счастливыми?» (наст. изд., т. XIV, стр. 224).

В черновом автографе речи о Пушкине, а также и в наборной рукописи, после слов «навеки счастливыми» следовал пересказ разговора Бьяншона с Растиньяком из романа Бальзака «Отец Горио», еще более непосредственно (см. об этом выше, стр. 455), чем в окончательном тексте, связывавший проблематику пушкинской речи с романами «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (см. выше, стр. 288 и 336).

Стр. 142. *Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душою...* — С самого начала работы над пушкинской речью Достоевский неизменно подчеркивал принципиальную значимость развязки «Онегина». В одном из первых черновых набросков отмечено: «Финал „Онегина": русская женщина, сказавшая русскую правду, — вот чем велика эта русская поэма» (стр. 217). Затем, уже в черновом автографе, новая запись на полях: «...в решении Татьяной вопроса в последней главе романа я вижу мысль и всю правду поэмы, *для которой, может быть, она и была задумана*» (стр. 285. — Курсив наш, — *Ред.*). См. стр. 140—141 и примеч. к ним.

Стр. 142. *...вопрос: почему Татьяна не пошла с Онегиным, имеет у нас ∾ историю весьма характерную...* — Достоевский полемизирует здесь с девятой статьей Белинского о Пушкине. Белинский писал: «Вот истинная гордость женской добродетели! Но я другому *отдана — отдана*, а не *отдалась*! Вечная верность — *кому* и в *чем*? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнрав-

ственны...» (*Белинский*, т. VII, стр. 501). В одном из первых черновых набросков к пушкинской речи Достоевский возражал Белинскому: «Тут другой вопрос: не кому и чему отдана, а кому и чему отдаться? Да если б она освободилась, она не пошла бы за ним», «Если б она верила в него, она бы пошла за ним <. . .> Но во что было верить Татьяне?» (стр. 217, 216). В письме к А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. Достоевский иронически вспоминал о строках Белинского, «в которых тот плачет, зачем Татьяна осталась верна мужу?». См. также юношески-прямодушный упрек Коли Красоткина в «Братьях Карамазовых», обращенный к Татьяне и навеянный чтением приведенного отрывка Белинского «о Татьяне, зачем она не пошла с Онегиным» (наст. изд., т. XIV, стр. 501. Ср. также т. XIX, стр. 234).

Стр. 143. ...«*счастье было так возможно, так близко!*» — «Евгений Онегин», гл. восьмая, строфа XLVII.

Стр. 143. *У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром.* — Раньше, в статье «Книжность и грамотность» (1861), Достоевский резко выступил против Каткова, отрицавшего народность Онегина как типического лица. Писатель утверждал, что тип этот народен и что пушкинский герой принадлежит к тем представителям образованного общества, которые «стали сознавать себя русскими и почувствовали на себе, как трудно разрывать связь с *родной почвой* и дышать чужим воздухом...» (наст. изд., т. XIX, стр. 10. Курсив наш, — *Ред*. Ср. там же, стр. 233—234). В черновом наброске к речи о Пушкине Онегин также «всецело русский человек, русская тоска тогдашнего времени» (см. выше, стр. 214), но далее добавляется: «Это тоже Алеко — *оторванный от почвы*» (там же. Курсив наш, — *Ред*.).

Стр. 143. ...«*крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни*». — У Пушкина: «Где нынче крест и тень ветвей Над бедной нянею моей...» («Евгений Онегин», гл. восьмая, строфа XLVI).

Стр. 144. *В надежде славы и добра // Гляжу вперед я без боязни...* — Начальные строки стихотворения Пушкина «Стансы» (1826).

Стр. 144. *...за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие.* — «Одним исключением» Достоевский считал, по-видимому, Льва Толстого. Добавление «из самых позднейших» делает затруднительным отнесение той же оценки к Тургеневу, Некрасову, Островскому. Скорее Достоевский мог иметь в виду под другим Ф. М. Решетникова, а может быть, и Н. С. Лескова. См. также стр. 454.

Стр. 144. *Возьмите Сказание о медведе и о том, как убил мужик его боярыню-медведицу...* — Имеется в виду пушкинская «Сказка о медведихе» (1830?). Достоевский писал о ней и в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (см. стр. 116). «Сказку о медведихе» и «Пророка» он читал на литературно-музыкальном вечере в Москве 8 июня 1880 г.

Стр. 144. *Сват Иван, как пить мы станем...* — Начальные строки стихотворения Пушкина 1833 г.

Стр. 145. *...не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов.* — Эта мысль была высказана Достоевским уже в «Дневнике писателя» за 1877 г. В главке, посвященной характеристике «Анны Карениной», он утверждал: «Бесспорных гениев, с бесспорным „новым словом“ во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частию Гоголь. Вся плеяда эта (и автор «Анны Карениной» в том числе) вышла прямо из Пушкина...» (наст. изд., т. XXV, стр. 199. Ср. выше, стр. 467).

Стр. 145. *Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин.* См. также стр. 145—146: *Пушкин лишь один изо всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность.* — Идея Достоевского о «всеотзывчивости» Пушкина представляет переосмысление идей Белинского и Гоголя о «протеизме» Пушкина. Ср.: *Белинский*, т. VII, стр. 333; *Гоголь*, т. VIII, стр. 384; ср. выше, стр. 450, 451 и 468.

Стр. 145. *И эту-то способность* ∾ *он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт.* — Эта получившая законченное выражение в речи о Пушкине идея развивалась Достоевским с начала

60-х годов. Первая часть статьи «Книжность и грамотность» (1861) была посвящена горячей полемике по вопросу о народности Пушкина с ее отрицателями — М. Н. Катковым, С. С. Дудышкиным и отчасти с Белинским. В ней выявился и особый аспект в понимании писателем существа народности великого поэта: Пушкин народен как провозвестник *«общечеловеческих начал»*, свойственных русскому народу (см. наст. изд., т. XIX, стр. 16). В декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., в главке «Пушкин, Лермонтов и Некрасов», Достоевский еще более определенно связывает народность Пушкина с преклонением «перед правдой народа русского», состоящей во всечеловечности, всемирной отзывчивости, в стремлении к всеединению (см. выше, стр. 450, 451, 468).

Стр. 146. *...сцены из «Фауста»...* — Имеется в виду пушкинская «Сцена из Фауста» (1825).

Стр. 146. *...баллада «Жил на свете рыцарь бедный».* — Эту балладу, с образом героя которой соотнесен Мышкин, читает Аглая в романе «Идиот» (см. наст. изд., т. VIII, стр. 206—211; т. IX, стр. 263, 264, 269, 401—404).

Стр. 146. *Перечтите «Дон-Жуана»...* — Имеется в виду «Каменный гость» (1830).

Стр. 146. *Какие глубокие, фантастические образы в поэме «Пир во время чумы» ∾ страдальческое предчувствие своего грядущего.* — «Маленькая трагедия» «Пир во время чумы» (1830) навеяна сценой из драмы английского поэта Дж. Вильсона (Wilson, 1755—1854) «Чумный город» («The City of the Plague», 1816). Отмеченные Достоевским песни Председателя («песня о чуме») и Мери принадлежат самому Пушкину.

Стр. 146. *Однажды странствуя среди долины дикой ∾ в то, во что они поверили.* — Достоевский имеет в виду стихотворение Пушкина «Странник» («Однажды, странствуя среди долины дикой...», 1835) — переложение отрывка из книги английского поэта и пуританского проповедника Джона Беньяна (Bunyan, 1628—1688) «Путь паломника» («The Pilgrims Progress from this World, to that Which is to Come», 1678—1684. Первый русский прозаический перевод 1782 г.). В библиотеке Достоевского было это сочинение Беньяна, — вероятно, русский перевод 1878 г. под заглавием: «Путешествие пилигрима в небесную страну и духовная война» (см.: *Библиотека*, стр. 127). См.: Д. Благой. Джон Беньян. Пушкин и Лев Толстой. — В кн.: Д. Благой. От Кантемира до наших дней, т. 1. М., 1972, стр. 334—365. Достоевский читал пушкинского «Странника» в салоне Е. А. Штакеншнейдер (см. выше, стр. 422). «Ересиархом» и «сектатором» Достоевский называет Беньяна как фанатического приверженца учения пуританской церкви.

Стр. 146. *...религиозные же строфы из Корана или «Подражания Корану» ∾ грозная кровавая сила ее?* — Речь идет о цикле стихотворений Пушкина «Подражания Корану» (1824). Мотивы и образы «Подражаний Корану» были использованы Достоевским в романе «Преступление и наказание», «Подросток» и «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. VI, стр. 212; т. VII, стр. 382; т. XIII, стр. 175; т. XV, стр. 80; т. XVII, стр. 379).

Характеризуя «Подражания Корану» как «религиозные» строфы (как и усматривая в «Страннике» отражение «религиозного мистицизма»), Достоевский переосмыслял эти произведения в духе своего мировоззрения: на самом деле Пушкина в Коране, как и в книге Беньяна, привлекали, в первую очередь, их яркая образность и поэтическое содержание, которые давали поэту широкий простор для лирико-философских и биографических ассоциаций.

Стр. 146. *А вот и древний мир, вот «Египетские ночи» ∾ съедающей своего самца.* — В этих словах кратно изложено то понимание поэмы о Клеопатре из повести Пушкина «Египетские ночи» (1835), которое было развито Достоевским в статье «Ответ „Русскому вестнику“» (*Вр*, 1861, № 3; см. наст. изд., т. XIX, стр. 133—135). Эта статья, как и две предшествовавшие ей, — «Образцы чистосердечия» и «„Свисток“ и „Русский вестник“» — были посвящены полемике Достоевского с журналом М. Н. Каткова «Русский вестник» по поводу женского вопроса в связи с выступлением на литературном вечере

в Перми Е. Э. Толмачевой с чтением импровизации итальянца из повести Пушкина (см. т. XIX, стр. 91—116, 119—138, 292—298, 300—309). Достоевский обращался к «Египетским ночам» и ранее — в «Неточке Незвановой», «Преступлении и наказании» и «Идиоте» (см. наст. изд., т. II, стр. 116, 487 и 491; т. VI, стр. 216; т. VII, стр. 384; т. VIII, стр. 492; т. IX, стр. 351 и 382).

Стр. 147. *В самом деле, что такое для нас петровская реформа* ∾ *Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов* ∾ *Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим...* — Ср. со статьей 1861 г. «Книжность и грамотность»: «В деле Петра (мы уж об этом теперь не спорим) было много истины. Сознательно ли он угадывал общечеловеческое назначение русского племени, или бессознательно шел вперед, по одному чувству, стремившему его, но дело в том, что он шел верно» (наст. изд., т. XIX, стр. 18).

Об отношении Достоевского к петровским реформам, об эволюции взглядов писателя на Петра I и его деятельность см. наст. изд., т. XVIII, стр. 26, 35—37, 104—107, 220—221, 297—299; т. XIX, стр. 18—19; т. XX, стр. 12—15; т. XXIII, стр. 46—47. См. также: Е. И. Кийко. Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839». — *Материалы и исследования*, т. I, стр. 189—200; В. И. Кайгородов. Об историзме Достоевского. — *Материалы и исследования*, т. IV, стр. 27—40; *РЛ*, 1981, № 4, стр. 41, 42.

Стр. 147. *Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени* ∾ *стремления нашего к воссоединению людей*. Ср.: «*...удел всего арийского племени есть русское дело, родное нам, прирожденное, наша сущность, наш идеал*» (*ЧН*$_2$, см. стр. 214). — Взаимоотношения России и Европы, историческое предназначение России — вопрос, постоянно возникавший перед Достоевским в романах и письмах (ср. наст. изд., т. XIII, стр. 374—377; ср. письма Достоевского к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. и от 15 (27) мая 1869 г.), — главнейшие темы «Дневника писателя» за предшествующие годы (см. наст. изд., т. XXII, стр. 122; т. XXIII, стр. 46—50). В «Дневнике писателя» за 1877 г. утверждалось: «Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени...» (наст. изд., т. XXV, стр. 23). Так же определенно сформулировал Достоевский сходную мысль и позже — в «Дневнике писателя» за 1881 г. («Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными»), напомнив о сказанном им в речи о Пушкине. О полемике Н. К. Михайловского с Достоевским по этому вопросу см. выше, стр. 488; см. также следующее примечание.

Стр. 148. *Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе...* — Этот тезис Достоевского вызвал возражение критиков, в частности А. Д. Градовского, который писал: «Признаемся, это „служение“ вызывает в нас нерадостное чувство. Время ли Венского конгресса и вообще эпохи конгрессов может быть предметом нашей „гордости“? То ли время, когда мы, служа Меттерниху, подавляли национальное движение в Италии и Германии и косились даже на единоверных греков? И какую ненависть нажили мы в Европе именно за это „служение“!» (*Г*, 1880, 25 июня, № 174). См. ниже, стр. 507.

О взаимоотношениях России и Европы Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 46—48). Более полное завершение позиция писателя получила в «Дневнике писателя» за 1881 г. (см. наст. изд., т. XXVII).

Стр. 148. *...эту нищую землю «в рабском виде исходил благословляя» Христос.* — Достоевский перефразирует заключительную строфу стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855):

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

Из стихотворений Тютчева Достоевский любил более всего и постоянно цитировал это стихотворение (см. наст. изд., т. IX, стр. 306; т. XIV, стр. 226; т. XXI, стр. 70; т. XXIII, стр. 103. См. также: *Достоевский, Библиография*; Ф. И. Тютчев. Библиографический указатель. М., 1978; А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 172—177).

Стр. 149. ...*прочтя вашу критику, г-н Градовский, я приостановил печатание «Дневника»*... — О статье А. Д. Градовского см. выше, стр. 476—478.

Стр. 149. ...*почему же я вам теперь отвечаю?* ∾ *Для этих других и пишу.* — В архиве А. Д. Градовского (*ИРЛИ*, ф. 86) сохранился его «Ответ г-ну Достоевскому», не появившийся в печати. Здесь говорится: «Г-н Достоевский написал четыре лекции по поводу одной, якобы прочитанной ему мною. Я опять ограничиваюсь „одной" заметкой, или, если угодно, лекцией. <...> Г-н Достоевский, обращаясь ко мне, говорит, что ответ его напечатан вовсе не для меня, а для читателя. Я в этом никогда не сомневался. Всякая полемическая статья, как и всякая статья, пишется именно для читателей, а вовсе не для того лица, против которого она направлена. Иначе литературным соперникам следовало бы ограничиться частными письмами». Далее А. Д. Градовский возражал Достоевскому, причислившему его к «западникам», т. е. к «направлению, с которым г-н Достоевский ведет немного запоздалую войну». С точки зрения А. Д. Градовского, «теперь на всей Руси едва ли отыщется истый „западник" вроде Чаадаева» (Сообщено Е. В. Свиясовым).

Стр. 149. ...*откуда взялись наши «скитальцы»*... — Речь идет о следующем месте статьи Градовского: «...нельзя не признать большой заслуги г-на Достоевского в том, что он установил историческую связь между типом, созданным впервые Пушкиным в Алеко, и теми типами „скитальцев", которые так художественно были выведены авторами „Кто виноват?", „Рудина" и др. Но остается объяснить, откуда взялись эти „скитальцы", эти мученики, оторванные от народа?» (*Г*, 1880, 25 июня, № 174).

Стр. 150. «*Так или иначе, но уже два столетия* ∾ *источников русских*». — Эта и другие цитаты — из указанной выше статьи Градовского.

Стр. 150—151. ...«*Господи сил, с нами буди!*»... — Достоевский имеет в виду православную молитву, читаемую в первую неделю великого поста.

Стр. 151. ...*с неудобством церковнославянского языка, будто бы непонятного простолюдину (а старообрядцы-то? Господи!).* — Выступая за сохранение «древлего благочестия», старообрядцы не признавали новых икон и книг, исправленных официальною церковью. При некоторых старообрядческих общинах создавались школы-«граматицы», в которых обучали чтению древних церковнославянских текстов.

Стр. 151. ...«*Господи, владыко живота моего*»... — Начало молитвы, сочиненной Ефремом Сириным — религиозным деятелем и писателем, жившим на рубеже IV и V веков, уроженцем г. Низибия. Ср. стихотворение А. С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836), где содержится поэтическое переложение этой молитвы.

Стр. 151. ...*преобразившись из церкви в Римское государство*... — Христианство стало государственной религией Римской империи в начале IV в. (см. об этом наст. изд., т. XIV, стр. 57—58; т. XV, стр. 534—535).

Стр. 151. ...*один из критиков моих* ∾ «*А свальный грех?*» — Достоевский, вероятно, имеет в виду устный критический отзыв о его речи.

Стр. 152. ...«*умывавшие руки в крови*»... — Неточная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова: «Рыцарь на час» (1862). У Некрасова: «От ликующих, праздно болтающих, // Обагряющих руки в крови...». Это стихотворение Достоевский считал одним из шедевров поэта (см. стр. 119).

Стр. 152. ...*когда преобразился в свою очередь в «европейского либерала».* — Достоевский имеет в виду свое увлечение идеями французских социалистов-утопистов и участие в кружках петрашевцев в 1847—1849 годах (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 306—334).

Стр. 152. ...«*Сын на матери ехал, молода жена на пристяжечке*»... — Строки припева, встречающегося в русских народных песнях «Как по улице идет молодец...», «Улица, улица моя...» и др.:

Как сын на матери снопы возил,
Молода жена во пристяжи была.

(См.: А. И Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII. СПб., 1902, №№ 88—90).

Стр. 152. ...*из Большой Морской*... — На этой улице (ныне ул. Герцена в Ленинграде) находились магазины, рестораны, парикмахерские, которые посещала аристократическая публика. Большая Морская упоминается в ряде произведений Достоевского (см., например, наст. изд., т. III, стр. 354; т. VIII, стр. 108 и др.).

Стр. 153. ...*последней войне за Христову веру, попранную у славян мусульманами.* — Достоевский имеет в виду русско-турецкую войну 1877—1878 годов, события которой он освещал в «Дневнике писателя» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 44—46, 148—153; т. XXV, стр. 67—74 и др.).

Стр. 153. ...*«Chacun pour soi et Dieu pour tous»*... — В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский писал, что эта «общественная формула» отражает «основную идею буржуазии» (см. наст. изд., т. XXV, стр. 84, 389; т. V, стр. 81, 371).

Стр. 153. ...*«Après moi le déluge»*. — См. наст. изд., т. XXV, стр. 84, 383; т. V, стр. 75.

Стр. 154. *Держиморда.* — Имя полицейского в «Ревизоре» (1836) Гоголя.

Стр. 154. ...*вы говорите о Дмухановских*... — Антон Антонович Сквозник-Дмухановский — городничий в той же комедии.

Стр. 155. *Трагедия Рудина ∾ умер на другой ниве, но вовсе не столь чуждой ему*... — Герой романа Тургенева «Рудин» (1856) в эпилоге защищал во время Французской революции 1848 г. с красным знаменем в руках одну из баррикад в рабочем предместье Парижа. Достоевский и прежде, работая над образом Версилова — русского «скитальца», наделенного свойством «всемирного боления за всех», вспоминал о Рудине (см. примеч. к «Подростку»: наст. изд., т. XVII, стр. 290—291, 331—333). О полемических заметках Г. И. Успенского по поводу призыва Достоевского к работе на русской «ниве» см. стр. 481.

Стр. 155. ...*Собакевичи*... — Собакевич — персонаж «Мертвых душ» (1842) Гоголя.

Стр. 155. *В детстве моем ∾ всякого разговора.* — Достоевский имеет в виду эпизод, рассказанный им в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 28).

Стр. 156. *Нужно было Пушкина, Хомяковых, Самариных, Аксаковых ∾ «есть редьку и писать донесения».* — Слова, заключенные в кавычки, восходят к следующему тексту поэмы Тургенева «Помещик» (1846):

... умница московский,
Мясистый, пухлый, с кадыком <...>
От шапки-мурмолки своей
Ждет избавленья, возрожденья;
Ест редьку, — западных людей
Бранит — и пишет... донесенья.

(И. С. Тургенев. Полн. собр. сочинений и писем. Изд. 2-е. Сочинения, т. I. М., 1978, стр. 166, ср. там же, стр. 476—478). Достоевский знал текст «Помещика» по «Петербургскому сборнику», где был напечатан его роман «Бедные люди». Об отношении Достоевского к славянофилам см. наст. изд., т. V, стр. 52. В черновом автографе (*ЧА*$_1$) о Тургеневе как авторе цитируемой строки сказано: «... имеющих идеал „есть редьку и писать донесения“, как выразился в 40-х годах незавершившийся поэт и славный потом прозаик». Там же славянофилы охарактеризованы как «честнейшие люди нашего века» (см. наст. том, стр. 304).

Стр. 158. ...*в «местечке Парижé-с» все-таки надобны деньги ∾ не только русского мужика.* — В «Дневнике писателя» за 1873 г. (глава «Старые

люди») аналогичным образом охарактеризован Герцен, который, по словам Достоевского, «отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 9, 378—379). Однако, скорее всего, данный фрагмент написан под впечатлением недавнего чтения воспоминаний П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие», появившихся в «Вестнике Европы», 1880. №№ 1—5 (*Анненков*, стр. 299—301 и примеч., стр. 607—608).

Стр. 159. *«Рабство, без сомнения* ∾ *от весьма даже просвещенных людей.* — Характеризуя отношение к народу «огромного большинства образованного <. . .> сословия» 1840-х годов, Достоевский в 1873 г. писал: «К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, — каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года» (наст. изд., т. XXI, стр. 9 и примеч., стр. 377); в черновом автографе ($ЧА_1$) к комментируемому тексту имеется следующая заметка: «А Чаадаев, а *те*, которые и понять не хотели иначе народ как в 93 году» (см. стр. 304).

Стр. 159. . . . *к восприятию последних европейских идей, à la Лукреция Флориани*. . . — Роман Жорж Санд «Лукреция Флориани» (1846) назван по имени главной героини, дочери рыбака, ставшей знаменитой актрисой. Обладая натурой цельной и страстной, Лукреция ищет гармонии в любви, хотя ей и приходится постоянно бороться с мнением общества. Представления героини о любви возвышенны и целомудренны, но, будучи доверчивой и готовой на жертву, Лукреция обманывается в своих избранниках и не находит счастья ни с одним из них. «Лукреция Флориани» печаталась в 1847 г. в «Отечественных записках», в том же году в «Сыне отечества» (№ 2) появилась рецензия, в которой роман осуждался за проповедь безнравственности. И. А. Гончаров рассказывал, что он в беседе с Белинским в 1847 г. упрекнул Лукрецию Флориани в неосмотрительности при выборе возлюбленных. В ответ на это замечание Белинский сказал Гончарову: «Вы хотите, чтобы Лукреция Флориани, эта страстная, женственная фигура, превратилась в чиновницу» (*Гончаров*, т. VIII, стр. 59). Говоря о русских подражателях Лукреции Флориани, Достоевский, возможно, имел в виду драматические события в семье Герцена, о которых напомнил в «Замечательном десятилетии» упомянутый ниже П. В. Анненков (см.: *Анненков*, стр. 323—329).

Стр. 159. . . *.один старожил, наблюдатель того времени, привел анекдот в журнале*. . . — Имеется в виду П. В. Анненков. В главе XXV своих воспоминаний «Замечательное десятилетие» Анненков рассказывает о том, что Грановский, Кетчер и Герцен с женами в 1845 г. летом поселились в селе Соколово близ Москвы и устраивали там для приезжавших друзей обеды «почти грандиозные». Эпизод встречи с крестьянкой автор воспоминаний изобразил несколько иначе. Он пишет: «. . .всё общество собралось на прогулку в поля, окружавшие Соколово, на которых, по случаю раннего жнитва, царствовала теперь муравьиная деятельность. Крестьяне и крестьянки убирали поля в костюмах, почти примитивных, что и дало повод кому-то сделать замечание, что изо всех женщин одна русская ни перед кем не стыдится и одна, перед которой также никто и ни за что не стыдится. Этого замечания достаточно было для того, чтобы вызвать ту освежающую бурю, которой все ожидали. Грановский остановился и необычайно серьезно возразил на шутку. „Надо прибавить — сказал он, — что факт этот составляет позор не для русской женщины из народа, а для тех, кто довел ее до того, и для тех, кто привык относиться к ней цинически. Большой грех за последнее лежит на нашей русской литературе. Я никак не могу согласиться, чтобы она хорошо делала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространением презрительного взгляда на народность“» (*Анненков*, стр. 262—263). «Замечательное десятилетие» упомянуто Достоевским в черновом автографе ($ЧА_1$) этой главы «Дневника писателя» (см. стр. 304).

Стр 160. . . . *канканчик в Баль-Мабиле*. . . — Мабий (франц. Ма-

bille) — место, где устраивались платные балы с канканом и пр. (см. наст. изд., т. V, стр. 49). Герцен в «Письмах из Франции и Италии» (1847—1852) писал, что на этих балах, доступных только богатым буржуа, «. . .всё пропитано сладострастием» (*Герцен*, т. V, стр. 32).

Стр. 160. . . . *миленькая песенка* ∾ *mon cotillon?* . . — Вторая строчка этой старинной французской песенки имеет и другой вариант: «Mon cotillon va-t-il bien?» ‹Моя юбочка идет мне?› (см.: Grand dictionnaire universel du XIX siècle par Pierre Larousse, t. 5. Paris, [s. a.], p. 271). И. С. Аксаков возражал против чрезмерного «реализма» описания каскадной иевицы в письме его к Достоевскому от 23 августа 1880 г. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1972, т. XXXI, № 4, стр. 356—357.

Стр. 161. . . . *способствовали освобождению крестьян и помогали трудящимся по освобождению скорее такого склада люди, как, например, Самарин, а не ваши скитальцы.* — В романе «Подросток» (1875) Достоевский изобразил «скитальца» Версилова, который во время проведения крестьянской реформы служил мировым посредником и защищал интересы бывших крепостных крестьян (см. наст. изд., т. XIII, стр. 373—374 и примеч. т. XVII, стр. 330—334; ср. также: А. В. Архипова. Дворянская революционность в восприятии Ф. М. Достоевского. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, стр. 237—246). Славянофил Юрий Федорович Самарин (1819—1876) активно участвовал в подготовке и проведении крестьянской реформы 1861 г., был членом редакционных комиссий.

Стр. 161. . . . *абсентеизм* . . . — уклонение, отсутствие (от лат. absens — отсутствующий). Достоевский имеет здесь в виду помещиков, покинувших свои поместья для жизни в Петербурге или за границей.

Стр. 163. . . . *при апостоле Павле сохранялось рабство* ∾ *из посланий апостола*). — По евангельскому преданию, апостол Павел из гонителя христиан стал ревнителем новой религии. В отличие от первоначальных христиан, для которых была характерна проповедь неповиновения неправедной власти, призывал к покорности государству, а рабов увещевал повиноваться своим господам (см., например: Послание к Ефесянам, гл. 6, ст. 5—9; Послание к Титу гл. 2, ст. 9—11). Церковь относит смерть Павла к середине I в. н. э. В Новый завет входят четырнадцать посланий Павла.

Стр. 163. *Слуги и господа будут, но господа уже будут не господами, а слуги не рабами.* — Рассказывая о встрече с бывшим своим денщиком, Зосима в «Братьях Карамазовых» поучает: «. . .так сделай, чтобы был у тебя твой слуга свободнее духом, чем если бы был не слугой» (наст. изд., т. XIV, стр. 287—288 и примеч. — т. XV, стр. 568). В черновом автографе (*ЧА*) Достоевский, обращаясь к Градовскому, доказывал, что «окончательная гармония», к которой придет человечество, предопределена в Апокалипсисе (см. стр. 323).

Стр. 165. . . . *национальность у евреев сложилась только после закона Моисеева, хотя и началась еще из закона Авраамова, а национальности мусульманские явились только после Корана.* — Авраам — согласно Библии, мифический родоначальник иудеев. В Коране Авраам считается общим родоначальником евреев и арабов, одним из предшественников Мухаммеда, основателя мусульманской религии — ислама (VII в.) (см.: Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963). Моисей — по библейскому рассказу принес иудеям каменные скрижали с заповедями бога Яхве и возглавил исход евреев из Египта.

Стр. 167. *Были бы братья* ∾ *«fraternité ou la mort»*. . . — «Liberté, egalité, fraternité ou la mort». Достоевский многократно пользовался этой формулой, восходящей к эпохе Французской революции XVIII в., высказывая при этом суждение, что «сделать братства нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится» (см. наст. изд., т. V, стр. 78—81, ср. также т. VIII, стр. 451; т. X, стр. 473; т. XXII, стр. 83—91).

Стр. 168. . .*Всё это «близко, при дверях»*. — Выражение восходит к Евангелию (см.: Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 33; от Марка, гл. 13, ст. 29). О сокрушительной силе «четвертого сословия» Достоевский писал в черновых набросках к роману «Подросток» (например: «. . .о борьбе ра-

ботника с бульдогом. ‹. . .› И в Европе хотят (bourgeoisie) остановить это четвертое сословие силою. Предсказывает в пламенных словах разрушение мира и цивилизации. „Уже прелюдию видели. *Вам* (т. е. молодежи) надо готовиться, ибо вы будете участниками, время близко, при дверях, и именно, когда кажется так крепко (мильонные армии, разрывные бомбы). Вся эта сила, набранная для защиты цивилизации, против нее же обрушится и ее поглотит"» — наст. изд., т. XVI, стр. 33—34).

Стр. 168. . . . *стародавне-неестественное политическое положение европейских государств* ∾ *учреждения Европы, теперь совершенно языческой.* — С точки зрения позднего Достоевского, церковь в истинном, высшем ее смысле — «общественный союз для устранения государства, для перевоплощения в себя государства» (см. наст. изд., т. XV, стр. 209, 418, 535 и «Дневник писателя» 1881 г., гл. I, § IV «Первый корень»). В черновых набросках ($ЧА_1$) Достоевский писал о западной буржуазной государственности: «Ихнее общество сложилось не по-нашему, не на Христе, а на Римской империи» (см. стр. 221).

Стр. 169. . . . *человекобог встретил богочеловека, Аполлон Бельведерский Христа* ∾ *церковь — римское право и государство.* — Ср. наст. изд., т. X, стр. 189; т. XII, стр. 221—222; т. XIV, стр. 57 и примеч. — т. XV, стр. 534—535.

Стр. 171. . . . *за слова об неудачном служении Меттерниху* ∾ *известным образом и ответил.* — Меттерних Клемент-Венцель (1773—1859) — в 1821—1848 гг. глава австрийского правительства, один из организаторов «Священного союза». Политическая система Меттерниха была направлена на борьбу с революционным, либеральным и национально-освободительными движениями; он, как и Николай I, требовал вмешательства во внутренние дела других государств в целях подавления революции. В декабре 1849 г. Достоевский был приговорен к четырем годам каторжных работ за участие в кружке Петрашевского (об этом см. наст. изд., т. XVIII, стр. 329). В том, что Россия служила при Николае I политике Меттерниха, Достоевский, как он указал в разговоре с О. Ф. Миллером, укорял русское правительство еще в 40-х гг. (см.: *Биография*, стр. 94; ср. наст. изд., т. XVIII, стр. 316; т. XXIII, стр. 65—66).

Стр. 172. *В одной газете* ∾ *благодушное настроение в Москве объявилось».* — 10, 13—15 июня 1880 г. петербургская газета «Молва» поместила ряд заметок, в которых отмечала атмосферу всеобщего восторга на Пушкинском празднике в Москве, а успех речи Достоевского объясняла ее эмоциональностью (см. выше, стр. 476). Об этом же писала и «Петербургская газета»: «Речь г-на Достоевского в чтении производит впечатление, но только на чувство, а не на рассудок — откуда и причина бросания в воздух дамских чепчиков» (*ПГ*, 1880, 17 июня, № 116). Об атмосфере, царившей во время выступления Достоевского с речью о Пушкине, см. в его письме к А. Г. Достоевской, написанном в тот же день, 8 июня 1880 г. вечером.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ[1]

(Стр. 209)

Стр. 209. . . .*на Куликовом поле*. . . — На Куликовом поле, расположенном на р. Дон при впадении в него р. Непрядвы, 8 сентября 1380 г. русские войска под предводительством кн. Дмитрия Донского разгромили монголо-татарские войска, возглавлявшиеся правителем Золотой Орды Мамаем.

Стр. 209. *И Пушкин именно таких разумел: Мстислав, князь Курб‹ский› иль Ермак.* — Достоевский цитирует неоконченную поэму Пушкина «Езерский» (1832—1833). В 1836 г. Пушкин опубликовал несколько строф

[1] Сопоставление окончательного текста «Дневника писателя» 1880 г. с подготовительными материалами к нему см. выше, стр. 451—456.

ее в «Современнике» под названием «Родословная моего героя (Отрывок из сатирической поэмы)», где первые четыре строки VI строфы он напечатал следующим образом:

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав, князь Курбский, иль Ермак,
Или Митюшка целовальник,
Вам все равно — конечно так ‹. . .›

Стр. 209. *. . .его дразнили аристократом писаки русские. . .* — Пушкин писал в стихотворении «Моя родословная» (1830):

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!

Здесь под «писаками русскими» Пушкин в первую очередь имел в виду Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого.

Стр. 209. *Почему не ответить хоть и Булгарину, хотя бы в шуточных стихах?* — Пушкин подверг Булгарина сатирическому осмеянию в стихотворении «Моя родословная». Непосредственным поводом к нему был направленный против поэта булгаринский фельетон в «Северной пчеле» (1830, 7 августа, № 94). См. выше, стр. 452.

Стр. 209. *Превозносились перед ним вельможеством* ∾ *Стихотворение могло и идти всем в ответ.* — В «Моей родословной» Пушкин высмеял и несколько дворянских родов, получивших дворянство в XVIII в., — Меньшиковых, Кутайсовых, Безбородко, Разумовских. Представители этих фамилий были влиятельными деятелями в правящих кругах и при Николае I.

Стр. 210. *Понявший и правду его, что наметил уже в иноке-летописце.* — Об иноке-летописце Пимене из драмы Пушкина «Борис Годунов» см. стр. 130 (и примеч. к ней) и стр. 144.

Стр. 210. *Вдовой.* См. также на стр. 216: *NB. Стань она вдовою, она и тогда бы не пошла за ним.* — Речь идет о героине «Евгения Онегина» Татьяне (см. стр. 142 и примеч. к ней).

Стр. 210. *Его умилительной любви к народу* ∾ *Эти все, эти все картины.* См. также на стр. 210—211: *Это рассказывает старинный человек* ∾ *исчезает, стушевывается*, и на стр. 213: *Молодой казак, именно молодой, а не старый*; *Великий государь* ∾ *Зверства с русской добротой.* — Наброски к характеристике «Капитанской дочки», которая была осуществлена Достоевским в черновом автографе пушкинской речи и еще более развернуто — в наборной рукописи (см. об этом на стр. 455, а также варианты *ЧА* и *НР* к стр. 144).

Стр. 211. *. . .взгляните на третий период его деятельности: Коран, древний Рим, Испания, Англия.* — Достоевский отметил здесь цикл стихотворений Пушкина «Подражания Корану» (1824), его повесть «Египетские ночи» (1835) и «маленькие трагедии» 1830 г. «Каменный гость» и «Пир во время чумы» (их характеристику см. на стр. 146, см. также примеч. к ней).

Стр. 211. *И это нищая-то Россия. Царь небесный в рабском виде.* — См. стр. 148 и примеч. к ней.

Стр. 212. *В надежде славы и добра // Гляжу вперед я без боязни. . .* — См. стр. 144 и примеч. к ней.

Стр. 212. *Посмотрим Медведя.* ∾ *для будущих работников на этой ниве.* — Речь идет о пушкинской «Сказке о медведихе» (см. стр. 144 и примеч. к ней).

Стр. 213. *. . .у той крест и тень ветвей. . .* — См. стр. 143 и примеч. к ней.

Стр. 213. *Кто сказал, что ее уже успел развратить модный свет* ∾ *идеал в душе.* — См. стр. 141 и примеч. к ней.

С т р. 213. *Соблазнительная честь.* — См. обращенные к Онегину слова Татьяны:

Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принесть
Вам соблазнительную честь?

(«Евгений Онегин», гл. восьмая,
строфа XLIV)

С т р. 213. *Кто он? Нет, это он нравственный эмбрион.* См. также на стр. 216: *Нет, если кто был нравственный эмбрион, так это он, Онегин.* — См. стр. 140 и примеч. к ней.

С т р. 213. *Оставь нас, гордый человек.* — См. стр. 139 и примеч. к ней.

С т р. 214. *Мы — нет у нас закона.* — См. стр. 139 и примеч. к ней.

С т р. 214. *Европа и удел всего арийского племени* ∾ *наш удел.* — См. стр. 147 и примеч. к ней.

С т р. 215—216. *От своих отстал* ∾ *Укажите ему тогда систему Фурье. . .* ∾ *Но тогда еще не было системы Фурье.* — См. об этом наброске на стр. 454.

С т р. 216. *. . . в котором отразился век и соврем‹енный› человек. . .* — Пушкин писал о книгах Онегина:

Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно. . .

(«Евгений Онегин», гл. седьмая,
строфа XXII)

С т р. 217. *Сват Иван, Медведь — это любование, это любовь.* — См. стр. 144 и примеч. к ней.

С т р. 217. *Увидеть барский дом нельзя ли. . . // Уж не пародия ли он?* — «Евгений Онегин», строфа XXIV седьмой главы. См. стр. 141.

С т р. 218. *А между тем еще недавно* ∾ *тоску наивысше развитого русского человека.* — Достоевский разумеет мнения, высказанные о Пушкине (об образе Онегина в частности) в статьях С. С. Дудышкина и М. Н. Каткова, с которыми он полемизировал в «Ряде статей о русской литературе» (1861). См. наст. изд., т. XIX, стр. 9—11, 15—17, 232—235. См. также выше, стр. 449.

С т р. 218—219. *Это и тип Чацкого* ∾ *и вышло — сбивчивость.* — Ср. с характеристикой образа Чацкого в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (наст. изд., т. V, стр. 61—62, 367), в подготовительных материалах к «Бесам» (т. XI, стр. 86—87 и т. XII, стр. 338), в «Дневнике писателя» 1876 г. (т. XXII, стр. 106—107; т. XXIII, стр. 92, 390), в записной тетради 1876—1877 гг. (т. XXIV, стр. 303).

С т р. 218. *Премудрого у них незнанья иноземцев. . .* — Цитируется монолог Чацкого из «Горя от ума» А. С. Грибоедова (д. III, явл. 21).

С т р. 219. *Один из известнейших современных русских писателей* ∾ *баричам и виршеплетам».* — Достоевский пересказывает и цитирует «Воспоминания о Белинском» (1869) И. С. Тургенева. См. выше, стр. 453.

С т р. 219. *. . .когда идея попала на улицу. . .* — См. стр. 136 и примеч. к ней.

С т р. 220. *Еще в Евангелии сказано* ∾ *«Не одним хлебом будет жив человек».* — Перефразированное евангельское изречение: «Не хлебом одним будет жить человек» (Евангелие от Матфея, гл. 4, ст. 4 и Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 4).

С т р. 222. *94-й год.* — 27—28 июля 1794 г. во Франции произошел контрреволюционный переворот, свергнувший якобинскую диктатуру, которая к этому времени уже лишилась поддержки основной массы буржуазии и крестьянства.

С т р. 222. *Когда Бабеф.* — Ср. наст. изд., т. XXI, стр. 235, 478.

С т р. 222. *Тен. Утонет в вине.* — Вероятно, имеется в виду упомянутый в «Происхождении современной Франции» И. Тэна разгром винных погребов во время народных волнений в Страсбурге 19 июля 1789 г.: «Забравшись в погреба, выбивают днища у бочек с дорогим вином ‹. . .› образуется озеро вина глубиной в пять футов, в котором многие тонут» (H. T a i n e. Les origines de la France contemporaine. La Révolution, t. 1. Paris, 1878, p. 82, ср. также p. 53: И. Т э н. Происхождение современной Франции, т. 2. СПб., 1907, стр. 51, ср. также стр. 34—35).

С т р. 222. *И рухнет всё — и богатства.* — См. стр. 132 и примеч. к ней.

С т р. 223. *Объяснили разными поводами: всеобщим настроением («Страна»). . .* — См. выше, стр. 476, 478.

С т р. 223. *Зосима.* — См. варианты чернового автографа третьей главы ($ЧА_1$) к стр. 162.

С т р. 224. *К счастью, не вотировалось, как было в 93-м году.* — Ср. наст. изд., т. XXI, стр. 152; т. XXV, стр. 6.

С т р. 224. *Будущий Шекспир и выносить.* — См. стр. 163—164.

С т р. 225. *Меттерних. ∾ когда вы были студентом.* — См. стр. 171 и примеч. к ней.

С т р. 225. *Я намерен с будущего года «Дневник писателя» издавать.* — В 1881 г. Достоевский смог издать лишь единственный, январский, выпуск «Дневника писателя».

‹ПРОГРАММА ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА НА 1878 ГОД›

(Стр. 175)

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 93. I.3.12; см.: *Описание*, стр. 281. На отдельном листке (на обложке листка запись А. Г. Достоевской: «Папин автограф от Маркса»).

Впервые опубликовано: *Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 349.

В собрание сочинений включается впервые.

Датируется второй половиной декабря 1877 г. по содержанию и на основании местоположения на обороте листка с дневниковой записью от 24 декабря 1877 г., в которой речь идет именно об этом предполагаемом издании «Дневника» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 14). Несколько раньше об этом же замысле Достоевский сообщил С. Д. Яновскому. «Хочу попробовать одно новое издание, — писал он, — в которое и войдет „Дневник“ как часть этого издания» (письмо от 17 декабря 1877 г.); см. также наст. изд., т. XXV, стр. 357.

С т р. 175. *Роман, повесть. . .* — В этом отделе Достоевский собирался помещать и свои сочинения. В названном выше письме к Яновскому он не случайно писал: «Таким образом расширю свою форму действия. . .». *Роман* — это, возможно, будущие «Братья Карамазовы»; *повесть* — должно быть, один из замыслов, названных на обороте листка с перечнем тем первым (т. е. «I. Написать русского Кандида»), поглощенным позднее романом «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. XV, стр. 409, 410).

С т р. 175. *Хроника событий ∾ о семинаристах. . .* — Старый замысел Достоевского, отразившийся еще в романе «Бесы» (см. наст. изд., т. X, стр. 103—104). Многие из названных здесь тем были затронуты и в вышедших выпусках «Дневника писателя» за 1876—1877 гг. и в записных тетрадях этого и более раннего времени (см. наст. изд., тт. XX—XXVI).

С т р. 175. *Дневник писателя.* — В письме к Яновскому Достоевский писал об этой части замысла: «Дневник же сам собою так сложился, что изменять его форму, хоть сколько-нибудь, невозможно».

С т р. 175. *Дневник Порецкого, или отметки его какие-либо.* — С А. У. Порецким (1819—1879) Достоевский сотрудничал в пору издания журналов «Время» и «Эпоха», и особенно активно в период редактирования «Гражданина», в котором публицист вел несколько отделов («Петербургское обозрение», «Политическое обозрение», «Областной обзор») и участвовал в составлении раздела «Из текущей жизни».

С т р. 175. *Критическая статья* (*хотя бы о Грибоедове. . .* — Идеи и образы комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» постоянно привлекали внимание Достоевского и отразились на страницах его произведений и творческих рукописей (см. об этом: А. Б е м. «Горе от ума» в творчестве Достоевского. — «Slavia», Praha, Ročnik X, 1931, № 1, s. 88—108; А. Л. Г р и ш у н и н. Грибоедов и «Горе от ума» в наследии Достоевского. — В кн.: Искусство слова. Сборник статей к 80-летию чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благого. М., 1973, стр. 192—199). Можно предположить, что в задуманной статье были бы развернуты мысли, высказанные писателем, в частности, в примечаниях к статье Д. В. Аверкиева «Значение Островского в нашей литературе» (см. наст. изд., т. XX, стр. 229 и 420) и изложенные в ряде набросков к различным выпускам «Дневника писателя» за 1876 г. (см. об этом: наст. изд., т. XXIII, стр. 390—391). Подтверждением этого является следующая заметка из записной тетради 1876 г.: «Я хочу ввести критику, разберу „Горе от ума“» (из программы январского выпуска «Дневника писателя» — см. наст. изд., т. XXIV, стр. 307). В конце 1880 г. Достоевский вновь обратился к замыслу этой статьи 1880—1881 гг. — наст. изд., т. XXVII.

С т р. 175. *Малая критика* ∾ (*текущие книги*). . . — Достоевский возвращается к своей давней идее, воплотить которую он собирался еще в «Эпохе» (см. письмо к М. М. Достоевскому от 29 февраля 1864 г.) и которую проводил в журнале «Гражданин».

С т р. 175. *. . .Росси. . .* — Итальянский трагический актер Эрнесто Росси (1829—1896) с марта 1877 г. гастролировал в России (сначала в Петербурге, затем в Москве и Одессе). Исполнение им заглавных ролей в пьесах Шекспира «Король Лир», «Гамлет», «Отелло», «Ромео и Джульетта» вызвало восторженную реакцию публики. Рецензент «Голоса» писал после одного из выступлений артиста: «. . .Мариинский театр был битком набит ‹. . .› Радостным чувством наполняетесь вы сами, глядя на эти восторги, на это безграничное увлечение чарами искусства в том его высшем выражении, которое называется Шекспир. . .» (*Г*, 1877, 20 марта, № 79). Достоевскому, несомненно, было известно и об обеде, устроенном 3 мая 1877 г. в честь Росси в Москве по инициативе А. Н. Островского и Н. Г. Рубинштейна (см.: *МВед*, 1877, 8 мая, № 109).

С т р. 175. *. . .о Верещагине.* — 16 апреля 1877 г. живописец-баталист Василий Васильевич Верещагин (1842—1904) направился, после долгих хлопот, в действующую армию на только что начавшуюся русско-турецкую войну; здесь он состоял сначала при генерале Д. И. Скобелеве, потом при генерале И. В. Гурко; был тяжело ранен; участвовал в штурме Плевны и в боях за Шипку, проведя на фронтах около десяти месяцев. Писатель А. Н. Цертелев, бывший ординарцем начальника штаба М. Д. Скобелева, писал: «. . .с нами ‹. . .› поместился ‹. . .› живописец Верещагин. Он едва поправился от своей раны под Парапаном, но уже был под Плевной. Он, кажется, пойдет с нами в Балканы, коли пойдем, наконец. Верещагина мы видим лишь после захода солнца. Он целый день работает или собирает костюмы, мундиры и разные вещи, необходимые ему для точности своих будущих картин» (*ИРЛИ*, ф. 265, д. 5516, л. 39; подробнее см. в кн.: А. К. Л е б е д е в. В. В. Верещагин. М., 1972, стр. 167—209). Написанная в 1878—1879 гг. серия картин о русско-турецкой войне принесла художнику большой успех.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ [1]

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).

Печатные источники

Анненков — *П. В.* Анненков. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1960.
Ашукин — Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 3-е, испр. и доп. Гослитиздат, М., 1966.
БВ — «Биржевые ведомости» (газета).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР, М., 1953—1959.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса. 1919.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат, М., 1956.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).
Вр — «Время» (журнал).
Всемирная история — Всемирная история, тт. I—XII. Госполитиздат—«Мысль», М., 1955—1979.
Г — «Голос» (газета).
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1954—1966.
Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М., 1937—1952.
Гоголь в воспоминаниях современников — Гоголь в воспоминаниях современников. Гослитиздат, М., 1952.

---

[1] В список не включены сокращения, совпадающие с сиглами, указанными в перечне источников текста к каждому произведению.

Гончаров — И. А. Гончаров. Собрание сочинений, тт. I—VIII. Гослитиздат, М., 1952—1955.

Горький — М. Горький. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Гослитиздат, М., 1949—1955.

Гр — «Гражданин» (газета).

Григорович — Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1961.

Гроссман, Жизнь и труды — Л. П. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.

Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Д — «Дело» (журнал).

Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I—IV. Гос. изд. иностр. и нац. словарей, М., 1955.

ДНР — «Древняя и новая Россия» (журнал).

Добролюбов — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений, тт. I—IX. Гослитиздат, М.—Л., 1961—1964.

Достоевская А. Г. Библиографический указатель — Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского». 1846—1903. Составила А. Г. Достоевская. СПб., 1906.

Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. «Художественная литература», М., 1971.

Достоевский А. М. — А. М. Достоевский. Воспоминания. Ред. и вступ. статья А. А. Достоевского. Изд. писателей в Ленинграде, 1930.

Достоевский, Библиография — Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965. Изд. «Книга», М., 1968.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, тт. I—II. «Художественная литература», М., 1964.

Достоевский и его время — Достоевский и его время. Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера. «Наука», Л., 1971.

Достоевский — художник и мыслитель — Достоевский — художник и мыслитель. Сб. статей. «Художественная литература», М., 1972.

ДП — «Дневник писателя».

Д, Переписка с женой — Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. «Наука», Л., 1976 (Серия «Литературные памятники»).

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ—«Academia»—Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.

Записки о жизни Гоголя — Николай М. [П. А. Кулиш]. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, тт. I—II. СПб., 1856.

Звенья — Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв., тт. I—IX. «Academia»—Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.

ИВ — «Исторический вестник» (журнал).

КА — «Красный архив» (журнал).

Карамзин — Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. 3-е изд. СПб., 1831.

Кирпотин, Достоевский в шестидесятые годы — В. Я. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. «Художественная литература», М., 1966.

Кирпотин, Достоевский и Белинский — В. Я. Кирпотин. Достоевский и Белинский. «Художественная литература», М., 1960.

Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. I—VIII. «Юридическая литература», М., 1966—1969.

Короленко — В. Г. Короленко. Собрание сочинений, тт. I—X. Гослитиздат, М., 1953—1956.

Леонтьев — К. Н. Леонтьев. Собрание сочинений, тт. I—IX. М., 1912—1914.

Лермонтов — М. Ю. Лермонтов. Сочинения, тт. I—VI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954—1957.
ЛН — Литературное наследство, тт. 1—92. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1931—1982. Издание продолжается.
Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, тт. I—V. «Наука», Л., 1974—1982.
МВед — «Московские ведомости» (газета).
НВр — «Новое время» (газета).
Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII. Гослитиздат, М., 1948—1953.
Нечаева, «Время» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. «Наука», М., 1972.
Нечаева, «Эпоха» — В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. «Наука», М., 1975.
Панаев — И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1950.
ПВ — «Правительственный вестник» (газета).
ПГ — «Петербургская газета».
Писарев — Д. И. Писарев. Сочинения, тт. I—IV. Гослитиздат, М., 1955—1956.
ПО — «Православное обозрение» (журнал).
Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1959.
РА — «Русский архив» (журнал).
РБ — «Русское богатство» (журнал).
РВ — «Русский вестник» (журнал).
РК — «Русский курьер» (газета).
РЛ — «Русская литература» (журнал).
РМ — «Русская мысль» (журнал).
РМир — «Русский мир» (журнал).
Розенблюм — Л. М. Розенблюм. Творческие дневники Достоевского. — В кн.: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. «Наука», М., 1971, с. 9—92 (Литературное наследство, т. 83).
РС — «Русская старина» (журнал).
Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XX. «Художественная литература», М., 1965—1977.
Саруханян — Е. П. Саруханян. Достоевский в Петербурге. Лениздат, Л., 1972.
Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. «Мысль», Л.—М., 1924.
СВ — «Северный вестник» (журнал).
Синклер — Т. Синклер. Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России. Пер. под ред. В. Ф. Пуцыковича. СПб., 1878.
Скотт — В. Скотт. Собрание сочинений в двадцати томах, т. I—XX. Гослитиздат, М.—Л., 1960—1965.
СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
Тургенев в воспоминаниях современников — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, тт. I—II. «Художественная литература», М., 1969.
Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1961—1968.
Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1960—1968.
Успенский — Г. И. Успенский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940—1954.

Фридлендер — Г. М. Фридлендер. Реализм Достоевского. «Наука», М.—Л., 1964.

Фридлендер, У истоков почвенничества — Г. М. Фридлендер. У истоков «почвенничества» (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч»). — Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1971, № 5, стр. 411—416.

Шенрок — В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, тт. 1—4. М., 1892—1897.

1883 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. СПб., 1882—1883.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1877 ГОД

	Текст	Варианты	Примечания
Сентябрь			
Глава первая			
I. Несчастливцы и неудачники	5	229	354
II. Любопытный характер	9	230	357
III. То да не то. Ссылка на то, о чем я писал еще три месяца назад	11	231	359
IV. О том, что думает теперь Австрия	17	234	361
V. Кто стучится в дверь? Кто войдет? Неизбежная судьба	21	236	362
Глава вторая			
I. Ложь ложью спасается	24	237	363
II. Слизняки, принимаемые за людей. Что нам выгоднее: когда знают о нас правду или когда говорят о нас вздор?	27	238	364
III. Легкий намек на будущего интеллигентного русского человека. Несомненный удел будущей русской женщины	31	240	368
Октябрь			
Глава первая			
I. К читателю	34	241	
II. Старое всегдашнее военное правило	34	242	369
III. То же правило, только в новом виде	37	242	372
IV. Самые огромные военные ошибки иногда могут быть совсем не ошибками	39	243	374
V. Мы лишь наткнулись на новый факт, а ошибки не было. Две армии — две противоположности. Настоящее положение дел	42	243	375
Глава вторая			
I. Самоубийство Гартунга и всегдашний вопрос наш: кто виноват?	45	245	376
II. Русский джентльмен. Джентльмену нельзя не остаться до конца джентльменом	46	245	
III. Ложь необходима для истины. Ложь на ложь дает правду. Правда ли это?	51	247	

Глава третья

I. Римские клерикалы у нас в России	54	248	378
II. Летняя попытка Старой Польши мириться	57	249	380
III. Выходка «Биржевых ведомостей». Не бойкие, а злые перья	59	249	381

Н о я б р ь

Глава первая

I. Что значит слово: «стрюцкие»?	63	250	383
II. История глагола «стушеваться»	65	251	384

Глава вторая

I. Лакейство или деликатность?	67	252	386
II. Самый лакейский случай, какой только может быть	73	253	391
III. Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать	77	255	397

Глава третья

I. Голки о мире. «Константинополь должен быть наш» — возможно ли это? Разные мнения	82	257	400
II. Опять в последний раз «прорицания»	87	260	405
III. Надо ловить минуту	89		406

Д е к а б р ь

Глава первая

I. Заключительное разъяснение одного прежнего факта	92	262	408
II. Выписка	94	263	408
III. Искажения и подтасовки и — нам это ничего не стоит	96	263	408
IV. Злые психологи. Акушеры-психиатры	100	265	408
V. Один случай, по-моему, довольно много разъясняющий	103	265	409
VI. Враг ли я детей? О том, что значит иногда слово «счастливая»	107	267	409

Глава вторая

I. Смерть Некрасова. О том, что сказано было на его могиле	111		410
II. Пушкин, Лермонтов и Некрасов	113	268	418
III. Поэт и гражданин. Общие толки о Некрасове как о человеке	119	270	426
IV. Свидетель в пользу Некрасова	123	272	431
V. К читателям	126		431

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» НА 1880 ГОД

А в г у с т

Глава первая. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине	129	273	492
Глава вторая. Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности	136	280	495

Глава третья. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном А. Градовским. С обращением к г-ну Градовскому	149	298	503
I. Об одном самом основном деле	149	298	503
II. Алеко и Держиморда. Страдания Алеко по крепостному мужику. Анекдоты	154	303	504
III. Две половинки	161	304	506
IV. Одному смирись, а другому гордись. Буря в стаканчике	170	329	507
Приложение			
‹Программа ежемесячного журнала на 1878 год›	175		510
Рукописные редакции			
Подготовительные материалы			
Дневник писателя за 1877 год	176		432
Дневник писателя на 1880 год	209		507
Варианты	227		
Примечания	351		
Список условных сокращений	512		

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Тексты подготовили и примечания составили:

А. В. АРХИПОВА, А. И. БАТЮТО, И. А. БИТЮГОВА,
В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ, Е. И. КИЙКО,
А. О. КРЫЖАНОВСКИЙ, Т. И. ОРНАТСКАЯ,
Г. В. СТЕПАНОВА, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР,
И. Д. ЯКУБОВИЧ

Редакторы XXVI тома

Н. Ф. БУДАНОВА и В. А. ТУНИМАНОВ
(«Дневник писателя» за 1877 г.),

И. А. БИТЮГОВА и Г. М. ФРИДЛЕНДЕР
(«Дневник писателя» на 1880 г.)

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXVI

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Оформление художников *С. Н. Тарасева* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Э. Н. Липпа* и *Э. Г. Рабинович*

Сдано в набор 23.03.83. Подписано к печати 6.03.84. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 32.50 + 0.12 вкл. Усл. кр.-отт. 33.62. Уч.-изд. л. 41.81. Тираж 55000 (1-й завод 1—30000). Тип. зак. 2027. Цена 4 р. 60 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.